КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке

The Humanities and Social Studies in the Far East

CULTURAL AND LANGUAGE IDENTITY

Vol. XVII, Issue 1, 2020

Министерство
образования и науки России

Российский Союз ректоров

Совет ректоров вузов
Дальневосточного федерального округа

Министерство
транспорта России

ФГБОУ ВО
«Дальневосточный
государственный университет
путей сообщения»

СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Научно-теоретический журнал
издается с января 2004 года
выходит один раз в три месяца

Том XVII

Выпуск 1, 2020

Хабаровск, 2020

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

The Russian Rectors' Union

Council of Rectors of Higher Educational
Institutions in the Far Eastern
Federal District

Ministry of Transportation
of the Russian Federation

Federal State Budgetary
Educational Institution
of Higher Education
«Far Eastern State
Transport University»

THE HUMANITIES AND SOCIAL STUDIES IN THE FAR EAST

Journal of Theoretical Research
Published since January 2004
Issued quarterly

Vol. XVII

Issue 1, 2020

Khabarovsk, 2020

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю.М. Сердюков, д-р филос. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Отдел философии
Ю.М. Сердюков, д-р филос. наук, проф. (редактор отдела);
А.П. Забияко, д-р филос. наук, проф.; **Кальво-Мартинез Томас Мариано**, PhD (Испания);
Р.Л. Лившиц, д-р филос. наук, проф.; **Б.В. Марков**, д-р филос. наук, проф.;
И.Б. Микиртумов, д-р филос. наук, доц.; **С.В. Пишун**, д-р филос. наук, проф.

Отдел филологии
З.Г. Прошина, д-р филол. наук, проф. (редактор отдела);
У.М. Бахтикиреева, д-р филол. наук, проф.; **Е.Л. Лысенкова**, д-р филол. наук, проф.;
Нобуюки Хонна, PhD (Япония); **Е.А. Первушина**, д-р филол. наук, проф.;
Раймонд Хики, PhD (Германия); **Г.Н. Ловцевич**, д-р филол. наук, проф.

Отдел психологии
К.И. Воробьева, д-р психол. наук, проф. (редактор отдела);
Л.Г. Дикая, д-р психол. наук, проф.; **А.Н. Занковский**, д-р психол. наук, проф.;
Н.А. Кравцова, д-р психол. наук, проф.; **Лора Роджерс**, PhD (США);
Мартин Кашорке, PhD (Германия); **Т.Х. Невструева**, д-р психол. наук, проф.

Отдел «Проблемы Дальнего Востока»
Е.Н. Спасский, д-р полит. наук, проф. (зам. главного редактора, редактор отдела);
М.А. Ковальчук, д-р ист. наук, проф.; **Н.Е. Мерецкий**, д-р юрид. наук, проф.;
О.А. Рудецкий, канд. филос. наук, доц. (ответственный секретарь);
Ю.А. Тюрина, д-р соц. наук, проф.; **С.В. Филонов**, д-р ист. наук, проф.;
А.М. Шкуркин, д-р филос. наук, проф.

РЕДАКТОР ВЫПУСК

З.Г. Прошина, д-р филол. наук, проф.

СОТРУДНИКИ РЕДАКЦИИ

Ю.В. Пономарчук, канд. физ.-мат. наук (web-мастер);
Е.В. Листопадова (технический секретарь); **Е.Л. Рябкова** (переводчик)

В соответствии с распоряжением ВАК РФ от 28 декабря 2018 г. № 90-р научно-теоретический журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» включен в «Перечень по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки» по следующим отраслям научного знания и научным специальностям:
1. Философские науки: 09.00.01 – Онтология и теория познания; 09.00.03 – История философии; 09.00.11 – Социальная философия.
2. Филологические науки: 10.02.01 – Русский язык; 10.02.04 – Германские языки; 10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание.
3. Психологические науки: 19.00.03 – Психология труда, инженерная психология, эргономика.

Печатается по решению Совета ректоров вузов Дальневосточного федерального округа № СР/ДФО-54а от 9 октября 2002 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения» (680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47).

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия ПИ № ФС77-77529 от 25 декабря 2019 г.

Адрес редакции: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47, оф. 262,
Тел./факс: (4212) 40-71-93, E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Y.M. Serdyukov, Doctor of Science (Philosophy), Professor

EDITORIAL BOARD

Philosophy

Yury M. Serdyukov, Doctor of Science (Philosophy), Professor, Executive Editor (Philosophy), Editor-in-chief
Andrei P. Zabiyako, Doctor of Science (Philosophy), Professor
Tomás Mariano Calvo-Martinez, PhD (Spain)
Rudolf L. Livshits, Doctor of Science (Philosophy), Professor
Boris V. Markov, Doctor of Science (Philosophy), Professor
Ivan B. Mikirtumov, Doctor of Science (Philosophy), Associate Professor
Sergei V. Pishun, Doctor of Science (Philosophy), Professor

Philology

Zoya G. Proshina, Doctor of Science (Philology), Professor, Executive Editor (Philology)
Uldanai M. Bakhtikireyeva, Doctor of Science (Philology), Professor
Elena L. Lysenkova, Doctor of Science (Philology), Professor
Nobuyuki Honna, PhD (Japan)
Elena A. Pervushina, Doctor of Science (Philology), Professor
Raymond Hickey, PhD (Germany)
Galina N. Lovtsevich, Doctor of Science (Philology), Professor

Psychology

Clarisa I. Vorobyova, Doctor of Science (Psychology), Professor, Executive Editor (Psychology)
Larisa G. Dikaya, Doctor of Science (Psychology), Professor
Anatoliy N. Zankovsky, Doctor of Science (Psychology), Professor
Nataliya A. Kravtsova, Doctor of Science (Psychology), Professor
Laura Rogers, PhD (USA)
Martin Koschorke, PhD (Germany)
Tamara Kh. Nevstrueva, Doctor of Science (Psychology), Professor

Problems of the Far East

Evgeniy N. Spassky, Doctor of Science (Political Science), Professor,
Executive Editor (Problems of the Far East), Deputy Editor
Mikhail A. Kovalchuk, Doctor of Science (History), Professor
Nikolai E. Meretsky, Doctor of Science (Law), Professor
Oleg A. Rudetsky, Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor (Executive Secretary)
Yulia A. Tyurina, Doctor of Science (Sociology), Professor
Sergei V. Filonov, Doctor of Science (History), Professor
Anatoliy M. Shkurkin, Doctor of Science (Philosophy), Professor

MANAGING EDITOR

Zoya G. Proshina, Doctor of Science (Philology), Professor;

EDITORIAL STAFF

Y.V. Ponomarchuk, Candidate of Science (Physics) (Web Design);
E.V. Listopadova (Technical Secretary); **E.L. Riabkova** (Translator)

Journal of theoretical research is published in accordance with the decision of the Council of Rectors of Higher Educational Institutions in the Far Eastern Federal District № CR/FEFD-54a of October 9, 2002

FOUNDER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Far Eastern State Transportation University»
Office 262, 47 Seryshev Str., Khabarovsk, 680021

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration number and date of the registration decision: Series PI № FS77-77529 of December 25, 2019

Editorial office address: Office 262, 47 Seryshev Str., Khabarovsk, 680021
Phone/fax: (4212) 40-71-93; E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 10

СТАТЬИ 11

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Дондоков Д.Д. Репрезентация языковой личности vs. репрезентация идентичности 11

Нельсон С.Л. Вопросы Браджа Б. Качру 16

Полубиченко Л.В. Речевой портрет коллективной культурно-языковой личности как проблема художественного перевода 20

Ловцевич Г.Н., Соколов А.А. Интернационализация словарной языковой личности 25

Бахтуева Е.С. Топологический подход к изучению и лексикографической фиксации цитат в свете антропоцентрической парадигмы 32

Сергиенко П.И. Лингвистические особенности сингапурского варианта английского языка как результат полилингвальности культурно-языковой личности 37

Колесниченко М.А. Особенности восприятия речи при контакте носителей русского и китайского вариантов английского языка 43

Антонова А.М. Историческая лексика в англоязычном описании русской культуры 52

Шкуран О.В. Сакральная жертва как крылатая языковая единица в лексико-фразеологическом пространстве «русскости» 60

Антонова Е.Н. Фразеолого-паремиологический аспект языковой личности в синхронии лингвокультуры 71

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И ЛИТЕРАТУРА

Лоевская М.М. Истоки эмоционально-экспрессивного стиля в Житии протопопа Аввакума 79

Бахтикиреева У.М., Шагимгереева Б.Е. Языковое бытие творческой личности: Бахыт Каирбеков 83

Борботько Л.А. Том Стоппард: автор «в мелочах» 90

Лысенкова Е.Л. Языковая личность Р.М. Рильке как уникальное поликультурное явление 96

Белоглазова Е.В., Кабакчи В.В. Лингвистические средства конструирования инолингвокультурной личности персонажа в художественной и нехудожественной литературе 100

Лебедева Е.С. Культурно-языковая личность Ольги Грушиной как писателя транслингва 107

Местер М.Н., Прошина З.Г. Культурно-языковая идентичность транслингвального писателя и ее сохранение в переводе 113

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

Медведева Н.Е. Языковая личность в контексте информационного противоборства 121

Беляков М.В., Максименко О.И. Языковая личность советских и российских дипломатов (на примере речей постоянных представителей СССР и РФ в Совете Безопасности ООН) 128

Фёдоров В.В. Влияние восточноазиатского менталитета на формирование вторичной языковой личности авторов англоязычных газетно-журнальных публикаций 135

Меграбова Э.Г., Лыткина Ю.С. Дискурсивный портрет Председателя КНР Си Цзиньпина в зеркале коллективной культурно-языковой личности авторов ведущих политических журналов США 142

Логинова П.Г. Метафоричность как отличительная черта вербального имиджа Э. Макрона 148

Минаева Л.В. Язык и речевое поведение Д. Трампа 153

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

Викулова Л.Г., Короленко О.И. Дама со шпагой во Французской академии: языковая компетенция и коммуникативное лидерство 159

Сулейманова О.А., Чернова В.Е. Информационно-медийная языковая личность в академическом пространстве 165

Фомина М.А. Языковая личность участника академического дискурса 172

Алешинская Е.В. Музыкальный критик как профессиональная культурно-языковая личность 178

Бондарева Е.В., Польшина Ю.А., Рихтер В.В. Речевое поведение интервьюера на примере телепередач жанра «Late Night Show» в США, Великобритании и России 182

Водяницкая А.А. Проявление языковой личности переводчика при передаче оценочных значений 190

Курицын Е.А. Индивидуальное и общее в личности переводчика-любителя 198

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Фэн Ишань. Образ родины в художественной картине мира дальневосточного поэта-эмигранта Алексея Ачаира 205

Коломийцева С.В., Суляндзига Е.П. Оценка показателей успешности обучения в условиях преемственности образования на Дальнем Востоке 212

Ахметова А.В., Бобышев С.В. Развитие коренных малочисленных народов в эпоху Дальневосточной республики (1920–1922) 221

Зверева Е.В., Шайкина Л.К. К вопросу о формировании региональной модели регулирования занятости населения в теоретико-экономическом наследии различных концепций и школ 225

Лазарева Л.П., Ган Имэй. Человек и исторически накопленная культура – основа межличностных контактов в международном образовательном процессе дальневосточного вуза 231

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ 237

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ 238

CONTENTS

ARTICLES 11

FUNDAMENTAL LINGUISTIC APPROACHES TO THE CULTURAL AND LANGUAGE IDENTITY

Dondokov D.D. Linguistic Personality Representation vs. Identity Representation 11

Nelson C.L. Braj B. Kachru's Questions 16

Polubichenko L.V. Speech Portrayal of a Collective Culturally Conditioned Language Identity as a Problem of Artistic Translation 20

Lovtsevich G.N., Sokolov A.A. Internationalization of Dictionary Language Personality 25

Bakhtueva E.S. Topological Approach to the Study and Lexicographic Fixation of Quotations: an Anthropocentric Perspective 32

Sergienko P.I. Linguistic Features of English in Singapore as a Result of Polylingualism of Its Speakers and Their Cultural Interaction 37

Kolesnichenko M.A. Speech Perception Specifics of Russia's and China's Elf Speakers 43

Antonova A.M. Historic Vocabulary in Russian Culture-Oriented English 52

Shkuran O.V. "Sakral'naya Zhertva" as a Set Language Unit in the Lexico-Phraseological Space "Russians" 60

Antonova E.N. Phraseological-Paremiological Aspect of a Language Identity in the Synchronous Linguaculture 71

CULTURAL AND LANGUAGE IDENTITY AND LITERATURE

Loyevskaya M.M. Origins of the Expressive Emotive Style in the Life of Avvakum 79

Bakhtikireeva U.M., Shagimgereyeva B.E. Language Biography of a Creative Personality: Bakhyt Kairbekov 83

Borbotko L.A. Tom Stoppard: the Author "In Details" 90

Lysenkova E.L. R.M. Rilke's Linguistic Identity as the Unique Polycultural Phenomenon 96

Beloglazova E.V., Kabakchi V.V. Linguistic Mechanisms of Constructing Character's Exolinguacultural Identity in Fiction and Non-Fiction 100

Lebedeva E.S. Culture and Language Identity of Olga Grushin as a Translingual Writer 107

Mester M.N., Proshina Z.G. Cultural and Linguistic Identity of a Translingual Author and Challenges in Maintaining it in Translation 113

POLITICAL DISCOURSE AND CULTURAL AND LANGUAGE IDENTITY

Medvedeva N.E. Language Personality in the Context of Information Warfare 121

Belyakov M.V., Maksimenko O.I. Language pErsonality of the Soviet and Russian Diplomats (Analysis of Speeches of Permanent Representatives of the USSR and Russian Federation to the un Security Council) 128

Fyodorov V.V. East-Asian Mentality and Linguistic Identity of the English Language Journalism Authors 135

Megrabova E.G., Lytkina Yu.S. The Discourse Portrait of China's Chairman Xi Jinping in the Mirror of the Collective Cultural and Language Identity Compiled by the Authors of the American Leading Political Journals 142

Loginova P.G. Metaphoricity as a Distinctive Feature of the Emmanuel Macron's Verbal Image 148
Minaeva L.V. Language and Verbal Behavior of Donald Trump 153

PROFESSIONAL DISCOURSE AND CULTURAL AND LANGUAGE IDENTITY

Vikulova L.G., Korolenko O.I. Lady With a Sword in the French Academy: Language Competence and Communicative Leadership 159
Suleimanova O.A., Chernova V.E. Information-Media Personality in the Academic Public Lectures 165
Fomina M.A. Author's Personality in Academic Discourse 172
Aleshinskaya E.V. Music Critic as a Professional Cultural and Linguistic Personality 178
Bondareva E.V., Polshina Yu.A., Rikhter V.V. Verbal Behavior of Late Night Show Hosts in the USA, Great Britain and Russia 182
Vodyanitskaya A.A. Linguistic Personality Mirrored Through the Transfer of Evaluative Meanings in Translation 190
Kuritsyn E.A. The Individual and the Common in the Personalities of Amateur Translators 198

PROBLEMS OF THE FAR EAST

Feng Yishan The Image of the Homeland in the Artistic Picture of the World of the Far Eastern Poetry-Emigrant Alexei Achair 205
Kolomiytseva S.V., Sulyandziga E.P. Assessing Indicators of Learning Success in Terms of Educational Continuity in the Far East 212
Akhmetova A.V., Bobyshev S.V. Development of Indigenous Minorities During the Far Eastern Republic Epoch (1920–1922) 221
Zvereva E.V., Shaikina L.K. Revisiting the Establishment of a Regional Model for Regulating Employment in the Theoretical and Economic Heritage of Different Concepts and Schools 225
Lazareva L.P., Gan Imaj Man and Historically Accumulated Culture – the Basis of Interpersonal Contacts in the International Educational Process of the Far Eastern University 231

AUTHORS GUIDELINES 239

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель!

Перед Вами номер филологической редакции журнала, посвященный исследованиям вопроса культурно-языковой личности. Вынося данную тему в качестве титульной данного выпуска, мы тем самым провели эксперимент, решив посмотреть, на какие аспекты данной проблемы отреагируют наши авторы.

Диапазон поднятых тем оказался довольно широк: от рассуждений по поводу определения понятия и разграничения терминов «языковая личность» и «языковая идентичность» (см. статью Д.Д. Дондокова) к анализу формирования лингвистической идентичности знаменитого ученого, огромное влияние которого сказалось не только на англистике, раздвинув значительно размеры англоязычного мира, но повлияло на лингвистику вообще, а также лингвокультурологию и методику преподавания языка (см. статью С. Нельсона). Фундаментальность рассмотрения проблемы культурно-языковой личности включает изучение речевого портрета коллективной культурно-языковой личности в литературном и переводческом аспектах (статья Л.В. Полубиченко). Словарная идентичность определена и описана в статье Г.Н. Ловцевич и А.А. Соколова. Преломленная через вариативность литературно-языкового материала словарная идентичность представлена в работе Е.С. Бахтуевой. Коллективный ракурс рассмотрения культурно-языковой личности в ее тесной и неразрывной связи с индивидуальными признаками освещен в статье П.И. Сергиенко, рассмотревшей сингапурскую форму варианта английского языка как результата полилингвальности культурно-языковой личности. Межъязыковой аспект контакта вариантов английского языка, пользователи которых идентифицируются как носители первичной китайской и русской лингвокультур, рассмотрен в работе М.А. Колесниченко. Первый раздел выпуска также представляет анализ некоторых языковых особенностей русской культурно-языковой личности (О.В. Шкуран и Е.Н. Антонова), а также ксенонимического отражения исторической лексики русской культуры (А.М. Антонова).

Второй раздел выпуска тесно связан с первым – он продолжает дискуссию о коллективном и индивидуальном в составе культурно-языковой личности, реализуемой в художественной литературе. Раздел открывается исследованием М.М. Лоевской об истоках эмоциональности и экспрессивности, выраженных в Житии русского старообрядческого автора XVII в., яркой и легендарной личности протопопа Аввакума. В данном разделе представлен анализ таких творческих личностей и особенностей их языка и стиля, как Б. Каирбеков (У.М. Бахтикиреева и Б.Е. Шагимгереева), Том Стоппард (Л.А. Борботько), Р.М. Рильке (Е.Л. Лысенкова). Обратим внимание на рост интереса к проблемам транскультурной идентичности авторов так называемой контактной литературы (см. работы У.М. Бахтикиреевой и Б.Е. Шагимгереевой, Е.В. Белоглазовой и В.В. Кабакчи; Е.С. Лебедевой; М.Н. Местер и З.Г. Прошиной).

Несомненно, вопрос культурно-языковой личности невозможно рассматривать вне определенного дискурса, который она порождает и в котором она проявляется. Материалы нашего выпуска отчетливо выявляют интерес к теме политического дискурса и реализации в нем языковой личности – см. статьи Н.Е. Медведевой о языковой личности Р. Кадырова, М.В. Беляковой и О.И. Максименко о языковой личности отечественного дипломата, В.В. Федорова о вторичной языковой личности восточноазиатских журналистов англоязычных публикаций, Э.Г. Мещрабовой и Ю.С. Лыткиной о дискурсивном портрете китайского лидера Си Цзиньпина, П.Г. Логиновой о вербальном имидже Э. Макрона и Л.В. Минаевой о коммуникативно-языковой личности Д. Трампа.

Последний раздел выпуска представляет проявления языковой личности в академическом дискурсе (статьи Л.Г. Викуловой и О.И. Короленко; О.А. Сулеймановой и В.Е. Черновой; М.А. Фоминой), в музыкально-развлекательных дискурсах (статьи Е.В. Алешинской; Е.В. Бондаревой, Ю.А. Польшиной, В.В. Рихтер), а также в переводческом дискурсе (статьи А.А. Водяницкой и Е.А. Курицына).

Как всегда, авторы нашего выпуска представлены широким географическим пространством (штат Индиана, США; Луганск; Москва, Санкт-Петербург, Брянск, Владивосток, Магадан, Петропавловск-Камчатский); разнообразным научным диапазоном (14 докторов наук; 16 кандидатов наук, 6 соискателей степени кандидата наук и 4 магистранта). Представляется, что последние цифровые данные свидетельствуют, с одной стороны, о хорошем качестве опубликованных статей и, с другой стороны, о том, что подрастает хорошая смена и исследования на данную тему имеют дальнейшую перспективу.

Надеемся, что и Вы, уважаемый читатель, найдете в нашем номере интересный для себя материал и продолжите ниточки дискуссии, поднятой в данном выпуске журнала.

Редактор выпуска З.Г. Прошина

СТАТЬИ

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

DOI:

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ VS. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ*

Д.Д. Дондоков

В статье проведён краткий обзор исследований в области репрезентации идентичности и языковой личности и обоснован выбор языковой личности в качестве tertium comparationis при сопоставлении языков и культур Восточной Азии с другими языками и культурами.

Ключевые слова: языковая личность, идентичность, репрезентация, Восточная Азия, tertium comparationis, интернет-дискурс, социальные сети.

LINGUISTIC PERSONALITY REPRESENTATION VS. IDENTITY REPRESENTATION

D.D. Dondokov

The paper gives a brief overview of studies on identity representation and linguistic personality representation. The author justifies the choice of using linguistic personality as a tertium comparationis in comparing languages and cultures of East Asia with other languages and cultures.

Key words: linguistic personality, identity, representation, East Asia, tertium comparationis, Internet Discourse, social media

С развитием информационных технологий меняются формы общения между людьми, одним из доминирующих средств коммуникации стал Интернет. В связи с этим чрезвычайно актуальным представляется исследование интернет-дискурса. С наступлением нового тысячелетия началось активное изучение Интернета и компьютерно-опосредованной коммуникации, виртуального дискурса. Однако вопросы репрезентации идентичности / языковой личности в интернет-дискурсе, в частности в социальных сетях, не становились предметом специального рассмотрения в работах отечественных и зарубежных учёных. Цель настоящей статьи – провести краткий обзор исследований в области репрезентации идентичности и языковой личности и обосновать выбор языковой личности как tertium comparationis при проведении сопоставительных исследований различных языков, в том числе языков Восточной Азии.

Термин «репрезентация» находился в фокусе исследований известного британского культуролога С. Холла. Под репрезентацией он понимает производство значений понятий в нашем сознании с помощью языка [60: с. 17]. Сфера употребления данного термина не ограничивается культурологией, его часто используют в гуманитарных науках, в том числе в лингвистике. Н.Н. Болдырев пишет, что язык репрезентирует знания человека о мире, которые образуют концептуальную систему человека, и языковая картина мира состоит из части этих знаний [2: с. 44]. О.Е. Морозова языковую картину мира личности определяет как тезаурусный уровень языковой личности [41: с. 22], к инвариантной составляющей языковой личности исследователь относит национальные стереотипы [41: с. 113].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-90014.

Дондоков Доржи Дондокович – ассистент кафедры китайской филологии, младший научный сотрудник кафедры немецкой филологии, аспирант Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

Dorzhi Dondokovich Dondokov – Instructor, Department of Chinese Philology; Junior Researcher, Department of German Philology, A. Herzen Russian State Pedagogical University (Saint-Petersburg).

E-mail: dondokovdd@herzen.spb.ru, d.dorzhi@yahoo.com

© Дондоков Д.Д., 2020

Н.Н. Шпильная приводит классификацию языковой картины мира как элемента речемыслительной деятельности языковой личности, ею выделено три класса языковых картин мира: референтные, метареферентные и модальные [58]. На пересечении этих видов языковой картины мира она выделяет 16 типов языковой картины мира языковой личности [58: с. 101–103].

Современная лингвистика рассматривает текст как «процесс актуализации языковой личности в дискурсе как когнитивно-речевого субъекта» [55]. Рассуждая о коммуникации и языковой личности, Е.В. Сидоров отмечает, что проекцией языковой личности говорящего является построение теста [52: с. 130–131]. Учёный заключает, что речевая коммуникация в лингвистическом аспекте её онтологии – это знаковая координация свойств и ресурсов языковых личностей коммуникантов [52: с. 131].

1. Идентичность

Джеймс Пол Джи определяет идентичность как «различные способы быть чем-то или кем-то в мире в разные моменты для определённых целей» (Цит. по: [59: с. 86]) (перевод мой. – *Д.Д.*). Выделяются два подхода к определению процесса идентификации:

1) Эдвардс различает самоопределение человека или группы, как индивид или коллектив индивидов воспринимает себя;

2) Джи полагает, что процесс связан с тем, как другие видят человека или группу (Там же).

Также учёные отмечают, что идентичности конструируются дискурсивно [59: с. 88].

С.С. Ванеян считает идею юнгианства о том, что «психика субстанционально имеет дело с образами» [8: с. 57], полезной для парадигм, связанных с различными видами репрезентации и презентативностью. В.И. Немчина, В.А. Соколов и Р.А. Пестов отмечают, что в современном российском обществе «индивид находится в постоянном поиске и индивидуации своей идентичности в условиях социальной неопределённости» [42: с. 10].

В последние годы отечественные учёные активно исследуют вопросы национальной идентичности и её репрезентации [12; 19; 22; 57], национальной идентичности в контексте инаковости [10], семиотической репрезентации национально-культурной идентичности в тексте города [47], «цифровой идентичности» [28], репрезентации культурной идентичности в сети Интернет [9], интернет-репрезентации идентичности [16].

Российский китаевед В.В. Малявин утверждает, что восточноазиатские культурные традиции не знают сопутствующего европейскому онто-теологоцентризму набора понятий, куда входит идентичность [38]. В связи с этим при проведении сопоставительных исследований различных языков, в том числе языков Восточной Азии, выбор языковой личности в качестве объекта исследования представляется удачным, поскольку, например, можно говорить и о китайской, и о американской, и о русской языковой личности.

2. Репрезентация языковой личности

По мнению учёных, репрезентация языковой личности в различных компонентах дискурсивного пространства происходит с помощью языковой концептуализации мира [29: с. 5].

В качестве средств и способов репрезентации языковой личности в работах разных авторов выступают: фразовая номинация [54], глагол [43], фразеологизмы [37], прецедентный текст [15], смена лексических регистров [30], субъект сравнения [45], метонимия [27]. В диссертации А.С. Виноградова в качестве способов репрезентации интегративной индивидуальности рассмотрены метатекстовые включения [11]. Как мы видим, языковая личность может быть репрезентирована на различных языковых уровнях. М.В. Санатина, используя классификацию уровней языковой личности, предложенную Ю.Н. Карауловым [25], проводит анализ средств репрезентации профессиональной языковой личности футбольного комментатора на разных уровнях [50]. Особенностям речевой репрезентации элитарной языковой личности в конфликтной ситуации посвящена статья Е.В. Картер [26].

Репрезентация различных языковых личностей также описана в работах Т.В. Демидовой [14], Е.Н. Ильиной и Н.Н. Карачевой [21], Т.Н. Астафуровой и А.В. Оланич [1]. Вопросы языковой репрезентации различных подстилей публичных языковых личностей в медиадискурсе рассматривались А.В. Болотновым [4; 5].

В статье А.А. Ворожбитовой материалы анкетирования рассматриваются как репрезентация профессиональной языковой личности филолога [13]. О.Е. Павловская рассматривает sms-общение как репрезентацию прагматического уровня языковой личности [44]. В диссертационном исследовании Е.А. Кузьминой определена роль паремий в репрезентации этнокультурной языковой личности [31].

В работах отечественных лингвистов рассматривалась репрезентация языковой личности в эпистолярной традиции переходного времени [49], процессе коммуникации [56], лингвистическом гипертексте [40]. Личность в среде дискурса и языковые средства репрезентации дискурсивно актуальных свойств личности описаны в статье З.И. Резановой и Ю.К. Скрипко [48].

Специальному исследованию особенностей репрезентации языковой личности в мультипликационном пространстве посвящена диссертация А.Л. Канукоевой. Работа выполнена на стыке лингвоперсонологии и гендерной лингвистики, в качестве ос-

новного средства самопрезентации языковой личности автор рассматривает самоидентифицирующие высказывания [23].

Л.Р. Ермакова, А.П. Седых предполагают, что манифестация личностных качеств может происходить в языке на лексическом, грамматическом и синтаксическом уровнях [17]. Они же заключают, что источником для выделения способов вербализации доминантных черт языковой личности может быть лексический или текстовый материал из конкретной области человеческой деятельности. Текстовым моделированием языковой личности занимается Н.В. Мельник [39], в работах учёных в области антропоцентрической лингвистики часто употребляется термин «персонотекст» – текст «в аспекте проявления в нём свойств языковой личности» [39: с. 94].

К.Ф. Седов главным способом самовыражения языковой личности называет дискурсивную деятельность и дискурсивное поведение [51: с. 6]. Вслед за К.Ф. Седовым под способом репрезентации языковой личности мы также понимаем дискурсивную деятельность и дискурсивное поведение.

Недавно в научный оборот введено понятие «когнитивный стиль языковой личности». Н.С. Болотнова определяет когнитивный стиль языковой личности как «лингвистически и экстралингвистически репрезентированную и дискурсивно обусловленную форму отражения общего идиостиля языковой личности, определяющую специфику её первичной и вторичной текстовой деятельности» [6: с. 167]. Выделяется несколько субстилей когнитивного стиля языковой личности: ментально-психологический, тезаурусный, интеллектуальный, эпистемологический [7]. А.В. Болотнов даёт определение самопрезентации языковой личности в коммуникативно-когнитивно-стилистическом аспекте: «…явное или косвенное публичное выражение комплекса присущих языковой личности особенностей: языковых, психологических, интеллектуальных, познавательных, ценностных, поведенческих и др., открытые самопризнания, раскрывающие особенности мировидения и общей культуры человека» [3: с. 33].

3. Языковая личность и интернет-дискурс

С развитием общества, информационных технологий и антропоцентрической лингвистики появляются новые термины, например «виртуальная языковая личность». О.И. Лутовинова пишет, что «виртуальная языковая личность проявляется посредством текстов, создаваемых и интерпретируемых ею в процессе виртуальной коммуникации» [35: с. 6]. Учёный утверждает, что идентичность виртуальной языковой личности неразрывно связана с самопрезентацией, основанной на коммуникативном поведении языковой личности в Интернете [34], которое отличается от её коммуникативного поведения в ситуациях неопосредованного общения [33]. Однако в рамках исследования виртуальной идентичности с применением перформативной теории Джудит Батлер высказывается и полярная точка зрения о том, что между способами существования, механизмами построения «реальных» и «виртуальных» идентичностей отсутствуют принципиальные различия [16: с. 91]. В.И. Карасик утверждает, что самопрезентация личности уместна в любом типе общения [24: с. 156], он же констатирует, что интернет-дискурс стал причиной существенных изменений в самоидентификации личности [24: с. 224], в основе которой лежат ценности [24: с. 70]. Репрезентации ценностных приоритетов коллективной языковой личности в современном дискурсе прессы посвящена статья С.В. Зубарева [20]. С мнением В.И. Карасика об интернет-дискурсе как основном триггере изменений в самоидентификации личности соглашаются и другие учёные: «…по мере увеличения количества пользователей социальных сетей <…> стали бесспорны многочисленные проблемы, связанные с самоидентификацией в Интернет-сообществах» [32: с. 45]. А.И. Лучинкина пишет об известных нам последствиях цифровизации и глобализации: «…мир виртуализируется… размывается национальная идентичность» [36: с. 54]. В связи с этим актуальным становится исследование национального и социокультурного своеобразия репрезентации языковой личности в интернет-дискурсе. Лингвисты выделяют различные жанры интернет-дискурса, однако в данном контексте мы считаем релевантным исследование социальных сетей, поскольку:

а) социальная сеть входит в систему самостоятельных жанров персонального интернет-дискурса, в ней, по мнению И.Г. Сидоровой, «вербализуется частная языковая личность» [53: с. 7];

б) учёные констатируют, что номинация «соцсети» персонифицировалась, стала «нарицательным названием некоего единого информационного источника, сообщества» [32: с. 42];

в) исследователи отмечают, что социальные сети меняют содержание концептов. Так, И.В. Привалова пишет, что «с появлением соцсетей изменился концепт privacy» [46: с. 56]. Вместе с тем есть и обратное влияние: одним из факторов, оказывающих влияние на развитие социальных сетей, учёные называют культуру [18: с. 95].

Таким образом, при сопоставлении языков и культур Восточной Азии с другими языками и культурами уместно использовать как tertium comparationis языковую личность, ввиду того что данное понятие применимо для каждой лингвокультуры. Перспективным является исследование наличия или отсутствия принципиальных отличий в коммуникативном поведении языковой личности онлайн и офлайн.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Астафурова, Т.Н.* Репрезентация властной языковой личности в англосаксонском лингвосемиотическом пространстве / Т.Н. Астафурова, А.В. Оляничˊ // Дискурсы власти / Н.А. Меркурьева, А.В. Овсянников, А.В. Пастухов (отв. ред.). – Орёл : Орловский гос. ин-т культуры, ООО «Горизонт», 2015. – С. 259–269.

2. *Болдырев, Н.Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка / Н.Н. Болдырев. – Москва : Дом ЯСК, 2018. – 480 с.

3. *Болотнов, А.В.* Идиостиль информационно-медийной языковой личности : автореф. дис. … д-ра филол. наук / А.В. Болотнов. – Томск, 2016. – 39 с.

4. *Болотнов, А.В.* Изучение языковой репрезентации тезаурусного подстиля публичной языковой личности в медиадискурсе / А.В. Болотнов // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 371. – С. 11–15.

5. *Болотнов, А.В.* Языковая репрезентация эпистемологических субстилей публичных языковых личностей / А.В. Болотнов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 4 (41). – С. 63–72.

6. *Болотнова, Н.С.* К вопросу о понятии «когнитивный стиль языковой личности» / Н.С. Болотнова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012. – Вып. 10 (125). – С. 164–168.

7. *Болотнова, Н.С.* Когнитивный стиль языковой личности в структуре модели идиостиля: к постановке проблемы / Н.С. Болотнова, А.В. Болотнов // Сибирский филологический журнал. – 2012. – № 4. – С. 187–193.

8. *Ванеян, С.С.* Юнг: символизм, мифология, индивидуация / С.С. Ванеян // Современная терапия в психиатрии и неврологии. – 2015. – № 1. – С. 55–63.

9. *Васильева, М.А.* Репрезентация культурной идентичности в сети Интернет : автореф. дис. … канд. филос. наук / М.А. Васильева. – Санкт-Петербург, 2017. – 30 с.

10. *Викулова, Л.Г.* Национальная идентичность в контексте инаковости: языковая репрезентация оппозиции «свои»–«чужие» во французской литературе XX века (на материале сборника эссе Ф. Мориака «Чёрная тетрадь») / Л.Г. Викулова, О.А. Кулагина // Вестник МГПУ. – 2013. – № 2. – С. 33–42. – (Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»).

11. *Виноградов, А.С.* Метатекстовые включения как способы репрезентации интегративной индивидуальности в научном дискурсе (на материале текстов российских лингвистов) : дис. ... канд. филол. наук / А.С. Виноградов. – Вологда, 2017. – 186 с.

12. *Владимирова, Д.А.* Межкультурный диалог России Китая: культурная политика и репрезентация идентичности / Д.А. Владимирова, Е.С. Задворная // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 3. – С. 38–44.

13. *Ворожбитова, А.А.* Категория «языковая личность россиянина»: материалы анкетирования как репрезентация профессиональной языковой личности филолога / А.А. Ворожбитова // Язык: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 13–38.

14. *Демидова, Т.В.* Концептуальная репрезентация языковой личности студента среднего профессионального образования: когнитивный и прагматический уровни : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.В. Демидова. – Майкоп, 2011. – 29 с.

15. *Дрянгина, Е.А.* Особенности прецедентного текста как ассоциативно-образного средства репрезентации языковой личности / Е.А. Дрянгина // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – № 2, Т. I (Гуманитарные науки). – С. 164–167.

16. *Епанова, Ю.В.* Интернет-репрезентация идентичности в контексте перформативной теории Дж. Батлер / Ю.В. Епанова // Вестник Самарского государственного ун-та. – 2009. – № 1. – С. 87–92.

17. *Ермакова, Л.Р.* Языковая личность и способы её манифестации / Л.Р. Ермакова, А.П. Седых // Научные ведомости БелГУ (Белгородского государственного ун-та). – 2010. – № 18. – С. 81–87.

18. *Ефимов, Е.Г.* Социальные интернет-сети (методология и практика исследования) / Е.Г. Ефимов. – Волгоград : Волгоград. гос. техн. ун-т, 2015. – 169 с.

19. *Задворная, Е.С.* Репрезентация национальной идентичности в межкультурном взаимодействии стран Северо-Восточной Азии : дис. … канд. культурологии / Е.С. Задворная. – Владивосток, 2018. – 217 с.

20. *Зубарев, С.В.* Репрезентация ценностных приоритетов коллективной языковой личности в современном дискурсе прессы (на примере концепта «богатство») / С.В. Зубарев // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2008. – № 12. – С. 67–72.

21. *Ильина, Е.Н.* Диалектная языковая личность и её репрезентация в прозе Александра Яшина / Е.Н. Ильина, Н.Н. Карачева // Вестник Череповецкого государственного ун-та. – 2015. – № 3. – С. 75–78.

22. *Ишутина, Ю.А.* Формирование и репрезентация национальной идентичности тайваньцев : автореф. … дис. канд. культурологии / Ю.А. Ишутина. – Владивосток, 2006. – 28 с.

23. *Канукоева, А.Л.* Особенности репрезентации языковой личности в мультипликационном пространстве: на материале мультсериалов «Винкс» и «Бен 10: Инопланетная сверхсила» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Л. Канукоева. – Нальчик, 2017. – 25 с.

24. *Карасик, В.И.* Языковое проявление личности / В.И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2015. – 384 с.

25. *Караулов, Ю.Н.* Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – Изд. 7-е. – Москва : ЛКИ, 2010. – 264 с.

26. *Картер, Е.В.* Особенности речевой репрезентации элитарной языковой личности в конфликтной коммуникации (на материале современной русской прозы) / Е.В. Картер // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2007. – Т. 6, № 24. – С. 29–36.

27. *Колтышева, С.Я.* Репрезентация языковой личности посредством метонимии в шоу-дискурсе России / С.Я. Колтышева // Наука ЮУрГУ : материалы 66-й науч. конф. – 2014. – С. 1210–1216.

28. *Конева, А.В.* «Цифровая идентичность»: процессы идентификации и репрезентации в сетевой коммуникации / А.В. Конева // Вестник Ленинградского гос. ун-та (ЛГУ) им. А.С. Пушкина. – 2018. – № 1. – С. 50–61.

29. Концептуализация языковой личности в различных типах дискурса / С.Ю. Лаврова, Д.В. Минец, Е.О. Бирюкова, К.А. Елистратова. – Череповец : ЧГУ, 2012. – 206 с.

30. *Котова, Н.С.* Смена лексических регистров как способ репрезентации амбивалентной языковой личности / Н.С. Котова // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2008. – № 5. – С. 132–137.

31. *Кузьмина, Е.А.* Паремии как лингвокультурная репрезентация языковой личности : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Кузьмина. – Тамбов, 2002. – 24 с.

32. *Лежебоков, А.А.* Сетевые сообщества в социальных медиа Рунета / А.А. Лежебоков, Е.А. Сергодеева, В.А. Сергодеев. – Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2017. – 174 с.

33. *Лутовинова, О.В.* Коммуникативное пространство виртуальной языковой личности / О.В. Лутовинова // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та (ВГПУ). – 2012. – № 11. – С. 56–59.

34. *Лутовинова, О.В.* Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса / О.В. Лутовинова. – Волгоград : Перемена, 2009. – 477 с.

35. *Лутовинова, О.В.* Языковая личность в виртуальном дискурсе : автореф. дис. … д-ра филол. наук / О.В. Лутовинова. – Волгоград, 2013. – 42 с.

36. *Лучинкина, А.И.* Этнос, этничность, этноидентичность, этническая индивидуация и этническая социализация в поликультурном обществе / А.И. Лучинкина // Межкультурные взаимодействия в поликультурном обществе / под ред. А.И. Лучинкиной. – Симферополь : ИП Хотеева Л.В., 2016. – С. 43–63.

37. *Лысенко, В.Л.* Фразеологизмы как способ репрезентации языковой личности автора художественного текста (на материале романа Дж. Голсуорси «Собственник») : автореф. дис. … канд. филол. наук / В.Л. Лысенко. – Майкоп, 2010. – 22 с.

38. *Малявин, В.В.* Инаугурационная лекция «Геополитика Восточной Азии в ее историческом и культурном измерениях» / В.В. Малявин. – URL: https://we.hse.ru/irs/announcements/249422957.html (дата обращения: 25.04.2019).

39. *Мельник, Н.В.* Деривация русского текста: Лингвистические и персонологические аспекты / Н.В. Мельник. – Москва : ЛЕНАНД, 2014. – 280 с.

40. *Минеева, М.В.* Репрезентация языковой личности комментатора в лингвистическом гипертексте / М.В. Минеева // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2015. – № 3. – С. 308–316.

41. *Морозова, О.Е.* Мир человека и его речь / О.Е. Морозова. – Архангельск : Поморский университет, 2005. – 256 с.

42. *Немчина, В.И.* Индивидуация социальной идентичности в обществе постмодерна / В.И. Немчина, В.А. Соколов, Р.А. Пестов // Философия права. – 2016. – № 6. – С. 7–10.

43. *Никандрова, И.А.* Глагол как средство репрезентации языковой личности персонажа (на материале романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» : автореф. дис. … канд. филол. наук / И.А. Никандрова. – Москва, 2010. – 27 с.

44. *Павловская, О.Е.* Особенности SMS-общения студента среднего профессионального образования как репрезентация прагматического уровня языковой личности / О.Е. Павловская // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2012. – № 2. – С. 219–223. – (Серия 2. Филология и искусствоведение).

45. *Панкратова, М.В.* Субъект сравнения как средство репрезентации языковой личности в сборнике стихотворений Инны Лиснянской «Эхо» / М.В. Панкратова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. – № 10. – С. 175–178.

46. *Привалова, И.В.* Электронная коммуникация молодёжи / И.В. Привалова, Н.В. Купцова. – Саратов : Изд-во Сарат. гос. мед. ун-та, 2016. – 136 с.

47. *Резанова, З.И.* Семиотическая репрезентация национально-культурной идентичности в тексте города / З.И. Резанова // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 3. – С. 19–26.

48. *Резанова, З.И.* Личность в среде дискурса: языковая репрезентация социально-психологических типов (на материале дискурса виртуальных фан-сообществ музыкальной направленности) / З.И. Резанова, Ю.К. Скрипко // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 3. – С. 37–56.

49. *Рыбникова, Е.Е.* Языковая репрезентация личности в эпистолярной традиции переходного времени (на материале официальных писем царя Алексея Михайловича) / Е.Е. Рыбникова, А.В. Шунков // Мир науки, культуры и образования. – 2014. – № 5. – С. 136–141.

50. *Санатина, М.В.* Средства репрезентации профессиональной языковой личности футбольного комментатора / М.В. Санатина // Вестник Челябинского гос. ун-та (ЧелГУ). – 2013. – № 37. – С. 99–102.

51. *Седов, К.Ф.* Становление структуры устного дискурса как выражение эволюции языковой личности : автореф. дис. … д-ра филол. наук / К.Ф. Седов. – Саратов, 1999. – 49 с.

52. *Сидоров, Е.В.* Онтология дискурса / Е.В. Сидоров. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2009. – 232 с.

53. *Сидорова, И.Г.* Коммуникативно-прагматические характеристики жанров персонального интернет-дискурса (сайт, блог, социальная сеть, комментарий) : дис. … канд. филол. наук / И.Г. Сидорова. – Волгоград, 2014. – 249 с.

54. *Фрикке, Я.А.* Фразовая номинация как средство выражения языковой личности автора : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.01; 10.02.19 / Фрикке Янина Александровна. – Ставрополь, 2003. – 25 с.

55. *Цуциева, М.Г.* Актуализация языковой личности политика в современном немецком политическом дискурсе : дис. … д-ра филол. наук / М.Г. Цуциева. – Санкт-Петербург, 2019. – 411 с.

56. *Шилова, Е.С.* Репрезентация языковой личности в процессе коммуникации / Е.С. Шилова, Т.В. Евсюкова // Sciences of Europe. – Прага, 2017. – № 19. – С. 27–29.

57. *Ширяев, Н.С.* Коммуникативные стратегии репрезентации национальной идентичности в политическом медиадискурсе (на материале английского и французского языков) : дис. … канд. филол. наук / Н.С. Ширяев. – Саратов, 2018. – 195 с.

58. *Шпильная, Н.Н.* Языковая картина мира в структуре речемыслительной деятельности языковой личности / Н.Н. Шпильная. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2014. – 152 с.

59. *Friedrich, P.* The sociolinguistics of digital Englishes / P. Friedrich, E. H. D. de Figueiredo. – London ; New York : Routledge, 2016. – 179 p.

60. Representation: cultural representation and signifying practicesю / Ed. by Stuart Hall. – London : SAGE, 2003. – 387 p.

DOI:

ВОПРОСЫ БРАДЖА Б. КАЧРУ*

С.Л. Нельсон

В данном эссе автор делится воспоминаниями о том, как развивалась научная идентичность Браджа Б. Качру, отца-основателя революционной концепции языкознания, известной ныне как контактная вариантология английского языка. Личность великого ученого, становлению которой способствовала наблюдаемая им социальная реальность, о которой он постоянно размышлял, а также поддержка выдающихся британских социолингвистов, чьи имена стали известны как имена классиков языкознания, оказала кардинальное воздействие на исследования языка и его преподавание.

Ключевые слова: идентичность, индийскость, варианты английского языка, социолингвистическая реальность.

BRAJ B. KACHRU'S QUESTIONS

C.L. Nelson

In this essay, the author shares his memories of the developing scholarly identity of Braj B. Kachru, the father-founder of the revolutionary linguistic conception now known as the World Englishes paradigm. The personality of the great scholar, stimulated by the social realities he observed and reflected, as well as by the support of outstanding British sociolinguists whose names have been renowned as classics of linguistics, had a revolutionary impact on language studies and teaching.

Key words: identity, Indianness, world Englishes, sociolinguistic reality.

Оказывается, история с яблоком
правдива – по большей части.
Аманда Гефтер

So it turns out the apple story
is true – for the most part
Amanda Gefter

Нам часто говорят, и мы сами учим других, что для расширения знания и углубления понимания решающее значение имеет вопрос – хороший или даже «единственно верный». Классическим примером этого постулата, вероятно, можно считать вопрос Исаака Ньютона: «Почему яблоко падает *вниз*?», которым он задался, когда яблоко упало ему на голову. Нам остается лишь недоумевать в моменты праздности, возможно, предаваясь самокритике, почему сэр Исаак – единственный, кому приписывают это поразительное фундаментальное наблюдение и стремление обосновать его причины. Сколько людей, сколько поколений на земле наблюдали, как падают яблоки, или как они лежат под деревьями, с которых упали, но не шли дальше констатации факта: «О, смотри – яблоки». (У меня где-то на полке стоит старая книга в мягкой обложке под названием «*Черт! Почему это написал не я?*»).

Даже если ставить под сомнение подлинность истории с яблоком Ньютона, якобы послужившей отправной точкой его эпохальных открытий и теорий [1],

We have often been told, and we teach, that furthering knowledge and understanding hinges crucially on asking a good, if not "the right," question. The apple falling (down) on Isaac Newton's head, and his asking "Why did it fall *down*?" is perhaps the quintessential exemplar of this postulate. We are left to wonder in spare moments of reflection, perhaps of self-critique, why Sir Isaac is the one person credited with this startling, foundational observation and the pursuit of cogent explanations for it. How many people for how many generations of human beings on earth had seen apples fall from trees, or had come upon them on the ground under trees from which they had fallen, without thinking anything more of their observations than "Oh, look – apples." (I have an old paperback book somewhere on my shelves entitled *Damn! Why Didn't* I *Write That?*)

Anyway, however apocryphal Newton's apple incident as an impetus to his making momentous discoveries and interpretations may be [1], it makes a

* Перевод с английского языка выполнен кандидатом филологических наук, доцентом кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета Т.А. Иванковой (г. Владивосток).

Сесил Л. Нельсон – почетный профессор лингвистики кафедры языков, литератур и лингвистики Университета Штата Индиана, США.

Cecil L. Nelson –Professor Emeritus of Linguistics in the Department of Languages, Literatures and Linguistics at Indiana State University, USA.

E-mail: cj3nelson@yahoo.com

© Нельсон С.Л., 2020

её мораль ясна. Были исследователи и в областях, которые ближе уму и сердцу лингвиста, кто задавался вопросами, а можно ли трактовать грамматику лишь как последовательность отдельных единиц, расположенных слева направо, и могут ли выбор слов и речевое поведение быть обусловлены ситуацией общения и социальными характеристиками говорящих.

Профессор Брадж Б. Качру родился в многоязычном, многокультурном мире индийского Кашмира в 1932 г. В то время и в том месте английский был навязанным колониальным языком для «высоких» целей, включая образование, право и правительство; и этот «английский» был «королевским английским языком», как его понимали говорившие на нем. Профессор Качру рассказывал мне, скромному автору этого труда, что когда дети приходили в магазин канцелярских товаров, чтобы купить школьные принадлежности к началу учебного года, даже на карандашах они видели штамп «Сделано в Англии». Подобным образом и английский язык, считавшийся «стандартным», должен был быть передан ученикам в процессе обучения – «отштампован» – и усвоен в неизменном виде. Но английский был только одним из языков, окружавших Браджа Б. Качру с детства, наряду с его родным языком, кашмирским, и еще, как минимум, хинди и санскритом.

Во время обучения в магистратуре по профилю «английская литература и английский язык» в Аллахабадском университете профессор Качру стал уделять больше внимания лингвистике, хотя никогда не отказывался от своей любви к литературе и художественному творчеству [4: с. 67]. Получив степень магистра, профессор Качру обучался в лингвистических институтах Индии, а в 1957 г. поступил в Исследовательский институт Декканского колледжа на программу лингвистики. В этих стенах он учился у тех, кто заложил основы современного языкознания, включая такие знаковые фигуры, как Чарльз Фергюсон и Джон Гамперц. Как писал сам профессор Качру [4: с. 68], именно в Исследовательском институте под влиянием Генри Глисона он начал «серьезно задумываться об индийском английском языке; его статусе, роли и месте в системе образования».

В 1958 г. профессор Качру поступил в аспирантуру (на программу PhD) по лингвистике в Эдинбургском университете, где также учился у ученых-новаторов, среди которых были М.А. Халлидей, Питер Стревенс и Дж.Р. Фирт. Социолингвистика постепенно складывалась как дисциплина и заслуживала признание, и она, должно быть, привлекла профессора Качру с его интересом к прикладным аспектам науки. Вспоминая свое знакомство с жизнью в Эдинбургском университете, профессор Качру писал:

Однажды утром элегантно одетый… человек рассказывал нам, как разбить вареное яйцо на завтрак. Я был очарован его безупречным «общепринятым произношением» (Received Pronunciation, fine point. Questioners in fields closer to our language-study hearts and minds have asked about the relevance of grammar construed merely as a left-to-right series of discrete items and the probability that word choices and speech styles could be correlated with speakers' social conditions and classifications.

Professor Braj B. Kachru was born into a multilingual, multicultural world in Kashmir, India, in 1932. In that time and place, English was the imposed colonial language for "high" purposes including education, law, and government; and that "English" was (someone's interpretation of) "the King's English." Professor Kachru told me, your humble present writer, that when children went to the stationer's to buy their beginning-of-term school supplies, even the pencils had "Made in England" imprinted on them. Similarly, an imprinted, perceived "standard" English was taught and was to be accepted – received. But English was only one of the languages he was exposed to and used from his childhood, along with his home language, Kashmiri, and at least Hindi and Sanskrit.

While studying for his MA in English literature and language at Allahabad University, Professor Kachru's attention became more focused on linguistics, though he never abandoned his love for literature and creative writing [4: p. 67]. After completing his MA, Professor Kachru attended linguistics institutes in India, and in 1957 joined the Deccan College Research Institute in linguistics. In those venues he studied with a "who's who" of foundational linguistics thought, including such notable figures as Charles Ferguson and John Gumperz. Professor Kachru wrote [4: p. 68] that it was at the Research Institute under the influence of Henry Gleason that that he started to "think seriously about Indian English; its status, roles, and academic position."

In 1958, Professor Kachru entered the PhD program in linguistics at the University of Edinburgh, where again he studied with ground-breaking scholars, including M. A. K. Halliday, Peter Strevens, and J. R. Firth. Sociolinguistics was coming into being as a recognizable discipline, and it must have attracted Professor Kachru, with his always practical perceptions and sensibilities. Reflecting on his introduction to life at the University of Edinburgh, Professor Kachru wrote:

One morning a beautifully dressed…person gave us a talk on how to break a boiled egg for breakfast. I was fascinated by his impeccable Received Pronounciation [sic] (RP) and was unmindful of the fate of the egg. RP

RP) и упустил, что было сказано о судьбе яйца. RP был таинственной целью, к которой призывали стремиться каждого, кто не говорил по-английски с рождения. Слово «общепринятое» всегда ставило меня в тупик. Принятое кем? [4: с. 68].

Уже в этом его вопросе: «Принятое кем?» мы видим зачатки тех знаковых вопросов, которые были поставлены позднее в рамках контактной вариантологии английского языка (the World Englishes paradigm). Что такое «стандартный» английский? О чьих стандартах идет речь, кто их установил, кто им подчиняется, как караются отказ от их соблюдения, неспособность или невозможность их достичь? Что такое «понятность в процессе коммуникации (intelligibility)»? Кто вступает в коммуникацию, в какой ситуации общения, чью речь определяет этот критерий?

Диссертация профессора Качру, написанная в 1962 г., была озаглавлена «Анализ некоторых особенностей индийского английского: лингвистический метод». Первое изложение его интерпретации понятия «английский», получившее широкое распространение, было озаглавлено «Индийское в индийском английском языке» (1965)* [3]. В ретроспективе эта емкая фраза, состоящая всего из пяти слов, выглядит более значимой, чем могла показаться многим из читавших этот труд в то время. Сейчас мы можем ее легко расшифровать. Профессор Качру утверждал, что английский язык в его *реальном использовании*, сопровождавший его с детства, обладает уникальными качествами, отличающими его от более привычных (хотя и сейчас еще встречающих осуждение) вариантов английского, таких как *шотландский, ирландский* или *американский*. И что очень важно, этим заглавием он заявил, что есть форма английского языка, отождествляемая с его родной страной и обществом в той же степени, в которой американский и британский английский (английские) отождествляются со странами их распространения.

Для большинства из нас, связавших жизнь с изучением языка, данная модель мира, в которой признаются все без исключения полноправные, широко используемые варианты английского языка, является аксиомой. Некоторые же до сих пор не готовы принять ее истинность. Профессор Качру первым призвал обратить внимание на то, как уже не одно поколение говорящих, для которых он не являлся родным, использовали английский язык. Как он неоднократно говорил в личных беседах и публичных выступлениях: «Если я заказываю чай и мне приносят чай, мой английский работает». От простого наблюдения он перешел к анализу причин и результатов, обнаруживая все больше ветвей на этом древе познания по мере продвижения в профессии. Аспекты многоязычия, которые он наблюдал, стали предметами его исследований: в частности, понятность английского

had been a mystical goal which all the nonnative speakers of English were persuaded to aspire to; the word *received* always intrigued me. Received by whom? [4: p. 68].

We can note in his “by whom?” query a preview of seminal questions later posed by the World Englishes paradigm. “Standard” English? Whose standard(s), promulgated by whom, imposed upon whom, with what consequences for refusal, inability, or lack of opportunity to accede to them? “Intelligibility”? As a criterion of speech produced by whom, to whom, in what contexts of situation?

Professor Kachru’s PhD thesis, completed in 1962, was entitled “An Analysis of Some Features of Indian English: A Study in Linguistic Method.” His first widely available promulgation of his lifelong exposition of his interpretation of the notion “English” was entitled “The *Indianness* in Indian English” (1965)* [3]. This succinct phrase of just five words is in retrospect more powerful than it might have first appeared to many of its readers at the time. We can “unpack” it easily now. Professor Kachru asserted that there was a quality of the English *in real-world use* that he had grown up with which was different from that of more generally familiar (if still frowned upon by some commentators) varieties of English such as *Scottish* or *Irish*, or *American*. And very importantly, he professed in that title that there was a kind of English identified with his home land and society in the same ways that American and British English(es) were associated with theirs.

For most of us in the language-study professions, this concept of a world in which we can recognize any number of legitimate, widely used varieties of English is a working axiom. For some people, the idea has still not quite attained acceptance. Professor Kachru stood out in calling attention to what generations of English users had been demonstrating. As he said more than once in conversations and in public presentations, “If I order tea, and I get tea, my English works.” Having observed this fact, he pursued its bases and consequences, discovering more and more branches on that tree of knowledge as his career went on. The facets of multilingualism that he explored revealed themselves in his scholarship: for example, intelligibility across varieties of English; effects of multilingualism on users’ Englishes and of their

* Статья была переиздана с изменениями в гл. 4 книги «Индианизация английского языка: английский язык в Индии», с. 128–144 [2] / The article was reprinted, “adapted,” in the following book [2]. Ch. 4. The Indianness, p. 128–144.

языка в процессе коммуникации; влияние многоязычия на английский язык говорящих и влияние английского языка на другие языки, которыми они владеют; аккультурация вариантов английского языка.

Культурное и языковое окружение профессора Качру привело его к созданию новой отрасли социолингвистики, известной языковедам всего мира как контактная вариантология английского языка (World Englishes), даже тем, кто отрицает саму концепцию. Но лишь один факт его рождения и взросления в подобном окружении не могут объяснить, как он ее создал. В нем была та редкая искра восторга от *поиска*, которая и сделала его истинным первопроходцем и вдохновляла на продолжение исследований до конца жизни. Однажды, когда я сообщил Браджу Б. Качру и его супруге, «миссис доктору» Качру, Ямуне-джи, что думаю уходить в отставку с должности в университете, он сказал (не дословно): «А я не мог уйти в отставку, потому что у меня никогда не было работы. Я просто делал то, что мне нравилось, и мне за это платили».

В заключении «автонекролога» 1992 г. профессор Качру написал: «В лингвистике обычно каждые десять лет рождается новое лингвистическое мышление. Это и полезно, и увлекательно, и демонстрирует жизнеспособность нашей дисциплины» [4: с. 74].

Такое радостное принятие развития и изменений как основы жизнеспособности областей лингвистики, которым он себя посвятил, и было определяющей чертой работ профессора Качру и его характера (см. также [5]).

Englishes on their other languages; and acculturation of Englishes.

Professor Kachru's cultural and linguistic backgrounds led him to found the new branch of sociolinguistics now known around the language-study world – even among those who might decry the concept – as World Englishes. But those aspects of his birth and early-life experiences cannot by themselves account for his having done so. There was in him that very rare spark of delight in *finding out* that started him on his truly pioneering career and kept him exploring his field until the end of his life. Once when I told him and "Mrs. Dr." Kachru, Yamuna-ji, that I was thinking of my own retirement from my university position, he said (approximately), "I couldn't retire, because I never had a job. I just did what I loved to do, and they paid me to do it."

In the conclusion of his 1992 "auto-obituary," Professor Kachru wrote: "In linguistics, usually every ten years brings new linguistic thinking. It is both healthy and fascinating, and demonstrates the vitality of our discipline." [4: p. 74]

This welcoming of vital dynamism in his fields of inquiry was a defining characteristic of Professor Kachru's work and of the person he was. (See also [5]).

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Gefter, A.* Newton's apple: The real story / A. Gefter // New Scientist: The Daily Newsletter. – 18 January 2010. – URL: https://www.newscientist.com/article/2170052-newtons-apple-the-real-story/ (accessed: 15.01.2020).

2. *Kachru, B.B.* The Indianization of English: The English language in India / B.B. Kachru. – Delhi, Oxford : Oxford University Press, 1983. – 280 p.

3. *Kachru, B.B.* The *Indianness* in Indian English / B.B. Kachru // Word. – 1965. – Vol. 21, №. 3. – P. 391–410.

4. *Kachru, B.B.* Three linguistic reincarnations of a Kashmiri Pandit / B.B. Kachru // Studies in the Linguistic Sciences. – 1992. – Vol. 22, № 2. – P. 65–74.

5. *Sridhar, S.N.* Braj B. Kachru (1932–2016): A cultural warrior rests his case / S.N. Sridhar // World Englishes. – 2019. – Vol. 38, Nos. 1–2. – P. 5–7. (See also at http://www.iaweworks.org/about-iawe.html.)

DOI:

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ КОЛЛЕКТИВНОЙ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ КАК ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Л.В. Полубиченко

В статье рассматривается один из самых сложных аспектов теории художественного перевода – воссоздание средствами иного языка и в ином культурном контексте речевого портрета персонажа художественного произведения. Проблема осмысляется через призму теории языковой личности, активно развиваемой сегодня российскими учеными разных гуманитарных специальностей, на примере одного из знаковых произведений отечественной литературы XX в. – романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и двух его наиболее известных переводов на английский язык, выполненных М. Гленни в 1967 г. и Р. Пивером и Л. Волохонски в 1997 г. Объектом изучения является созданный писателем сатирический речевой портрет коллективной культурно-языковой личности москвича 30-х гг. прошлого века и возможности его адекватного воспроизведения в переводе на английский язык.

Ключевые слова: речевая характеристика, речевой портрет, культурно-языковая личность, коллективная языковая личность, перевод, художественный перевод, М.А. Булгаков, «Мастер и Маргарита».

SPEECH PORTRAYAL OF A COLLECTIVE CULTURALLY CONDITIONED LANGUAGE IDENTITY AS A PROBLEM OF ARTISTIC TRANSLATION

L.V. Polubichenko

The article deals with one of the most complicated aspects of the theory of artistic translation, i.e. recreation of the speech portrayal of a literary character in another language and within a different culture underlying it. The problem is viewed in the context of the theory of language identity that has been actively developed in Russian humanitarian discourse in recent years. The material under analysis is Mikhail Bulgakov's landmark novel *The Master and Margarita* and two of its widely acknowledged translations produced by Michael Glenny (1967) and Richard Pevear and Larissa Volokhonsky (1997), the object of research being Bulgakov's satirical speech portrayal of the collective culturally conditioned language identity of 1930s Muscovites and the possibilities of adequately reproducing it in an English translation.

Key words: speech characteristic, speech portrayal, culturally conditioned language identity, collective language identity, translation, artistic translation, Mikhail Bulgakov, *The Master and Margarita*

Одним из наглядных проявлений антропоцентризма современной лингвистической науки является многочисленность появившихся в последние 20–25 лет работ, посвященных разным аспектам осмысления и изучения понятия «языковая личность», настолько многослойного и многокомпонентного, что его содержание до сих пор толкуется неоднозначно. Пренебрегая различиями в подходах, в самом общем виде языковую личность можно определить как «личность, проявляющую себя в речевой деятельности» [8: с. 232], что предполагает анализ производимых и потребляемых ею текстов. Среди разнообразных аспектов изучения языковой личности в настоящей статье нас будут интересовать два – культурный и коллективный.

Мы разделяем мнение тех ученых, которые полагают, что языковая личность с неизбежностью представляет собой также и культурную личность, что это понятия практически тождественные [4: с. 39], так как «субъект языка – это всегда и субъект культуры» [9: с. 210]. Что же касается коллективной (или, как ее еще называют, пусть и с некоторыми различиями в объеме понятия и значении, базисной, групповой, основной, типовой, модальной, совокупной, абстрактной или инвариантной) языковой личности, то под ней мы будем понимать «типового представителя данной языковой общности и более узкого входящего в нее речевого коллектива, совокупного или усредненного носителя данного языка» [7: с. 804] со всеми характерными для него особенностями вербального и невербального поведения, которые общество прививает своим членам в ходе культурного опыта. Эти особенности, в силу своей типичности лишь для определенной лингво-

Полубиченко Лидия Валериановна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языка для естественных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Lidia Valerianovna Polubichenko – Doctor (Philology), Habil., Professor, Chair of English for Science Faculties at Lomonosov Moscow State University.

E-mail: lpolubichenko@mail.ru

© Полубиченко Л.В., 2020

культуры и малой известности за ее пределами, подобно специфическим реалиям, не могут не создавать трудностей при переводе, однако, в отличие от последних, изучены далеко не достаточно.

Поскольку в настоящей работе рассматривается материал художественной литературы в оригинале и переводах, мы будем также использовать привычный для такого рода исследований термин «речевой портрет», понимаемый как осуществленный писателем «особый подбор слов, выражений, оборотов речи и т.д. как средство художественного изображения действующих лиц литературного произведения» [2: с. 385], и исходить из того, что «речевой портрет – это воплощенная в речи языковая личность определенной социальной общности» [1].

В попытке высветить некоторые наиболее острые проблемы, с которыми приходится сталкиваться переводчику при работе с текстами, где создается когнитивно и коммуникативно значимый речевой портрет какой-либо коллективной культурно-языковой личности, мы обратились к одному из самых известных произведений русской литературы – роману М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» [3], хотя трудности такого рода подстерегают отнюдь не только переводчиков художественных текстов, но возникают, например, и при работе с текстами публицистическими. Как известно, основной сюжет романа разворачивается в Москве 30-х гг. XX в., и речь большого количества проходных персонажей московского мира (от кондукторши трамвая и пресловутой Аннушки, разлившей масло, до представителей так называемой советской интеллигенции), несмотря на некоторые различия, образует своего рода коллективный речевой портрет москвича того времени, который становится необходимым сатирическим фоном для ярких индивидуальных портретов главных действующих лиц.

Удалось обнаружить 7 официальных и до сих пор переиздающихся переводов романа «Мастер и Маргарита» на английский язык, уже само количество которых свидетельствует как об интересе англоязычной аудитории к этому произведению, так и о сложности, которую оно представляет для понимания и передачи на иностранный язык. Будут проанализированы переводы Майкла Гленни (Michael Glenny, 1967) [10] и Ричарда Пивера и Ларисы Волохонски (Richard Pevear and Larissa Volokhonsky, 1997) [11]. Майкл Гленни (далее – М.Г.) – специалист по русской культуре и один из наиболее известных переводчиков русской литературы. Его интерпретация является одной из самых ранних и наиболее известных англоязычных версий произведения. Супружеский переводческий союз Ричарда Пивера и Ларисы Волохонски (далее – Р.П. и Л.В.) добился признания у англоязычных любителей классической русской литературы не в последнюю очередь благодаря тому, что один из переводчиков является носителем русского языка. Таким образом, сравнение передачи указанными переводчиками одной из важных стилистических страт текста романа будет иметь диахронический аспект, а также позволит рассмотреть, насколько влияет на адекватность перевода тот факт, что один из участников переводческого тандема – носитель языка, на котором написан оригинальный текст.

Языковую личность обычно реконструируют и описывают, опираясь на предложенную Ю.Н. Карауловым трехчастную модель ее структуры, состоящую из лексикона, понимаемого в широком смысле, включая и фонд грамматических знаний личности, тезауруса, в котором запечатлены «образ мира» личности, ее система знаний о мире, и прагматикона, т.е. «системы ее целей, мотивов, установок и интенциональностей». Взаимодействие между этими структурными уровнями на практике «оказывается настолько сильным, что границы между ними размываются» [6: с. 238]. Не ставя задачи полного описания представленной Булгаковым в романе коллективной культурно-языковой личности москвича 30-х гг. прошлого века на всех уровнях, охарактеризуем ее по отдельным наиболее ярким приметам или признакам, которые В.И. Карасик предложил называть лингвистически релевантными личностными индексами и которые «проявляются очень часто и помимовольно, с одной стороны, и весьма ограничены количественно, с другой» [5: с. 18].

1. Прежде всего обращает на себя внимание господствующая в речи «коллективного москвича» **вопросительно-восклицательная интонация**, создающая впечатление постоянного общения на повышенных тонах. Следующие друг за другом восклицательные предложения, оформленные даже не одним, а двумя или тремя восклицательными знаками, воспринимаются как крик, хотя – согласно авторским ремаркам – в отдельных случаях были произнесены шепотом. Приведем несколько типичных примеров, не уточняя без крайней необходимости, кому именно принадлежат цитируемые реплики.

• *<…> был поражен поведением кондукторши. Та, лишь только увидела кота, лезущего в трамвай, со злобой, от которой даже тряслась, закричала:*

– Котам нельзя! С котами нельзя! Брысь! Слезай, а то милицию позову!

• *Так вот, в этой ванне стояла голая гражданка, вся в мыле и с мочалкой в руках. Она близоруко прищурилась на ворвавшегося Ивана и, очевидно, обознавшись в адском освещении, сказала тихо и весело:*

– Кирюшка! Бросьте трепаться! Что вы, с ума сошли?.. Федор Иваныч сейчас вернется. Вон отсюда сейчас же! – и махнула на Ивана мочалкой.

• *«Что, что, что, что?!!» – «Берлиоз!!!». И пошли вскакивать, пошли вскакивать.*

• *«Что же это такое? – подумал он, – уж не схожу ли я с ума? Откуда ж эти отражения?!» – он заглянул в переднюю и испуганно закричал:*

– Груня! Какой тут кот у нас шляется? Откуда он? И кто-то еще с ним??

• *<…> курьерша за дверями отчаянно кричала:*

– Нельзя! Не пущу! Хоть зарежьте!! Заседание!

• *Тут администратор подпрыгнул и закричал так, что Римский вздрогнул:*

– Вспомнил! Вспомнил! В Пушкино открылась чебуречная «Ялта»! Все понятно! Поехал туда, напился и теперь оттуда телеграфирует!

• *<…> а тот, изредка воровски оглядываясь, все шептал и шептал, и можно было расслышать отдельные слова, вроде таких:*

– Клянусь вам честью! На Садовой, на Садовой, – Боба еще больше снизил голос, – не берут пули. Пули... пули... бензин, пожар... пули...

В обоих переводах эта интонация сохраняется, а впечатление от нее даже, вероятно, усиливается по сравнению с оригиналом за счет того, что восклицательный знак в английском языке, как известно, используется существенно реже, чем в русском, не говоря уже о постановке нескольких восклицательных знаков подряд. Переводчики же практически везде точно воспроизвели эту особенность синтаксиса оригинала.

2. Очевидно, что рассматриваемая коллективная языковая личность живет жизнью беспокойной, суетной и шумной, что отражается в ее речевом портрете. Общее ощущение неуюта, напряжения, постоянного беспокойства и угрозы усиливается регулярным использованием в речи **глаголов в повелительном наклонении**, которые в сочетании с грубой и бранной лексикой характеризуют стиль общения «коллективного москвича» с нижестоящими, а **в комбинации с уменьшительно-ласкательными формами** слов передают подобострастие перед вышестоящими, готовность услужить и откровенный страх. Выбор речеповеденческих тактик хамства либо заискивания определяется прежде всего контекстом конкретной ситуации общения, и они могут неоднократно сменять друг друга по мере развертывания ситуации. Вот фрагмент диалога Арчибальда Арчибальдовича, всемогущего заведующего рестораном в «Доме Грибоедова», со швейцаром, пропустившим Ивана Бездомного в зал в подштанниках:

– Да ведь, Арчибальд Арчибальдович, – труся, отвечал швейцар, – как же я могу их не допустить, если они – член МАССОЛИТа?

– Ты видел, что он в подштанниках? – повторял пират.

– Помилуйте, Арчибальд Арчибальдович, – багровея, говорил швейцар, – что же я могу поделать? Я сам понимаю, на веранде дамы сидят.

– Дамы здесь ни при чем, дамам это все равно, – отвечал пират, буквально сжигая швейцара глазами, – а это милиции не все равно! Человек в белье может следовать по улицам Москвы только в одном случае, если он идет в сопровождении милиции, и только в одно место – в отделение милиции! А ты, если швейцар, должен знать, что, увидев такого человека, ты должен, не медля ни секунды, начинать свистеть. Ты слышишь? <…>

– Смотри, Николай! Это в последний раз. Нам таких швейцаров в ресторане и даром не надо. Ты в церковь сторожем поступи. – Проговорив это, командир скомандовал точно, ясно, быстро: – Пантелея из буфетной. Милиционера. Протокол. Машину. В психиатрическую. – И добавил: – Свисти!

А вот тот же Арчибальд Арчибальдович лично обслуживает Коровьева с Бегемотом, выражая им особое почтение, в частности, и выбором слов *потчевать, балычок, филейчики, на минутку*:

– Чем буду потчевать? Балычок имею особенный... у архитекторского съезда оторвал...

– Филейчиком из рябчика могу угостить, – музыкально мурлыкал Арчибальд Арчибальдович.

– Извините! На минутку! Лично пригляжу за филейчиками.

Понятно, что искусная игра личными местоимениями (*ты – вы, он / она – они)*, позволяющая передавать в русском языке множество тонких оттенков во взаимоотношениях собеседников, как правило, оказывается невоспроизводимой средствами английского языка, что не может не приводить к смысловым потерям. То же относится и к русским уменьшительно-ласкательным суффиксам, английские аналоги которых абсолютно не сопоставимы с ними ни в количественном отношении, ни по своим выразительным возможностям. Их значение принято передавать прилагательными, и в обоих переводах слова *филейчики* появляется английское *little:*

'A little breast of grouse, perhaps?' said Archibald Archibaldovich in a musical purr. (М.Г.)

'I might recommend a little fillet of hazel-grouse,' Archibald Archibaldovich murmured musically. (Р.П. и Л.В.)

Оно же используется Р. Пивером и Л. Волохонски и в сочетании со словом *balyk*: *'What may I treat you to? I have a special little balyk here ... bagged at the architects' congress ...'*, что никак нельзя признать удачным вариантом, потому что чуть ниже по тексту эти самые балыки описываются как две увесистые палки. Более удачное решение нашел М. Гленни, использовавший прилагательное *special* и пояснивший русскую реалию прямо в тексте (что позволило ему, в отличие от Пивера и Во-

лохонски, не прибегать к переводческому комментарию в сносках): *'What can I offer you? I've a rather special fillet of smoked sturgeon ... I managed to save it from the architectural congress banquet...'* (М.Г.)

В следующем ниже примере, напротив, более удачный вариант нашли Пивер и Волохонски, тогда как Гленни просто опустил все дополнительные смыслы, в данном случае связанные с желанием услужить и сделать приятное, которые заключают в себе русские суффиксы и которые в большинстве случаев так и остаются непереданными в обоих переводах:

– Что желаете надеть – халатик или пижамку?

'What would you like to wear – a dressing gown or pyjamas?' (М.Г.)

'What would you like to put on – a dressing gown or some nice pyjamas?' (Р.П. и Л.В.)

Несколько удивительными в контексте атеистичной эпохи, описываемой в романе, выглядят **частые упоминания бога и черта**, встречающиеся в речи москвичей в основном в качестве междометий. Произнося клишированные выражения со словом *черт*, москвичи не задумываются над их подлинным смыслом. Можно даже отметить, что для них не имеет значения, обращены они к дьяволу или к богу: эти две высшие силы для них практически синонимичны. Понимая это, М. Гленни, заботившийся, в первую очередь, о естественности звучания своего текста, во многих случаях вполне органично заменяет русские фразеологизмы со словом *черт* на их привычные для англоязычного читателя функциональные эквиваленты со словами *hell* и даже *God*. Однако для членов свиты Воланда такие фразы, как *черт знает, иди к черту* и др., имеют буквальное значение: произнося их, Коровьев, Азазелло и Бегемот подразумевают именно то, что говорят. Таким образом, столкновение осознанного и неосознанного употребления одних и тех же клишированных выражений становится в романе дополнительным источником комического, например: *Черт знает что такое, – шипел Римский, щелкая на счетной машинке* (реплика по поводу исчезновения Степана Лиходеева, которого свита сатаны отправила в Ялту). Вариант Гленни в данном случае не только не передает авторского замысла, но просто искажает его: *'I wish to God I knew what was going on!' hissed Rimsky, fidgeting with his adding machine.*

Этот интересный нюанс, достаточно очевидный для носителя русского языка, может быть отнюдь не столь само собой разумеющимся для иностранного читателя, что подтверждается и тем фактом, что в первых английских переводах романа, к которым, в частности, относится перевод М. Гленни, фразеологизмы с упоминанием черта достаточно часто заменяются либо опускаются. Со временем булгаковеды выявили эту особенность художественного мира романа, и она была учтена в более поздних его переводах, к которым принадлежит вариант Пивера и Волохонски, где реплика Римского имеет следующий вид: *'Devil knows what's going on!' Rimsky hissed, clacking on the adding machine.* Отметим также, что эти переводчики практически всегда калькируют русскоязычные выражения со словом *черт*, употребляя словосочетания *devil knows, go to the devil* и др., что является результатом используемой ими стратегии форенизации текста и неизбежно влечет за собой некоторую искусственность, неаутентичность его звучания.

3. Уровень духовной культуры москвичей, весьма скептически оцениваемый Булгаковым, отражает также широко используемая ими **сниженная, вульгарная и просторечная лексика**, хорошо сочетающаяся с **разговорным синтаксисом** реплик персонажей. Диалоги пестрят словами и выражениями типа *спятить, изгадить, липовые документы, ежели, трепаться, по морде, извиняюсь, проклятый, враки, вся эта петрушка, стало быть* и пр. С передачей разговорных лексических и синтаксических особенностей речи москвичей у переводчиков, как правило, трудностей не возникает, а дополнительный оттенок неформальности придают английскому тексту традиционно воспроизводящие на письме устную речь стянутые формы: *don't, can't, gimme, you're* и т.д.

4. На этом фоне по контрасту особенно заметны и немало способствуют созданию комического эффекта **элементы официально-делового стиля**, появляющиеся в речи москвичей прежде всего, но не только, в ситуациях общения с представителями милиции и других официальных инстанций.

– Алло! Считаю долгом сообщить, что наш председатель жилтоварищества дома номер триста два-бис по Садовой, Никанор Иванович Босой, спекулирует валютой. В данный момент в его квартире номер тридцать пять в вентиляции, в уборной, в газетной бумаге четыреста долларов. Говорит жилец означенного дома из квартиры номер одиннадцать Тимофей Квасцов. Но заклинаю держать в тайне мое имя. Опасаюсь мести вышеизложенного председателя.

Обладая развитой системой функциональных стилей, английский язык предоставляет переводчику все возможности для передачи резкой смены регистров, характерной для речевого портрета коллективной языковой личности москвича, постоянно готового к появлению и вмешательству в свою жизнь «официальных лиц» разного калибра. Оба перевода приведенного выше отрывка можно признать вполне адекватными:

'Hullo! I consider it my duty to report that the chairman of our tenants' association at No. 302A Sadovaya Street, Nikanor Ivanovich Bosoi, is dealing in

black-market foreign currency. He has just stuffed four hundred dollars wrapped in newspaper into the ventilation shaft of the lavatory in his flat. No. 35. My name is Timothy Kvastsov and I live in the same block, flat No. 11. But please keep my name a secret. I'm afraid of what that man may do if he finds out . . .' (М.Г.)

'Hello! I consider it my duty to inform you that the chairman of our tenants' association at no. 302-bis on Sadovaya, Nikanor Ivanovich Bosoy, is speculating in foreign currency. At the present moment, in his apartment no. 35, he has four hundred dollars wrapped up in newspaper in the ventilation of the privy. This is Timofei Kvastsov speaking, a tenant of the said house, apartment no. 11. But I adjure you to keep my name a secret. I fear the vengeance of the above-stated chairman.' (Р.П. и Л.В.)

Особенно частотны оформленные в официально-деловом стиле короткие реплики, резко контрастирующие с общим разговорным фоном:

– Ваши удостоверения, граждане, – сказала гражданка.

'Your membership cards, please,' said the woman. (М.Г.)

'Your identification cards, citizens,' said the citizeness. (Р.П. и Л.В.)

Ключевыми в таких случаях являются слова *гражданин/гражданка* и *товарищ*, настойчиво повторяющиеся в репликах разных персонажей, которые Р. Пивер и Л. Волохонски в соответствии с избранной ими стратегией форенизации текста, поясняемого в переводческих комментариях, передают семантически точными, но непривычными для англоязычного читателя эквивалентами *citizen, citizeness* и *comrade*, а М. Гленни, придерживающийся стратегии доместикации, во многих случаях либо опускает, либо заменяет привычными номинациями *sir, miss, woman* и др.

Перечисленные речевые особенности представляют собой наиболее яркие приметы созданной Булгаковым коллективной культурно-языковой личности москвича 30-х гг. прошлого века и, без сомнения, дают читателю необходимое для проникновения в замысел романа представление о природе и характерных чертах людей описываемой эпохи, а следовательно, они должны быть и по большей части были воссозданы в обоих переводах.

Подводя итог, отметим, что воспроизведение речевого портрета средствами иного языка – одна из самых трудных проблем художественного перевода. Территориальные и социальные диалекты, акценты и другие индивидуальные особенности речи, ее интонация, – все это в принципе невозможно полностью передать на письме, но носители языка, погруженные в стоящую за ним культуру, способны считывать характерные языковые маркеры, или индикаторы, предоставляемые им художником слова в оригинальном произведении, и домысливать, воссоздавать по ним в своем воображении типизированную писателем культурно-языковую личность – индивидуальную или коллективную. Иностранцам же, носителям иных культур, необходимы более очевидные указания, а иногда и обстоятельные разъяснения, чтобы по нескольким репликам персонажа в их сознании сложился задуманный автором текста образ. Особую опасность при этом таят в себе культурные аналогии, такие как, например, восприятие носителями разных языков диалектной речи или акцента: даже если они и существуют, ими нередко нельзя воспользоваться, чтобы не допустить искажения образа за счет подмены одной культуры другой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алюнина, О.Г.* Понятие речевого портрета в современных лингвистических исследованиях / О.Г. Алюнина. – URL: conf.stavsu.ru/_WordDocs/1034.doc (дата обращения: 08.01.2020).

2. *Ахманова, О.С.* Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – Москва : Сов. Энцикл., 1966. – 608 с.

3. *Булгаков, М.А.* Мастер и Маргарита / М.А. Булгаков. – URL: librebook.me/master_i_margarita (дата обращения: 08.01.2020).

4. *Зыкова, И.В.* О Личности: Лингвокультурологические заметки / И.В. Зыкова // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / редкол. М.Л. Ковшова, В.В. Красных, А.И. Изотов, И.В. Зыкова. – Москва : МАКС Пресс, 2013. – Вып. 46. – С. 32–47.

5. *Карасик, В.И.* Языковой круг: Личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.

6. *Караулов, Ю.Н.* Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – Изд. 7-е. – Москва : Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.

7. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева [и др.]. – Москва : Флинта : Наука, 2003. – 840 с.

8. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И.Н. Жукова, М.Г. Лебедько, З.Г. Прошина, Н.Г. Юзефович. – Москва : Наука : Флинта, 2013. – 633 с.

9. *Телия, В.Н.* Лингвокультурология – ключ к новой реальности феномена воспроизводимости несколькословных образований / В.Н. Телия, А.В. Дорошенко // Язык. Культура. Общение : сб. науч. тр. в честь юбилея заслуженного проф. МГУ им. М.В. Ломоносова С.Г. Тер-Минасовой. – Москва : Гнозис, 2008. – С. 207–216.

10. *Bulgakov, M.* The Master and Margarita / M. Bulgakov / Translated from the Russian by Michael Glenny. – London : Collins and Harvill Press, 1967. – URL: www.masterandmargarita.eu/estore/eben001_mastermargarita_glenny.pdf (accessed: 8.01.2020).

11. *Bulgakov, M.* The Master and Margarita. Translated by Richard Pevear & Larissa Volokhonsky / M. Bulgakov // Booksonline.com.ua. Penguin Books. 2001. – URL: booksonline.com.ua/view.php?book=98638&page=129 (accessed: 8.01.2020).

DOI:

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ СЛОВАРНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Г.Н. Ловцевич

А.А. Соколов

Статья посвящена интернационализации словарной языковой личности в результате взаимодействия глобального английского языка с множеством языков и культур. Понятие *словарная языковая личность* представляется как человек (носитель национального языка) в словаре. Проблема рассматривается на примере англоязычного учебного словаря, который представляет квинтэссенцию общеупотребительной лексики носителя языка, отражающей картину мира в представлении данного народа. Единицей анализа являются северо-восточноазиатские заимствования в словнике учебного словаря Oxford Advanced Learner's Dictionary. Представляя элементы иноязычной культуры и являясь полноправным членом словника словаря национального языка, заимствования входят в пространство лингвокультуры словарной языковой личности.

Ключевые слова: словарная языковая личность, глобальный английский язык, учебная лексикография, учебный словарь, заимствование.

INTERNATIONALIZATION OF DICTIONARY LANGUAGE PERSONALITY

G.N. Lovtsevich

A.A. Sokolov

The article focuses on the internationalization of dictionary language personality as a result of the interaction of global English with multiple languages and cultures. The concept of *dictionary language personality* is defined as a language personality (a native speaker of the national language) represented in the dictionary. To tackle the problem, we turn to the analysis of the English-language learner's dictionary, as it represents the quintessence of carefully selected common vocabulary of a native speaker and reflects the national picture of the world. The units of analysis are the North-East Asian borrowings in the Oxford Advanced Learner's Dictionary. Having entered the English-language dictionary as headwords, borrowings on the one hand represent the elements of foreign-language cultures and on the other hand they have been assimilated into the lingua-culture of a dictionary language personality.

Key words: dictionary language personality, global English, learner lexicography, learner's dictionary, borrowing.

Данная статья посвящена проблеме словарной языковой личности и её интернационализации в процессе пользования учебным словарем.

Словарная языковая личность. Языковая личность находится в центре внимания современной лингвистики, которая сегодня носит антропоцентрический характер. Наиболее полное описание языковой личности в отечественной науке представлено Ю.Н. Карауловым, который под данным термином понимает «совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание им речевых произведений (текстов)» [7: с. 3]. Вместе с тем в современных работах по лингвистике языковая личность всё чаще воспринимается не только как субъект речи, но и как типичный носитель той или иной национальной идентичности, характера и менталитета [6; 10]. В.И. Карасик определяет языковую личность как обобщённый образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций [5: с. 19].

Полностью оставаясь в рамках данных определений, мы в своей работе обращаемся к *словарной языковой личности*. Исследуя языковую личность как носителя аксиологических параметров определенной этнокультурной общности, В.И. Карасик выделяет *словарную языковую личность* как наиболее абстрактный тип языковой личности, как носителя

Ловцевич Галина Николаевна – доктор филологических наук, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Galina Nikolaevna Lovtsevich – Doctor (Philol.), Habil. Associate Professor, Chair of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University (Vladivostok).

E-mail: lovtsevich.gn@dvfu.ru

Соколов Александр Анатольевич – ассистент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Alexander Anatolievich Sokolov – Instructor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University (Vladivostok).

E-mail: sokolov_aa@dvfu.ru

© Ловцевич Г.Н., Соколов А.А., 2020

представлений, стереотипов и норм, закреплённых в значениях слов, толкуемых в словарях [5: с. 18].

Основными составляющими данного выше определения являются толковый словарь национального языка как лексикографическое произведение, кодифицирующее языковые нормы, и обобщённый образ языковой личности носителя языка, представленного в данном словаре. Принимая во внимание дуализм словарного антропоцентризма, отмеченного В.В. Дубичинским [2: с. 337], мы под словарной языковой личностью понимаем лексикографическую репрезентацию обобщенного носителя национального языка («человек в словаре») и языковую картину мира обобщённого носителя языка, отражённую словарем («словарь в человеке»). Лексикографическое моделирование (привлечение данных словарей) позволяет увидеть объективную репрезентацию языковой картины мира носителя языка, его словарную личность, в которой не могут не отразиться контактирующие лингвокультуры. При этом лексикографическое моделирование позволяет представить эту картину глазами конкретного языкового сообщества.

Глобальный английский. В данной статье мы рассматриваем интернационализацию словарной языковой личности, обращаясь к английскому языку, который получил беспрецедентно широкое распространение в мире. По современным оценкам, из 7,5 млрд жителей, проживающих сегодня на планете, 1,5 млрд (пятая часть всего населения) говорят на английском языке [15: с. 4]. Став глобальным языком третьего тысячелетия и функционируя на всех континентах земного шара, английский язык используется для межкультурного общения как язык-посредник в разных сферах деятельности людей различных национальностей и речевых сообществ.

В условиях межкультурной коммуникации английский язык превращается во вторичное средство культурно-языковой самоидентичности, когда говорящие посредством английского языка выражают свою культуру и распространяют знания о ней среди других народов [4; 9]. Соответственно, выполняя функции языка межнационального общения, английский язык активно вбирает в себя элементы других языков и культур, тем самым приобретая мультилингвальный и мультикультурный характер. Обогащение и расширение лексического состава английского языка происходит за счёт реалий, заимствуемых из других языков для описания специфических явлений культуры, и представляет собой непрекращающийся процесс. Как отмечает Д. Кристал, в то время как носители некоторых языков стараются исключать иностранные слова из своего лексикона, англичане, похоже, не препятствуют появлению заимствований. В Большом Оксфордском словаре, самом полном академическом толковом словаре английского языка, зафиксировано более 300 языков, являющихся прямыми источниками пополнения его словарного запаса, и картина этих языковых контактов глобальна по своему масштабу [11: с. 136].

Э. Вайнер, соредактор второго издания Большого Оксфордского словаря английского языка, отмечает, что «вокабуляр английского языка сейчас скорее объединён по типу федерации, чем централизован. Никто не владеет всем богатством английского языка, но каждый говорящий на английском языке в определённой степени является "многоязычным" в рамках английского языка. Мы оказываемся компетентными в вариантах английского языка, которыми не пользуемся» (Цит. по: [4: с. 32]).

Учебная лексикография. Для исследования вопроса интернационализации словарной языковой личности мы обращаемся к учебной лексикографии и, в частности, к учебному словарю английского языка, поскольку этот тип словарей предназначен для изучающих английский язык как неродной и включает преимущественно активную базовую лексику носителя языка. По своему характеру учебный словарь представляет собой концентрированный, тщательно отобранный по определённым принципам корпус лексических единиц современного языка, и, как отмечает В.В. Дубичинский, преимущество учебного словаря состоит в том, что в нём сосредоточена необходимая для обучения информация в сконцентрированном виде [2: с. 337].

Включение в словник англоязычного учебного словаря иноязычных заимствований означает, что они уже адаптированы, ассимилированы и освоены английским языком и принадлежат к активному словарю носителя английского языка. В.В. Кабакчи подчёркивает, что сам факт попадания заимствований в учебный словарь с учётом строгого отбора, предъявляемого составителями словаря к кандидатам в словник, является значимым [3: с. 19].

В то же время словарь не просто фиксирует языковой состав национального языка, но и является «важнейшим средством человеческого общения, зеркалом определённой национальной культуры, орудием теоретического мышления и художественного творчества определённого общества с определённым социально-групповым расслоением, речевым вкусом, литературно-художественными традициями и т.п.» [1: с. 26–27]. Посредством включения в словник иноязычных заимствований учебный словарь передаёт особенности иноязычных культур и служит для пользователя инструментом познания языка, а значит, и культурного фона иных стран. Именно это и позволяет нам воочию рассмотреть словарную языковую личность, изучить «человека в словаре».

Материалом исследования послужил англоязычный учебный словарь для изучающих английский язык на продвинутом уровне – Oxford Advanced Learner's Dictionary (OALD) издательства Оксфордского университета. Данный словарь является пионером британской учебной лексикографии, работа над ним ведётся уже более 70 лет. Словарь продолжает регулярно переиздаваться – в конце января 2020 г. вышло 10-е обновлённое издание. В новейшее бумажное издание вошло более 60 тыс. слов, 79 тыс. фраз, 89 тыс. значений и 109 тыс. примеров. Электронное издание словаря [17] является более полным и содержит свыше 86 тыс. слов, 95 тыс. фраз, 112 тыс. значений и 237 тыс. примеров. Составители OALD заявляют, что на протяжении многих лет тщательным образом следят за изменением языка и его эволюцией, «сканируют земной шар в поисках слов, которые часто используются людьми при разговоре на английском языке» и тем самым обеспечивают актуальное отражение английского языка в словаре, который они именуют «хранителем английского языка во всём мире» [16].

Интернационализацию словарной языковой личности мы рассмотрим путём анализа словника учебного словаря (на предмет наличия в нём заимствований из иных лингвокультур), лексикографических средств и приёмов манифестации заимствованной лексики, а также выявим характерные особенности семантизации заимствованной лексики.

Словник учебного словаря. В ходе анализа словника Оксфордского учебного словаря обнаружено два основных способа интернационализации: манифестация плюрицентричности[1] английского языка и включение иноязычных заимствований, обозначающих культурно значимые явления инокультур (внешних культур). Остановимся на каждом из способов.

Плюрицентричность английского языка. Если в 6-м издании Оксфордского учебного словаря (2000 г.) представлены два традиционных национальных варианта английского языка – британский и американский, то в современном 10-м издании представлены все пять национальных вариантов Внутреннего круга[2]. Примечательно, что в словнике встречаются не только национальные, но и региональные варианты Внутреннего круга. Так, помимо национального британского варианта обозначены северо-британский, шотландский и уэльский региональные варианты английского языка.

Значимым является включение в словник региональных вариантов стран Внешнего круга (индийский, восточно-африканский, южно-африканский, западно-африканский варианты английского языка, английский Юго-Восточной Азии). В общей сложности в словнике английский язык представлен 15 вариантами (национальными и региональными). Принимая во внимание тот факт, что в основе каждого варианта лежит своя лингвокультура, можно сделать вывод о поликультурности словарной личности.

1. AustralE (Australian English) – bombora, daggy, jillaroo.
2. BrE (British English) – acid drop, apple-pie bed, barmy.
3. CanE (Canadian English) – drinking box, newfie, toonie.
4. EAfrE (East African English) – askari, baraza, shauri.
5. IndE (Indian English) – ahimsa, chamcha, lunch home.
6. IrishE (Irish English) – bodhrán, colleen, poteen.
7. NAmE (North American English) – 18-wheeler, boffo, doo-doo.
8. NBrE (Northern British English) – any road, summat, sup.
9. NZE (New Zealand English) – bach, hongi, tramper.
10. SAfrE (South African English) – be tickets, larney, sommer.
11. ScotE (Scottish English) – braw, dreich, kirk.
12. SEAsianE (South-East Asian English) – rakyat, shoplot, void deck.
13. US (US English) – all-points bulletin, beltway, dulce.
14. WAfrE (West African English) – alhaji, fufu, garden egg.
15. WelshE (Welsh English) – cwtch, hwyl, tamping.

Иноязычные заимствования. Иным свидетельством интернационализации словарной языковой личности является наличие в словнике учебного словаря заимствований из других лингвокультур. Рассмотрим данный вопрос на материале заимствований из таких стран Северо-Восточной Евразии, как Россия, Китай, Корея и Япония, которые относятся к Расширяющемуся кругу. Выбор региона обусловлен рядом причин, основные из которых – явная географическая удалённость, культурное своеобразие и функционирование английского языка как лингвафранка. Мы полагаем, что вхождение русских, китайских, корейских и японских заимствований на правах единиц словаря английского

[1] Плюрицентричным называется язык с несколькими вариантами, обладающими своим стандартом, как в письменной, так и в устной форме речи, распространёнными в разных частях мира, пограничными и разделёнными расстояниями [9: с. 72].

[2] В соответствии с теорией Б. Качру: *национальные* варианты Внутреннего круга (страны, где английский язык является родным языком), *нативизированные / региональные* варианты Внешнего круга (в странах – бывших колониях, где он является официальным языком и изучается как дополнительный язык одновременно с родным) и *новые / локальные* варианты Расширяющегося круга (в странах, где английский функционирует как иностранный язык и служит инструментом межкультурного общения) [13] (см. также: [9]).

языка в словник жёстко ограниченного учебного словаря свидетельствует об их адаптации и ассимиляции в языковой строй языка-реципиента.

Методом сплошной выборки нами обнаружено 263 заимствования, которые территориально располагаются следующим образом:

– китайский язык – 97;
– японский язык – 86;
– русский язык – 71;
– корейский язык – 9.

Очевидно, что наибольшее число зафиксированных учебным словарём заимствований пришло из китайского языка. Интересен тот факт, что, по данным американского лингвиста Г. Кэннона, китайский язык как источник заимствований занимает одиннадцатое место по количеству единиц, которые появились в английском языке в последние годы, уступая русскому языку, а японский делит второе место с испанским [8: с. 217].

В.В. Кабакчи при изучении словника Большого Оксфордского словаря обнаружил следующую картину распределения заимствований в английском языке [3: с. 17]:

– японский язык – 501;
– русский язык – 400;
– китайский язык – 325.

Мы можем предположить, что вышеуказанное расхождение в распределении заимствований по языкам-донорам возникло в связи с тем, что в область нашего исследования вошел только базовый языковой материал, отобранный лексикографами посредством гармонического сжатия всего лексического состава английского языка (словарь, характеризующий образованного «идеального» носителя английского языка).

Тематика зафиксированных в учебном словаре северо-восточноазиатских заимствований довольно широкая: здесь представлены слова, называющие общественно-политические реалии, национальные блюда и напитки, предметы быта и одежды, явления спорта, философии, религии, медицины и т.д. Очевидно, что словарная языковая личность представлена теми сферами, в которых имели место наиболее активные контакты с лингвокультурами стран Северо-Восточной Азии (таблица).

Интересно отметить, что семантическое сопоставление выявленных заимствований позволило увидеть сферы доминирования в английском языке той или иной культуры. Большая часть заимствований-русизмов (в том числе слов из языков национальных меньшинств России, попавших в английский через русский как язык-посредник), зафиксированных в OALD, представлена заимствованиями из общественно-политической сферы (особенно периода советской эпохи и особенностей общественного сознания того времени, например, *agitprop, commissar, hammer and sickle, Leninism, politburo*), что свидетельствует о влиянии, которое советский период оказал на лексический состав английского языка. Подавляющая часть китайских заимствований относится к области кулинарии, что обусловлено популярностью китайской кухни в англоязычных странах. Значительная доля японских заимствований представлена тематическими группами «искусство» и «спорт», отражающими реалии, зародившиеся в Японии, но в дальнейшем получившие популярность у носителей английского языка. Заимствований из корейского языка зафиксировано незначительное количество, в связи с чем затруднительно выделить преобладающую сферу.

Таблица

Тематическое распределение заимствований из стран Северо-Восточной Азии

Тема	Русский	Китайский	Японский	Корейский
Общественно-политические реалии	Apparatchik, Bolshevik, intelligentsia	Triad, Maoism	Mikado, samurai, tycoon, Shogun	–
Национальные блюда и напитки	Borscht, blini, vodka	Chop suey, spring roll, oolong	Sushi, sashimi, tempura, matcha, sake	Kimchi
Предметы быта	Samovar, dacha, Babushka[3]	Chopstick, junk, renminbi	Futon, tatami, hibachi	–
Одежда	Caftan, parka	Cheongsam, samfu	Kimono, obi	–
Представители флоры	–	Goji berry, lychee	Daikon, kudzu, shiitake	–
Представители фауны	Beluga, borzoi	Chow, Pekinese	Tosa, koi	–
Искусство	Balalaika	Anime, ikebana, haiku, origami, kabuki	–	–
Спорт		Kung fu, t'ai chi ch'uan	Judo, karate, sumo	Tae kwon do
Географическая лексика	Taiga, steppe	Typhoon	Tsunami	–
Философия	–	Feng shui, Taoism, yin, qi	Kaizen	–
Религия	Shaman	Confucianism	Zen, Shinto	–
Медицина	–	Ginseng	Shiatsu, reiki	–

[3] В значении 'косынка'.

Отметим также, что в онлайн-версии Оксфордского учебного словаря доступна возможность ознакомиться со списком единиц, добавленных в словник в последние годы. Среди представленных лексических единиц, добавленных в 2018 г., нами обнаружены четыре заимствования из языков стран Северо-Восточной Азии: *kanban, kimchi, hibachi, ramen*. Отсюда можно сделать вывод, что процесс заимствования иностранных слов английским языком не прекращается, а базовый словник «человека в словаре» регулярно пополняется новыми заимствованиями.

Лексикографические средства и приёмы манифестации заимствованной лексики. Учебный словарь, помимо фиксации лексического строя языка, служит средством усвоения языка путём получения информации о значении слов национального языка. Традиционно словарь использует разнообразные лексикографические способы и средства семантизации лексики. Для лексикографической семантизации заимствованного слова важными являются способы репрезентации донорской лингвокультуры. При анализе микроструктуры Оксфордского учебного словаря нами обнаружено три таких способа: указание на язык-донор, название конкретной страны или региона (как в скобках в начале словарной статьи, так и в составе самой дефиниции), а также отдельная зона словаря Word Origin, содержащая этимологическую информацию.

Наиболее частым эксплицитным способом указания на язык-донор и донорскую лингвокультуру является использование названия самого языка-донора, которое следует в скобках, открывая словарную статью:

– cheongsam – (*from Chinese*) a straight, tightly fitting silk dress with a high neck and short sleeves (= parts covering the arms) and an opening at the bottom on each side, worn by women from China and Indonesia;

– dojo – (*from Japanese*) a hall or school where judo or other similar martial arts (= fighting sports) are practiced;

– sputnik – (*from Russian*) a satellite of the type that was put into space by the Soviet Union.

Другим способом манифестации заимствованной лексики является указание на конкретную страну или регион, где используется та или иная лексическая единица. Для заимствований, отражающих события из истории жизни других стран и регионов, также даны указания на их архаичность:

– perestroika – (in the former Soviet Union) the reform of the economic and political system in the 1980s;

– qi – (in Chinese philosophy) the life force or flow of energy that is part of everything.

Одним из распространённых способов отражения интернационализации словаря является инкорпорированное в саму дефиницию указание на происхождение и функционирование данной иноязычной лексемы:

– five-spice – a powder that is a mixture of five spices, used in Chinese cooking;

– hiragana – a set of symbols used in Japanese writing;

– kimchi – a spicy Korean dish made with pickled cabbage, onions, peppers, etc.

Бóльшую часть заимствованных слов сопровождает этимологическая информация лингвистическо-энциклопедического содержания, которая выделяется в отдельную зону Word Origin, причём эта информация представлена только в электронной и онлайн-версии OALD:

– aikido – 1950s: from Japanese *aikidō*, literally ‘way of adapting the spirit’, from *ai* ‘together, unify’ + *ki* ‘spirit’ + *dō* ‘way’;

– feng shui – Chinese, from *fēng* ‘wind’ and *shuǐ* ‘water’;

– pogrom – early 20th cent.: from Russian, literally ‘devastation’, from *gromit* ‘destroy by the use of violence’;

– tae kwon do – Korean, literally ‘art of hand and foot fighting’, from *tae* ‘kick’ + *kwon* ‘fist’ + *do* ‘art, method’.

Было замечено, что в некоторых словарных статьях используются одновременно несколько способов для указания на иноязычное происхождение заголовочной единицы:

– babushka – (*from Russian*) 1) a Russian old woman or grandmother; 2) a traditional Russian woman’s headscarf, tied under the chin. [Word Origin: Russian, ‘grandmother’];

– dim sum – (*from Chinese*) a Chinese dish or meal consisting of small pieces of food wrapped in sheets of dough. [Word Origin: from Chinese (Cantonese dialect) *tim sam*, from *tim* ‘dot’ and *sam* ‘heart’];

– pachinko – (*from Japanese*) a Japanese form of pinball, in which you can win prizes [Word Origin: Japanese].

Семантизация заимствованной лексики. Характерной особенностью учебного словаря является описание всех лексических единиц с помощью заранее отобранного, ограниченного в рамках определенного количества вокабуляра (limited defining vocabularies) [12: с. 39] В OALD все единицы словника описываются при помощи 3 тыс. базовых слов, отобранных составителями и включённых в отдельный список самых важных слов для изучения на английском языке – The Oxford 3000.[4]

На наш взгляд, дефиниции, поясняющие значения заимствованной лексики, являются краткими,

[4] https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/wordlist/ (accessed: 10.02.2020).

но при этом достаточно ёмкими. Можно выделить несколько типов словарной семантизации заимствования в зависимости от того, объясняется ли значение заимствованного слова, присущее ему в языке-доноре, или, вследствие ассимиляции в английском языке, слово в той или иной степени меняет свое значение в принимающей англоязычной культуре. Последнее явление получило название семантического сдвига, и оно представляет особенный интерес.

Анализ способов семантизации выявил следующие варианты семантического сдвига:

– сужение семантической структуры слова: *troika*;

– расширение семантической структуры слова: *babushka*;

– переносное значение: *kamikaze*;

– облагораживание значения: *yen*;

– пейорация: *to kowtow, to shanghai*;

Проиллюстрируем каждый случай.

При заимствовании слова могут входить в другой язык с сужением семантического объема лексической единицы, т.е. не с полным объемом значений, присущих ей в родном языке.

Примером этого может явиться русскоязычное заимствование *troika.* Оксфордский учебный словарь фиксирует только одно значение – «группа из трёх политиков, организаций или стран, работающих вместе» *(“a group of three politicians, organizations or countries working together”)*. В то же время в русском языке слово в данном значении практически не используется, однако существуют несколько иных значений данной лексической единицы: ‘цифра 3’, а также ‘количество три’, ‘учебная отметка “удовлетворительно”’, ‘упряжка в три лошади’ и др.

В процессе развития языка у заимствованных слов могут появиться и новые значения, которых ранее не было в исконном языке. Так, у заимствования *babushka* в английском языке появилось ещё одно значение, отсутствующее в русском: «традиционный женский головной платок, который завязывают под подбородком» *(“a traditional Russian woman’s headscarf, tied under the chin”)*. Аналогичным образом японское слово *kamikaze,* пройдя процесс адъективизации, обрело переносное значение[5], которое фиксирует учебный словарь: «солдат, рискующий своей жизнью» *(“used to describe the way soldiers attack the enemy, knowing that they too will be killed”).*

Изменение значения слова в принимающем языке может сопровождаться облагораживанием значения (амелиорация), что является достаточно редким процессом для азиатских заимствований и объясняется долгим историческим неприятием европейцами народов Азии. Примером слова с улучшенным по сравнению с исконным значением является заимствование китайского происхождения *yen.* Согласно этимологической информации, представленной в OALD, слово было заимствовано в английский язык в конце XIX в. со значением «пристрастие к опиуму, пристрастие наркомана». Позже данное заимствование получило новое улучшенное значение, образованное путём генерализации по функциональному признаку – «сильное желание к чему-либо», что словарь также демонстрирует на примере: *I’ve always had a yen to travel around the world.*

Обратным процессом амелиорации значения является пейорация – ухудшение значения. В ходе проведённого сопоставительного анализа нами были выявлены заимствования, которые в процессе ассимиляции в английском языке приобрели оттенки пренебрежительного отношения.

Согласно представленной в OALD дефиниции заимствованный из китайского языка глагол *to kowtow,* означающий в языке-доноре «низко кланяться, делать низкий поклон (касаясь головой земли)», в настоящее время в английском языке получил неодобрительное значение «раболепствовать, подлизываться, пресмыкаться» *(“to show somebody in authority too much respect and be too willing to obey them”).*

Отрицательное значение развилось у глагола *to shanghai*, образованного от названия китайского города Шанхай, – «добиться чего-либо нечестным путём или принуждением» *(“to trick or force somebody into doing something that they do not really want to do”).*

Надо отдать должное, что составители учебных словарей стараются занимать политически нейтральную позицию и находить корректный подход в отражении острых политических вопросов. Так, например, между Южной Кореей и Японией существуют разногласия по поводу названия разделяющего их моря: Япония называет данное море Японским, а Корея требует его официального переименования в Восточное море. Составители Оксфордского учебного словаря при написании статьи про Корею дипломатично указали оба названия:

Korea – a region of eastern Asia that forms a peninsula between the Sea of Japan/the East Sea and the Yellow Sea, now divided into the countries of North Korea and South Korea.

В заключение можно сделать вывод, что современный английский язык в репрезентации учебного словаря представляется как язык, сочетающий черты мультилингвальности и мультикультурности. Динамика интернационализации словника учебного словаря впечатляет. Словарную личность, владеющую таким словарем, можно назвать в определённой степени интернациональной и многоязычной.

[5] Первоначальное значение слова *kamikaze* – ‘штормовой ветер’.

Учебный словарь английского языка, главными задачами которого являются фиксация словарного состава национального языка и передача информации неносителям английского языка, демонстрирует интернационализацию словарной языковой личности различными способами.

Посредством включения в словник иноязычных заимствований учебный словарь передает особенности иноязычных культур и служит для пользователя инструментом познания языка, а значит, и культурного фона иных стран.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Денисов, П.Н.* Практика, история и теория лексикографии в их единстве и взаимообусловленности / П.Н. Денисов // Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике. – Москва : Русский язык, 1978. – С. 25–33.

2. *Дубичинский, В.В.* Лексикография русского языка : учеб. пособие / В.В. Дубичинский. – Москва : Наука : Флинта, 2008. – 432 с.

3. *Кабакчи, В.В.* Реалии русской культуры в Большом Оксфордском словаре / В.В. Кабакчи // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2015. – № 1 (45). – С. 16–22.

4. *Кабакчи, В.В.* Введение в интерлингвокультурологию : учеб. пособие / В.В. Кабакчи, Е.В. Белоглазова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Юрайт, 2018. – 253 с.

5. *Карасик, В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс : монография / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.

6. *Карасик, В.И.* Языковые ключи / В.И. Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2007. – 520 с.

7. *Караулов, Ю.Н.* Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – Москва : Наука, 1987. – 261 с.

8. *Прошина, З.Г.* Английский язык и культура народов Восточной Азии / З.Г. Прошина. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – 476 с.

9. *Прошина, З.Г.* Контактная вариантология английского языка: Проблемы теории. World Englishes Paradigm : учеб. пособие / З.Г. Прошина. – Москва : Флинта : Наука, 2017. – 208 с.

10. *Седых, А.П.* Языковая личность и этнос (национально-культурные особенности коммуникативного поведения русских и французов) : монография / А.П. Седых. – Москва : Спутник+, 2004. – 269 с.

11. *Crystal, D.* The Cambridge Encyclopedia of the English Language / D. Crystal. – Cambridge : Cambridge University Press, 2019. – 582 p.

12. *Heuberger, R.* Salient Features of Learners' Dictionaries / R. Heuberger // The Oxford Handbook of Lexicography / Ed. by P. Durkin. – Oxford : Oxford University Press, 2016. – P. 25–44.

13. *Kachru, B.B.* World Englishes and Applied Linguistics / B.B. Kachru // World Englishes. – 1990. – Vol. 9, № 1. – P. 3–20.

14. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A.S. Hornby, ed. by Sally Wehmeier. – 6th ed. – Oxford : Oxford University Press, 2000. – 1539 p.

15. *Weiss, E.H.* The Elements of International English Style: A Guide to Writing Correspondence, Reports, Technical Documents, and Internet Pages for a Global Audience / E.H. Weiss. – Armonk, NY : M.E. Sharpe, 2005. – 192 p.

16. Aadhaar, hartal among 26 new Indian English words featuring in Oxford dictionary. – URL: https://www.livemint.com/news/india/aadhaar-hartal-among-26-new-indian-english-words-featuring-in-oxford-dictionary-11579865770039.html (accessed: 04.02.2020).

17. Oxford Advanced Learner's Dictionary. – URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/ (accessed: 07.02.2020).

DOI:

ТОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ФИКСАЦИИ ЦИТАТ В СВЕТЕ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Е.С. Бахтуева

На основе анализа реального бытования известных цитат в речи представителей современного англоязычного сообщества в статье подтверждается целесообразность использования методов филологической топологии, разработанных в рамках антропоцентрической парадигмы, не только при изучении функционирования цитат в определённой лингвокультуре, но и при создании словарей цитат, с тем чтобы они могли служить надёжным подспорьем как для носителей языка, так и для изучающих язык иностранцев.

Ключевые слова: антропоцентрическая парадигма, инвариант, лексикография, филологическая топология, цитата, словарь цитат, языковая личность.

TOPOLOGICAL APPROACH TO THE STUDY AND LEXICOGRAPHIC FIXATION OF QUOTATIONS: AN ANTHROPOCENTRIC PERSPECTIVE

E.S. Bakhtueva

The methods of philological topology, established within the anthropocentric paradigm, appear to be useful not only for studying the functioning of quotations in discourse, but also for designing dictionaries of quotations to make them an effective tool both for native and non-native speakers. The conclusions drawn are based on the analysis of how the most popular quotations are actually used by native and non-native speakers of the English language.

Key words: anthropocentric paradigm, invariant, lexicography, philological topology, quotation, dictionary of quotations, language personality.

Одной из форм проявления преемственности между текстами и целыми лингвокультурами является цитирование: цитируя, как верно отмечает В.П. Андросенко, «мы черпаем из запасов мудрости, опыта и художественных достижений человечества, постоянно осуществляя выбор между созданием нового и повторением канонизированного старого» [1: с. 4].

Проблема цитирования и цитатной речи изучается в рамках самых разных подходов и направлений. До формирования антропоцентрической парадигмы исследователи, анализируя цитату как лингвистическое явление, изучали преимущественно механизмы цитирования (например, графические средства оформления и способы введения цитаты в текст), а не реальное бытование цитат в речи. Однако всё изменилось, когда антропоцентрическая парадигма стала ведущей в современном гуманитарном знании. Необходимость человека познать мир через осознание себя и своей деятельности в нём привела к тому, что «язык в себе и для себя» перестал быть основным объектом лингвистики, а внимание исследователей переключилось с обезличенной языковой системы на сам субъект (коллективный или индивидуальный) речевой деятельности. Остававшиеся вне поля зрения учёных вопросы о том, каким образом и в какой форме «осколки» мудрой мысли хранятся в памяти носителей языка и передаются от одного субъекта речевой деятельности к другому, стали подвергаться глубокому осмыслению. Немалую роль в изучении данной проблематики сыграли начавшиеся в конце 80-х гг. XX в. и продолжающиеся по сей день топологические исследования цитат с точки зрения их варьирования и инвариантности.

Антропоцентрическая ориентация современной лингвистики выдвигает на первый план вопросы, рассматривающие человека как *языковую личность*, как творца, носителя и пользователя языка. При этом языковая личность может рассматриваться, с одной стороны, как реальный «носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведённых им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для

Бахтуева Евгения Станиславовна – аспирант факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Evgeniya Stanislavovna Bakhtueva – PhD student, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: evgeniya.bakhtueva@gmail.com

© Бахтуева Е.С., 2020

отражения ви́дения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определённых целей в этом мире» [9: с. 671], а с другой – как некий «обобщённый образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [5: с. 114]. Признавая двойственность данного понятия, лингвисты в зависимости от целей и задач исследования изучают либо конкретного говорящего, либо обобщённую моделируемую сущность, отвлечённую от конкретного носителя.

Из обоих определений видно, что понятие языковой личности не может быть сведено лишь к индивиду, обладающему психофизиологической способностью производить высказывания на данном языке. Немаловажным для языковой личности является знание о том, каким образом принято говорить в данном языковом сообществе в соответствии с определённой традицией. Ведь язык, как верно отмечают Ю. Цзя и С. Цзя, это «не просто система звуков, грамматики и значений. Это социальное поведение, которое обусловлено социальными и культурными нормами, правилами и культурными ценностями», и именно различия в типах коммуникативного поведения в разных культурах становятся «причиной непонимания и неудач в общении» [12: с. 9–10].

Вышесказанное справедливо и с точки зрения использования в речи цитат. Например, в английской культуре, где употребление аллюзий и цитат продолжает играть совершенно особую роль, для того чтобы в определённом кругу считаться «своим человеком», адресату необходимо улавливать в разговоре различные цитаты и соответствующим образом на них реагировать, а адресанту – знать, когда, где и в какой форме будет уместным включить цитату в его собственную речь. В противном случае, если человек не замечает цитату, не реагирует на неё или, наоборот, злоупотребляет цитатами, использует их в неподходящей обстановке или не в той форме, в какой они обычно употребляются людьми, то он рискует оказаться «чужим» в данном обществе [4: с. 18].

Рассматривая языковую личность в аспекте неологизации, О.А. Никитина отмечает, что человек, владея системой и нормой данного языка, зная лингвокультурные традиции данного языкового сообщества, способен в отношении языка действовать по собственному свободному выбору (в том числе выходить за пределы ограничений системы языка и предписаний языковой нормы), для того чтобы реализовать свои коммуникативные намерения [6: с. 78]. Проявляя подобную творческую инициативу, языковая личность порождает лексическую инновацию, которую интерпретатор дискурса может либо отвергнуть (в таком случае она останется индивидуально-авторским образованием в рамках одного контекста), либо принять и воспроизвести в собственной речи, если посчитает ее подходящим средством для решения определённой коммуникативной задачи (в таком случае она впоследствии может стать полноправным фактом языка) [7: с. 208]. Регулярное использование инновации, таким образом, приводит к тому, что она постепенно становится частью языковой нормы.

Представляется, что подобные механизмы действуют и при использовании в речи цитат. Так, проявляя лингвокреативность, говорящие/пишущие, как правило, не воспроизводят известные (даже уже в какой-то степени избитые) сентенции дословно, а модифицируют их в соответствии со своими прагматическими установками, нередко обыгрывая и приводя в сокращённом или деформированном виде. Адресат распознает этот способ видоизменения известного речения как инновацию адресанта и, если она представляется ему удачной для решения определённой коммуникативной задачи, может аналогичным образом модифицировать цитату в собственной речи, тем самым обеспечивая инновации регулярность воспроизведения. Таким образом, создается целая система различных вариантов употребления цитаты, группирующихся вокруг некой инвариантной основы. Именно эта инвариантная основа закрепляется в сознании носителей языка и таким образом становится частью традиции данного языкового коллектива на определённом этапе его развития.

Исследования цитат с позиций филологической топологии позволили выявить определённые закономерности в том, как в процессе коммуникации говорящие/пишущие модифицируют и воспроизводят цитаты, а также другие родственные с ними речения, такие как пословицы, поговорки, идиомы и т.д. Как оказалось, то, что остаётся от оригинального речения при цитировании, определяется тем, какой именно аспект его инварианта – семантический, структурный или функциональный – выходит на первый план, подчиняя себе остальные [8].

Рассмотрим примеры функционирования некоторых известных цитат, отобранных из Little Oxford Dictionary of Quotations (2012, далее – LODQ) [15]. LODQ является самым малым из серии оксфордских словарей цитат и включает в себя около 4000 речений. Созданный на материале Оксфордского словаря цитат (Oxford Dictionary of Quotations) и Оксфордского корпуса английского языка (Oxford English Corpus) LODQ, по словам его авторов, представляет собой антологию самых популярных и самых полезных речений, которые призваны украсить речь и подкрепить точку зрения говорящего [15: с. vii]. Иными словами, следуя британ-

ской лексикографической традиции, составители словаря зафиксировали и то, что широко известно и на самом деле воспроизводится носителями языка (т.е. применён дескриптивный подход к фиксации цитат), и то, что авторам словаря хотелось бы, чтобы в обществе знали и цитировали (прескриптивный подход).

Рассмотрим знаменитую фразу американского астронавта Нила Армстронга, которую он произнес, ступив на поверхность луны 20 июля 1969 г. В LODQ она приводится в следующем виде:

That's one small step for a man, one giant leap for mankind.

Neil Armstrong 1930–2012 American astronaut, *stepping onto the moon*

Высказывание Нила Армстронга в считанные минуты после произнесения облетело весь мир и вошло в историю мировой космонавтики. Обращение к Британскому национальному корпусу (далее – BNC) [13] и сети Интернет выявило невероятную популярность данной цитаты среди англоговорящего населения. Однако помимо примеров дословного цитирования с точной атрибуцией (что чаще наблюдается в контекстах, посвящённых космонавтике) встречаются случаи и совсем иного употребления:

• *Our aim is to improve the quality of life, not impair it.* ***It's a small step for*** *a manufacturer. But* ***it's a giant leap for*** *trout, tench, roach, loach, pike, perch and bream. AEG – Advanced Engineering from Germany (Adverts from Clothes Show, 1991).*

• ***That's one small step for*** *an elephant, but* ***a giant leap for*** *the survival of tiny aquatic animals (New Scientist, 2016).*

• ***This is one small step for*** *music lovers everywhere, and* ***one giant leap for*** *the One Direction fandom (E! News, 2017).*

Были также замечены случаи сокращения цитаты до синтагмы *one/a giant leap for*, особенно в заголовках статей, например:

• ***One giant leap for eyesight****: Welsh pensioner one of first in the world to benefit from revolutionary treatment (WalesOnline, 2014).*

Примеры показывают, что в различных вариантах цитирования фразы Армстронга компоненты *man* и *mankind* часто опускаются и заменяются другими подходящими по контексту словами. Таким образом, рассматриваемая цитата, обладая яркой и запоминающейся формой, употребляется в речи не полностью, а в виде некоего каркаса, который свободно наполняется любыми контекстуально значимыми словами и легко адаптируется под любой тип текста – от научных статей до рекламных сообщений. Аналогичное явление можно наблюдать при воспроизведении этого высказывания и в русском языке.

Обратимся к высказыванию французского писателя-просветителя Вольтера. Один из вариантов перевода этой цитаты представлен в LODQ в следующем виде:

If God did not exist, it would be necessary to invent him.

Voltaire 1694–1778 French writer

Анализ контекстов в BNC показал, что речение Вольтера уже давно не цитируется дословно, а англоязычные варианты его перевода (в том числе – *«If God did not exist, we would have to invent him»*) используются как основа для образования схожих по структуре фраз: компонент *God* опускается и заменяется на любые другие контекстуально обусловленные слова, для того чтобы выразить (часто в шутку) удовлетворение по поводу определённых обстоятельств (явления, человека и т.д.), наличие которых выгодно/необходимо исходя из рациональных соображений.

• *You know,* ***if Marius Steen didn't exist, it would be necessary to invent him*** *(Simon Brett. Cast in order of disappearance, 1975).*

Обращение к сети Интернет подтверждает, что рассматриваемая сентенция нередко обыгрывается в пределах структурного инварианта. Например, изначально утвердительная форма цитаты в некоторых случаях может заменяться на вопросительную. Кроме того, нередки случаи так называемой «переполюсовки», т.е. изменения смысла на прямо противоположный. Например:

• *To paraphrase the usual saying:* ***if Donald Trump did not exist, we would have no desire to invent him*** *(The Quietus, 2016*).

• *The wretched truth is that* ***if the Geneva Conventions did not exist today, no one would invent them*** *(openDemocracy, 2016*).

• *The conversation that is now needed should begin with the most fundamental question of all:* ***if the Liberal Democrats did not exist, why would it be necessary to invent them****? (Independent, 2015).*

Очевидно, что популярная цитата Вольтера в подавляющем большинстве случаев не цитируется в том виде, в котором она зафиксирована в LODQ, а выступает в качестве каркаса для других фраз, нередко обыгрываясь и наполняясь совсем иным содержанием. Функционально-стилистическая направленность вариантов современного употребления цитаты также не совпадает с функцией исходного выражения: глубокий философский смысл исчез и наблюдается тенденция несерьезного, иронического цитирования. Примечательно, что аналогичным образом цитата Вольтера употребляется и в русской речи. Так же, как и в англоязычной традиции, она служит основой для образования однотипных фраз и, потеряв свой глубокий философский смысл, упо-

требляется преимущественно шутливо, что было отмечено в Энциклопедическом словаре крылатых слов и выражений В.В. Серова [10].

Перейдем к не менее интересному примеру, а именно афоризму Л.Н. Толстого из романа «Анна Каренина», который благодаря мировой известности как самого автора, так и его романа был зафиксирован в LODQ и считается в англоязычной культуре одной из тридцати величайших вступительных фраз из произведений мировой классики [14]. Речь идет о знаменитых словах *«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему»*, вариант перевода которых в LODQ представлен следующим образом:

All happy families resemble one another, but each unhappy family is unhappy in its own way.

Leo Tolstoy 1828–1910 Russian novelist

Однако это не единственный и далеко не самый цитируемый вариант перевода данного афоризма на английский язык. Роман издавался не менее 625 раз на 41 языке. Среди них, как минимум, 24 варианта перевода на английский язык [3]. При этом, согласно BNC и англоязычной версии поисковой системы Google, особенно популярны два следующих англоязычных варианта перевода знаменитых строк – *«All happy families are alike; each unhappy family is unhappy in its own way»* и *«All happy families are alike but an unhappy family is unhappy after its own fashion»*, которые часто воспроизводятся в литературе и СМИ, а также при повседневном общении.

- *"**All happy families are alike; each unhappy family is unhappy in its own way.**" Tolstoy's opening lines to Anna Karenina apply equally to family businesses, and no wonder (Financial Times, 2019*).

Обладая ярким гномическим* содержанием, афоризм Льва Толстого в большинстве случаев воспроизводится дословно либо в качестве совета рассмотреть конкретную причину семейных неурядиц, либо как форма утешения в трудных обстоятельствах. Наличие точной атрибуции (указание авторства и/или самого романа) практически во всех примерах подтверждает тот факт, что цитата даже по прошествии целого века по-прежнему связана нерасторжимыми узами с личностью своего создателя и эта связь ценится и оберегается пишущими/говорящими.

Интересно отметить, что, несмотря на большой гномический потенциал, афоризм, легко адаптируясь под любую описываемую ситуацию, без каких-либо затруднений может использоваться в виде каркаса для образования других фраз. Например:

- ***Monolingual families may seem all alike** …, **but multilingual families are each multilingual after their own fashion** (Mark Sebba London Jamaican, 1993).*
- ***Happy family holidays are all alike; every unhappy family holiday fails in its own way**, as Tolstoy nearly wrote (The Telegraph, 2016).*
- ***Heroes are all alike; villains are all villainous in their own way.** From Simba to Skywalker, Harry Potter to Frodo Baggins, good guys tend to be earnest outsiders with a destiny and daddy issues. But the way to sort a great fantasy from its lesser rivals is by identifying an excellent baddy (Independent, 2012).*

Аналогичная картина наблюдается и в русской лингвокультуре, где афоризм Толстого хорошо знают и ценят, нередко воспроизводят в речи в виде прямой цитаты с указанием точной атрибуции, а иногда используют как основу для образования схожих по структуре фраз.

Таким образом, цитаты, являясь неотъемлемой частью вертикального контекста, требуют особого внимания, в том числе и со стороны лексикографов, поскольку, как показывают приведённые выше примеры, речения, как правило, не воспроизводятся в том виде, в котором они представлены в словарях. Для того чтобы словарь цитат мог стать действительно надёжным подспорьем как для носителей языка, так и для изучающих его иностранцев, в нём должна содержаться информация не только о наиболее популярных цитатах с точной атрибуцией, но и о том, как данные высказывания функционируют в речи представителей соответствующей лингвокультуры. Такие знания не только дополнят арсенал языковых средств, которыми владеет человек, но и позволят избежать культурных ошибок, которые, как отмечает С.Г. Тер-Минасова, «не прощаются так легко и производят самое отрицательное впечатление» [11: с. 30].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андросенко, В.П.* Цитата как элемент сообщения и как фактор эстетического воздействия : дис. … канд. филол. наук / В.П. Андросенко. – Москва : МГУ, 1988. – 206 с.

2. *Ахманова, О.С.* Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова ; гл. ред. М.В. Лазова. – 2-е изд., стер. – Москва : Сов. энцикл., 1969. – 608 с.

3. Библиография переводов романа «Анна Каренина» на иностранные языки. – URL: http://feb-web.ru/feb/tolstoy/texts/selectpr/a70/a70-891-.htm?cmd=2, свободный (дата обращения: 2.01.2020).

4. *Гюббенет, И.В.* Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста / И.В. Гюббенет. – Москва : Изд-во МГУ, 1991. – 205 с.

5. *Карасик, В.И.* Языковая личность как предмет изучения антропологической лингвистики / В.И. Карасик // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2011. – № 8 (62). – С. 109–115.

* Гномический – употребляемый в изречениях, пословицах, поговорках и т.п., представляющих явление (действие, процесс) как вневременной, как общее правило; сообщающий общую истину [2: с. 110].

6. *Никитина, О.А.* К вопросу о типологии языковой личности в аспекте неологизации / О.А. Никитина // Научный диалог. – 2016. – № 3 (51). – С. 75–87.

7. *Никитина, О.А.* Лингвокреативность языковой личности и дискурсивные маркеры лексических инноваций / О.А. Никитина // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2014. – № 6. – С. 206–221.

8. *Полубиченко, Л.В.* Топология цитатной речи: от сферы функционирования к сфере фиксации / Л.В. Полубиченко // Вестник Московского университета. – 2018. – № 4. – С. 37–47. – (Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация).

9. Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – 721 с.

10. *Серов, В.* Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / В. Серов. – Москва : Локид-Пресс, 2003. – URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_wingwords, свободный (дата обращения: 02.01.2020).

11. *Тер-Минасова, С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие / С.Г. Тер-Минасова. – Москва : Слово/Slovo, 2000. – 624 с.

12. *Цзя, Ю.* Социолингвистический подход к межкультурной коммуникации / Ю. Цзя, С. Цзя // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2009. – № 1 (21). – С. 8–27.

13. British National Corpus. – URL: http://www.natcorp.ox.ac.uk, ограниченный (accessed: 2.01.2020).

14. *Chilton, M.* 30 great opening lines in literature / M. Chilton // The Telegraph. – 6 Sept. 2019. – URL: http://www.telegraph.co.uk/books/what-to-read/30-great-opening-lines-in-literature, свободный (accessed: 02.01.2020).

15. Little Oxford Dictionary of Quotations / Susan Ratcliffe (ed.). – 5th edition. – Oxford : Oxford University Press, 2012. – 496 p.

DOI:

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СИНГАПУРСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК РЕЗУЛЬТАТ ПОЛИЛИНГВАЛЬНОСТИ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

П.И. Сергиенко

Данная статья, выполненная в русле контактной вариантологии, посвящена изучению языковых особенностей сингапурского варианта английского языка с особым вниманием к личности носителей данного варианта английского языка, испытавших влияние различных культур малайского, тамильского и китайского языков. Приводимые в статье фонетические, лексические и грамматические особенности устной разновидности сингапурского английского языка (Singlish) способствуют всестороннему изучению английского языка в целом, а также путей его развития, демонстрируют результат полилингвальности говорящих на нем жителей. Данное исследование помогает установить роль культурно-языковой личности в формировании языка.

Ключевые слова: языковая личность, сингапурский английский, синглиш, полилингвальность, контактная вариантология.

LINGUISTIC FEATURES OF ENGLISH IN SINGAPORE AS A RESULT OF POLYLINGUALISM OF ITS SPEAKERS AND THEIR CULTURAL INTERACTION

P.I. Sergienko

Accomplished within the World Englishes paradigm, the article deals with linguistics specifics of Singapore English and its Singlish subtype with a special attention paid to the speakers, subject to the influence of various cultures and languages, including Malay, Tamil and Chinese. The provided examples of phonetical, lexical and grammatical features of the vernacular Singlish contribute to a better understanding of the English language variability, the ways of its development, as well as demonstrate the result of polylingualism and pluricultural interactions. The current research shows the extent to which the speakers' linguistic and cultural features may exert an influence on the language.

Key words: the Singapore English, Singlish, polylingualism, culture influence, World Englishes.

В рамках парадигмы контактной вариантологии английского языка (в западной традиции – World Englishes Paradigm) [10: с. 106] особый интерес для языковедов, переводчиков, преподавателей и специалистов по межкультурному взаимодействию представляет изучение английского языка и его функционирование в разных регионах мира. Отходя от прескриптивных функций стандартного варианта английского языка (британского или американского), исследователи говорят о нем как о языке международного общения (Lingua Franca). Ученые, стоящие у истоков данного направления, ведут речь об аккультурации и нативизации английского языка: "the acculturation and nativization of the language and the resultant Englishization of other languages and literatures" [26: с. 90] ввиду того, что английский язык, функционирующий в многокультурной и многоязыковой среде, приобретает отдельные социолингвистические и культурные характеристики, присущие данному региону. Так, азиатские локальные варианты английского языка признаются равноправными участниками плюрилингвального кросскультурного взаимодействия.

Поднимая вопрос о статусе английского языка как глобального, исследователи указывают на увеличение его роли в мировом масштабе, а также главенствующей роли английского языка в формировании отдельных вариантов. Как пишет британский лингвист-исследователь Д. Кристал, распространение языка происходит беспрецедентными темпами, при этом постоянно увеличивается число говорящих на этом языке людей [18: с. 110]. Современные условия существования языка, его повсеместное распространение и всеобщее использование английского языка во многом определяют его особенности. Д. Кристал отмечает заметную напряженность между процессами интернационализации английского языка и сохранением иден-

Сергиенко Полина Игоревна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языка для гуманитарных факультетов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Polina Igorevna Sergienko – Doctor (Philology), Lecturer, Department of English for the Humanities, Faculty of Foreign Languages and Area Studies at Lomonosov Moscow State University.

E-mail: poserg@bk.ru

© Сергиенко П.И., 2020

тичности говорящих на нем жителей Великобритании и США в качестве носителей признанных языковых стандартов. Отмечается также, что все больше пользователей английского языка, для которых он не является родным, оказывают влияние на изменение английского языка и его распространение: «…английский как международный язык принадлежит всем тем, кто его использует, и те, кто изучают его как дополнительный язык, играют активную роль в распространении и изменении языка» [31: с. 49].

Внося ясность в терминологически запутанную ситуацию, З.Г. Прошина пишет о признании плюрицентричности английского языка и выработке стандартов международного английского языка (EIL – English as an International Language) как модели обучения, а «в связи с осознанием собственной лингвокультурной идентичности даже о появлении региональных и локальных стандартов» [10: с. 61]. Например, кодифицированные нормы и свой стандарт имеют австралийский английский, новозеландский, южно-африканский, сингапурский и другие варианты. Отдельные исследования посвящены этим вариантам с учетом национально-культурного компонента и плюриязыковой среды, в которой они функционируют [2; 5; 6; 15; 16; 19; 22; 24; 28; 29; 30; 32; 33].

Американский лингвист индийского происхождения Б. Качру, положивший своим исследованием индийского варианта английского языка [24] начало современной лингвистической контактологии, представил схему категоризации вариантов английского языка в виде трех концентрических кругов (Concentric Circles) [5; 25]: Внутреннего (Inner Circle), Внешнего (Outer Circle) и Расширяющегося (Expanding Circle), – исходя из функциональной и нормативной стороны. Согласно данной теории варианты английского языка, принадлежащие Внутреннему кругу, имеют собственный стандарт, используемый во всех сферах деятельности социума. Варианты Внешнего круга наделяют английский язык особыми функциями, такими как язык внутригосударственного общения и второй официальный язык страны, обслуживающий политическую, образовательную и культурную стороны жизни общества. С точки зрения соблюдения норм варианты Внешнего круга осуществляют заимствования у нормообеспечивающих вариантов Внутреннего круга, а также вырабатывают собственную норму – являются норморазвивающими вариантами. Что касается третьего, Расширяющегося круга, отмечается, что варианты английского языка имеют ограниченные функции, поскольку не используются в естественной коммуникативной среде, а являются результатом школьного образования и выполняют функцию межкультурного и межнационального общения. Уровень успешности такой коммуникации определяется степенью владения речевой нормой. Для термина «performance varieties», предложенного Б. Качру, З.Г. Прошина предлагает перевод «речевые варианты» английского языка [9; 11]. Как отмечается, целью обучения такому варианту английского языка становится усвоение «наиболее употребительных речевых и языковых норм, принятых в странах Внутреннего круга, а также усвоение социокультурной модели поведения носителей английского языка» [7: с. 61]. Примером такой нормы может считаться нормативное произношение британского варианта английского языка – RP (Received Pronunciation).

Исследователи отмечают, что использование английского языка в качестве языка международного общения, а также глобализация, которая необратимо наступает в современном мире, выявляют серьезные вопросы варьирования звуковой, грамматической и лексической нормы [1; 2; 8; 9; 11; 14; 18; 27]. Именно этим объясняется, что на той территории, на которой используется английский язык, он приобретает определенные акцентные характеристики, присущие местным национальным языкам. Данное утверждение дает нам основание говорить о формировании определенной культурной и языковой личности, основными особенностями которой являются соединение собственного английского языка и культуры с местными явлениями и элементами действительности, присущими этому региону.

Концепция языковой личности была разработана в отечественной лингвистике Ю.Н. Карауловым, который определяет языковую личность как «совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание и восприятие им речевых произведений» [4: с. 5]. По мнению автора концепции, произведения речи могут отличаться разной степенью структурно-связанной сложности, глубины и точности отражения действительности, мотивов и задач говорящего и т.д.

Отдельное исследование лингвистов на материале англоязычного дискурса посвящено изучению языковой личности как индивида и его имени в иноязычной среде [3]. По мнению исследователя С.И. Гарагули, происходят антропонимические трансформации языковой личности в образе литературного персонажа, во многом под воздействием различных окружающих его факторов и внутренних языковых особенностей. Данные трансформации приобретают социальное, культурное и психологическое значение, демонстрируя тем самым неразрывную связь между поиском личности и сменой имени.

Рассматривая язык и культуру говорящего на нем народа в неразрывном единстве [12; 13], логично дополнить понятие языковой личности путем рассмотрения также культурологических аспектов,

которые в той же степени влияют на формирование личности и его языковых произведений. По мнению С.Г. Тер-Минасовой, язык – это зеркало культуры, в котором «отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира» [13: с. 13].

В рамках антропоцентрической парадигмы современных исследований особенное внимание уделяется человеку, личности как творцу и активному субъекту, способному активно влиять на языковые процессы. З.Г. Прошина отмечает, что «культурно-языковая идентичность говорящего связана с признанием специфики культуры, выражаемой родным для него языком. Это восприятие себя или другого коммуниканта как члена определенной культурной общности. Идентичность коммуниканта описывается через понятие "языковая личность"» [11: с. 108]. Исследователи придерживаются мнения, что обращение к языковой личности является необходимым этапом для понимания текста, а языковая и культурная картины мира отражаются в создаваемой речи. Каждый говорящий привносит свои чувства и намерения в создаваемый текст. Отметим также, что, по мнению З.Г. Прошиной, можно вести речь о стабильной, но гибкой культурно-языковой идентичности [11: с. 110].

В настоящем исследовании мы рассматриваем культурно-языковую личность носителей сингапурского варианта английского языка (The Singapore English и его разновидности Singlish), являющегося родным языком для многих сингапурцев (более 1/3 населения) и вторым языком для остальных граждан страны (около 3,47 миллионов[1]). В исследовательский теории принято разграничивать сингапурский английский – The Standard Singapore English (акролект) и его мезо- и базилект – Singlish, называемый также 'creoloid' [30]. При этом стандартный вариант сингапурского английского языка (SSE-Standard Singapore English) существует совместно с разговорным Singlish, создавая ситуацию диглоссии (diglossia) [20; 22]. Оба варианта сочетают в себе лингвистические и культурные представления собственно английского языка, а также языковое и культурное влияние малайского, китайского, тамильского и некоторых других языков, распространенных в регионе Юго-Восточной Азии.

Великобритания, согласно авторитетному изданию "The Guardian", в целях сохранения своего влияния в мире меняет свое отношение к английскому языку, учится учитывать все формы существования языка. Отмечается, что учитывать и признавать важность следует даже таких новых форм существования английского языка, как Chinglish и Singlish (базилекты китайского и сингапурского варианта английского языка): "Catching up in an age of global English, [the report says] that far from being corruptions of English, new versions of the language, such as 'Chinglish' and 'Singlish' (Chinese and Singaporean varieties of English) have values that we must learn to accommodate and relate to" [21].

Точки зрения, связанной с внимательным отношением ко всем вариантам английского языка, придерживаются и признанные лингвисты. Д. Кристал отмечает, что в современных условиях, когда развиваются электронные технологии, язык по-прежнему способствует интенсификации международных связей, что требует от носителей языка, а также преподавателей английского языка должного внимания и понимания его природы, вариативности, законов и путей развития [18]. Изучение культурологических и языковых особенностей личности-носителя сингапурского варианта английского языка способствует изучению как непосредственного стандартного и разговорного вариантов, так и вносит вклад в понимание путей развития английского языка в целом.

Сингапурский английский (Standard Singapore English) является одним из четырех официальных языков в стране, наряду с малайским, китайским (мандаринским) и тамильским. Более высокий статус английского языка в стране определяется областью его употребления – в правительственной и образовательной сферах [28], что в концентрической модели вариантов английского языка Б. Качру соответствует Внешнему кругу. С точки зрения соблюдения норм фонетики, грамматики и лексики английского языка Внутреннего круга сингапурский вариант не выявляет больших различий, за исключением некоторых локальных лексических единиц, связанных с географией или климатом [28]. Дополнительно к стандартному варианту английского языка в Сингапуре распространен разговорный вариант – Colloquial Singapore English (CSE), или синглиш (Singlish), который обслуживает все остальные бытовые сферы жизни общества. Данная разновидность сингапурского варианта имеет свои особенности, обусловленные взаимодействием с базилектами малайского английского (Manglish) и китайского английского языка (Chinglish) среди малайского и китайского населения. Полилингвальность жителей Сингапура, считающих Singlish родным языком, создает особенный фонетический, грамматический строй и лексический состав языка.

Культурно-языковая личность носителя сингапурского варианта английского языка сформировалась при определенных географических, политиче-

[1] English most common home language, bilingualism also up. The Straits Times on March 10, 2016.

ских и языковых условиях, что получило свое воплощение на всех языковых уровнях, раскрывающее фонетические отклонения от стандартного варианта RP, нарушение грамматической нормы и использование определенных лексических единиц.

С точки зрения фонетических особенностей данного варианта языка следует говорить о нескольких этнических и географических разновидностях синглиша. Китайская, малайская, индийская и европейская разновидности имеют свое характерное произношение, которое более всего проявляется в интонации. Отмечается, что разговорный сингапурский английский является полутональным языком: все китайские заимствования сохраняют свою тональность, в то время как английские, малайские и тамильские слова не являются тональными [29].

К качественным изменениям фонетического строя можно отнести упрощение, видоизменение дентальных фрикативных звуков /θ/ и /ð/ до звуков /t/ и /d/, таким образом, слова three и tree, а также then и den произносятся одинаково. В позиции на конце слова или слога сочетание букв –th произносится как –f /f/: with=/wif/, birth=/bəf/. По аналогии со словом with, without произносится /wivaut/ [16].

Другим примером изменения фонетического строя английского языка является отсутствие различия в произнесении звуков /l/ и /r/. Абсурд и непонимание некорректно звучащих фраз часто изображают актеры и другие известные личности, выступающие по телевидению. Так, комедийный сингапурский актер Пуа Чу Кан (Phua Chu Kang) в комедийном шоу MediaCorp на канале TV Channel-5 рефреном произносит фразы ‘Use your blain’ (Use your brain) и “Don pray pray” (“don’t play-play, i.e. don’t fool around”)[2]. Стоит отметить, что здесь в качестве примера используются кластеры звуков /bl/и /pl/, в то время как различия между самими звуками /l/ и /r/ нивелируются намного реже [16].

Данные лингвистические явления на уровне фонетики языка можно объяснить экстраполированием фонетических правил и норм произношения, свойственных другим языкам, носителями которых являются говорящие на синглише.

С точки зрения просодического рисунка языка синглиш представляет собой особенную разновидность сингапурского английского языка, отличную от британского, американского или австралийского вариантов.

– Ударение в большинстве вариантов английского языка является ритмичным (stress-timed), в то время как в синглише оно является послоговым (syllable-timed), что придает ему «эффект стаккато» [17].

– Для фонового выделения слова в предложении существует тенденция использовать смену тона с восходящего на нисходящий. Часто это слово стоит последним в высказывании или предложении, например “cycle” в предложении: “I will try to go to the park to cycle” [19]. При этом в синглише нет двусмысленности в использовании такого фонового рисунка, которая бы усматривалась носителями британского варианта английского языка.

В целом следует подчеркнуть, что в связи с тем, что носители сингапурского варианта английского языка, как стандартной, так и разговорной разновидности, имеют разное происхождение и разные родные языки, синглиш приобретает определенные черты в зависимости от фонетических характеристик говорящего, приносящего в речь элементы китайского, тамильского или малайского языка.

На уровне грамматики также отмечается несоблюдение морфологических норм английского языка. Наблюдается перенос грамматического строя разных языков, на котором говорят сингапурцы. Так, под влиянием китайского языка происходит упрощение словоизменения (опускаются окончания глагольных форм, показывающих прошедшее время или третье лицо единственного числа, необходимые в стандартном варианте): “*Long time no see; he don’t like it. What happen yesterday? You go where? You got so many car!*” Довольно часто незнание этих характерных особенностей синглиша может привести к непониманию: “*You know what happen lah. Fine*”. (= “you know what happened? I got fined”.) [23].

Отмечается факультативное, необязательное использование вспомогательного глагола-связки to be или вовсе его опущение: “*She so pretty. This new revision ah, really new!*” Также часто опускается подлежащее, которое можно выявить только из контекста: “*Don't want. Finish already*” [14; 23].

В целом отмечается нелюбовь сингапурцев к сложным составным глагольным формам, когда время и залог показываются позицией слов в предложении: “*The house sell already*”. (= ‘have sold the house’ или ‘the house has been sold’). “*Big bicycle taken away*” [23].

Долгое время полагалось, что, создавая смешение языковых кодов (code mixing) [27], привнося в английскую речь особенные слова и элементы, в том числе фонетические и грамматические, говорящие подчеркивали отклонение от нормы. В подтверждение этому очевидно использование усеченной грамматической структуры английского языка и лексического наполнения в соответствии с родным языком жителей, говорящих на сингапурском варианте.

Лексический состав сингапурского варианта английского языка включает в себя слова английского, малайского и китайского происхождения (из южно-миньского, чаошаньского и кантонского

[2] См. также: кинофильм Пуа Чу Кана (2010), Phua Chu Kang, The Movie (2010).

диалектов), а также заимствования из тамильского, бенгальского, пенджабского и, в меньшей степени, других европейских языков.

Различные диалекты китайского языка являются родными языками для 75 % населения Сингапура, что объясняет наибольшую популярность китайских заимствований – «kiasu» (кит. 怕輸 – «боящийся упустить что-либо» (напр. "*You went to get a handicapped sticker just to chope a parking space? How kiasu can you get*?" – «Ты поехал за наклейкой "инвалид" на машину только из желания не упустить парковочное место?») [14; 28].

Среди наиболее часто используемых слов исследователи выделяют лексическую единицу 'kena' [32]. Выражения, содержащие слово «kena» (или же его фонетические варианты «kene», «kana»), относятся к вспомогательным элементам в построении страдательного залога в устном сингапурском варианте английского языка. Данная лексическая единица происходит из малайского языка, в котором она означала «встретить, столкнуться, подвергнуться физическому воздействию». Стоит отметить, однако, что данное выражение в устном варианте сингапурского английского языка употребляется только в отрицательном значении, для придания фразе негативной коннотации или же с целью сарказма:

*He **kena** scold/scolded*. (Его обругали).

*Dun listen, later you **kena** punish/ punished.* (Если ты не будешь слушаться, то тебя накажут) [32].

Отметим, что «kena» не употребляется в положительном значении (что делает следующие выражения грамматически неверными: **He **kena** praised. *He **kena** jackpot*), однако то же самое выражение может быть использовано в саркастическом значении: "*He **kena** jackpot, come back to school after so long den got so much homework!" ("He received a lot of homework upon returning to school after a long absence").* [32]. «Он сорвал джекпот, получив большое количество домашнего задания после долгого отсутствия в школе».

Еще одной отличительной чертой сингапурского варианта английского языка на лексическом уровне является опущение существительного или, подобно китайскому языку, использование счетного слова [33]. Лексическая единица «one» аналогична счетным словам и частицам в кантонском диалекте китайского языка: 嘅 *ge* или 架 *ga*, южноминьском: 啲 *e*, разговорном японском: *-wa*, или северно-китайском (мандарин): 的 *de*. В данном значении лексическая единица «one» не соответствует британскому, американскому или же австралийскому варианту английского языка. Ее можно сравнить с использованием междометия *«eh»* в британском английском, или же ее можно назвать относительным местоимением, несмотря на то что данная единица стоит в конце относительного придаточного предложения, а не в начале:

*Wah lau! So stupid **one**! – Oh my gosh! He's so stupid!* «Боже мой! Какой он глупый!»

*I do everything by habit **one**. – I always do everything by habit.* «Я все всегда делаю по привычке» [33].

Из приведенных примеров видно, что говорящие на Singlish, разновидности сингапурского варианта английского, находятся в полилингвальной и поликультурной среде и, как следствие, часто привносят в английскую речь слова и элементы своих родных языков (китайского, малайского, индийского и др.).

В настоящий момент позиция ученых, говорящих о скудности лексического состава и грамматической ущербности креольских языков в целом, опровергается [21; 25–27], поскольку доказана лингвистическая ценность текстов, содержащих в себе элементы разных языков. Делается заключение, что говорящий должен обладать знаниями двух (и более) языков, чтобы уметь говорить и создавать тексты на языке третьего кода.

В целом изучение фонетических, грамматических и лексических особенностей сингапурского варианта английского языка оказывается актуальным для ученых, переводчиков и преподавателей английского языка, которым важно иметь не только глубокие знания основного варианта английского языка, но и понимание культурных вариантов функционирования английского языка в разных регионах мира.

Восприимчивость по отношению к другим языкам, использование английского языка в качестве языка международного общения и глобализация, которая необратимо наступает в современном мире, выявляют серьезные вопросы варьирования звуковой, грамматической и лексической нормы. Приведенные особенности синглиша, разновидности сингапурского варианта английского языка, способствуют всестороннему изучению английского языка и путей его развития, демонстрируют результат полилингвальности говорящих на нем жителей. Изучение влияния многокультурной среды и взаимодействия разных языков способствует пониманию природы языковой изменчивости, раскрывает взаимосвязь языков и культур, а также помогает установить роль языковой личности в формировании языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вишнякова, О.Д.* "Britishness": концептуализированная область и способы вербального выражения / О.Д. Вишнякова // Актуальные проблемы английского языкознания : сб. науч. ст. К юбилею проф. О.В. Александровой. – Москва : МАКС Пресс, 2012. – С. 162–167.

2. *Вишнякова, О.Д.* Структурно-содержательные трансформации языковых единиц с национально-культурным компонентом в новозеландском английском / О.Д. Вишня-

кова, О.В. Скурихина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2011. – № 6 (101), Вып. 9. – С. 120–126.

3. *Гарагуля, С.И.* Языковая личность: От слова к тексту. На материале англоязычного дискурса / С.И. Гарагуля ; отв. ред. Т.А. Комова и С.И. Гарагуля. – Москва : Либроком/URSS, 2013. – 248 с.

4. *Караулов, Ю.Н.* Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – Москва : Наука, 1987. – 261 с.

5. *Качру, Б.Б.* Мировые варианты английского языка: агония и экстаз / Б.Б. Качру // Личность. Культура. Общество. – 2012. – Т. XIV, Вып. 4 (75–76). – С. 145–164.

6. *Кириллова, О.О.* Полифония британского, ирландского, американского вариантов английского языка и языков аборигенов на австралийском семантическом поле / О.О. Кириллова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2017. – № 1 (53). – С. 66–73.

7. *Лазаретная, О.В.* Английский как средство международного общения и нормативная языковая идеология / О.В. Лазаретная // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2017. – № 1 (53). – С. 60–65.

8. *Молчанова, Г.Г.* Методы исследования в межкультурной коммуникации: символ как когнитивная память культуры / Г.Г. Молчанова // Вестник Московского университета. – 2011. – № 1. – С. 7–24. – (Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация).

9. *Прошина, З.Г.* Динамика развития английского языка в его региональных вариантах / З.Г. Прошина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2012. – Т. 35, № 3. – С. 14–19.

10. *Прошина, З.Г.* Терминологическая сумятица в новом лингвистическом ракурсе: метаязык контактной вариантологии / З.Г. Прошина // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2015. – № 1. – С. 105–117. – (Сер. Теория языка, семиотика, семантика).

11. *Прошина, З.Г.* Контактная вариантология английского языка: Проблемы теории. World Englishes Paradigm : учеб. пособие / З.Г. Прошина. – Москва : Флинта : Наука, 2017. – 208 с.

12. *Тер-Минасова, С.Г.* Война и мир языков и культур / С.Г. Тер-Минасова. – Москва : Астрель, 2007. – 344 с.

13. *Тер-Минасова, С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие / С.Г. Тер-Минасова. – Москва : Слово/Slovo, 2000. – 261 с.

14. An essential guide to Singlish. – Singapore : Gartbooks, 2009. – 163 p.

15. *Bao, Zh.* Already in Singapore English / Zh. Bao // World Englishes. – 1995. – Vol. 14, № 2. – P. 181–188.

16. *Bao, Zh.* The sounds of Singapore English / Zh. Bao // English in New Cultural Contexts: Reflections from Singapore / Ed. by J.A. Foley [et al.]. – Singapore : Singapore Institute of Management/Oxford University Press, 1998. – P. 152–174.

17. *Brown, A.* The staccato effect in the pronunciation of English in Malaysia and Singapore / A. Brown // New Englishes: the Case of Singapore / J. Foley (ed.). – Singapore : Singapore University Press, 1988. – P. 115–128.

18. *Crystal, D.* The Cambridge Encyclopedia of the English Language / D. Crystal. – Cambridge : Cambridge University Press, 1997. – 506 p.

19. *Deterding, D.* The intonation of Singapore English / D. Deterding // Journal of the International Phonetic Association. – 1994. – Vol. 24, № 2. – P. 61–72.

20. *Ferguson, Ch.A.* Diglossia / Ch.A. Ferguson // Word. – 1959. – № 15. – P. 325–340.

21. *Ford, L.* UK must embrace 'modern' English, report warns / L. Ford // The Guardian. – 2007. – March 15. – URL: www.theguardian.com/education/2007/mar/15/tefl.uk (accessed: 30.10.2019).

22. *Gupta, A.F.* Singapore Colloquial English and Standard English / A.F. Gupta // Singapore Journal of Education. – 1989. – № 10. – P. 33–39.

23. *Gupta, A.F.* Singapore Colloquial English (Singlish) / A.F. Gupta // Language Varieties / Hawaii State University. – 2012. – URL: www.hawaii.edu/satocenter/langnet/definitions/singlish.html#vocab-SCE (accessed: 30.10.2019).

24. *Kachru, B.* The Indianization of English: The English language in India / B. Kachru. – Oxford : Oxford University Press, 1983. – 280 p.

25. *Kachru, B.* Standards, codification and sociolinguistic realism / B. Kachru // English in the World: Teaching and Learning the Language and Literatures / R. Quirk and H.G. Widdowson (eds.) – Cambridge : Cambridge University Press, 1985. – P. 11–30.

26. *Kachru, B.B.* English as an Asian Language / B.B. Kachru // Links and Letters. – 1998. – № 5. – P. 89–108.

27. *Kirkpatrick, A.* World Englishes: Implications for International Communication and English Language Teaching / A. Kirkpatrick. – Cambridge : Cambridge University Press. 2007. – 257 p.

28. *Leimgruber, J. R. E.* Singapore English / J. R. E. Leimgruber // Language and Linguistics Compass. – 2011. – № 5.1. – P. 47–62.

29. *Lim, L.* Tone in Singlish: Substrate Features from Sinitic and Malay / L. Lim. – 1st ed. [ebook]. – University of Hong Kong. – URL: http://www.english.hku.hk/staff/lisa_lim/Lim-SubstrateFeaturesSinglish.pdf (accessed: 19. 01.2020).

30. *Platt, J.T.* The Singapore English speech continuum and its basilect 'Singlish' as a 'creoloid' / J.T. Platt // Anthropological Linguistics. – 1975. – № 17. – P. 363–374.

31. *Seidlhofer, B.* A Concept of International English and Related Issues: from 'Real English' to 'Realistic English'? / B. Seidlhofer. – Strasbourg : Council of Europe, 2003. – 28 p.

32. *Wee, L.* Nouns and noun phrases. Singapore English: A Grammatical Description / L. Wee, U. Ansaldo ; In Lisa Lim (ed.). – Amsterdam : John Benjamins, 2004. – P. 57–74.

33. *Wee, L.* Singapore English: morphology and syntax / L. Wee // A Handbook of Varieties of English. Vol. 2. Morphology and Syntax / Bernd Kortmann, Kate Burridge, Rajend Mesthrie, Edgar W. Schneider and Clive Upton (eds.). – Berlin : Mouton de Gruyter, 2004. – P. 1058–1072.

DOI:

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ РЕЧИ ПРИ КОНТАКТЕ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ВАРИАНТОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

М.А. Колесниченко

В статье анализируются особенности восприятия речи на английском как *lingua franca* при языковом контакте носителей русского и китайского вариантов английского языка. Отмечено, что неноситель английского языка, будучи творческой языковой личностью, производит высказывание доступными ему языковыми средствами для воплощения коммуникативной задачи, сообразуясь со своими знаниями, представлениями и установками о мире и культуре. Выявлена корреляция между разборчивостью и понятностью при восприятии акцентной речи, а также описаны явления фонетической трансференции, которые затрудняют понимание речи и во многом связаны с культурно-языковым наследием, глубоко укоренившимся в национальном самосознании говорящих на английском как *lingua franca*.

Ключевые слова: восприятие речи, английский как *lingua franca,* языковая личность неносителя английского языка, русский и китайский варианты английского языка, разборчивость и понятность речи, фонологическая трансференция.

SPEECH PERCEPTION SPECIFICS OF RUSSIA'S AND CHINA'S ELF SPEAKERS

M.A. Kolesnichenko

English as a *lingua franca* has many regional realizations differentiated by specific features, pronunciation included. The research focuses on the problem of accented English speech perception between Russian and Chinese ELF speakers. Two questions are raised: 1) establishing the correlation between intelligibility and comprehensibility in perception of the accented English speech; 2) describing types of phonological transfer that have an impact on intelligibility and comprehensibility. After analyzing the data, we conclude that phonological transfer is the main reason of intelligibility and comprehensibility barriers in ELF perception between Chinese and Russian ELF speakers and the features that complicate the understanding of speech are largely related to the cultural and linguistic heritage deeply rooted in the national identity of the ELF speakers.

Key words: speech perception (of Chinese and Russian ELF speakers), English as a Lingua Franca (ELF), linguistic identity of a non-native English speaker, Russian and Chinese Englishes, intelligibility and comprehensibility, phonological transfer.

Процесс распространения английского языка в мире является уникальным феноменом, изучением которого занимаются не только лингвисты, но и представители смежных наук – психологии, педагогики, социологии, культурологии и др. Это в свою очередь даёт мощный стимул для развития междисциплинарных подходов к исследованию статуса, роли, функционирования и подходов к преподаванию английского языка в контексте межкультурной коммуникации. Антропоцентричность современной лингвистики ставит во главу угла проблемы изучения человеческого фактора в процессах порождения и восприятия речи. Языковая личность говорящего рассматривается как «многослойная и многокомпонентная парадигма речевых личностей» [7: с. 240]. Используя английский язык как средство межкультурной коммуникации, человек выражает собственную культурно-языковую идентичность, превращая английский язык «во вторичное средство культурного самовыражения народов, в коммуникативное alter ego всех неанглоязычных народов» [5: с. 221].

Посредством английского языка (АЯ) происходит приобщение языковых личностей с разными от рождения культурно-языковыми чертами к распознаванию, пониманию и интерпретации смысловых характеристик речи членов других лингвосоциумов. В ситуации диалога культур особый интерес представляет собой фонетическая вариативность речи на английском как *lingua franca*, которая является неотъемлемой составляющей адекватного моделирования речевого поведения сообразно ситуации общения на основе собственного уровня владения языком и культурой. В данной работе исследуется проблема восприятия английской акцентной речи между носителями русского и китайского вариантов английского языка (АЯ). Это особенно актуально в связи с ростом политического, экономи-

Колесниченко Марина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Marina Aleksandrovna Kolesnichenko – Dr. (Philology), Associate Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication at Far Eastern Federal University (Vladivostok).

E-mail: kolesnichenko.ma@dvfu.ru

© Колесниченко М.А., 2020

ческого и культурного взаимодействия между Россией и КНР, в том числе интенсификацией процессов сотрудничества и обмена в научно-образовательном секторе, где общение происходит посредством английского или русского языка.

Механизмы восприятия иностранной речи первично исследовались в физиологии, лингвистике и психологии. Исследователи отмечают, что физиологические и психологические механизмы восприятия речи универсальны для каждого индивида, в то время как лингвистические механизмы связаны с той языковой системой, которой опосредован процесс восприятия, поскольку носители разных языков пользуются разными перцептивными системами [2; 3]. С середины прошлого столетия наблюдается бурный рост междисциплинарных исследований процессов восприятия и порождения речи в рамках когнитивной науки. Еще в 1951 г. К.С. Лэшли высказал мнение, что мозг человека следует рассматривать как динамичный комплекс, состоящий из многих постоянно взаимодействующих систем, которые формируют некий субстрат, на основе которого осуществляются любые операции, связанные с любым типом восприятия и действия [16]. Выход в 1980 г. книги Н. Хомского “Rules and Representations” о ментальных репрезентациях языковых единиц [15] стал отправной точкой в исследовании репрезентации знаний внутри мозга человека, т.е. психокогнитивной лингвистики.

Процесс овладения иностранным языком обусловлен глубинными нейрофизиологическими свойствами человеческого мозга и связан с формированием новой языковой личности, расширяющей своё языковое сознание за счет включения новых связей и отношений в виде иерархии структурированной информации. В определении Ю.Н. Караулова выделяются три уровня языковой личности: *вербально-семантический*, предполагающий нормальное владение естественным языком, *когнитивный*, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в упорядоченную «картину мира», и *прагматический*, связанный с мотивами и целями языковой личности [6: с. 8].

При таком взгляде интерес исследователя фокусируется не только на собственно языковых фактах, но и на культурно-языковой совокупности явлений в речевом поведении, на их прагматической функции, способности индивида выражать свою культурно-языковую идентичность через язык. Как следствие, в процессе овладения иностранным языком формирование в сознании индивида новой иноязыковой системы (лексической, грамматической и фонетической) происходит под взаимовлиянием «картин мира» родного и изучаемого языков. В частности, при овладении звуковым строем иностранного языка формирование новых артикуляторной и перцептивной баз как на сегментном, так и на супрасегментном уровне происходит через концептуализацию в мозгу человека единиц звукового строя и правил их функционирования в родном и изучаемом языках. В процессе восприятия речи на английском языке слушающий обращается к перцептивной базе этого языка, опираясь на собственный ранее приобретенный опыт. Согласно Н.Е. Евчик, «…перцептивная база языка – когнитивная реальность, существование и развитие которой обусловлено нейропсихофизиологической и социальной природой человека в процессе коммуникативно-познавательной деятельности. ПБ является итоговым результатом работы речевой функциональной системы и образуется фонологическими обобщениями ритмико-мелодических, слоговых структур и фонем на разных иерархических уровнях в виде системы формируемых в памяти эталонов и правил сравнения с ними» [4: с. 13].

Восприятие звучащей неродной речи происходит с опорой на уже имеющуюся иерархию процессов восприятия речи на родном языке и отражает опыт слушающего в обработке информации [4; 9]. Процесс восприятия иноязычной речи является континуальным. «Континуальность получаемой человеком информации обусловливает существование логико-семантических связей между разными уровнями языковой системы, знаками разных типов реальностей и их общей соотнесенностью с ментальными процессами, происходящими в памяти, мышлении и воображении индивида» [9: с. 79]. Речь, порождаемая в результате освоения иностранного языка, характеризуется фонетическими признаками, заложенными в сознании индивида и отражающими его лингвосоциокультурную принадлежность.

Континуальность присуща не только процессу восприятия иноязычной речи, но и процессу её реализации. Акцент является следствием фонетической трансференции и также характеризуется континуальностью. Фонетическая трансференция возникает на основе схожести фонетических явлений, а не их тождественности. Именно отсутствие прямого фонетического тождества в языках порождает акцент в речи в условиях межкультурного диалога. Степень выраженности акцента может проявляться тем сильнее, чем типологически и генетически дистантнее контактирующие языки. Единицы звукового строя конкретного языка представляют собой уникальный культурный код, отражающий самобытность языка и речи коммуниканта. Как следствие, акцентные явления в речи на иностранном языке служат одним из индикаторов национальной идентичности языковой личности говорящего.

Трудности в поиске инвариантных коммуникативно значимых речевых сигналов, раскрывающих

механизмы восприятия и отвечающих за адекватное декодирование воспринимаемого на слух сообщения, обусловлены тем, что сегодня не существует универсальной общепринятой модели восприятия. Согласно А.В. Венцову и В.Б. Касевичу, в настоящее время известно около 15 таких моделей, различающихся между собой как принципами построения, так и детальностью экспериментального материала [2]. Ни одна из моделей не достигла достаточной проработки, чтобы можно было провести параллель с реальным сложным когнитивным процессом, происходящим в человеческом мозгу. Особенно сложным является процесс поиска инвариантных коммуникативных единиц при порождении и восприятии речи на неродном языке между неносителями данного языка, которые часто вынуждены подстраивать свою речь для решения коммуникативных задач. Как отмечает О.А. Никитина, языковая личность прибегает к «лексическим инновациям», целью которых является не желание изменить язык, а интенция решить «конкретные потребности выражения» и достичь прагматического эффекта в сложившейся коммуникативной ситуации [10: с. 81–82]. При этом партнер по коммуникации должен проявить «эмпатическое понимание лексической инновации и найти для нее подходящее толкование» [10: с. 82].

В нашем случае проблема восприятия английской речи между носителями русского и китайского вариантов АЯ особенна тем, что слушающий воспринимает не эталонный вариант носителя языка, а вариант с разной степенью аппроксимации к языковой, в частности, произносительной американской норме[1], наделенный родным языковым и культурно-информационным запасом самого говорящего. Исследователи отмечают, что «фонетическое оформление иноязычной речи и ее восприятие на этом языке осуществляется "по правилам" промежуточной системы, парадигматические единицы которой не тождественны фонемам как первичной, так и вторичной системы» [8: с. 13]. То есть в сознании наших слушателей взаимодействуют система родного языка, система иностранного (английского) языка, система собственного английского в виде некой промежуточной системы со свойственной ей национально-специфической произносительной базой и воспринимаемый на слух английский язык говорящего – неносителя АЯ, также реализуемый в виде национально-маркированной промежуточной системы. При этом с учетом генетических и типологических свойств контактирующих языков (русский, английский китайский) вариабельность фонетических последовательностей (например, на уровне слога) настолько высока, что это будет создавать трудности в понимании речи, а значит, затруднять осуществление коммуникативной функции языка. Поэтому для исследования речи на языке-посреднике важными являются частота и регулярность речевого взаимодействия участников межкультурного диалога, которые демонстрируют в ходе общения, «какие объекты или явления могут представлять общий дискурсивный интерес, какими способами он может быть артикулирован или транслирован» [10: с. 82].

Л. Смит говорит о том, что общение на АЯ в международном контексте включает три уровня понимания: разборчивость (intelligibility) – распознавание, узнавание слова/высказывания; понятность (comprehensibility) – понимание значения этого слова/высказывания; интерпретирование (interpretability) – трактовку смысла, понимание значения слова/высказывания, находящегося «за пределами» высказывания, осознание намерения говорящего [18]. Данная трехуровневая концепция понимания речи соотносится с тремя типами коммуникативных потребностей языковой личности по Е.Ю. Прохорову: контактоустанавливающей, информационной и воздействующей [11: с. 57]. Разборчивость и понятность речи на АЯ как посреднике выступают ключевыми факторами при описании восприятия акцентных явлений в речи неносителей АЯ, так как играют базовую роль в реализации двух первых потребностей. Прежде чем достичь понимания речи и эффективно использовать стратегии и тактики межкультурной коммуникации (перифразы, повторы, избыточность, заимствования, кодовое смешение и др.), необходимо пройти стадию разборчивости речи в процессе восприятия, иначе достижение двух последующих стадий будет невозможным.

Для выявления фонетических особенностей, влияющих на разборчивость речи на английском как *lingua franca* между носителями русского и китайского вариантов английского языка, решались две задачи:

1) установить отношения корреляции между понятностью и разборчивостью в восприятии акцентной английской речи;

2) выявить и провести предварительный анализ фонетических нарушений, влияющих на разборчивость и понятность акцентной английской речи.

Материалом послужили 30 простых распространенных английских предложений. Для записи применялось приложение RecForge Pro в смартфоне Samsung Galaxy. Записи были сохранены в формате MP3 и перенесены в компьютер Acer. Общее время звучания составило 45 минут.

В качестве дикторов были привлечены 10 русских студентов 4-го курса (женского пола), обучающихся по программам бакалавриата по направле-

[1] В обеих образовательных средах английский язык изучается как иностранный.

нию «Лингвистика» (ДВФУ), средний возраст 20 лет; 10 китайских студентов (женского пола), обучающихся по программам бакалавриата (4-й курс) и магистратуры (1-й курс) ДВФУ по направлениям подготовки «Регионоведение в АТР» и «Филология», средний возраст 26 лет. Все дикторы изучали английский язык более 10 лет. В результате аудиторского анализа образцов речи, проведенного двумя преподавателями фонетики кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Восточного института – Школы региональных международных исследований (ВИ-ШРМИ) и двумя носителями английского языка (американский вариант), были отобраны 6 дикторов носителей русского языка и 6 дикторов носителей китайского языка со средним уровнем владения английским языком (мезолект).

В качестве информантов-слушателей были привлечены русские студенты – 10 человек, 4-й курс бакалавриата, обучающиеся по профилю подготовки «Лингвистика», и 10 китайских студентов, 4-й курс бакалавриата и 1-й курс магистратуры по направлениям подготовки «Филология», «Регионоведение» и «Международные отношения» (ДВФУ). Все информанты также имеют опыт изучения английского языка более 10 лет. Средний возраст участников 26 лет. Носителям русского языка предлагалось прослушать образцы английской речи китайцев, и наоборот, носителям китайского языка – английской речи русских. Общее количество анализируемого материала составило 360 фраз. Слушателям необходимо было заполнить табл. 1.

Таблица 1

Образец таблицы для информантов

Sentence №	Intelligibility	Comprehensibility
1.		
2.		

В экспертную группу также вошли 2 носителя американского варианта английского языка, преподаватели английского языка (мужчины 26 и 40 лет). Как отмечает З.Г. Прошина, носители языка не должны исключаться из общения на английском как *lingua franca,* «поскольку те, для кого АЯ родной, в условиях межкультурного общения тоже вынуждены приспосабливать свой язык к коммуникантам из других культур, для того чтобы быть понятыми» [12: с. 134–135]. Эксперты-носители американского варианта АЯ также оценивали речь наших дикторов по критериям разборчивости и понятности, к тому же для них был добавлен критерий акцентности речи.

Связная речь обладает высокой информативной избыточностью. При прослушивании фраз, а не слов или слогов достигается максимальная степень разборчивости, поскольку слушающий не производит последовательный анализ отдельных звуков, а воспринимает информацию целиком. Известно несколько способов оценки разборчивости, основными из которых являются следующие: звуковая (не менее 75 %); слоговая (не менее 85 %); словесная (не менее 99 %); фразовая (98–99 %) [13: с. 22–23]. Кроме того, могут применяться градуированные оценки (разборчивость считается отличной, хорошей, удовлетворительной, неудовлетворительной) или шкалы в баллах, например от 1 до 5. В данной работе для измерения разборчивости акцентной речи информантам предлагалось прослушать и записать фразы, начитанные дикторами, в таблицы разборчивости.

Для измерения субъективных значений понятности акцентной речи информантам предлагалось прослушать фразу и оценить понятность речи диктора по 5-балльной шкале Лайкерта, где 1 – непонятно (Very difficult to understand) и 5 – полностью понятно (Very easy to understand).

Для оценки акцентности речи дикторов эксперты-носители АЯ должны были также использовать шкалу Лайкерта. В их таблицах-анкетах добавлена графа – Accentedness (Акцентность[2]), где 1 обозначает Very light accent и 5 – Very strong accent.

Далее пословные орфографические записи прослушанных информантами фраз были сопоставлены с оригиналом текста с последующим подсчетом количества совпавших слов и вычислением их процентного отношения к количеству слов оригинала для демонстрации средних значений. Количественные данные по каждому информанту вносились в таблицу для расчета коэффициента корреляции понятности и разборчивости в программе Microsoft Excel по формуле линейного коэффициента корреляции Пирсона.

Результаты проведенного исследования представлены на рис. 1.

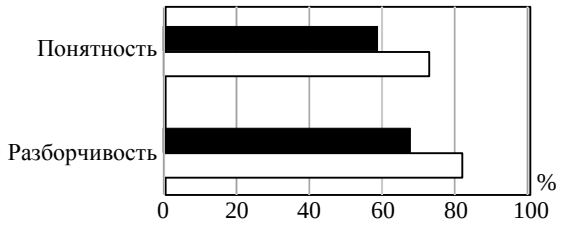

Рис. 1. Соотношение критериев «Разборчивость» и «Понятность» английской речи дикторов в восприятии информантов: ■ – восприятие английской речи китайцев носителями РЯ; □ – восприятие английской речи русских носителями КЯ

В среднем понятность английской речи китайцев для русских информаторов составила 59 %, разборчивость – 68 % (удовлетворительная); английская

[2] В трактовке М. Манро и Т. Дервинг [17].

речь русских для носителей китайского языка была понятна на 73 % и разборчива на 82 % (хорошая).

Коэффициент корреляции *r* разборчивости и понятности английской речи носителей китайского языка для русскоязычных равен 0,806; *r* разборчивости и понятности английской речи русских для китайцев составил 0,947. В обоих случаях наблюдается сильная положительная линейная связь между наблюдаемыми явлениями. Для неносителей АЯ разборчивость речи играет значимую роль в процессе общения на английском языке. С большой долей вероятности можно отметить, что чем выше разборчивость речи, тем выше ее понятность.

Результаты обработки анкет экспертов-носителей АЯ отражены на рис. 2.

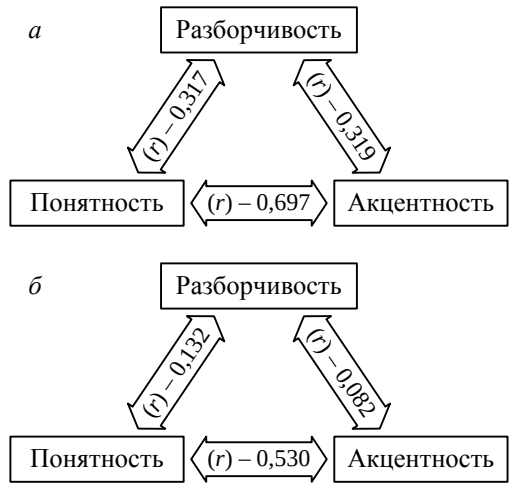

Рис. 2. Коэффициенты корреляции акцентности, понятности и разборчивости: *а* – при восприятии русского варианта АЯ носителями американского варианта АЯ; *б* – при восприятии китайского варианта АЯ носителями американского варианта АЯ

Для английской речи русских отмечена обратная связь между разборчивостью и понятностью и прямая связь между разборчивостью и акцентностью, сила связи в обоих случаях по шкале Чеддока – умеренная. Для английской речи китайцев связь между описанными выше признаками слабая. Полученные данные демонстрируют отсутствие статистически значимой связи между разборчивостью и понятностью, а также между разборчивостью и акцентностью речи дикторов для носителей АЯ. Тем не менее выявлена заметная (по шкале Чеддока) обратная связь между акцентностью и понятностью речи. Можно лишь предположить, что для носителей АЯ сильная акцентность речи дикторов снижала понятность, хотя статистически данная линейная связь несущественна, т.е. даже при среднем уровне оценки акцентности речи наших дикторов (в среднем 3 балла) акцент не всегда препятствует разборчивости и понятности речи неносителей АЯ для носителей АЯ.

В целом носителям АЯ легче воспринимать речь неносителей АЯ, даже в тех случаях, когда сами неносители АЯ (русские и китайские слушатели) вообще затруднились записать акцентную речь своих дикторов. Процент разборчивости у информантов-американцев того же фрагмента речи оставался довольно высоким для дикторов обоих акцентных вариантов – более 80 %.

Одной из известных классификаций при анализе явлений интерференции во вторичной фонетической системе на фонологическом уровне является классификация У. Вайнрайха: 1) недодифференциация фонем; 2) сверхдифференциация фонем; 3) субституция; 4) реинтерпретация фонемных различий [1: с. 33–34]. Данная классификация широко применяется при описании фонетико-фонологических отклонений при контактировании первичной и вторичной языковых систем, когда происходит сравнительно-сопоставительный анализ варианта с неким эталоном. Тем не менее при контактировании языковых систем на языке-посреднике довольно сложно интерпретировать явления трансференции в рамках данной классификации, так как сопоставление их с эталонным звучанием носителя языка не соответствует ситуации общения. Более корректным в данном случае будет говорить о коммуникативно существенных (фонологических) и несущественных нарушениях (фонетических). Можно лишь отметить опосредованное влияние стандартного произносительного варианта английского языка. По результатам обработки таблиц информантов мы можем интерпретировать, с одной стороны, только те звуковые референты графемы, которые письменно отображены в таблицах разборчивости. С другой стороны, проведя слуховой анализ образцов звучащей речи и сличив их с данными таблиц разборчивости, предположить возможные причины реинтерпретации смысла услышанного.

В результате во взаимодействии слушателей-неносителей АЯ были выявлены стратегии речевого поведения в виде редукции и компенсации, а именно: субституция в широком понимании (замена слова дериватом или замена тех или иных звуковых сегментов слов, что ведет к изменению смысла и замене слова), пропуск знаменательных и служебных слов, добавление новых слов (рис. 3). Далее были проанализированы и предварительно описаны вероятные причины, снижающие разборчивость речи с точки зрения произношения и восприятия. Учитывался двухуровневый процесс порождения речи: 1) с точки зрения говорящего: понимание фразы для озвучивания, репрезентация в мозге говорящего плана артикуляторной реализации фразы и сама реализация в виде работы артикуляторов; 2) с точки зрения слушающего: прием фразы в виде звуковой

волны, соотнесение элементов фразы с имеющимися образцами перцептивной базы и собственно фиксация полученного сообщения.

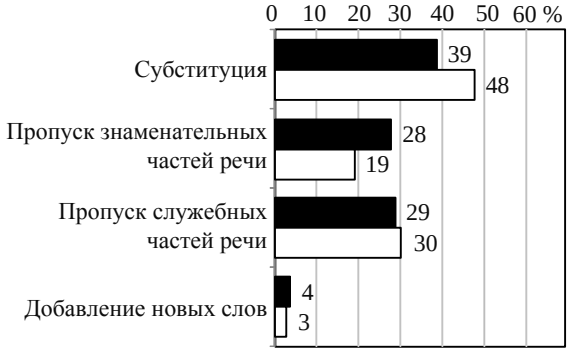

Рис. 3. Факторы, влияющие на разборчивость речи: ■ – РусАЯ в восприятии китайцев; □ – КитАЯ в восприятии русских

Рассмотрим причины, влияющие на разборчивость речи.

Итак, субституция играет существенную роль при декодировании речи дикторов в обеих группах информантов: 39 % для информантов-китайцев и 48 % для информантов-русских. Замена слова дериватом не ведет к существенному снижению разборчивости, а вот замена звуковых комплексов приводит к появлению новых слов или же к созданию новой грамматической конструкции (как следствие реинтерпретации изначального смысла в соответствии с услышанным), которые могут не вписываться в контекст исходной фразы. Далее следуют пропуск служебных и знаменательных слов (29 и 30 % против 28 и 19 % соответственно). Опущение знаменательных частей речи существенно снижает разборчивость, так как именно знаменательные слова по определению являются ключевыми, а значит, наиболее информативными. Редко отмечались добавления новых слов, которые скорее использовались для реконструкции смысла входящей фразы.

В ходе анализа таблиц разборчивости и слухового анализа речи дикторов были выявлены национально-специфические отклонения в речи дикторов на уровне производства и восприятия акцентной речи, свидетельствующие об уровне владения языком. В качестве экспертной оценки в табл. 2 также включены данные, полученные от носителей американского варианта АЯ.

Таким образом, процесс восприятия речи на английском как *lingua franca* обусловлен явлениями трансференции, которые возникают в ходе взаимодействия в сознании языковой личности не только фонетических черт родных языков с английским, но и культурно-языковых систем английского языка, включающих национально-специфические фонетические черты родного (русского или китайского) и неродного английского языков. Процесс и результат такого взаимодействия открывают большие возможности в изучении проблем восприятия речи вообще и, в частности, неносителей английского языка, а также способов преодоления или минимизации акцентных явлений, препятствующих эффективному межкультурному диалогу. Понятность английской речи неносителей английского языка в общении друг с другом напрямую связана с разборчивостью речи, и совершенно по-другому английская речь неносителей АЯ воспринимается самими носителями АЯ. Результаты нашего исследования говорят о том, что понятность речи для носителей АЯ не зависит напрямую от акцентности или разборчивости, хотя последний фактор играет более значимую роль. Возможно, более высокий уровень понимания речи информантов обеих подгрупп носителями АЯ как раз и связан с тем, что языковой контакт осуществляется на базе эталонного варианта АЯ самих носителей, поэтому достраивание смыслов реализуется в парадигме «родной-неродной» языки. В то время как для неносителей АЯ этот процесс происходит сквозь призму неродного языка при активном влиянии культурно-языковых черт родных языков.

Отметим лишь некоторые сегментные особенности акцентной речи русских и китайцев, оказавших существенное влияние на снижение уровня разборчивости фраз из материала исследования. Подчеркнем, что неноситель АЯ, будучи творческой языковой личностью, производит высказывание доступными ему языковыми средствами для воплощения коммуникативной задачи, обусловленными его знаниями, представлениями и установками о мире и культуре. Те отклонения, которые затрудняют понимание речи неносителей АЯ в диалоге друг с другом, во многом связаны с культурно-историческим наследием, сложившимся в ходе эволюции родного языка и глубоко укоренившимся в национальном самосознании говорящих.

Итак, основные сложности восприятия русского варианта АЯ для китайцев связаны с декодированием многосложных слов, которые сокращаются при письменной фиксации речи до двуслогов. Это может и не мешать правильной интерпретации смысла, если сохранен дериват исходного слова, как, например, слово *fashionable* в словосочетании ***fashionable*** *colors* было заменено китайскими информантами на ***fashion*** *colors*, либо полностью искажать слово, а значит, и смысл, как в примере со словом *generous* из табл. 2.

Во фразах с преобладанием односложных слов с закрытым типом слога отмечено снижение уровня разборчивости, что, вероятно, обусловлено влиянием правил слогостроения в китайском языке. В данном случае наблюдается пропуск или субституция знаменательных частей предложения, пропуск служебных частей речи, являющихся слабыми формами.

Таблица 2

Образец анализа таблиц разборчивости в обеих группах информантов

Диктор (№)	Исходный фрагмент речи	Транскрипция фрагмента речи из таблиц разборчивости в восприятии носителей АЯ[3]	Транскрипция фрагмента речи диктора	Транскрипция фрагмента речи из таблиц разборчивости в восприятии информантов	Вероятная причина сложности восприятия
Русский английский в восприятии китайских информантов					
РусАЯ(1)	*Colors are black, brown,* ***cream***	[kri:m]	[kri:m]	[gri:n]	Сложность в восприятии начала фонетической формы слова, а не конца. В китайском языке полностью отсутствуют звонкие согласные, а эквивалентом глухого звука [k] является его сильно аспирированная форма [kh], произнесение звука [k] без аспирации русскими дикторами, воспринято китайцами как [g]. Кроме того, контекстное окружение помогло информантам зафиксировать вариант *green*
РусАЯ(2)	*The* ***age*** *difference*	[eɪdʒ]	[eɪdʒ]	[i:tʃ]	Сложность интерпретации звука [dʒ]. Аффрикат [dʒ] является звонким в английском языке. Информанты-носители КЯ восприняли данный аффрикат как глухой [tʃ], видимо, в связи с неразличением звонкости/глухости в китайском языке, что привело к субституции слова *age* на *each*
РусАЯ(5)	The **aged** judge urged the jury to be just but **generous**	[ˈdʒenərəs]	[ˈdʒenərəs]	[ˈdʒendəs]	Многосложные английские слова вызывают сложности восприятия у китайцев, что вызвано влиянием специфики строения китайского многосложного слова и его просодией. Наблюдалось сокращение количества слогов до 2 и замена фонетического облика слогов, что привело к фиксации воспринимаемой фразы в виде: *The each judge urge the jury to be justice to per genders.* Возможно, что смысл исходного предложения был интерпретирован по-другому, а именно приблизительно как *Каждый судья стремится заставить присяжных проявлять справедливость по гендерному признаку.* В любом случае произошло искажение смысла исходной фразы
Китайский английский в восприятии русских информантов					
КитАЯ(2)	*Colors are black, brown,* ***cream***	[kri:m]	[kri:n]	[gri:n]	В финальной позиции китайского слога может стоять либо –n, либо –ng. Произошла модификация конечного элемента слога в [n] в речи китайского диктора, что привело к варианту замены [kri:m] на [kri:n]. При восприятии русскими информантами несуществующего оттенка [kri:n] контекст способствовал субституции на более знакомое по звучанию слово *green*
КитАЯ(5)	*I* ***hurt*** *my heel*	[hɜ:t] [ha:t]	[ha:t]	[ha:t] [hɪt]	Отсутствие звука [ɜ:] в китайском языке. Русские информанты записали два варианта hurt: heart и hit. Первое в связи с услышанной фонетической формой, и второе – в связи со смыслом предложения
КитАЯ(6)	*I hurt my* ***heel***	[hɪə(l)]	[hi:l]	[ɪə]	Дифтонгизация [i:] перед боковым сонантом [l] совместно с недоартикуляцией данного сонанта

[3] Зафиксированные информантами слова переведены в транскрипцию. Транскрипция выполнена при помощи символов МФА.

В китайском языке одним из дифференциальных признаков согласных является придыхательность / непридыхательность, несвойственная русскому языку. В русском языке существует признак звонкости/глухости, отсутствующий в китайском языке. При контакте данных языков противопоставление русских согласных по последнему признаку соответствует противопоставлению согласных в китайском языке по наличию или отсутствию аспирации [14]. В результате трансференции в английской речи русских информантов придыхательность звуков [p] [t] [k] очень часто отсутствует. Это может снижать разборчивость их речи для носителей китайского языка, которые могут воспринимать данные звуки как звонкие варианты [b] [d] [g]. Сложности понимания у китайцев возникают и при восприятии английских слов со звонким согласным в финальной позиции, которые оглушаются русскими информантами. Носители китайского языка не дифференцируют на слух звонкость/глухость конечного согласного, даже если русский диктор соблюдал данное правило АЯ в своей речи. Это может приводить к неверной интерпретации смысла односложных существительных, искажать грамматический смысл слов или фраз в целом. Присутствие аллитерации во фразе является дополнительной сложностью и существенно снижает смысловое восприятие фразы, в нашем случае это было предложение со звуком [dʒ].

Русские информанты испытывали следующие сложности при восприятии английской речи китайских дикторов. Вокализация бокового сонанта [l] в конечной позиции в слове и дифтонгизация гласного перед ним, замена сонанта [m] в конце слова на сонант [n] приводили к снижению разборчивости и к замене слова в соответствии с тем репертуаром звукотипов, который помогал русским информантам понять и письменно зафиксировать слово. Оглушение конечного звонкого согласного в односложных английских словах китайцами не способствует успешному пониманию их речи, хотя для русскоязычных билингвов оглушение конечной звонкой согласной в английской речи также является типичным признаком. Отмечается также, что сложности в восприятии кластеров в конечной позиции, а также замены согласных могут снижать разборчивость речи. Так, замена межзубного звука [ð] на зубные [d] или [z] положительно воспринимается русскими слушателями, и в скрипте верно фиксируется орфография слова, то же самое происходит со звуками [w] и [v]. Независимо от губно-губной или губно-зубной артикуляции слово воспринимается верно и фиксируется орфографически верно. Другая ситуация возникает со звуком [θ], если он звучит как [s]. Например, в случае со словом bath реакция респондентов была разная, многие зафиксировали слово bath, но отметили, что оно являлось понятным, исходя из контекста, но звучит это слово в речи китайского диктора как [bæs]. Замена же звуков [θ] на [f]/[v], [r] на [l], [ʃ] на [s] затрудняет понимание английской речи китайцев, часто приводит к полному непониманию. Подчеркнем, что в нашем материале не было минимальных пар, как, например: *thin-tin-sin-fin*, где подобные замены могли бы стать причиной коммуникативного сбоя. В дальнейшем планируется более детально проанализировать выявленные сложности, создав такие стимулы, где выявленные звуковые вариации были бы вплетены в связную речь, но являлись бы достаточно частотными, чтобы говорить о стабильных отклонениях, существенно снижающих разборчивость речи, а значит, и ее понимание. Это позволило бы более тщательно разрабатывать дидактический материал и корректировать методические приемы обучения фонетике в полилингвальных группах, при этом не только создавать эффективные способы минимизации акцентных явлений, но и вырабатывать уважение к культуре и манере говорения собеседника, эффективно преодолевать стереотипизацию речевого поведения учащихся с разным культурно-языковым опытом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вайнрайх, У.* Одноязычие и многоязычие / У. Вайнрайх // Новое в лингвистике. – Москва : Прогресс, 1972. – Вып. 6. – С. 25–60.

2. *Венцов, А.В.* Проблемы восприятия речи / А.В. Венцов, В.Б. Касевич. – 2-е изд. – Москва : Эдиториал УРСС, 2003. – 238 с.

3. *Джапаридзе, З.Н.* Перцептивная фонетика (Основные вопросы) / З.Н. Джапаридзе. – Тбилиси : Мецниераба, 1985. – 117 с.

4. *Евчик, Н.Е.* Перцептивная база языка: теоретические и прикладные аспекты формирования (в норме и патологии) : автореф. дис. … д-ра филол. наук / Н.Е. Евчик. – Минск, 2001. – 35 с.

5. *Кабакчи, В.В.* Основы англоязычной межкультурной коммуникации / В.В. Кабакчи. – Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. – 232 с.

6. *Караулов, Ю.Н.* Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю.Н. Караулов // Язык и личность. – Москва : Наука, 1989. – С. 3–8.

7. *Кыштымова, Т.В.* Понятие «языковая личность» в современной лингвистике / Т.В. Кыштымова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2014. – № 6. – С. 237–244.

8. *Любимова, Н.А.* Фонетическая интерференция : учеб. пособие / Н.А. Любимова. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. – 55 с.

9. *Ма, Т.Ю.* Лингвокогнитивные аспекты восприятия речи / Т.Ю. Ма // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 10 (225), Вып. 52. – С. 77–81. – (Филология. Искусствоведение).

10. *Никитина, О.А.* К вопросу о типологии языковой личности в аспекте неологизации / О.А. Никитина // Научный диалог. – 2016. – № 3(51). – С. 75– 87.

11. *Прохоров, Е.Ю.* Действительность. Текст. Дискурс / Е.Ю. Прохоров. – Москва : Флинта : Наука, 2006. – 224 с.

12. *Прошина, З.Г.* Смена парадигмы в языковом образовании: от изучения английского как иностранного языка (EFL) к английскому как международному языку (EIL) / З.Г. Прошина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2016. – Т. 52, № 4. – С. 132–138.

13. *Рыбин, С.В.* Синтез речи : учеб. пособие / С.В. Рыбин. – Санкт-Петербург : Университет ИТМО, 2014. – 92 с.

14. *Чжу, Ю.* Сопоставление состава согласных звуковых единиц в русском и китайском языках в контексте обучения китайцев русскому произношению / Ю. Чжу // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 2 (68). – С. 210–215. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sopostavlenie-sostava-soglasnyh-zvukovyh-edinits-v-russkom-i-kitayskom-yazykah-v-kontekste-obucheniya-kitaytsev-russkomu-proiznosheniyu (дата обращения: 14.10.2019).

15. *Chomsky, N.* Rules and Representations / N. Chomsky. – New York : Columbia University Press, 1980. – 368 p.

16. *Lashley, K.S.* The problem of serial order in behavior / K.S. Lashley // Cerebral Mechanisms in Behavior / Ed. by L.A. Jeffress. – New York : John Wiley & Sons. London : Chapman & Hall, 1951. – P. 112–146.

17. *Munro, M.J.* The foundations of accent and intelligibility in pronunciation research / M.J. Munro, T.M. Derwing // Language Teaching. – 2011. – № 44. – P. 316–327. – URL: file:///C:/Users/User/Downloads/DerwingMunro2009Lg.Teaching.pdf (дата обращения: 31.10.2019).

18. *Smith, L.E.* Spread of English and issues of intelligibility / L.E. Smith // The other tongue : English across cultures / Ed. by B.B. Kachru. – 2nd ed. – Urbana : University of Illinois Press, 1992. – P. 75–90.

DOI:

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ОПИСАНИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

А.М. Антонова

Глобализация заставляет народы все больше обращаться к ведущим языкам мира, особенно к английскому, для популяризации своих культур на мировой арене. Используя последние достижения «интерлингвокультурологии», мы рассматриваем особенности и основные способы формирования исторической лексики в англоязычном описании русской культуры на примере аутентичных англоязычных текстов.

Ключевые слова: диалог и конфликт культур, интерлингвокультурология, иноязычное описание культуры, историческая лексика, культуроним, параллельное подключение, заимствование, калькирование, аналог, описательный оборот.

HISTORIC VOCABULARY IN RUSSIAN CULTURE-ORIENTED ENGLISH

A.M. Antonova

Globalization has made it necessary for all nations to employ international languages, and primarily English, to promote their cultures. Making use of the latest achievements in "interlinguoculturology," we refer to historic vocabulary in Russian Culture-Oriented English and the ways of its forming in authentic English texts.

Key words: dialogue and clash of cultures, interlinguoculturology, Foreign Culture-Oriented language, historic vocabulary, culturonym, parallel attachment, loans, translation loans, analogue, descriptive phrases.

В современном мире, когда смешение народов, языков и культур достигло невиданного размаха, вопросы межкультурной коммуникации, диалога и конфликта культур, культурно-языковой личности закономерно привлекают повышенное внимание. Социальные, политические и экономические потрясения мирового масштаба приводят к фундаментальным геополитическим и коммуникационным сдвигам. Не случайно С. Хантингтон предсказывал, что Третья мировая война будет войной культур и цивилизаций. Идеологическое противостояние государств сегодня идет в информационном пространстве, за умы людей борются при помощи слова. Как никогда остро встала проблема воспитания терпимости к чужим культурам, изучение их и преодоление раздражения просто от непохожести других культур. Все эти процессы не могли не найти отражения в языке.

По мере укрепления позиций нашей страны на мировой арене интерес к нам со стороны мирового сообщества – ученых, исследователей, бизнеса, средств массовой информации, культурологов, историков и простого обывателя начал возрождаться. В англоязычных СМИ редкий день пройдет без обращения к российской теме. И как лингвистическое отражение этих процессов в английском языке стали появляться русизмы, используемые в контексте внутриполитической ситуации США и Соединенного Королевства, причем часто, чтобы придать событиям негативный оттенок. Особенно широко в этом контексте используется историческая и политическая лексика:

Fred Keller, congressman: "*Seventy-five percent of the elected Members of Congress have been shut out of this impeachment inquest. This whole inquiry is a sham led by the Speaker of this House and her impeachment czar, the chairman of the Permanent Select Committee on Intelligence. Their attempt today to try and open these proceedings is nothing short of Soviet glasnost – a fake transparency that only leads to less participation, more secrecy, and less due process*" [18].

Как видим из этого и последующего примеров, многие, казалось бы, ушедшие далеко в прошлое термины подвергаются реставрации и требуют переосмысления:

In spite of this President using Stalinist language – I am just reading a book right now written by a Stalinist translator, and this book talks about a lot of the language Stalin used. He called people "enemies of the people". That is Communist talk. That is Stalinist talk.

Антонова Анжелика Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

Angelique Mikhailovna Antonova – Dr. (Philology), Associate Professor, Department of Translation, Institute of Foreign Languages, A. I. Herzen Russian State Pedagogical University (Saint-Petersburg).

E-mail: angelique.antonova@gmail.com

© Антонова А.М., 2020

Yet this President calls reporters who get up every day and do their jobs – most of them not paid very well, frankly – the enemy of the people. They do vital work not just in Washington but throughout the country [23].

Заимствования *czar, glasnost, Stalinist* и калька *enemy of the people* – примеры вторичной культурной ориентации языка. Пример того, что сегодня ни один язык, менее всего международный, не может замыкаться на своей, *внутренней* культуре и вынужден, хотя и в меньшей степени, обращаться к тематике иноязычных (*внешних*) культур. Ориентация языка в сферу иноязычных внешних культур – это его вторичная культурная ориентация [5: с. 23]. В условиях существования глобального языка межкультурного общения, английского, особенно инновационным можно признать развитие одного из направлений межкультурной коммуникации – *интерлингвокультурологии* (термин В.В. Кабакчи), в которой основное внимание уделяется *иноязычному описанию культуры* (ИОК) [4: с. 19]. При этом нас интересует конкретный случай языка межкультурного общения (ЯМО): *английский язык межкультурного общения*, АЯМО, причем ориентированный на русскую культуру – АЯМО (РК) (термины В. Кабакчи) [3: с. 10]. «В эпоху глобализации в условиях доминирования английского языка ("глобанглизация") потребность использовать этот язык в качестве вторичного средства описания родной культуры ощущается особенно остро» [2: с. 70]. Для изучения закономерностей АЯМО (РК) мы привлекаем в основном аутентичные тексты, т.е. те, которые созданы непосредственно носителями родного или второго английского языка.

Тексты иноязычного описания культуры пишутся на Standard British/American English, однако лексическое наполнение у них смешанное, они насквозь пропитаны культуронимами иноязычной культуры, как в следующем примере советской культуры:

The large film studios of Lenfilm are on the Kirov Prospect, and nearby stands St. Petersburg's Television Tower. The Prospect ends at the Stone Island Bridge (Kamennoostrovsky Most). The Kirov Islands begin here, an archipelago noted for its picturesque landscapes, parks, rest homes, and recreation areas. Workers' Island (Ostrov Trudyashchikhsya), formally Stone Island (Kamenny Ostrov), was built on even back in the days of Peter… [16: с. 176].

В данном примере наряду с культурными универсалиями, которые В.В. Кабакчи называет *полионимами*, есть *идиокультуронимы* (специальная культурная лексика), в данном случае ориентированные в область русской культуры. Идиокультуронимы внутренней культуры называются *идионимами*, а идиокультуронимы внешних культур – *ксенонимами* [5: с. 25–27]. При этом между ксенонимом и его идионимом устанавливается корреляция, прочная связь, которая позволяет осуществить переход от ксенонима к его идиониму. В.В. Кабакчи называет это *принципом ксенонимической обратимости*. Обратимость бывает *уверенной* и *неуверенной*. Только в случае уверенной обратимости номинация может называться ксенонимической [5: с. 76–80].

Прямые контакты Англии и Русского государства начались еще в XVI в. во времена Ивана Грозного, когда на фоне сватовства Ивана IV, царя всея Руси, и Елизаветы Английской торговые и дипломатические отношения между нашими странами заметно оживились. Тогда же в словарь английского языка вошли слова *Muscovite, tsar, boyar* и др. Вообще для исторической темы АЯМО (РК) характерно наличие значительного количества словарных ксенонимов, что не удивительно, поскольку история России всегда привлекала внимание многих авторов и исследователей.

Историческая лексика русской культуры хорошо освоена, ее состав эклектичен – ведь историческую значимость могут приобрести элементы самых различных культурных сфер. Большую часть исторической лексики также образуют имена собственные. Это имена правителей России (от Рюрика до Путина), политических деятелей, экономистов, деятелей культуры, религии, имена народных героев, различных исторических событий, политических, культурных и религиозных движений и объединений, наименования географических мест, вошедших по разным причинам в историю, и множество других.

Наиболее продуктивными способами формирования ксенонимов-историзмов являются заимствование, калькирование и гибридные ксенонимы. И здесь эта группа ксенонимов в целом следует общим тенденциям, характерным для иноязычного описания культуры [3: с. 26]. Также встречаются аналоги и описательные обороты.

Заимствование является самым распространенным способом формирования исторических ксенонимов, что не удивительно, потому что оно обладает уверенной обратимостью и наилучшим образом соответствует принципу точности.

Самую многочисленную группу здесь составляют имена известных людей, правителей и деятелей культуры. В АЯМО (РК) сложились определенные традиции. Например, имена русских царей начиная с Петра I традиционно ассимилируются: *Peter the Great, Catherine the Second, Paul, Alexander, Nicholas*. В наименовании царей до Петра четко сложившейся традиции нет, встречаются варианты *Mikhail/Michael, Aleksey/ei, Sof'ya/ia, Monomakh/Monomach*:

Sof'ya appointed Golitsyn B.A... [13].

The last of the great rulers of Kiev, Vladimir Monomakh, came to the throne in 1113… [7: с. 491].

Vladimir Monomach's reign in Kiev began democratically... [10: с. 62].

1613 – National Council elects Michael Romanov as tsar, ending a long period of instability and foreign intervention [8].

During the period 1613–1682 Russia was ruled by three tsars: Mikhail Romanov, (1613–1645), his son Aleksey (1645–1676) and his grandson Fedor III (1676–1682) [11: с. 81].

Исторические ксенонимы хранят на себе печать той эпохи, когда они были сформированы и вошли в словарь английского языка. Например, заимствования *Muscovy, Muscovite, boyar, Cossack* и др. стали *традиционными* и именно в такой форме написания известны исследователям в области русской культуры.

Без ксенонима *Varangians* не обходятся тексты о становлении Русского государства, княжества Киевского и династии Рюриков. При этом если всему западному миру выходцы из Скандинавии VIII–XI вв., мореплаватели и пираты, известны под именем Vikings, то в АЯМО (РК) прочно закрепился ксеноним Varangians. Слово, скорее всего, пришло из Византии (Byzantine Greek *Barangos*). Включено в Большой Оксфордский словарь в 1788 г. Сегодня регистрируется также и Random House Dictionary:

Varangian *any of the Northmen who, under Rurik, established a dynasty in Russia in the 9th century* [21].

«Путь из варяг в греки», название водного торгового пути в Киевской Руси, связывавшего Северную Русь с Южной и далее с Византией, находит постоянные ссылки в различных источниках:

[The trade route] 'from the Varangians to the Greeks' which linked Scandinavia with the fabled wealth of Constantinople [10: с. 80] <> *The water route "from the Varangians (Vikings) to the Greeks" that ran through Russia from the Baltic to Byzantium ...* [7 : с. 483].

Великое княжество Московское в XIV в., а затем и Русское государство (после того как в 1547 г. великий князь Московский, государь всея Руси Иван IV Васильевич принял титул царя) вошло в западные источники как *Muscovy*, а его жители как *Muscovite*. В составе Российского царства Великое княжество Московское ещё некоторое время продолжали считать отдельным престолом и называли Московским государством. При этом Oxford English Dictionary (OED) первым помечает вхождение *Muscovite* (1555), а название страны, *Muscovy*, из которой прибыли английские путешественники, только 1573 г. *Moscovite* используется и в современном контексте в значении «москвич», а *Moscovy* уже только как исторический термин.

… as much snow as Mademoiselle might have expected to find I the hyperborean gloom of remote Muscovy [7: с. 235] <> *About 1700, under Peter the Great, Muscovy was renamed the Russian Empire* [7: с. 235] <> *In 1712 Tsar Peter decreed that Russians were no longer to be called 'Muscovites'.* [7: с. 234] <> *Muscovites walk down the street with small yolki, or fir trees, under their arms* [7: с. 234].

Полуторавековое господство французского языка также не могло не оставить после себя лингвистического отпечатка, многие ксенонимы исторически/ традиционно используют французское написание:

In the Russo-Japanese War (1904–05) that followed, Japanese arms were everywhere successful… [13].

Многие термины после Октябрьской революции 1917 г. и затем в советское время были сформулированы под влиянием Великой Французской революции. Так, в английский язык вошел советский ксеноним *commissar* – некий гибрид русского, французского (*commissaire*) и английского:

… Sergey, upright as a commissar beside him, clutching his fishing net [7 : с. 65] <> "*I was Commissar of Foreign and Domestic Trade at that time," Mikoyan recalled* [7 : с. 65].

Следует отметить, что в советский период советологи употребляли этот русизм с ярко выраженной негативной окраской.

Другим термином, который большевики заимствовали из французского языка, является «бюро», а от него уже пошел «политбюро». Причем в англоязычных текстах, которые писались в СССР, предпочтение отдавалось французскому написанию этого термина, что отмечает OED2 (cf.: 1926 *politbureau*, also *politburo*). Со временем в АЯМО все-таки остался ассимилированный вариант *politburo*. Уже в советский период этот термин стал интернациональным и перерос рамки советской культуры:

Hussein Khalil, the head of Hizbullah's politburo in Lebanon, said… [7 : с. 307] <> *Now when President Yeltsin is in dire straits, he turns to his own, updated version of the Politburo – the coterie of bankers and businessmen who, by all accounts, run modern Russia* [7 : с. 307].

Интересным примером французского влияния является ксеноним *cadre*, который после знаменитой фразы Сталина прочно вошел в АЯМО (РК) с дополнительным советским оттенком:

As Stalin put it bluntly in 1935: "Cadres decide everything," and the ideal cadre is the tempered, "cast-iron" servant of the dictator [9: с. 523].

Слово *cadre* существует в английском языке, и пришло оно из французского языка, поэтому, строго говоря, это калька. Вот статья из OED:

cadre (n.)"permanently organized framework of a military unit" (the officers, etc., as opposed to the rank-and-file), 1851; earlier "framework, scheme" (1830); from French *cadre*, literally "a frame of a picture" (16 c.), so, "a detachment forming the skeleton of

a regiment," from Italian *quadro*, from Latin *quadrum* "a square," which related to *quattuor* "four" (from PIE root ***kwetwer-** "four"). The communist sense "group or cell of workers trained to promote the interests of the Party" is from 1930 [19].

О французском написании фамилий известных российских деятелей культуры рубежа XIX–XX вв. можно написать, пожалуй, отдельную статью. Остановлюсь только на некоторых из них, чтобы показать самые значимые примеры романизации букв и сочетаний русского алфавита рубежа веков.

П.И. Чайковский вошел в мировую культуру в XIX в. и прочно закрепился в языке мирового общения во французском написании:

The Tchaikovsky Concert Hall stands on the corner of Gorky Street… [15: с. 148].

Благодаря таланту и масштабу личности русского импресарио Сергея Павловича Дягилева русское искусство шагнуло в Европу, а имена Анны Павловой, Вацлава Нижинского, Михаила Фокина, Льва Бакста, Александра Головина, Александра Бенуа, Натальи Гончаровой и многих артистов и художников «Русских сезонов» навсегда остались вписанными в историю мировой культуры. Дягилевская выставка в Париже показала, что в современной ему России были великие художники, и они шли в ногу со временем. Дягилевские постановки стали настоящим переворотом в театральном мире: каждая превращалась в красочное шоу с роскошными костюмами, завораживающими декорациями и музыкой. В АЯМО (РК) вошли ксенонимы *Ballet Russe, Sergey Diaghilev, Vaslav Nijinsky, Michel Fokine, Alexandre Benois* и др. и остались во французском написании, как и при жизни артистов, когда они стали знамениты:

The fantasy and the spectacle of the St. Petersburg tradition, and the dramatic legacy of Moscow were both evident in the Ballet Russe (founded by Sergei Diaghilev, 1872–1929)… [15: с. 120].

Имя великого русского композитора, пианиста и дирижера Сергея Васильевича Рахманинова вошло в АЯМО (РК) в двух вариантах Rachmaninoff и Rakhmaninov. Возможно потому, что в 1890 г., когда он начал свою творческую деятельность сначала в России, затем в Европе и прежде всего в Париже, ведущей традицией латинизации русизмов была французская. Закончил свою жизнь композитор в США в 1943 г., и там использовалась уже другая система транслитерации русизмов – Library of Congress.

Некоторые из ксенонимов этого типа подвергаются реставрации: *copeck => kopek, moujik => muzhik*. Характерные для французского языка сочетания -ck, -ou-, -j- в транслитерации -ж-, и начальная с- под мощным влиянием современного английского языка уступают свои позиции.

Формальная транслитерация также позволяет «развести» в английском языке термины, принадлежащие различным культурам:

His father, V.D. Nabokov, was a leader of the pre-Revolutionary liberal Constitutional Democratic Party (Kadets) in Russia … [13].

Этот русизм вначале был скалькирован (OED 1906), и Джон Рид писал:

Cadets. So-called from the initials of its name, Constitutional Democrats [22 : с. 76].

Впоследствии в АЯМО (РК), однако, этот ксеноним подвергся реставрации *Kadet*, которая сняла омонимию заимствования из русского с коренным словом *Cadet*. *Cadet* во Франции обозначал младшего сына дворянских фамилий, который отсылался ко двору на военную службу. Отсюда военный оттенок этого слова.

Вместе с тем заимствования сами по себе формируют львиную долю всех нарицательных исторических ксенонимов русской культуры. Например,

Vladimir Monomach’s reign in Kiev began democratically with an invitation from the Kievan *veche* (city assembly) [10: с. 62].

Вече (народное собрание) как признак ранней демократии – важная черта государственного устройства и управления в Древней и Средневековой Руси, упоминается в большей части исторических текстов о Руси до XV в. В данном примере заимствование *veche* выделяется курсивом, как еще не освоенное английским языком, и поясняется в параллельном подключении при помощи описательного оборота. Заимствование дополнительно свидетельствует об уникальности данного ксенонима, его важности для русской культуры. *Операция параллельного подключения* является неотъемлемой частью межкультурных контактов, поскольку обеспечивает точность и доступность номинации. В нее входят сам ксеноним, как правило, заимствованный или калькированный элемент – в нашем случае *veche*, и его пояснение [3: с. 53]. Степень подробности этого пояснения зависит от целей автора и развития текста.

Операция параллельного подключения широко используется в любых типах текста, в том числе и в справочных изданиях, где необходимо соблюдать точность повествования, избегать двусмысленного толкования терминов и при этом сохранять доступность текста. Наглядным является пример из Encyclopedia Britannica:

From the late 1980s through 1991 – the period of Mikhail Gorbachev’s *perestroika* ("restructuring"), *glasnost* ("openness"), and *demokratizatsiya* ("democratization") reform policies – fundamental changes took place in the political system and government structures of the U.S.S.R. [13].

У ксенонимов *perestroika* и *glasnost* непростой путь вхождения в словарь английского языка. Так, в период перестройки конца 1980-х гг. западному читателю казалось, что эти русизмы прочно вошли в фонд базовых ксенонимов-русизмов:

Perestroika and *glasnost, glasnost* and *perestroika*. They will still be secure in the vocabularies of all languages of the world long after the children of the Soviet Union and its satellites have begun to ask: ”Mummy, who was Lenin?” or for that matter: “Mummy, who was Gorbachev?” [7: с. 293].

В последние же 15 лет мы думали, что эти русизмы навсегда ушли в прошлое вместе с этим историческим периодом и теперь уже нуждаются в пояснении. Но как показал пример, с которого мы начали нашу статью, у них есть хороший потенциал к реставрации. По крайней мере, ксеноним *glasnost* употребляется конгрессменом Фредом Келлером в речи свободно, лишь с минимальным контекстуальным пояснением. Вместе с тем наблюдается общая тенденция описывать негативные местные события с помощью иноязычных заимствований (ср.: в русском языке – *мафия, гангстер, линч* и др.):

After “the gulag” – the name Shirebrook locals use to describe the Sports Direct warehouse – came glasnost [17].

Не нуждается сегодня в пояснении и другой исторический ксеноним, который под влиянием политической ситуации и постоянных ссылок на «российское влияние» в западных СМИ периодически оказывается на слуху. Ксеноним *apparatchik* уже давно стал полноправной единицей английского языка:

… CNN is nothing more than an apparatchik for radical, open-border, socialist Democrats, not the truth and not the American people [12].

Другим продуктивным способом формирования исторических ксенонимов является **калькирование**. Обладая мотивированным значением и достаточной точностью номинации инокультурного элемента, кальки, тем не менее, своей чужеродной формой отчетливо сигнализируют о принадлежности ксенонима внешней культуре, например, *enemy of the people* из примера, с которого мы начали свою статью.

Если идионимы обладают прозрачной внутренней формой, то при формировании ксенонимов удобно использовать кальки. Например, «военный коммунизм» – экономическая политика большевиков во время Гражданской войны 1917–1920 гг., основанная на крайней централизации управления экономикой. Русская революция 1917 г. была самым значимым событием первой трети XX в., которое раскололо нашу цивилизацию на два противоборствующих лагеря, и, естественно, привлекала внимание иностранных историков, публицистов, художников и СМИ. В английском языке прочно закрепилась калька *War Communism*:

The period of extreme communization which lasted from mid-1918 until spring 1921 was called ‘War Communism’ [10: с. 109] <> *… emergency measures known as War Communism including seizure of peasants’ produce lead to peasant risings, strikes and demonstrations* [15: с. 80].

В обоих примерах ксеноним вводится при помощи вводных лексических оборотов (was called, known as), а в первом еще и обособляется кавычками, что дополнительно сигнализирует о его чужеродной форме и принадлежности описываемой культуре.

Идионим «Дворянское собрание» также хорошо подвергается калькированию. Вместе с тем калькирование часто приводит к широкой вариативности:

That evening a banquet, given by the city duma, was followed by a literary-musical evening in the hall of the Noble Assembly. [7] <> *Of the many concert halls in St. Petersburg, those belonging to the Philharmonic (of which the larger was formerly the ‘Hall of the Nobility’)…* [11: с. 264] <> *The Dom Soyuzov was once a club for the nobility* [15: с. 144] <> *Here is … the classical Dvoryanskoye Sobraniye (Diet of the Nobles) and Torgovy Ryad (Merchant Row)* [15: с. 224].

В подобных случаях привязка к заимствованию, как это сделано в последнем примере, помогает соблюсти точность, иначе можно подумать, что *Noble Assembly, Hall of the Nobility* и *Diet of the Nobles* – это три разных ксенонима русской культуры, восходящих к трем разным идионимам.

Калькирование также нередко приводит к ксенонимической омонимии, когда один и тот же ксеноним восходит к двум совершенно разным идионимам. Например, *White Russians* может восходить как к «белогвардейцам», так и к «белорусам».

1918–22 – Bolsheviks win civil war against White Russians, aided by Britain, France, Japan and the US. Defeat in war with Poland ends Soviet expansion westwards until the Second World War [8].

Калька *White Russian* в отношении белорусов была в употреблении в англоязычных текстах практически до распада СССР, но постепенно именно из-за возникающей омонимии с «белогвардейцами» стала постепенно замещаться *Belorussian*. Затем и этот этноним стал неудобным в первую очередь из-за компонента ‘-russian’, который вызывал возражения националистов. Естественной альтернативой стал вариант *Belarusian*, но все-таки пока он полностью не заместил *Belarussian*:

… Belorussia formally changed its name to Belarus on 19 September [11: с. 143].

Belarusian language, Belarusian also spelled Belarusan, older spellings Belorussian and Byelorussian, formerly called White Ruthenian or White Russian (not

to be confused with the "White" Russians who fought against the communists after the Russian Revolution of 1917), Belarusian Belaruskaya mova, East Slavic language that is historically the native language of most Belarusians [13].

Из-за омонимии с «белорусами» в отношении «белогвардейцев» в АЯМО (РК) наблюдается широкая лексическая вариативность. Вместе с тем сегодня с закреплением этнонима *Belarusian/ Belarussian* для введения в англоязычный текст термина «белогвардейцы» лидирует калька *White Russian*:

… the Whites trickled in from the east and son began fighting the Red Army… [7 : с. 507] <> *But Prince Andrei said young scions of the White nobility were returning to Russia in ever greater numbers to trace their roots* [7 : с. 507] <> *What happened was that he found the diary of a White Guard officer* [7 : с. 507] <> *For the Soviet kids, the goodies and baddies are respectfully, the Red Army men and the White Guards …* [7 : с. 507].

В другой ксенонимической кальке *Octobrist* слились два термина, два омонима – «октябрист» и «октябренок»:

[1906 Octobrist] …a member of a moderate party in the Russian Duma, supporting the Imperial Constitutional Manifesto of 30 Oct. 1905. (after Russ. oktyabrist) [16] <> *Moderates … formed themselves into the Octobrist Party* [10: с. 104].

At the age of eight he is admitted to the ranks of the "Octobrists" [7: с. 264] <> *The Young Octobrists* (Oktyabryata) *came into existence in 1923 – 1924 to cater for children aged between 7, when formal schooling commences, and 9 years* [10: с. 301].

Введение пояснительного *Young* или привязка к заимствованию позволяют снять двусмысленность толкования.

Гибридные ксенонимы, которые объединяют в себе несколько способов формирования, – частое явление при иноязычном описании культуры. Рассмотрим следующий пример:

10th century – Rurik dynasty established and the rule of Prince Vladimir the Great (Prince Volodymyr in Ukrainian) heralds start of a golden age [8].

Rurik dynasty – заимствование плюс калька – самый распространенный тип гибридного ксенонима в самых разных группах исторической лексики: в названиях храмов, литературных произведений, различных движений и партий и т.д., которые имеют сложную структуру. Но гибридный ксеноним может объединять в себе и другие способы формирования. Например, *Prince Vladimir the Great* из нашего примера, где *prince* – аналог, *Vladimir* – заимствование, а *the Great* – калька.

Аналогия – это лишь частичное совпадение значения. Следовательно, данный способ номинации нельзя рассматривать как способ образования ксенонима, поскольку в действительности происходит подмена русскоязычного идионима англоязычным аналогом, часто с неуверенной обратимостью. При передаче «князя», «княгини», «княжича», «княжны», «великого князя» и «великой княгини» на английский язык возникают бесконечные трудности, потому что, с одной стороны, наши Табели о рангах не совпадают, а с другой, в разные исторические моменты приоритетными были разные тенденции. Согласно Большому толковому словарю «князь»: «1. В феодальной удельной Руси: предводитель войска и правитель области. 2. Наследственный титул потомков таких лиц или лиц, получивших его в награду по указу царя; лицо, носившее этот титул» [6]. В английском же языке слово *prince* означает несколько иное (по OEED): «1. A male member of a royal family other than a reigning king. […] 4. (as an English rendering of foreign titles) a noble usually ranking next below a duke» [19].

In 1909 Sergey Diaghilev, former assistant to the administrator of the Imperial Theatres, was commissioned by the grand duke Vladimir to organize a ballet company of the members of the Mariinsky and Bolshoi theatres [13].

Действительно, существует некоторая не очень соблюдаемая традиция использовать *Grand Prince* для обозначения великих князей Древней Руси и словосочетание *Grand Duke* для обозначения членов царской семьи:

The title Grand Duke can be used only by the son or grandson of a Tsar. [7: с. 487] <> *… in February [1905] the S.R.'s killed the Grand Duke Sergei*. [7: с. 487] <> *Ivan III, sometimes known as Ivan the Great, became grand prince of Moscow and Vladimor in 1462* [10: с. 87].

Вместе с тем еще бóльшие трудности возникают при передаче лермонтовской «Княжны Мэри». Таким образом, мы сталкиваемся с трудностью разграничения важных для русской культуры понятий.

Аналоги встречаются редко в иноязычном описании культуры и прежде всего потому, что не обладают достаточной степенью точности и обратимости к своему идиониму. Но без них все же не обойтись, поскольку они помогают избежать излишней плотности текста иноязычными вкраплениями.

Такую же роль играют и **описательные обороты**. Здесь мы не говорим об описательных оборотах, которые поясняют значение заимствований, реализуя доступность межкультурных контактов. Мы рассмотрим примеры, когда описательные обороты замещают собой сам ксеноним.

When in Moscow [Young Peter] spent as much time as possible in the foreign quarter [where he got to know a wide circle of European merchants …] [7].

В данном примере речь идет о Немецкой слободе, в которую Петр, будущий император Всероссийский, часто наведывался в дни своей юности. Немецкая слобода передана при помощи описа-

тельного оборота foreign quarter. На Руси всех иностранцев называли «немцами», и в Немецкой слободе действительно жили иностранцы разных национальностей, поэтому по существу значение передано верно, сохранена плавность текста без излишней громоздкости, которую приносят с собой иноязычные вкрапления. Вместе с тем для внимательного читателя, как, собственно, в случае практически любого описательного оборота, теряется огромный пласт культурной информации. Как в Древней Руси всех иностранцев называли либо варягами, либо татарами, так в Средневековой Руси и вплоть до XVIII в. всех иностранцев называли немцами. Отсюда и целый пласт поговорок типа: что «русскому хорошо, то немцу смерть» и т.п.

В примере ниже описательный оборот *head of the government department* и вовсе теряет культурную маркированность административного деления Русского государства:

Sof'ya appointed Golitsyn B.A. as head of the government department that administered the lower Volga region [13].

Здесь имеется в виду, что Софья поставила Голицына во главе Казанского приказа. Но догадаться об этом можно лишь зная специфику территориального деления нашего государства в XVII в.

Другим ксенонимом, который часто образуется в английском языке при помощи описательного оборота, является архитектурный ксеноним *bell-gallery*, который возводится к русскому идиониму «звонница». Русские звонницы представляют собой «отдельно стоящее или надстроенное на стене храма вытянутое в плане сооружение с несколькими проемами в виде сквозных арок, расположенных в один, а иногда в два яруса, имеющих односкатную или двускатную крышу, в середине которой возвышается небольшая главка на глухом барабане» [1: с. 77]. На западе нет ни соответствий, ни аналогов данному элементу русского средневекового зодчества, поэтому употребление описательного оборота вполне оправдано:

Russian medieval churches still lacked bell-towers. They were replaced by so-called bell-galleries (*zwonnitsy*), elevated arcades under the free arches on which the bells were suspended [14, II: с. 352].

Описательный оборот введен в текст в качестве основного ксенонима. В параллельном подключении автор дает заимствование *zwonnitsy* в качестве ксенонимической привязки. Употребление заимствования подчеркивает своеобразие данного элемента русского архитектурного зодчества. Значение ксенонима поясняется при помощи развернутой экспликации. Текстуально автор уравнивает оба ксенонима *bell-galleries* и *zwonnitsy*, сохраняя за собой право использовать любой из них. В дальнейшем в тексте автор выбирает описательный оборот, руководствуясь, видимо, во-первых, его доступностью, а во-вторых, *bell-galleries* действительно является одним из немногочисленных описательных оборотов, способных выполнять функцию номинации элемента русской культуры. *Bell-galleries* – это даже скорее специально созданное описательное слово для обозначения русских звонниц, возможно, по аналогии с христианским полионимом *bell-tower* (колокольня).

Таким образом, аналоги и описательные обороты в иноязычном описании культуры менее продуктивны в качестве ксенонимов именно вследствие своей неточности и культурной немаркированности, не говоря о том, что они многозначны. Основной сферой их употребления является пояснение значения заимствований и калек.

В тех редких случаях, когда описательный оборот сочетает точность с краткостью, он может выполнять номинативную функцию, как в примере с *bell-gallery*. Однако подобные случаи скорее являются исключениями, чем правилами. И здесь важна роль ксенонимической привязки. Заимствование выступает гарантом точности и выполняет функцию идентификации, а в нашем примере еще и сохраняет конфессиональное своеобразие Русской православной церкви.

Россия – это многонациональное государство, граничащее со многими странами, и при всестороннем описании исторической лексики русской культуры невозможно обойти стороной ксенонимы других культур, которые с этой точки зрения можно назвать маргинальными. К ним можно отнести *Genghis Khan, Golden Horde, Teutonic nights, Livonia, hetman, Khmelnitsky, Zaporozhian Cossaks* и др. Постепенно составные части Российской империи обретают самостоятельность (Poland, Finland, Baltic States, Georgia, Armenia и др.), но они остаются в российской истории, повествование которой невозможно без их упоминания.

За пределами нашей статьи остался обширный пласт ксенонимов-аббревиатур (*USSR, CIS, NEP, Cheka, GPU, KGB, SMERSH* и др.), и это материал для отдельного исследования и для отдельной статьи. Вместе с тем, подводя итоги вышесказанному, можно сделать вывод, что историческая лексика русской культуры освоена иностранными авторами и исследователями хорошо, что не удивительно, учитывая интерес мирового сообщества к нашей стране, с одной стороны, и значение и богатство русской культуры, с другой. Именно в силу значимости русской культуры на мировой арене историческая лексика имеет потенциал к реставрации, использованию в новом для себя, современном контексте. Вместе с тем необходимо говорить о том, чтобы воспитывать поколение популяризаторов родной культуры у себя в стране, авторов, ко-

торые, как В.В. Набоков, смогут писать на своем втором языке о русской культуре и доносить ее ценности до мирового читателя и слушателя.

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В РАБОТЕ

АЯМО – английский язык межкультурного общения
АЯМО (РК) – английский язык межкультурного общения, ориентированный на русскую культуру
БТС – Большой толковый словарь русского языка
ЯМО – язык межкультурного общения
OED – *The Oxford English Dictionary*
OEED – *The Oxford Encyclopedic English Dictionary*

ЛИТЕРАТУРА

1. Архитектурный словарь / (ред.) Н.И. Ваторевич, Т.Д. Кожицева. – Санкт-Петербург : Стройиздат, 1999. – 255 с.

2. *Кабакчи, В.В.* Литератор между двух языков и двух культур / В.В. Кабакчи // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2016. – Вып. 2. – С. 70–76.

3. *Кабакчи, В.В.* Основы англоязычной межкультурной коммуникации / В.В. Кабакчи. – Санкт-Петербург : РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. – 230 с.

4. *Кабакчи, В.В.* Русские пословицы в англоязычном межкультурном общении / В.В. Кабакчи // Иностранные языки в школе. – 2011. – № 3. – С. 19–24.

5. *Кабакчи, В.В.* Введение в интерлингвокультурологию / В.В. Кабакчи, Е.В. Белоглазова. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУЭФ, 2012. – 255 с.

6. Большой толковый словарь русского языка / сост.-ред. С.А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 1998. – 1534 с.

7. *Кабакчи, В.В.* The Dictionary of Russia (2500 Cultural Terms). Англо-английский словарь русской культурной терминологии / В.В. Кабакчи. – Санкт-Петербург : Союз, 2002. – 574 с.

8. BBC News Russia profile. – 2019. – URL: https://www.bbc.com/news/world-europe-17840446 (accessed: 26.04.2019).

9. *Billington, J.H.* The Icon and the Axe. An Interpretive History of Russian Culture / J.H. Billington. – New York : Vintage Books, 1970. – 880 c.

10. The Cambridge Encyclopedia of Russia and the Former Soviet Union’82. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1982. – 598 p.

11. The Cambridge Encyclopedia of Russia and the Former Soviet Union’94. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1994. – 604 p.

12. CNN – THE FAKE NEWS KING; Congressional Record. – Vol. 165, № 14 // Congress.gov. – 2019. – 23 January. – URL: https://www.congress.gov/congressional-record/ 2019/01/23/ house-section/article/H1002-1 (accessed: 21.01.2019).

13. Encyclopedia Britannica. – URL: https://www.britannica.com (accessed: 21.01.2019).

14. *Fedotov, G.P.* The Russian Religious Mind / G.P. Fedotov. – Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1946–1966. – 2 vols. – Vol. 1. Kievan Christianity: The Tenth to the Thirteenth Centuries. – 431 p.; Vol. 2. The Middle Ages: The Thirteenth to the Fifteenth Centuries. – 423 p.

15. Fodor’s 89. Russia, The Republics and The Baltics. The Complete Guide to the Region – New York & London : Fodor Travel Guides, 1991. – 400 p.

16. Fodor’s 92. Soviet Union. With Essays on History and Art. – New York & London : Fodor Travel Guides, 1988. – 395 p.

17. *Goodley, S.* Sports Direct's Open Day at Notorious Warehouse is not Quite Glasnost / S. Goodley // The Guardian. – 2016. – 7 Sept. – URL: https://www.theguardian.com/business/2016/sep/07/sports-directs-open-day-at-notorious-warehouse-is-not-quite-glasnost (accessed: 07.09.2016).

18. House of Representatives – Congressional Record. – Vol. 165, № 173. // Congress.gov. – 2019. – 31 Oct. – URL: https://www.congress.gov/congressional-record/2019/10/31/house-section (accessed: 31.10.2019).

19. The Oxford Encyclopedic English Dictionary / Joyce Hawkins, R.E. Allen. – Oxford : Clarendon Press, 1991. – 1824 p.

20. The Oxford English Dictionary. – Oxford : Oxford University Press, 1989. – Vols. I–XX.

21. The Random House Dictionary. Second Edition. – New York : Random House, 1983.

22. *Reed, J.* Ten Days that Shook the World / J. Reed. – Moscow : Progress, 1967 (written in 1918). – 236 p.

23. Senate – Congressional Record. – Vol. 164, № 130. – 2018. – 1 Aug. – URL: https://www.congress.gov/congressional-record/2018/8/1/senate-section (accessed: 01.08.2018).

DOI:

САКРАЛЬНАЯ ЖЕРТВА КАК КРЫЛАТАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЕДИНИЦА В ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ «РУССКОСТИ»

О.В. Шкуран

Современная русская личность целенаправленно и систематически подвергается языковым атакам в медиапространстве и оказывается в ситуации постоянного выбора и навязчивой инфантильности при определении средств и форм современной речи. За последние два десятилетия активно трансформируется сакральное значение многих языковых единиц, и это вызывает беспокойство у русских лингвистов. В статье рассматривается крылатая языковая единица «сакральная жертва», семантическая эволюция которой берет свое начало с дохристианских времен. С принятием христианства языковая единица «жертва» приобретает духовно-просветительский характер. Секуляризированный этап употребления исследуемой крылатой единицы манифестирует контрастную палитру трансформаций и в медиапространстве номинирует объекты ритуальных, политических, экономических разбирательств, что коренным образом отличает ее от первоначального смысла и негативно влияет на сознание русской культурно-языковой личности.

Ключевые слова: русская культурно-языковая личность, сакральный смысл, сакральная жертва, крылатая единица, семантические трансформации, профанизация, медиатекст, ложный сакрализатор.

"SAKRAL'NAYA ZHERTVA" AS A SET LANGUAGE UNIT IN THE LEXICO-PHRASEOLOGICAL SPACE "RUSSIANS"

O.V. Shkuran

The modern Russian personality is purposefully and systematically exposed to language attacks in the media space and proves to be in a situation of constant choice and obsessive infantility in determining the means and forms of modern speech. Over the past two decades, the sacred meaning of many linguistic units has been actively transformed, and this causes concern among Russian linguists. The article deals with the winged linguistic unit "sakral'naya zhertva", the semantic evolution of which originates from pre-Christian times. With the adoption of Christianity, the linguistic unit "victim" acquires a spiritual and educational character. The secularized stage of using the lexeme manifests a contrasting palette of transformations and nominates objects of ritual, political, and economic proceedings in the media space, which radically distinguishes it from its original meaning and negatively affects the consciousness of the Russian cultural and linguistic personality.

Key words: Russian cultural and linguistic personality, sacred meaning, "sakral'naya zhertva", winged unit, semantic transformations, profanization, media text, false sacralizer.

Введение

Метафоричность современного языка основана на представлениях языковой личности о реальном мире, диктуемых лингвистическим портретом языковых образов, принадлежностью к этнокультурному сообществу, формами национального языка и др. Но получаемая информация не всегда верифицирует архетипическое наполнение языковой единицы, что свидетельствует об утрате экзистенциального опыта наших предков. Завещанные нам точные копии сакральных смыслов слов с течением времени трансформируются и приобретают обмирщвленное понимание концептуальной картины мира и бытия. Язык не только удваивает окружающий мир, но и приобретает смысложизненное измерение, а речь представляет собой не реализацию определенной системы языка, а его «экзистенциально-онтологический фундамент» [39: с. 160] Современная русская личность целенаправленно и систематически подвергается языковым атакам в медиапространстве и оказывается в ситуации постоянного выбора и навязчивой инфантильности при определении средств и форм современной речи. В этой связи примечательно следующее признание структуралиста Луи Ельмслева: «…Временное ограничение кругозора было ценой, заплаченной за отторжение у языка тайны» [17: с. 381].

Одной из сложных языковых единиц, содержащих в себе многоуровневую структуру из ядерной, приядерной и обширной периферии, является выражение

Шкуран Оксана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии и издательского дела Луганского национального университета им. Тараса Шевченко (ЛНР).

Oksana Vladimirovna Shkuran – Doctor (Philology), Associate Professor, Department of Ukrainian Philology and Publishing, Taras Shevchenko Luhansk National University.

E-mail: Oksana.shkuran@mail.ru

© Шкуран О.В., 2020

сакральная жертва, иллюстрирующее понятийный, ценностный и образный компоненты и претендующее на право называться и ментальной, и крылатой единицей. В. Колесов писал, что «недостаточно говорить только о становлении нормы как главной проблемы истории литературного языка. Необходимо проследить истоки и источники, исторический фон и социальное основание» [19: с. 15].

Цель статьи – выявить комплексное системное представление этимологических, структурно-семантических, когнитивных, прагмалингвистических свойств языковой единицы «сакральная жертва», проявляющихся в закономерностях его функционирования; определить основные тенденции рассмотрения и понимания ее как крылатой языковой единицы, входящей в активный словарный запас современной русской культурно-языковой личности.

В соответствии с целями данной работы применялись следующие методы: функционально-семантический метод, описательный метод синхронного лексикологического анализа материала, метод дефиниционного и сопоставительного анализа, контекстуальный анализ и др.

В отечественном языкознании проблемами изучения категориального статуса лексем и паремий с сакральной семантикой с начала текущего столетия занимаются такие ученые, как Г.А. Толстова (2006) [36]; Н.И. Коновалова (2007) [21]; Н.А. Воробьева (2007) [9]; Т.Н. Бурмистрова (2008) [7]; С.М. Белякова (2012); А.А. Охалина (2012) [33]; К.Д. Наумов (2013) [31]; И.В. Кузнецова (2015) [23]; О.В. Шкуран (2017) [40] и др., использующие определение сакральности в ее широком смысле. Учитывая, что понятие сакрального на протяжении длительного времени было предметом исследования теологии, философии, социологии, современное языкознание нуждается в необходимости рассмотрения языковой сакральности.

Под языковой сакральностью мы понимаем универсальную метакатегорию, определяющую ценностно-смысловое существование гуманитаристики в этическом, эстетическом, правовом, политическом смысле, в которой присутствует вера и доверие к Богу и миру [41: с. 205]. Для осмысления данного понятия необходимо продолжить исследования и очертить практическую значимость сохранения сакральности русского слова.

В процессе освоения новой проблематики крылатой языковой единицы «сакральная жертва» мы обратимся к лингвистическим, основательным энциклопедическим словарям, к просветительско-философским исследованиям.

Источником происхождения лексемы *жертва* является церковно-славянский язык, поэтому она имеет давнюю историческую основу и является неотъемлемым элементом религиозного, нравственного и философского осмысления; ср. ст.-слав. жрьтва θυσία, σπονδή, от жьрѫ ‘творю жертву’, жьрьць ‘жрец, священник’; родственно лит. giriù, gìrti ‘хвалить’, gẽras‘хороший’, др.-прусск. girtwei ‘хвалить’, др.-инд. gr̥̄ṇáti ‘воспевает, превозносит, восхваляет’’, gī́r ж. ‘хвала, награда’, авест. āγairyāt̃ ‘превозносится’, gar ж. ‘хвала. награда, хвалебная песнь’, лат. grātus ‘желанный, приятный, благодарный’ [38: с. 50]. В лексических гнездах с корнем *жертв-* представлены субстантивные дериваты – *жертвенный, жертвенность, жертвенно, жертвенник, жертвование, жертвователь, жертвательница*; вербальные дериваты – *жертвовать, пожертвовать* [37: с. 161–162]. Корень *жертв-* отражает архаическое мировосприятие и позволяет реконструировать семантические связи, свойственные сознанию носителей традиционной культуры. Развитие сакральной семантики лексемы *жертва* обусловлена представлением о существовании двух миров – мира человеческого и мира сверхъестественного, божественного. Поэтому в контексте нашего исследования считаем целесообразным репрезентовать **ядерные** семы языковой единицы *сакральная жертва*: 1) номинирующую часть собственности, добровольно передаваемую сверхъестественным божественным силам, Богу в магическом обряде с целью благодарения или прошения; 2) номинацию самого Богочеловека, отдающего себя ради верующих во время Божественной литургии; 3) номинацию пострадавшего человека – и **периферийные** клише эпохи «новояза»: 1) ритуальное убийство ради чего-либо; 2) заказное политическое или экономическое убийство и др. Эти клише выполняют прагмастилевые функции и созданы по принципу острословия или игрословия. Язык, по мнению Е. Вишняковой, «отражает ценностные преференции и установки в данном социуме, чутко реагирует на те трансформации, которые происходят под влиянием различных факторов» [8: с. 20].

«Сакральная жертва» в дохристианский и христианский период

Русская история всегда находилась в тесной взаимосвязи с великими культурами Востока и Запада, что стало следствием создания русской народной религии на основе самостоятельного выбора веры, ее форм проявления. Главное содержание русского средневекового язычества – обоготворение сил природы и всего мирского в сакрально-символической форме – отображало, по словам Д. Лихачева, природно-церемониальную сторону «хаотичного язычества» [25: с. 4]. В письменных памятниках Прокопия Кесарийского (IV в.), Ибн-Фадлака (X в.) сообщается о том, что славяне во времена язычества приносили в жертву богу грома и молнии коров и быков, а русские купцы после удачной продажи товаров, находясь в дальних странах, для языческих идолов приносили в жертву хлеб, мясо, лук, молоко, опья-

няющий напиток и закалывали овец и быков, раздавая часть мяса бедным. В устном народном творчестве XIX–XX вв. очень редко встречается лексема *жертва*. Чаще всего, по словам Н.И. Толстого, *жертва* представлена другими номинантами, а именно: на Балканах – турецким заимствованием *курбан;* у поляков – латинским *ofiara*; у белорусов – *ахвяра;* у украинцев – *офіра;* на севере России – *обет* и др. Но чаще всего лексема *жертва* употреблялась для названия календарных языческо-христианских праздников – *коляда, миколец, ильинское мяско, гергьовское ягне* и др. [35: с. 208–214].

С принятием христианства произошли семантические трансформации в понимании языковой единицы «сакральная жертва». Со временем языческие обряды, значительная часть которых восходила к палеолитическому периоду, переключилась с принесения сакральной жертвы в сферу народной эстетики и малоосознанного суеверия. Часть ритуальных действий «застывала» и применялась как выражение народной мудрости, смекалки, наблюдательности, эмпирического познания, воплощения в народной культуре. Сейчас в таком виде мы имеем мудрость в народных сказках, пословицах, поговорках, передающихся из поколения в поколение.

О месте христианства в русской культуре и его значении идет много споров, но значительная часть славянофилов ставила знак равенства между качествами истинного христианина и русского национального характера. На рубеже XX в. (1980–90-е гг.) стали издаваться научно-богословские исследования, рассматривающие православные идеи как составную часть «русскости», вне которой невозможно понять культурный феномен народа. В. Колесов подчеркивал: «Сравнивая проявления русского мироощущения с западноевропейским менталитетом, хорошо известным и описанным, всегда придешь к выводу, что подобного менталитета у нас нет, а имеется его эквивалент – менталитет, повенчанный с духовностью» [20: с. 6].

Библия стала определять сакрально-духовные потенции русского человека. В Ветхом Завете распространенными образами жертвы являлись кровь, огонь и дым. Жертвы символизировали благодарение Богу за жизнь. Во времена патриархов такая честь предоставлялась отдельным верующим, например, жертва Авраама (единственный сын Исаак) (Быт. 22: 13)[1], жертва Иакова (во время примирения с Лаваном) (Быт. 31: 54). Чуть позже жертвы приносились только в храмах Иерусалима (Вт. 12: 5–4)[2]до 70-х гг. по Р.Х., до самого разрушения римлянами города. В «Левите» более подробно описывается ритуал приношения жертв Богу. Они разделялись на животного и неживотного происхождения. Для наименования в Ветхом Завете семидесяти видов животных в еврейском и арамейском языках использовались сто восемьдесят слов, а в Новом Завете на греческом языке пятьдесят наименований, напр. одиннадцать названий овцы, восемь названий козла, восемь названий коров и быка и т.д. На самом деле выбор жертв-животных определялся критериями: можно ли их есть? опасны ли они людям? наносят ли вред посевам? Среди такого числа чистых животных оказались бык, верблюд, козел, корова, лошадь, мул, осел. Например, образ овцы сформировался в результате долгого кочевого совместного опыта человека с животным, приносящим для него пользу, а именно: овечью шерсть, бараний рог, преданность и склонность к стадному образу жизни. Не случайно овцы служили моделью поведения человека – он беззащитен в одиночестве, часто сбивается с Божьего пути, поэтому постоянно нуждается в добром пастыре, каковым является Бог. Христос – Агнец перворожденный мужского пола для ежегодного искупления и вечно действующей Пасхи «был послушным до самой смерти» (Флп 2:8)[3] и был идеальной жертвой без порока (Чис. 28: 3)[4] [2].

Если животное скрывалось от человеческого глаза и вело ночной образ жизни, тогда название часто приобретало мифологическую окраску, например, паук трудится над паутиной ночью, вызывая ассоциации с неправедными сетями неверия. Поэтому при чтении богодухновенных книг человек, вовлеченный в мир библейской творческой

[1] Книга Бытия, первая книга Пятикнижия (Торы), Ветхого Завета и всей Библии. Содержание книги составляют предания о происхождении мира, древнейшей истории человечества и происхождении еврейского народа. Повествование начинается с сотворения мира и человека и заканчивается смертью Иосифа в Египте. Состоит из 50 глав, 1533 стихов и 32 267 слов. В ссылке сначала прописывается номер главы, а затем стиха. Здесь цитата из главы 22, стиха 13.

[2] Второзаконие, последняя книга Пятикнижия. Книга носит характер длинной прощальной речи, обращённой Моисеем к израильтянам накануне их перехода через Иордан и завоевания Ханаана. В отличие от всех других книг Пятикнижия Второзаконие, за исключением немногочисленных фрагментов и отдельных стихов, написана от первого лица и рассматривается как высокохудожественное произведение. Авторство до сих пор оспаривается. Состоит из 34 глав и стихов. Здесь цитата из 12-й главы, стиха 5–4.

[3] Послание к филиппийцам, книга Нового Завета, написанная апостолом Павлом и адресованная христианам македонского города Филиппы. Послание относится к поздним и написано в продолжительном узничестве. Состоит из 2 частей и 28 глав. Здесь цитата из 2-й части, 8-й главы.

[4] Книга Чисел, четвёртая книга Пятикнижия, Ветхого Завета и всей Библии. Название книги объясняется тем, что в ней приводится целый ряд подробных данных по исчислению народа, отдельных его колен, священнослужителей, первенцев и т.п. Основное содержание этой книги – жизнь народа в пустыне, пред лицом Создателя и «наедине» с Ним. В книге 36 глав. Здесь глава 28, 3-й стих.

фантазии, определял животным отличительные качества. Но их значительная часть относилась к нечистым созданиям. Чаще причины запрета определялись такими параметрами: склонность к заболеваниям (грызуны, свиньи); рацион нечистого питания (грифы); ночной образ жизни как связь с потусторонним миром (совы, летучие мыши); неприятный внешний вид (змеи, жабы) и др.

В число растительной жертвы входили пшеница, ячмень, оливковое масло, вино, ладан и др. Интересна градация понятий *дерево* и *овощ* в библейских традициях: растение, выпускающее листья из подземных органов, принято называть овощем, а выпускающее листья из надземных стеблей или стволов – деревом (дерево *кедр,* полукустарник *иссоп* и травянистое растение *мята* можно назвать «деревьями») [42: с. 72]. Образы растений употребляются как в прямом, так и в метафорическом смысле. Например, растение *ладан* является символом Божьего происхождения. В Новом Завете *ладан* выступает в качестве драгоценного подарка-жертвы волхвов Младенцу, рожденному Марией. Волхвы были не только восточными царями, но и учеными, наблюдавшими за небесными светилами. Заметив на востоке новую красивую звезду, они пришли в Вифлеем, к месту рождения Христа: *И вошедши в дом, увидели Младенца с Марией, Матерью его, и падши поклонились Ему; и, открывши сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну* (Мф., 2, 11)[5] [1: с. 6–7].

Поэтому, символизируя источник жизненной силы, растения принимают участие в обрядах приношения жертв. Они сопровождались следующими действиями: приносящий должен был разложить руки над жертвой, символизируя себя самого приносящего в жертву Богу. Процесс приношения жертв имел несколько видов: жертву всесожжения, «хлебное» приношение (печеные или жареные лепешки с елеем и ладаном), жертву мирную (благодарственную, усердную), жертву повинности и жертву за грех (для очищения святилища). При формировании русской церковной обрядности в обиходе Русской православной церкви до XVI в. в качестве жертвы клали кутью, сыр, блины, ставили сосуды с квасом, пивом, брагой [12: с. 80].

Еще одной ветхозаветной жертвой был *козел отпущения*. В День Очищения для искупления грехов полагалось принести в жертву овна и двух козлов; овен сжигался, а козлов ставили при входе в святилище с ковчегом завета и бросали жребий: одного козла нужно было принести в жертву, а другого нужно было отпустить в пустыню (Лев. 16: 5, 7–8)[6]. В книге «Левит» подробно описан этот сакральный обряд, совершаемый братом Моисея первосвященником Ааароном: *И приведёт Аарон козла, на которого вышел жребий для Господа, и принесёт его в жертву за грех, а козла, на которого вышел жребий для отпущения, поставит живого пред Господом, чтобы совершить над ним очищение и отослать его в пустыню для отпущения…* (Лев. 16: 9–10, 21–22). Жертвоприношение, дающее отпущение грехов, является прообразом искупительной жертвы Христа, о которой пророк Исаия говорит: *Он взял на Себя наши немощи и понёс наши болезни …Он изъязвлён был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нём, и ранами Его мы исцелились. Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу; и Господь возложил на Него грехи всех нас* (Ис. 53: 4–6)[7]. *…Он понёс на Себе грех многих …* (Ис. 53: 12) [14: с. 309–311].

Евхаристия в существе своем для верующих является спасительной пищей, хвалебная и благодарственная жертва Богу – за благодеяния человеческому роду жертва Иисуса Христа и умилостивительная за спасение всех живущих и умерших. Учение о жертве тесно связано с преложением хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы. Если Спаситель принес Себя на Голгофе в жертву за грехи всего человечества, то на жертвенниках христианских предлагается то же самое Тело и та же самая Кровь, ставшие на кресте искупительной жертвою за грехи мира. Эта истина подтверждается и Святым Писанием, где Иисус Христос обращается к апостолам и предлагает им благословенный хлеб и чашу: *Евхаристия – это не только трапеза, но и жертва: Приимите ядите, сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое* (1 Кор. 11: 24)[8]; *Пийте от неявси, сия есть Кровь Моя новаго завета, яже за многия из-*

[5] Евангелие от Матфея, первая каноническая книга Нового Завета, написанная апостолом Матфеем, входит в состав Четвероевангелия, описывающего жизнь и проповеди Иисуса Христа. Состоит из 28 глав, каждая из которых имеет определенное количество стихов. Здесь цитата из 2-й главы, 11-го стиха.

[6] Книга Левит, третья книга Пятикнижия, Ветхого Завета и всей Библии. Название происходит от священнического колена Левия. Посвящена религиозной стороне жизни народа Израиля. Состоит из 27 глав. Здесь цитата из 16-й главы, стихов 5, 7, 8.

[7] Книга Исход, третья книга Пятикнижия, Ветхого Завета и всей Библии. Название происходит от священнического колена Левия. Посвящена религиозной стороне жизни народа Израиля. Состоит из 27 глав. Здесь цитата из 16-й главы, стихов 9–10, 21–22.

[8] Первое послание коринфянам, Книга Нового Завета, написанная апостолом Павлом и адресованная христианской общине греческого города Коринфа. В послании содержится намерение устранить сумятицу в жизни общины после отъезда апостола Павла и проповеди Аполлоса. Состоит из 16 глав. Здесь цитата из 11-й главы, стиха 24.

ливаема во оставление грехов (Мф 26: 28)[9]. Выражения о Теле *за вы ломимое* и о Крови *яже за многие изливаема во оставление грехов* показывают, что здесь имеется в виду не просто трапеза, которая не может быть совершаема во оставление грехов и жертвенное приношение. Евхаристия была установлена по совершении пасхи ветхозаветной, а она сопровождалась жертвой пасхального агнца как символа благодарения за избавление домов от поражения Ангелом губителем. Апостолы также проповедовали о Евхаристии как жертве, противопоставленной жертве язычников, потому что она является обрядом истинного жертвоприношения (1 Кор. 10: 20) [2; 1: с. 100].

Таким образом, с приходом христианства на русской земле происходит изменение ментальных структур, а языковая единица *сакральная жертва* приобретает новое прочтение – *духовно-просветительская жертва*, а именно – потребность русского человека в благоугодном поведении – в самопожертвовании, в разумном общинном или индивидуальном служении единственному Богу.

Лексема «жертвенник» как символ церковности

Местом для приношения жертв считался жертвенник, который позже стал алтарем – центром богослужения в христианском храме. В Библии описывается процесс сооружения жертвенника. Он строился из глиняных кирпичей, обработанных камней или дерева, украшался драгоценным металлом и находился на возвышении в несколько футов. По своей форме он напоминал очаг или стол. Чаще всего он располагался под открытым небом для того, чтобы дым уходил прямо в небо. Жертвенники мог ставить ограниченный круг богоизбранных людей – Авраам, Иисус Навин, Давид или Соломон с целью поклонения только Ему. Многочисленность жертвенников, как и наличие языческих капищ, осуждалась. Существовала иерархия таких мест: основной жертвенник (в переводе с еврейского «убой») был предназначен для места убоя и пролития крови. Но, кроме основного, существовали второстепенные – золотой и для хлебов преложения. Обряд совершался так, чтобы взор несущего жертву устремлялся к небу, движение происходило с востока на запад, как будто вход во врата Эдема.

Первый жертвенник соорудил Ной после Всемирного потопа, совершив обряд всесожжения и получив право вкушать плоть животных. Позже Моисей закрепил право приносить жертву, получив завет для израильского народа. Жертвенник выполнял также и другие функции, например, в память о встрече с Богом; был местом убежища (ухватившись за рога жертвенника, можно было избежать возмездия от совершенного преступления); местом трапезы.

У древних славян обряд жертвоприношения не был привязан к одному месту, поскольку чаще всего объектом почитания выступали стихийные силы природы. Поэтому от локуса адресата зависел церемониал: лес, река, пруд, колодец, родник, столб, крыша, ворота, могила и т.д. По словам И.Б. Михеевой, «мифология славян не отличается такой степенью развитости и систематизированности. Она складывается из сложного хитросплетения элементов восточнославянской, тюркской, иранской, угро-финской, скандинавской мифологической систем, что отражает сложный процесс происхождения древнерусской народности» [28: с. 69].

С Новозаветных времен обряд жертвоприношений резко изменился: это уже святая святых – место предвосхищения душами мучеников, пострадавших за веру. Иисус Христос объединяет в себе все образы, связанные с жертвоприношением – Священника, Жертвы и Жертвенника. Он Новозаветное место Жертвы и убежища.

С приходом на Русь христианства природно-общинно-бытовая народная религия способствовала образованию русского массового православия, которое Н.А. Бердяев метко назвал «православием без христианства», а именно – внешнего, формального, синтезированного с языческой мистикой и практикой жертвоприношений [4: с. 44]. Часто при храмах после Божественной литургии устраивали трапезу – поминальные столы, общинно закалывали домашнее животное и готовили несколько блюд, зажаривали или запекали целое животное – поросенка, петуха, курицу к Рождественскому столу и др. Назывался этот обряд жертвенной трапезой. Но ментальный смысл поедания пищи заключался в том, что прихожане одного храма формировали общие традиции. Жертвенные трапезы, как правило, организовывались после захода солнца, сопровождались каждением ладана, кроплением святой водой, произнесением молитв, песнопениями, зажиганиями свеч.

Словарь В. Даля отражает не только сакральную семантику лексемы «жертва», но и ту, которая имеет негативную коннотацию: 1) пожираемое, уничтожаемое, гибнущее; что отдаю или чего лишаюсь невозвратно. Эта дефиниция отражает и сохраняет архетип языковой единицы, сложившийся, по всей видимости, еще в дохристианский период, когда на капища приносились жертвоприношения; 2) пострадавший от чего-либо есть жертва-причина 4) напрасный, клеветной, обидный [11: с. 147].

Таким образом, самоценность уклада общинной жизни и воплощение восточно-славянского языческого мироощущения в адекватную форму культурного феномена – православия – предопределило

[9] Евангелие от Матфея. 26-я глава, стих 28.

гармоничный и синтетичный характер ментальных установок в религии примирения. Идея соотношения духовного и телесного, идея гармонии явились подтверждением совершенства духовного начала христианского жертвоприношения.

Функциональный потенциал крылатого выражения «[сакральная] жертва» в медиатекстах

Специфика нынешнего состояния языковой ситуации в современном социуме состоит в том, что изменения в языке и общении являются прямым следствием общественных изменений [13: с. 6]. Вторая половина XX – начало XXI в. характеризуются стремительным ростом массовой коммуникации и новых информационных технологий. Динамичное развитие традиционных СМИ – печати, радио, телевидения, появление и распространение Всемирной Паутины – Интернета привели к созданию информационного пространства, особой виртуальной среды, образованной совокупностью множества медиапотоков. Всё это не могло не сказаться на процессах производства и распространения слова, на особенностях речеупотребления и характере языковых изменений в формировании полноценной языковой «русскости».

Перестройка категориальных структур сознания, изменение личностного смысла лексемы «жертва» фиксируется в «Большом словаре русских пословиц» под ред. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной [29] и в историко-этимологическом справочнике «Словарь русской фразеологии» под ред. В.М. Мокиенко, А.К. Бирих, Л.И. Степанова [5], например: *жертва аборта* – о ничтожном, неполноценном человеке; *жертва автомобильного аборта* – автомобиль «Запорожец». Такие выражения создают фоновый иронический эффект при употреблении сниженных языковых средств [29: с. 228], например: *Ну, ты, жертва аборта, – высокомерно сказал Остап, – отдай концы, не отчаливай. Перекупщик что, блондин, брюнет? Паша Эмильевич стал подробно объяснять* (впервые использовали Евгений Петров, Илья Ильф в «Двенадцати стульях»). Или же используются механизмы интертекстуальности и «обыгрывается» библейское выражение: *Если ты станешь думать, что ты есть сплошной нуль, прореха на теле человечества, жертва аборта и вообще никто, то неожиданно станешь цельной, сверкающей, великолепной единицей, и к тебе единственному обратится лик Господа и его перст, указующий: «Се человек»* (Александр Избицер «Музыка вечности»). Употребление фразеологизма *жертва аборта* не только делает заявку на непринужденно-фамильярное общение и общие фоновые знания у автора и читателя, но и дает основания создавать новые вариантные жаргонные производные, такие как *жертва автомобильного аборта; жертва неудачного аборта;* что влечет за собой снижение языкового регистра и исчезновение духовной атмосферы «русскости». Этот список могут продолжить следующие устойчивые единицы: *жертва излучения* – учитель информатики; *жертва перестройки* – автомобиль «Ока»; *жертва продольной пилы* – бизнесмен, понесший двойной убыток – при покупке и при перепродаже; *жертва пьяной акушерки* (*пьяного зачатия*) – о человеке, вызывающем гнев, раздражение; *новая жертва* – 1) ученик, оставленный после уроков на дополнительное задание; 2) новичок в классе. Очевидно, что эти фразеологизмы используются с желанием манипулировать и влиять на собеседника с целью его подчинения, а возможно, и доброжелательной насмешки над действительностью.

Фразеологизм *жертва вечерняя* номинирует людей с сомнительной репутацией; источником является библейский текст: *Да направится молитва моя, как фимиам пред лице твое: воздеяние рук моих – как жертва вечерняя* (Псалтырь, 140)[10] [2]. Эта фраза является отражением древнеевропейского обычая – приносить ритуальную жертву во время вечерней молитвы. Теперь же молитва с поднятием рук заменяет ритуальную жертву [5: с. 187]; *пасть жертвой* – погибнуть от чего-либо или ради чего-либо; *приносить/принести жертву* – жертвовать чем-либо ради кого-либо или чего-либо [29: с. 228 –229]. Употребляется в Ветхом Завете, когда Господь наслал мух на земли фараона египетского, который попросил Моисея и брата его Аарона принести жертву еврейскому Богу; *приносить [в] жертву Молоху* – отдавать жестокой и неумолимой силе, требующей человеческих жертв, кого-либо, что-либо очень дорогое. В ветхозаветных текстах кровожадный бог финикийцев, изображенный в виде медного идола с бычьей головой, постоянно требовал человеческих жертв. Образ Молоха часто встречается в русской литературе начала XX в.: А. Куприн «Молох» (1896), С. Займовский (1930), Н. и М. Ашукины (1966; 1987) [4: с. 185]. Такой обзор дает возможность увидеть общую мировоззренческую парадигму и коммуникативную тактику носителей русского языка.

Как пишет Г.П. Басс в одном из своих исследований концепта «жертва»: «…он многоуровневый, представляет собой абстрактную сущность, и для его описания недостаточно словарных толкований» [3: с. 163]. Наши наблюдения над языком газетной и Интернет-публицистики дают возможность утверждать об активном употреблении в ме-

[10] Псалтырь – книга Ветхого Завета, состоящая из 150 и 151 псалмов – песней и гимнов. Название происходит от одноимённого названия музыкального инструмента – псалтерия. Традиционно автором считают царя Давида. В православной церкви чтение Псалтыри закреплено за отдельными богослужениями суточного круга, поэтому читаются ежедневно.

диаконтенте крылатой единицы «сакральная жертва», о создании периферийных сем языковой единицы, которые со временем могут занять и ядерную позицию. По словам О.В. Ломакиной, данный жанр позволяет говорить «о существовании у современных журналистов своего рода шорт-листа крылатых единиц как самого употребительного разряда фразеологических ресурсов языка, которые активно используются при выборе заголовков» [26: с. 37–41]. Рассмотрим несколько примеров формирования ложных сакрализаторов с компонентом «жертва» (уже несакральным, а профанизированным, а вследствие этого и десакрализированным).

Искусство требует жертв

Многие приписывают авторство К.С. Станиславскому, поскольку в одном из своих выступлений он упомянул выражение «Искусство требует жертв». На самом деле, после исследований К. Душенко, напечатанных не так давно в очередном выпуске журнала «Вопросы культурологии», пишется о том, что предпосылки данного крылатого выражения появляются гораздо раньше, в начале прошлого столетия: *Наука требует жертв; История требует жертв*. И наконец в 1911 г. драматург Н. Евреинов в театральной пьесе «Школа этуалей» в иронично-шутливой форме вводит в реплики актеров выражение, которое позже приобрело статус народного: *Искусство требует жертв* [15: с. 151–154]. По сюжету пьесы одна из главных героинь, не выдерживая гневных замечаний директора, теряет самообладание, начинает рыдать и получает в ответ в качестве утешения поддержку помощницы директора Школы этуалей: *Мало ли чего от искусства не натерпишься? Искусство требует жертв!* Позже последовал ряд спектаклей и сценариев с данным выражением: Л. Андреев «Екатерина Ивановна» (1912), Б. Ромашов «Воздушный пирог» (1925). В 1932 г. выходит фельетон Ильфа и Петрова «Когда уходят капитаны», в 1941 г. Яков Тайц в автобиографическом рассказе «Про Ефима Зака» вводит две крылатые реплики: *Главное, это натура! и Искусство требует жертв!* Речь идет уже не о той сакральной жертве, а о профанизированной жертве – устремлять любыми усилиями желание достичь успеха в искусстве. В результате лексикализации выражение стало крылатым.

В 1968 г., доведенный до отчаяния и возмущенный поведением зрителя в театре, в рассказе «О жертвах вообще, и об одной в частности» Владимир Высоцкий пишет письмо министру культуры СССР П.Н. Демичеву, используя прием языковой игры: *Когда искусство требует жертв – оно его получает. Когда жертвы начинают требовать искусства – эти требования часто пресекаются еще в зародыше. Правда, жертвой чаще является зритель, который имеет право требовать искусства. Иногда эти действия проявляются прямо в середине действия и очень бурно. Поэтому зрителя по возможности стараются удовлетворить. Но когда жертва актер, тогда – цыц, и не моги требовать* [10]. В этом фрагменте автор называет жертвами и зрителя, и актера с дефиницией ‘пострадавшие’ от великого искусства или большого бескультурья в театре. Ироническое высказывание заключает в себе оценку и выражает собственную позицию автора к зрителю, в тексте письма автор особенно часто обращается к иронии в реализации оценочно-аксиологической речевой стратегии, которая дает возможность делать оценку событиям, обстоятельствам, персонажам, балансируя между объективно-субъективным отношением к действительности.

Современные медиатексты также предлагают крылатые единицы с различными иронично-шутливыми трансформациями, напр.: *Искусство требовало жертв, и они быстро заполнили зал. Лучше играть перед пустыми креслами, чем перед пустыми лицами; Искусство требует жертв, а искусствоведение жертвоприношений; Жертвы требуют искусства; Искусство требовать жертв; Искусство требует жертв? Нет, пожертвований* и др. [32]. Представленная познавательная структура имеет свое лингвокультурологическое поле проявления, поэтому происходит искажение ассоциативных связей, в результате чего меняется образ мира. Языковая игра с лексемой «жертва» иллюстрирует такие семы, как «необходимость в заинтересованном зрителе, поэтому предпочтение актерской игры в пустом зале», «умение находить финансовые средства для искусства». О.А. Лаптева, автор книги «Живая русская речь с телеэкрана», пишет: «Влияние звучащих средств массовой информации на языковые процессы трудно переоценить: теперь язык прессы и звучащих СМИ всё менее смыкается с книжно-письменным типом литературного языка. Многократная повторяемость и демократизация слова воспринимается как норма и действует на все механизмы языка» [24: с. 7].

Из этого следует, что крылатая единица «жертва» теряет статус сакральной единицы, а приобретает статус профанности.

Красота требует жертв

Сложно установить авторство выражения *Красота требует жертв*. Но еще сложней установить приблизительное время происхождения. Однозначно, речь идет о женской красоте и тех жертвах, на которые женщины обрекают себя с древних времен. Еще в древнем Египте женщины употребляли косметические средства, изготовленные из ядовитых веществ – свинца, травы белладонны, иголок для повседневного ношения на лице. Для поддержания статуса красавицы китайские женщины сыз-

мальства искусственно уменьшали себе стопу ноги для изящности и ношения башмачков маленького размера, что влекло за собой полную инвалидность. Уже в XIX в. девушки на выданье, замужние дамы испытывали под туго затянутым корсетом мучения от невозможности лишний раз вздохнуть. XX в. увенчался выведением веснушек и пигментных пятен диоксидом углерода, различными видами химических завивок, приспособлениями для ямочек на щеках. Список таких жертв можно продолжить современными достижениями эстетической медицины; например пластическая или эстетическая хирургия, сопровождающаяся порой риском для жизни. Ради красоты жертвенный ряд пополняется представителями мужского пола. Ироничная коннотация устойчивого выражения вуалирует семантику 'риск для жизни и состояния здоровья человека' и иллюстрирует ложный сакрализатор «жертва» с семантикой «дар для себя любимой или любимого», теряющей сакральный смысл.

Современный медийный контент, по словам А.С. Макаровой, отличается особой культурной коннотацией, которую адресат способен или должен уметь идентифицировать [27: с. 274]. Представим несколько примеров амбивалентных медиатекстов, состоящих из двух частей – подписи слогана и иконической части (рисунок, фотография, таблица и т.д.), которые формируют в интернет-пространстве новые, далеко не сакральные смыслы, напр.: *Красота требует жертв. Муж – Жертва, Я – Красота* (иконическая часть представлена изображением дорого одетой супруги с драгоценными акссесуарами). В данном тексте произошла импликация компонентного состава крылатого выражения, семантика полностью искажена, планомерно разворачиваются бинарная метафора *муж – жертва* и гипербола *Я – Красота*, которые формируют иронический подтекст, используя классический прием совмещения несовместимого и преувеличения.

Следующий медиатекст *Красота требует жертв, а не жертвоприношений* содержит текстовую часть с двумя сакральными языковыми единицами – *жертва, жертвоприношения,* но в ассонансе с визуальной частью данного медиапродукта выясняется, что речь идет о безболезненной инновационной процедуре перманентного макияжа под названием цветовой коррекции, позволяющей нанести новый выбранный контур бровей без травмирования кожи лица (пудровые брови, напыление и др.). Предыдущие процедуры татуажа брови сопровождались инъекциями с обезболиванием. Поэтому слоган содержит сему «не больно» [22].

В третьем трансформере-медиатексте на фоне фотографии главного «пожизненного» модельера итальянского дома моды Fendi и французского Chanel К.О. Лагерфельда приведена реплика*: Красота не требует жертв. Красота требует денег,* взятая из выступления: *Я никогда не осуждал женщин, которые хотят красивой жизни, я лишь не понимал мужчин, которые жалуются, что женщинам нужны только деньги… Говорят, красота требует жертв… Чушь! Красота требует денег!* [16]. От инварианта сохранился базовый компонент «жертва», текст использует отрицательную частицу, на которую падает логическое ударение. Крылатое выражение приобретает семантику ‘для достижения внешней красоты достаточно иметь необходимую сумму денег’. Воспитание в себе эгоцентризма идет вразрез сакральному пониманию лексемы «жертва».

Языковая единица «сакральная жертва» как объект современной политической технологии

Как известно, «…язык не только передает информацию, но и воздействует на личность, формирует ее, изменяя в лучшую или в худшую сторону, вмешивается в нашу картину мира <…>, а следовательно, опосредованно и в общественную жизнь. Тем самым, по словам В. Ирзабекова, «язык из категории чисто лингвистической превращается в реальную общественно-политическую силу, становится экономической категорией» [18: с. 56]. А благодаря СМИ «…язык является мощным средством коммуникативного воздействия на массовое поведение. Он позволяет не просто описывать какие-либо объекты или ситуации внешнего мира, но и интегрировать их, задавая нужное адресанту видение мира, управлять восприятием объектов и ситуаций, навязывать их положительную или отрицательную оценку» [13: с. 27].

Крылатая единица *сакральная жертва* широко употребляется в значении ‘заказное политическое убийство как акт победы над оппонентом’, и речь идет о человеческих жертвах. Объект выбирается по особым признакам и ради чего-то убивается определенным ритуалом. Это не имеет отношения к христианской религии, где узаконенное место казни преступников на кресте через распятие олицетворяет жертву Богочеловека ради вечной праведной жизни. Через всю цивилизацию проходят примеры скандальных историй, связанных с ритуальными или заказными убийствами. Например, в африканских племенах допускаются случаи ношения амулетов, сделанных из человеческих органов (в 1989 г. в Зимбабве были принесены в жертву тела двух туристок); в Нигерии в своём нашумевшем романе “Things Fall Apart” Чинуа Ачебе описывает ритуальное убийство в группе из девяти деревень Умуофия в нижней части реки Нигер, спровоцированное местным оракулом для умиротворения богини плодородия в религии Igbo и т.д.

В 2012 г. на канале НТВ для 120-миллионной аудитории зрителей демонстрировался документаль-

но-публицистический фильм «Нужна сакральная жертва?», в котором показана уличная оппозиция, выступающая за «снежно-белую» идею. Комментарии политолога В. Бурматова за кадром объясняют значение используемой языковой единицы: *Первая задача – кровь, потому что кровь – это переход информационной повестки. Когда кого-то покалечили, а желательно, убили, для них – это циничные вещи, но мы говорим об инструментарии революции.* «Сакральной жертвой» в кавычках, подчеркивая актуальность и стилистический регистр, цинично называют «неотъемлемую часть современных политтехнологий любого "цветного" переворота» [34]. В.В. Путин на встрече с доверенными лицами, политологами и членами Общероссийского народного фронта подчеркивал, что в период выборной кампании *ищут так называемую сакральную жертву, из числа каких-нибудь заметных людей – сами грохнут, извините, а потом власти будут обвинять. Я эту методику и тактику уже десять лет знаю. Такой сценарий готовят те, кто за границей сидит. Надеюсь, что люди, которые искренне хотят улучшения ситуации в стране и используют свое право на критику и демонстрации, не поддадутся на это. Но все должны об этом знать* [34].

Крылатое выражение «сакральная жертва» употребляется при расследовании убийства российской журналистки, занимающейся проблемой чеченского конфликта, А. Политковской (2006) и оппозиционного политического лидера Б. Немцова (2015). На одном из сайтов опубликованы похожие ритуальные действия, а именно: демонстративный расстрел; орудие убийства – травматический пистолет; выпущенные четыре пули, политический мотив, развязывание пиар-компании в защиту убийц и т.д. [30]. Контекстуальное употребление иллюстрирует следующую периферийную дефиницию «заказное убийство по политическим мотивам».

Подобная сакральная жертва была принесена во времена оранжевой революции в Украине. Роль «жертвенного тельца» сыграл Виктор Ющенко, отравленный якобы «властями». По мнению украинских социологов, факт отравления добавил Ющенко 10–15 % голосов избирателей, позволил провести незаконный третий тур и обеспечил ему совершенно незаслуженную победу. Чуть позже сакральной жертвой, по мнению интернет-газеты «Українська правда. Блоги», стал президент В. Янукович: *Майдан набирає оберти. З кожним днем він буде вимагати все більшої кількості політичних жертв і поступок – якщо не застосувати певні дії на перших порах. Затягування ситуації, намагання вирішення ситуації відкласти "на потім" призведе лише до ще більшого градусу загострення, аж доки не залишиться єдиний вихід із ситуаціїі з єдино можливою жертвою – самим президентом* [6].

Украинские сайты пестрят заголовками: «Сакральные жертвы Кремля», «Сакральные жертвы Путина», «Сакральные жертвы олигархата», «Экстремисты готовят новые сакральные жертвы» и др. Рассматриваемые заголовки интернет-публикаций все чаще используют в трансформированном виде семантическую субституцию, изменяя и снижая коннотативную окраску. Данное крылатое выражение обладает семантической емкостью – разнообразием смыслов, объектами рефлексии с ярко выраженной негативной коннотацией. В следующем фрагменте речь идет о мыслеформирующей функции крылатого выражения. Например: *Девушки из лагеря оппозиции понесут цветы и положат на броню танков: эти кадры умильно покажут все телеканалы мира. Ну а потом понадобится сакральная жертва – кто-нибудь выстрелит в своих… Начинается борьба за нефть* (Галина Сапожникова «Авокадная революция» // Комсомольская правда, 2013.04.16) [32]. В данном контексте речь идет о борьбе не только политической, но и экономической.

Применительно к событиям на севере Африки сакральными жертвами стали ряд стран, вовлеченных в геополитический перераздел: ситуация резко накалилась после самосожжения торговца овощами из Туниса Мохаммеда Буазизи. Подобные акты произошли в Мавритании, Саудовской Аравии, Марокко, Сирии. Этот список можно продолжить: Тбилиси – восемнадцать сакральных жертв-женщин в 1989 г. на массовом митинге под руководством лидера оппозиции Гамсахурдия; Вильнюс – десять сакральных жертв в 1991 г. в борьбе за власть. По данным Мониторинговой миссии ООН, в военном конфликте на Донбассе 2014–2019 гг. пострадало более 13 тыс. человек, которые стали жертвами политического массового убийства. И этот список не заканчивается, а речевая агрессия способствует снижению информативности, влияет на эмоциональный и эстетический уровень языкового материала. Функциональный потенциал формирования эмоционального настроя и повышения градуса напряженности в современных медиатекстах воздействует на адресата и выступает намерением реализации прагматических установок, а порой и желания «щегольнуть» модным заимствованием.

Заключение

Рассматривая данный текстовый материал в качестве универсальной вербальной формы сохранения и отражения культурного опыта, можно не только разъяснить национально-культурную специфику мировосприятия, но и проследить диахронические изменения в развитии общественного мнения и в речи современной русской культурно-языковой личности. Если во времена древнего мира члены языкового общества полагались на тексты богодухновенных книг или на собственные тради-

ции, передающиеся из поколения в поколение, то современный информационный мир отражается и реконструируется с помощью медиатекстов, воспроизводящих мир в своем противоречии, многообразии и ставит человека в ситуации выбора семантики языковой ментальной единицы, которая приобрела статус крылатого выражения. Крылатая единица *сакральная жертва*, несомненно, является компонентом современной культуры; на понятийную, ценностную и образную составляющие влияет уровень формата медиатекста, уровень языковых средств и уровень содержания. Не случайно во Всемирной паутине в нулевых годах нынешнего столетия появляется данное устойчивое выражение, что связано с укреплением позиций России на международной арене после болезненного распада СССР. Особенно крылатое выражение манифестируется во времена политики, проводимой В. Путиным, что свидетельствует о желании западных политтехнологий внести диссонанс и деструкцию в русском обществе и в сознание русской языковой личности. Ведь каждая человеческая жизнь – это сакральный объект, думающий прежде всего о своей семье, народе, государстве. Медиапространство позиционирует крылатое выражение «сакральная жертва» как ложный сакрализатор, который приобретает следующую семантику: 1) человек или массовые скопления людей, подвергающиеся уничтожению с целью решения геополитических, экономических проблем; 2) ритуальное убийство, совершаемое ради чего-либо; 3) заказное уничтожение человека с целью устранения проблем. Ни одно из значений не имеет сакральной коннотации, поэтому языковая единица приобрела крылатость без сохранения первоначального смысла, манифестирует профанный смысл и формирует ложный сакрализатор «сакральная жертва».

ЛИТЕРАТУРА

1. Святое Евангелие.– Москва : Спасское братство, 2011. – 658 с.

2. Библия. Духовный хлеб на каждый день. – URL: https: // mospat.ru/ calendar/ bibliya1/ (дата обращения: 05.12.2019).

3. *Басс, Г.П.* Жертва как ядерный компонент одноименного концепта в русском и английском языках (на материале романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» и его английского перевода) / Г.П. Басс // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2008. – № 8. – С. 160–171. – (Сер.: Филология и искусствоведение).

4. *Бердяев, Н.А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX – начала XX века / Н.А. Бердяев // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – Москва : Наука, 1990. – С. 43–271.

5. *Бирих, А.К.* Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. – Санкт-Петербург : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.

6. *Бондаренко, К.* Сакральні жертви / К. Бондаренко // Українська правда: блоги (1 грудня 2013 р.) – URL: https://blogs.pravda.com.ua/authors/bond/529b80b162c10 / (дата обращения: 28.11.2019).

7. *Бурмистрова, Т.Н.* Сакральная фитонимия: лингвокультурологический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.Н. Бурмистрова. – Екатеринбург, 2008. – 23 с.

8. *Вишнякова, Е.А.* Отражение ценностных ориентиров социума в специфике языковой номинации / Е.А. Вишнякова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2014. – № 2(42). – С. 20–26.

9. *Воробьева, Н.А.* Лингвокультурологический подход к изучению русской сакральной идиоматики / Н.А. Воробьева // Уральский филологический вестник. – 2012. – № 5. – С. 6–11. – (Серия: Психолингвистика в образовании).

10. *Днепровская, Н.* Литературный дневник: Владимир Высоцкий о жертвах вообще и об одной / Н. Днепровская // Стихи.ру. – 2017. – URL: www.stihi.ru/diary/natalina-tali4/2017-08-21(дата обращения: 28.11.2019).

11. *Даль, В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: репринтное воспроизведение изданий 1903–1990 гг., осуществленных под ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ. Т. 1–4 / В.И. Даль. – Москва : Прогресс, Универс, 1994.

12. *Данилова, А.И.* Феномен двоеверия в русской народной культуре / А.И. Данилова // Язычество восточных славян: история и современность : моногр. / под общ. ред. А.Ф. Зырянова. – Краснодар, 2007. – Гл. 3. – С. 118–184.

13. *Добросклонская, Т.Г.* Медиалингвистика: Системный подход к изучению языка СМИ: Современная английская медиаречь / Т.Г. Добросклонская. – Москва : Флинта : Наука, 2008. – 263 с.

14. *Дубровина, К.Н.* Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов / К.Н. Дубровина. – Москва : Флинта : Наука, 2010. – 808 с.

15. *Душенко, К.* Искусство требует жертв / К. Душенко // Вестник культурологии: Искусствоведение. – 2018. – № 3(90). – С. 151–154.

16. Его величество Карл Лагерфельд: 19 уничтожающих цитат модного гения. – URL: https://ofigenno.com/citaty-karla-lagerfelda (дата обращения: 28.11.2019).

17. *Ельмслев, К.* Пролегомены к теории языка / К. Ельмслев // Новое в лингвистике. – Москва : Изд-во иностранной литературы, 1960. – Вып. 1. – С. 264–389.

18. *Ирзабеков, В.Д.* Русское слово, или Новые тайны русского слова / В.Д. Ирзабеков. – Москва : Даниловский благовестник, 2013. – 229 с.

19. *Колесов, В.В.* Древнерусский литературный язык / В.В. Колесов. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 296 с.

21. *Колесов, В.В.* Русская ментальность в языке и тексте : моногр. / В.В. Колесов. – Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2006. – 624 с.

21. *Коновалова, Н.И.* Сакральный текст как лингвокультурный феномен : моногр. / Н.И. Коновалова. – Екатеринбург : Уральский гос.пед.ун-т, 2007. – 298 с.

22. Красота требует жертв, а не жертвоприношений. – URL: http://demotes.ru/demotivatori_raznie/3585-krasota-trebuet-zhertv-a-ne-zhertvoprinoshenij.html (дата обращения: 28.11.2019).

23. *Кузнецова, И.В.* Иисус Христос в устойчивых сравнениях славян / И.В. Кузнецова // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск : Изд-во Новосибирского национального исслед. гос. ун-та, 2015. – № 3. – С. 232–240.

24. *Лаптева, О.А.* Живая русская речь с телеэкрана: разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте

/ О.А. Лаптева. – 5-е изд., стер. – Москва : Едиториал УРСС, 2003. – 520 с.

25. *Лихачев, Д.С.* О национальном характере русских / Д.С. Лихачев // Вопросы философии. –1990. – № 4. – С. 3–6.

26. *Ломакина, О.В.* К вопросу об определении концентра современной крылатики / О.В. Ломакина // IV Фирсовские чтения. Язык в современных дискурсивных практиках : материалы докл. и сообщений Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 22–23 октября 2019 г.) / под ред. А.С. Борисовой, А.В. Игнатенко, О.В. Ломакиной. – Москва : РУДН, 2019. – С. 259–266.

27. *Макарова, А.С.* Реализация трансформационного и креативного потенциала крылатики в медиадискурсе / А.С. Макарова // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2019. – № 2. – С. 273–278. – (Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика).

28. *Михеева, И.Б.* Духовно-культурные традиции православия и трансформации восточнославянской языческой парадигмы / И.Б. Михеева // Государство, религия, церковь в России и за рубежом: философия, этика, религиоведение. – 2011. – Т. 1–2, № 37. – С. 68–77.

29. *Мокиенко, В.М.* Большой словарь русских пословиц / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1026 с.

30. *Мурзин, И.Г.* Борис Немцов – сакральная жертва / И.Г. Мурзин. – URL: https://www.obozrevatel.com/blogs/13867-sakralnaya-zhertva--chast-1.htm (дата обращения: 29.11.2019).

31. *Наумов, К.Д.* Сакральные представления как источник русской и польской идиоматики / К.Д. Наумов // Язык и ментальность : сб. науч. ст. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2010. – С. 293–298.

32. Национальный корпус русского языка. – URL: http://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 28.11.2019).

33. *Охалина, А.А.* Сакральное и профанное время в романе М. Шолохова «Тихий Дон» / А.А. Охалина, С.М. Белякова // Вестник Тюменского государственного университета. Филология. – 2012. – № 1. – С. 170–176.

34. *Панов, В.* Нужна сакральная жертва? / В. Панов // Столетие: информационно-аналитическое издание фонда исторической перспективы : интернет-газета. – 2012. – 19 марта. – URL: http: //www. stoletie.ru/politika/nuzhna_sakralnaja_zhertva_2012-03-19.htm (дата обращения: 28.11.2019).

35. Славянские древности: Этнологический словарь Т. 2. Д – Крошки / под ред. Н.И. Толстого. – Москва : Международные отношения, 1999. – 697 с.

36. *Толстова, Г.А.* Культура языковой личности: Религиозная лексика в письменной речи Агафьи Лыковой / Г.А. Толстова // Русский язык и культура речи : сборник материалов семинара-конференции (14–16 марта 2006 г.). – Красноярск, 2006. – С. 246–256.

37. *Ульянова, О.А.* Словообразовательный словарь современного русского языка / О.А. Ульянова. – Москва : Аделант, 2013. – 512 с.

38. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2. Е – Муж / М. Фасмер. – Москва : Прогресс, 1986. – 672 с.

39. *Хайдеггер, М.* Время и бытие: статьи и выступления / М. Хайдеггер ; сост., пер. с нем. и коммент. В.В. Бибихина. – Москва : Республика, 1993. – 447 с.

40. *Шкуран, О.В.* Десакрализация понятия «Библия» в русскоязычных медиаресурсах / О.В. Шкуран // Слово и фразеологизм: взаимосвязь мышления, языка и культуры : сб. ст. к 90-летию профессора А.М. Чепасовой / под ред. И.А. Голованова. – Челябинск : Южно-Уральский гос. гуманитарно-педагогический ун-т, 2017. – 172 с.

41. *Шкуран, О.В.* Сакрально-прагматическая константа в паремии не в деньгах [только] счастье / О.В. Шкуран // Вестник Чебоксарского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – Чебоксары : ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, 2019. – № 3 (103). – С. 204–209.

42. *Шкуран, О.В.* Языковые единицы с сакральной семантикой: лингвокультурологический аспект (на примере библейских флоронимов) / О.В. Шкуран // IV Фирсовские чтения. Язык в современных дискурсивных практиках : материала докл. и сообщений Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 22–23 октября 2019 г.) / под ред. А.С. Борисовой, А.В. Игнатенко, О.В. Ломакиной. – Москва : РУДН, 2019. – С. 72–77.

DOI:

ФРАЗЕОЛОГО-ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В СИНХРОНИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Е.Н. Антонова

В статье представлен анализ семантически устойчивых единиц русского языка в структуре языковой личности сквозь призму дискурсивной синхронии. Фразеолого-паремиологические дескрипции рассматриваются как фасет лингвокультуры, оперирующий, наряду с традиционной фразеологией (в том числе паремиологией), фразеологическими новообразованиями, или неофразеологизмами. Возникновение и функционирование данных единиц проявляется особенно образно в структуре языковой личности, развивающейся синхронно с современным социумом, что и отражено в настоящем исследовании. Помимо этого в работе прокомментированы частные дескриптивные подходы к определению прагматического статуса паремий, содержащих структурный, семантический или структурно-семантический антропоморфный компонент. В качестве иллюстративного контента представлены языковые единицы, вычлененные из лексикографического фонда современной филологии, обоснованы условия реализации антропоморфных приемов. Приведены примеры функционирования данных единиц в структуре языковой личности, что позволяет говорить о потенциальных возможностях вербализации антропоморфной концептосферы. Отобранный языковой материал в той или иной мере фиксирует опыт предшествующих поколений, этнокультурные особенности нации, ментально-интеллектуальный уровень культурной общности и т.д., демонстрируя аспектуальные черты формирования языковой личности.

Ключевые слова: языковая личность; фразеолого-паремиологический фонд; синхрония лингвокультуры; русский язык; дескрипция; дискурс; проза и поэзия; антропоморфный принцип; фасет; прагматика; неофразеология; паремия; языковая единица; структура; семантика.

PHRASEOLOGICAL-PAREMIOLOGICAL ASPECT OF A LANGUAGE IDENTITY IN THE SYNCHRONOUS LINGUACULTURE

E.N. Antonova

The article presents an analysis of semantically stable units of the Russian language in the structure of the linguistic identity through the prism of discursive synchrony. Phraseological and paremiological descriptions are considered as a facet of linguistic culture, operating, along with traditional phraseology (including paremiology), phraseological neoplasms, or neo-phraseologisms. The emergence and functioning of these units is manifested especially figuratively in the structure of the linguistic identity, developing synchronously with modern society, which is reflected in this study. In addition, particular descriptive approaches to determining the pragmatic status of paremias containing a structural, semantic or structural-semantic anthropomorphic component are commented on in the work. The language units selected from the lexicographic fund of modern philology are presented as illustrative content, the conditions for the implementation of anthropomorphic techniques are justified. Examples of the functioning of these units in the structure of a linguistic identity are given, which allows us to talk about the potential possibilities of verbalization of the anthropomorphic conceptosphere. The selected linguistic material in one way or another captures the experience of previous generations, the ethnocultural characteristics of the nation, the mental-intellectual level of the cultural community, etc., demonstrating aspectual features of the formation of linguistic identity.

Key words: linguistic identity; phraseological and paremiological foundation; synchronization of linguistic culture; Russian language; description; discourse; prose and poetry; anthropomorphic principle; facet; pragmatics; neophraseology; paremia; language unit; structure; semantics.

Введение

К постановке проблемы. Тяготение современной науки к множественности и разносторонности исследовательских подходов оправдывает дескриптивно-прагматические эксперименты как с узуальным, так и с окказиональным материалом, как в области лингвистики, так и при функциональной контаминации различных отраслей знания. Фразеологическое учение в хронотопическом аспекте, особенно при исследовании языковой личности (ЯЛ), получило широкое распространение у современных ученых, однако при тщательной и последовательной проработке фундаментальных вопросов обнажается ряд языковедческих лакун, нуждающихся в теоретико-прикладном заполнении. При этом стоит сказать, что многочисленные труды филологов не исчерпывают всех проблемных областей, а, напротив, раздвигают границы научных интересов.

Актуальность темы. Увеличение научного спроса на аутентичные языковые явления, в том

Антонова Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков Государственного университета по землеустройству (г. Москва).

Elena Nikolaevna Antonova – Dr. (Philology), Associate Professor, Department of the Russian and Foreign Languages, State University of Land Use Planning (Moscow).

E-mail: stchl@yandex.ru

© Антонова Е.Н., 2020

числе и на феномен ЯЛ, совмещающие хорошо изученные лексико-семантические характеристики и испытывающие на себе новые лингвокультурологические веяния, объясняет актуальность заявленной темы исследования. Фразеологический, в том числе паремиологический, каркас русского языка в целом и в структуре ЯЛ в частности продолжает непрерывно развиваться и пополняться за счет культурных, политических, экономических, социальных, собственно лингвистических и иных факторов. Как известно, мир людей представляет собой общество, и его социально-духовное устройство характеризуется различными коммуникативными связями, возникающими в процессе человеческой жизнедеятельности, направленной на удовлетворение физических, физиологических, этнокультурных, религиозно-нравственных и прочих потребностей. На протяжении веков аксиологические метаморфозы вербализируются в кодах культуры [10], носителем которых является ЯЛ. В силу жанровой лаконичности стихотворчество является первым проводником духовного наследия любой эпохи, особенно на фразеологическом уровне. Что касается непосредственно паремий, то они вмещают в себя народную мудрость, скопленную столетиями и покоряющую глубинным смыслом вне контекста и времени.

Материал и методология. Фактологической базой настоящего исследования послужили фразеолого-паремиологические структуры ЯЛ, функционирующие в традиционном и неоязыковом дискурсе, зафиксированные в дескриптивных ресурсах паремиографии и интернет-порталов. В работе были использованы следующие обще- и частнонаучные исследовательские методы: отбор и анализ языкового материала; описание парадигматико-синтагматических возможностей вербальных композиций ЯЛ; сканирование медийных поставщиков информации на предмет функционирования устойчивых структур (номинативного и предикативного типа) в дискурсе современной ЯЛ; оценка и прогнозирование тенденций развития фразеологии в широком понимании в фокусе современного языковедения.

1. Новое в отечественной фразеологии сквозь призму окказионально-дескриптивного осмысления языковой личности

Самобытность восточно-славянской культуры является интересной исследовательской областью, хранящей тайны и нуждающейся в детальном изучении. Несмотря на существующие труды по истории и культуре славян как этноса, историки и культурологи не располагают достаточными сведениями и фактическим материалом, позволяющим представить энциклопедически полную картину возникновения и развития жизни, быта, верований данных племен. Однако этим исследовательским направлениям продолжает уделяться достойное внимание, в том числе на уровне лингвокультурологических разработок. Познание культуры народа через его язык представляется, пожалуй, одним из важнейших путей добычи информации. В свою очередь, изучение языка народа на примере определенных ЯЛ – это прежде всего постижение его фольклорных традиций, предпочтений и форм вербализации мировоззренческих концептов. И, как известно, практически ни одно фольклорно-поэтическое произведение не обходится без образного носителя народной мудрости – **фразеологии.**

Фразеология как самостоятельная научная дисциплина сформировалась в русском языкознании к 40-м гг. XX в. во многом благодаря трудам академика В.В. Виноградова, в работах которого на основе положений Ш. Балли была разработана ее структурно-семантическая классификация, поставлен вопрос о ее объеме и задачах. В связи с осмыслением основных положений трудов В.В. Виноградова в центре внимания исследователей становятся вопросы, определяющие специфику фразеологических единиц (ФЕ), разграничение и сближение функций ФЕ и самостоятельного слова или словосочетания, структуры ФЕ, некоторые другие вопросы. Фразеологические обороты входят в состав языка как самостоятельно функционирующие единицы, утратившие признаки и семантику своих компонентов.

Фразеологическая структура представляет собой комплекс элементов, не относящихся к словам, поскольку они лишены семантической самостоятельности, а большинство ФЕ обладают метафорической основой, связанной с различными процессами в системе словосочетаний.

В процессе исследования фразеологической системы русского языка выделились отдельные направления и сформировались подходы к изучению. Центральным направлением, определившим развитие ряда других, мы признаем условно названное структурно-семантическое, основателем которого является академик В.В. Виноградов, а также возникшие на его базе когнитивно-концептуальное, трансформационное направления и, как следствие, авторская фразеология в структуре ЯЛ.

О феномене ЯЛ и ее параметрических аспектах автором настоящего исследования было сказано ранее в ряде работ[1].

[1] «О понятии "языковая личность" (ЯЛ) впервые заговорили Й.Л. Вайсгербер, В.В. Виноградов, продолжили – Г.И. Богин, Ю.Н. Караулов и др. Если суммировать теоретические разработки предшественников и вывести рабочее понимание ЯЛ, то ее дефиниция может выглядеть как креативно-когнитивная реализация вербально-невербальных средств языка конкретным автором <…> По Ю.Н. Караулову, структура ЯЛ складывается из трех уровней: вербально-семантического (лексикон), лингво-когнитивного (тезаурус) и мотивационного, или уровня деятельностно-коммуникативных потребностей (прагматикон)…» [13]. См. также: [2; 12; 14].

Теоретической базой, легшей в основу собственно лингвистической дифференциации и интерпретации фразеологии конкретной ЯЛ, являлось фразеологическое учение литературного языка. В авторском идиостиле специфическим образом проявляется фразеологичность единиц, т.е. свойство сочетаний слов в совокупности давать представление об одном понятии, и фразеологическая валентность, т.е. закон совместного функционирования и семантического взаимовлияния слов-компонентов ФЕ.

В связи с интенсивным развитием фразеологии в системе лингвистического учения в XX–XXI вв. обостряется интерес к авторской фразеологии как важному аспекту ЯЛ, так как художественные тексты создают благоприятные условия для контекстуальной фразеологизации, основанной на важнейших характеристиках ФЕ, а именно: метафоричности, образности, экспрессивно-эмоциональных коннотациях [3: с. 247–248; 8; 15].

Разноаспектные исследования русской (как представителе восточно-славянской) лингвокультуры посвящены также функционированию и этимологии ФЕ на различных этапах развития языка. В сферу рассмотрения попадают и устаревшие обороты, возникновение которых относят к более раннему периоду развития демоса, и обороты, являющиеся языковыми средствами активного вербального запаса.

Кроме того, язык, будучи динамично развивающимся явлением, активно пополняется не только словами-неологизмами, но и фразеологическими неологизмами, или **неофразеологизмами**, дополняя структуру ЯЛ. Происхождение последних имеет разные основания, такие как трансформационные процессы в существующих ФЕ, калькирование устойчивых сочетаний слов других языков, окказиональные манипуляции с языковым материалом и т.д. Чаще всего неофразеология как элемент речетворчества зарождается в журналистике или поэзии. При этом значительное воздействие на развитие фразеологического **фасета** ЯЛ, т.е. рассматриваемой по общим параметрам грани какой-либо классификационной категории, оказали политические, экономические, социальные и иные факторы как внутри этнической общности, так и под влиянием извне.

Возникшие неофразеологические конструкции функционируют в речи многих носителей языка, понятны и воспроизводимы, но воспринимаются как неологизмы до тех пор, пока не произойдет фиксация данных языковых единиц в лексикографии, сначала в окказиональной, а затем в узуальной. Данный процесс долог и связан напрямую с актуальными проблемами культуры речи, затрагивающими функционирование лексико-фразеологических новообразований в фасете лингвокультуры. При этом стоит учитывать условия перехода метафорического сочетания слов в неофразеологическую структуру, к основным относятся следующие: фиксирование языковой единицы в нескольких письменных текстах, правильное восприятие данной структуры носителями языка, отсутствие этой конструкции в толковых словарях.

Поэтическая фразеология в целом как научно значимое когнитивное пространство непрерывно продолжает привлекать внимание исследователей, поэтому на примере некоторых русских неофразеологизмов, вычлененных из опытов современных стихотворцев [5; 11], попытаемся схематично проследить общую тенденцию развития неофразеологического фасета ЯЛ в синхронии восточнославянской лингвокультуры.

Изучая русские демотиваторы, О.В. Ломакина в статье «Крылатика в интернет-дискурсе» пишет: «Популярность крылатых единиц (КЕ) в современном языке позволила выдвинуть гипотезу о популярности этого пласта фразеологии в Рунете» [7: с. 255]. Данное предположение подтверждается фактическим материалом при исследовании дискурсивно-эмотивного пространства Интернета, насыщенного неординарными языковыми средствами, в том числе и поэтической неофразеологией.

Поскольку фразеологический пласт языка по определению предполагает образность и частое включение иронии или сатиры (как имплицитной, так и эксплицитной), постольку неофразеологический фасет ЯЛ реализуется преимущественно в шутливых стихах или поэтических демотиваторах. Так, в стихотворении *«Фразеологизмы в буквальном прочтении» Дмитрия Ломакина-Румянцева* [11] происходит переосмысление посредством некоторых единиц целого фасета лингвокультурологии современной эпохи. Практически в каждой строке текста присутствуют фразеологизмы, так или иначе воспринимаемые как узуальные, однако некоторые из них являются трансформированными структурно и / или семантически, поэтому обрастают новыми смыслами.

В первой строфе используется общеязыковой фразеологизм *(не) води друг друга за нос*, нарочито (как и все прочие) закавыченный в тексте. Предикат в форме повелительного наклонения выступает в роли сослагательного, а сама конструкция использована с дополненным компонентным составом. За счет включения лишнего с точки зрения логики, но закономерного с точки зрения смысла элемента происходит семантическое переосмысление и расширение трактовки. Как следствие, в таком виде единица функционирует и в других контекстах (как претендующих на художественность, так и разговорных) у разных ЯЛ. ФЕ *память комода* представляется лексико-семантическим переосмыслением ряда узуальных устойчивых структур (*светлой памяти, блаженной памяти, незабвенной памяти, рыться в памяти, остаться в памяти, на памяти, память души* и др.).

В третьей строфе используется лексикализованная единица, подвергающаяся интерпретации в прямом значении наряду со связанным: *«смотря сквозь пальцы» на луну*. А неофразеологизм *«на голубом глазу» (начальства)* может позиционироваться так за счет относительно недавнего вхождения в языковую систему в качестве устойчивого оборота и функционирования в современном языке преимущественно в разговорном стиле. Разговорно-сниженная ФЕ *на всю железку*, имеющая такие синонимы, как *на всю катушку, на полную катушку*, встречается и в поэзии других авторов, к примеру, как заглавие стихотворения *Виктора Бокового40* и в самом тексте в качестве концовки: *«Я "топлю" на всю железку, / Километры шелестят...»* [11].

Оборот *держа морковкой хвост*, встречаемый в контексте шестой строфы рассматриваемого стихотворения «Фразеологизмы в буквальном прочтении» (варианты: *держать хвост трубой <пистолетом>*) интересен тем, что в некоторых словарях приводятся аналоги к нему на английском языке. Его популярность подтверждается и использованием как заглавия в современной прозе. Например, на просторах Интернета можно найти произведение *Виктора Плотицына «Держи хвост морковкой! (Короткий роман с многочисленными отступлениями, в том числе и от нравственности)»*. В этой же строфе стихотворения Дмитрия Ломакина-Румянцева помещена единица *тихим сапом*, представляющая собой грамматический трансформ, появившийся в диалектах, от ФЕ *тихой сапой*. Расширение коннотативной сферы за счет присоединения приставок к доминантным компонентам устойчивого оборота происходит в таких единицах, как *заскребут на сердце кошки, потянув кота за хвост*. За счет лексико-семантической и структурной контаминации ФЕ и свободных смыслов формируются следующие поэтические единицы: *«на голом месте плешь» создав, «и рад бы в рай, да не пускают / грехи» под росчерком пера*.

С позиции неофразеологии интересны и поэтические демотиваторы [5] как зеркала народных умонастроений и формирования нового типа ЯЛ, в свободном доступе размещаемые в сети Интернет и создаваемые в юмористическом или сатирическом стиле. Вообще Интернет стал одним из главных индикаторов культуры (по крайней мере в России), а крупная часть носителей русского языка проводит слишком много времени в виртуальном мире. Происходит формирование лингвокультурологических маркеров. А если речь идет о поэзии как о лаконичном литературном жанре, то шутливая форма, прикрывающая острые социальные проблемы, создает все условия для возникновения афористичности. Таким образом, неофразеологическая огранка присуща большинству поэтических демотиваторов, так как форма малого жанра, особенно оснащенного сатирой, предполагает заключение потенциально крылатых смыслов в одной или нескольких строфах текста. Авторы (часто анонимные) острят на злободневные темы действительности, изобретая фразы, которые позже будут повторяться в народных массах, или наполняя обновленной семантикой уже известную фразеологию. Воссоздается совокупный образ ЯЛ в синхронии лингвокультуры. К примеру, в Интернете можно найти стихотворение *Александра Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека…»* с отметкой *«Лучшие демотиваторы с 1904 г.»*.

Отдельным видом демотиваторов являются стихи из детских книжек, обрамленные едкими заголовками. Неофразеологический потенциал может быть заложен как в самом тексте, так и в комментарии к нему. *«Поэзия – удел избранных»* – приписка к так называемому детскому стихотворению, основанному на многократном дублировании нескольких слов: семикратное повторение фразы *«Такса едет на такси»* подытоживается глубоко информативной строчкой *«Всё. Приехали. Мерси»*. Колкие замечания типа *«Остановите наркоманию среди детских писателей»* (кстати, эта фраза уже воспринимается как крылатая) клеймят не менее странные тексты, например: *«…Над землей арбуз летит, / Он чирикает, свистит: / – Я – горчица, я – лимон! / Я закрылся на ремонт!»*. Примечательно, что в этой фразе не просматривается даже каламбурный смысл, это тупик для фантазии взрослого человека и тяжелый удар по нежной детской психике.

О том, как мужчины способны паниковать из-за незначительной простуды, написано немало анекдотов и занимательных историй, поэтому создатели комично-афористичных зарисовок не могли не отреагировать: *«О, боже! Я почти вдова… / У мужа тридцать семь и два…»*.

Скверные тексты графоманов высмеиваются с характерными комментариями типа *«Питерская поэзия – классикам наступают на пятки»* (в этом слогане, как видим, присутствует семантически нагруженный фразеологизм). Здесь уместно вспомнить и шутливое стихотворение *Владимира Горохова «Она была ничё такая…»* [5], обличающее ущербность речи современной молодежи. Скудный вербальный арсенал текста является и одним из аспектов аутентичной ЯЛ, и аллегорией, и каламбуром, и открытым демонстрантом уровня речевого развития определенной группы подростков. Так, первая строфа выглядит следующим образом: *«Она была ничё такая… / Я подхожу, короче, к ней: / А ты ничё вообще такая – / Я говорю, короче, ей»*. Сочетание слов *она ничё такая* в просторечиях давно функционирует в готовом виде, следовательно, содержит фразеологические коннотации, а многократный повтор повсе-

местно распространенного слова-«сорняка» *короче* усиливает эффект устойчивости.

Приведенные примеры свидетельствуют о народном стремлении зарифмовать ключевые вехи своей лингвокультуры, создавая несерьезные стихи на злободневные темы. Практически всегда эти строки содержат большой фразеологический потенциал, имплицитно и / или эксплицитно выраженный [12: с. 423–427]. Если подобраны удачные слова, затрагивающие чувства читательской аудитории, то они становятся узнаваемыми и воспроизводимыми, как следствие, формируется пласт неофразеологических единиц (обычно разговорного стиля), являющихся важным компонентом ЯЛ эпохи. Таким образом, поэтическая неофразеология представляется уникальным аспектом ЯЛ в фасете лингвокультуры, импульсом, позволяющим наметить новые исследовательские векторы.

2. Паремиологическая прагматика в фокусе антропоморфной природы и в структуре языковой личности

Актуальной исследовательской тенденцией синхронно-дескриптивной филологии является аналитическая работа с языковым материалом, в основе которой лежат поликультурные подходы. Поэтому антропоморфизм как философская и культурологическая категория не лишен и лингвистических параметров. Помимо вербализации антропоморфной концептосферы, происходит отбор языкового материала, пригодного для создания устойчивых сочетаний слов, фиксирующих опыт предшествующих поколений, этнокультурные особенности нации, ментально-интеллектуальный уровень культурной общности в диахронном срезе и т.д. Лингвокультурологический подход к интерпретации языковых синтагматических возможностей позволяет расширить исследовательский спектр при аналитико-синтетических формах работы с антропоморфными компонентами. Особое внимание при этом следует уделить реализации антропоморфизма в контексте русской паремиологии, представляющей собой копилку народной мудрости и гармонично вписывающейся в структуру любой ЯЛ.

В настоящее время данному языковому явлению посвящено множество научных трудов (к примеру, [8: с. 177–180]), где лингвистические категории рассматриваются не изолированно, а в **дискурсе**, который, являясь многозначным термином, представляет собой монологическое языковое полотно, развивающееся и реализующееся в конкретных речевых ситуациях, в письменных и устных текстах. Повсеместно используются филологами дискурсивные формы изучения того или иного языкового явления [1: с. 78–84; 7]. При этом стоит сказать, что феномен паремиологического дискурса заключается в его психолингвистической и нередко антропоморфной природе.

Самобытным разделом филологической науки представляется **паремиология**, посвященная изучению паремий. **Паремиями**, в свою очередь, являются языковые единицы устойчивого структурно-семантического характера, преимущественно предикативного типа (афоризмы, пословицы, антипословицы, поговорки, загадки, девизы, слоганы и проч.), в основе которых лежит остроумная, лапидарная, этнокультурная, цельнооформленная, многократно воспроизводимая, а следовательно, – узнаваемая, мысль. При широком подходе к фразеологическому учению паремии рассматриваются рядом ученых (Н.Ф. Алефиренко, О.В. Ломакина, В.М. Мокиенко и др.) среди иных фразеологических структур, но с поправкой на специфические особенности. Согласно классификации Н.М. Шанского паремии во многом соответствуют характеристике фразеологических выражений [16: с. 84–85]. Однако в данном вопросе стоит избегать категоричных суждений, о чем не преминули упомянуть авторитетные исследователи.

При обращении к принципу антропоморфизма, который во многих случаях является источником онтологического мировоззрения архаичных эпох, необходимо отметить религиозный характер данной ассоциативно-образной системы. На бытовом уровне каузальные связи антропоморфных образов лингвокультурологии соотносятся с детским мировосприятием. Не случайно ряд исследователей-психологов проводят параллель между этапами развития ребенка и человечества в целом.

Термин **антропоморфизм** возник в результате слияния двух греческих корней, переводимых соответственно как «человек» и «форма, образ, вид». Научные теории связывают антропоморфизм с перенесением параметрических характеристик человека на прочих живых существ, на мифических персонажей, на природные проявления, на абстрактные категории и неодушевленные предметы и др. Изначально антропоморфные учения были уделом теологии, но в свете возникновения пограничных научных дисциплин образовались дискурсивные лакуны в области лингвокультурологии, особенно если речь идет о паремиологических базах узуса. На уровне ассоциативных интенций в тезаурусе нации нашли отражение отголоски анимизма (веры в обитателей потустороннего мира, силы природы, одушевленность флоры и фауны), политеизма (перенесения качеств человека на божественный пантеон), монотеизма (описания верховной божественной сущности с внешними и внутренними проявлениями человека) [6].

Посредством антропоморфизма с древнейших времен человек постигал и объяснял мир. С появ-

лением второй сигнальной системы, т.е. оформлением членораздельных звуков в связные высказывания, и скапливанием народной мудрости в метких образных выражениях (паремиях), антропоморфизм стал одним из важных принципов лингвокультурологических исследовательских подходов.

Дискурсивный прием включения антропоморфных компонентов в паремиологическую комбинаторику имеет различные проявления, такие как коннотативно-денотативное изображение творца мироздания и представителей божественного пантеона при языческих верованиях, вербальная репрезентация гибридных существ различных культур (герои сказок, мифов, легенд) и обитателей потустороннего мира, контекстуальные дескрипции очеловеченных животных и растений и т.д.

Паремиологическая база любого языка содержит семантический стержень, объединяющий ее с базами других языков, но содержащий специфические логико-этнические особенности. Данная филологическая область коррелирует со смежной дисциплиной – **паремиографией**, занимающейся созданием соответствующих словарей. Паремиография благодаря систематизации информационных ресурсов позволяет позиционировать прагматический статус антропоморфного компонента по двум основным направлениям.

1. Лексико-семантический вектор – с точки зрения проявления принципа антропоморфизма:

а) структурное включение – при наличии антропоморфного компонента в лексической структуре паремии;

б) семантическое включение – при опосредованном указании на антропоморфный признак;

в) структурно-семантическое включение – при комбинированной реализации исследуемого явления.

2. Смысловой, или понятийный, вектор – в соответствии с ассоциативными параллелями на уровне:

а) анимизма; б) политеизма; в) монотеизма.

Материалом исследования послужили устойчивые структуры из паремиографических ресурсов русского языка. Проиллюстрируем сказанное на примере некоторых паремий, извлеченных из справочника В.И. Даля «Пословицы русского народа» [4] с демонстрацией их (если есть) в структуре ЯЛ (контексты взяты из Национального корпуса русского языка[2]; в данном случае речь идет о прозе). Для этого была проведена аналитико-синтетическая работа с дискурсом русской паремиологии, применено контекстуальное сканирование лексико-семантической структуры паремий с включенным принципом антропоморфизма.

Обзорно-синтетическая работа с классификатором книги В.И. Даля позволяет заключить, что особенно ярко в русских паремиях отражается монотеизм (об этом свидетельствуют целые разделы «Бог–вера», «Вера–грех», «Вера–исповедание» и проч.). Проявления анимизма происходят, в том числе, за счет частого упоминания черта как антипода Бога и обитателя потустороннего мира. Политеизм в первую очередь связан с отголосками язычества у древних славян.

Антропоморфно нагруженные паремии, расположенные по шкале понятийного вектора на отметке монотеистических воззрений, имеют достаточное количество примеров реализации и в зависимости от лексико-семантического направления.

Структурное включение антропоморфного компонента наблюдается в паремиях: *Жить – богу служить; Жив бог – жива душа моя; Господь богатит и высит, убожит и смиряет; Даст бог день, даст бог и пищу; Аще бог с нами, никто же на ны* и др. НКРЯ не предлагает примеров реализации данных паремий в структуре ЯЛ.

Семантическое включение элемента антропоморфизма реализуется в таких паремиологических единицах: *Молитва места не ищет; Коротка молитва «Отче наш», да спасает; Не хлебом живы, молитвою; Одно спасенье – пост да молитва* и др. Приведенных примеров в НКРЯ не наблюдаем.

Структурно-семантическое включение антропоморфного признака происходит в устойчивых единицах: *Не встанет свеча перед богом, а встанет душа; Не нужны нам праведники, нужны угодники (т.е. нам угождающие); Велико имя господне на земли* и др. Примеры в НКРЯ отсутствуют.

Если говорить о паремиологическом описании анимизма, то антропоморфные признаки проявляются следующим образом.

Структурное включение: *Аминем беса не отшибешь; Мужик лишь пиво заварил, уж черт с ведром; Бога не гневи, а черта не смеши!; Волос глуп – везде растет; Рубль голову стережет* и др. НКРЯ не приводит примеров функционирования указанных паремий в структуре русской ЯЛ.

Семантическое включение: *Великий пост всем прижмет хвост; Да воскреснет Бог и расточатся враги его!; Быть тебе в раю, где горшки обжигают* и др.

НКРЯ предлагает ряд примеров реализации данных паремий в структуре ЯЛ. Приведем некоторые:

«У меня, рассказывал священник поутру, руки, ноги отнялись, а я все стою и жду, что будет дальше, а дальше выходит и третий: черный, как головешка, только гребешок светится, и запел он, братцы мои, таково жутко и строго, что опустился я на коленки и говорю так внятно и раз-

[2] Национальный корпус русского языка (далее – НКРЯ). URL: http://www.ruscorpora.ru/new/ (дата обращения: 01.12.2019).

*дельно на всю церкву: "**Да воскреснет бог и расточатся враги его!**"»* [И. А. Бунин. Сны (1903)].

*«Именем честного Креста заклинаю – сгинь, пропади! **Да воскреснет Бог и расточатся враги Его!**.. Злость овладела им. Он подошел к двери, запер ее на ключ»* [Д.С. Мережковский. Смерть богов. Юлиан Отступник (1895)].

Структурно-семантическое включение: *Богу свечу, а черту кочергу; Скуден, да нужен (человек), а беден бес; Бог путь, а черт крюк; Не деньги нас наживали, а мы деньги нажили* и др. В НКРЯ примеров не встречаем.

Принцип политеистического антропоморфизма аналогично предыдущим может быть условно разделен на группы.

Структурная реализация: *Бог не Макешь (*или *Мокошь* – языческое божество*), чем-нибудь да потешит; Чур меня! (Чур – бог в язычестве); Не страшны злыдни за горами; Который бог замочит, тот и высушит; Взял боженьку за ноженьку, да и об пол* и др.

Примеры реализации данных паремий в структуре ЯЛ (по НКРЯ):

*«И кронштадтцев расстреляли, хотя те поднялись защитить справедливость, – и у них в сейфе не должен храниться мой что бы то ни было обещающий почерк. Это было что-то вроде суеверия "**чур меня**", вроде дурацкой приметы: перебежит тебе дорогу черная кошка – бойся…»* [Л.К. Чуковская. Прочерк (1980–1994)].

*«Это был уже бред, idee fixe, от которой нелегко отделаться. **Чур меня**, чур!»* [О.В. Волков. Из воспоминаний старого тенишевца (1988)].

*«Пастор (в ужасе отшвырнул книгу). **Чур меня!** Кощунство! Неслыханное кощунство»* [Григорий Горин. Тот самый Мюнхгаузен (1986)].

*«Только и тут все-таки сноровка нужна: ты поотпустить-то поотпусти, а спиной поворачивайся к нему не вдруг, а постепенно, чтобы не могли сказать посторонние, что вот, дескать, подлец, **взял боженьку за ноженьку, да и об пол**!»* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Два отрывка из «Книги об умирающих» (1857–1865)].

Семантическая реализация: *Не гони бога в лес, коли в избу влез; Без роду и племени; У бабы семь пятниц на неделе; За тебя только три пятницы молока не есть; Моленый баран отлучился, ин гулящий прилучился (о жертвоприношении)* и др.

По данным НКРЯ, в структуре ЯЛ приведенные паремии функционируют, к примеру, в таких контекстах:

*«Послушай, Ибрагим, ты человек одинокой, **без роду и племени**, чужой для всех, кроме одного меня…»* [А.С. Пушкин. Арап Петра Великого (1828)].

*«…Страшные могут быть эти последствия, если найдутся силы создавать и пускать "в дело" изготовленного "по заказу" человека, **без роду и племени**, с целенаправленным инстинктом и силой, не обремененной никакими обязательствами ни перед кем и ни перед чем»* [Виктор Астафьев. Зрячий посох (1978–1982)].

Комбинированная (структурно-семантическая) реализация: *Каков Бог, такова ему и свеча; Ладно баюкаешь, да сон не берёт (Бай – языческий бог); От лиха не уйдешь; Жил в лесе, молился пням; Старый ворон мимо не каркнет* и др. Базы НКРЯ не содержат примеров реализации указанных выше паремий в структуре ЯЛ.

Разделение по данным направлениям и группам, однако, не лишено некоторого субъективизма, поскольку вопросы вхождения паремиологических единиц в ментальное поле конкретной нации носят дискурсивный характер и получают многогранность оценок и суждений в зависимости от авторской позиции. Тем не менее это не снижает интереса к паремиологическим возможностям в структуре ЯЛ при включенном принципе антропоморфизма.

Заключение

В данном исследовании предпринята попытка актуализировать представление о собственно фразеологических и паремиологических дескрипциях современного дискурса в фокусе ЯЛ. В работе продемонстрировано воздействие духовно-ценностной ориентации эпохи на структурно-семантическую вербализацию культурных кодов. Немаловажную роль играет тот факт, что лингвистические исследования современной науки находятся в тесной взаимосвязи с прочими социально-гуманитарными учениями, поэтому прослеживается тенденция формирования новых исследовательских областей на пересечении уже сложившихся. В связи с этим перманентную популярность приобрела лингвокультурология как симбиоз языковедения и культурологии, основанный на взаимном влиянии аксиологического хронотопа и узуса в развитии. Таким образом, семантико-дескриптивный анализ фразеологии в целом и паремиологии в частности позволяет проследить и объяснить параметрические характеристики поэтического и прозаического дискурса ЯЛ на фоне культурных традиций и нововведений социального мышления. Закономерно, что исследовательские векторы получают различные направления, а когнитивная деятельность охватывает как лингвистический, так и внеязыковой уровни общественного сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антонова (Сычёва), Е.Н.* Прагматика современного стихотворческого процесса в свете дискурс-анализа филологической поэзии / Е.Н. Антонова (Сычёва) // III Фирсовские чтения. Лингвистика в XXI в.: Междисциплинарные парадигмы : материалы докл. и сообщений Междунар. науч.-практ. конф. – Москва : РУДН, 2017. – С. 78–84.

2. *Антонова (Сычёва), Е.Н.* Филологическая поэзия как аспект языковой личности / Е.Н. Антонова (Сычёва) // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXVII. Интегративные процессы в когнитивной лингвистике : материалы Междунар. конгресса по когнитивной лингвистике (16–18 мая 2019 г.) / гл. ред. серии Н.Н. Болдырев ; отв. ред. вып. Т.В. Романова. – Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2019. – С. 968–973.

3. *Голованевский, А.Л.* Афористика и фразеология, или Афористическая фразеология (на материале поэзии Ф.И. Тютчева) / А.Л. Голованевский, Е.Н. Сычёва // Устойчивые фразы в парадигмах науки : материалы Междунар. науч. конф., посвящённой 100-летию со дня рождения Владимира Леонидовича Архангельского. – Тула : С-принт, 2015. – С. 247–252.

4. *Даль, В.И.* Пословицы русского народа : сб. / В.И. Даль. – URL: https://royallib.com/get/fb2/dal_vladimir/poslovitsi_russkogo_naroda.zip (дата обращения: 20.10.2019).

5. Демотиваторы в стихах. – URL: https://yandex.ru/images/search?text=демотиваторы %20в %20стихах&stype=image&lr=213&source=wiz (дата обращения: 15.10.2019).

6. *Кулебякин, Е.В.* Антропоморфизм и генезис мышления / Е.В. Кулебякин // К проблеме выделения человека из природы: Методологические аспекты. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1987. – 180 с.

7. *Ломакина, О.В.* Крылатика в интернет-дискурсе: функционально-прагматический аспект / О.В. Ломакина // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI в. : материалы междунар. науч. конф. – Тула : ТППО, 2018. – С. 254–260.

8. *Ломакина, О.В.* Паремии в контексте: способы экспликации коммуникативного намерения (на материале текстологии Л.Н. Толстого) / О.В. Ломакина // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2014. – № 77. – С. 177–180.

9. *Мокиенко, В.М.* Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии / В.М. Мокиенко. – Москва : Флинта : Наука, 2009. – 464 с.

10. *Пинкер, С.* Язык как инстинкт / С. Пинкер ; пер с англ. ; общ. ред. В.Д. Мазо. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 456 с.

11. Стихи.ру. – URL: https://www.stihi.ru/ (дата обращения: 13.10.2019).

12. *Сычёва, Е.Н.* О филологической поэзии / Е.Н. Сычёва // Актуальные вопросы изучения мировой культуры в контексте диалога цивилизаций: Россия – Запад – Восток : материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVII Кирилло-Мефодиевские чтения», (24 мая 2016 г.) – Москва ; Ярославль : Ремдер, 2016. – С. 423–427.

13. *Сычёва, Е.Н.* Синергетический эффект тезауруса языковой личности при интровертивном взаимодействии филологического опыта и креативности / Е.Н. Сычёва // Фразеологизм и слово в художественном, публицистическом и народно-разговорном дискурсах : материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Кострома, 18–23 марта 2016 г.) / под науч. ред. И.Ю. Третьяковой. – Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2016. – С. 238–240.

14. *Сычёва, Е.Н.* Фразеологическая система в структуре языковой личности (на примере поэтической фразеоматики Ф.И. Тютчева) / Е.Н. Сычёва // Вестник Брянского государственного университета. – 2015. – № 3 (26). – С. 207–211. – (Педагогика. Психология. История. Право. Литературоведение. Языкознание. Экономика. Точные и естественные науки).

15. Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме (Четвертые Жуковские чтения) : материалы Междунар. науч. симп. (4–6 мая 2009 г.) / отв. ред. В.И. Макаров; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2009. – 384 с.

16. *Шанский, Н.М.* Фразеология современного русского языка : учеб. пособие для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.» / Н.М. Шанский. – Санкт-Петербург : Спец. лит., 1996. – 192 с.

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И ЛИТЕРАТУРА

DOI:

ИСТОКИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНОГО СТИЛЯ В ЖИТИИ ПРОТОПОПА АВВАКУМА

М.М. Лоевская

Протопоп Аввакум – духовный лидер раскола, противник патриарха Никона и его реформ. В своем автобиографическом Житии он повествует о своих злоключениях и мытарствах во время ссылок в Сибирь и Пустозерск. Нередко его Житие сравнивали с исповедью, благодаря глубоко личному тону. Однако лиричность повествования исчезает, когда речь заходит о врагах: патриархе Никоне, царе Алексее Михайловиче, «злых начальниках». Тогда появляются злые, саркастические выражения, бранная лексика, которые как нельзя лучше передают психологическое состояние автора, готового жизнь положить за защиту старой истинной веры. Образный, острый и меткий язык протопопа, исполненный духовной силы, является главной отличительной особенностью его Жития, посланий и челобитных.

Ключевые слова: протопоп Аввакум, патриарх Никон, царь Алексей Михайлович, раскол, эмоциональный стиль.

ORIGINS OF THE EXPRESSIVE EMOTIVE STYLE IN THE LIFE OF AVVAKUM

M.M. Loyevskaya

Protopop Avvakum was a religious leader of the Orthodox Schism, an opponent of Patriarch Nikon and his reforms. In his autobiography, he tells about his misadventures and tribulations during his exile in Siberia and Pustozersk. His *Life* was compared to confession, because of its personal tone. However, the lyricism of the narrative disappears when it comes to enemies: Patriarch Nikon, Tsar Alexei Mikhailovich, and “evil superiors”. Sarcastic expressions and abusive vocabulary convey the state of mind of the author, who is ready to sacrifice his life for the old true faith. The metaphorical and sharp language of the protopop, full of spiritual power, is a major characteristic of his *Life*, letters and petitions.

Key words: Protopop Avvakum, Patriarch Nikon, Tsar Alexei Mikhailovich, Schism, emotive style.

В античной биографии часто встречаются описания различных событий из жизни того или иного выдающегося лица, деятельность которого прославлялась или, что тоже нередко происходило, порицалась. В последнем случае биография обогащалась чертами псогоса, т.е. обличения (например, «Александр, или Лжепророк» Лукиана). В Византии и на Руси агиографические произведения всегда создавались во славу святого, но одновременно включали в себя осуждения, неодобрения, обличения различных лиц (особенно в святительских и мученических житиях). Псогос становится неотъемлемой чертой византийских житийных памятников, посвященных такому общественно-религиозному движению, как иконоборчество.

Два явления – византийское иконоборчество и русский раскол – близки друг другу в силу единства социальных обстоятельств, сходством тех социальных слоев населения, которые принимали участие в этой борьбе, и тех репрессий, которым подвергались мученики за веру со стороны светских и духовных властей. Столкновение героев старообрядческих житий с царем Алексеем Михайловичем, патриархом Никоном и их сторонниками – это реализация житийных ситуаций смерти за веру от руки царя-мучителя.

В византийских и древнерусских сочинениях отцов церкви признавалось, что государь может быть еретиком (в житии священномученика Симеона рассказывается о том, что святой отказался поклониться царю, заявляя: «Я кланялся тебе как поставленному Богом царю, когда являлся к тебе как к царю. А теперь я вижу в тебе врага Христова, принуждающего меня отречься от Бога, и я не могу кланяться тебе, врагу Божию» [2: т. 1, с. 7]; Иоанн Златоуст писал об отступниках-императорах; преп. Иосиф Волоцкий указывал, что не следует слушаться правителя и подчиняться ему, если тот яв-

Лоевская Маргарита Михайловна – доктор культурологии, профессор кафедры сравнительного изучения национальных литератур и культур Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Margarita Mikhailovna Loyevskaya – Doctor (Culture Studies), Habil., Associate Professor, Department of National Literatures and Cultures Comparative Studies, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: mloevskaya@mail.ru

© Лоевская М.М., 2020

ляется еретиком [5: с. 324–325]. Не признавая русского государя благочестивым, староверы отказались подчиняться ему, возложив на него, «предтечу антихристова», всю ответственность за раскол. «Вожди русского раскола в своих действиях, писатели раскола в своих текстах опирались на прецеденты из апостольских времен, на историю раннехристианского мученичества» [11: с. 198].

Главной темой в старообрядческих житиях, несомненно, является обличение «ереси никонианской» и непреклонное мужество в борьбе с ней, жажда страданий за истину. «Мы же со отцы и братиею, не умолчав, почали обличать ... предтечу антихристову», – пишет в своем Житии Аввакум о Никоне [3: с. 200], а он, «злый вождь», начал «казнити православие», а вслед за ним и царь, изменив христианскому учению, стал утверждать веру «огнем, кнутом, да виселицею» [3: с.137]. По всей Руси «бряцали цепи, везде вериги звенели, везде Никонову учению служили дыбы и хомуты. Везде в крови исповедников ежедневно омывали железо и бичи. И от такого насильственного лютого мучительства были залиты кровью все города, утопали в слезах села и города, покрывались плачем и стоном пустыни и дебри...» [9: т. 8. с. V]. Наиболее ярко эта тема прослеживается в житиях боярыни Морозовой и протопопа Аввакума, страстно защищавших свои убеждения: «Аще и умрети ми Бог изволит, с отступниками не соединяюся!» [3: с.133].

Основой для создания Жития Аввакума, по-видимому, послужили его многочисленные челобитные к Алексею Михайловичу, в которых он умоляет «светоносное лицо» очистить церковь от ереси, ведь мир церкви зависит от воли «света государя» и его обязанность, помазанника Божиего, оберегать и защищать «мати нашу, общую святую церковь» [3: с. 120]. Протопоп обращается к сестре царя Ирине Михайловне: «Умоли государя-царя, чтобы мне дал с никонияны суд праведный, да известна будет вера наша християньская, и их никониянская» [10: кн.1, с. 537]. Протопоп надеялся, что, устранив «богоотступника» Никона, царь Алексей обратится к старой вере и тогда вновь станет «православие чисто и непорочно и церковь немятежна», как и было «до Никона отступника» [3: с. 130]. Но, убедившись, что просьбы и уговоры его напрасны, попытки склонить государя к восстановлению старого устава тщетны, тон по отношению к царю резко меняется, выражения становятся грубыми, иногда режущими слух.

Протопоп Аввакум вдребезги разрушает старый книжный канон. В посланиях из Пустозерска он страстно умоляет царя Алексея Михайловича загладить свой «невольный грех никонианства» и возвратить земле русской ее старинное благочестие, ибо, по мнению Аввакума, ересь Никона окончательно «растлила храм Божий». После первых строк, спокойных и трогательных, Аввакум, как бы желая загладить свою слабость, очень резко требует принятия самых решительных мер к еретикам. Но, понимая, что усилия его тщетны, а реформы Никона не будут преданы забвению, он (кстати, первый из русских писателей) беспощадно осыпает царя оскорблениями, насмехается, пренебрежительно называя его «дурачищо» и, довольно саркастически, «бедной, безумной царишко», «накудесил много, горюн, в жизни сей, яко козел скача». Тон, надо заметить, достаточно строптивый и презрительный. Ни царь, ни церковные власти не страшны протопопу, ибо они кажутся ему ничтожными (отсюда и уничижительные интонации: Алексей Михайлович – всего лишь «царишко», священники даже не «волки», а «волчонки», Никон же – «плутишко», в целом же его враги просто «дурачки» и «щенята»). Но и этого кажется Аввакуму мало, он грозит со свойственной ему грубостью, что на том свете сведет счеты с Никоном: разобьет ему «рыло», а царя-отступника «шелепами медяными попарит» [3: с. 299].

Аввакум утверждает, что Никон превратил царя в последователя ереси. «Слуги антихристовы», «волки в овечьей шкуре», «царя озлобили вожди злые и лукавые власти, понеже приняли от Никона тово новину ту» [3: с. 130]. Аввакум горько укоряет «царя християнского» Алексея Михайловича: «Всех ли християн тех любишь? Несть большо, отбеже любы, и вселися злоба. Еретиков никониян токмо любишь, а нас, православных християн, мучишь, правду о церкви Божия глаголющих ти» [3: с. 248]. Протопоп негодующе выступает против «гонителей православия», отождествляя их с язычниками, преследовавшими первых христиан: «Никониянской дух самого антихриста дух. Паче прежних еретик никонияне... Враги оне Богу и мучители христианом, кровососы, душегубцы» [9: т. 8, с. 85–87].

Главная идея раскольнических сочинений сводилась к тому, что близок конец света, а в мире водворился антихрист – Никон. Он осквернил Церковь православную по наущению дьявольскому: «Выпросил у Бога светлую Россию сатона, да же очервленит ю кровию мученическою» [3: с. 123]. Никон отвращает от истинной веры русский народ, превратив храм в «разбойничий вертеп», и потому церковь стала похожа на «волчью пещеру, идеже жилище бесом». Господь же «попущает соблазны», так как «писанное время пришло по Евангелию: “Нужда соблазнам приити”» [3: с. 123], потому истинные христиане готовы с радостью «Христа ради, нашего света, пострадать!» [3: с. 123]. «В Аввакуме, в боярыне Морозовой и других мучениках раскола не их темные ошибки, не исступленность, даже не железное их упорство в страданиях пора-

жает потомка, а именно это чуянье гибели Руси, невымоленного Дома» [8: с. 101].

Вспоминая «паметь» Никона, Аввакум показывает свое глубокое потрясение, ужас и страх, обуявшие его: «Яко зима хощет быти, сердце озябло и ноги задрожали». Символ зимы («зима еретическая», «яко зима хощет быти») означает в житии безбожие, неверие, гибель. Этим объясняется эмоционально-экспрессивный стиль его челобитных, посланий, жития.

В византийских мученических житиях страдания святых угодников за веру изображаются необыкновенно подробно. Так, в житии преподобного Максима-исповедника, осуждавшего монофелитскую ересь, били воловьими жилами так, что «на всем теле его не осталось целого места и земля обагрилася кровью». На другой день святому и его ученику отрезали языки, «думая через это остановить обличения своей ереси» [3: с. 116], после этого им отрубили по правой руке и, в конце концов, сослали в заточение.

Подобным пыткам за аналогичную деятельность подверглись и раскольники на Руси, поэтому византийская традиция описания мучений борца за веру прослеживается во всех старообрядческих памятниках. Необыкновенно детализированно и даже несколько натуралистично описывает свои столкновения с различными противниками протопоп Аввакум: здесь и ненавистные никониане, и Никон с царем Алексеем Михайловичем, и жестокие начальники. Такие столкновения с «начальниками», утверждающими новую веру «кнутами да виселицами», представляются Аввакуму как «беды адовы» [3: с. 74]. Обличение царя, протест против «новин» Никона, непримиримое отношение к произволу «начальников» проходит через все Житие Аввакума, которому не страшны никакие враги. «Наибольшей силы обличительный пафос публициста достигает в житии, когда он обращается не к Никону, а к “никониянам” – высшим церковным и светским властям, за которыми стоят и исполняют их волю “началники”, “силники”, “гордые”, “злые”, “лютые”, “самомнивые” – словом, все, кто имеет силу и власть и превращает их в насилие над “христианами”» [12: с. 121–122]. Так, однажды он заступился за девушку, когда «у вдовы начальник отнял дочерь» [3: с. 74], за что и был жесточайше наказан. Автор описывает этот случай следующим образом: «Бил и волочил меня за ногу по земле а ризах, а я молитву говорю в то время...» [3: с. 74]. Другой начальник «во ино время, на мя рассвирепел, – прибежал ко мне в дом, бив меня и руки отгрыз, яко пес, зубами. И егда наполнилась гортань ево крови, тогда руку мою испустил из зубов своих... Аз же, поблагодаря *Бога*, завертев руку платом, пошел к вечерне» [3: с. 74]. Тип мученического жития получает новое преломление у Аввакума – столкновение с начальником вдруг приобретает необычное для жития композиционное завершение – смирение сменяется явной издевкой над врагом, на его брань протопоп иронично отвечает: «Благодать во устнех твоих, Иван Родионович, да будет!» [3: с. 75].

Автобиографизм и ирония – две отличительные черты Жития Аввакума. Иронизируя над противником, автор отходит от агиографического канона и в Житии наблюдается уже не столько сочетание элементов традиции и новизны, сколько резкое их столкновение. Аввакум не только не следует традиции, а смело подчиняет ее себе. Этим объясняется повышение роли автобиографического начала его Жития, что и привело к отходу от канона.

Как правило, мучения и побои принимаются святыми не только смиренно и кротко, но с радостью и благодарностью к Богу. В Священном Писании говорится: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» [Мф. 5: 44; Лк. 6: 27–28], ибо «если делая добро и страдая, терпите, это угодно Богу... Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его» [1 Петр. 2: 20–21].

Мученики совершают подвиг свой во имя веры, и потому даже самые страшные пытки они не только переносят стоически, не испытывая боли, принимая мучения как драгоценный дар, возможность пострадать во имя Христа как особое проявление Божественной милости. «Бог бо, хотя угодников своих яко злато в горниле искушенных имети, попускает на них в маловременной сей жизни многия беди и скорби, да в будущий век безконечной покой и радование имети будут» [9: т. 8, с. 262, 281].

Смысл мученичества – это не столько стойкое перенесение страданий, сколько свидетельство о Христе. «Последование Христу в страстях и крестной смерти – максимально близкое подражание свободной воле и высшая ступень святости» [11: с. 122.]. Не случайно во многих мученических житиях встречается евангельская заповедь «Не бойтесь убивающих тело» [Мф. 10: 28], которая становится основополагающей для всех страстотерпцев в любых испытаниях.

Тема испытания Господом праведника проходит и через Священное Писание (в Книге Иова говорится о том, что жизнь человеческая есть искушение), и через многие древнерусские жития святых. Эти испытания воспринимаются как проявление особой Божией милости, ибо Сам Творец так возлюбил мир, «что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную» [Ин. 3: 16]. Трактовка данной темы на фоне собственной жизни приобретает особую значимость в Житии протопопа Аввакума, основная линия повествования которого сводится к изобра-

жению испытания их веры и проявленной стойкости в утверждении и защите православной веры.

Не всегда герой Жития не выдерживает тягот и бед, выпавших на его долю. Так, Аввакум адресует свой ропот непосредственно к Богу, чувствуя свою богооставленность. «Нищета духовная, соединяясь с болью богооставленности, погружает в отчаяние... Именно в подобные моменты духу... предстает библейское откровение о падении человека в своем подлинном трагизме» [13: с. 120].

В Житии Аввакума автобиографическое повествование тесно связано с самоанализом, самооценкой своих действий. «Все творчество Аввакума проникнуто резким автобиографизмом… личными воспоминаниями. В своем стремлении к предельной искренности и откровенности он пишет прежде всего о том, что касается его самого и его дела» [7: с. 352]. Он не стыдится рассказывать о таких случаях, когда его воля была сломлена или побеждена. И, как правило, описание этих событий носит чрезвычайно эмоциональный характер. Аввакум беспощаден к себе: за проявленные, допущенные ошибки и слабости он корит и бранит себя резче, чем своих врагов; спрос с себя был гораздо строже, чем с других. Формы традиционного самоуничижения в этих случаях расширяются, но в то же время в них нет ни капли позы, настолько они искренни.

Когда Пашков жестоко избил протопопа (72 удара кнутом по спине – страшная пытка, после 60 ударов редко кто выживал!), незаслуженное наказание вызвало у Аввакума сомнение в справедливости Бога, и он в приступе отчаяния начал роптать: «За что ты, Сыне Божий, попустил ему таково больно убить тому? Я ведь за вдовы твои стал! Кто даст судию между мной и тобою?» [3: с. 89]. Затем Аввакум сам же негодует на себя и оценивает свой выпад против Бога как «безумие». Зло и беспощадно обвиняет он себя: «Быдто добрый человек – другой фарисей с говенною рожею, – со Владыкой судитца захотел!» [3: с. 89]. Смешение книжной и бранной речи усиливает эмоциональность переживаний Аввакума. Обвинив Бога в несправедливости, он ужасается своей дерзости и только после покаяния испытывает облегчение и удовлетворение: «Грустко гораздо, да на душе добро: не пеняю на Бога в другоряд» [3: с. 90].

Упреки подвижника, обращенные к Богу, не являются в житийной литературе чем-то исключительным или запретным, ибо сам Иисус возопил на кресте громким голосом: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» [Мф. 27: 46]. Также и библейский праведник патриарх Иов – символ кротости и терпения – возроптал на Бога за ниспосланные на него беды, он возмущается жестокостью Бога, упрекает Создателя за то, что Тот не отвечает на его вопль: «Я взываю к Тебе, и Ты не внимаешь мне, – стою, а Ты *только* смотришь на меня. Ты сделался жестоким ко мне; крепкою рукою враждуешь против меня» [Иов. 30: 20–21]. Иов не только проклинает день своего рождения, не может смириться с испытаниями, выпавшими на его долю (потеря богатства, смерть сыновей, проказа), но он ищет встречи с Богом как с Судьей. «О, если бы я знал, где найти Его, и мог подойти к престолу Его! Я изложил бы перед Ним дело мое, и уста мои наполнил бы оправданиями» [Иов. 23: 3–4]. Призывы смерти, сомнения в справедливости тяжких испытаний и ропот на ниспосланные Богом наказания сближают темы и тон повествования Книги Иова и Жития Аввакума. С.А. Зеньковский отмечал: «Вряд ли кто-либо другой в русской литературе до Достоевского так откровенно и сильно изображал душевные страдания и сомнения в разумности стояния за веру» [13: с. 77].

Многочисленные отзывы об Аввакуме свидетельствуют о том, что его литературное наследие занимает чрезвычайно высокое место в отечественной культуре и прошлого, и настоящего. Язык Аввакума «ясный и колкий, нежный и любящий Божью волю. Он был могуч и гибок, его меткие глаголы задолго до Пушкина определили красоту русского литературного повествования» [6: 18].

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – London : T.B.S., 1989.

2. *Виноградов, П.* Жизнь святых, составленная по руководству Четь-Минеи и других книг. В 12 т. Т. 1 / П. Виноградов. – 3-е изд. – Москва : б/и, 1880. – 220 с.

3. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. – Москва : Academia, 1934. – 493 с.

4. *Зеньковский, С.А.* Житие духовидца Епифания / С.А. Зеньковский // Возрождение. Париж. – 1966. – № 173, май. – С. 68–87.

5. Иосиф Волоцкий. Просветитель. – Казань : Тип. Императорского ун-та, 1857. – 342 с.

6. *Ларионов, А.* Неистовый Аввакум / А. Ларионов // Слово. – 1995. – № 11–12. – С. 18–19.

7. *Лихачев, Д.С.* Великое наследие / Д.С. Лихачев. – Москва : Современник, 1979. – 419 с.

8. *Лукаш, И.* Потерянное слово / И. Лукаш // Родина. – 1996. – № 1. – С. 13–17.

9. Материалы для истории раскола за первое время его существования. – Москва : Тип. Э. Лисснер и Ю. Роман, 1875. – Т. 8. – 491 с.

10. Памятники литературы Древней Руси. XVII в. – Москва : Худож. лит., 1988. – Кн. 1. – 537 с.

11. *Плюханова, М.Б.* К проблеме генезиса литературной биографии / М.Б. Плюханова // Учен. зап. Тартуского ун-та. – 1986. – Вып. 683. – С. 132–148.

12. *Румянцева, В.С.* Огнепальный Аввакум / В.С. Румянцева // Вопросы истории. – 1972. – № 11. – С. 111–125.

13. *Сафроний (Сахаров), архимандрит*. Видеть Бога, как Он есть / Сафроний (Сахаров), архимандрит. – Эссекс : Monastery of the St. John, 1985. – 400 с.

DOI:

ЯЗЫКОВОЕ БЫТИЕ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ: БАХЫТ КАИРБЕКОВ

У.М. Бахтикиреева

Б.Е. Шагимгереева

Настоящая статья посвящена осмыслению языкового бытия русскоязычной творческой личности – Бахыта Каирбекова и является продолжением описания особенностей «языкового бытия» («языковой биографии» – по Вяч. Вс. Иванову) отдельных творческих билингвальных личностей. Предложенные нами в предыдущих работах понятия: «*языковое бытие» и «иноязыковое бытие»* понимаются нами как учение о человеке говорящем. Эта попытка описания языкового бытования отдельной реальной языковой (би- и транслингвальной) личности с помощью понятий, принятых в лингвистике. Анализируя языковую биографию Б. Каирбекова, авторы приходят к выводу, что язык другого народа, выступающего в качестве языка творчества, не может быть определен как «другой» / «чужой», «родной», «второй родной». Русский язык является языком творчества Б. Каирбекова, выражающим его мировозренческие цели, национальное самосознание, интеллектуальный бэкграунд, свободный от ощущений «колониального менталитета», мимикрирующих моделей и культурных и научных стереотипов.

Ключевые слова: языковое (иноязыковое) бытие, языковая биография, творческая двуязычная личность, русскоязычное творчество, казахский язык.

LANGUAGE BIOGRAPHY OF A CREATIVE PERSONALITY: BAKHYT KAIRBEKOV

U.M. Bakhtikireeva

B.E. Shagimgereyeva

The article, which is one of our series describing features of “language biography” (according to Vyacheslav V. Ivanov) or “language beingness” characteristic of certain creative bilinguals, reflects on the language biography of the Russian-speaking personality of Bakhyt Kairbekov. The concepts of *language beingness* and *second language beingness* that we introduced in our previous works are understood in the framework of study of homo loquens. This is an attempt to describe a language entity of a certain real language (bi- and translingual) personality by linguistic terms. When analyzing B. Kairbekov’s language biography, scholars have come to the conclusion that the other people’s language that is used as a tool for creativity cannot be defined as an “alien”, a “native” or “second” language. The Russian language is a tool for B. Kairbekov’s creativity; it expresses his world outlook, national self-awareness, intellectual background, free from “colonial mentality” experience that imitates models, as well as cultural and learned stereotypes.

Key words: (other) language beingness, language biography, creative personality, creativity in the Russian language, Kazakh language.

Введение

Осмысление и описание (ино)языкового бытия творческой (креативной) личности является отражением субъективного видения исследователя, пытающегося опираться на объективные источники и одновременно выражающего собственную эпистемологическую позицию. Благодаря подобным попыткам в интеллектуальном архиве исторического времени продуцируется новое знание – своего рода динамичный пазл, даже в случае отсутствия в этой складной картине (мозаике) отдельных элементов целого. Именно недостаток отдельных частей картины и способствует провоцированию эвристических поисков в процессе изучения речетворческой деятельности креативной личности. Этот процесс в определенной степени сродни сборке как классического пазла (состоящего, как правило, более, чем из 6000 элементов), так и 3D-пазла.

Что кроется за именем того или иного уникального поэта, писателя, режиссера – Художника, в

Бахтикиреева Улданай Максутовна– доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (г. Москва).

Uldanai Maksutovna Bakhtikireeva – Doctor (Philology), Habil., Professor, Department of the Russian Language and Intercultural Communication, RUDN University (Moscow).

E-mail: uldanai@mail.ru

Шагимгереева Бакытгуль Ерсаиновна – аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов (г. Москва).

Bakytgul Ersainovna Shagimgereeva – PhD student, Department of the General and Russian Linguistics, RUDN University (Moscow).

E-mail: e_2004@mail.ru

© Бахтикиреева У.М., Шагимгереева Б.Е., 2020

частности – русскоязычного поэта, режиссера, переводчика, этнического казаха Бахыта Каирбекова? Как объять космос отдельной креативной личности, самовольно создающей актуальную эстетику текущего времени и решающей главную задачу художника – создание фрагментов (пазлов) всемирно-исторического развития (динамической картины – общего пазла) человеческого социума? И возможно ли это осуществлять на ином, не материнском / этническом языке?

Методологические основы и методы исследовательского проекта. На поставленные вопросы дают свои ответы авторитетные ученые. В процессе работы над статьей мы опирались на работы Вяч. Вс. Иванова [9], Т.П. Млечко [12], И.А. Бубновой и В.В. Красных [6], М.М. Ауэзова [1] и др. Таким образом, методологией данного проекта является синтез – обобщение достижений лингвистики в изучении речетворческой деятельности креативной личности в сочетании с источниками (Б. Каирбеков, В. Бадиков и др.) и собственными исследованиями и полученными ранее результатами [4; 5; 8]. В ходе реализации проекта использовались методы теоретического исследования: анализ и синтез, абстрагирование, идеализация, индукция и дедукция, мысленное моделирование; эмпирические методы (наблюдение, сравнение) и метод лингвистического описания.

Основные задачи проекта. Накопленный в отечественной лингвистике опыт служит основанием для изучения: а) языковой реализации креативной личности, начиная с рождения (и даже эмбрионального развития) вплоть до «языкового старения» / геронтологическая лингвистика (Вяч. Вс. Иванов); б) типологических черт русской языковой личности (РЯЛ), на основе лингвистических иллюстраций современных языковых личностей – конкретных прототипов (Т.П. Млечко); в) индивидуальности поведения отдельных членов лингвокультурного сообщества, посредством которых складывается общая картина своеобразия того или народа (И.А. Бубнова, В.В. Красных); г) языкового бытия нерусских русскоязычных творческих личностей (М.М. Ауэзов, У.М. Бахтикиреева).

Таким образом, задачами данной работы являются следующие: «сквозь призму языка увидеть человека» [12: с. 3]; запечатлеть «словесные свидетельства» человека и «отдельные трагические повороты языковой судьбы» [9: с. 126–127]; выявить индивидуальность отдельного члена лингвокультурного сообщества [6: с. 134–135].

Биография. Неотъемлемый пазл многогранного творческого полотна Каирбекова Бахыта Гафуовича (кинопсевдоним – Бахыт Гафу) можно репрезентировать кратким описанием его биографии.

Родился 23 февраля 1953 г. в Алма-Ате. В 1970 г. поступил в Литературный институт им. А.М. Горького в Москве, обучался в семинаре Льва Озерова и Г.З. Хантемировой. Защитил диплом с отличием и получил специальность: литературный работник (*поэт-переводчик художественной литературы с казахского языка на русский*). Затем работа в качестве редактора поэзии в республиканском издательстве художественной литературы «Жазушы» («Писатель»), служба в рядах Советской армии – корреспондентом войсковой газеты, продолжение трудовой деятельности в качестве главного редактора информационного бюллетеня Казахского общества дружбы и культурных связей с зарубежными странами «Советский Казахстан сегодня», выходившего на шести языках и рассылаемого в 96 стран мира.

С 1979 по 1982 г. – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Казахского педагогического института имени Абая. Тема исследования «Поэтическая этимология Олжаса Сулейменова», через год – член Союза писателей СССР, член сценарно-редакционной коллегии киностудии «Казахфильм» имени Ш. Айманова, гл. редактор творческого объединения художественных и телевизионных фильмов.

С 1987 по 1989 г. обучался на Высших курсах сценаристов и режиссеров при Госкино СССР по специальности *режиссер-постановщик художественных фильмов.* За время учебы снял на киностудии «Казахфильм» два короткометражных художественных фильма.

Продолжает работу на разных должностях: старший редактор в репертуарно-редакционной коллегии Министерства культуры Казахской ССР, начальник информационно-издательского центра Института переподготовки и повышения квалификации государственных служащих при правительстве РК, худ. руководитель студии «Гала ТВ», гл. режиссер, ген. директор Телерадиокомплекса Президента РК, президент киностудии «Казахфильм» имени Ш. Айманова (2015–2019) и одновременно преподает теорию и практику художественного перевода в КазНПУ имени Абая, ведет мастерскую кинорежиссуры в Академии искусств имени Т. Жургенева.

Автор более десятка поэтических книг, режиссер и сценарист более ста документальных фильмов – участников международных фестивалей. Дебютировал в качестве автора сценария и режиссера полнометражного художественного фильма «Жаксылык» (2019). Член Союза писателей и Союза кинематографистов Казахстана. Академик Евразийской академии телевидения и радио, профессор Академии искусств имени Т. Жургенева. Заслуженный деятель РК, имеет государственные награды и знаки признания от международных органи-

заций и стран. Сотрудничает с телеканалами, творческими коллективами театров и студий, издательствами, редакциями газет и журналов. Выступает со стихами, переводами, критическими статьями в периодической печати, на радио и телевидении, участвует в научных конференциях и кинофорумах.

Языковое бытие Бахыта Каирбекова (или все же «иноязыковое»?). Казах, родившийся в столице советского Казахстана в семье великого казахского писателя Гафу Каирбекова, воспитывавшийся казахоязычной бабушкой Шакен Мунке-кызы, творит на русском языке. *Тут бы вести речь не о языковом бытии (в хайдагеровском понимании «Доме бытия»), а об иноязыковом бытовании личности, но в случае с творчеством БК это невозможно.*

Как видим из биографических данных, становление языковой биографии Б. Каирбекова начинается в особый период языкового строительства СССР – гомогенизации единой культурно-исторической общности – советский народ. Для реализации нерусского среднестатистического советского гражданина в конкретную личность жизненно необходимым становится высокий уровень владения русским языком. И Бахыт овладевает этим языком на высоком уровне, так, что доминирующий в его языковом сознании – русский становится языком творчества, отражения окружающей действительности и мировоззрения.

Поэтическое дарование Б. Каирбекова, как и другие творческие ипостаси, в которых он выступает до 1993 г.: переводчик, сценарист, режиссер – основываются на глубоком понимании своей ответственности за все, что он создает. К сорока годам Б. Каирбеков уже реализовал себя как поэт: в сборнике стихов «Осенний диалог» (1978), книгах стихов «Глагол “жить”» (1982), «За живою водой» (1986) и др.; как переводчик стихотворений и рассказов, повестей и романов с казахского на русский (перечисление бы заняло большое место); автор научных статей и эссе, режиссер художественных фильмов на «Казахфильме» имени Ш. Айманова: «Зов», «Веревка» (1988, 1989), двух документальных фильмов: «Акбосага» («Переступи порог»), «Возвращение в лоно Неба» (1992, 1993).

Казалось бы, творческая личность состоялась, чему доказательством служат визуальные и «словесные свидетельства» Б. Каирбекова, и ему остается расширять свой творческий императив по накатанным стезям. Однако личность художника не мыслится без «трагических поворотов языковой судьбы». Пережив встречу со смертью в 25 лет, продолжая наращивать свой креативный императив, Бахыт подводит неутешительный итог в 1993 г.:

«Мне ровно сорок. Алмаатинец. Казахстанец. Бывший гражданин Советского Союза. По национальности – **казах**. Пытаюсь доказать это – в первую очередь, себе, хотя **ничего толком о казахах не знаю, говорю и пишу на русском, воспитан на русской и западной культуре**». (выделено нами. – *У.Б., Б.Ш.*). [11: с. 3].

В этом фрагменте отчетливо проявляется критическое осмысление пройденного пути, которое можно отнести к кризису среднего возраста. И эта личностная «внутренняя миграция» происходит спустя 17 лет после создания бессмертного, по мнению исследователей и критиков, стихотворения Б. Каирбекова, написанного в возрасте 23 лет [13: с. 379]:

«Когда в степи моей
Умолкнут кузнечики,
Я умру …»

Это произведение молодого поэта расценивается современниками как провидческое в смысле определения перспектив человека во времени и пространстве, как стоящее в одном ряду с бессмертными стихотворениями 28-летней А. Ахматовой «Мне голос был. Он звал утешно» и 19-летнего С. Есенина «Гой ты, Русь моя родная …».

Бахыт предъявляет к себе новые требования, от выполнения которых зависит его дальнейший творческий, по сути – жизненный путь. Хотя русскоязычное творчество включает в себя большое число произведений, посвященных родине и своему народу, в 40 лет он безжалостно «карает» себя, выражает почти тотальную смысловую девальвацию себя как казаха.

«Мне кажется: стихи – это моя душа, переводы – моя работа, мое ремесло, фильмы – мое стремление к своим корням, **возвращение к себе как к казаху** (сплошное “к” – заикающееся, неуверенное, как у заики, который мечтает о полнозвучной фразе)» (выделено нами. – *У.Б., Б.Ш.*) [11: с. 4].

Активная фаза кризиса Б. Каирбекова сопровождается жесткими требованиями к себе как к сыну своего народа:

«Я сам себе кажусь кустом перекати-поля, потерявшим свои корни. В отчаянии вцепившись ногтями не в ускользающую почву под ногами, а в растрепанные волосы свои, я качусь колобком туда, куда несет меня ветер, якобы ветер перемен. <…>. Какие мы есть – такое и будет время. Не надо перестраивать себя, новостроить, выдумывать. Надо просто каждому быть самим собой, уважать свое “я”. <…> Каждый из нас – ветвь могучего древа. Родословного древа. Почти утраченное словосочетание. Мы хотели быть равными во всем и, в первую очередь, в незнании кто мы. Потому как мы – это “новая общность людей – советский народ”, год рождения – 1917. Что было до него – убей, не помню! Вопросом: “Кем вы были до сем-

надцатого года?" – мы закрыли вопрос, кто были наши деды и прадеды?» [11: с. 5–6].

Беспощадное вопрошание к себе, глубокое и обостренное чувство ответственности перед своим народом, его историей, культурой и перспективами обусловили важное жизненное решение, программу дальнейшей созидающей деятельности Б. Каирбекова. Он хочет «обогреться у очага своей культуры», создавая космо-психо-логос Великой Степи в русской «языковой оболочке».

Степь

Мне вольность гордая твоя
И жгучих трав родная горечь
Вновь перехватывает горло –
Петь об одной тебе веля.

Забуду я покой и грусть,
Столицы щедрые посулы,
И вновь кочующих аулов
На спину мне навьючен груз.

В крови кумыс взыграет вновь
Той самой гордой кобылицы,
Что по степи промчалась птицей,
Познав нежданную любовь.

Во мне твой голос победит,
Строкой звенящей отзовётся, –
Я буду петь:
Пусть в горле бьётся
Полынный ветер, –
Сердце рвётся
В простор разбуженной степи!

«Мир не знает еще лица современного казаха, как не знает и лика его древней земли. <…> Расстояние, пространство, размах – не подавляет нашего современника, он свыкся с разнообразными ритмами – грандиозных планов правительства, скромных шагов в экономике… Но он несомненно теряется при попытке совместить в себе умозрительную динамику наскальных рисунков, петроглифов и койтасы древних предков – со все пожирающим огнем, вырывающимся из сопла космической ракеты. <…>» [10: с. 223–224].

Жесткое, несправедливое по отношению к созданному определение своего бытия («казах, … ничего толком о казахах не знаю, говорю и пишу на русском…») привлекает внимание исследователя. *Языковая и этнические идентичности Б. Каирбекова не совпадают*. Казалось бы, подобное соотношение столь важных идентификаций человека должно вести к экзистенциальной несостоятельности, в том числе к ощущению себя так называемой маргинальной личностью (пограничной), не способной к созиданию, направленной на развитие национальной литературы и культуры. Однако это совсем не так по многим причинам. Прежде всего, отметим, что еще в ранних стихах Б. Каирбеков задается вопросами: «Почему на домбре не играю? Почему я по-русски пою?», но он играет на гитаре и пишет на русском тексты песен о своем родном городе («Песня об Алма-ате», «Прощание с городом» и др.) и даже, когда ему писали угрожающие письма за его русскоязычное творчество, он продолжал создавать на русском. Все потому, что Б. Каирбеков волею судьбы, исторического развития своего народа «обречен» (а может награжден?) как творец на русское языковое бытие. Он воспринимает его как осознанную необходимость.

Отметим и значимость оценки признанных старших собратьев по перу – известных современников, осмысляющих русскоязычную мастерскую поэта.

«В отличие от многих своих поэтических сверстников он никогда не занимался стихотворной иллюстрацией эпохи, злобы дня. <…>. Бахыт не такой поэт. Он дорожит чистотой своего призвания, душевным доверием читателя. Для него творчество – акт нравственного анализа и самовоспитания. Здесь поэт становится своеобразным бахсы – музыкантом, прорицателем, врачом и учителем. <…> буквы у него становятся семенами, творческие силы – дождем, сами стихи – как бы живыми людьми, а слово несет 'пророческую весть'» [2: с. 33].

«Бахыт Каирбеков переводит на русский казахскую литературу, изучает культуру и философию Востока, снимает фильмы, но в первую очередь он поэт, который каждой своей строкой утверждает, что поэтическое слово так же бессмертно, как и человеческая душа: *"Уйду, а душу на рассвете внесут в пеленках в чей-то дом…"*. <…> и в постсоветское время вся творческая деятельность Бахыта (не только в литературе, но и в кино, переводе, в поэтической филологии и этнографии) вдохновлялась идеей личностно-национального самоопределения – познания космоса казахской истории и культуры, её главных бытийных координат: мир кочевника как углубленное традиционное восхождение к Небу, приближающее его к Земле, к материальному лону живой жизни» (выделено нами. – *У.Б., Б.Ш.*) [3: с. 201].

Субъективные признания Л. Озеровым, В. Бадиковым, А. Арцишевским [11: с. 3–8] и др. поэтического дара Бахыта имеют под собой объективную основу, что позволяет еще раз убедиться в том, что «иноязыковое бытие» не может быть фактором, препятствующим развитию национальной культуры и, в частности – казахской литературы, которая в силу исторических обстоятельств имеет две ветви: казахо- и русскоязычную [1; 4 и др.]. Не соглашаться с этим фактом означает отвергнуть, к примеру, существование англоязычной ирландской литературы (Дж. Свифт, Оливер Гольдсмит, Ло-

ренс Стерн, Оскар Уайльд, Бернард Шоу, Джордж Мур, Джеймс Джойс и др.), да и в целом – транслингвальной литературы, рожденной посредством взаимодействия и взаимопроникновения культур.

«Перекрестное опыление» культур в одном социуме обусловливает формирование *особого типа личности – билингвальной, поликультурной творческой*, или так называемой *маргинальной личности*, воспринимающей культуру своего народа извне и снаружи, а значит, более стереоскопичным зрением и более объемным мышлением, чем монолингв. «В случае сознательной ориентации на участие в судьбах этой культуры она обладает ценнейшей предрасположенностью к целостному осмыслению её состояния и перспективы в соотношении с другими культурами. Благодаря этому качеству маргинальные личности неоднократно исполняли в истории роль активных деятелей как в развитии одной, отдельно взятой культуры, так и в процессе её взаимосвязей с другими культурами» [1: с. 108].

Более того, именно пограничная позиция четко обозначает различие двух понятий: *«сознание этнической принадлежности»* и *«национальное самосознание»*. В ситуации пограничья творческая личность с глубокой мировоззренческой позицией преодолевает в себе двойственную неопределённость маргинальности и восходит к национальному самосознанию. Объектом в таком случае становится национальная культура. И именно **от усилий творческой личности зависит повышение общественной роли национальной культуры, «хотя в собственной практике он может предпочесть тот язык, которым лучше владеет как средством достижения своих мировоззренческих целей»** (выделено нами. – *У.Б., Б.Ш.*) [1: с. 208–209]. Обретая себя в качестве субъекта национальной культуры, творческая личность снимает противоречия, существующие в диффузном (в нашем случае – казахстанском – казахско-русскоязычном) социуме, решает общие задачи развития национальной культуры, стоящие как перед моноязычными (казахоязычными), так и перед билингвальными (русскоязычными) творческими личностями.

«Он ищет точку опоры – и находит ее в себе самом – крохотной точке в летописи Великой степи. И понимает, что это из него, как из травинки, состоит эта страна Великих трав. Без него – она не полна. Сегодня актуальны два ракурса – приближение к точке, к травинке, к Человеку и отдаление от нее – от точки, травинки, человека – к Летописи, к Земле, к Лику Степного края-народа – Эля.

Эль – древнетюркское понятие, включающее в себя два неразрывных понятия – родина и мой народ.

Найдите ее – она всегда была белым пятном на картах Европы» [10: с. 223–224].

Преодоление активной фазы кризиса сопровождается осуществлением творческих проектов, направленных на восстановление связей между эпохами и разными поколениями. Б. Каирбеков приступает к созданию цикла фильмов «Девятая территория мира». К настоящему времени выпущено более 30 серий: «Подземная школа Учителя», «Исчезающий святой Султан-эпе», «Каменные шары Торыша», «Знойный период великого Кобзаря», «Родина казахского кюя», «Монастыри, ускользающие в лету», «Кыры-Оба» и многое другое – видимые, осязаемые, живые объекты, зовущие зрителей в путь. Режиссер Каирбеков, упоминая законоположения Ясы (Билик[1]), которыми руководствовались подданные империи Чингисхана в отношении православных церквей (22 серия цикла), развенчивает стереотипы о «дикарях» и «варварах» в фильме «Андрей Рублев» признанного классика кино А. Тарковского, привлекает внимание к последствиям семипалатинского полигона, раскрывает образы героев – ушедших и современников.

Список историко-культурных открытий можно продолжать, и они заняли бы не одну страницу статьи, но главным представляется, что «Девятая территория мира» Б. Каирбекова зиждется на глубоком понимании невозможности адаптации страны к современным созидающим процессам без скрупулезного изучения и познания прошлого и настоящего родины, без позитивного наполнения национальной культуры. Превращая девятую территорию мира – Великую Степь в Эль – родину, живую, пульсирующую многоцветьем красок и всевозможных полутонов, в поэзии и прозе, переводах и фильмах, Б. Каирбеков формирует современную национальную эстетику, которую и следует продвигать на уровень нормативной.

В отдельных проявлениях современной казахстанской культуры [2] ученые отмечают созидательный момент ре-экзистенции (re-existence)[3] – момент воссоздания «позитивных жизненных моделей, миров и самоощущения», которое направлено на преодоление несовершенства и несправедливости мира. [8: с. 12–13]. Не будет преувеличением, если скажем, что творческая деятельность Б. Каирбекова в русской языковой системе воссоздает ка-

[1] Г.В. Вернадский в работе «О составе Великой Ясы Чингисхана» пишет о законоположениях Ясы: «Эти последние (изречения и законы Чингисхана) известны были под названием Билик (мудрость)». См.: [7: с. 276].

[2] В частности, имеются в виду «Дневники» Мурата Ауэзова, творчество художника Сауле Сулейменовой.

[3] Ре-экзистенция (re-existence) – по терминологии колумбийского художника и культуролога Адольфо Альбана-Акинте.

захскую эстетику сегодняшнего дня. Все создаваемое им служит ярким доказательством возможности освободиться от интеллектуальной несамостоятельности, от комплексов, порожденных вековой зависимостью от центра / метрополии, через саморефлексию, критическое переосмысление, деконструкцию национальных и имперских мифов. Фильмы Бахыта («Узелки памяти» и многие др.) – это, прежде всего, желание воссоздать реальную историю, какой горькой, а порой и постыдной она ни была. В этих фильмах затекстной информацией проявлена саморефлексия и самокритика автора, его собственный опыт критики европейских, вторичных европейских и «своих цивилизаторов».

Более 100 документальных фильмов создано Б. Каирбековым, подавляющая часть о Казахстане («Лик души», «Имя Благодати», «Казахстан: взгляд со стороны», «Дневник Эпохи» – 4 серии, «Свет истинной веры», «Мы, народ Казахстана…», «Возвращение к истокам», «Евразия» – 5 сюжетов, «Поговорим о главном», «Мечты желанный абрис», «Казахская юрта» и др.). Их можно назвать уникальными – *каирбековскими документально-художественными фильмами*, а цикл книг, посвященный казахским знаниям астрономии и живой природы, национальным образам, традициям и обычаям: «Мир Кочевья (домусульманские верования и обычаи казахов)» (2013), «Мир кочевья. Мифы Великой степи. Казахский этикет» (2014) – «живые» фотоальбомы, в сопровождении собственных стихов восстанавливающие разорванную нить времен в истории народа и родины.

Тонкий музыкальный слух, поэтический талант, дар художника – режиссера позволяет Б. Каирбекову созидать процесс чувственного (визуального, слухового) восприятия. Его понимание прекрасного и безобразного, добра и зла, правды и лжи связано с собственным пониманием природы и целей искусства, творчества, его онтологического, этического, экзистенциального и политического статуса. Созидательный опыт Б. Каирбекова обогащает наш собственный – русскоязычный опыт постижения окружающей действительности, примиряет сознание и душу, убирает конфликты между этнической и языковой идентичностями, освобождает от комплексов неполноценности.

В Московском доме национальностей 14 марта 2018 г. на сцене выступал «Очарованный странник» (название творческого вечера) – Бахыт Каирбеков, представивший зрителям фильмы и новую книгу «Многоточие». Директор издательства «Художественная литература» Георгий Пряхин заметил: *«Бахыт Каирбеков пишет на русском языке, но казахской кровью. Когда он сравнивает небо с кошмой, это уже другое небо, это обогащает русский язык. Такие авторы выполняют громадную историческую миссию, которая продлевает наше общее интеллектуальное существование»* (курсив наш. – *У.Б., Б.Ш.*) [14].

Выводы

В космосе русскоязычной поэзии, прозе и кино Б. Каирбекова размышления о собственной субъектности, роли, призвании. Его переводы на русский язык – это максимальное следование заложенному смыслу в оригинале, максимальное следование законам русской языковой системы, а научные работы – образцы для молодых исследователей и ученых, сочиняющих на русском.

Собственное переосмысление и переработка прочитанных и увиденных канонических (и не-) текстов – книг и фильмов позволяет Бахыту генерировать знание, а не транслировать и пассивно его передавать. Производя новые смыслы и новое знание, Б. Каирбеков способствует трансформации сознания внимающей ему аудитории. Без воинствующего противостояния, без исчерпывающего свои возможности «академического жаргона», осознанно и достойно тихим и неторопливым голосом говорит с нами казах Б. Каирбеков на русском языке, но «казахской кровью». Своим особым почерком поэта и режиссера он переключает сознание казахов с узкой этнической установки: «Вот какие мы!», на осмысление категории «Кто мы?», что способствует появлению новой установки: «Вот какие они!»

Изучая творческие ипостаси, складывая пазлы творческого полотна Б. Каирбекова, мы никак не можем классифицировать его русский язык. Ни «иной» / «чужой», ни «родной», ни «второй родной» – никакие существующие определения не подходят. Русский – это языковое бытие творческой личности Б. Каирбекова, которым выражается его национальное самосознание, интеллектуальный бэкграунд, свободный от ощущений «колониальной ментальности», мимикрирующих моделей и культурных стереотипов.

Безусловно, содержанием настоящей статьи далеко не исчерпывается языковая биография Бахыта Каирбекова. Осмыслению другого трагического поворота в биографии Б. Каирбекова, второй борьбы со смертью и обретению нового творческого состояния, производству новых смыслов, обусловленных объективной реальностью, будет посвящена вторая статья.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ауэзов, М.М.* Иппокрена. Хождение к колодцу времен / М.М. Ауэзов. – Алматы : Жибек жолы, 1997. – 170 с.

2. *Бадиков, В.* «В сердце пряча тревогу и смуту…». Из предисловия к книге стихов «За решеткой строк» (1996) /

В. Бадиков // Каирбеков Б.Г. Многоточие. Стихотворный пэчворк. Стихи, эссе. – Алматы : Идан, 2018. – 500 с.

3. *Бадиков, В.* По гамбургскому счету. Рассказы, повесть, эссе, воспоминания / В. Бадиков ; сост.: Валентина Бадикова, Адольф Арцишевский. – Алматы, 2007. – 400 с.

4. *Бахтикиреева, У.М.* Русскоязычие как актуальная междисциплинарная проблема / У.М. Бахтикиреева // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2015. – № 1 (45). – С. 94–99.

5. *Бахтикиреева, У.М.* От изучения содержания языкового сознания народа до изучения индивидуальных особенностей отдельной языковой личности / У.М. Бахтикиреева, В.П. Синячкин // Вопросы психолингвистики. – 2016. – № 2. – С. 56–63.

6. *Бубнова, И.А.* Неопсихолингвистика: аргументы в защиту национально-культурного своеобразия / И.А. Бубнова, В.В. Красных // Вопросы психолингвистики. – 2014. – № 3(21). – С. 128–135.

7. *Вернадский, Г.В.* Опыт истории Евразии. Звенья русской культуры / Г.В. Вернадский. – Москва : Б.и., 2005. – 339 с.

8. Встречи с Мадиной // Тамыр. – 2012. – № 1(30). – С. 3–13.

9. *Иванов, В.В.* Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему. II (главы 11–21) / В.В. Иванов. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 208 с.

10. *Каирбеков, Б.* Биография алматинца / Б. Каирбеков. – Алматы, 2005. – 240 с.

11. *Каирбеков, Б.Г.* Далекие и близкие: избранные переводы / Б.Г. Каирбеков. – Астана : Аударма, 2012. – 288 с.

12. *Млечко, Т.П.* Русская языковая личность ближнего зарубежья / Т.П. Млечко. – Кишинев : Славянский университет Республики Молдова, 2013. – 437 с.

13. *Сомадай, М.* Шаманизм без кавычек (эссе о творчестве Бахыта Каирбекова) / М. Сомадай // Каирбеков Б.Г. Навстречу солнцу. Дневник путешествий: Стихи, эссе. – Алматы : Нуракынов, 2014. – С. 379–403.

14. Бахыт пишет на русском языке, но казахской кровью. – URL: http://www.mfa.kz/ru/moscow/content-view/bahyt-kairbekov-piset-na-russkom-azyke-no-kazahskoj-krovu (дата обращения: 27.01.20120).

DOI:

ТОМ СТОППАРД: АВТОР «В МЕЛОЧАХ»

Л.А. Борботько

Статья представляет собой дескриптивный анализ типологических особенностей, составляющих своеобразие произведений Т. Стоппарда. Рассматриваются следующие признаки авторского почерка драматурга: интертекстуальность как структурно- и смыслообразующая характеристика, специфическая пространственно-временная организация, тематическое разнообразие, преобладание определенных стилистических приемов (аллюзии, парадокс, эллиптические конструкции и др.). Сделан вывод об одновременной принадлежности произведений Т. Стоппарда постмодернистской эстетике и собственному идиостилю, отражающему философские и аксиологические взгляды драматурга как культурно-языковой личности.

***Ключевые слова*:** Том Стоппард, идиостиль, тема, интертекстуальность, постмодернизм.

TOM STOPPARD: THE AUTHOR "IN DETAILS"

L.A. Borbotko

The article regards a descriptive analysis of attributes contributing to the originality of Tom Stoppard's literary pieces. The paper regards such typical features as intertextuality crucial for the structure and the plot, chronological and spacial characteristics, a variety of topics tackled and stylistic devices employed (allusions, paradox, ellipses, etc.). T. Stoppard's plays were described as representations of both postmodernism and the personal style comprising philosophical and axiological views of the dramatist as a cultural and language personality.

Key words: Tom Stoppard, style of writing, topics, intertextuality, postmodern drama.

Я пишу пьесы, потому что диалог – это единственный приличный способ возразить самому себе

Т. Стоппард

Художественная личность автора произведения, культурно-эстетическое восприятие внешнего мира и внутренние аксиологические установки находят отражение в произведениях – литературных, музыкальных, театральных, скульптурных, – выступающих в качестве авторского продолжения и воплощающих его идеи и взгляды. Подобные произведения представляют собой текстуальные образования любого рода, выражающие авторское субъективное понимание окружающей действительности. При этом, по меткому замечанию Ю.М. Лотмана [6], все элементы, составляющие данный текст, являются носителями определённых смыслов. Следовательно, ни один из них не может быть формальным и обязательно заслуживает внимания. В некоторых случаях произведение выступает зеркалом, преломляющим элементы авторского сознания, что создаёт дополнительные трудности в декодировании зашифрованного автором сообщения, но и увеличивает эстетический и интеллектуальный потенциал последнего. В любом случае творение мастера есть носитель уникального культурного кода, имеющий определенную эстетическую ценность и «презумпцию художественной значимости» [6: с. 137].

В то же время автор осознает свою социодискурсивную роль, направленную на адресата (читательскую или зрительскую аудиторию). Осознавая себя в качестве адресанта информационного сообщения, одновременно формирующего коммуникативное пространство адресата, автор, тем не менее, зависит от способности и подготовленности «адресата идти навстречу тексту, взаимодействуя тем самым с автором» [3: с. 65].

Том Стоппард (урожденный Томас Строссler / Штраусслер) родился 3 июля 1937 г. в Злине (Чехия). Из Чехии, спасаясь от ужасов Второй мировой войны, семья бежала в Сингапур, а затем в Индию, где Т. Стоппард пошёл в школу. В 1946 г. вместе с матерью и отчимом он эмигрировал в Англию. Там, проучившись в частных школах-интернатах в Йоркшире и Ноттингемшире и бросив уче-

Борботько Людмила Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и переводоведения Института иностранных языков, заместитель директора по международным связям Московского городского педагогического университета.

Ludmila Aleksandrovna Borbotko – Dr. (Philology), Associate Professor, Department of Linguistics and Translation Studies, Vice Director for International Relations, Institute of Foreign Languages, Moscow City Pedagogical University.

E-mail :Ludmilaborbotko@gmail.com

© Борботько Л.А., 2020

бу в семнадцать лет, так и не получив высшего образования, с 1954 г. Том занялся журналистикой. В 1960 г. он переезжает в Лондон, где помимо журналистской деятельности пробует себя в качестве театрального критика, работает на радио под псевдонимом Уильям Бут (William Boot), а впоследствии начинает писать сценарии для телепрограмм и, наконец, собственные пьесы. Киносценарии станут объектом интереса Тома Стоппарда уже позднее. Первую свою пьесу «Прогулка по воде» Т. Стоппард пишет в 1963 г. Тогда же она была адаптирована для телевидения. Следующая уже полнометражная работа «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» в год своего создания (1967) была поставлена в лондонском Национальном театре и принесла автору известность. На русский язык пьеса была переведена в 1990 г. И.А. Бродским.

1970-е гг. отмечены международной политической активностью Т. Стоппарда. В этот период создаются пьесы «Травести» (Travesties, 1974) – сюрреалистический этюд, описывающий гипотетическую встречу В. Ленина, Дж. Джойса и Тр. Тцары, одновременно находившихся в Цюрихе во время Первой мировой войны, – и «Каждый хороший парень заслуживает доброго отношения», другое название «До-ре-ми-фа-соль-ля-си-Ты-свободы-попроси» (Every Good Boy Deserves Favour, 1977) – пьеса, жестко критиковавшая советскую практику «лечения» (уничтожения) политического диссидентства, понимаемого как форма психического заболевания. В этот же период Т. Стоппард возвращается в Чехословакию, где знакомится с В. Гавелем, оппозиционным драматургом, который появляется среди героев пьес Стоппарда («Профессиональный трюк», позже «Рок-н-ролл»). Активная социальная позиция Т. Стоппарда находит проявление в организации в Стокгольме в 1983 г. премии для неофициальных чешских авторов.

В 1997 г. Тома Стоппарда посвящают в рыцари; он становится членом Королевского литературного общества.

Россию, в частности Москву, Т. Стоппард посещает несколько раз. Первый раз – в 1977 г. в составе делегации неправительственной организации Международная амнистия, выступающей за предупреждение и прекращение нарушений прав человека. Следующий визит придётся на 2011 г. и уже не будет иметь политического характера. Драматург будет активно вовлечён в подготовку постановки на сцене РАМТа пьесы «Рок-н-ролл» (Rock-n-roll), премьера которой состоялась 22 сентября 2011 г.

«Рок-н-ролл» был не первой постановкой пьесы Т. Стоппарда на российской сцене. В 2007 г. РАМТ также поставил спектакль «Берег утопии», поражающий масштабностью замысла и воплощения. Пьеса представляет собой трилогию – «Путешествие», «Кораблекрушение» и «Спасение» – о политических, ценностных и духовных исканиях философов – представителей интеллигенции царской России. Три спектакля идут один за другим в течение 8 часов и охватывают 35 лет жизни героев, стремящихся идеализировать своё настоящее и перейти от размышлений к активным революционным действиям. Т. Стоппард надеялся на одобрение пьесы о русских мыслителях у русской публики, поэтому принимал участие в подготовке спектакля.

Помимо драматургических достижений Т. Стоппард сумел заявить о себе как об успешном киносценаристе. Его фильмография насчитывает 13 фильмов, среди которых адаптация его собственной пьесы «Розенкранц и Гильденстерн мертвы», в которой он же выступил режиссёром, «Влюблённый Шекспир», за которого Т. Стоппард получил «Оскара» в номинации «Лучший оригинальный сценарий» в соавторстве с Марком Норманом, «Анна Каренина», поразившая мирового зрителя изяществом классического сюжета Л.Н. Толстого в постмодернистском обрамлении.

Значительное количество пьес, поставленных и занимающих важное место в репертуаре мировых театров, позволяет причислить Т. Стоппарда к величайшим драматургам XX и уже XXI в. Его отличает дарованное природой и доведённое до абсолюта чувство стиля, элегантность слова, продуманность и обусловленность выбора форм и драматургических решений. Его творческий порыв есть ода гуманизму, морально-нравственному, этическому, эстетичному поиску. Т. Стоппард во многом является основателем и пропагандистом жанра интеллектуальной драмы. Вместе с тем нельзя не признать, что уникальный творческий почерк драматурга сформировался под влиянием «мэтров» британского театра О. Уайльда и Дж. Б. Шоу, с которыми его роднит «диалектическое начало пьес, виртуозное владение стилистическими приемами парадокса и каламбура» [2: с. 19], умение героев «артикулировать» свою идейную позицию. Как и произведениям О. Уайльда, пьесам Т. Стоппарда свойственен парадокс: он облекает серьезные идеи в комическую форму, играя с переплетениями глубинных и поверхностных смыслов.

В свою очередь, исследователи творчества Т. Стоппарда, в частности П. Делани [10], считают его самым выразительным драматургом, а во многом и эквивалентом Шоу. Сходство проявляется в лаконичной форме драматического диалога, способного донести до читателя глубокие идеи автора, а также в широком использовании объемных сэттингов и межрепликовых вкраплений в основном корпусе текста, нацеленных на сообщение требуемых для постижения этих идей дополнительных сведений. Дж. Б. Шоу является законодателем ан-

глийской драматургической традиции, для которой характерно подобное значительное количество распространенных метатекстов. Этой же традиции следует и Т. Стоппард: количество вставочных конструктов увеличивается со временем от 100 в ранней пьесе «Сепаратный мир» (A Separate Peace, 1966 г.) до 444 в пьесе «Рок-н-ролл» (Rock'n'roll, 2006 г.). Подобная тенденция отражает стремление реализовать стилистическую функцию и способствует экспликации политических и философских воззрений драматурга. Последнее имеет принципиальное значение, поскольку традиционная структура и жанровая специфика пьесы не позволяют автору открыто демонстрировать собственные взгляды и таким образом влиять на ее сценическое воплощение. В противовес высказыванию Э.Г. Крэга, который считает, что все необходимое режиссёру-постановщику и актерской труппе для постановки уже заложено в самом тексте драматического произведения, а не в ремарках, которые, по мнению английского актера и режиссёра, часто написаны не самим драматургом, а впоследствии издателями его пьес [5: с. 172–173], подчеркнём, что только требование обязательного выполнения сценических указаний, предусмотренных в пьесе, обеспечивает драматургу уверенность в том, что пьеса не будет интерпретирована исключительно исходя из представлений режиссера-постановщика. Так, например, режиссер В.И. Карп подчеркивает, что задача режиссера не сводится к раскрытию положенного в основу постановки творческого замысла драматурга. По его мнению, «режиссер никому ничего не обязан, поскольку драма 'есть род литературы, предназначенной для постановки на сцене', а не наоборот» [4]. В некоторых случаях текст пьесы при подготовке к инсценировке может радикально отличаться от исходного текста.

Помимо О. Уайльда и Дж. Б. Шоу в творчестве Т. Стоппарда обнаруживаются параллели с другими драматургами. В частности, отточенность и детализация сюжетной линии в совокупности с приверженностью к жанру «хорошо сделанной пьесы» роднит Т. Стоппарда с Т. Реттингеном («Глубокое синее море»); глубокий взгляд в психологию героев, игры с хронотопической структурой произведений, флэшбэки и предзнаменования – с Дж. Б. Пристли («Опасный поворот»); фарс, карнавализация происходящего, а также стилистическое и прагматическое использование маркеров паузации – с Г. Пинтером. Молчание последнего становится отличительной особенностью его пьес – паузы прерывают реплики героев настолько часто, что влияют на манеру речи персонажей: они запинаются, прибегают к коротким фразам, неразвернутым предложениям. Проиллюстрируем сказанное отрывком из пьесы «День рождения» (The Birthday Party) [13: с. 20]:

PETEY. *Yes.*

Pause

MEG. *Have you been working hard this morning?*

PETEY. *No. Just stacked a few of the old chairs. Cleaned up a bit.*

MEG. *Is it nice out?*

PETEY. *Very nice.*

Pause

MEG. *Is Stanley up yet?*

В данном примере паузы реализуют эмфатическую и смыслообразующую функции: маркеры подчеркивают имплицитное коммуникативное напряжение в отношениях между персонажами. Таким образом усиливается тягостное ощущение от краткости и сухости реплик, частой смены тем беседы. С одной стороны, паузы свидетельствуют о неловкости, с другой, о нежелании продолжать общение.

В свою очередь, несмотря на схожее распространение маркеров паузации в текстах пьес Т. Стоппарда, практически все его герои наделены способностью ясно формулировать высказывание вплоть до некоторой изобретательности в построении предложений, красочности и стилистической маркированности. Стремление не разделять персонажей по умению выражать свои мысли имеет определённое прагматическое значение и помогает достигать идеальной композиции, поскольку, как свидетельствует сам драматург, «Я заинтересован только в удачном выражении героями идей, и часто, когда я переписываю свои пьесы, мне не важно, кто скажет эти строчки. Если они мне понадобятся в другом месте, я отдам их другому персонажу» [7: с. 105]. Паузы выполняют риторическую функцию – придают особый вес сказанному, усиливают эмоциональное и психологическое воздействие на адресата:

BROWN: *A hospital is a very dependable place. Anything could be going on outside. Since I've been in here – there could be a war on, and for once it's got nothing to do with me. I don't even know about it. Fire, floods and misery of all kinds, across the world or over the hill, it can go on, but this is a private ward; I'm paying for it.* (Pause.) *The meals come in on trays, on the dot – the dust never settles before it's wiped – clean laundry at the appointed time – the matron does her round, not affected by anything outside. You need never know anything, it doesn't touch you* [14: с. 17].

Ещё одним драматургом, параллели с которым обнаруживаются в творчестве Т. Стоппарда, является один из основоположников театра абсурда С. Беккет. Их роднит любовь к минимализму, лаконичным фразам, имплицитной комичности диалогов. В то же время герои пьес обоих авторов «говорят прежде всего для того, чтобы заполнить пустоту, спрятать за потоком малозначимых слов свою растерянность» [7: с. 135]. Сказанное обу-

словливает постоянные повторы реплик, тавтологию, эллиптические конструкции, коммуникативные сбои.

Гильденстерн. *Новый рекорд? И это все, что тебе приходит в голову?*

Розенкранц. *А что, собственно...*

Гильденстерн. *Никаких вопросов? Ни на секунду?* [8]

Эстрагон. *Он мог бы уже и прийти.*
Владимир. *Он ничего твердо не обещал.*
Эстрагон. *А если он не придет?*
Владимир. *Тогда вернемся завтра.*
Эстрагон. *А потом послезавтра.*
Владимир. *Может быть.*
Эстрагон. *И так без конца.*
Владимир. *Ты хочешь сказать…*
Эстрагон. *Пока он не придет.*
Владимир. *Ты безжалостен.*
Эстрагон. *Что мы делали вчера вечером?* [1]

Критик Р. Брустайн сравнил пьесу «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» Т. Стоппарда с «театральным паразитом, питающимся пьесами "Гамлет", "В ожидании Годо" и "Шесть персонажей в поисках автора": Шекспир предоставляет персонажей, Пиранделло – технику, а Беккет – общую тональность» [9: с. 149]. Отметим, однако, что Стоппард, скорее, не паразитирует, но открывает новые семантические окна, вовлекает читателя в игру цитатами и аллюзиями, реконструирует хронотоп пьес внутри собственного произведения. Подобный подход позволяет создать оригинальное произведение, дополняющее смыслы, заложенные в тексты, послужившие источниками для аллюзий. Таким образом, Т. Стоппард в качестве homo lingualis [15: с. 10413] создает индивидуальный уникальный культурный и аксиологический код.

Рассмотрев место, занимаемое творчеством Т. Стоппарда в мировом литературном и театральном наследии, обратимся к характерологическим признакам пьес драматурга. Одним из таковых является их специфическая пространственно-временная организация: хронотоп его произведений отличается гибкостью, чрезвычайной подвижностью. Т. Стоппард не боится опытов с формой, однако любой его эксперимент имеет четкую идейную направленность и определенный функционал. Композиция пьесы нацелена на воплощение авторского замысла, его собственное прочтение описываемых явлений; представляет собой манифестацию идеалов и ценностей. Справедливо утверждать, что игра с пространством и временем не представляет для драматурга самостоятельной художественной ценности, но обусловливается идейным содержанием пьесы и, следовательно, зависит от него функционально.

В то же время каким бы хаотичным не представлялось пространственно-временное построение пьесы неискушенному адресату (читателю или зрителю), она всегда логически выстроена, будучи «продуманной и мотивированной платформой для конструирования идейно-художественного комплекса произведения» [2: с. 20]. Т. Стоппард выступает за профессионализм и качество работы, связность и мастерство автора: «Мне не интересно анархичное и бессистемное произведение искусства» [10: с. 101]. Мастерство драматурга синонимично таланту и искусству как таковому, выступает его продуктом.

Хронотоп пьес Т. Стоппарда отличается уникальным переплетением образов, событий и явлений, разных по качеству, принадлежности к определенной эпохе, социальному статусу. Они гармоничны в своей дисгармонии, нивелируют традиционные бинарные оппозиции: реальность–личностное восприятие, прошлое–настоящее, правда–ложь. В одном сюжетном узле стягиваются и взаимодополняют друг друга художественные персонажи и исторические личности («Травести»), разные временные отрезки и пространства («Настоящий инспектор Хаунд»), реальные люди и персонажи, воплощаемые ими же на театральной сцене («Отражения или истинное»). Драматург не боится взять классический сюжет и вывернуть его наизнанку, дав аудитории возможность посмотреть на описываемые события со стороны («Розенкранц и Гильденстерн мертвы»).

Специфическая мозаичная пространственно-временная организация пьес Т. Стоппарда позволяет сделать вывод, что формообразующим компонентом, ключевым в процессе структурирования произведения автором и последующего восприятия адресатом является интертекстуальность, понимаемая как свойство текста обнаруживать связи и отсылки к другим источникам. Его пьесам свойственны аллюзии на социокультурные, исторические, политические события и персоналии, способствующие не только структурированию новых смыслов, но и создающие эффект неразрывности с мировым художественным наследием, эффект всеобъемлющего воздействия на адресата. Интертекстуальность Т. Стоппарда не только и не столько сугубо литературная, но и философская, этическая, междисциплинарная. Именно последнее позволяет говорить о приверженности рассматриваемого автора жанру интеллектуальной драмы, который традиционно связывают с именем Дж. Б. Шоу.

В раннем творчестве Т. Стоппарда («Розенкранц и Гильденстерн мертвы», «Травести», «Настоящий инспектор Хаунд») интертекстуальность, как прямая, так и косвенная, применяется наиболее интенсивно. В частности, в пьесе «Розенкранц и Гиль-

денстерн мертвы» драматург отталкивается от классических одноименных образов У. Шекспира в «Гамлете». Из изначально второстепенных и вспомогательных персонажей герои трансформируются в главные действующие лица, не поменяв, тем не менее, своих личностных качеств и статуса. Они все также неразлучны и похожи, их личностные качества и проявления настолько нивелированы, что остальные персонажи путают их (они сами иногда забывают, как их зовут). Драматург называет их Роз и Гиль: с одной стороны, подобные сокращения от Розенкранца и Гильденстерна соответственно демонстрируют близость и дружественность взаимоотношений героев. С другой, более прагматичной точки зрения, они просто не могут запомнить и воспроизвести свои сложные имена. Их интеллектуальная слабость выражается также в непонимании окружающей действительности, которое носит тотальный характер: начиная с того, что они не представляют, кто и зачем пригласил их в Эльсинор, а впоследствии посылает в Англию, не понимают суть спектакля, разыгрываемого труппой бродячих актёров в замке, абсолютно беспомощны в попытках разобраться в сложной ситуации, в которой оказывается принц датский, заканчивая более философскими вопросам, в частности, об их предназначении: «Ради всего святого, что мы должны делать? Мы не знаем, что происходит вокруг и как нам поступать... Мы не знаем, как себя вести... Мы знаем только то, что нам говорят, а этого слишком мало!» [8].

Последнее позволяет открыть ещё одно интертекстуальное окно: из пьесы Т. Стоппарда в произведение С. Беккета «В ожидании Годо». Роз и Гиль – это зеркальное отражение Владимира и Эстрагона: они также не понимают и не ассоциируют себя с происходящим, осознают свою беспомощность перед «необъяснимым», не знают, кто такой Годо и зачем они его ждут. Смысл таится в самом тягостном ожидании и неизвестности, в оппозиции и одновременном взаимопроникновении иллюзии и реальности.

С течением времени интертекстуальность в пьесах Т. Стоппарда приобретает менее интенсивный характер и даже в некоторых случаях сводится к включению в общую канву музыкальных тем, аллюзий на исторические личности, богатые «фоновой» информацией. Подобный принцип отличает композицию пьесы «Рок-н-ролл»: драматург делает отсылки к знаковым фигурам В. Гавеля, Г. Гусака, М. Горбачева, в список действующих лиц введена музыкальная группа The Plastic People of the Universe, а один из ключевых мужских персонажей – Фердинанд – аллюзивно представляет героя из произведений В. Гавеля Фердинанда Ванека, который прототипически обозначен в ряде пьес драматургов – его соратников. К числу последних принадлежит и Т. Стоппард.

Интертекстуальность присутствует в произведениях Т. Стоппарда на всех уровнях – структурном, сюжетном, композиционном, языковом, стилистическом. Подобное справедливо и для тематики его пьес. Так, ключевыми в творчестве драматурга стали тема искусства («Индийская тушь», «Отражение или истинное», «Рок-н-ролл»), случая («Трудная задача», «Художник, спускающийся по лестнице», «Травести», «Аркадия»), театра («Розенкранц и Гильденстерн мертвы», «Отражение или истинное»), реальности и ирреальности («Берег утопии», «Травести», «Розенкранц и Гильденстерн мертвы»), времени и пространства («Индийская тушь», «Хэпгуд», «Розенкранц и Гильденстерн мертвы»), свободы («Входит свободный человек», «Берег утопии», «День и ночь», «Рок-н-ролл», «Каждый хороший парень заслуживает доброго отношения»), национального самосознания («Берег утопии», «Травести», «Каждый хороший парень заслуживает доброго отношения», «Рок-н-ролл»), творчества («Отражение или истинное», «Рок-н-ролл»), мира и войны («Каждый хороший парень заслуживает доброго отношения», «День и ночь», «Рок-н-ролл»), а также скрепляющая для большинства пьес тема любви, семьи и женщины («Отражение или истинное», «Трудная задача»). Далее предлагается более подробная характеристика обозначенных тем.

Тема искусства затрагивается практически в каждом произведении Т. Стоппарда: драматург демонстрирует ее аудитории с разных сторон, описывая путь становления Художника, переоценку ценностей, постижения бытия и своего места в нем.

Тема случая не менее значима для творчества Т. Стоппарда. Он помещает героев в зыбкое пространство между вымыслом и реальностью, в котором самые важные решения принимаются вдруг и без оглядки на последствия.

Тема времени принципиальна для драматурга: он не стремится к разрушению наследия прошлого, но понимает его как основу для сотворения нового (в этом аспекте тема времени тесно связана с темой творчества). Т. Стоппард призывает современного человека присмотреться к урокам Прошлого, возродить в себе ценности, актуальные для понимания Настоящего и построения Будущего. В итоге, несмотря на то что драматург не преследует цель создавать свои произведения в соответствии с повесткой, они оказываются более чем актуальными.

В свою очередь, тема свободы предполагает понимание норм морали и нравственности как абсолютной ценности, беспрекословной, равной по своему аксиологическому потенциалу ценности жизни.

Тема реальности неотделима от темы театра, поскольку творчество драматурга обнаруживает

себя на границе между театром (описание спектакля, демонстрируемого на сцене, написание пьес для последующей инсценировки) и жизнью. В частности, в пьесе «Отражения или истинное» первый акт составлен из монологов актеров, играющих перед зрительным залом. Однако данный факт осознается только после нескольких сцен, когда актеры «снимают маски» и погружаются в реальность. С развитием сюжета выясняется, что в силу личностных перипетий правдивыми являются как раз первые сцены, демонстрирующие, что театральная постановка для героев и есть истинное настоящее.

Другими словами, театр не есть синоним ирреальности, но, наоборот, «маска, которую носит истина» [7: с. 137]. В то же время эксплицитно, хоть и опосредованно влияние театра (как и искусства в целом) на становление личности, что обусловлено его воспитательной и регулятивной функциями.

Тематическое разнообразие пьес Т. Стоппарда получает соответствующее языковое воплощение, отличающееся особым красноречием («the particular eloquence of his plays in general» [11: p. 79]). Стилистические и лингвистические приемы, наиболее частотные в его пьесах, – парадокс, оксюморон, каламбур, антитеза, тавтология – одновременно являются философскими категориями (парадокс как способ описания бинарности бытия, оксюморон – иррациональность сущего) и выступают как формы репрезентации авторского видения мира. При этом тавтология не только призвана усилить формируемое у адресата впечатление об описываемом явлении, но и создать общий комический эффект. Отметим, что для драматургии Т. Стоппарда нехарактерны ирония или сарказм; он делает выбор в пользу юмора, выступающего в качестве инструмента укрепления и распространения морали и нравственных ценностей, а также оценки действий антагонистов среди действующих лиц. Таким образом, юмор – это элемент портретирования персонажей, их моральных качеств и стойкости убеждений.

В то же время нелинейность повествования, пародийность, игра слов, коммуникативная затрудненность – это те характерные черты драматургии постмодернизма, которые свойственны пьесам Т. Стоппарда. Сказанное дает право назвать драматурга родоначальником постмодернизма в английской драматургической традиции. Тем не менее литературные критики (А. Дженкинс, К. Иннес, М.В. Хейвел) не стремятся считать его творчество именно постмодернистским. Другими словами, Т. Стоппард балансирует между индифферентностью, свойственной постмодернистской эстетике, и гуманизмом, личностным восприятием ценностных ориентиров, что позволяет сформировать собственное представление о реальности [12: с. 218].

В качестве вывода подчеркнем, что черта, характеризующая произведения Т. Стоппарда и отличающая его от многих других драматургов, есть одновременная злободневность и вневременность его пьес. Тематическое разнообразие и взаимосвязь сюжетов, собственная концепция организации хронотопа, интертекстуальность, определившая форму и содержание и основывающаяся на понимании ценности мирового художественного наследия, стремление раскрыть и укрепить в сознании адресата ценностные смыслы – это то, что составляет интеллектуальный и эстетический потенциал его драматургии. Т. Стоппард отвечает вызовам времени, но остается верным себе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беккет, С.* В ожидании Годо / С. Беккет. – URL: https://www.litmir.me/br/?b=2865&p=2 (дата обращения: 29.11.2019).

2. *Беляева, В.Е.* Принципы поэтики драматургии Т. Стоппарда : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.Е. Беляева. – Москва, 2007. – 23 с.

3. *Викулова, Л.Г.* Издательский дискурс в системе общения «автор–издатель–читатель» / Л.Г. Викулова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 2s (18). – С. 63–69.

4. *Карп, В.И.* Основы режиссуры / В.И. Карп. – URL: https://royallib.com/read/karp_vyacheslav/osnovi_regissuri.html#0 (дата обращения: 29.11.2019).

5. *Крэг, Э.Г.* Воспоминания, статьи, письма / Э.Г. Крэг. – Москва : Искусство, 1988. – 399 с.

6. *Лотман, Ю.М.* Структура художественного текста / Ю.М. Лотман // Об искусстве. – Санкт-Петербург : Искусство, 1998. – С. 14–288.

7. *Шамина, В.Б.* Пьесы Тома Стоппарда как отражение характерных черт постмодернизма в драматургии / В.Б. Шамина // Ученые записки Казанского государственного университета. – 2009. – Т. 151, Кн. 3. – С. 133–143.

8. *Стоппард, Т.* Розенкранц и Гильденстерн мертвы / Т. Стоппард ; пер. И. Бродского. – Санкт-Петербург : Азбука, 2000. – URL: http://www.lib.ru/PXESY/STOPPARD/r_g.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 29.11.2019).

9. *Brustein, R.* The Third Theatre / R. Brustein. – New York : Knopf, 1969. – 245 p.

10. *Delaney, P.* Tom Stoppard in Conversation / P. Delaney. – Michigan : The University of Michigan Press, 2001. – 326 p.

11. *Hunter, J.* About Stoppard: the playwright and the work / J. Hunter. – London : Faber & Faber, 2005. – 277 p.

12. *Kelly, K.E.* The Cambridge companion to Tom Stoppard / K.E. Kelly. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – 244 p.

13. *Pinter, H.* Complete works / H. Pinter. – New York : Grove Press, 1994. – Vol. 1. – 251 p.

14. *Stoppard, T.* Plays / T. Stoppard. – London : Faber & Faber, 1998. – 264 p.

15. Identity as an Element of Human and Language Universes: Axiological Aspect / M.R. Zheltukhina, L.G. Vikulova, E.F. Serebrennikova [elc.] // International Journal of Environmental and Science Education. – 2016. – Vol. 11, №. 17. – P. 10 413–10 422.

DOI:

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ Р.М. РИЛЬКЕ КАК УНИКАЛЬНОЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Е.Л. Лысенкова

В статье на основе рассмотрения уникальности языковой личности немецкоязычного поэта Р.М. Рильке и особенностей его идиостиля выявляются пути формирования его поликультурной и полижанровой творческой личности, а также анализируется взаимосвязь рильковских произведений как составных частей единого гипертекста автора.

Ключевые слова: поликультурная языковая личность, индивидуализированность, эволюция стиля, идиостиль, полижанровость, гипертекст, культуртрегерское значение.

R.M. RILKE'S LINGUISTIC IDENTITY AS THE UNIQUE POLYCULTURAL PHENOMENON

E.L. Lysenkova

The article discusses the unique language identity of the German-writing poet R. M. Rilke who has a specific individual style. The author of the article speaks about the ways his polycultural and polygenre creativity was formed. Besides, the interrelation of Rilke's works as compounds of the author's entire hypertext is analysed.

Key words: polycultural language identity, individualization, style evolution, individual style, polygenre nature, hypertext, culture-carrier meaning.

Каждого автора, чьи произведения стали достоянием литературы какого-либо языка, известны во всем мире и переводятся на десятки других языков, мы можем рассматривать как уникальную культурно-языковую личность. Формирование этой личности происходит в каждом отдельном случае по своим законам и проходит свой путь развития. С определенной долей уверенности мы можем утверждать, что творчество таких авторов полижанрово и, преуспев в одном из жанров, будь то поэзия или проза, он непременно пробует себя в других. Среди немецкоязычных авторов яркими представителями таких языковых личностей могут являться, например, Р.М. Рильке, В. Борхерт, Э.М. Ремарк и др.

Отметим тот факт, что проблематика, связанная с понятием языковой личности, изучена сегодня достаточно всесторонне. Обращение к феномену языковой личности в той или иной мере прослеживается в европейском языкознании, и связано оно с именами В. Гумбольдта, К. Фосслера, Ф. де Соссюра, Й.Л. Вайсгербера и других исследователей. В отечественном языкознании приоритет в разработке этого понятия принадлежит В.В. Виноградову, который ввел термин «языковая личность» в научный оборот. Тем не менее, несмотря на то, что учёные употребляли данный термин, они не дали ему научного определения. Произошло это только в 80-х гг. XX в. в работах Г.И. Богина и Ю.Н. Караулова. Именно эти исследователи занялись вплотную изучением этой категории. Мы полагаем, что практически ни одна современная научная работа по данной теме не обходится без определения языковой личности, предложенного Ю.Н. Карауловым. Для полноты картины приведем данную дефиницию. Под языковой личностью Ю.Н. Караулов понимает «совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [3: с. 3]. В данном определении мы усматриваем все необходимые компоненты: языковой аспект, содержательный и прагматический. В нашей статье мы обратимся к языковой личности Райнера Марии Рильке не только с точки зрения рассмотрения предложенных составляющих, но и попытаемся определить, как зарождалась и формировалась эта уникальная личность. Необходимо отметить, что по отношению к Рильке не вполне подходят такие определения, как элитарная или нестандартная личность, ибо под ними понимаются некие типы языко-

Лысенкова Елена Леонидовна – доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной филологии Северо-Восточного государственного университета (г. Магадан).

Elena Leonidovna Lysenkova – Doctor (Philology), Habil., Professor, Professor of the Department of Foreign Philology at North-Eastern State University (Magadan).

E-mail: elysenkova71@mail.ru

© Лысенкова Е.Л., 2020

вых личностей, в то время как языковая личность Рильке в силу ее необычности находится вне какой-либо типологической схемы.

Языковая личность Р.М. Рильке – уникальное поликультурное явление. Многие ее особенности берут свое начало в детских годах писателя. По отношению к Рильке, на наш взгляд, наиболее правильным будет использование определения «немецкоязычный» поэт, так как варианты «немецкий» или «австро-венгерский» поэт не совсем верно отражают действительность. Рильке родился в 1875 г. в немецкоязычной семье в Праге, которая входила тогда в состав Австро-Венгрии. Рильке рос в условиях немецко-чешского двуязычия, с одной стороны, и в условиях «островного» варианта немецкого языка, отдаленного от языковой метрополии, с другой. Последующие периоды жизни Рильке в Мюнхене в стихии южнонемецкой речи, затем в Берлине и в северной части Германии не могли не наложить отпечаток на формирование особого языка, который условно мы можем обозначить как Rilke-Deutsch.

Однако поэта не всегда окружала немецкоязычная языковая ситуация. Рильке являет собой образец неустанного искателя, занятого поиском себя, своей ниши, как в творчестве, так и местоположении. Некоторое время поэт живет в Париже, где начинается интенсивное усвоение французского языка. Его путешествия в Россию, изучение русского языка, пребывание в Испании, Италии, Дании, Швеции, Швейцарии, путешествие по странам Северной Африки, изучение итальянского, датского и других языков, а также новых культур в той или иной мере накладывают свой отпечаток на формирование его языковой личности. Отличительной чертой языковой личности Рильке поэтому можно считать ее открытость иным языкам и культурам и ее обогащение ими. Стихи Рильке на русском, французском и итальянском языках, его письма на русском и французском языках, его переводы с разных языков – подтверждение выхода его языковой личности за пределы круга родного для него немецкого языка. Языковая личность, как известно, характеризуется не только степенью владения языком, но и выбором языковых средств различных уровней, а также видением мира, определяемым языковой картиной, сложившейся в конкретном языке. Погружение Рильке в стихию нескольких языков обусловило то обстоятельство, что применительно к языковой личности Рильке трудно говорить о ее специфических национальных параметрах. Языковая личность Р.М. Рильке предстает как некая соборная личность, вобравшая в себя черты многих европейских языков и наций. Несмотря на это, а может быть, именно благодаря этому, Рильке стал писателем, в творчестве которого немецкий национальный язык ушедшего века нашел свое высшее поэтическое воплощение. Гипотеза И. Бродского о том, что крупнейшее произведение XX в. было написано именно Р.М. Рильке (у Бродского речь идет о стихотворении «Орфей. Эвридика. Гермес» – но мы полагаем, что вершиной поэтического творчества Рильке стали «Дуинские элегии»), не лишена оснований (см.: [1: с. 205]).

Языковая личность писателя – категория динамическая. Подлинный поэт или прозаик постоянно эволюционирует, и чем ярче его личность, тем значительнее эта эволюция. Однако в рамках поэтической системы каждого идиолекта всегда обнаруживаются по меньшей мере две тенденции – тенденция к постоянству, стабильности идиостиля, и тенденция к его развитию, изменению, совершенствованию. Рильке, как известно, даже преодолел рубеж второй из упомянутых тенденций – в конце жизни он перешел в своем поэтическом творчестве на французский язык, поскольку, по словам М. Цветаевой, «он устал от всемощности, захотел ученичества, схватился за неблагодарнейший для поэта из языков – французский… – опять смог, еще раз смог… Дело оказалось не в немецком, а в человеческом» [4: с. 203]. М. Цветаева верно угадала траекторию поэтического развития Рильке – от поэта немецкого языка к поэту всечеловеческому. Таким образом, в языковой личности Рильке произошло определенное нивелирование национально обусловленных особенностей и становление уникальной языковой личности общечеловеческого типа. Возможно, именно поэтому Р.М. Рильке стал наиболее значительным поэтом XX в. Для России он стал культовым поэтом. Пожалуй, ни один немецкоязычный поэт не переводился на русский язык и не публиковался так активно в конце XX – первой трети XXI в., как Р.М. Рильке.

Существует мнение, что писатель может достигнуть вершин лишь в каком-то одном роде литературы: проза поэта или поэзия романиста будут нести черты вторичности. Нечто подобное писали о прозе и драматургии Рильке. Так, в одной из статей, посвященных прозе Рильке, М. Рудницкий задает вопрос: зачем Рильке писал прозу, «где и чувствовал-то себя неловко? Ведь едва ли не в любой его прозаической строке нельзя не ощутить этой чуть оробелой повадки чужака, постороннего, то ли иностранца, то ли ангела, который и говорит вроде бы без ошибок, даже без акцента, но с какой-то вопросительной недоверчивостью в интонациях, как будто все время сам к себе прислушивается» [5: с. 5]. Мы позволим себе не согласиться с мнением известного рилькеведа, так как считаем, что проза поэта не менее уникальна, чем его поэзия.

Рильке действительно словно прислушивался к своим строкам, но не только прозаическим, но и поэтическим, однако он никогда не проявлял в про-

зе повадок чужака, и прежде всего потому, что поэзия и проза с самого начала его творческого пути и до конца его жизни шли рядом, обогащая друг друга. Невозможно представить творческое наследие поэта без его прекрасных новелл, замечательных стихотворений в прозе. Небольшое произведение Рильке, лирическая новелла «Песнь о любви и смерти корнета Кристофа Рильке», созданная поэтом за одну ночь, стала, пожалуй, наиболее известным произведением немецкой литературы XX в. Первая редакция новеллы относится к 1899 г. (заметим, что поэту было всего 24 года!). Затем последовало еще несколько редакций, и ее общий тираж достиг двух миллионов. В этом произведении удивительным образом сошлись все уникальные черты идиостиля Рильке: жанровая принадлежность произведения, наличие в прозаическом произведении рифмованных и ритмических фрагментов, динамизм, рильковская повышенная образность и эмоциональность, использование окказионализмов, особенности синтаксического рисунка произведения и необычная интерпунктуация. Но самым мощным и неожиданным оказался прагматический потенциал произведения: во время Первой мировой войны «Корнет» лежал в ранце практически каждого немецкого солдата, вдохновляя и оберегая бойцов.

Как известно, вершиной прозаического мастерства поэта стал роман «Записки Мальте Лауридса Бригге». Главный герой романа – 28-летний датчанин Мальте Лауридс Бригге – оказывается в Париже. И уже с первых страниц произведения читатель понимает, что Мальте это и есть сам Рильке. В беседе Рильке с переводчиком его произведений на французский язык М. Бетцом поэт подтверждает это предположение-догадку: «Это был разрубленный, раздробленный ритм, который сам навязывался мне, и меня тянуло во многие непредвиденные направления. То это были воспоминания юности, то Париж, то атмосфера Дании, то образы, которые, казалось, не имели никакой связи с моим собственным „я“. То я почти растворялся в Мальте, то снова терял его из виду: путешествие словно уводило его за пределы моей досягаемости; вернувшись в Париж, я снова нашел его, более реальным, чем когда-либо. Много страниц я написал наугад. Некоторые были письмами, некоторые записками, отрывками из дневника, стихами в прозе» (перевод наш. – *Е.Л.*) [8: с. 163–164]. И эта мозаика, из которой состоял внутренний мир Рильке, находила выход и выкладывалась в причудливые произведения. После завершения работы над романом Рильке практически больше не писал художественную прозу, но он до последних своих дней писал эпистолярную прозу, которая являет собой неповторимый синтез художественной прозы и эпистолярного стиля и которая составляет одну из наиболее весомых частей его творческого наследия.

Мы полагаем, что неверно было бы противопоставлять друг другу поэзию и прозу Рильке, поскольку и та, и другая порождены одним автором, одной уникальной языковой личностью. А всякого подлинного писателя можно отнести к так называемым сильным языковым личностям, имея в виду прежде всего силу творческого языкового начала такой личности. Однако степень этой творческой силы в писательской сфере варьирует от некоего низшего уровня (писатели литературной – но не географической – периферии) до языковой личности гения. Кроме того, для языковой личности писателя характерна высокая степень ее индивидуализированности. Эта индивидуализированность наиболее ярко ощутима в языковых личностях писателей, являющихся классиками национальной литературы.

Учет творческой индивидуальности автора, его индивидуального языка и стиля чрезвычайно важен как при переводе его произведений на другие языки, так и при исследовании особенностей его творческого наследия. Как писал Э. Сепир, достигнуть совершенства в области литературного творчества могут только люди с высокоразвитой индивидуальностью [6: с. 585–586]. Рильке и был такой уникальной личностью с индивидуальностью почти абсолютного характера, что заставляет исследователей его языка и переводчиков его произведений подходить к его творческому наследию с особыми мерками. Мы должны оценивать стиль поэзии и прозы Рильке по законам его индивидуального, «рильковского» языка, а не как частный случай художественной речи. Таким образом, на первый план выдвигается идея «грамматики идиостиля» [2], «эгостиля» [7: с. 20], а не стилистики художественной речи вообще, так как описание идиостиля подчинено «выявлению глубинной семантической и категориальной связности его элементов, воплощающих в языке творческий путь поэта, к сущности его явной и неявной рефлексии над языком» [2: с. 35]. Обобщения, характерные для стилистики художественной речи, нивелируют самобытность великих писателей. Идиостилистика автора, напротив, позволяет представить его индивидуальный и неповторимый языковой мир как одну из вершин художественного самосознания нации. В этой связи необходимо уделить внимание и описанию основных интертекстуальных связей авторского гипертекста. То есть все творчество одного автора мы можем рассматривать как некий единый гипертекст, которому будут присущи схожие черты и особенности. Данную идею нам подсказало исследование произведений Рильке всех жанров: поэзии, романа, стихотворений в прозе, рассказов, новелл, эпистолярного наследия. Многие произведения обнаруживали взаимосвязь разного рода – тематическую, стилистическую и т.д., всех их отличало рильковское своеобразие и

все они были связаны между собой невидимыми нитями, которые может уловить только внимательный читатель или пытливый исследователь.

Поликультурные языковые личности обладают, на наш взгляд, мощнейшим потенциалом и высокой степенью креативности. Гениальность их произведений и вся творческая жизнь таких личностей, несомненно, имеет культуртрегерское значение. Необычно утонченная, аристократическая поэзия Рильке, принявшая на более позднем этапе творчества философские глубины, его удивительная эмоционально-выразительная проза и проникновенные эпистолярные тексты являют собой уникальные литературные образцы конца XIX – начала XX в. У Рильке, как известно, было много почитателей его творчества и последователей, среди которых необходимо назвать М. Цветаеву, Б. Пастернака, Э.М. Ремарка и др. Произведения Рильке и сегодня хорошо известны и любимы в России. К творчеству поэта с начала XX в. обращалось свыше 250 русскоязычных переводчиков. И с каждой новой переведенной на русский язык книгой Рильке, вышедшей в свет, число читателей, по достоинству могущих оценить его произведения, несомненно растет.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бродский, И.* Девяносто лет спустя / И. Бродский // Бродский И. Письмо Горацию. – Москва : Наш дом – L'Age d'Homme, 1998. – С. 205–261.

2. *Григорьев, В.П.* Грамматика идиостиля. В. Хлебников / В.П. Григорьев. – Москва : Наука, 1983. – 224 с.

3. *Караулов, Ю.Н.* Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – Москва : Наука, 1987. – 261 с.

4. Райнер Мария Рильке, Борис Пастернак, Марина Цветаева. Письма 1926 года. – Москва : Книга, 1990. – 256 с.

5. *Рудницкий, М.* Побуждения к прозе / М. Рудницкий // Рильке Р.М. Проза поэта. – Москва : Вагриус, 2001. – С. 5–11.

6. *Сепир, Э.* Личность / Э. Сепир // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – Москва : Прогресс, Универс, 1993. – С. 582–586.

7. *Сорокин, Ю.А*. Человек говорящий в его модусах и отношениях (обзор-дискуссия) / Ю.А. Сорокин // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: Человек и его дискурс : сб. науч. тр. – Москва : Азбуковник, 2003. – С. 7–23.

8. *Betz, M.* Über die Aufzeichnungen des Malte Laurids Brigge / M. Betz // Materialien zu Rainer Maria Rilkes „Die Aufzeichnungen des Malte Laurigs Brigge" (Hrsg. von H. Engelhardt). – Frankfurt am Main : Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 1974. – S. 157–172.

DOI:

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КОНСТРУИРОВАНИЯ ИНОЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ЛИЧНОСТИ ПЕРСОНАЖА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ И НЕХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Е.В. Белоглазова

В.В. Кабакчи

В фокусе внимания статьи находится целенаправленно конструируемая инокультурноязыковая личность персонажа, причем делается попытка доказать, что, несмотря на жанрово-стилевую специфику, как художественные, так и нехудожественные тексты задействуют для этой цели сходные лингвистические средства. Исследование выполнено в русле интерлингвокультурологии, изучающей особенности языка вторичной культурной ориентации. Привлекаемый богатый иллюстративный материал призван показать универсальность общей стратегии конструирования инолингвокультурной личности и ее независимость как от жанра текста, так и от культуры, к которой обращено описание.

Ключевые слова: ксеноним, инолингвокультурная личность, иноязычное вкрапление, вторичная культурная ориентация.

LINGUISTIC MECHANISMS OF CONSTRUCTING CHARACTER'S EXOLINGUACULTURAL IDENTITY IN FICTION AND NON-FICTION

E.V. Beloglazova

V.V. Kabakchi

The present paper is aimed at the means of constructing a character's exolinguacultural identity. It demonstrates that regardless of the style and genre specificity both fictional and non-fictional texts employ a similar strategy to this end. The research is based on the theoretical foundation of interlinguoculturology, i.e. the study of the language of secondary cultural orientation. Relatively wide illustrative material from texts of various genres and cultural orientations is provided to illustrate the universal strategy underlying the construction of exolinguacultural identity resting upon cultural loans.

Key words: xenonym, exolinguacultural identity, cultural loan, secondary cultural orientation.

Введение

Деление на художественные и нехудожественные тексты – одно из самых очевидных, ранних и последовательно проводимых в лингвистике: они относятся к разным функциональным стилям, они преследуют разные цели, и для них задействуют разные лингвистические средства [1]. В то же время нельзя не отметить и определенные области, в которых данные виды текстов, при всей своей несхожести, пересекаются. Так, возможно введение в художественный текст фрагментов, имитирующих тексты иных стилей (стилизаций), но также возможны и элементы художественности в нехудожественном тексте. Именно последнее наблюдение и послужило отправной точкой для настоящей статьи, в фокусе внимания которой лежит целенаправленно конструируемая инолингвокультурная личность персонажа, причем, как мы намерены доказать, несмотря на жанрово-стилевую специфику, как художественные, так и нехудожественные тексты задействуют для этой цели сходные лингвистические средства.

Теоретико-методологические предпосылки исследования

Поскольку в центре нашего внимания находится инолингвокультурная личность, необходимо дать некоторые предварительные пояснения и определения.

Белоглазова Елена Владимировна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка для профессиональной коммуникации Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

Elena Vladimirovna Beloglazova – Dr. (Philology), Habil., Associate Professor, Chair of English for Professional Communication Department at A. Herzen Russian State Pedagogical University.

E-mail: evbeloglazova@herzen.spb.ru

Кабакчи Виктор Владимирович – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и переводоведения Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Victor Vladimirovich Kabakchi – Dr. (Philology), Habil, Professor, Professor of the Department of Language Theory and Translation Studies at St. Petersburg State University of Economics.

E-mail: vkabakchi@gmail.com

© Белоглазова Е.В., Кабакчи В.В., 2020

Проблемой описания инолингвокультуры, т.е. вербального воплощения внешней по отношению к языку описания культуры, занимается интерлингвокультурология – научное направление, у истоков которого стоит В.В. Кабакчи. Теоретические основания нового направления заложены в фундаментальной монографии 1998 г. [2], а затем был издан словарь, описывающий сложившуюся на современном этапе норму англоязычного описания русской культуры [5]. Сам термин «интерлингвокультурология» В.В. Кабакчи ввел в статье 2007 г. [4: с. 51].

Не углубляясь в теорию интерлингвокультурологии, кратко изложим ее основные положения.

1. Язык и культура, «внутренняя» (internal) для этого языка, образуют неразрывное единство, именуемое лингвокультурой, так как язык является основным «носителем» культуры.

2. В то же время любой язык можно обратить к описанию любой, в том числе и «внешней» (external) для него культуры; однако при этом в нем проявляются лакуны – отсутствующие наименования для элементов внешней культуры.

3. При иноязычном описании культуры язык описания неизбежно и непременно обогащается ксенонимами, т.е. средствами номинации специфических элементов внешней для языка описания культуры, которые могут вводиться с помощью различных лингвистических приемов и стратегий. Ксенонимическая лексика представлена, прежде всего, культуронимами-терминами, естественными в тексте культурологической направленности. К ним примыкают ономастические ксенонимы, т.е. имена собственные, репрезентативные для описываемой культуры, а также цитаты из прецедентных текстов, идиоматические выражения (включая пословицы и поговорки), типичные для описываемой лингвокультуры риторические обороты и когнитивные структуры (например, метафоры).

4. Ксенонимы в тексте описания внешней культуры демонстрируют существенную вариативность не только по способу их введения, но и по выполняемой ими функции.

Сравним серию примеров, взятых из одного и того же художественного текста:

1: You can't have a picnic without *paté de foie gras*. (Maugham)

2: 'Oh, but it's good to see you, *mon petit*,' she said … (Maugham)

3: … it was not long before he was the *ami de la maison,* the household pet, in many an imposing mansion. (Maugham)

Во всех трех случаях мы имеем дело с галлицизмами, т.е. заимствованиями из французского языка; во всех трех случаях заимствование введено методом трансплантации, чему способствует общность алфавита; во всех трех случаях оно графически выделено курсивом, что также отчасти вызвано общностью алфавита и необходимостью привлечения дополнительных средств размежевания между привлекаемыми к описанию языками. Следует отметить, что французская лингвокультура стоит особняком в Европе в силу ряда исторических причин; именно ее особый статус делает возможной тотальную трансплантацию франко-культурных идионимов.

В то же время невозможно не заметить, что во всех трех случаях иноязычные вкрапления носят различную функциональную нагрузку:

– в примере (1) *paté de foie gras* является собственно ксенонимом, т.е. культуронимом, номинирующим инокультурную реалию; заимствование оправдано уникальностью культуронима, по определению не имеющего параллелей в иных лингвокультурах, при том что замена на аналог из культуры языка описания неправомерна, так как приводит к подмене культуры вместо ее репрезентации;

– в примере (2) введение обращения *mon petit* введено в реплику персонажа-француженки и по принципу синекдохи имплицирует, что разговор ведется на французском языке; из всей реплики на подразумеваемом языке дан лишь этот фрагмент, так как (а) обращение синтаксически автономно и от него не зависит понимание остального высказывания; (б) из ситуации общения ясно, кто к кому обращается, т.е. непрозрачность галлицизма компенсируется контекстом; (в) введенный галлицизм можно назвать прецедентным, т.е. широкоизвестным, частотным, имеющим относительно высокий шанс быть понятым даже читателем, не владеющим французским языком;

– в примере (3) галлицизм *ami de la maison* присутствует в рамках более развернутой характеристики, в которой он, с одной стороны, находится в псевдосинонимических отношениях с выражением «household pet», с другой же, вступает в определенную перекличку с когнатой «mansion», т.е. для не владеющего французским языком данная франкоязычная вставка будет функционально тождественна вставке в примере (2), в то время как читатель, владеющий французским, имеет возможность распознать игру автора.

Таким образом, в случае (1) мы имеем галлицизм, введенный ради стоящего за ним уникального культурного референта, т.е. культуроним в функции носителя когнитивной культурологической информации; в случае (2) за галлицизмом не стоит никакой культурной реалии и он выступает показателем лингвокультурной принадлежности персонажа, выступая в стилистической функции средства создания местного колорита; в случае (3) мы имеем сложный случай комбинирования ряда

функций: за галлицизмом стоит некое культурное содержание, которое, хотя и не является уникальным для этой культуры, но подается как таковое именно за счет переключения кода; в то же время игра с кодом является частью общей игровой стратегии автора, выступая своего рода фильтром для «идеального» читателя [8]. Объем содержания, стоящего за ксенонимом, в приведенных случаях существенно различается: от конкретного значения кулинаронима в (1) до предельно обобщенного «какое-то французское обращение» в (2) и варьирующегося от «псевдопонятия» (на основе «псевдоперевода») до сложного переплетения смыслов, порождаемого языковой игрой в (3).

Вариативность с точки зрения формы можно проиллюстрировать следующей парой примеров:

4: That line, ***monsieur le commissaire***, is the first line of a celebrated poem by Ronsard … (Maugham)

5: **"Your Excellency**," exclaimed Yaroslav. (Towles)

В обоих случаях мы имеем культурно-специфические обращения, однако вводятся они различными способами заимствования: трансплантацией в примере 4 и калькой в примере 5. Обе техники применимы для введения ксенонимической лексики, однако с несколько различным эффектом, что и определило выбор автора. Формальные способы заимствования (трансплантация, транскрипция и транслитерация) порождают эффект остранения за счет очевидной чужеродности вкрапления; калька же представляется компромиссным подходом, в основе которого лежит стремление передать внутреннюю форму культуронима, его принцип построения, но, в то же время, построить его из значимых элементов языка описания – морфем и лексем. Примечательно, что калькированный русизм «Your Excellency» в примере 5 является омонимичным принятому в англофонной традиции обращению к должностным лицам высокого ранга. Именно риск подобной неоднозначности ограничивает применимость калькирования в межкультурной коммуникации, но в приведенном случае неоднозначность кальки нейтрализуется широким контекстом.

Возвращаясь к вопросу о конструировании лингвокультурной личности, необходимо ввести антиномию узкого и широкого подходов к пониманию этого явления. В широком смысле все вводимые в текст элементы определенным образом участвуют в конструировании лингвокультурной личности автора-повествователя, являющегося одним из антропоцентров текста [7]. И при таком понимании все приведенные примеры релевантны, так как создают образ повествователя как билингвальной или транслингвальной [6] языковой личности. Это понимание в большей степени относимо к художественным текстам и в меньшей к нехудожественным, поскольку в последних нет той дистанции между реальной и конструируемой фигурой повествователя, т.е. адресант не расщепляется на фигуры реального автора и персонажа-повествователя, соответственно нет и конструируемой лингвокультурной личности. В узком же смысле речь идет о средствах характеризации персонажа текста как относящегося к инолингвокультуре. Эти средства могут быть:

– прямыми, т.е. непосредственная характеристика персонажа, его действий или атрибутов как относящихся к описываемой культуре, в данном случае французской, в каковой манере персонаж пожимает плечами:

6: … he shrugged his shoulders in a very French way. (Maugham)

Из описания неясны особенности жеста персонажа, но акцентируется культурная маркированность его поведения. М.П. Ночимсон, описывая характерную игру французских актеров, также отмечает особую французскую манеру пожимать плечами и тот факт, что этот жест гораздо более типичен и характерен для французской культуры по сравнению с американской [9: с. 7];

– косвенными, вытекающими из того, как герой говорит; т.е. наблюдаемыми в прямой или несобственно-прямой речи персонажей:

7: He told me he was glad I was a friend of Suzanne's, he could see at a glance that I was *comme il faut* and he would be glad to think that I should see something of her. (Maugham)

Так, вставка галлицизма «*comme il faut»* даже в устах нефранцуза будет характеризовать говорящего как разделяющего ценности и нормы поведения, свойственные французской культуре.

Эмпирическая база и структура исследования

Поскольку нашей целью является проследить стратегии конструирования инолингвокультурной личности персонажа в художественных и нехудожественных текстах, в качестве эмпирического материала привлечены аутентичные англоязычные законченные тексты названных стилей.

В первой части исследования, фокусом которой выступает художественная литература, сопоставляются тексты англоязычных художественных произведений, обращенных к разным культурам. Это позволяет выявить общие и специфические черты стратегии описания внешних для английского языка культур на примере стратегий конструирования инолингвокультурных личностей персонажей анализируемых произведений.

Непосредственно, сопоставляются романы А. Тоулса "A Gentleman in Moscow" [14] и С. Моэма "The

Razor's Edge" [13]. Действие обоих романов разворачивается в первой половине XX в., в обоих случаях – на фоне внешних для языка описания культур.

Во второй части исследования проводится сопоставление стратегий, задействованных в художественных и нехудожественных описаниях внешних культур. Для этой цели привлекаются популярные монографии Д. Джеймса [12] и А. фон Бремзен [15], которые роднит, во-первых, адресованность не столько узким специалистам-культурологам, сколько всем заинтересованным читателям, а во-вторых, выраженный антропоцентризм – наличие яркой культурно-маркированной фигуры повествователя и введение в текст описания персонажей – представителей описываемых лингвокультур. Различаются же произведения своей культурной ориентированностью: одно обращено к таджикской культуре, другое – к русской.

В отдельных случаях приводятся корпусные данные [11] и примеры, позволяющие расширить спектр сравниваемых культур и выявить степень универсальности тех или иных приемов описания.

Конструирование инолингвокультурной личности персонажа в художественной литературе

Рассмотрим средства конструирования инокультурноязыковой личности персонажа в художественной литературе, фокусируясь на факторе культуры как основной переменной.

Для этого сравним художественные тексты на одном и том же языке описания, обращенные к разным культурам – французской и русской.

8: One evening I went to the **Théàtre Française** to see *Bérénice*. (Maugham)

9: For while the proximity of the hotel to **the Bolshoi** made it a natural choice for young ballerinas … (Towles)

Приведенные фрагменты иллюстрируют технику введения ксенонима-наименования театра. В обоих случаях авторы отдают предпочтение формальной технике, т.е. стремятся к максимально точной передаче формы исходного обозначения. Однако если в примере 8 общность алфавита языка описания и исходного языка описываемой культуры позволяют применить технику трансплантации, в случае гетерогенной пары русской и английской лингвокультур приходится прибегать к транслитерации. Перефразируя Джорджа Оруэлла, можно сказать, что, хоть все культуры равны, все же некоторые более равны, чем другие. Исходя из практики межкультурной коммуникации выстраивается определённая «табель о рангах» внешних культур. Самое высокое положение в ней занимает сейчас англо-саксонская культура, следом за ней – французская, далее – другие латиноалфавитные культуры; все остальные же занимают по сравнению с названными приниженное положение. Забегая вперед, отметим, что одним из симптомов пренебрежительного отношения к русской культуре является небрежность в передаче русизма в примере 27 (см. ниже), недопустимая в случае престижных культур.

Родственные связи между языками, общие корни фр. Théàtre и англ. Theatre (оба восходят к общему греческому источнику, причем в английский язык слово попало непосредственно из французского) и формальное сходство слов способствуют прозрачности описания несмотря на трансплантат; в примере 9 о прозрачности речи не идет, но заимствование семантизирует общий контекст.

10: When I pass through the dingy narrow Rue d'Odessa I remember … (Maugham)

11: And within the year, they were sharing rented rooms above a cobbler's shop off Sredny Prospekt. (Towles)

Как и в предыдущей паре примеров, заимствование урбанонимов осуществляется формально – трансплантацией и транслитерацией соответственно. В обоих случаях заимствуется как собственно название, так и «классификатор» (rue и prospekt).

12: I haven't read my **La Rochefoucauld** for nothing. (Maugham)

13: I think when he turned the pages of the ***Almanach de Gotha*** his heart beat warmly. (Maugham)

14: There on the seventeenth of November 1929, **Nikolai Bukharin**, founding father, editor of ***Pravda***, and last true friend of the peasant, was outmaneuvered by **Stalin** and ousted from the Politburo–clearing the way for a return to autocracy in all but name. (Towles)

Примеры 12–14 иллюстрируют технологию введения культуронимов, выступающих наименованиями людей и периодических изданий, выдерживая общую стратегию передачи ономастических культуронимов, описанную выше. Выбор формального способа передачи таких культуронимов связан с тем, что референтом имен собственных является единичный и уникальный объект, имя которого подлежит не переводу, а переносу. Другие культуронимы допускают большую свободу выбора.

15: She guided him into the side yard and paused to pat the little dog. " **Privet**, Mishul " (Laken V. / COCA)

16: "***Guten tag,***" he said to the lovely young Fraulein in the lavender blouse (who was waiting by the elevator door). (Towles)

17: "**Greetings**, Grisha," he said as he passed the bellhop (who was on his way up the stairs with a vase of tiger lilies two feet tall). (Towles)

Приведенную серию примеров 15–17 объединяет то, что вводимый культуроним является обращением; различаются же они культурной ориентацией и

способом введения. Примеры, обращенные к русской культуре, имеют в своей основе разные приемы перевода, стремясь к передаче формы (пример 15) или содержания (пример 17); большее сходство в технологии введения культуронимов демонстрируют примеры 15 и 16, обращенные к разным культурам. Очевидно, что на выбор способа перевода культуронима – формальный или семантический – влияет не столько близость / родство культур, сколько ракурс описания. Культурная дистанция, разобщенность персонажей передаются за счет остраняющего формального заимствования, создающего отчетливый шов между кодами, ассоциируемыми с разными действующими лицами; отнесенность участников коммуникативной ситуации к одной лингвокультуре сигнализируется общим кодом.

Впрочем, отношение «язык–культура» не так просто и однозначно. Так, в паре примеров 18–19 в прямой речи персонажей фигурируют вкрапления французского языка, характеризующие их как инолингвокультурных личностей.

18: ***'Nous autres Americains,*** we Americans,' he said, 'like change. It is at once our weakness and our strength.' (Maugham)

19: “Have you ever been in a duel?” – “An ***affaire d’honneur***?” The Count hesitated. (Towles)

Однако в первом случае подразумевается французская лингвокультурная личность, а во втором – русская, принадлежащая в социальном плане к высшим аристократическим кругам, которые в дореволюционной России отличались, фактически, билингвизмом.

Причем выбор французского языка не обусловлен дуэльной тематикой общения, о чем свидетельствуют примеры 20 и 21, где авторы художественных текстов по-разному вводят этикетный культуроним «spasibo» / «*merci»*. Галлицизмы в романе А. Тоулса являются частью сквозной (реализуемой на протяжении всего романа) стратегии характеризации героя – графа Ростова, противопоставляемого всему своему постсоветскому окружению именно с помощью речевого портрета. В мире, в котором все перевернулось с ног на голову, он продолжает вести себя в соответствии с теми нормами и ценностями, в духе которых был воспитан, в то время как окружающие переходят на советский дискурс, своеобразные обороты которого автор калькирует, как, например, фразу «Я был следующий (в очереди)» (пример 22), принадлежащую персонажу новой постреволюционной формации.

20: This cheers us. We are bored with the food we have brought with us, and have heard that American steaks are the best. We will remain in contact. Thank you, or as we say, ***spasibo*****.** (Foss / COCA)

21: The Count rose and held out her chair.

“***Merci***,” she said.

“***Je t’en prie***.” (Towles)

22: “**I was next**,” he said. (Towles)

Единственный в романе формально-введенный русизм-транслитерат, впрочем, дан во внутреннем монологе графа Ростова, чем и обусловлен выбор способа введения, указывающий на дистанцирование персонажа от новой риторики и новой терминологии (e.g. 23):

23: Yes, over the years they have championed their differing styles, but in June they will gather to forge ***novaya poeziya,*** **a new poetry**. (Towles)

Хотя в большинстве случаев конструирование инолингвокультурной личности в художественном тексте строится за счет введения ксенонимов, номинирующих реалии описываемой культуры, могут привлекаться и иные средства. Так, в примере 23 персонаж переключается на другой язык в культурно немаркированной ситуации, что сопровождается авторским пояснением: в определенных обстоятельствах герою проще выражать свои чувства по-французски. Язык в данном случае является не столько средством выражения определенной культуры, сколько средством характеристики персонажа, который настолько «офранцузился», что этот язык стал ему ближе, чем родной.

23: *'Quelles manieres,'* he said to himself, for in certain circumstances he felt he could express his sentiments more forcibly in French. (Maugham)

Впрочем, не являясь изначально культуронимом, галлицизм превращается именно в таковой, выступая сигналом принадлежности к соответствующей лингвокультуре.

Так, мы рассмотрели использование иноязычных вкраплений как средств конструирования инолингвокультурной личности персонажа в художественной литературе. Сравним, насколько авторские стратегии будут отличны в нехудожественных текстах.

Конструирование инолингвокультурной личности персонажа в художественной и нехудожественной литературе

Художественная литература в целом, адресуемая предельно широкой читательской аудитории, тяготеет к общедоступности; англофонная же художественная литература имеет в этом отношении особую репутацию, предъявляя гладкость и незаметность основным требованием к инокультурной переводной литературе: текст, к какой бы культуре ни было обращено описание, должен читаться легко, не позволяя читателю спотыкаться на чужеродных элементах [10]. Тем удивительнее отсутствие контраста в аутентичной литературе вторичной культурной ориентации, относящейся к разным функциональным стилям.

24: "*Bistro, bistro,* ***tovarishch***," the refectory proprietor shouted as he walked between tables. <…> ***Tovarishch*** **means "comrade.**" (Shrayer / COCA)

25: The war ended for him a few weeks later, when a German bomb blew him off a tank, and his commander – a woman he knew only as "the Major" – leaned over him and told him, ***Proshchai, tovarishch*** **– Goodbye, comrade**. (NY Times/ COCA)

В приведенной паре примеров, взятых из Corpus of Contemporary American English (COCA, дата обращения: 24 ноября 2019), пример 24 относится к художественному стилю, а пример 25 – к публицистическому. Однако в обоих случаях вкрапления русизмов используются одинаково: совпадает выбор русизма, способ его введения, а также функция: носителем когнитивной информации является приводимый тут же перевод, а русизмы выступают в сугубо стилистической функции создания образа инолингвокультурной личности.

Приведенный пример не единичен и не уникален; аналогичные отношения связывают иллюстративные фрагменты 26 и 27, также взятые из Corpus of Contemporary American English (COCA). Они позволяют проиллюстрировать мифологичность еще одного представления о художественной литературе как неточной, в противовес педантичной публицистической литературе, тяготеющей к документальности. Неточность в передаче русизма, а именно ошибка в согласовании существительного и прилагательного, наблюдается во фрагменте из публицистического текста, претендующего на научность (насколько можно судить по названию издания «Christian Science Monitor»):

26: This cheers us. We are bored with the food we have brought with us, and have heard that American steaks are the best. We will remain in contact. Thank you, or as we say, ***spasibo***. (Foss / COCA)

27: It's this way: her job is to make tea for the passengers. Not to converse with them, be nice to them, or even to acknowledge that their orders have been taken. Just make tea. I paid her and said, "***Spasibo bolshoi***," but she didn't say "you're welcome." (Christian Science Monitor/ COCA)

Чтобы исключить фактор описываемой культуры как определяющий выбор стратегии введения элементов лингвокультурного контекста, приведем фрагменты из описаний разных культур:

28: '*Sei still*,' she whispered. 'Be quiet.' (Maugham)

29: An equally frustrating conversation I have repeatedly had with more educated Tajiks goes something like this:

Tajik: "What are you?"

Me: "I'm an American."

Tajik: "No, no, what are you?"

Me: "No, I'm really an American."

Tajik: "*Nameshavad*!" (That's not okay!) "What are you really?"

Me: "Well, many generations ago my relatives started coming over from Europe and they have intermarried, so I guess you could say I'm English, Irish, French, German and probably some other things."

Tajik: "*Ana*!" (There you go!) (James)

30: 'Fish and kvass?' says my mother. '*Foo*.' (Russian for *eek*).

'*Aga* (Yeah),' I agree.

'*Foo*,' she insists. (von Bremzen)

Приведенные примеры 28–30 обращены к разным культурам (немецкой, таджикской и русской соответственно) и принадлежат к разным жанрам (художественный роман, травелог и кулинарная биография), демонстрируя при этом одну и ту же стратегию конструирования образа персонажа за счет введения иноязычной лексики в сугубо стилистической функции.

Обобщение и выводы

Рассмотрев стратегии конструирования инолингвокультурной личности персонажа на материале текстов вторичной культурной ориентации, обращенных к разным культурам (русской, французской, таджикской) и относящихся к разным стилям и жанрам, можно заключить, что важную роль в этой стратегии играют элементы инолингвокультурного контекста, вводимые в прямую и несобственно-прямую речь персонажей и участвующие в создании их речевых портретов.

Непосредственным эффектом введения названных элементов является культурная атрибуция персонажа; при этом способ их введения – основанный на калькировании или на формальном заимствовании – создает бóльшую или меньшую культурную дистанцию и выбирается автором для передачи дополнительных смыслов и создания стилистических эффектов.

Когнитивная нагрузка на вводимые элементы в подобных случаях сводится к минимуму и выполняется или общим контекстом, или сопровождающим иноязычные заимствования переводом. Это позволяет заключить, что основное предназначение подобных вставок в прямой и несобственно-прямой речи персонажей является стилистическим, т.е. они выступают средством конструирования инолингвокультурной личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гальперин, И.Р.* Стилистика английского языка / И.Р. Гальперин. – Москва : Высшая школа, 1981. – 334 с.

2. *Кабакчи, В.В.* Основы англоязычной межкультурной коммуникации : учеб. пособие / В.В. Кабакчи. – Санкт-Петербург : РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. – 232 с.

3. *Кабакчи, В.В.* Реалии русской культуры в Большом Оксфордском словаре / В.В. Кабакчи // Социальные и гума-

нитарные науки на Дальнем Востоке. – 2015. – № 1 (45). – С. 16–23.

4. *Кабакчи, В.В.* Типология текста иноязычного описания культуры и инолингвокультурный субстрат / В.В. Кабакчи // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы. – Санкт-Петербург : СПбГУЭФ, 2007. – С. 51–70.

5. *Кабакчи, В.В.* The Dictionary of Russia (2500 Cultural Terms). Англо-английский словарь русской культурной терминологии / В.В. Кабакчи. – Санкт-Петербург : Союз, 2002. – 576 с.

6. *Прошина, З.Г.* Проблемы и перспективы транслингвальных и транскультурных контактов / З.Г. Прошина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2016. – № 2 (50). – С. 6–10.

7. *Щирова, И.А.* Многомерность текста: понимание и интерпретация / И.А. Щирова, Е.А. Гончарова. – Санкт-Петербург : Книжный Дом, 2007. – 472 с.

8. *Ecco, U.* The Role of the Reader: Expolorations in the Semiotics of Texts / U. Ecco. – Bloomington-London : Indiana University Press, 1979. – 273 p.

9. *Nochimson, M.P.* World on Film / M.P. Nochimson. – Chichester, West Sussex, U.K. ; Malden, MA : Wiley-Blackwell, 2010. – 460 p.

10. *Venuti, L.* The Translator's Invisibility: A History of Translation / L. Venuti. – London : Routledge, 2008. – 336 p.

11. Corpus of Contemporary American English. – URL: https://www.english-corpora.org/coca/ (accessed: 24.11.2019).

12. *James, D.* Sixteen Seasons: Stories from a Missionary Family in Tajikistan / D. James. – Pasadena, CA : William Carey Library, 2011. – 286 p.

13. *Maugham, W.S.* The Razor’s Edge / W.S. Maugham. – London : Heron Books, 1968. – 313 p.

14. *Towles, A.* A Gentleman in Moscow / A. Towles. – New York : Viking, 2016. – 462 p.

15. *Von Bremzen, A.* Mastering the Art of Soviet Cooking / A. Von Bremzen. – London : Random House, 2013. – 448 p.

DOI:

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ОЛЬГИ ГРУШИНОЙ КАК ПИСАТЕЛЯ ТРАНСЛИНГВА

Е.С. Лебедева

В статье рассматриваются особенности культурно-языковой личности русской англоязычной писательницы Ольги Грушиной. На материале романов писательницы «Жизнь Суханова в сновидениях» (The Dream Life of Sukhanov, 2005), «Очередь» (The Line, 2010) и «Сорок комнат» («Forty Rooms», 2016) были изучены специфические черты, отражающие культурно-языковую личность Ольги Грушиной как писателя – транслингва-монолингва. Тексты романов были проанализированы с точки зрения отражения в них национальной идентичности писательницы, которая проявляется в выборе определенных синтаксических конструкций, а также в ценностных доминантах произведений.

Ключевые слова: культура, языковая личность, культурно-языковая личность, транслингвальность, транслингвальная литература.

CULTURE AND LANGUAGE IDENTITY OF OLGA GRUSHIN AS A TRANSLINGUAL WRITER

E.S. Lebedeva

The article describes the specifics of Olga Grushin's cultural and linguistic personality. Novels by the Russian Anglophone writer ("The Dream Life of Sukhanov", 2005; "The Line", 2010; "Forty Rooms", 2016) have become a great source of material showing the author's national and cultural identity. The novels have been analysed to find the features of Grushin's syntax as well as value dominants representing her culture and language identity.

Key words: culture, translingualism, translingual literature, language personality, culture and language personality.

Культурно-языковая идентичность и транслингвальная литература

Глобализация проникает во все сферы человеческой деятельности, порождая новые явления и придавая новый взгляд и перспективу тем фактам, которые уже давно существуют. Одной из первых ощущает на себе все эффекты процесса глобализации наука о языке, а точнее один из ее разделов – социолингвистика. С огромной скоростью меняются условия бытования мировых языков, их статус, частота и серьезность контактов с другими языками. В поле зрения лингвистов английский язык и его взаимодействие с другими языками находятся уже не оно десятилетие, вопросы билингвизма и многоязычия рассматриваются достаточно давно, и многие из них тщательно изучены и описаны. Однако современная мобильность населения, экономические и социальные изменения позволяют лингвистам говорить о новых явлениях в области взаимодействия языков и культур.

В начале XXI в. ученые начинают активно обсуждать явление транслингвальности. З.Г. Прошина, цитируя Суреш Канагараджа, под транслингвальностью понимает плавный переход от одной лингвокультуры к другой, результатом чего становится в какой-то степени их слияние при отсутствии полной ассимиляции и сохранении лингвокультурной идентичности пользователей языков и в то же время создание смешанных дискурсов [6: с. 6]. Транслингвальность предполагает проницаемость языков, возникновение нового качества обогащенной лингвокультуры. Транслингвы способны успешно использовать языки, находящиеся в их билингвальном репертуаре, порой нарушая нормы и приспосабливая языковые коды к своим целям и специфичным контекстам [6]. Наиболее ярко транслингвальные практики находят свое выражение в современной англоязычной литературе, которая создается авторами на неродном языке. Американский литературовед Стивен Келлман вводит термин «литературная транслингвальность» или «транслингвальная литература» (literary translingualism) и понимает под ним произведения тех авторов, которые «пишут на нескольких языках, либо как минимум на одном, но неродном» [16: с. 16]. Более того, ученый разделяет транслингвальных авторов на транслингвов-моно-

Лебедева Екатерина Сергеевна – старший преподаватель факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Ekaterina Sergeevna Lebedeva – Senior lecturer at Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: chaton17@mail.ru

© Лебедева Е.С., 2020

лингвов (monolingual translinguals), которые пишут только на одном неродном языке, и транслингвов-амбилингвов (ambilingual translinguals), которые пишут на двух и более языках [16: с. 12]. Профессор Адриан Ваннер занимается исследованиями произведений русских авторов транслингвов-амбилингвов, таких как Елизавета Кульман [19], и транслингвов-монолингвов (Владимир Каминер, Лара Вапняр и др.) [20: с. 134]. Джулия Хансен рассматривает различные элементы транглингвальной практики в произведениях русских классиков, например «Войны и мира» Льва Толстого [15], а также современных русских англоязычных авторов транслингвов-монолингвов, таких как Ольга Грушина и др. [17].

Язык произведений транслингвальных авторов представляет собой особенный текст, в котором отражается культурно-языковая личность писателя, в формировании которой участвуют как правило, две культуры, две системы, в случае транслингвов-амбилингвов – больше.

В отечественной лингвистике вопросы культурно-языковой личности освещались разными лингвистами. Научная разработка категории «языковая личность» представлена в трудах таких ученых, как В.В. Виноградов, И.Л. Вайсгербер, Г.И. Богин, А.А. Леонтьев, Ю.Н. Караулов, В.И. Карасик, В.А. Маслова, А.Б. Туманова и др. [9: с. 4]. В теории межкультурной коммуникации языковая личность – это культурно-специфический тип коммуниканта, обладающий культурно-обусловленной картиной мира и системой ценностей, способный к межкультурной трансформации [8: с. 232]. Каждая языковая личность начинается с когнитивно-семантического и прагматического уровней, где и проявляется ее индивидуальность, неординарность. По мнению Н.И. Гайнуллиной, в дискурсе конкретной языковой личности в действие вступают законы построения текста, законы сочетаемости слов и т.п., которые на синтагматическом уровне позволяют говорить о семантике того или иного слова и о тех представлениях и целях, которые преследовал таким использованием слов создатель текста [9: с. 4]. Однако в контексте того, что языковое сознание является частью культурного сознания, В.П. Фурманова интегрирует свойства языковой личности в определении качества субъекта «культурно-языковая личность». Культурно-языковая личность – это интегративное и целостное качество субъекта, обладающего определенным этно- и социокультурным статусом, языковым и культурным информационным запасом, представленным в виде тезаурусов, и способностью его адекватного применения, которое свидетельствует об уровнях владения языком и культурой [10: с. 114].

Культурно-языковая личность представляет собой единство коллективного и индивидуального, которые существуют в неразрывной связи друг с другом. С одной стороны, коллективная память и коллективные аспекты языка складываются из многократно повторенного индивидуального опыта – сложной мозаики индивидуальных вкраплений, словоупотреблений, коммуникативных стратегий и т.д. С другой стороны, индивидуальная личность формируется на основе коллективного опыта и коллективной памяти. Идентичность языковой личности не может сложиться вне человеческого сообщества, ибо она предполагает отождествление себя с другими и анализ себя на фоне других. Таким образом, языковая личность представляет собой сложное переплетение коллективного, преломленного через призму индивидуальности, и индивидуального, вкрапленного в коллективное [5: с. 101].

Культурно-языковая личность многогранна, и исследовать и анализировать ее можно с разных точек зрения: 1) коллективности / индивидуальности; 2) универсальности / национальной специфичности; 3) психофизиологических характеристик; 4) социальной принадлежности; 5) менталитета; 6) лингвокогнитивных подходов; 7) уровня владения языком (родным и иностранным); 8) тезауруса; 9) концептосферы; 10) картины мира; 11) иерархии ценностей [7].

Целью данного исследования было изучить особенности культурно-языковой личности русского англоязычного автора Ольги Грушиной. Материалом исследования послужили романы писательницы («Жизнь Суханова в сновидениях» (The Dream Life of Sukhanov, 2005), «Очередь» (The Line, 2010) и «Сорок комнат» («Forty Rooms», 2016)). Тексты романов были проанализированы с точки зрения отражения в них национальной идентичности писательницы, которая проявляется в выборе определенных синтаксических конструкций, а также в ценностных доминантах произведений.

Анализ синтаксических конструкций

Все произведения Ольги Грушиной отличаются сложным синтаксисом, нагруженными сложными предложениями с различными видами сочинительной и подчинительной связи и обилием параллельных конструкций.

(1) *I've lost her, I've lost her, I've lost her for-ever, little hammers of despair beat inside his heart. And so piercing was his anguish that, without resisting, without thinking, he accepted two odd-looking bluish aspirin from the grinning elevator map, swallowed them with difficulty, his mouth dry, and then stood, closing his eyes in order not to see the pulsating sea of avid faces, stood waiting for his headache to subside, for the nightmare to end* [13: с. 190].

В примере (1) однородные сказуемые *accepted, swallowed, stood* помогают усилить состояние потерянности и отчаяния главного героя, который понял, что потерял свою жену. В этом же предложении мы видим пример синтаксического повтора. В данном случае это дополнение, выраженное инфинитивной конструкцией с предлогом for: *stood waiting for his headache to subside, for the nightmare to end.* Синтаксические повторы и параллельные конструкции также являются примером экспрессивного синтаксиса, с помощью которого автор создает образность и усиливает воздействие на читателя.

(2) *And then he understood how laughable it had been to imagine, only one day ago, that the loss of some romanticized image of a thin-blooded, composed Madonna who for years had graced his idea of a perfect home with a mysterious, elegant presence would be in any way comparable to the loss of this flesh-and-blood woman before him–**this woman** who had once been ready to follow him to whatever amazing new horizons he might take her, **this woman** who could still find the strength to listen to him when he was sad and make him tea when he was tired, **this woman** whose fingertips smelled of fruits and earth…* [13: с. 236]

В предложении (2) используется распространенное дополнение, которое с помощью лексического повтора существительного и синтаксического повтора определительных придаточных усиливает ценность той женщины, которая была рядом с главным героем и которую он потерял.

Анализируя синтаксис Ольги Грушиной, нельзя не отметить очень высокую плотность параллельных конструкций и однородных членов.

(3) *She had **no obliqueness** in her, **no vagueness, no mystery** as she sat there, **young, healthy, content**, listening to a new life, Vasily's life, stirring inside her. And ironically, it was precisely **this simplicity, this clarity, this lack** of depth, so typical of Malinin, that had endeared the portrait to* [13: с. 8].

В этом отрывке мы видим однородные дополнения, выраженные с помощью параллельных конструкций *no obliqueness, no vagueness, no mystery*, однородные подлежащие, которые автор помимо однородности и параллельности снабжает еще и лексическим повтором указательного местоимения this: *this simplicity, this clarity, this lack of depth*. И в этом же отрывке мы находим ряд однородных определений *young, healthy, content*, которые создают образ главной героини, в тот момент ожидающей первого ребенка.

(4) *The people of the line had grown silent, weary, casting furtive glances at the faceless officials who prowled the side-walks, yet at the same time, Anna sensed, there had been, **since the beginning of fall, since the fall of darkness**, an imperceptible drawing closer, quite as if their communal, increasingly dangerous wait **had rubbed their souls raw, had made their emotions transparent, had marked them all with an invisible sign of shared time**, of shared expectation, so that every once in a while they could turn to one another with a kind of heedless, naked urgency and talk as they would talk only to their families, and perhaps not even to them, united by fear and hope and trust under black, pregnant skies* [14: с. 257].

В отрывке (4) из романа «Очередь» мы видим типичное для Ольги Грушиной распространенное предложение с различными видами сочинительной и подчинительной связи, где присутствуют и обособленные однородные обстоятельства, *since the beginning of fall, since the fall of darkness*, которые расширяют хронотоп произведения, и однородные сказуемые, *had rubbed their souls raw, had made their emotions transparent, had marked them all with an invisible sign of shared time,* которые усиливают описание и состояние людей, несколько месяцев стоящих в очереди.

Интересно обратить внимание и на такую синтаксическую особенность Грушиной, как незаконченность предложений. Причем происходит это после того, как автор сначала синтаксически усилит звучание и образность:

(5) *The vision of the unequivocally happy, unquestionably blue-eyed Nina never failed to reassure him, affirming over and over **that everything had been justified**, **that his life was proceeding according to plan**, **that his choice had not been one irreparable, terrible**–* [13: с. 9].

(6) *So perhaps that is the desert through which I am destined to wander– forty rooms, each **a test for my soul, a pocket-size passion play, a small yet vital choice, a minute** step toward becoming **fully awake, fully human**; and by the time I have crossed my own wilderness of forty rooms, I too will be able to see the world as it really is–* [12: с. 305].

Так, в примере (5) параллельные наречия-усилители *unequivocally happy, unquestionably blue-eyed* и однородные придаточные наполняют образ, задают интенсивность и скорость, а затем автор резко обрывает предложение, оставляя читателя в этом накачанном состоянии, состоянии безысходности по сути, потому что в первом и во втором случае герои несчастливы, герои ищут ответы на вопросы, пытаются понять, что происходит и когда, в какой момент они предали самих себя, свою душу. В примере (5) это художник, в примере (6) – поэт. Оба предали свой талант и свое предназначение.

Синтаксис Грушиной отличает не только сложность, но и объем периодов. Объемные нагроможденные одно на другое предложения очень типичны для автора. Подобно Толстому, она нагромождает придаточные предложения, причастные обороты, создавая тем самым свой строй речи, воз-

можно, шероховатый, но дорывающийся до правды, пытающийся дойти до сути внутренних переживаний героев.

(7) *My soul feels swollen with my private certainty, immense with my private joy. For this, I know at last, is why I am here: to experience deeply, my senses a heartbeat away from exploding, then take everything I am* ***feeling – the insignificance of being human, the enormity of being human, the intoxication of being young, the ache of being alone, the dizzy thrill of witnessing the steady rotation of the universe, the cozy warmth of a small wooden house teetering on the edge of a vast Russian forest, of an untamed Russian night*** *– yes, take everything I am seeing and hearing and smelling, every dusty book by a forgotten writer on a shelf, every furtive mouse scurrying under the floorboards, every sneeze of the domovoi, our old brownie, sifting through my childhood clothes in the cluttered attic, every nocturnal flower unfurling in the grass, every sound, every color, every fleeting impression– and use the best words I have to convey it all, to pin it all down, to snatch one single moment from the oblivious flow of impersonal time and make it bright, make it personal, make it forever* [12: с. 44].

В примере (7) можно увидеть, какие объемные и нагроможденные предложения создает Грушина, не изменяя себе, встраивает ряды из однородных определений, лексических и синтаксических повторов. Пример (8) – это сложное предложение, в состав которого входит семь простых предложений, каждое из которых автор утяжеляет причастными оборотами, повторами, однородными членами.

(8) *The hour crossed over the threshold of midnight. Globes of lamplights floated above the pavements, smoking with dense, foggy illumination; dogs held involved conversations in the distance, and, just down the street, a drunken brawl scratched the surface of the darkness with a flash of broken bottle, a flourish of headlights sliding down a blade – and still he sat without moving, seemingly without breathing, until he grew inseparable from the fabric of the spring night alive with pined, joyful, heady longings, with some vast, inarticulate promise; so much so that when, well after two o`clock in the morning, Alexander stumbled inside and made for the pantry without turning on the light, he confused his father`s legs for a shadowy extension of a chair and went sprawling, and cursing, on the floor* [14: с. 121].

Проводя параллель с русскими классиками, в частности Львом Толстым, можно предположить, что сложным синтаксисом Ольга Грушина добивается эффекта «остранения», стараясь удивить читателя, затруднить и при этом освежить восприятие им текста. В.Б. Шкловский писал об «остранении» как о художественном приеме Л.Н. Толстого, используемом писателем при создании образов, однако есть мнение, что «остранение» в произведениях Толстого используется в чисто стилистическом, формальном смысле – как прием затрудненной формы [1: с. 139]. В романах Ольги Грушиной «остранение», возможно, работает подобным образом: сложный синтаксический строй текста переносит акцент читательского внимания на содержание. А тот факт, что в англоязычной прозе Грушиной отражается русская литературная традиция, является подтверждением того, что значительную часть культурно-языковой личности писательницы составляет русская культура, более того сама писательница в подтверждение этого тезиса называет себя русским автором, пишущим на английском языке, живущим в переплетении и смешении двух культур и двух очень разных миров, где оба влияют на произведения, в которых автор как раз и стремится к оригинальному сочетанию обоих [18].

Ценностные доминанты

Одной из характеристик культурно-языковой личности писателя являются слова-доминанты культуры, которые проходят через все произведение. И в романах Ольги Грушиной одним из таких слов является «душа» – *soul.* Душа, духовность являются своего рода несущей конструкцией русской национальной личности [2: с. 184]. Во всех трех романах Грушиной героев терзают душевные муки, сомнения в своих поступках, мысли и вопросы выбора рвут на части их души. И само слово *душа* используется в разных контекстах, и его употребление помогает увидеть «русскость», «русскую душу» автора.

В романах Грушиной «душа» есть не только у человека, но и у чувств, мыслей, слов, искусства. Так, в примере (9) *In this new place, at this unearthly, in-between hour, the chilled, crisp sweetness of an April night enters through the cracked window like some barely audible promise,* ***and souls of banished words are resurrected in guilt-ridden whispers****, in paling print, in a stranger's languid...* [12: с. 31] душу обретают слова; в примере (10) *He hesitated over the phrasing; though he had little knowledge of such matters, dimly he felt that certain sentiments, when written down,* ***lost their souls*** *– yes, certain sentiments, like music, existed only as sounds – sighs, laughter, whispers, gasps – or not at all.* [14: с. 227] – душу теряют мысли. Наделять душой и видеть душу во всем – это типичная черта русского человека, которая характеризует культурно-языковую личность Ольги Грушиной.

Душа русского человека – его самая главная часть, возможно, сущность всего, что есть в человеке, заключается в его душе, поэтому в русской культуре и русском языке распространены следующие варианты сочетаемости существительного: «струны души», «потерять душу», «продать душу», «поселиться в душе».

Ольга Грушина, повествуя об отсутствии смелых и рискованных поступков и мыслях художников, использует метафору музыкального аккорда: (11) *Crushed by the weight of their own credo 'Blessed are the poor in spirit,' they never took risks, never overstepped their boundaries, never tried to set vibrating some new, previously untouched* ***chord in our souls*** –" [13: с. 120]. Однако в переводе на русский в тексте романа появляется струна: «*…никогда не преступали границ, никогда не старались коснуться новой, доселе нетронутой струны нашей души*» [3: с. 149]. Примечательно, что корпус американского варианта английского языка [11] не дает такой коллокации. При поиске строгого соответствия в англоязычном интернете мы также находим ее только у Грушиной, из чего можно сделать вывод об авторской сочетаемости, которая типична для русскоязычного человека.

Главный герой романа «Жизнь Суханова в сновидениях» переживает личный и творческий кризис, теряет любовь и уважение своей жены, которая говорит ему о том, что он потерял свою душу: (12) *…and Nina's breathing gradually assumed a different, measured rhythm, and still I stood in the dark, and after perhaps an hour Nina suddenly said without turning, "You know, Tolya, there is more than one way to* ***lose your soul****"* [13: с. 284]. Словосочетание «потерять душу» имеет библейское происхождение, и такая сочетаемость уже появляется и в корпусе американского варианта английского языка. COCA дает 4 соответствия из текстов разных стилей и жанров.

Душа русского человека хранит не только его чувства и переживания, но и мысли, воспоминания. Так, Грушина употребляет глагол *ferment*, чтобы передать, как в душе героини живет ее прошлое: (13) *I stopped talking because that was my way of preserving the past…all my precious memories, all my untold stories,* ***fermenting in my soul*** *until I walked through my days eternally inebriated with the heady magic of my childhood,…* [14: с. 260]. В переводе на русский язык мы видим ту же метафору: «*драгоценные воспоминания, все неповеданные истории, которые настаивались и бродили в моей душе*…» [4: с. 315]. Метафора брожения, возможно, очень ярко и понятно описывает то, что происходит с воспоминаниями в душе человека, они именно бродят, перевариваются, никогда не успокаиваются. В данном случае возможно говорить об авторской сочетаемости, поскольку корпусный материал не подтверждает наличия выражения «ferment in soul» в английском языке.

Само по себе понятие «душа» как ценностная доминанта культурно-языковой личности автора также находит место в повествовании: (14) *I had already entered my moody adolescence, the age at which big, bloated words (as I once termed them in a fit of self-mockery)–"****soul****," "God," "truth," "beauty"–had gotten hold of me with all the urgency of life-and-death questions demanding immediate answers* [12: с. 43].

Герои всех произведений Грушиной задают себе вопрос о душе, ищут ее, если потеряли, пытаются разобраться, если запутались. Сама автор в своем интервью говорит о том, что через свой язык, полный аллюзий на русскую классику, она пыталась показать образ мышления всего поколения русской интеллигенции шестидесятых годов – несколько возвышенный, серьезный способ отношения к миру, когда высокие слова, такие как «душа», «красота» и «правда», имели повседневный смысл [18].

Таким образом, проанализированные примеры синтаксических конструкций и употребления такой ценностной доминанты русской культуры, как «душа», раскрывают особенности культурно-языковой личности Ольги Грушиной, которая состоит в гармоничной взаимосвязи двух разных культур, где английский язык несет в себе содержание русской идентичности автора. Безусловно, синтаксис писательницы и ценностные доминанты ее произведений не ограничиваются предложенными примерами и будут изучены подробно в более масштабном исследовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архангельская, Ю.В.* Синтаксис Л.Н. Толстого как реализация «приема затрудненной формы» в аспекте своеобразия языковой личности писателя (на материале публицистики) / Ю.В. Архангельская // Вестник Новгородского государственного университета. – 2015. – № 87, Ч. 1. – С. 138–141.

2. *Воробьев, В.В.* Лингвокультурология : монография / В.В. Воробьев. – Москва : РУДН, 2008. – 336 с.

3. *Грушина, О.* Жизнь Суханова в сновидениях / О. Грушина ; пер. Е. Петрова. – Москва : Эксмо, 2011. – 432 с.

4. *Грушина, О.* Очередь / О. Грушина ; пер. Е. Петрова. – Москва : Эксмо, 2013. – 384 с.

5. *Леонтович, О.А.* Введение в межкультурную коммуникацию / О.А. Леонтович. – Москва : Гнозис, 2007. – 368 с.

6. *Прошина, З.Г.* Проблемы и перспективы транслингвальных и транскультурных контактов (введение к тематическому выпуску журнала) / З.Г. Прошина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2016. – № 2 (50). – С. 6–9.

7. *Раренко, М.Б.* Реферат: Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. – Москва, 2005. – 352 с. / М.Б. Раренко // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : реферативный журн. / Институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва). – 2006. – № 4. – С. 59–69. – (Сер. 6: Языкознание).

8. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И.Н. Жукова, М.Г. Лебедько, З.Г. Прошина, Н.Г. Юзефович ; под ред. М.Г. Лебедько и З.Г. Прошиной. – Москва : Флинта : Наука, 2013. – 632 с.

9. *Туманова, А.Б.* Контаминированная языковая картина мира в художественном дискурсе писателя-билингва : монография / А.Б. Туманова. – Алматы : КБТУ, 2010. – 260 с.

10. *Фурманова, В.П.* Межкультурная и культурно-языковая прагматика в теории и практике преподавания иностранных языков (языковой вуз) : дис. … д-ра пед. наук / В.П. Фурманова. – Москва, 1994. – 475 с.

11. (The) Corpus of Contemporary American English (COCA) – URL: https://www.english-corpora.org/coca/ (accessed: 27.10. 2019)

12. *Grushin, O.* Forty Rooms / O. Grushin. – New York : G.P. Putnam`s Sons, 2016. – 341 p.

13. *Grushin, O.* The Dream Life of Sukhanov / O. Grushin. – New York : Penguin, 2007. – 368 p.

14. *Grushin, O.* The Line / O. Grushin. – New York : Penguin, 2010. – 336 p.

15. *Hansen, J.* Reading War and Peace as a Translingual Novel / J. Hansen // Polylinguality and Transcultural Practices. – 2019. – Vol. 16, № 4. – P. 608–621.

16. *Kellman, S.G.* The Translingual Imagination / S.G. Kellman. – Lincoln, NE : University of Nebraska Press, 2000. – 160 p.

17. *Nordin, I.G.* Transcultural identities in contemporary literature / I.G. Nordin, J. Hansen, C.Z. Llena. – Amsterdam, New York : Rodopi, 2013. – 284 p.

18. Ten Questions with Olga Grushin // Politics and Prose Bookstore Coffeehouse. – 2014. – URL: http://www.politics-prose.com/book-notes/10-questions-olga-grushin (accessed: 25.09.2019).

19. *Wanner, A.* A Forgotten Translingual Pioneer: Elizaveta Kul'man and her Self-Translated Poetry / A. Wanner // Polylinguality and Transcultural Practices. – 2019. – Vol. 16, № 4. – P. 562–579.

20. *Wanner, A.* Out of Russia: Fictions of a New Translingual Diaspora / A. Wanner. – Evanston, Il. : North-Western University Press, 2011. – 264 p.

DOI:

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ТРАНСЛИНГВАЛЬНОГО ПИСАТЕЛЯ И ЕЕ СОХРАНЕНИЕ В ПЕРЕВОДЕ

М.Н. Местер

З.Г. Прошина

В статье рассматривается вопрос о сложности проявления культурно-языковой идентичности транслингвального автора, создающего художественные произведения на неродном, но активно функционирующем языке. На примере одного произведения британо-японского писателя, лауреата Нобелевской премии (2017) Кадзуо Исигуро рассматриваются синкретические свойства проявления его японской и английской художественной личности, представляющие проблемы для передачи их на третий язык – язык перевода для русскоязычного читателя.

Ключевые слова: культурно-языковая идентичность, транслингвальный автор, черты японской лингвокультуры в английском произведении, перевод на русский язык.

CULTURAL AND LINGUISTIC IDENTITY OF A TRANSLINGUAL AUTHOR AND CHALLENGES IN MAINTAINING IT IN TRANSLATION

M.N. Mester

Z.G. Proshina

The article discusses the problems of objectivization of a translingual author's cultural and linguistic identity when works of fiction are created in a second language, which is very active in the author's linguistic repertoire. The article analyzes a novel by Kazuo Ishiguro, the British-Japanese author, the 2017 Nobel Prize winner. The focus of attention is on the syncretic manifestation of the author's Japanese and English identity that causes challenges in translating them into Russian, a third language participating in the artistic representation of the novel.

Key words: linguistic and cultural identity, translingual author, traces of the Japanese linguaculture in English fiction, translation into Russian

Введение

Культурно-языковая идентичность человека – достаточно противоречивое понятие уже потому, что, с одной стороны, оно предполагает культурно-языковое своеобразие индивидуума, с другой – соотносит его с определенным социумом, чей язык и культуру он разделяет. О противоречии индивидуального и социального в данном концепте писали Дж. Эдвардс [11], Дж. Дженкинс [14], А. Павленко и А. Блэкледж [22], Р. Хикки и К.П. Амадор-Морено [12] и многие другие. «Идентичность составляет сущность человека и группы и является той соединительной тканью, которая объединяет их» [11: с. 2]. Вместе с тем в современном глобальном и очень динамичном мире данное противоречие не только не разрешается, но, наоборот, углубляется, поскольку идентичность связана уже не с одним языком и не с одной культурой.

В данной статье мы рассмотрим, как проявляется культурно-языковая идентичность транслингвального японско-британского писателя Кадзуо Исигуро, в 2017 г. ставшего Нобелевским лауреатом в области литературы, и с какими трудностями сталкивается переводчик его произведений на русский язык, если он подготовлен к передаче лишь англоязычной идентичности. Термин «транслингвальный автор», созданный С. Келлманом [16–18], означает, что писатель пишет произведение на неродном для себя языке, который, тем не менее, находится в его активном языковом репертуаре. Возможно, именно переводческая сложность отражена в другом термине, предложенном Б. Качру [15], – контактная литература, поскольку эта литература представляет определенный симбиоз культурных и литературоведческих традиций контактирующих языков. При переводе иноязычных авторов, чья

Местер Маргарита Николаевна – магистрант Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова.

Margarita Nikolaevna Mester – Graduate Student, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: Rita.mester@yandex.ru

Прошина Зоя Григорьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории преподавания иностранных языков Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова.

Zoya Grigorievna Proshina – Doctor (Philology), Habil.; Professor, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: Proshinazoya@yandex.ru

© Местер М.Н., Прошина З.Г., 2020

сложная культурно-языковая идентичность неделима, переводчик как бы преодолевает один культурно-языковой барьер. Однако когда речь идет о переводе транслингвальных писателей, этот барьер «удваивается», ведь культурно-языковая идентичность такого автора неоднородна: в ней в равной степени присутствуют элементы лингвокультуры первого и второго языка. Анализируемый нами роман К. Исигуро «Там, где в дымке холмы» (A Pale View of Hills, 1982; перевод 2007) [13] представляет собой чистую синергию культур Запада и Востока, что вызвало трудности у русского переводчика С.Л. Сухарева (1947–2017) [2], который являлся специалистом лишь в области современной британской прозы и не был востоковедом.

Культурно-языковая идентичность К. Исигуро

Если в России изучение культурно-языковой личности правомерно связывают с именами Г.И. Богина (1980) [1] и Ю.Н. Караулова (1987) [3], то за рубежом данный концепт ассоциируют с именем психологов Эрика Эриксона (1950–60-е) [11: с. 15], а затем Генри Тэджфела (Henri Tajfel, 1974), разработавшего теорию социальной идентичности [22: с. 4]. В исследованиях идентичности выделяют три основных направления [22]: *социопсихологическое*, или этнолингвистическое, предполагающее однозначную корреляцию между языком и этнической идентичностью; *интеракциональное* направление, которое базировалось уже на билингвальных и бикультурных отношениях и в котором основное внимание уделялось связям между языком и этническими группами, однако при этом не обращалось внимания на то, что человек может ассоциировать себя с разными группами; *постструктуралистское* направление, характеризующее идентичность во множестве ее проявлений, для которой может быть характерна фрагментарность и гибридизация – все, что также попадает в рамки теории «третьего пространства» Х. Бхабха [9]. Концепт транслингвизма – это и есть проявление теории «третьего пространства», в котором наблюдается проницаемость языков и возникновение нового качества гибкой [21: с. 116] обогащенной лингвокультуры [7: с. 10].

Британский писатель японского происхождения К. Исигуро вступил в это «третье пространство», поменяв свою языковую идентичность, под влиянием внешних причин – переезда семьи в другую страну. Ранний возраст (6 лет) позволил ему овладеть в совершенстве языком и культурой Соединенного Королевства, и как выяснится позднее, написать один из величайших английских романов конца XX в. В отличие от ряда других транслингвальных писателей, использующих в своем творчестве разные языки, К. Исигуро пишет только на английском, вне зависимости от того, идет ли речь о его родине – Японии («Там, где в дымке холмы» 1982, «Художник зыбкого мира» 1986) или о европейских странах («Остаток дня» 1989, «Безутешные» 1995, «Когда мы были сиротами» 2000, «Погребённый великан» 2015 и др.).

Говоря о культурно-языковой идентичности транслингвального писателя, мы не можем выделить одну культурно-языковую доминанту, т.е. мы не можем охарактеризовать К. Исигуро как более «японского» или более «английского» писателя. В своей знаменитой книге «Black, listed» (2019) Джеффри Боакай, британский лингвист африканского происхождения, интересующийся проблемой мультикультурализма, сравнивает смешение культур с приготовлением кекса, где при смешении нескольких различных ингредиентов мы получаем конечный результат принципиально нового качества, не подлежащий дальнейшей дезинтеграции на первоначальные составляющие [10]. Мы настаиваем на распространении этой идеи на творчество транслингвальных писателей и, в частности, К. Исигуро, произведение которого следует воспринимать как манифестацию единства культур Запада и Востока.

Лучше всего данная идея прослеживается в первой крупной работе писателя – «Там, где в дымке холмы» (1982), так как действие романа происходит на территории Японии и Великобритании одновременно. Соответственно, очевидно, что при переводе произведений транслингвальных писателей переводчик должен быть одинаково хорошо знаком с обоими культурными компонентами, в противном случае он не сможет сохранить культурно-языковую идентичность писателя при переводе.

При работе с романом «Там, где в дымке холмы» (1982) мы выяснили, что культурно-языковая идентичность К. Исигуро как транслингвального писателя проявляется на уровне текста (морфемы, лексика, синтаксис) и на уровне гипертекста (культурные традиции, отсылки к произведениям классической японской литературы и пр.). На каждом из этих уровней переводчику приходилось сталкиваться с проявлениями двойственности культурно-языковой личности писателя и принимать непростые переводческие решения. В данной статье приведен подробный анализ того, к каким переводческим потерям ведет непонимание культурно-языковой личности транслингвального писателя.

Морфологический уровень

Иерархические отношения занимают в японском речевом этикете важнейшую роль. Это проявляется на уровне предложения, слова и даже морфемы. Так, в японском языке существует целая группа «именных суффиксов», которые прибавляются к имени человека, в зависимости от того, какую социальную позицию он занимает по отношению к говорящему [6]. Употребив какой-либо

именной суффикс, можно нанести собеседнику оскорбление или, наоборот, выразить ему своё глубочайшее почтение. Так, обращение по фамилии без суффикса – явный признак фамильярности.

Самыми распространёнными именными суффиксами в японском языке являются *-сан* (さん), *-кун* (君), *-тян* (ちゃん), *-сама* (様). Однако в англоязычном тексте романа мы встречаемся лишь с двумя из них: уменьшительно-ласкательным суффиксом *-тян* (см. пример 1) и нейтрально-вежливым суффиксом *-сан* (пример 2), который можно считать эквивалентом обращения по имени-отчеству в русском языке [6] или с использованием титула Mr/Mrs в английском.

(1) "*How did you spend your day today, Mariko?" I asked. "Did you do any drawing?*"

"*I played with Atsu and* ***Mee-Chan***."

"*That's nice. And where do they live? Are they from the apartments?*"

"*That's Atsu" – she pointed to one of the small black kittens beside her – "and that's* ***Mee-Chan***." [13: p. 43]

– Как ты провела день, Марико? – спросила я. – Рисовала?

– Играла с Атсу и ***Ми-Тянем***.

– Отлично. А где они живут? В нашем квартале?

– Вот Атсу, – она показала на черного котенка возле себя, – а вот это ***Ми-Тянь***. [2: с. 53]

(2) *Around that same time, in early summer,* ***Ogata-San*** *came to visit us, his first visit since moving away from Nagasaki earlier that year.* [13: p. 13] *– Приблизительно в то же время, ранним летом, нас навестил* ***Огата-сан*** *– впервые после отъезда из Нагасаки в начале года*. [2: с. 19]

В примере 1 девочка употребляет уменьшительно-ласкательные суффиксы в связке с именами котят (*Mee-Chan*), что вызывает недопонимание со стороны главной героини, которая думает, что речь идет о людях, так как чаще всего данный суффикс употребляется по отношению к детям [6]. При переводе на русский язык суффикс ちゃん (*chan*) чаще всего транскрибируется как «тян» по системе Поливанова[1], реже «чан». Однако С. Сухарев в переводе использует несуществующую форму «тянь» с мягким знаком. Возможно, это связано с тем, что переводчик являлся в первую очередь специалистом по работе с англоязычной литературой, а не востоковедом.

Поскольку японский суффикс *-сан* является примерным эквивалентом обращения Mr/Mrs в английском языке, было бы логично предположить, что обращение Mr/Mrs будет употреблено к английским героям, а *-сан* – к японским (сравните примеры 2 и 3):

(3) *"I suppose so. But don't they ask what I'm doing? Like that old* ***Mrs. Waters*** *the other day?"*[13: p. 95]

– Правда. Но разве они не спрашивают, чем я занимаюсь? Вот как старая ***миссис Уотерс*** *на днях?* [2: с. 121]

Однако, несмотря на кажущуюся синонимичность значений, К. Исигуро использует в тексте романа оба варианта, смешивая их. В тексте встречается частотное употребление американского имени с японским суффиксом (пример 4 – *Frank-San*), и наоборот, японского имени с английским обращением (пример 5 – *Mrs. Fujiwara*):

(4) "*Why do you always go away with* ***Frank-San****?*" [13: p. 45]

Почему ты всегда уезжаешь с ***Фрэнком-сан****?* [2: с. 57]

(5) *You mentioned something the other day. A friend of yours who ran a noodle shop."*

*"****Mrs. Fujiwara****, you mean?"* [13: p. 9]

– О том, о чем вы на днях упомянули. У одной вашей подруги закусочная, где подают лапшу.

– У ***миссис Фудзивара****?* [2: с. 15]

Таким образом, К. Исигуро смешивает в своем романе восточную и западную культуру обращения к собеседнику. Даже внутри одного смыслового блока он ставит по соседству гоноративные японские суффиксы и английские обращения. Является ли этот выбор результатом смешения в сознании автора двух культур или же осознанным стилистическим приемом?

Роман «Там, где в дымке холмы» построен на приеме антитезы, в том числе противопоставление традиционного Востока прогрессивному Западу. Так, тесть главной героини, являющийся в романе символом традиционных японских ценностей, фигурирует в тексте только как «Огата-сан». Ему противопоставляется весьма уважаемая женщина, чья семья разорилась после войны – миссис Фудзивара. Несмотря на свой социальный статус, миссис Фудзивара открывает лапшевню и старается жить настоящим. Таким образом, в романе она представляет собой оплот западных ценностей – деньги, феминизм, отказ от саморефлексии. Подчеркивая эту идею, автор ставит перед ее именем гордое английское «Mrs.». С. Сухарев при переводе сохраняет кальку с английского языка и не склоняет ее фамилию (пример 5).

В устной речи данный суффикс нередко утрачивает свое гоноративное значение. В женском варианте японского языка использование суффикса *-сан* возможно и при общении с близкими людьми, за исключением детей.

(6) *"Hello," I said, "I was just speaking with your mother. You must be* ***Mariko-San****."* [13: p. 7]

– Привет! – сказала я. – Я только что разговаривала с твоей мамой. Ты, наверное, ***Марико-сан****?* [2: с. 13]

Отдельного рассмотрения заслуживает пример 6, где главная героиня обращается к ребенку с

[1] ちゃ / チャ тя (cha).

уважительным суффиксом (*Марико-сан*). Несмотря на то что это идет в разрез с изложенными выше правилами японского этикета, такое обращение встречается в тексте неоднократно. Примечательно то, что женщина ни разу в тексте не использует уважительный суффикс при общении с матерью девочки. Она называет ее «Сатико-сан» лишь единожды, но не напрямую, а при упоминании в официальной ситуации (пример 7):

(7) *"I'll certainly convey your feelings to* ***Sachiko-San****," I said.* [13: p. 85]

– Я, конечно же, расскажу ***Сатико-сан*** *о ваших переживаниях, – сказала я.* [2: с. 107]

Что касается употребления уважительного суффикса с именем ребенка, то можно построить несколько предположений. Менее правдоподобным кажется то, что К. Исигуро уехал из Японии в таком раннем возрасте, что не чувствует тонкостей родного этикета. Более вероятным нам кажется то, что писатель хочет подчеркнуть, насколько неопытна главная героиня в общении с детьми. Она ждет первенца и ее терзают страхи о предстоящем материнстве, поэтому она во что бы то ни стало пытается подружиться с дочерью соседки.

Согласно японскому этикету отсутствие именного аффикса в обращении свидетельствует о фамильярных отношениях, что может быть оскорбительно для собеседника:

(8) "*Ah* ***Ogata****," the pale-faced man said to Jiro, "perhaps we've caught you at a bad time*." [13: p. 31]

– Слушай, ***Огата****, – обратился к Дзиро бледнолицый, – мы, кажется, не вовремя*. [2: с. 41]

Представляется необходимым прокомментировать обращения разных героев к антагонисту романа – мужу главной героини. Отец, на правах старшего, называет его по имени без суффиксов – «Дзиро» (пример 9):

(9) "***Jiro***," *Ogata-San said after several minutes, "I was just wondering. Have you written that letter yet? To Shigeo Matsuda?*" [13: p. 31]

– ***Дзиро****, – заговорил Огата-сан. – Я тут как раз вспомнил. Ты уже написал это письмо? Сигэо Мацуде?* [2: с. 41]

Коллеги обращаются к нему с присущей сверстникам фамильярностью по фамилии без суффикса (пример 8) – «Огата». Единственным элементом, выпадающим из стройной логической картины, является то, как обращается к нему жена. На протяжении всего романа она называет его исключительно по имени без суффикса, даже в общении с другими людьми (пример 10).

(10) *"We're quite settled here now, and* ***Jiro's*** *work is going well. This is the ideal time for this to have happened."* [13: p. 15]

Здесь мы уже вполне обжились, у ***Дзиро*** *на работе дела идут успешно. Для такого события самый подходящий момент.* [2: с. 23]

Объяснение этому лежит в феномене, который Н. Крнета называет «понижение степени вежливости обращения к мужу» в Японии [4]. В традиционном японском обществе статус жены был всегда ниже статуса мужа (правило главенства по старшинству не распространяется на супружеские отношения) [8]. Муж являлся кормильцем семьи, поэтому жена обращалась к нему либо *shujin* 'хозяин', либо *danna* 'барин', либо используя уважительный суффикс *-сан*. Однако после Второй мировой войны японки начали работать, в обществе пошел процесс эмансипации, и женщины стали отвергать устаревшие семейные ценности вместе с женским вариантом японского языка. Таким образом, отсутствие уважительного суффикса в данном контексте показывает предпосылки к готовящимся метаморфозам в главной героине, которая впоследствии уезжает из Японии навсегда.

Таким образом, незаметные на первый взгляд мелочи вроде суффиксов несут в данном случае огромный культурный пласт информации. Некоторые из переводческих решений С. Сухарева при переводе обращений кажутся нам удачными – сохранение слова «миссис» при переводе «Mrs. Fujiwara» оставляет в русском тексте романа дихотомию Запад–Восток. Русифицированный вариант «госпожа» был бы менее уместным в переводе. Однако другие решения С. Сухарева оказались менее удачными, в частности, нестандартное транскрибирование «chan» через «тянь» с мягким знаком по китайскому образцу.

Лексический уровень

Выбор лексических средств в романе К. Исигуро ярче всего раскрывает культурно-языковую идентичность транслингвального писателя. С одной стороны, в тексте присутствуют прямые заимствования из японского языка, придающие повествованию национальный колорит. С другой стороны, К. Исигуро «европеизирует» текст, отказываясь от некоторых типично японских концептов, используя аналог из английского языка, который передает идею не полностью. С. Сухарев при переводе романа стремится сохранить эту тонкую грань, вводя в перевод неологизмы там, где невозможно найти аналогичные явления в русской культуре.

1. **Заимствование или варваризм.**

Для описания реалии японской культуры используется слово, заимствованное из японского языка в английский. Оно сохраняется при переводе на русский язык. Например: *tatami – татами, kimono – кимоно, kujibiki stand/stall – помост с кудзибики.*

Тата́ми (яп. 畳, дословно «складывание; то, что складывается») – маты, которыми в Японии застилают полы домов (традиционного типа). Данный концепт интегрировался в европейскую культуру, так как уже многие годы успешно применяется в западном

интерьере. Переводческих трудностей не вызывает. Употребляется в оригинальном тексте семь раз, в русском переводе присутствует полное совпадение:

(11) *Each apartment was identical; the floors were* ***tatami****, the bathrooms and kitchens of a Western design.* [13: p. 6] – *Все квартиры были одинаковы: полы устланы* ***татами****, ванные и кухни оборудованы по западному образцу*. [2: с.13]

Кимоно́ (яп. 着物, кимоно, «одежда») – традиционная одежда в Японии. Данный концепт также не вызывает переводческих трудностей. Европейский читатель знаком с ним благодаря широкому распространению в массовой культуре через кинематограф и мультипликацию. В тексте слово имеет позитивную коннотацию за счет ассоциации с традиционным укладом и истинным женским изяществом. Употреблено в оригинале 6 раз, что полностью отражено в русском переводе:

(12) *When they appeared again, both mother and daughter had changed into* ***kimonos****.* [13: p. 42] – *Обе – мать и дочка – появились снова переодетыми в* ***кимоно***. [2: с. 55]

Русским аналогом «кудзибики» является «беспроигрышная лотерея», однако поскольку автор сознательно отказывается от термина «win-win lottery», то и переводчик подражает ему, стремясь сохранить своеобразие японской культуры. Как следствие того, что слово «кудзибики» слишком тяжеловесно для русского языка, переводчик использует его не во всех случаях, заменяя в зависимости от контекста на «билет», «помост» или же просто «лотерею»:

(13) *Since it was never my habit to indulge in* ***kujibiki*** *and since it has no equivalents here in England (except perhaps in fairgrounds) I might well have forgotten the existence of such a thing were it not for my memory of that particular evening.* [13: p. 65] – *У меня не было пристрастия к* ***кудзибики****, ничего подобного здесь в Англии нет – разве что на ярмарочных площадях, – и о самом существовании этой забавы я бы наверняка забыла, если бы тот вечер не оставил такого следа в моей памяти.* [2: с. 81]

(14) *I want to try the* ***kujibiki****.* [13: p. 65] – *Я хочу купить* ***билет***. [2: с. 81]

Говоря о прямых заимствованиях, стоит отметить то важное место, которое они занимают в канве текста. Подобно хорошо подобранным декорациям, они оказывают прямое влияние на читателя, погружая его в среду японского быта. Те из них, которые получили широкое распространение на Западе, не вызывают переводческих трудностей, так как имеют устоявшиеся аналоги. Однако менее распространенные, фонетически далекие от русского языка слова, такие как «кудзибики», могут стать камнем преткновения при переводе. При их использовании переводчик соблюдает баланс: с одной стороны, ему нужно сохранить национальный колорит, с другой – не перегрузить текст.

2. **Аналог.**

Для передачи некоторых реалий японской культуры используется аналогичный концепт англоязычной культуры. При переводе он заменяется на русский аналог.

Примером может быть сочетание *noodle shop* – *лапшевня*. Одним из наиболее популярных блюд японской кухни является «*рамен*» – пшеничная лапша в бульоне с добавками. Рамен является так называемой уличной едой, продающейся в небольших палатках. Классическому «*ramen-ya*» или «*ramen shop*» автор текста предпочитает более европеизированный вариант «*noodle shop*». Таким образом, автор отказывается от прямого заимствования из японского языка в пользу аналогичного слова, вербализующего концепт англоязычной культуры – «noodles». Стоит упомянуть, что «noodles» могут быть сделаны из любого типа муки, не обязательно пшеничной.

При переводе на русский язык переводчик сталкивается со следующей трудностью: закусочные подобного типа получили распространение на территории России относительно недавно, поэтому устойчивый вариант перевода еще не был выработан. В настоящее время мы можем встретить, такие варианты, как: *лапшевня, лапшичная, раменная*. Переводчик вербализует данный концепт в тексте формой «закусочная, где подают лапшу», предпочитая описательный метод перевода. Далее мы видим дисперсию[2] средств актуализации единого концепта «noodle shop» в русском тексте, где он передан как «лапшевня», «закусочная» и «заведение»:

(15) *A friend of yours who ran* ***a noodle shop****.* [13: p. 9] – *У одной вашей подруги* ***закусочная, где подают лапшу***. [2: с. 15]

(16) *She could help at the* ***noodle shop***. [13: p. 9] – *Она сможет помогать в* ***лапшевне***. [2: с. 15]

(17) *Her* ***noodle shop*** *was situated in a busy side street; it had a concrete forecourt under the cover of an extended tool and it was there her customers ate, at the wooden tables and benches.* [13: p. 9] – *Ее* ***заведение*** *располагалось на оживленной боковой улочке: посетители ели за деревянными столами на внешнем дворике с бетонным полом под прикрытием широкой крыши.* [2: с. 15]

Палочки для еды, о-хаси (chopsticks, o-hashi) – традиционный столовый прибор в Японии. В тексте ими пользуются только мужчины. В основном палочки упоминаются в связи со свекром главной героини. Вероятно, таким образом автор подчеркивает его статус как оплота «традиционного японского уклада» в романе. Важно отметить, что с использованием пало-

[2] О переводческой дисперсии см. работы Е.Л. Лысенковой [5].

чек связан строгий этикет. Так, не следует класть палочки поперек чашки или указывать ими на предметы, что именно и делает один из героев (пример 18). Это несоответствие между словами и действиями героя могут заметить лишь те читатели, которые знакомы с японским застольным этикетом.

(18) *Ogata-San pointed at his bowl with his* ***chopsticks.*** [13: p. 79] – *Огата-сан показал* ***палочками*** *на свою чашку.* [2: с. 99]

Название сезона дождей в Японии – rainy season. В японской культуре существует концепт «цую» (tsuyu) – сливовые дожди, обозначающий сезон дождей, длящийся с конца мая по июль. В английском тексте автор использует фразу “rainy season”, не вдаваясь в национальную специфику. В русском же переводе концепту «rainy season» соответствуют «июньские дожди» или же просто «дожди». Во втором случае своеобразие японской культуры утеряно при переводе.

(19) *It was one of the first days of bright sunlight after the* ***rainy season*** *in June.* [13: p. 5] – *После* ***июньских дождей*** *едва ли не впервые выдался такой яркий солнечный день.* [2: с. 11]

(20) *The river that morning was still quite high and flowing swiftly after the* ***rainy season*** *a few weeks earlier.* [13: p. 7] – *Вода в реке тем утром еще не убыла, и после* ***дождей*** *ливших несколько недель, течение было быстрым.* [2: с. 13]

В своем романе для обозначения порции еды, упакованной в коробку с крышкой и называемой «бэнто», К. Исигуро использует англоязычное наименование *lacquer lunch-box*. Несмотря на широкое распространение слова *bento* в европейской культуре, что вызвано популярностью японской кухни, автор сознательно отказывается употреблять его, заменив на традиционный для европейцев “lunch box”. В русском переводе вышел достаточно широкий разброс соответствий, так как единому концепту «lunch-box» соответствуют 4 разных переводных слова: *еда с собой, коробочка со снедью, коробка с обедом, коробка для провизии*.

(21) *Well, let me pack you a* ***lunch-box****, it won't take a minute.* [13: p. 15] – *Что ж, возьмите* ***еду с собой****. Я мигом ее упакую.* [2: с. 21]

(22) *I handed him the lacquer* ***lunch-box.*** [13: p. 16] – *Я вручила Огате-сан лакированную* ***коробочку со снедью.*** [2: с. 23]

(23) *Ogata-San thanked me once bore for the* ***lunch-box*** *before leaving.* [13: p. 17] – *Уходя, Огата-сан еще раз поблагодарил меня за* ***коробку с обедом.*** [2: с. 23]

(24) *There still remained in our* ***lunch-boxes*** *some biscuits and chocolates, so we sat down for a snack atone of the picnic tables.* [13: p. 59] – *В наших* ***коробках для провизии*** *еще оставались печенье и шоколад, и мы сели перекусить за один из столиков для пикника*. [2: с. 75]

Подводя промежуточный итог, отметим, что К. Исигуро, несмотря на свое японское происхождение, все же в значительной степени ориентирован на западного читателя. Именно поэтому он отказывается от прямого заимствования японских концептов в тех случаях, когда возможна замена на аналогичный европейский концепт, без значимого ущерба для смысла. Таким образом, заимствования второго типа составляют определенную переводческую трудность при переложении на русский язык, так как не всегда имеют прямое или устоявшееся соответствие. Из этого следует, что слово, обозначающее единое явление в японской культуре, из-за размытости английского аналога переводится на русский язык двумя и более способами, что ведет к потере культурного своеобразия при переводе.

Сохранение культурных концептов на синтаксическом уровне

Передача национального своеобразия японской культуры в тексте англоязычного романа К. Исигуро “A Pale View of Hills” происходит не только на лексическом уровне, т.е. за счет вкрапления в текст инолингвокультурного субстрата, но и на синтаксическом уровне. Нередко это происходит благодаря использованию в речи героев некоторых синтаксических конструкций, характерных для японского языка. Совершенно не типичные для английского языка многочисленные рефренные повторения и обращения к человеку в третьем лице смотрятся в текстах К. Исигуро уместно и лаконично. Можно считать их осознанным стилистическим приемом, направленным на создание японского колорита там, где автор считает это необходимым. Задачей же переводчика является полное сохранение данного эффекта.

Значительную часть романа «Там, где в дымке холмы» составляют диалоги между главными героями. Первое, что бросается в глаза при чтении – это многочисленные повторы одних и тех же реплик. Причем следует разделять два случая: 1) герой повторяет реплику, сказанную собеседником (пример 25); 2) герой повторяет свое собственное высказывание несколько раз (пример 26).

(25) *“We're leaving for* ***America*** *within the next few days.” “****America****?”* [13: p. 19]

– Через несколько дней мы уезжаем ***в Америку****. –* ***В Америку****?* [2: с. 25]

(26) *“I know* ***why Mother asked*** *you to come here. It's because the woman might come again. That's* ***why Mother asked*** *you. She saw her out there. That's* ***why she asked*** *you.”* [13: p. 43]

– Я знаю, ***почему мама попросила вас*** *к нам прийти. Это потому, что та женщина может снова прийти. Вот* ***почему мама вас и попросила****. Она видела ее вон там. Поэтому* ***вас и попросила.*** [2: с. 53]

Мы настаиваем, что к перенесению особенностей японского синтаксиса на английский язык относится лишь первый случай, так как второй, хотя, несомненно, тоже является осознанным выбором автора, носит характер чисто литературного приема, а именно эффекта «саспенса», или неопределенности и тревожного ожидания.

Исследования, посвященные разнице культурных ориентиров в разговорах японцев и англичан, показали, что повторение реплик за собеседником встречается в японском языке 4,08 раз минуту, в то время как в английском всего 1,43 за тот же период времени [20]. Таким образом, повторения встречаются в японском языке в 3 раза чаще, чем в английском. Причем если англоговорящий собеседник с большей вероятностью повторит прецизионную информацию (кто? где? когда?), то японец будет больше сфокусирован на чувствах и внутреннем мире того, с кем разговаривает (о чем он/она думает? что он/она чувствует?)

Тисато Койкэ из университета Миннесоты в своем исследовании (1998) выделяет несколько смысловых функций повторения в японском языке [19]. Их можно свести к следующим базовым категориям:

1) повторение для выражения согласия с собеседником (agreement and shared feelings);

2) уточнение (indicate understanding/request clarification);

3) принятие информации к сведению (adoption);

4) вопрос (questioning);

5) ответ (answer);

6) подтверждение (confirmation);

7) заполнение паузы (filling space/ reflection before answer);

8) выражение радости (enjoyment);

9) выражение несогласия (disagreement);

10) для поддержания разговора (linking and contribution).

Как мы видим, функции повторения в японском языке имеют совершенно разные, порой диаметрально противоположные значения (например, выразить согласие – выразить несогласие). К. Исигуро мастерски вставляет многочисленные повторения в диалоги своих героев, так что они смотрятся абсолютно естественно и не вызывают у англоязычного читателя никакого отторжения. Ниже приведены некоторые из примеров повторений в диалогах романа “A Pale View of Hills” и переводческие решения С. Сухарева.

(27) *“I’m adding* ***an omelette****. You’re very fortunate, Father, I’m in such a generous mood.”*

*“****An omelette****. You must teach me how to do that. Is it difficult? ”* [13: p. 15]

– Хочу добавить ***омлет****. Вам повезло, отец, я сегодня добрая.*

– ***Омлет****. Ты должна меня научить, как его готовят. Это трудно?* [2: с. 21]

*(28) “****How are you getting on*** *here?” I asked her.*

*“****How am I getting on****? Well, Etsuko, it’s certainly an amusing sort of experience, working in a noodle shop.”* [13: p. 11]

– ***Как вы*** *там? – спросила я. –* ***Как я****? Знаете, Эцуко, это и вправду забавно – работать в лапшевне.* [2: с. 19]

С. Сухарев как переводчик блестяще справился с передачей «ощущения» японского синтаксиса в русском тексте романа К. Исигуро «Там, где в дымке холмы». Русский язык, подобно английскому, склонен избегать тавтологии и излишних повторений. Однако в переводе реплик героев многочисленные переспрашивания лишь придают живость повествованию.

Еще одной особенностью японского синтаксиса является возможность обращаться к собеседнику через третье лицо. Это идет вразрез с русским поведенческим кодом, где упоминание присутствующего человека в третьем лице считается невежливым. Для понимания этого феномена необходимо близкое знакомство с культурой японского речевого этикета, полностью построенного на иерархическом восприятии общества: старший–младший, начальник–подчиненный, мужчина–женщина, и т.д.

Местоимения 2-го лица считаются в японском языке невежливыми [8]. Именно поэтому их избегают при обращении к людям с более высоким статусом обществе. Это же правило распространяется и на старших членов семьи. При обращении к старшему родственнику необходимо употребить нужную степень родства, включающую в себя уважительный суффикс: *отец – otoosan, мать – akasan, старшая сестра – neesan* и т.д. Эти же термины используются при обращении к соответствующим родственникам жены/мужа. Называть человека по имени в такой ситуации неуместно [8]. Причем правила эти соблюдаются вне зависимости от того, находится ли старший родственник рядом с тобой в данный момент или же просто упоминается в разговоре.

Рассмотрим несколько примеров из романа К. Исигуро «Там, где в дымке холмы», иллюстрирующих уважительные обращения к главе семейства.

(29) *But then I had known him as “Ogata-San” for such a long time – since long before I had ever met Jiro – I had never got used to calling him “Father”.* [13: p. 13]

Но я так давно знала его как «Огата-сан» – задолго до встречи с Дзиро, – что так и не сумела научиться называть его «отец». [2: с. 19]

(30) *In bed that night, before we fell asleep, I said to Jiro: “I hope Father’s quite content with the way we’re receiving him.”* [13: p. 17]

В постели, готовясь заснуть, я сказала Дзиро: – Надеюсь, отец доволен тем, как мы его принимаем. [2: с. 23]

Пример 29 иллюстрирует изменение обращения женщины к старшему мужчине с нейтрально-

вежливого «Огата-сан» на уважительное «отец», после того, как она выходит замуж за его сына. В примере 30 присутствует уважительное обращение к старшему родственнику в его отсутствие.

В английском варианте автор не использует «otoosan», включающее в себя уважительный суффикс. Однако он передает идею почтения с помощью заглавной буквы в слове «Father». Переводчик же упускает этот момент из вида, оставляя типичное для русского языка написание слова «отец» с маленькой буквы. Не найдя возможности компенсации, С. Сухарев при переводе потерял характерную для японского языка идею уважения к старшим, заложенную в синтаксис оригинала.

Заключение

Безусловно, работа с текстами транслингвальных писателей представляет большую сложность для переводчиков. Основной проблемой является сохранение культурно-языковой идентичности авторов, которая представляет собой синергию языков и культур двух народов.

С. Сухарев, переводчик К. Исигуро, – блестящий знаток современной британской прозы, был поставлен в тупик некоторыми элементами японской лингвокультуры, встретившейся ему в тексте романа «Там, где в дымке холмы» (1982). Так, на морфологическом уровне им не всегда корректно передавалось значение гоноративных суффиксов, являющихся индикаторами социального статуса собеседников относительно друг друга. На лексическом уровне С. Сухарев столкнулся со сложностью при переводе тех японских реалий, которые сам автор передал через аналогичные реалии европейской культуры. В этом случае возник эффект перевода с перевода, аналогичный «испорченному телефону», где первоначальный смысл либо исказился, либо был утерян. На уровне предложений С. Сухарев иногда терял японскую идею уважения к старшим, заложенную в синтаксис оригинала.

Подводя итог, необходимо отметить, что для работы с текстами транслингвальных писателей переводчик должен одинаково хорошо разбираться в обеих составляющих культурно-языковой идентичности писателя. Только в этом случае у переводчика хватит фоновых знаний для полной передачи смысла, заложенного автором в текст.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богин, Г.И.* Современная лингводидактика / Г.И. Богин. – Калинин : Калининский гос. ун-т, 1980. – 61 с.
2. *Исигуро, К.* Там, где в дымке холмы / К. Исигуро ; пер. С. Сухарева. – Москва : ЭКСМО, 2007. – 224 с.
3. *Караулов, Ю.Н.* Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – Москва : Наука, 1987. – 216 с.
4. *Крнета, Н.* Формы обращения в японской семье / Н. Крнета, // japlang.ru – справочный портал. – Москва, 2003. – URL: http://www.japlang.ru/from_int/family.htm (дата обращения: 14.12.2019).
5. *Лысенкова, Е.Л.* О законе переводной дисперсии / Е.Л. Лысенкова // Вестник Моск. ун-та. – 2006. – № 1. – С. 111–118. – (Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация).
6. *Пашковский, А.А.* Слитные именные словосочетания в японском языке / А.А. Пашковский. – Москва, 1963. – 25 с.
7. *Прошина, З.Г.* Проблемы и перспективы транслингвальных и транскультурных контактов (введение к тематическому выпуску журнала) / З.Г. Прошина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2016. – № 2 (50). – С. 10–13.
8. *Ямамото, Ю.* Японские дети слушают старших и едят рис / Ю. Ямамото ; ред. К. Сечакева. – Москва : АСТ, 2015. – 288 с.
9. *Bhabha, H.* The Location of Culture / H. Bhabha. – London, New York : Routledge, 1994. – 285 p.
10. *Boakye, J.* Black, Listed: Black British Culture Explored / J. Boakye. – London : Dialogue Books, 2019. – 416 p.
11. *Edwards, J.* Language and Identity: An Introduction (Key topics in sociolinguistics.) / J. Edwards. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009. – 314 p.
12. *Hickey, R.* Linguistic identities in Ireland – Contexts and Issues / R. Hickey, C.P. Amador-Moreno // Irish Identities – Sociolinguistic Perspectives / Raymond Hickey and Carolina P. Amador-Morena (eds.). – Berlin : De Greuter Mouton, 2019. – P. 11–33.
13. *Ishiguro, K.* A Pale View of Hills / K. Ishiguro. – London : Faber and Faber, 1982. – 192 p.
14. *Jenkins, J.* English as a Lingua Franca: Attitude and Identity / J. Jenkins. – Oxford : Oxford University Press, 2007. – 284 p.
15. *Kachru, B.B.* The bilingual's creativity: Discoursal and stylistic strategies in contact literatures in English / B.B. Kachru // Studies in the Linguistic Sciences. – 1983. – Vol. 13, № 2. – P. 37–55.
16. *Kellman, S.G.* Literary Translingualism: What and Why? / S.G. Kellman // Полилингвиальность и транскультурные практики. – 2019а. – Т. 16, № 3. – С. 337–346.
17. *Kellman, S.G.* Switching Languages: Translingual Authors Reflect on Their Craft / S.G. Kellman. – Lincoln, NE : University of Nebraska Press, 2003. – 331 p.
18. *Kellman, S.G.* Translingual Writers: Introductory Notes / S.G. Kellman // Полилингвиальность и транскультурные практики. – 2019б. – Т. 16, № 1. – С. 9–12.
19. *Koike, C.* Analysis of the Uses of Alla-Repetition in Japanese Conversation in Terms of Prosody and Nonverbal Behavior / C. Koike // Storytelling across Japanese Conversational Genre. – Minnesota : University of Minnesota Press, 1998. – P. 247–256.
20. *Machi, S.* How repetition operates in Japanese and English: Introducing different cultural orientations towards conversation. 2012 / S. Machi. – URL: http://elsj.jp/wp-content/uploads/Saeko-Machi.pdf (accessed: 16.12.2019)
21. *Norton, B.* Identity and language learning / B. Norton, K. Toohey // Oxford Handbook of Applied Linguistics / Ed. by R. Kaplan. – Oxford : Oxford University Press, 2002. – P. 115–123.
22. *Pavlenko, A.* Introduction: New Theoretical Approaches to the Study of Negotiation of Identities in Multilingual Contexts / A. Pavlenko, A. Blackledge // Negotiation of Identities in Multilingual Contexts. / A. Pavlenko and A. Blackledge (eds.). – Clevedon : Multilingual Matters, 2004. – P. 1–33.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

DOI:

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА

Н.Е. Медведева

В условиях информационной войны все более очевидной становится зависимость политической власти от возможностей осуществлять информационное противоборство во внешне- и внутриполитической сферах. В этой связи особую актуальность приобретает изучение механизма структурирования «действительности» и построение национальной картины мира, создаваемой политическим лидером.

Ключевые слова: информационная война, интерпретация, национальная картина мира, вопросы международной политики, языковая личность, национальные интересы.

LANGUAGE PERSONALITY IN THE CONTEXT OF INFORMATION WARFARE

N.E. Medvedeva

The article discusses the rhetoric and language personality of a political leader whose strategic success under the conditions of information warfare greatly depends on how adequately he interprets political reality to shape people's thoughts and attitudes. The paper investigates the discourse strategies and tactics used by the language personality to form «national political picture of the world».

Key words: information warfare, interpretation, national political picture of the world, issues of international policy, linguistic identity, national interests.

Условия современного информационного общества превратили границы государства в технологически проницаемые, и информационная война в ее масштабах представляет беспрецедентную угрозу для национальных обществ. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации отмечается, что сегодня «все большее влияние на характер международной обстановки оказывает усиливающееся противоборство в глобальном информационном пространстве, обусловленное стремлением некоторых стран использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения своих геополитических целей, в том числе путем манипулирования общественным сознанием и фальсификации истории» [12: п. 21]. О принципиально новой роли информации говорится и в «Единой доктрине информационных операций» Комитета начальников штабов ВС США, согласно которой информация стала представлять собой и цель воздействия, и оружие воздействия, и сферу деятельности ВС США [16: с. 1–18]. Успехом в информационной войне государств можно считать эффективное воздействие на сознание всех слоев населения с целью ослабления и разрушения основ национального самосознания и подведение государства-противника к принятию выгодных доминирующей стороне решений. Комплекс мер может включать в себя и агрессивные действия, такие как распространение фейковых новостей, слухов, генерация страхов через социальные сети и новостные агентства, и сложную стратегическую работу по влиянию на конкретных лиц, принимающих решения, надлому бытующих в массовом сознании стереотипов, вплоть до перевода населения на другую картину мира.

В условиях информационно-психологической агрессии перспективы выживания и развития общества напрямую зависят от способности государства поддерживать и защищать национальные интересы и национальную систему ценностей. Данная способность определяется уровнем интеллектуального ресурса нации и той важной ролью, которую играет национальный лидер в репрезентации политической картины мира через эмоциональное воздействие на аудиторию. Картина мира, как извест-

Медведева Наталья Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государствкнного университета им. М.В. Ломоносова.

Natalya Evgenievna Medvedeva – Doctor (Philology), Associate Professor of the Department of Theory of Foreign Language Teaching at Lomonosov Moscow State University.

E-mail: nemedvedeva@list.ru

© Медведева Н.Е., 2020

но, проявляется в знаковых и символических системах, важнейшей из которых выступает язык.

Признавая опасность манипулятивных технологий, направленных на навязывание чужеродной палитры социально-политических настроений и смену психологических парадигм [5], сосредоточимся в рамках настоящей статьи на рассмотрении дискурсивных стратегий языковой личности Рамзана Кадырова, позволяющих лидеру Чеченской Республики воздействовать на общественное сознание с целью укрепления глубинных механизмов «национально-культурного иммунитета». Вслед за Ю.Н. Карауловым под языковой личностью политического лидера будем понимать «совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью» [6: с. 8]. Другими словами, языковая личность политика представляет собой дискурсивно-текстовый феномен, в котором через разные тексты с различной степенью интенсивности проявляются надындивидуальные и индивидуальные черты. Поскольку речь политического деятеля обладает сложным авторством, в качестве материала исследования были выбраны интервью Президента, данные им российским теле- и радиоканалам в период с 2009 по 2019 г., ведь речь, согласно Д.С. Лихачеву, характеризует человека и его умение мыслить. И верный способ узнать человека – прислушаться к тому, что и как он говорит [7].

Глава Чеченской Республики входит в число наиболее заметных и уважаемых политиков России. Так, по подсчетам «Медиалогии», «…если в 2014 г. ему было посвящено 67 тысяч журналистских публикаций, то в 2015 г. – уже 130 тысяч» [18]. В «2016 г. Республику упомянули 316,6 тыс. раз, что немного выше медианного показателя упоминаемости российских регионов в этом же году (294 тыс. раз)» [26].

Заместитель директора «Левада-центра» Алексей Гражданкин, комментируя популярность чеченского лидера, приводит следующие данные: «В исследовании 2015 г. мы обнаружили, что количество людей, которые считают, что Рамзану Кадырову можно доверять, увеличилось до 55 %, противоположной точки зрения придерживались 26 %. В оценке эмоций 56 % респондентов испытывали к Кадырову "положительные чувства", из них 21 % – "уважение", 14 % – "симпатии", 21 % – "неопределенно положительное чувство"» [28]. По данным того же «Левада-центра», в 2017 г. Кадыров вошел в десятку общественных деятелей, пользующихся наибольшим доверием россиян [25], и сегодня он занимает в этом рейтинге седьмую строчку, опережая Патриарха Кирилла и мэра Москвы Сергея Собянина. Представляется, что народу нравится транслируемый Кадыровым образ. Что же привлекает аудиторию в образе главы Чеченской Республики?

В отличие от многих политиков, избегающих конфликтного общения и проявляющих осторожность, Кадыров никогда не стремился предстать перед публикой «белым и пушистым». Намеренное использование неточного языка как средства, позволяющего политику избегать крайностей и занимать нейтральную позицию при обсуждении спорных вопросов, совершенно не типично для чеченского лидера, напротив, он не стесняется открыто декларировать собственное мнение, и это его принципиальная позиция: *я всегда говорю, что уважаю того человека, кто защищает свою позицию и идет напролом* [20].

1. Но когда я вижу несправедливость, я не могу молчать. Все равно – хотим мы, не хотим – я свою точку зрения высказываю. И я, может, из-за этого могу навредить своему народу [20].

2. Нас не может устраивать предлагаемый Минфином вариант проекта бюджета. Если и дальше продолжится практика урезания бюджета, республика не сможет развиваться, нам не удастся выполнить взятые на себя социальные обязательства [27].

И еще один недвусмысленный комментарий Рамзана Кадырова по поводу решения МОК о запрещении российским спортсменам выходить под российским флагом на Олимпиаде-2018: *Но Олимпиада – это спортивное мероприятие, поэтому я считаю, что абсолютно неправильно, если наши спортсмены будут искать другие государства и будут бороться под другими флагами. Это позор для всех государств, которые пытаются так поступать, и позор тем нашим спортсменам, которые будут выступать под другим флагом. Им нужно просто отказаться и все* [23].

Глава Чечни бескомпромиссен и непримирим по отношению к любым противникам России. Он неоднократно выступал с резкой критикой российской либеральной оппозиции и США, наделяя их россыпью красочных эпитетов – *шакалья стая, продажные шавки, цепные псы США, враги народа, полоумный сброд*...

Кадыров намного чаще, чем остальные региональные политики, высказывается по вопросам международной политики. При этом он не только проявляет знание исторического фона, понимание текущей ситуации и предшествующих процессов, но и демонстрирует способность дать адекватное вербальное описание происходящим событиям.

3. Используя Украину как инструмент, США преследуют далеко идущие цели. Были Ливия и Си-

рия – в этих странах Америка снабжала оружием террористов, экстремистов. Сейчас она переключилась на Украину [24].

4. Кавказ – это хребет России, это безопасность в первую очередь. Поэтому на Кавказе больше воинов, чем в других округах. Потому что во все времена здесь происходили военные действия. И всегда для России, для царской России, всегда мы давали воинов. И воины всегда достойно выполняли приказы президентов и царей. И на сегодняшний день то же самое [23].

5. Сегодня мы видим политику Запада, они разрушают государства и уничтожают целые народы. И это называется демократия. Их близкие люди были Садам Хуссейн, Каддафи. Они их всех уничтожили. То же самое хотели сделать и в Сирии [20].

7. То, что было в Сирии, – это то, что было у нас. Тот же сценарий, те же хозяева и те же шайтаны. Разницы никакой. Но ребята полностью изучали там ситуацию и готовы, в случае необходимости, выполнять и другие задачи [24].

Из приведенных примеров видно, что информация подается оратором путем типизации событий, которые фиксируются в социальном опыте и сознании индивида. Вербально это выражается повторами *во все времена, всегда, то, что было, тот же сценарий, то же самое.* Психологи отмечают важность «принципа постоянства» при восприятии политической информации, поскольку люди предпочитают интерпретировать политические стимулы в соответствии со своими уже сложившимися пониманиями и ожиданиями [14]. В информационной войне, когда широкие слои общественности, находясь в постоянном информационном шуме, еще не выработали механизмов сопротивления деструктивному манипулятивному воздействию, а противник умело пользуется возможностью неоднозначных трактовок поступающих сообщений, «принцип постоянства» оказывается полезным инструментом, подсказывающим аудитории вектор интерпретации происходящего события [4].

В условиях информационного противоборства важная стратегическая роль в плане защиты сознания общества принадлежит социально-политическим установкам, которые выполняют роль компенсатора когнитивного дефицита, так как моделируют реакцию людей не только на знакомые, но и на неясные, непонятные социально-политические процессы, позволяют, таким образом, минимизировать риски и опасность [3] при структурировании политиком картины реальности. По мнению Г.Г. Дилигенского, социально-политические установки содержат когнитивный и эмоциональный (или ценностный) компоненты. Последний представляет особую значимость, поскольку эмоции компенсируют дефицит необходимой информации, заполняя имеющиеся когнитивные лакуны: «…установка, не имеющая отчетливо выраженного эмоционального компонента, скорее всего, является "слабой" и не играет большой роли в мотивации и поведении человека» [3: с. 156]. Того же мнения придерживаются Ч. Элдеру и Р. Коббу, подчеркивая, что «людей в политические группы объединяет не столько однородность мотиваций, сколько общность аффективных реакций» [15: с. 116]. Из этого следует, что одинаковые эмоциональные реакции на определенные ситуации будут способствовать социальной солидарности или отчуждению. Рассмотрим более подробно, как это проявляется в речах главы Чеченской Республики. В силу того, что объем статьи не позволяет отразить всего многообразия применяемых речевых стратегий, проанализируем наиболее частотные.

Оппозиция ***«свои–чужие»*** является не только культурной константой, которая определяет специфику политического, но играет ведущую роль в формировании ориентационного пространства в условиях информационного противостояния. К специализированным знакам интеграции относятся следующие маркеры «свои», характерные для речей Рамзана Кадырова.

– Инклюзивное *«мы», «нас», «наши», «свои».*

*7. У **нас** так принято, если кто-то накосячил, то весь род отвечает за это. Институт семьи у **нас** всегда был сильным. ... Институт семьи если **мы** разрушим, то станем **европейцами*** [20].

*8. У **нас, у чеченцев**, богатая история. **Мы** третья нация в России. 1 400 000 уже проживает в Чечне, а так еще несколько миллионов в других регионах и за рубежом. **Мы** не просто хулиганы, которые присоединились к России. **Мы** всегда были **достойные граждане**, так что не пытайтесь избавиться от **нас*** [20].

*9. **Мы** не Америка, у **нас** свобода слова и демократия превыше всего. **Мы** не говорим об этом, что демократию и свободу слова **мы** защищаем, а просто делаем* [20].

*10. **Мы** будем уделять больше внимания и ужесточим борьбу против этих шайтанов. ... Третью кампанию у **нас мы** не потерпим, поэтому **мы** пойдем на все, чтобы был мир на территории республики* [24].

– Лексемы совместности *«вместе», «все», «единство».*

*11. Мой народ понимает, когда ты находишь с ним общий язык, находишь частоты. Власть и общество – **мы все** должны быть **вместе*** [23].

– Формулы причастности *«как и все».*

*12. Вы знаете, что сейчас у нас сложности, ситуация сложная **вокруг нашего государства, и, соответственно, в Чеченской Республике*** [20].

13. …сложности – из-за того, что введены ***санкции против России. В частности, против нас*** [20].

14.Мы знаем, что такое терроризм, что такое война. Поэтому мы совместно с народом боремся с этим злом ***и в России в целом, и, в частности, в Чеченской Республике*** [24].

Характерно, что семантикой кода **«я – свой»** политик пользуется не столько для обозначения референта или политической ситуации, сколько в качестве доказательства приверженности определенной идеологии и принадлежности к определенной группировке, потому что семантика **«присоединение к...»** создает видимость общих интересов. Здесь весьма показательным является частое повторение Кадыровым слова *«уверен»* и фразы *«Россия своих не бросает»*, столь характерное для речей Президента РФ В.В. Путина.

15. ***Уверен,*** *что этот год, … будет трудным, но Чеченская Республика справится, год будет успешным* [27].

16. ***Уверен,*** *что те, кого посадили за Немцова, – невиновны* [20].

Подобная разновидность цитирования (интертекст) может рассматриваться как апелляция к авторитету. По мнению Л.В. Минаевой, «…чужое слово в речи политика, как правило, является средством усиления идеологического содержания речи» [9: с. 45]. Тактика единения, подчеркивание общности интересов и ценностных ориентаций России и Чеченской Республики является идеологемой в выступлениях Рамзана Кадырова.

17. Америка ведет политику против России, против руководства государства. Они знают, что я один из тех, кто готов отдать жизнь за Россию [22].

18. И народ выразил желание жить в составе России и выступил против войны. Я никогда не был против или вместе с федеральным центром. Я всегда был с народом! И мой народ обязал нас служить этой стране. И моя религия тоже обязывает нас быть преданным Верховному главнокомандующему, поскольку он разрешает нам свободно исповедовать Ислам, строить мечети. Поэтому я убежденный пехотинец Путина. И я готов выполнить приказ любой сложности, чтобы защитить интересы нашей великой Родины [24].

19. Им не нравится, что президент Путин победил и защитил интересы простых граждан в Чечне, точно так же, как в Крыму. Поэтому весь мир объединился против нашей страны, нашего руководства. Они ищут любую возможность противодействовать президенту Путину и пытаются использовать меня для этого [24].

В приведенных примерах примечательно употребление местоимений ***я*** и ***мы***, которые показывают, как видит себя человек: частью некоего целого (***мы, наши, у нас***) или отдельным индивидом (***я***), противостоящим целому. Для Кадырова Я – это мы, чеченский народ, а мы – это Россия, наша Родина. Патриотизм звучит явно и бескомпромиссно [8]. Справедливости ради следует сказать, что Кадыров прилагает много усилий по повышению на международном уровне статуса и притягательности России.

20. Мы – великая держава, у нас есть всё [21].

21. Россия отстояла свою суверенность, доказала, что она – сильное государство, что не позволит никому шутить с ее народом [24].

22. Россия своих не бросает. Россия еще раз доказала в Сирии, что как бы ни было сложно – Россия готова отстаивать интересы справедливости во имя народа другого государства [20].

23. Саудовская Аравия видит Россию как стратегического партнера [20].

24. Такие союзники, как Россия, арабскому миру нужны [20].

К вербальным маркерам «чуждости» можно отнести следующее.

– **Дейктические и полнозначные знаки**, содержащие компонент **дистанцирования** «*эти», «они», «те».*

25. ***Эти*** *люди бегают туда-сюда и* ***не знают, под кого лечь. Эти*** *люди для нас не представляют опасности. Мы к* ***ним*** *с иронией относимся* [20].

26. …пока ***они*** *сами не поймут, что ловить здесь нечего, –* ***они*** *не остановятся* [20].

27. Будь ***они*** *прокляты, что на нас наговаривают.* ***Они*** *перед Всевышним все равно ответят за это* [22].

– Показатели умаления значимости: «*всякие», «разные», «какой-нибудь»* [10].

28. У нас практически нет острых проблем, но стараются ***всякие*** *«герои всех времен», приезжают к нам, защищают права* [20].

– Показатели недоверия к оппоненту: «*якобы», «так называемый»*.

29. … говорят, он [Бакаев] в Бельгии был. Все знают, ***кроме так называемых*** *правозащитников. Все знают, а* ***они*** *не знают и ищут.* ***Сумасшедшие*** [20].

30. А на самом деле ненавидят нас ***те*** *люди, которые* ***якобы*** *защищают нас* [20].

– **Навешивание ярлыков**, которое, по мнению Р.Г. Апресяна, есть не что иное, как маркирование социокультурных различий и проявление нетерпимости к иному [1].

31. И все, кто говорит, что не может куда-то поехать, тот ***черт конченый****. Даже черт не может такое придумать. Он* ***хуже, чем черт*** [20].

32. А ***им, шавкам****, не нравится, что Чеченская Республика выиграла борьбу с терроризмом, уничтожила терроризм, выиграла борьбу не просто с*

какими-то шайками, а с целыми институтами западными, террористами из 51 страны [20].

33. Поэтому статистические данные, которые сегодня приводят европейские, западные или продажные ***им же шайтаны****, нас это не касается* [24].

По сути, ярлык используется Кадыровым не столько для характеристики денотата и отнесенности его к определенному классу, сколько с целью обвинения денотата в опасных для общества свойствах. Другими словами, «…отрицательная оценка, которую несет в себе ярлык, не выясняет объективные свойства явлений, событий, деятельности, а лишь обозначает их по признаку идеологической инородности» [2: с. 92]. Приведем показательный пример:

34. **– Надеюсь, вы про европейцев говорите?**

– Про европейцев, ***про тех,*** *кто продались европейцам.*

– Либералы?

– У нас ***либералов*** *нет. У нас есть* ***те, которые*** *продались* [20].

35. – **Вот сегодня про вас Собчак сказала…**

– А кто она?

– **Она кандидат в президенты теперь. Потребовала освободить Оюба.**

– У кого?

– **У вас, открытым письмом**.

– Вот она кандидат в президенты и не знает, что у меня нет таких полномочий. Я – не судья, не прокурор, не руководитель МВД. Я – глава республики. Вот ***она глупая,*** *я не понимаю ее.* ***Откуда такие глупые люди берутся****?* [20]

36. [про Немцова] ***Он никто****, только* ***агент****. Работал с западными спецслужбами. Что он есть, что его нет – нам все равно. Он болтал,* ***ну, болтун****. Таких* ***болтунов*** *много в России, что их, каждого убивать?* [20]

Как можно заметить, говорящий, выражая крайнюю степень презрения, сознательно избегает называть объект нападок по имени. И, как бы лишая его имени, навешивает ярлык: предатели – *«те, кто продались Западу»*, Собчак – *«глупая»*, Немцов – *«болтун»*.

– Слова с семантикой изгнания. Изгнание как «выталкивание чужого за пределы своей территории» является агрессивным действием, которое, как правило, осуществляется с применением физической силы, поэтому и соответствующие речевые акты можно символически рассматривать как вербальные эквиваленты подобных действий.

37. Кто не осознает сегодняшнюю ситуацию, значит, он ***не достоин жить на этой территории****, потому что мы настрадались* [24].

38. Если их сын и брат встал на путь терроризма, а семья ему помогает, и при этом … получают пенсии и пособия, но прикрывают вставших на преступный путь – ***таких людей мы будем выселять****. Зачем нам их кормить, обеспечивать, если они помогают убивать нас? Это* ***соучастники терроризма****, и* ***таких людей у нас не будет*** [24].

39. ***Н.А-З.:*** *Кто из чеченских националистов, воевавших на стороне боевиков, сегодня в Киеве занимается политикой?*

Р.К.: Чеченцами я их не могу назвать *и политиками тоже. Это* ***отщепенцы****, которые* ***не нашли себя в этой жизни****, которые совершали преступления на территории Чеченской Республики и в России в частности. Думаю, в ближайшем будущем их перестреляют, потому что Украине* ***они тоже не нужны*** *на самом деле* [23].

40. Смертная казнь для террористов не просто нужна, а важна. Их надо не ловить, а ***уничтожать****, чтобы они* ***не жили*** [23].

Приведенные отрывки из интервью являются яркими примерами конфронтационной риторики, придающей речи политика особую остроту и позволяющей говорить о вербальной агрессии, направленной на причинение ущерба политическому противнику [4]. Суть вербальной агрессии заключается в нацеленности на ниспровержение оппонента, понижение его политического статуса и ухудшение его публичного имиджа.

41. Америка ***не такое сильное*** *государство,* ***чтобы мы рассматривали его как врага*** *России. У нас сильное государство и ядерная держава. Если даже наше государство полностью разрушат, автоматически наши ядерные ракеты полетят туда. И весь мир мы перевернем. И раком поставим* [22].

42. Почему мировое сообщество спокойно смотрит и молчит? ***Или оно считает Америку всемогущим государством****?* ***Это далеко не так*** [21].

Достигаемая при помощи такого приема цель позволяет не относиться к противнику как к равному, пренебрегать его мнением, не вступать с ним в переговоры и вытеснять его с политической арены. Следует заметить, что подобные категорические высказывания и крайность оценок вполне соотносятся с непримиримой позицией главы Чеченской Республики к врагам России:

43. Я вот как думаю – я считаю себя военным стратегом – я считаю, надо России как государству ... надо разработать стратегию – ***нападать надо****. Если государство нападает, не надо обороняться,* ***надо нападать на государство****, чтобы их успокоить. Только тогда Америка успокоится* [21].

44. У нас сильное государство и ядерная держава. Если даже наше государство полностью разрушат, автоматически наши ядерные ракеты полетят туда. И ***весь мир мы перевернем****. И* ***раком поставим****. Это не просто слова.* ***Мы так и сделаем****. За наше государство готовы жизнь отдать* [22].

Возможно, заявления политика звучат излишне грубо и способствуют укреплению в восприятии западной аудитории стереотипа о России как о стране с агрессивным населением, но в душах россиян высказывания Кадырова, бесспорно, находят отклик. Вот как комментирует интервью чеченского лидера политический обозреватель газеты «Комсомольская правда» Александр Гришин: *«Но, кто знает, может с ними* [врагами] *и стоит разговаривать именно так – грубо и прямо. А то, откровенно говоря, политесами мы от Запада на протяжении всей нашей истории мало чего добивались. Разве что откровенного и неприкрытого хамства в свой адрес»*[1] [17].

Эффективной политикой, призванной обеспечивать должный уровень устойчивости населения страны к информационно-психологическому воздействию, по мнению чеченского лидера, является воспитательная работа с молодежью, и не только потому, что на сегодняшний день Чечня – это один из самых быстрорастущих по количеству населения регионов[2] и молодое население занимает 34 % от общего количества жителей республики. Но главным образом потому, что молодежное сознание в силу недостаточной сформированности в большей степени подвержено внушению и манипуляции.

45. Их вербовщики сидят в разных государствах и выступают в роли кукловодов, они забирают у молодых людей честь, совесть и достоинство, вплоть до того, что последние становятся марионетками, роботами. Но мы с учетом произошедшего разработали другую стратегию борьбы против этого зла. У нас на территории не должно быть «сырья» для спецслужб, чтобы они не смогли опять использовать наше подрастающее поколение. Мы не оставим свободных ушей, будем заполнять, если нужно – будем давать информацию о религии, если нужно – светское образование. Просто так молодежь нельзя оставить. Если оставил хоть одного, они сразу его используют [20].

46. Доступность дошкольного образования для детей от трёх до семи лет доведена до ста процентов [27].

47. В последующем мы хотим, чтобы город Грозный стал молодежным центром Кавказа. Мы создадим все условия для молодежи [23].

Важным направлением деятельности государства по обеспечению национальной безопасности Кадыров видит защиту культурной самобытности нации.

48. Если мы не будем знать, кто мы и кому принадлежим, то патриотами мы не станем. Поэтому надо в корнях копаться, чтобы узнать, кто мы на самом деле такие [20].

49. Мы стараемся и мы очень много делаем, чтобы молодежь понимала, к кому они принадлежат, историю изучали. Мы восстанавливаем башни, у нас есть, можно сказать, крепости, которым 1600–1700 лет. Мы ведем целые программы про традиции, обычаи, про тех героев, которые у нас тогда еще были. Культуру поднимаем. Потому что если мы теряем культуру, то теряем всё [23].

С точки зрения идеологической пропаганды апелляция к культурным ценностям способствует укреплению общественного сознания. В силу понятности широкой аудитории этот прием, с одной стороны, позволяет включить все большую часть населения в социальные процессы, с другой стороны – дает каждому гражданину ощущение причастности.

Совершенно очевидно, однако, что для эффективного противодействия манипулятивным технологиям противника одних пропагандистских методов недостаточно, для этого требуется организация социально-экономических процессов. Укрепление механизмов «национально-культурного иммунитета» будет устойчивым, если окружающая действительность подтверждает содержание сказанного [11]. Другими словами, идеологическое влияние политика должно опираться на социально-экономическую составляющую. В случае президента Кадырова достигнутое им за десятилетний период реформирование можно назвать колоссальным вкладом в жизнь республики, которая в течение десятилетия пережила две войны и подверглась полному разрушению.[3]

Приоритетной константной ценностью, к которой в любых условиях стремится нация [13], является выживание и развитие социума, поддержание суверенитета государства, что возможно лишь на основе общенародной консолидации путем укрепления ис-

[1] Александр Павлович Гришин – российский журналист, политический обозреватель, колумнист. Первый заместитель редактора службы международной и внутренней политики газеты «Комсомольская правда».

[2] Рождаемость превышает смертность чуть ли не в два раза: с 2006 г. население Чечни выросло на 19,46 % и составило на начало 2016 г. – 1,41 млн чел. В республике самая высокая по России доля детей – более 34 %.

[3] Рычагом экономической политики Р. Кадырова стало возрождение инфраструктуры за счет привлечения внешних инвестиций. Чечня имеет прямые политические отношения с арабским миром, Так, ЧР установила прямые экономические и политические связи с ОАЭ, Сирией, Королевством Оман, Саудовской Аравией, Иорданией. «Большинство инвестиций у нас – арабские страны… Они уже вкладывают в республику, и шейх Мухаммад бин Зайед Аль Нахайан уже взял на себя обязательства, что будет заниматься малым и средним бизнесом в Чеченской Республике». Результатом такой политики явилось повышение уровня доходов населения с 2010 г. на 176,80 %. По данным Росстата, на начало 2016 г. он составил 33 166 руб. В то время как «Уровень безработицы снизился с 76 % и составил 9,2 %. Сельхозпроизводство выросло на 13,6 %, внебюджетные инвестиции – на 19 %» [25].

торической памяти и самосознания народа. Осознавая это, Рамзан Кадыров выстраивает стратегию противодействия информационной агрессии с учетом национальных ценностей и интересов не только собственного народа, но и Российского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян, Р.Г.* Сила и насилие слова / Р.Г. Апресян // Человек. – 1997. – № 5. – С. 133–137.

2. *Даниленко, В.П.* Профессионализм парламентской речи / В.П. Даниленко // Культура парламентской речи. – Москва : Наука, 1994. – С. 57–65.

3. *Дигиленский, Г.Г.* Социально-политическая психология / Г.Г. Дигиленский. – Москва : Новая школа. 1996. – 352 с.

4. *Дмитриева, Н.А.* Способы представления идеологически пристрастных точек зрения в газетном тексте / Н.А. Дмитриева, Б.М. Вольпе // Текст: структура и функционирование : сб. науч. тр. – Барнаул : Изд-во Алтай. ун-та, 1994. – С. 58–64.

5. *Жеглова, Ю.Г.* Особенности информационного противоборства в актуальных условиях трансформации медиасферы / Ю.Г. Жеглова, О.К. Перова // Universum: Общественные науки : электрон. науч. журн. – 2019. – № 3 (54). – URL: http://7universum.com/ru/social/archive/item/7089 (дата обращения: 10.08.2019).

6. *Караулов, Ю.Н.* Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – Москва : Наука, 1987. – 264 с.

7. *Лихачев, Д.С.* Заветное / Д.С. Лихачев. – Москва : Издательский, образовательный и культурный центр «Детство. Отрочество. Юность», 2006. – 271 с.

8. *Медведева, Н.Е.* Речевой портрет политического лидера как инструмент мягкой силы / Н.Е. Медведева // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2018. – № 2 (7). – С. 24–29.

9. *Минаева, Л.В.* Речь в мире политики : монография / Л.В. Минаева. – Москва : Аспект Пресс, 2019. – 224 с.

10. *Пеньковский, А.Б.* Тимиологические оценки и их выражение в целях уклоняющегося от истины умаления значимости / А.Б. Пеньковский // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке / отв. ред. Н.Д. Арутюнова и Н.К. Рябцева. – Москва : Наука, 1995. – С. 36–40.

11. Реклама: Внушение и манипуляция : учебное пособие. – Самара : Бахрах-М, 2001. – 750 с.

12. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации : утв. Указом Президента Российской Федерации № 683 от 31 дек. 2015 г. – URL: http://kremlin.ru/acts/bank/40391 (дата обращения: 28.12.2019).

13. *Цеханская, К.В.* Глобализм и проблемы современной этнорелигиозной идентификации русских. Проблемы национальной стратегии / К.В. Цеханская // Российский институт стратегический исследований – 2015. – № 6(33). – С. 221–241.

14. *Шейгал, Е.И.* Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – Москва : Гнозис, 2004. – 326 с.

15. *Elder, C.D.* The political uses of symbols / C.D. Elder, R.W. Cobb. – New York : Longman. – 1983. – 173 p.

16. Joint Doctrine for Information Operations (JP 3–13). 9 October 1998. – URL: http://www.c4i.org/jp3_13.pdf (accessed: 12.07.2019).

17. *Гришин, А.* Рамзан Кадыров обещает «перевернуть весь мир» в случае войны / А. Гришин // Комсомольская правда. Политика. – 2017. – 15 июля. – URL: https://www.kp.ru/daily/26705.5/3729915/ (дата обращения: 5.01.2020).

18. Есть ли у главы Чечни Рамзана Кадырова управленческие таланты. 10 августа 2017. – URL: https://capost.media/news/policy/est-li-u-glavy-chechni-ramzana-kadyrova-upravlencheskie-talanty/ (дата обращения: 5.01.2020).

19. Интервью Р. Кадырова главному редактору “Daily Storm” Анастасии Кашеваровой. 25 января 2018. – URL: https://dailystorm.ru/ vlast/my-ne-huligany-kotorye-vernulis-my-dostoynye-grazhdane-tak-chto-ne-pytaytes-izbavitsya-ot-nas (дата обращения: 28.12.2019).

20. Интервью главы Чечни Р. Кадырова каналу «Реальное время». 26 января 2018 г. – URL: https://realnoevremya.ru/articles/87776-bolshoe-intervyu-ramzana-kadyrova (дата обращения: 12.07.2019).

21. Интервью Рамзана Кадырова агентству Reuters. 25 декабря 2009 г. – URL: http://babr24.com/?IDE=83008 (дата обращения: 28.12.2019).

22. Интервью Рамзана Кадырова американскому телеканалу HBO. 19 июля 2017 г. – URL: https://petrimazepa.com/news/kadirov-hbo-postavim-mir-rakom (дата обращения: 05.01.2020).

23. Интервью Рамзана Кадырова Наиле Аскер-Заде. 27 ноября 2017 г. – URL: https://www.vesti.ru/videos/show/vid/737600/cid/4641/ (дата обращения: 05.01.2020)

24. Интервью Рамзана Кадырова телеканалу Russia Today. 20 апреля 2017 г. – URL: https://www.grozny-inform.ru/news/express/84161/ (дата обращения: 05.04. 2020).

25. «Левада-центр»: уровень доверия россиян Кадырову превысил официальный // Кавказский узел. – 2017. – 31 мая. – URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/303542/ (дата обращения: 05.04.2019).

26. *Линделл, Д.* Что изменилось в Чечне за 10 лет правления Рамзана Кадырова / Д. Линделл, Ю. Сапронова // РБК. Политика. 2017. – 15 февр. – URL: https://www.rbc.ru/politics/15/02/2017/58a3225e9a79471999a56e2d (дата обращения: 05.01.2020).

27. Рабочая встреча Владимира Путина и Рамзана Кадырова. Кремль. 19 апреля 2017 г. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/54342 (дата обращения: 12.07.2019).

28. Социологи: Рейтинг Кадырова держится на его громких высказываниях // Кавказский узел. – 2016. – 15 дек. – URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/294375/ (дата обращения: 28.12. 2019).

DOI:

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ СОВЕТСКИХ И РОССИЙСКИХ ДИПЛОМАТОВ (НА ПРИМЕРЕ РЕЧЕЙ ПОСТОЯННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СССР И РФ В СОВЕТЕ БЕЗОПАСНОСТИ ООН)

М.В. Беляков

О.И. Максименко

В статье рассматривается вопрос об особенностях реализации языковой личности в рамках дипломатического дискурса в разных временных условиях – периода начала «холодной войны» и введения санкций после присоединения Крыма. Изучается речевое поведение дипломатов на заседаниях Совета Безопасности ООН в разные периоды существования этого дипломатического института. Исследование проводится средствами компьютерного анализа. Определяется степень эмотивности выступлений Постоянных представителей СССР и РФ в ситуации подготовленной и спонтанной речи.

***Ключевые слова*:** дипломатия, дискурс, языковая личность, Совет Безопасности ООН, оценочность.

LANGUAGE PERSONALITY OF THE SOVIET AND RUSSIAN DIPLOMATS (ANALYSIS OF SPEECHES OF PERMANENT REPRESENTATIVES OF THE USSR AND RUSSIAN FEDERATION TO THE UN SECURITY COUNCIL)

M.V. Belyakov

O.I. Maksimenko

The article deals with the question of the specifics of the language personality within the diplomatic discourse in the different time period – the beginning of the Cold War and imposition of sanctions against the RF after the Crimea addition. The diplomats' speech behavior at sessions of the UN Security Council in different periods of this diplomatic institute functioning is studied. Research is carried out by means of the computer analysis. The emotive degree of several speeches of the USSR and Russian Federation Permanent Representatives in a situation of the prepared and spontaneous speech is examined.

***Key words*:** diplomacy, discourse, the language personality, Security Council of the United Nations, evaluation.

> ООН создали не для того, чтобы помочь попасть нам на «небо», а для того, чтобы спасти нас от ада.
>
> *У. Черчилль*

Введение

С введением в научный оборот термина *homo loquens* как человека говорящего, т.е. участвующего в речевой коммуникации, многое изменилось, и появилась осознанная необходимость обратиться к изучению языковой личности, порождающей тексты, понимаемые как результат речевой деятельности человека. Современная лингвистика приняла тот факт, что невозможно изучать ни личность, ни язык, не признавая неразрывную, непреодолимую взаимосвязь между этими двумя феноменами [8: с. 5].

Языковая личность дипломата как человека говорящего представляет особый интерес для исследования, так как для дипломата, в отличие, например, от политика, именно язык является основным (мирным) оружием, причем использование всех доступных языковых средств, включая ранее недопустимые, такие как повышенная эмотивность, ирония и даже сарказм, характеризует выступления дипломатов на таких серьезных площадках, как заседания Совета Безопасности ООН.

Беляков Михаил Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России.

Mikhail Vasilievich Belyakov – Dr. (Philology), Associate Professor, Department of the Russian Language, MGIMO University, Moscow.

E-mail: belmax007@hotmail.com

Максименко Ольга Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного областного университета.

Olga Ivanovna Maksimenko – Dr. (Philology), Habil., Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Moscow State Regional University, Moscow.

E-mail:maxbel7@yandex.ru

© Беляков М.В., Максименко О.И., 2020

1. Совет Безопасности ООН как особая площадка дипломатической коммуникации

Совет Безопасности (СБ) ООН как место для решения наиболее острых мировых проблем, цель которого – поддержание международного мира и безопасности дипломатическим путем [11], существует с 1946 г., в состав СБ входит 5 постоянных членов (Великобритания, Китай, Россия, США, Франция) и 10 непостоянных членов, избирающихся по определенным правилам. Более 60 стран мира, например Португалия, Швейцария, Южная Корея и др., никогда не избирались членами СБ. Сама модель формирования СБ ООН предполагает столкновение парадигм поликультурализма (как идеи, что все культуры во всем мире взаимосвязаны) и мультикультурализма (как идеи, нацеленной на сохранение и развитие культурных различий). Культура в данном случае понимается очень широко – как маркер национальной идентичности, по крайней мере. СССР и как его приемник Российская Федерация входят в состав СБ с момента основания.

Привычный образ поведения европейских дипломатов, в том числе и в СБ ООН, во многом связан с многовековыми принципами развития дипломатии. Изменения в этот образ вносят США, переместившие дипломатическую коммуникацию в цифровую среду интернет-мессенджеров, предоставляющую свободу выражения и отражающую в целом б***о***льшую свободу поведения американцев. Дипломаты и политические деятели из других стран в меньшей степени перенимают такую навязываемую стратегию дипломатического поведения.

В наши дни выступления в СБ ориентированы на аудиторию намного более широкую, чем только члены Совета Безопасности, поскольку заседания СБ ООН транслируются в СМИ и являются открытыми по сути и оцифрованными по форме (так как сами выступления проходят при широкой аудитории и доступны в цифровом формате). Благодаря открытости текстов дипломатических выступлений в цифровом формате есть возможность оценить данные тексты как количественными, так и качественными методами с последующей интерпретацией результатов.

Безусловно, выступления Постоянного представителя при ООН представляют собой особую форму дипломатической речи, нередко более яркую, эмоционально насыщенную, метафоричную, отчасти выходящую за рамки дипломатического протокола. Это определяется лингвопрагматикой таких выступлений и особенностью роли адресата и адресанта. С одной стороны, коммуникативная роль дипломата-адресанта необычна тем, что он выражает не собственное мнение, а мнение государства, которое он представляет, а с другой стороны, говорящий использует характерные для его идиолекта образы и метафоры, которые не должны выходить за рамки дипломатической речи, но, вместе с тем, должны быть броскими и понятными слушателям – представителям других лингвокультур, чтобы речь достигла поставленной прагматической цели.

Роль Полномочного представителя России при ООН в современной международной ситуации чрезвычайно сложна – он находится на переднем крае внешнеполитической информационной войны и должен вербальными средствами, используя все доступные способы речевого воздействия, доносить точку зрения России на самые непростые вопросы, затрагивающие её интересы. При этом прагматическая и семантическая нагруженность текста должна быть максимально оптимальной, так как время выступления, в частности, на заседании Совета Безопасности ООН, ограничено регламентом.

Пост Полномочного представителя России при ООН в разное время, начиная с 1946 г., занимали 14 видных дипломатов, среди них А.А. Громыко, О.А. Трояновский, С.В. Лавров, В.И. Чуркин. Сейчас этот пост занимает Василий Алексеевич Небензя, имеющий высший дипломатический ранг Чрезвычайного и полномочного посла.

Как упоминалось выше, выступление дипломата на Совете Безопасности ООН можно отнести к особому жанру публичных выступлений, относящемуся к более широкому жанру общественно-политических речей. Предполагается, что тексты такого жанра должны быть краткими, семантически наполненными, аргументированными, прагматически нацеленными. Еще одной особенностью таких выступлений является то, что после основной (подготовленной) речи может завязаться полемика, таким образом, часть выступления представляет собой спонтанную речь. Изучение речей Постоянных представителей СССР и России в СБ ООН количественными методами позволяет сравнить перемены, произошедшие в этом особом виде дипломатического дискурса, и особенности языковой личности русских дипломатов, реализуемые в этой среде.

2. Языковая личность в дипломатии

Понятие «личность» считается одним из стержневых концептов гуманитарного знания. Личность – это особое человеческое качество, вырабатывающееся в социокультурной среде. В процессе развития теории личности в психологии и многих смежных науках, в лингвистике в том числе, возникло понятие модальной личности. Модальная личность представляет собой наиболее частотный или массовый тип личности, встречающийся в определенной культуре и определенной среде общения [1: с. 48], что вполне применимо к дипломатическому дискурсу.

После введения Ю.Н. Карауловым в 1983 г. понятия «языковая личность» как совокупности специфических черт, способностей и характеристик, преломм-

ленных через язык [8: с. 3], началось последовательное изучение языковой личности в разных аспектах. По мнению Ю.Н. Караулова, языковая личность создает и воспринимает речевые произведения (тексты), различающиеся по ряду параметров – структурно-языковой сложности, глубине и точности отражения действительности, целевой направленности. На основе этого выделяются три уровня представления языковой личности: вербально-семантический (структурно-системный), когнитивный (тезаурусный) и прагматический (мотивационный) [8].

Стоит отметить, что относительно недавно изучение языковой личности было расширено до понятия «коллективная языковая личность», которое используется с учетом этнических, гендерных, возрастных, социальных и профессиональных признаков, т.е. характеризующих определенную группу носителей языка. С этой точки зрения можно изучать языковую личность дипломата в целом как участника профессионального дипломатического дискурса, так и языковую личность конкретного дипломата.

Для изучения языковой личности в дипломатическом дискурсе предпочтительно опираться на коммуникативно-деятельностный подход (по Е.В. Сидорову) [10], учитывающий как лингвистические, так и экстралингвистические факторы существования личности в данном дискурсе. Как и в других типах дискурса, изучение речевого поведения в дипломатическом дискурсе строится на анализе характерных, повторяющихся особенностей и структуры порождаемого текста, системных элементов, прагматических целей высказывания. Учитывая теорию Т. ван Дейка [3: с. 23; 4], в которой за основу берется положение, что социальный контекст, где разворачивается коммуникативный акт, влияет на речевую деятельность индивидов, задавая паттерны возможных действий говорящих, также можно вести речь о профессиональной языковой личности.

Профессиональную языковую личность характеризует многое, включая специальные лексические единицы – термины и устойчивые клише.

Ярче всего особенности языковой личности проявляются в ситуации конфликта, поскольку в этом случае речевые стратегии выбираются людьми не на уровне рационального мышления. Дипломаты, в свою очередь, перманентно находятся в состоянии разрешения конфликта, причем разрешения его вербальными средствами с позиций прагматики с учетом реальной ситуации протекания коммуникации.

Лингвопрагматика опирается на выявление факторов, которые позволяют коммуниканту достигнуть поставленной цели. Существование языковой личности с позиций лингвопрагматики определяется тем, что личность, исходя из собственных целевых и аксиологических установок, выбирает средства языкового выражения. В ситуации профессионального дипломатического общения собственные цели подчиняются общей цели достижения урегулирования в том или ином конфликтном вопросе на уровне государств. Таким образом, лингвопрагматика имеет дело, прежде всего, с деятельностными, мотивационно-прагматическими аспектами протекания коммуникации, т.е. коммуникативными стратегиями. О.С. Иссерс считает, что коммуникативные стратегии и тактики (уровень прагматики) обладают национально-культурной оригинальностью [6: с. 192], поэтому, в нашем случае, можно говорить о российском (с позиции государственности) и русском (с позиции языковой принадлежности) дипломатическом дискурсе. Обычно универсальны сверхзадачи, а тактики производны от национальной культуры [5: с. 112]. Так, например, Е.И. Шейгал выделяет стратегию намеренной уклончивости [12: с. 9], реализуемую при помощи употребления «фантомных слов», т.е. лексических единиц с широкой семантикой. О.И. Иссерс также пишет, что целый ряд слов активно используется для тактики манипуляции: «модернизация», «проект», «диалог» и др. [6: с. 95]. Безусловно, эти лексические единицы сами по себе не манипулятивны, их использование определяется прагматикой, коммуникативной ситуацией и тезаурусом реципиента.

3. Особенности выступлений Постоянных представителей СССР и РФ в Совете безопасности ООН

Современный динамично меняющийся мир вносит изменения не только в легко наблюдаемые сущности, но и в те, которые многие столетия были уделом только посвященных и напоказ не выставлялись. К таким сущностям вполне можно отнести дипломатические отношения, то, что сейчас принято называть дипломатическим дискурсом. Связаны эти изменения, безусловно, с информационной доступностью практически любых текстов, включая закрытые и закодированные. Эта доступность и обилие ‘fake news’, которые трудно отличить от новостей о действительно имеющих место событиях, усугубляются широкомасштабной информационной войной. Личность дипломата в такой ситуации приобретает особое значение. Позиция Постоянного представителя при ООН в дипломатическом мире – особая позиция. Дипломат в буквальном смысле находится на передовой и должен уметь мгновенно реагировать на любые, в последние годы многочисленные и носящие крайне негативный характер по отношению к России выпады со стороны других членов Совета Безопасности ООН в частности.

Известно, что для описания языковой личности необходимо охарактеризовать семантико-строевой уровень ее организации; понять тезаурус этой личности; ситуативные доминанты, установки, мотивы, находящие отражение в процессах порождения

текстов и их содержания, а также в особенностях восприятия чужих текстов. Следуя взглядам Ю.Н. Караулова, мы в рамках дипломатического дискурса рассмотрим языковую личность двух Постоянных представителей в Совете Безопасности ООН – Я.А. Малика (СССР) и В.И. Чуркина (Российская Федерация), основываясь на примере их выступлений в СБ ООН и используя средства компьютерного квантитативного анализа.

Малик Яков Александрович (1906–1980) – советский дипломат, жизнь которого была связана с ключевыми моментами советской истории. Постоянным представителем СССР в СБ ООН он был в течение двух периодов – с мая 1948 по октябрь 1952 г., и с 1968 по ноябрь 1976 г. Первый период связан с началом «холодной войны» после знаменитой Фултонской речи У. Черчилля весной 1946 г., второй – с войной во Вьетнаме, событиями в Чехословакии, военным конфликтом СССР и Китая на острове Даманский, Уотергейтом и многими другими.

Для получения объективной картины, характеризующей языковую личность дипломата по выступлениям на заседаниях СБ ООН, нами был проведен эксперимент по автоматизированному анализу речей постпредов по следующему алгоритму: получить конкорданс выступления средствами системы компьютерного контент-анализа Yoshicoder 0.6.5.0, выбрать эмотивную лексику, дипломатические клише; проанализировать экстралингвистическую ситуацию произнесения конкретной речи; определить оправданность использования эмотивной лексики в каждой экстралингвистической ситуации.

Тексты всех заседаний Совета Безопасности ООН хранятся в электронной библиотеке Security Counsel в открытом доступе в формате .pdf, начиная с 1964 г. До этого года с момента создания ООН файлы представлены в виде сканированных документов, что затрудняет их компьютерную обработку, поэтому анализу подверглись выступления Я.А. Малика за второй период его работы постпредом. Рассмотрим конкретную речь, отобранную методом случайной выборки.

1634-е заседание
2 февраля 1972 г.
Аддис-Абеба

Повестка дня: рассмотрение вопросов, касающихся Африки, которыми в настоящее время занимается Совет Безопасности, и осуществление соответствующих резолюций Совета.

Г-н МАЛИК (Союз Советских Социалистических Республик): Делегация Советского Союза с большим вниманием выслушала выступления на заседаниях Совета Безопасности ***выдающихся*** *представителей* ***героических*** *национально-освободительных движений юга Африки. Их заявления, аргументация и приведенные ими многочисленные факты свидетельствуют о* ***непреодолимом и неукротимом*** *стремлении представляемых ими народов к свободе и национальной независимости.*

Выражая нашу солидарность с борющимися народами Африки, с национально-освободительными движениями Анголы, Мозамбика, Гвинеи (Бисау), Южной Африки, Намибии, Зимбабве, советская делегация желает им успеха в благородном деле достижения полной и окончательной победы над ***темными силами*** *империализма, колониализма, неоколониализма и расизма. Задача Совета Безопасности – оказать им всемерное содействие и помощь.*

Мы сожалеем, что принятое Советом Безопасности в Нью-Йорке предложение советской делегации [см. 1604-е заседание] о том, чтобы на заседания Совета были приглашены и заслушаны ***выдающиеся*** *руководители народа Зимбабве, не получило практического осуществления, во-первых, вследствие позиции, занятой* ***фашистско-расистским*** *режимом Солсбери, и, во-вторых, вследствие того, что со стороны правительства Соединенного Королевства не было принято всех необходимых мер, для того чтобы претворить в жизнь это решение Совета.*

Советская делегация с глубоким удовлетворением отмечает, что выступавшие в Совете Безопасности представители национально-освободительных движений юга Африки дали высокую оценку той ***искренней*** *и* ***бескорыстной*** *помощи и поддержке, которую оказывает Советский Союз и его народы, равно как и народы других социалистических стран, народам Анголы, Мозамбика, Гвинеи (Бисау), Южной Африки, Намибии, Зимбабве в их* ***героической и справедливой*** *борьбе за свободу и национальную независимость против* ***расистско-фашистских*** *колонизаторов-****поработителей****. Мы хотели бы заверить всех борцов за свободу Африки, что Советский Союз, следуя неизменному ленинскому курсу поддержки народов, борющихся против империализма, колониализма и расизма, и впредь будет оказывать всю возможную помощь борющимся народам Африки. Они всегда могут рассчитывать на эту помощь и поддержку вплоть до полного искоренения колониализма и расизма на* ***многострадальном*** *континенте Африки.*

Мы считаем ниже своего достоинства реагировать на ***враждебный клеветнический*** *выпад против Советского Союза со стороны выступавшего здесь одного лица, которое, по имеющимся у нас данным, не представляет никого, кроме своей собственной персоны, и который явно говорил здесь с чужого голоса, повторяя* ***гнусные измышления и клевету****, черпая их из империалистических и некоторых других, столь же* ***грязных источников, измышления****, авторы которых явно пресле-*

дуют цель расколоть единый антиимпериалистический и антиколониальный фронт государств и народов Африки со странами и народами социалистического содружества.

Полученный конкорданс позволил выделить список гиперлексем, определить их частоту и дистрибуцию, а также выделить основные дипломатические клише и эмотивные выражения, характеризующие языковую личность Я.А. Малика. Несмотря на то, что любые речевые клише считаются таковыми, поскольку используются как устойчивый оборот профессиональной коллективной языковой личности, тем не менее отдельный дипломат может применять такие клише с разной частотой, что отражает его личный речевой стиль. В данной речи Я.А. Малика к дипломатическим клише можно отнести такие коллокации, как: *выражая нашу солидарность, с глубоким удовлетворением отмечает, хотели бы заверить всех, считаем ниже своего достоинства, стремление к свободе и национальной независимости* и ряд других. Особо выделяются клише, характерные для временно́го советского периода: *победа над темными силами империализма, колониализма, неоколониализма и расизма; следуя неизменному ленинскому курсу; борющиеся народы; единый антиимпериалистический и антиколониальный фронт.* Эмотивная лексика и выражения, несмотря на то что они в дипломатическом дискурсе не приветствуются, в речи Я.А. Малика частотны (см. выделенное выше). Стоит отметить, что ко многим эмотивным конструкциям применимо использование лексической функции Magn (по И.А. Мельчуку [9]): *гнусная клевета, грязные источники, темные силы, непреодолимое стремление, бескорыстная помощь, героические национально-освободительные движения*. В речи также присутствует саркастическое замечание, которое определить автоматизированным способом не представляется возможным: *выпад против Советского Союза со стороны* ***выступавшего*** *здесь* ***одного лица****, которое, по имеющимся у нас данным,* ***не представляет никого, кроме своей собственной персоны,*** *и который явно* ***говорил здесь с чужого голоса****, повторяя гнусные измышления и клевету, черпая их из империалистических и некоторых других, столь же грязных источников, измышления.*

Чуркин Виталий Иванович (1952–2017) – российский дипломат. Постоянным представителем РФ в СБ ООН был с апреля 2006 по февраль 2017 г.

Одной из наиболее ярких речей, где подтвердилась всесторонность языковой личности В.И. Чуркина, стала едва ли не последняя его речь в Совбезе ООН от 02.02.2017 г. В.И. Чуркин ушел из жизни 20.02.2017 г. По мнению коллег, охарактеризовавших его личность, он был «прекрасным коллегой, глубоко преданным своей стране дипломатом и одним из самых образованных людей в мире» (постпред ОАЭ при ООН Лана Нуссейбех). В письменном заявлении новый Генсек ООН Антониу Гутерриш назвал Чуркина уникальным дипломатом, который служил своей стране в один из самых трудных периодов современной истории.

Речь В.И. Чуркина 02.02.2017 г. в Совбезе ООН демонстрирует яркий семантико-строевой уровень ее организации, выделяющийся на фоне усредненного представления выступлений в СБ ООН:

«*…мне, возможно, на правах дуайена Совета Безопасности ООН хотелось бы поприветствовать нашу новую американскую коллегу Посла Никки Хейли. Возможно, у нас с Вами время от времени будут возникать разногласия по отдельным вопросам, но от Вашей работы во многом будет зависеть, сможет ли СБ ООН эффективно выполнять свои функции коллективного органа, несущего главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности. Поэтому я хочу пожелать Вам успехов»* [http://russiaun.ru/ru/news/sc_rp0202].

В.И. Чуркин в данной речи (как это было всегда) активно пользуется, с одной стороны, богатым тезаурусом своей личности, а с другой стороны, уместно использует в дипломатической речи сарказм, вплетённый в канву геополитики: «*Что касается позиции представителя Соединенного Королевства, то* ***хочу посоветовать****: верните Мальвинские острова, верните Гибралтар, верните аннексированную вами часть Кипра, верните архипелаг Чагос в Индийском океане, который вы превратили в огромную военную базу. Тогда ваша* ***совесть будет, может быть, чуть более чиста и вы сможете рассуждать на другие темы****»;* четко подтверждает свои жизненные доминанты, установки, мотивы, отражающиеся в процессе порождения речи: «*Нам иногда приходится заниматься полемикой, но мне представляется, что все же наша работа в СБ ООН как дипломатов состоит в том, чтобы принимать резолюции и следить за тем, чтобы эти резолюции четко осуществлялись*» (Там же), а также квалифицированно интерпретирует чужие тексты: «*Посол Хейли в своем выступлении затронула вопрос о Крыме. В этой связи нельзя не вспомнить о том, что в Конституции США прозвучали такие замечательные исторические слова: «****Мы – народ****». **Народ** Крыма вполне определенно выразил свою волю на референдуме – 93 % проголосовало за воссоединение с Россией, от которой Крым был отторгнут несправедливо и незаконно. Кстати, это волеизъявление было впоследствии подтверждено различными опросами общественного мнения, произведенными соответствующими западными институтами*».

Вне заседаний в СБ ООН, где требуются определенные речевые ограничения, языковая личность В.И. Чуркина проявлялась еще более ярко. Например, в острейший период последнего десятилетия – момент присоединения Крыма, в марте 2014 г. В.И. Чуркин так отреагировал на обвинения журналистки CNN Кристиан Аманпур, заявившей, что он отказался от интервью с ней, не желая «покинуть зону комфорта» и отвечать на неудобные вопросы: «*Что касается моего нежелания, как Вы сказали, покинуть "зону комфорта", здесь Вы совершенно правы. После* ***8*** *заседаний СБ ООН по ситуации на Украине и в Крыму (****6*** *из них прошли перед телекамерами) я и вправду чувствую себя весьма комфортно, потому что правда начинает выходить на свет. Если Вы намекаете, что я не хочу отвечать на неудобные вопросы, то должны помнить, что я выступал в Национальном кафедральном соборе Вашингтона в 1983 г., через две недели после того, как был сбит южно-корейский авиалайнер, а затем давал показания в Конгрессе США в мае 1986 г. после аварии на Чернобыльской АЭС, не говоря уже о сотнях других выступлений в СМИ и прямом эфире. Так что я любому могу объяснить, что значит "выйти из зоны комфорта"».*

Еще одним примером мгновенной реакции в рамках спонтанной речи на выступления контрагента может служить ответ В.И. Чуркина на заявление в мае 2014 г. на очередном заседании СБ ООН представителя Украины, что в отношениях с Россией первостепенным остается вопрос о возвращении Крыма, «и отсюда мы собираемся плясать». «***Я не знаю, откуда вы там собираетесь плясать***, – ответил Виталий Чуркин, – но переговоры наши будут вестись по широкой повестке дня и не будут диктоваться Киевом». Тогда же в августе 2014 г. в Совете Безопасности ООН в ходе дискуссии по Украине В.И. Чуркин в очередной раз использовал интертекст, который, впрочем, вряд ли был понят слушателями: «*То, что произошло в Совете Безопасности, мне напомнило* ***королевство кривых зеркал****, поскольку некоторых членов Совета не интересовало, что на востоке Украины гибнут мирные люди, не интересовало то, что там гуманитарная катастрофа, а волновал тот факт, что Россия оказывает гуманитарную помощь тем людям, которые находятся под обстрелом»*.

В июле 2015 г. В.И. Чуркин прокомментировал выступление на заседании СБ ООН главы МИД Украины П. Климкина, который в очередной раз обвинил Россию в причастности к крушению пассажирского лайнера Boeing и в поддержке ополченцев Донбасса. *«Зачем гражданские самолеты направляли в зону, где идут военные действия? Пассажиры малазийского Boeing могли не знать, что у вас вооруженный конфликт. Малазийские авиационные власти, в конце концов, могли не знать, что у вас вооруженный конфликт. Но это вы прекрасно знали. Почему вы это делали? Из жадности или по каким-то другим соображениям? Почему до сих пор не предоставили записи переговоров военных ваших авиадиспетчеров?* ***Вот вам и безнаказанность. Наказали кого-то за это, господин Климкин?*** *Наказали кого-нибудь в Украине за это?»* Структура речи с перманентно повторяющимися вопросами выделяет ситуативные доминанты, о которых писал Ю.Н. Караулов.

Заключение

Языковая личность дипломата представляет собой сложный феномен, который, с одной стороны, должен подчиняться правилам коллективной профессиональной языковой личности, которую можно рассматривать в рамках лингвоперсонологии [13], а с другой – оставаться уникальной. Работа в качестве Постоянного представителя в ООН в рамках современного информационного поля предполагает формирование нового формата речевого поведения дипломата, поскольку осуществляется профессиональная деятельность «на виду», особенно в современной ситуации цифровой дипломатии, когда как сами речи, так и видеоматериалы выступлений находятся в открытом доступе и могут стать объектом лингвистического, лингвосемиотического, политологического и любого иного анализа.

Рассмотренные на конкретных речах языковые личности постпредов СССР и РФ в СБ ООН Я.А. Малика и В.И. Чуркина обладают всеми чертами коллективной дипломатической личности, характеризуемой присутствием в речи стандартных дипломатических клише и терминов, присущих дипломатическому дискурсу, за которыми нередко скрываются более яркие эмоции. Однако экстралингвистическая и временна́я коммуникативная ситуации естественным образом накладывают на языковую личность свои ограничения. В отличие от политиков, речь которых по сути манипулятивна, наполнена языковой игрой разного рода, т.е. ношением речевых масок, дипломаты обязаны скрывать мысли и чувства и всегда демонстрировать симпатию к иностранным коллегам [7: с. 282]. Но по рассмотренным выступлениям мы видим, что этих положений не придерживались строго ни во времена работы Я.А. Малика, ни в наши дни. Поскольку выступления постпредов на заседаниях СБ ООН относятся к своего рода жанру публичных речей, ориентированных не только на тех, кто сидит в зале Совета Безопасности, но и на обычных «зрителей», интересующихся этой тематикой, речи постпредов, особенно по вопросам, касающимся интересов своей страны, отличаются повышенной

эмотивностью. Как мы писали в [2], в дипломатической речи «используется достаточный арсенал средств вербального выражения оценочности, позволяющий донести мнение государства другой стороне». Однако во время работы Я.А. Малика эта эмотивность была клишированной, с употреблением ассоциативно ожидаемой лексической функции Magn, а В.И. Чуркин, благодаря своей яркой языковой личности, выходил за пределы языковых дипломатических ограничений как в подготовленной речи на заседаниях СБ ООН, так и в спонтанной речи в ответах на замечания иностранных журналистов. Тем не менее глава дипломатии ЕС Федерика Могерини заявила о том, что имела возможность лично оценить огромный талант и открытость Виталия Чуркина и назвала его важным собеседником ЕС по ключевым вопросам. Не осталась равнодушной и Саманта Пауэр, пикировки которой с российским постпредом при ООН навсегда войдут в историю российско-американских отношений. «*Я опустошена новостью о смерти российского посла при ООН Виталия Чуркина. Виртуоз в сфере дипломатии и очень неравнодушный человек, который сделал все возможное для преодоления разногласий между США и Россией*», – написала она в Twitter.

Исследование речей постпредов СБ ООН средствами как качественного, так и количественного анализа позволяют оценить мотивационно-прагматический уровень языковой личности дипломата в ситуации дипломатических и информационных войн, что определяется задачами дипломатической вербальной защиты страны, и яркость личности дипломата позволяет реализовать эти интенции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бакумова, Е.В.* Ролевая структура политического дискурса : дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Бакумова. – Волгоград, 2002. – 200 с.

2. *Беляков, М.В.* Академический аспект дипломатического дискурса / М.В. Беляков, О.И. Максименко // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2019. – Т. XVI, № 1. – С. 61–67.

3. *Дейк ван, Т.А.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т.А. ван Дейк; пер. с англ. Е.А. Кожемякина [и др.]. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2013. – 344 с.

4. Дейк ван, Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк ; пер. с англ. В.В. Петрова. – Москва : Прогресс, 1989. – 312 с.

5. *Иссерс, О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – Москва : ЛЕНАНД, 2015. – 304 с.

6. *Иссерс, О.С.* Речевое воздействие : учебное пособие / О.С. Иссерс. – Москва : Флинта : Наука, 2009. – 244 с.

7. *Карасик, В.И.* Языковые ключи / В.И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2009. – 406 с.

8. *Караулов, Ю.Н.* Русская языковая личность : Интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций / Ю.Н. Караулов, Л.Н. Чулкина. – Москва : Изд-во РУДН, 2008. – 139 с.

9. *Мельчук, И.А.* Язык: от смысла к тексту / И.А. Мельчук. – Москва : Языки славянских культур, 2012. – 176 с.

10. *Сидоров, Е.В.* Отнология дискурса / Е.В. Сидоров. – Москва : URSS, 2008. – 228 с.

11. *Торкунов, А.В.* Дипломатическая служба / А.В. Торкунов [и др.] ; под ред. А.В. Торкунова и А.Н. Панова. – Москва : Аспект-Пресс, 2014. – 352 с.

12. *Шейгал, Е.И.* Семиотика политического дискурса : дис. … д-ра филол. наук / Е.И. Шейгал. – Волгоград, 2000. – 431 с.

13. Языковая личность: Моделирование, типология, портретирование // Сибирская лингвоперсонология / под ред. Н.Д. Голева. – Москва : ЛЕНАНД, 2015. – Вып. 2. – 432 с.

DOI:

ВЛИЯНИЕ ВОСТОЧНОАЗИАТСКОГО МЕНТАЛИТЕТА НА ФОРМИРОВАНИЕ ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ АВТОРОВ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

В.В. Фёдоров

В статье выявляются основные показатели влияния менталитета восточноазиатской общности народов на формирование вторичной языковой личности создателей англоязычных текстов газетно-журнальной периодики. Особое внимание уделяется вербальным проявлениям восточноазиатского менталитета в периодической печати Китая, Японии и Кореи на английском языке.

Ключевые слова: англоязычная газетно-журнальная публицистика Восточной Азии, восточноазиатский менталитет, национальная печать, содержание, адаптация, резистенция.

EAST-ASIAN MENTALITY AND LINGUISTIC IDENTITY OF THE ENGLISH LANGUAGE JOURNALISM AUTHORS

V.V. Fyodorov

The article distinguishes the main indicators of East-Asian nations' mentality impact upon the formation of linguistic identity of the English language journalism authors. Special attention is given to the verbal manifestations of East-Asian mentality in China's, Japan's, and Korea's periodicals in English.

Key words: East Asia countries' English language journalism, East-Asian mentality, national press, content, adaptation, resistance

Понятие *языковая личность* было впервые введено в научный обиход В.В. Виноградовым [5: с. 77]. Позже оно получило развёрнутое толкование в работах Ю.Н. Караулова, по мнению которого языковая личность – это человек, обладающий способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определённой целевой направленностью [8: с. 4]. В структуру языковой личности обычно включаются три компонента: 1) ценностный (мировоззренческий), отражающий систему ценностей или жизненных смыслов, формирующихся в процессе становления и развития личности; 2) культурологический, подразумевающий уровень овладения культурой, способствующей формированию умений и навыков адекватного употребления языковых средств согласно специфике той или иной социокультурной ситуации в процессе осуществления определённой деятельности; 3) личностный, включающий всё то индивидуальное, глубинное, что есть в каждом человеке, отражаемое в его индивидуальной ментальности и языке [2: с. 615].

Понятие языковой личности отражает культурно-языковую идентичность коммуникантов как членов единой культурной общности, признающих специфику своей культуры, выражаемой родным для них языком. Следует отметить, что большинство из современных исследователей проблем культурно-языковой идентичности предпочитают использовать наряду с термином *языковая личность* такие понятия, как *культурно-языковая личность* [6: с. 97], *лингвокультурная личность* [13: с. 121] *коммуникативная личность* [7: с. 22] и пр., предполагающие рассмотрение «языковой личности в парадигме речевого общения, в деятельности» [14: с. 58]. Дискуссионный характер вопроса о том, меняется ли культурно-языковая идентичность пользователя неродным языком, способствует осознанию того факта, что этническая и культурно-языковая идентичность не являются одним и тем же. По мнению З.Г. Прошиной, «Человек может относить себя к конкретному этносу, но знание других языков даёт ему возможность постижения других культур и вести себя соответственно требуемой ситуации в той или иной культуре» [15: с. 109–110]. Этническая культурно-

Фёдоров Виталий Викторович – доктор филологических наук, доцент кафедры экономических и социально-гуманитарных наук Петропавловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Петропавловск-Камчатский).

Vitaliy Viktorovich Fyodorov – Dr. (Philology), Habil., Associate Professor, Petropavlovsk Branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Relations.

E-mail: vvfyodorov@mail.ru

© Фёдоров В.В., 2020

языковая идентичность в этом случае представляется стабильной, в то время как культурно-языковая – гибкой [23: с. 116].

В связи с этим в языкознании появился термин *вторичная языковая личность*, подразумевающий человека, «изучающего язык, охарактеризованного на основе анализа произведённых им текстов, с точки зрения использования в них средств данного языка для отражения окружающей действительности (картины мира) и для достижения определённых целей» [1: с. 37]. Лингводидактическое толкование данного понятия было предложено И.И. Халеевой, полагающей, что вторичная языковая личность обладает совокупностью способностей общения на втором языке на межкультурном уровне и представляет собой «конечный пункт инокультурации языковой личности» [20: с. 277–278]. З.Г. Прошина отмечает, что, несмотря на то что термин *вторичная личность* не может быть признан самым удачным, поскольку не всегда передаёт положительное значение, в данном случае его использование вполне оправдано, поскольку на первый план выступает не его коннотация, а значение, отражающее последующую, более позднюю ступень развития [15: с. 110].

Особый интерес представляет исследование факторов, влияющих на формирование вторичной языковой личности, которые проявляются в институциализированных формах речи на неродном языке, таких как англоязычные газетно-журнальные публикации, выходящие в инокультурных социумах. Ярким примером здесь может служить восточноазиатская периодическая печать на английском языке, авторами публикаций которой являются журналисты из разных стран мира, которые подразделяются на три группы. Первая группа включает англичан и американцев, которые пишут на эндонормативном варианте британского или американского вариантов английского языка и не являются вторичными языковыми личностями. Вторая группа включает авторов из стран Восточной Азии, которые создают свои публикации на региональных вариантах английского языка, тяготеющих к выработке собственной нормы оформления, и являются вторичными языковыми личностями. В состав третьей группы входят журналисты из других стран мира, которые отражают в своих материалах основные черты своих региональных вариантов английского языка и также являются вторичными языковыми личностями.

В дальнейших рассуждениях нас главным образом интересует языковая личность создателей материалов периодической печати из второй группы. Именно китайские, японские и корейские журналисты формируют стандарт оформления англоязычных печатных СМИ Восточной Азии. Их языковая личность формируется в билингвальном пространстве, где, наряду с родными языками, они должны осваивать вербально-семантический код английского языка, находясь под значительным влиянием *восточноазиатского менталитета*.

Современные исследователи часто используют для описания специфических черт мышления и поведения отдельных народов термин *этнический менталитет*, который включает как этнически окрашенные коллективные представления о мире, доминирующие у членов этноса, так и особенности их деятельности, находящие своё отражение в продуктах материальной и духовной культуры [4: с. 7]. Вполне очевидно, что данное понятие не может быть использовано в полной мере для описания восточноазиатского менталитета, поскольку напрямую связано с представлением об этносе, одной из неизменных характеристик которого является наличие единого языка у его представителей [21: с. 57], что не соответствует положению дел в странах Восточной Азии, население которых говорит на разных языках.

Одним из возможных подходов к выбору термина, получивших широкую известность в гуманитарных дисциплинах, является подход Ю.В. Бромлея, который полагает, что этнос представляет собой «этносоциальный организм» во всём многообразии своих внутренних связей и внешних проявлений [3: с. 33]. Подобный подход позволяет рассматривать в качестве такого этносоциального организма как всю общность народов Восточной Азии, так и социумы каждого из государств, находящихся в этом регионе. В этом случае термин *этнос* может быть заменен на представление об этноисторической общности, которая включает в себя несколько самостоятельных этносов и обладает *этноисторическим менталитетом* – наиболее общими устойчивыми и социально закреплёнными стереотипами мышления и поведения этноисторической общности, находящими отражение в языке и культуре. Высказанное замечание представляется достаточно существенным, поскольку в нём находит отражение как этноисторический менталитет, присущий всем восточноазиатским народам независимо от их национальной принадлежности, так в определённой мере и *этносоциальный менталитет*, характерный только для социумов Китая, Японии и Кореи.

Общность этноисторического менталитета народов Восточной Азии формировалась в ходе развития их государственности и культуры. При этом наибольшую роль в этом процессе играют следующие факторы: географический, исторический, религиозно-философский и фактор иероглифического письма. Склад мышления восточноазиатских народов является результатом их многовекового культурного и политического взаимопроникновения, что предоставляет достаточно оснований для выяв-

ления инвариантной основы их менталитета. Основополагающим фактором при этом является, в первую очередь, то, что большая часть их населения в течение значительных исторических промежутков времени оказывалась в условиях жёсткой внешней несвободы или ограниченной (обществом и природой) свободы. В этих условиях формировалась жизненная необходимость выбора той или иной формы оптимального и гармоничного существования и миропонимания, комплиментарного окружающей среде. Наиболее яркими проявлениями этого, по мнению ряда ученых, являются следование социально-этическим нормам «неконфликтного» характера (конфуцианство, даосизм, буддизм), формирование интровертной психики, развитие разнообразных аскетико-мистических религиозных практик и форм духовного существования [17; 18]. Таким образом, менталитет восточноазиатского человека – это в своей исторической основе менталитет человека, по преимуществу, интравертного, с преобладанием внерациональных форм постижения мира, высокотерпимого, способного находить духовные и практические цели и смыслы существования в условиях, не располагающих к этому.

Помимо этого исследователи выделяют специфические черты этносоциальных менталитетов каждого из народов, проживающих в данном регионе. К наиболее заметным из них у современного жителя Поднебесной традиционно относят стратагемность мышления [9: с. 76–85], умение поставить себя на место другого, внушаемость, склонность к простым логическим конструкциям и пр. [11: с. 45]. Отмечается, что благодаря впечатляющим изменениям в экономике у китайцев значительно выросло национальное самосознание, что привело к изменению их отношения к иностранцам от подобострастного к самоуверенному.

Японский этносоциальный менталитет характеризуется тем, что в нём уживаются диаметрально противоположные сущности: приверженность к абстракциям, проницательность, изобретательность, рационализм наряду с медлительностью мыслительных операций, неуверенностью в себе и малоинициативностью [12: с. 213]. У жителей Страны восходящего солнца своеобразное отношение к гордости, которая соотносится в их сознании, в первую очередь, с чувством долга и общественным положением, при этом социальная позиция людей, включённых в одну группу взаимодействия с японцем, всегда рассматривается как более высокая. Наиболее заметными чертами японского национального менталитета также являются сентиментальность, умение «читать между строк», стремление к новизне, сильно развитое эстетическое чувство, любовь к природе и др. Кроме этого, отмечается, что в сознании современного японца сформирован так называемый комплекс иностранца, который характеризуется благоговейным отношением ко всему иностранному.

К основным составляющим корейского менталитета относят: гипертрофированное стремление к счастью и долголетию, прочно укрепившийся культ здоровья, гибкость восприятия окружающего мира, доминирование в структуре сознания семейных ценностей, стремление к материальному благосостоянию, уважение к труду, чрезмерная жажда знаний, чувственность и пр. Исследователи также выделяют в качестве специфической черты сознания корейского народа мощнейшее чувство национальной идентичности, которое трансформируется в сознании жителей Южной Кореи в представление о высшей ценности своей культуры и своей религиозной традиции, а в сознании граждан Северной Кореи – в крайние формы проявления национальной политической идеологии чучхэ [16: с. 72–135].

При анализе восточноазиатских периодических изданий на английском языке менталитет создающих их журналистов прежде всего проявляется в следовании ***традициям национальной массовой печати каждой из восточноазиатских стран,*** которые соотносятся с определёнными политико-идеологическими установками. Так, современные печатные СМИ Китая характеризуются непрерывным совершенствованием своего содержания: расширяется тематика выступлений, становится живее стиль публикуемых материалов, разнообразнее лексика журналистских произведений. В то же время эксперты отмечают, что масс-медиа КНР попрежнему являются государственной и партийной собственностью, в эту сферу запрещено привлекать иностранные инвестиции, на всех уровнях жестко контролируется политическая направленность сообщений печатных и электронных СМИ, а проект «Закона о печати» с середины 1980-х гг. находится на рассмотрении Парламента. Реализация конституционного права граждан на свободу слова ограничивается запретом на публикацию материалов, наносящих ущерб единству, территориальной целостности и суверенитету КНР.

Отличительными чертами массовой печати современной Японии являются: преимущественное распространение ежедневных газет по подписке, чёткая регламентация взаимодействия прессы с органами государственного и муниципального управления (положения «Этического кодекса журналиста», разработанного Ассоциацией издателей и редакторов в 2000 г., распространяются на все печатные СМИ), деление японских газет на коммерческие и некоммерческие, преимущественный выпуск газет крупными концернами и пр.

Ряд особенностей массовой печати современной Южной Кореи сближает её с японской периодикой:

преимущественное распространение по подписке, доминирование издательских концернов и деление изданий на коммерческие и некоммерческие. Кроме этого, периодические издания Южной Кореи имеют свои особенности. Во-первых, они выполняют более значительную идеологическую миссию по сравнению с прессой Японии. В условиях эфемерности политических объединений и склонности корейских политиков к компромиссам самого неожиданного характера главную роль в идеологических дебатах приобретают газеты и журналы, десятилетиями сохраняющие верность своей идейной и политической позиции. Во-вторых, крупные газеты и журналы отличаются особым отношением к понятию «коммерческая тайна». В условиях острой конкуренции они никогда не разглашают сведения, по которым можно составить представление о популярности того или иного издания. Все попытки определить их тиражи и объёмы подписки по расходу бумаги или опросам читателей наталкиваются на жёсткое сопротивление со стороны медийных магнатов и нередко заканчиваются в судах. В-третьих, корейская пресса характеризуется незначительным количеством «заказных материалов». Большинство известных журналистов создают свою репутацию годами, её важной частью является определённый и стабильный набор политических взглядов и пристрастий [10].

Всякое исследование современного состояния газетно-журнальной периодики Северной Кореи наталкивается на малодоступность информации о жизни этого восточноазиатского государства, проводящего длительное время политику самоизоляции. Данные немногочисленных первоисточников свидетельствуют о том, что **основная масса населения КНДР, как и прежде, узнает новости не по Интернету, а по газетам и журналам**. Главным печатным рупором Северной Кореи является газета «Нодон синмун» – центральный печатный орган Трудовой партии Кореи. Издание содержит всего шесть страниц, большую часть которых занимают материалы пропагандистского толка. В газете отсутствуют такие традиционные жанры, как интервью, репортаж – большая часть новостей представлена в пересказе. Основными чертами северокорейских печатных СМИ являются жёсткое государственное регулирование и чрезмерная идеологизированность.

Кроме того, менталитет создателей англоязычных публикаций проявляется в ***содержании соответствующих публикаций***. Анализ китайских печатных и электронных версий газет и журналов на английском языке за 2010–2017 гг. («Beijing Review», «China Informed», «China Daily», «Business Weekly», «21st Century», «Global Times») с точки зрения их содержания и этнической принадлежности авторов публикуемых материалов позволяет установить, что англоязычная газетно-журнальная публицистика Китая является одним из действенных инструментов распространения «азиатского контента». При помощи английского языка китайские газеты и журналы рассказывают о жизни своего государства и популяризируют национальную культуру, в связи с чем бóльшая часть публикуемых ими материалов посвящена внутренним проблемам КНР и создана китайскими журналистами, которые относятся к наиболее опытной и высокопрофессиональной части медийных работников.

В ходе исследования печатных и электронных выпусков японских англоязычных периодических изданий за 2010–2017 гг. («Tokyo Journal International Magazine», «International Herald Tribune» («The Asahi Shimbun»), «The Japan Times», «The Daily Yomiuri») было установлено, что англоязычная газетно-журнальная публицистика является в этом случае инструментом распространения неазиатского контента в восточноазиатской среде, что наглядно подтверждается данными об авторах публикаций. Даже самый беглый обзор японских газет и журналов на английском языке позволяет отметить наличие в них значительно бóльшего по сравнению с китайской англоязычной прессой количества материалов, созданных иностранными журналистами. Принимая во внимание тот факт, что одним из специфических проявлений «свободы прессы по-японски» является требование анонимности в целях сохранения и поддержания коллективного мнения редакции, можно сделать общий вывод об определённой ориентации японской англоязычной периодики на преимущественное описание событий за пределами страны и изложений позиций иностранных обозревателей по вопросам внутренней политики этой восточноазиатской страны.

Анализ содержания южно-корейских англоязычных периодических изданий за 2010–2017 гг. («Koreana», «The Korea Post», «The Korea Herald», «The Korea Times») позволил установить, что англоязычная газетно-журнальная публицистика Южной Кореи представляет собой инструмент распространения «азиатского контента» в восточноазиатской среде. Как и в случае с китайской англоязычной периодикой, бóльшая часть её публикаций принадлежит отечественным авторам, которые не только указывают своё имя, но и адрес электронной почты, что позволяет читателям поддерживать обратную связь с создателями материалов. Авторами ряда материалов являются иностранцы, некоторые публикации представляют собой перепечатки из крупных мировых СМИ и сопровождаются соответствующими ссылками. В этом смысле газеты и журналы Кореи на английском языке близки периодическим изданиям Китая. Большая часть публикуемых в них материалов посвящена региональным проблемам. Ин-

формация о жизни зарубежных государств касается не их политической жизни, а в первую очередь вопросов экономики, причем тех, которые могут оказать влияние на положение дел в самой Корее.

По наблюдениям исследователей, английский язык на территории Северной Кореи имеет ограниченное функционирование в системе образования наряду с его явной идеологизированностью [22: с. 179–180]. В этих условиях сам факт существования иноязычных СМИ можно рассматривать как часть идеологии, нацеленной на опровержение тезиса об изоляции страны от мирового сообщества, где англоязычная газетно-журнальная публицистика становится, в первую очередь, инструментом распространения «идеологического контента». Доказательством этому служат данные, полученные в ходе анализа электронных выпусков англоязычного издания КНДР «Rodong Sinmun» за 2015–2017 гг. Абсолютное большинство публикуемых в них материалов посвящены событиям внутри Северной Кореи, а авторы всех публикаций являются северокорейскими журналистами.

Сказанное позволяет дифференцировать содержательную направленность периодической печати на английском языке каждого из восточноазиатских государств в виде последовательности: интенсивно-центробежная (пресса КНДР) – центробежная (периодическая печать КНР) – умеренно-центростремительная (печатная периодика РК) – центростремительная (пресса Японии) [19: с. 172].

Наиболее ярко влияние восточноазиатского менталитета проявляется ***на языковом уровне***. Наблюдения показывают, что в англоязычной периодике Восточной Азии идет интенсивный процесс нативизации англо-американского газетно-журнального дискурса, характеризующийся наличием двух диалектически связанных тенденций. С одной стороны, в англоязычной прессе Дальнего Востока происходят адаптационные процессы, которые позволяют увидеть доминантность вербальных и невербальных средств оформления печатной периодики Великобритании и США. С другой стороны, наблюдается определённое сопротивление авторов публикаций этому влиянию. В дальнейшем эти процессы определяются как адаптация и резистенция. *Адаптация* предполагает перенос вербальных и невербальных средств оформления системообразующих параметров англо-американского газетно-журнального дискурса в англоязычную периодику восточноазиатских стран. *Резистенция* обозначает наличие вербальных и невербальных феноменов, отличающихся от стандарта оформления системообразующих параметров англо-американской печати.

Именно резистенция является отражением особого восточноазиатского менталитета создателей текстов публикаций. Её проявления – вербальные способы оформления газетно-журнального дискурса с ярко выраженной локализацией, свидетельствующей о функционировании региональных вариантов английского языка в качестве средства выражения «восточноазиатского» контента.

• *Широкое использование прецизионной лексики, связанной с общественно-политической жизнью восточноазиатских социумов, не встречающейся на страницах англо-американской периодической печати:*

топонимов: **(кит.)** Baode county, Balougou village, Huashiying, Jiangsu, Jiangxi province, Xian, Xianfang, Xingjian Uyghur Autonomous Region, Xiaohe, Zhejiang, Zhuzhou, etc.; **(яп.)** Akita City, Anyo, Asahikawa City, Fukui, Gamagori, Oi, Myeong-dong, North Phyongan Province, Songpa District, South Jeolla Province, etc., **(кор.)** Kangwon Province, Myeong-dong, North Phyongan Province, Sinpyeong, Tanghank Po, Yangyang, etc.,

эргонимов: **(кит.)** Bidu, Changan, Henun, Xinfa, Zijin Mining Group, Xichang Satellite Launch Center, etc.; **(яп.)** Chugoku, Hokuriku, Marubeni, Sojitz, Tokunoshima, Toyo Kogyo, Yoshinoya, etc.; **(кор.)** Dohwa, Hanjin, Horyong, Pyeonghwa, Sohae Space Centre, Sungho, etc.,

наименования культурных явлений: **(кит.)** Bai Ke Quan Shuo, Bokee, Double Ninth Festival, Double Ten Day, Flower Drum Opera, Knai Le Da Ben Ying, Weibo, Xiangcun Yuyan, Yin Xi, Zhi Yong Da Chong Guan, etc.; **(яп.)** Akinabara, Autumnal Equinox Day, Cherry Blossom Festival, Festival of Ages, Gegege No Niobo, Greenery Day, Sunaoni Narenakute, Takarazuka, Vernal Equinox Day, etc.; **(кор.)** Ch'ilsok, Chinju Sword dance, Hanjangunnori, Hanshik, Kwangmyongsong, Youngdung Day, etc.,

личных имён: **(кит.)** Cheng Yu, Guan Jianzhag, Li Jun, Zhang Yadong, Zheng Bingwen, Zheng Qiuxiang, etc.; **(яп.)** Asako Kawamoto, Asuka Saito, Etsuko Rimanda, Katsuhiko Chano, Toshimatsu Doi, Yoshimitsu Tomita, Yoshishiko Noda, etc.; **(кор.)** Ahn Ho-sang, An Jong Su, Chung Chang-kil, Chung Mongjoon, Choe Ryong Hae, Pak Myong Sun, Yoo Sungyup, etc.,

аббревиатур: **(кит.)** Agbank (Agricultural Bank), AH (Anhui Province), BJ (Bejing Municipality), CAAC (Civil Aviation Administration of China), SPC (Supreme People's Court), SX/SAX (Shanxi Province), TJ (Tianjin Municipality), etc.; **(яп.)** JACL (Japanese American Citizens' League), JAL (Japan Air Lines), JCP (Japan Communist Party), NISC (The National Centre of Incident Readiness and Strategy for Cybersecurity), etc.; **(кор.)** GSOMIA (General Security of Military Information Agreement), IONIQ (Ion+Unique), NKHR (Citizens' Alliance for North Korean Human

Rights), NKnet (Network for North Korean Democracy and Human Rights), SA (Strategy Analytics), etc.

• *Использование значительного числа неассимилированных ориентализмов общественно-политической и социально-культурной тематики,* среди которых выделяются *специализированные ориентализмы* и *ориентализмы-экзотизмы*. Первые представляют собой перенесённые из восточноазиатских языков в английский лексические единицы, которые встречаются преимущественно в газетно-журнальной периодике и регистрируются только контактологическими словарями: **(кит.)** daitouren «лидер», danwei «предприятие, производственный коллектив», deng «порядок», dufei «член бандитской группировки», duji «конкуренция», fa «закон, закономерность», gaige «перестройка», laojiao «трудовое перевоспитание», zhenfeng «партийная чистка», zhong «патриотизм, верность нации», zuxian «почитание предков», etc.; **(яп.)** akiramenai «желание довести начатое дело до конца», benkyo kai «производственное совещание», bento «коробка с обедом», chikan «хулиган», chochin kiji «газетная статья (публикация в прессе)», habatsu «фракция политической партии», hanbei «антиамериканские настроения», otaku «молодые люди, фанатично любящие компьютер», etc.; **(кор.)** anshim «умиротворение», anuen-saram «личное знакомство», chongbu «правительство», chae-myun «спасение репутации», chakupjachok «национальная независимость», chohoe «планёрка», him «власть», kimjongist «кимченировец», etc.

К *неассимилированным ориентализмам-экзотизмам* относятся встречающиеся в единичных контекстах лексические единицы, перенесённые из восточноазиатских языков в английский, которые воспроизводят фонографическую форму единицы языка-источника и не регистрируются словарями: ‘Sugar cane was introduced to the island from China about 400 years ago, and sugar cane products ranging from vinegar to **“*shouchu*”** (distilled spirits) are available’ [China Daily, July 17, 2010]; ‘Restaurants meeting these needs offer the venues of ***joshi-kai*** [women-only drinking parties]’ [The Daily Yomiury, July 20, 2012]; ‘Along with the idol posters and the ridiculously overpriced T-shirts were the Korean popular snack of ***tteokbokki*** (spicy hot rice cakes) and ***sundae*** (Korean-type sausages). And of course ***bulgogi*** (beef marinated Korean style) hamburgers, hotdogs and tacos’ [The Korea Herald, August 27, 2014]; etc.

• *Использование «локальных» прецедентных феноменов* – малознакомых носителям британского и американского региональных вариантов английского языка прецедентных имен и прецедентных высказываний, связанных с историей и культурой восточноазиатских стран. Так, статья, посвящённая итогам XVIII съезда Коммунистической партии КНР, содержит наименование стратегической доктрины Дэн Сяопина – ‘The next generation of leaders, too, will tread the same peaceful and prosperous path of **Win-Win Strategy**’ [China Daily, November 1, 2012]. Рассуждения одного из героев публикации о морали молодого поколения японцев включают наименование уникального природного явления Oji-goroshi (свечение неба после захода солнца), связанного с именем сказочного чудовища Oji, – ‘He remarked, that he did not recommend him to visit this **Oji-goroshi** party’ [Tokyo Journal International Magazine, October 21, 2014], а статья о бурном развитии Сеула в последнее десятилетие – название одного из престижных районов этого города: ‘In recent times Itaewon, once referred as “the ghetto of Seoul”, has revamped its status from a dangerous, scary place full of foreigners to one of Seoul’s **Gangnam districts**, newest must-see hot spots’ [The Korea Herald, July 12, 2014].

• *Формирование корпуса восточноазиатских прецедентных феноменов – газетно-журнальных идиоматических словосочетаний, возникших в политическом дискурсе восточноазиатских стран и перешедших в переводе в английский язык.* Например, **(кит.):** barefoot doctor, capitalist roader, Chinese economic reform architect, great helmsman, Great Leap forward, naked officials, socialism with Chinese characteristics, etc.; **(яп.)** black mist, bullet train, capsule hotel, comfort woman, crystal people, hara-kiri swap, hell camp, Yamato spirit, etc.; **(кор.)** bamboo wife, Black Tigers, Blue House, bullet taxi, Dark Period, day lamp, Hermit Kingdom, socialist construction, sun of Juche, supreme leader, undying leadership exploits, etc.

• *Использование традиционной восточноазиатской фразеологии, переведённой, как правило, путём калькирования на английский язык.* Например, **(кит.):** clouds and sun (проходимцы и лидеры), crystal mirror (беспристрастный судья), deterrent hushes and fierce waves (чрезвычайное событие, опасное положение, яростная борьба), fish bone (неподкупный чиновник), to bear sticks on smb’s back (просить прощение), to set the pillar (завоевать доверие, доказать действенность закона), wooden figure of prisoner (суровость закона), etc.; **(яп.)** fat age (лучшие годы), red books (бульварная литература), red press (жёлтая пресса), to be among five fingers (необычный, незаурядный, исключительный), to be like a dog and a monkey (не ладить между собой), to catch bream by shrimp (пожертвовать малым ради большого), to squeeze under red gates (поступить в Токийский университет), etc.; **(кор.)** heavy mouth (неразговорчивый человек; человек, которому можно доверять), to be caught by wind (быть обманутым), to collect sky stars (планировать осуществление невозможного), to drive nails into somebody (внушать что-либо), to eat guksu (присутствовать на свадьбе), to have heavy shoulders

(нести большую ответственность), to tear falcon tag off (скрывать, обманывать), etc.

В ряде случаев объектом калькирования становятся полные предикативные структуры (паремии), выступающие в качестве прецедентных высказываний: ‘In the singular chance to change their fate in one fell swoop, they were hoping to become, as a famous saying goes, **“the carp that jumps over the dragon gate”**’ [Global Times, August 18, 2011]; ‘The most commonly used traditional wise-saying of the Korean people using money is: “**Even the monkey will fall from the tree**”’ [The Korea Post, February 23, 2016]; ‘You know, I think such saying as ‘**Even Kobo makes mistakes**’ suits this situation perfectly well’ [The Japan Times, December 7, 2017].

Всё сказанное свидетельствует о том, что важным экстралингвистическим параметром восточноазиатской газетно-журнальной публицистики является *вторичность*, поскольку она представляет собой *вторичную газетно-журнальную публицистику*, в создании которой в той или иной мере участвуют *вторичные языковые личности*, формирующиеся под влиянием восточноазиатского менталитета. Наличие резистентных процессов в англоязычной восточноазиатской периодике может быть объяснено с позиции менталитета её создателей. Основными стимулами для оформления газетно-журнального дискурса на иностранном языке способами, ориентированными на отражение национально-культурной специфики, являются восточноазиатский традиционализм и стремление продемонстрировать собственную национальную идентичность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азимов, Э.Г.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – Москва : ИКАР, 2009. – 448 с.

2. *Андронкина, Н.М.* Понятие языковой личности и её типы в методике преподавания иностранных языков / Н.М. Андронкина, Е.Г. Голованова // Язык и ментальность / отв. ред. М.В. Пименова. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2010. – С. 614–620.

3. *Бромлей, Ю.В.* Очерки теории этноса / Ю.В. Бромлей. – Москва : Наука, 1983. – 412 с.

4. *Вельм, И.М.* Этнический менталитет: истоки и сущность (на примере удмуртского этноса) : дис. ... д-ра культурологии / И.М. Вельм. – Ижевск, 2004. – 287 с.

5. *Виноградов, В.В.* О художественной прозе / В.В. Виноградов. – Москва : Мысль, 1930. – 130 с.

6. *Воробьев, В.В.* Лингвокультурология / В.В. Воробьев. – Москва : Изд-во РУДН, 2008. – 340 с.

7. *Карасик, В.И.* Языковой круг: Личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2004. – 390 с.

8. *Караулов, Ю.Н.* Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – Москва : Наука, 1987. – 261 с.

9. *Каткова, Н.М.* Стратагемность мышления и поведения как характерная особенность китайской цивилизации / Н.М. Каткова // Вестник СПбГУ. – 2011. – Сер. 13. – Вып. 2. – С. 76–85.

10. *Ким, Г.Н.* Газеты и журналы Северной Кореи / Г.Н. Ким // Корё Сарам. – URL: http://koryo-saram.ru/gazety-i-zhurnaly-severnoj-korei (дата обращения: 11.06.2018).

11. *Крысько, В.Г.* Социально-политическая и психологическая характеристика населения Китая / В.Г. Крысько. – Москва, 1982. – 133 с.

12. *Крысько, В.Г.* Этническая психология / В.Г. Крысько. – Москва : Академия, 2007. – 320 с.

13. *Маслова, В.А.* Лингвокультурология / В.А. Маслова. – Москва : Академия, 2001. – 208 с.

14. *Прохоров, Ю.Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю.Е. Прохоров. – Москва : ЛКИ, 2008. – 224 с.

15. *Прошина, З.Г.* Контактная вариантология английского языка: Проблемы теории. World Englishes Paradigm / З.Г. Прошина. – Москва : Наука : Флинта, 2017. – 208 с.

16. *Тихонов, В.М.* История Кореи. Т. 1 / В.М. Тихонов, К. Магиль. – Москва : Наталис, 2011. – 533 с.

17. *Ушаков, П.В.* Традиции Запада и Востока в культуре и образовании современной России / П.В. Ушаков // Проблемы устойчивого развития общества и эволюции жизненных сил населения Сибири на рубеже XX–XXI веков. – Барнаул, 1998. – С. 33–45.

18. *Ушаков, П.В.* Природа восточного, западного и российского менталитета / П.В. Ушаков, Е.В. Ушакова, Г.В. Дербан // Ползуновский альманах. – Барнаул : Изд-во АлтГТУ им. И.И. Ползунова, 2003. – № 1–2. – С. 114–121.

19. *Федоров, В.В.* Лингвистические и экстралингвистические параметры англоязычной газетно-журнальной публицистики Восточной Азии : дис. … д-ра филол. наук / В.В. Федоров. – Нижний Новгород, 2019. – 401 с.

20. *Халеева, И.И.* Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста / И.И. Халеева // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. – Москва : РАН ИРЯ, 1995. – С. 277–278.

21. *Широкогоров, С.М.* Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений / С.М. Широкогоров. – Москва : Либроком, 2012. – 136 с.

22. *Lee, Sun-Hwa.* Language Change in Korean with Special Emphasis on Semantic Change of English Loanwords / Lee Sun-Hwa. – Koln : University of Cologne, 1996. – 239 p.

23. *Norton, B.* Identity and language learning / B. Norton, K. Toohey // Oxford Handbook of Applied Linguistics. – Oxford : Oxford University Press, 2002. – P. 115–123.

DOI:

ДИСКУРСИВНЫЙ ПОРТРЕТ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КНР СИ ЦЗИНЬПИНА В ЗЕРКАЛЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ АВТОРОВ ВЕДУЩИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ США

Э.Г. Меграбова

Ю.С. Лыткина

Статья посвящена одной из центральных категорий антропоцентрической лингвистики – языковой личности. Специфические характеристики коллективной культурно-языковой личности рассматриваются в акте дискурсивной деятельности авторов ведущих политических журналов США, которые представлены как носители национально-культурных ценностей американского социума. Дискурсивное сообщество журналистов анализирует образ председателя КНР Си Цзиньпина с точки зрения основных либеральных ценностей: демократии, свободы, индивидуализма, патриотизма, прогресса в контексте этнокультурной поляризации «свой»–«чужой».

Ключевые слова: коллективная культурно-языковая личность, дискурсивное сообщество, либеральные ценности, демократия, индивидуализм, традиционализм, коллективизм.

THE DISCOURSE PORTRAIT OF CHINA'S CHAIRMAN XI JINPING IN THE MIRROR OF THE COLLECTIVE CULTURAL AND LANGUAGE IDENTITY COMPILED BY THE AUTHORS OF THE AMERICAN LEADING POLITICAL JOURNALS

E.G. Megrabova

Yu.S. Lytkina

The article dwells on one of the central categories of anthropocentric linguistics – language identity. Specific characteristics of the collective cultural and language identity are considered in the discourse of authors of the American leading political journals who are represented as bearers of national culture values of the American society. The journalistic discourse community analyses the image of China's Chairman Xi Jinping in the mirror of the basic liberal values: democracy, liberty, individualism, patriotism, progress in the context of the ethno-cultural polarization «the own»–«the alien».

Key words: collective cultural language personality, discourse community, liberal values, democracy, individualism, traditionalism, collectivism.

Категория языковой личности является одним из основных понятий в современной лингвистике (лингводидактика, прагмалингвистика, дискурсология, лингвокультурология и т.д.). Употребление термина «языковая личность» почти одновременно появляется в 30-е гг. XX в. в работах Й.Л. Вайсберга и В.В. Виноградова [3: с. 24]. Детальное же осмысление этого термина происходит благодаря работам Г.И. Богина [1] и особенно Ю.Н. Караулова [5]. «На знамени прагмалингвистики был начертан лозунг "За каждым текстом стоит языковая личность", раскрывающий широкий диапазон исследований речевой деятельности человека, начало которым было положено в трудах В. Гумбольдта, младограмматиков, Бодуэна де Куртене и Л.В. Щербы» [9: с. 5].

Человек, создатель, носитель и пользователь языка, а также дискурс, представляющий собой деятельность языковой личности по вербализации мышления, занимают центральное положение в антропоцентрической парадигме лингвистики. Отношение к человеку, индивиду как языковой личности предполагает включение его в социальные отношения и, таким образом, языковая личность оказывается представителем культурного знания данного общества, а следовательно, осуществляет

Меграбова Эмма Грайровна – кандидат филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Emma Grairovna Megrabova – Doctor (Philology), Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University (Vladivostok).

E-mail: emik41@yandex.ru

Лыткина Юлия Сергеевна – магистрант Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Yulia Sergeevna Lytkina – Graduate Student, Far Eastern Federal University (Vladivostok).

E-mail: killer@inbox.ru

© Меграбова Э.Г., Лыткина Ю.С., 2020

речемыслительную деятельность по нормам той или иной национальной языковой культуры. «Культура есть результат семиотического выражения когнитивной деятельности отражения мира, которая, наряду с его преобразованием, составляет две основные формы индивидуального и социального бытия» [2: с. 74].

Существуют различные варианты определения культурно-языковой личности. Остановимся на определении, подчеркивающем воплощение культуры в языке представителем языкового коллектива. Культурно-языковая или лингвокультурная личность – это «закрепленный в языке (преимущественно в лексике и синтаксисе) базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка» [6: с. 34].

Ю.Н. Карауловым была разработана трехуровневая модель языковой личности, т.е. в структуре языковой личности выделяются три уровня: 1) вербально-семантический, отражающий степень владения языком; 2) когнитивный, предполагающий актуализацию знаний и представлений, присущих социуму и языковой личности: понятий, концептов, идей, формирующих определенную картину мира личности и отражающих ее культуру, иерархию ценностей. Именно ценности определяют тип культуры; совокупность ценностей создает ценностную картину мира. Когнитивный уровень и ценностная составляющая языковой личности особенно актуальны при анализе коллективной языковой личности; 3) третий уровень в структуре языковой личности – прагматический, включающий характеристику намерений, интенций, целей, направляющих языковую личность в ее речевой деятельности [5: с. 5]. Комментируя специфику знаний и представлений, В.В. Красных выделяет три набора знаний и представлений: 1) индивидуальное когнитивное пространство, представляющее совокупность тех знаний и представлений, которые определяют человека как индивидуальную языковую личность; 2) коллективное когнитивное пространство, выраженное совокупностью знаний и представлений, позволяющих причислить человека к определенной социальной группе; 3) тот набор знаний и представлений, который объединяет языковые личности в «национально-лингво-когнитивное сообщество». Этот комплекс знаний и представлений – сфера интереса и анализа представителей когнитивной лингвистики и лингвокультурологии [7: с. 41–43].

Понятие личности связывается с общественным характером жизнедеятельности человека. «В трактате "О личности" Л.П. Карсавина феномен личности раскрывается через понятия индивидуальной и социальной личности … Развивая концепцию Л.П. Карсавина, Н.С. Трубецкой также распространяет понятие личности не только на отдельного человека, но и на народ: "мы признаем реальностью не только индивидуальную личность…, а и социальную группу, … и человечество … мы считаем и называем их личностями соборными …". Единство коллективной личности проявляется в согласованном со-действии составляющих ее индивидуальных личностей» [10: с. 77–78]. Авторы достаточно многих работ признают наличие двух ипостасей языковой личности: индивидуальной и коллективной (совокупной, соборной). Коллективная языковая личность неразрывно связана с национальным менталитетом, национальной культурой, с определенным кластером ценностей: «Языковая личность …. – обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [4: с. 22].

Материалом нашей работы послужили статьи американских периодических изданий Newsweek, Time Magazine, посвященных личности председателя КНР Си Цзиньпина. Коллективной (совокупной) языковой личностью в данном случае выступают в совокупности авторы статей. Бесспорно, корпорацию журналистов можно было бы охарактеризовать как корпоративную (групповую) культурно-языковую личность, обладающую общими знаниями, имеющую совместные представления и разделяющую те общие ценности, которые и позволяют отнести их к определенной социальной группе. Но нас интересует совокупность журналистов именно как коллективная культурно-языковая личность, отражающая в своей деятельности прежде всего те ценности, которые и объединяют индивидов в национально-культурное сообщество.

Роль СМИ в настоящее время трудно переоценить. СМИ стали главным инструментом не только информирования общества, но и манипулирования общественным мнением. СМИ «фактически контролируют всю культуру, пропуская ее через свои фильтры, выделяют отдельные элементы из общей массы культурных явлений и придают им особый вес, повышают ценность одной идеи, обесценивают другую, поляризуют таким образом все поле культуры» [8: с. 17].

Дискурс исследуемых статей предстает как либеральный, отражающий либеральные ценности, характерные для мировидения американского социума и всего Западного ареала: идея прогресса, рациональный индивидуализм, сокращение роли государства, приоритет индивидуальных интересов перед государственными и вытекающие отсюда свободы и права индивида, невмешательство в личное жизненное пространство. Базой либерализма послужили ключевые идеи Просвещения – культ разума и свободы, свободного самовыражения индивида, утверждения о том, что независимый атом – индивид,

преследующий собственные интересы, является основой общества. Авторы ведущих политических журналов США отстаивают принципы индивидуализма, свободного самовыражения, конкуренции, потребительства, открытости общества, плюрализма. Прогресс, по мнению идеологов философии либерализма, прямо противоположен традиционному обществу, выражается ли это в виде «любви» к свободе или стремления к развитию.

Образ современного Китая, его руководителей нередко привлекает внимание зарубежных средств массовой информации, формирующих свой фрагмент информационной языковой картины мира под названием «Китай», отталкиваясь от собственных ценностей, руководствуясь своими целями, установками, намерениями. Китай, как и США, – ведущая держава, оказывающая, бесспорно, влияние на развитие современного мира. Между этими странами существуют значительные различия: Китай – страна с пятитысячной историей, США же насчитывают около трех веков. Китай относится к так называемым традиционным обществам, Соединенные Штаты Америки являются обществом индивидуалистическим. Дж. Лакофф пишет: «Я определяю "классический теоретический либерализм" как имеющую долгую историю систему взглядов относительно того, что индивидуумы являются или должны быть свободными, автономными субъектами, каждый из которых преследует свой собственный интерес» [12: с. 19].

Либеральные ценности – основание для описания и анализа политических, социальных и культурных аспектов жизни Китая и его руководства. Высшая политическая ценность Америки – **демократия**, власть большинства, власть народа. Демократия как образ правления закреплена конституцией США. Отношения председателя КНР и народа Китая рассматриваются авторами анализируемых статей в контексте «свой»–«чужой», в принципе с точки зрения этнокультурного противопоставления. «Чужим» является формирование в китайском обществе, по мнению журналистов, «культа личности» Си Цзиньпина. В репрезентации этого выражения прослеживается контраст культур, этнокультурная поляризация ценностных оснований. Уже в заголовках статей зафиксирован процесс дискредитации председателя КНР. Вместо диалога власти с народом журналисты отмечают безудержное единовластие, вместо демократии – автократию: «*China's Chairman Builds a Cult of Personality*» [17]; «*Ode to Autocracy: Viral Poem Highlights Cult of China's Leader*» [21]. В заголовке от 6 марта 2015 г. «*Xi is Leading China away from Democracy*» журналист Кристиан МакГуайр сформулировал основную тему статьи: с приходом к власти Си Цзиньпина Китай все больше отдаляется от либеральной демократии [24]. В начале правления Си жители Китая возлагали большие надежды на то, что новый политический лидер страны будет склоняться к демократической системе, но уже после двух лет его правления стало очевидно, что идеи и планы Си Цзиньпина далеки от демократии. По мнению журналиста, китайский лидер аккумулирует политическую мощь, превосходящую ту, которой обладал Мао Цзэдун: *Xi Jinping has already accumulated more authority than any of his predecessors since Mao Zedong* [17]; *Xi Jinping has amassed an enormous amount of power in his own hands* [24].

Большой резонанс вызвала новость об отмене срока полномочий председателя КНР Си Цзиньпина, что позволяет ему оставаться на своем посту на неопределенный срок. Освещение этой новости содержится в статье, опубликованной 28 февраля 2018 г. под названием «*China's War on Words Show Xi Jinping Is A Dictator For Life*» [18]. Еще одна статья, посвященная «пожизненному правлению» китайского лидера, была опубликована 5 марта 2018 г. Автор статьи Билл Пауэлл использует вопросительно-ответную форму заголовка: «*President for Life? Xi Jinping May Now Be China's New Emperor*» [22]. Журналист называет Си Цзиньпина «новым императором», ссылаясь на историческое прошлое Китая. Довольно часто авторы статей используют различные эпитеты: *most powerful Chinese leader; China's strongest leader for generations; paramount leader; core leader; supreme commander*. Журналисты сравнивают нынешнего лидера с предыдущими главами КНР, называя его самым могущественным китайским лидером. Также часто встречается лексема «*emperor*» применительно к китайскому лидеру, что является отсылкой к историческому имперскому прошлому Китая. Сам Китай журналисты также называют его историческим наименованием времен династии Западного Чжоу «*the Middle Kingdom*» (Срединное государство). Цели, которые преследует Си Цзиньпин в отношении китайского общества, наводят американских журналистов на мысль о сходстве нынешнего режима правления в Китае с антиутопическим романом Джорджа Оруэлла «1984». Роман изображает тоталитарное общество с вездесущим надзором со стороны государства, проводимым под руководством «Большого брата» и «партии». Поэтому в статьях встречается аллюзия на роман: *authoritarian state as described by George Orwell's novel, 1984; the Orwellian measures*. Большинство американских журналистов сходятся во мнении о том, что Си Цзиньпин в своем стремлении сосредоточить власть в своих руках, а также контролировать все аспекты внешней и внутренней политики Китая является автократом, диктатором, тираном. Об этом свидетельствует следующий ряд лексических

единиц с негативной окраской: *effective authoritarian reformer; authoritarian ruler; dictator for life; tyrant; real autocrat; power-mad.*

Свобода считается весьма почитаемой и пропагандируемой американской ценностью. Идея свободы личности материализована в скульптурной метафоре Статуи Свободы. Воплощение личной свободы, личного контроля – индивидуализм. Эта ценность подразумевает, что индивид – центр социума. В противоположность индивидуальной свободе как величайшей ценности национальной культуры США Си Цзиньпин ужесточает контроль в партии и китайском обществе, что отражено в заголовке «*Communist China President Xi Jinping Now Wants to Control Religion Too*» [20]. Журналистка Кристина Маза поднимает тему отношения власти к религии. Автор использует наречие «*too*», подразумевая, что Си Цзиньпин планирует распространить свое влияние на все сферы жизни жителей Китая, в том числе взять контроль над религиозными убеждениями. В статье под заголовком «*Xi's Crackdown on Dissidents Echoes Mao's Repression*» журналист пишет о том, что политическое давление и борьба с инакомыслием в партии напоминает репрессии в период правления Мао Цзэдуна, который выступал за тотальное искоренение инакомыслия и уничтожение оппозиционных сил в стране [26]. Журналисты отмечают методы установления контроля в Китае: ужесточение цензуры в интернете, систему «социального кредита» (рейтинга), контроль над частным бизнесом: «*Xi has also strengthened controls over public expression by aggressively censoring social media, and has introduced plans to implement a "social credit" system that rates citizens on all facets of their lives, from social media activity to credit worthiness»* [15]; «*Xi has taken personal control of policymaking on everything the economy, national security and foreign affairs to the Internet, the environment and maritime disputes»* [17]. Вербализуя идеи о стремлении Си Цзиньпина к установлению тотального контроля в государстве, журналисты используют глаголы, объединенные семой «усиления»; в данном случае имеется в виду усиление контроля: *strengthen consolidate, increase, tighten, enhance* и т.д.

Патриотизм – еще одна культурная ценность американцев. Граждане гордятся своей страной, они считают, что их страна благословенна. Американский патриотизм носит политический характер. Американцы высоко ценят свою свободу и демократию и считают, что защищать свободу и демократию во всех точках планеты их прямая обязанность. Американский патриотизм проникнут духом национального превосходства, избранности и проистекающего отсюда мессианства. Однако когда речь заходит о Китае и его лидере, идеи о величии нации квалифицируются журналистами как **национализм**. Какова же разница между этими двумя ценностями? Патриотизм – духовно-нравственное чувство, национализм же – политическая идеология, основная цель которой – защита интересов конкретной нации. Джордж Оруэлл замечает: «Патриотизм по своей природе не агрессивен ни в военном, ни в культурном отношении. Национализм же неотделим от стремления к власти» [11]. Американские журналисты пишут только о национализме Си Цзиньпина. На протяжении всего периода правления Си Цзиньпина во всем Китае происходит, по мнению журналистов, подъем национализма: *Xi has similarly evoked nationalism to make China great again* [16]; *Xi stoked Chinese nationalism while casting himself as a world statesman* [25]. Подтверждением приверженности лидера Китая идеям национализма служит, как полагают в американских масс-медиа их создатели, речь («*nationalistic speech*») Си Цзиньпина на XIX съезде Компартии Китая. Его философия под названием «Мысли Си Цзиньпина о социализме китайского образца в новой эре (*Xi Jinping Thought on Socialism with Chinese characteristics for a New Era*)» была включена в устав КПК. Освещение данных идей нашло отражение во многих публикациях американских СМИ. В статьях говорится о националистической риторике философии Си Цзиньпина, об идеях о «великом омоложении китайской нации» и его обещании восстановить заслуженное место страны в современном мире. Распространенность идей национализма репрезентируется через словосочетания со значением «увеличение, возрастание»: *increased Chinese nationalism; China's rising nationalism; nationalism will increase further*. Следует сказать, что среди журналистов нет разногласий по поводу приверженности лидера КНР национализму: *Xi ... is an unabashed nationalist* [19]. Его целью является поддержание и усиление национализма в обществе, считают американские журналисты: *stoked Chinese nationalism; evoked nationalistic themes*. Особое внимание журналистов уделено концепции «Китайская мечта», которая подразумевает «великое возрождение великого китайского народа»: *create «the Chinese dream» and «national rejuvenation»; idea of an ultra – nationalist «Chinese dream»; realizing the great renewal of the Chinese nation.*

Речь Си Цзиньпина 29 ноября 2012 г., получившая название «Китайская мечта» («*Chinese Dream*»), затрагивает основу национального развития: ценности Китая. Новый лидер (Си Цзиньпин стал новым руководителем Коммунистической партии Китая в ноябре 2012 г.) подчеркнул разницу между дорогой Китая к национальному возрождению («*Chinese Road to National Revival*») и путем Запада («*Western Paths*»). Внутригосударственная политика лидера Китая направлена на сохранение и про-

движение традиционных ценностей Китая: *campaign to promote traditional values in China; spread traditional Chinese values*.

Прогресс, постоянное движение вперед, – еще одна ценность, которой привержены американцы [14]. Приветствуется любой прогресс, и технический, и политический. Американские СМИ характеризуют Си Цзиньпина как консерватора, не склонного проводить в жизнь западные идеи. Использование эпитета в словосочетании «*a hardcore conservative*» подчеркивает бескомпромиссную приверженность консерватизму. Си Цзиньпин ищет новый путь развития Китая с использованием национальной традиции. Он уделяет внимание проблемам идеологии, всеми силами продвигает традиционную культуру, ищет в ней ресурсы для решения современных проблем: *Xi's politically conservative approach to governance, which relies on ideological oversight, has alienated the country's liberal intellectuals* [23]. Отмечается, что идеи лидера Китая далеки от либерализма. Эта мысль репрезентируется через метафору: *All hope that China's new leader could morph into a liberal reformer seems to have vanished*. Нередко в публикациях встречается мысль о том, что правитель отдаляет страну от демократии: *China has moved further away from liberal democracy during Xi's first two years in office … China's new leader was not about to set the country on a course for liberal democracy* [24]. При описании китайского общества американские журналисты также используют прилагательные со значениями «консервативный, традиционный»: *traditional, conservative society; many parts of society still hold conservative views on socials issues*. Прогресс квалифицируется авторами статей именно как следование западным ценностям, а консерватизм – как традиционализм, опора на идеи традиционного общества. Сильное влияние традиционных ценностей объясняется и тем, что еще недавно в Китае преобладающим большинством населения были крестьяне. Негативное отношение к обществам, базирующимся на традиционных ценностях, было отмечено еще у идеологов Просвещения. Так, один из творцов философии рационализма Джордж Стюарт Милль считал, что состязание между двумя принципами – прогрессом и традицией составляет главную интригу человечества. Он писал, что «большая часть мира не имеет, собственно говоря, истории, потому что деспотизм традиции – абсолютен. Так обстоит дело со всем Востоком (цит. по: [13: с. 103]). В условиях глобализации, когда западная массовая культура теснит национальную культуру, существует угроза собственному наследию, что может привести к росту нигилизма, особенно среди молодежи. Государство во главе с руководством Китая старается создавать «новую национальную культуру», предлагая традиционные ценности взамен западных. Нередко это меры жесткие и непопулярные (например, тотальный контроль в Интернете), но, по-видимому, именно так Китай охраняет собственные культурные и общественные ценности, что укрепляет стабильность государства. Си Цзиньпин ищет новый путь развития Китая, используя национальные традиционные ценности.

Коллективная культурно-языковая личность формируется и существует в своей системе координат, которая создается спецификой восприятия мира того или иного народа, его картиной мира, его ценностями и представлениями. В нашей работе мы осветили доминантные культурные ценности, обеспечивающие мировоззрение национально-культурного социума США и, в частности, сообщество журналистов ведущих политических журналов. Это мировоззрение отражается в дискурсивной деятельности коллективной языковой личности, деятельности, которая происходит в определенных исторических рамках. В своей дискурсивной практике журналистское дискурсивное сообщество и квалифицирует деятельность председателя КНР Китая Си Цзиньпина исходя из собственных национально-культурных ценностей, собственного когнитивного пространства, что и позволяет квалифицировать его как отдельную коллективную культурно-языковую личность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богин, Г.И.* Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов : автореф. дис. … д-ра филол. наук / Г.И. Богин. – Ленинград, 1984. – 31 с.

2. *Докучаев, И.И.* Культура как когнитивная сфера: семиотическое измерение / И.И. Докучаев // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2013. – № 1 (37). – С. 74–77.

3. *Иванцова, Е.В.* О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования / Е.В. Иванцова // Вестник Томского гос. ун-та. – 2010. – № 4(12). – С. 24–32.

4. *Карасик, В.И.* Языковой круг: Личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2004. – 390 с.

5. *Караулов, Ю.Н.* Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – Москва : ЛКИ, 2010. – 264 с.

6. *Катермина, В.В.* Номинация человека: национально-культурный аспект (на материале русского и английского языков) : монография / В.В. Катермина. – Москва : Флинта : Наука, 2016. – 224 с.

7. *Красных, В.В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) : монография / В.В. Красных. – Москва : Диалог – МГУ, 1998. – 352 с.

8. *Моль, А.* Социодинамика культуры / А. Моль. – Москва : ЛКИ, 2008. – 418 с.

9. *Наумов, В.В.* Лингвистическая идентификация личности / В.В. Наумов. – Москва : КомКнига, 2007. – 240 с.

10. *Никитина, О.А.* К вопросу о типологии языковой личности в аспекте неологизации / О.А. Никитина // Научный диалог. – 2016. – № 3 (51). – С. 75–87.

11. *Оруэлл, Дж.* Философские цитаты и афоризмы про патриотизм / Дж. Оруэлл // Wisdoms.ru. – 2007–2017. – С. 4. – URL: http://www.wisdoms.one/tsitati_pro_patriotizm_4.html (accessed: 07.01.2020).

12. *Lakoff, G.* Moral politics: What Conservatives know that Liberals don't / G. Lakoff. – Chicago : The University of Chicago Press, 1996. – 416 p.

13. *Scollon, R.* Intercultural Communication: A discourse approach / R. Scollon, S. Scollon // Intercultural. – Peking: Foreign Language Teaching and Research Press; Blackwell, 2005. – 276 p.

14. *Stewart, E.C.* American cultural patterns / E.C. Stewart, M.J. Bennet. – Garmouth : Intercultural Press, 1991. – 192 p.

15. As Trump Adopts America First, China's Xi Set to Compete for World Leadership. – URL: http://www.newsweek.com/trump-adopts-america-first-chinas-xi-set-compete-world-leadership-699803 (accessed: 04.06.2018).

16. China Argues Donald Trump and U.S. Chaos Proves Democracy a Bad Idea. – URL: http://www.newsweek.com/china-argues-donald-trump-and-us-chaos-proves-democracy-bad-idea-687078 (accessed: 04.06.2018).

17. China's Chairman Builds a Cult of Personality. – URL: http://time.com/magazine/south-pacific/4278204/april-11th-2016-vol-187-no-13-asia-europe-middle-east-and-africa-south-pacific/ (accessed: 16.03.2018)

18. China's War on Words Show Xi Jinping Is a Dictator for Life. – URL: http://www.newsweek.com/china-xi-jinping-ban-823823 (accessed: 18.06.2018).

19. Clash of the Superpowers: Xi Jinping Comes to America. – URL: http://www.newsweek.com/what-expect-when-chinese-president-xi-jinping-visits-obama-374556 (accessed: 18.04.2018).

20. Communist China President Xi Jinping Now Wants to Control Religion Too. – URL: http://www.newsweek.com/china-xi-jinping-unveils-plans-nationalizing-religion-691610 (accessed: 18.06.2018).

21. Ode to Autocracy: Viral Poem Highlights Cult of China's Leader. – URL: http://time.com/4230280/china-xi-jinping-poem-media/ (accessed: 18.06.2018).

22. President for Life? Xi Jinping May Now Be China's New Emperor. – URL: http://www.newsweek.com/xi-jinping-china-president-life-830564 (accessed: 18.06.2018).

23. Why China's Xi Likes to Have It Both Ways. – URL: http://www.newsweek.com/why-chinas-xi-likes-have-it-both-ways-375106 (accessed: 04.06.2018).

24. Xi Is Leading China Away from Democracy. – URL: http://www.newsweek.com/xi-leading-china-away-democracy-312011 (accessed: 18.06.2018).

25. XI JINPING China's Leader Vies for Global Dominance. – URL: http://time.com/time-person-of-the-year-2017-xi-jinping-runner-up/?iid=sr-link2 (accessed: 04.06.2018).

26. Xi's Crackdown on Dissidents Echoes Mao's Repression. – URL: http://www.newsweek.com/xi-crackdown-dissident-echo-mao-repression-439163 (accessed: 21.06.2018).

DOI:

МЕТАФОРИЧНОСТЬ КАК ОТЛИЧИТЕЛЬНАЯ ЧЕРТА ВЕРБАЛЬНОГО ИМИДЖА Э. МАКРОНА

П.Г. Логинова

В статье рассматриваются особенности политического дискурса действующего президента Франции Э. Макрона. Исследуется процесс метафоризации, свойственный вербальному поведению французского государственного деятеля и отличающий его риторику от своих предшественников. Анализу подвергнуты метафоризированные стилистически-маркированные единицы языка, фигурирующие в выступлении Э. Макрона перед французским народом по случаю кончины Жака Ширака. Осуществлен анализ нестандартного механизма коммуникации Э. Макрона, проиллюстрировавший значение метафорических структур как когнитивного феномена, используемого французским лидером с целью модификации политической картины мира, оптимизации взаимодействия с потенциальными избирателями и управления общественным сознанием.

Ключевые слова: политический дискурс, вербальное поведение, метафорическая структура, Эмманюэль Макрон.

METAPHORICITY AS A DISTINCTIVE FEATURE OF THE EMMANUEL MACRON'S VERBAL IMAGE

P.G. Loginova

The paper discusses the specificity of E. Macron's political discourse. By analyzing E. Macron's speech delivered at the Elysee Palace on the 26th of September 2019 in commemoration of the passing of Jacques Chirac, the author argues that the abundance in such linguistic units as metaphors in E. Macron's verbal behaviour influences the unconscious reception and successfully models a social and political picture that objectifies the increase of his political power. Floweriness, beauty, intelligence, poignance, and profundity of his sophisticated verbal behaviour are illustrated in his discourse.

Key words: political discourse, metaphor, verbal behaviour, Emmanuel Macron.

За последнее время интерес к исследованию когнитивных механизмов формирования языковой модели мира в русле политической лингвистики возрастает. В политическом дискурсе государственных деятелей отображается существующая политическая реальность и прослеживается определенная сопряженность языка и политики. Перипетии исторического развития той или иной нации способствуют формированию определенного лексико-фразеологического тезауруса, важнейшим фрагментом которого представляются метафорические структуры самого разнообразного характера. Благодаря упомянутым изобразительно-выразительным средствам языка осуществляется манипулирование и управление сознанием той или иной нации.

Одной из ключевых целей анализа вербального поведения политических лидеров и политического дискурса в целом является распознавание и декодирование витиеватых механизмов взаимоотношения власти, речи, познания и поведенческих структур [11: с. 51]. В настоящей работе политический дискурс, вслед за А.А. Горностаевой, рассматривается в рамках прагмалингвистики и трактуется как синтез вербальных коммуникаций, широко применяемых в политической коммуникации с целью борьбы за власть и ее удержание [3: с. 58].

Языковое воздействие на аудиторию осуществляется с помощью лексических, фразеологических, стилистических средств посредством внушения и убеждения как в скрытой, так и в явной форме. Метафора в полной мере представляет собой пример когнитивного феномена языкового сознания подобного плана.

Цель настоящей работы заключается в необходимости иллюстрации роли и значимости метафоры во французском политическом дискурсе и акцентировании внимания на лингвистической ценности метафоры как когнитивного феномена языкового сознания. Предмет исследования – политический дискурс действующего французского президента Э. Макрона, объект – метафора как изобразительно-выразительное, дидактически значимое средство языка и когнитивный феномен в публичных выступлениях президента на материале речи,

Логинова Полина Гарриевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры международной коммуникации факультета мировой политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Polina Garrievna. Loginova – Dr. (Philology), Senior Lecturer, Department of International Communication, World Politics Faculty, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: polina-loginova@inbox.ru

© Логинова П.Г., 2020

произнесенной французским президентом по случаю смерти Ж. Ширака.

Актуальность работы обусловлена неугасающим интересом к анализу речевых особенностей политических лидеров современности (в частности, вербального поведения действующего президента Пятой республики Э. Макрона как одного из самых влиятельных государственных деятелей в настоящее время на политической арене), а также необходимостью углубленного изучения разнообразных аспектов политической лингвистики.

Процесс метафоризации представляет собой ключевой когнитивный механизм создания языковой модели мира, с чем связана проблематика понимания в целом. Как отмечает В.Н. Телия, «…причина широкого интереса к метафоре со стороны теории познания, логики, когнитивной психологии и языкознания – это все возрастающая актуальность проблемы понимания» [7: с. 4]. В настоящей работе процесс метафоризации рассматривается в качестве одного из способов формирования языковой и политической картины мира. В.Г. Гак, в свою очередь, трактует метафору с позиции логических структур, так называемой номинативной нужды или даже избыточности, т.е. возможности образования новых структур языка на основе уже присутствующих.

Феномен метафоры как когнитивной единицы языкового сознания понимается широко: под метафорой подразумевается структура языка, репрезентирующая ряд явлений или образов. Согласимся в данной связи с О.С. Чесноковой, отмечающей, что метафора, по сути, представляет собой любой вид «употребления слов в непрямом значении» [8: с. 48]. Как когнитивная единица языка метафора рассматривается в качестве своеобразного элемента конструирования и модификации политической картины мира, репрезентированного в вербальных структурах.

Внешняя политика Франции представляется принципиально важным средством усиления престижа государства на международной арене. Являясь одним из постоянных членов Совета Безопасности и влиятельнейшим членом Европейского союза, а также участником форума «Большой восьмерки» и Средиземноморского союза в лице своего настоящего лидера Э. Макрона, Франция продолжает активно наращивать свой политический и культурно-идеологический потенциал. Одна из форм проявления особенностей ментальности французской нации, как и любой другой, – язык. Согласно Ш. Балли, «…речь выражает содержание мыслительных процессов, т.е. смысл и чувства. А так как почти всегда в мышлении в различных пропорциях соединяются элементы рассудочные и элементы эмоциональные, то подобное же соединение наблюдается и в речи» [1: с. 115]. Французскому политическому дискурсу и вербальному поведению государственных деятелей начала XXI в. свойственно частое обращение к стилистически-маркированным языковым средствам.

Вербальное поведение действующего президента Франции Э. Макрона, «политтехнологического французского феномена», настоящего «мастера слова», виртуозно владеющего языком и представляющего собой образец блестящей риторики, основными чертами которого являются следование традициям картезианства, динамизм, позитивный дух, отсылка к предшественникам и философам, вызывает особый интерес с точки зрения лингвистического анализа. Согласно Т.Э. Гринберг, неотъемлемыми фрагментами политического имиджа являются такие персональные черты государственного деятеля, как умение убеждать, опыт, интеллект, наличие харизмы; социальные характеристики (авторитет, известность, статус); символические характеристики (биография, идеология, программы, мировоззрение, культурные архетипы) [4: с. 143–145].

Публичные речи действующего президента Франции отличает экспрессия, витиеватость, обилие цитат из философских произведений, явление прецедентности, присутствие итальянизмов, латинизмов и англицизмов, включая элементы языка franglais[1]. Эмоциональность и красноречие присущи французскому лидеру в гораздо большей степени, нежели его предшественникам, − игра слов, афоризмы у Э. Макрона обретают форму мысли. Эксперты, в частности В. Гуленко, отмечают, что «нынешний президент Франции Эммануэль Макрон является представителем группы этических экстравертов. Он эмоционален, порывист, артистичен» [5], что находит отражение как в его речевом, так и невербальном поведении (жестикуляция, позы, модуляция голоса). Обилие изобразительно-выразительных средств языка завораживает и позволяет в полной мере проникнуться богатством и красотой французского языка и культуры.

Э. Макрон, как большинство мировых лидеров и крупных государственных деятелей (например, президент России В.В. Путин, канцлер Германии А. Меркель, премьер-министр Ливана Саад Харири), восприняли уход из жизни лидера французского народа Жака Ширака как личную утрату, считая бывшего президента Пятой республики одним из величайших людей Франции. Согласно электронному периодическому изданию «Le Monde» «…наиболее подчёркнутая похвала в адрес Ширака прозвучала от Владимира Путина, называвшего его *"настоящим интеллектуалом, настоящим профессором"* и выразившего после смерти лидера самые глубокие соболезнования. В.В. Путин говорил о

[1] Феномен слияния языков с одновременным использованием французских и английских лексем.

Ж. Шираке как о *"мудром и дальновидном государственном деятеле, последовательно защищавшем интересы своей страны"*» [6].

Как в глазах самого французского народа, так и иностранцев (россиян в том числе) Ж. Ширак представлял собой ярчайший образец талантливого государственного деятеля, глубоко и искренне любившего свой народ, проводившего мудрую внутреннюю политику и следовавшего традициям голлизма во внешней политике (так называемой внешней политики с деголлевским акцентом). Ж. Ширак последовательно защищал интересы своей страны, однако одним из самых значительных аспектов его политической деятельности стал протест против американской интервенции в Ирак в 2003 г.

В авторитетных французских и международных периодических изданиях, таких как «Le Figaro», «Le Monde», «Le Parisen» и др., смерти Ж. Ширака посвящен целый цикл статей, например: «Jacques Chirac, la mort d'un conquérant», «Жак Ширак: смерть победителя», автор Филипп Гуйо (Philippe Goulliaud) [10]; «Mort de Jacques Chirac: les hommages de la scène diplomatique mondiale», «Смерть Жака Ширака: честь Ж. Шираку отдали мировые политические лидеры» [12], автор Бенедикт Люто (Bénédicte Lutaud).

Речевое поведение действующего президента Франции отличает особая выразительность и значительное присутствие лексем оценочного характера. Вербальному поведению Э. Макрона свойственна попытка формирования своего рода «эмоционального диалога» между ним и электоратом, т.е. французским народом. В частности, с целью осуществления политического воздействия и налаживания оптимальной, выгодной для себя коммуникации с потенциальными избирателями французский лидер обогащает свой дискурс различными изобразительно-выразительными лингвистическими феноменами, тропами, колоритными стилистическими фигурами, такими как гипербола, антитеза, анафора, меткие эпитеты.

Метафоре среди них отводится особая роль. Метафорические структуры, своего рода «завуалированные знаки», часто встречаются в политическом дискурсе Э. Макрона, формируя своеобразный величественный образ страны и самого президента, придавая речи лидера эмоциональность, одновременно иллюстрируя отношение государственного деятеля к той или иной проблеме и свидетельствуя об интенциях президента касательно принятия политических решений.

Рассмотрим функционирование метафоры как когнитивного лингвистического феномена, свойственного публичным выступлениям Э. Макрона. Согласно заявленному выше обратимся к аутентичному тексту речи президента по случаю кончины бывшего президента Франции Жака Ширака, размещенной в открытом доступе на официальном сайте Елисейского дворца [9].

Как и прочие мировые лидеры, Э. Макрон тепло, участливо и проникновенно принес соболезнования французскому народу, произнеся речь по случаю смерти бывшего государственного деятеля в Елисейском дворце 26 сентября 2019 г. Высоко оценив вклад Ж. Ширака в историю Франции в целом, обозначив также и его огромную роль на международной арене, действующий французский лидер следующим образом охарактеризовал личность Ж. Ширака, подчеркивая его любовь к своему народу: *«Il aimait les Français pour les saluer, leur parler, leur sourire… les embrasser. Les plus humbles, les plus fragiles, les plus faibles furent sa grande cause»,* «Он любил французский народ, любил его приветствовать, говорить с ним, ему улыбаться... его обнимать. Больше всего его волновали обездоленные, слабо защищенные слои населения» [9]. Э. Макрон акцентирует внимание на том, что ушедший из жизни президент с искренней теплотой и заботой относился именно к наиболее уязвимым, больным и нуждающимся: *«Il ne cessa d'agir pour ceux qui, frappés par le sida, malades du cancer, touchés par le handicap, avaient été bousculés par la vie»,* «Он помогал больным раком, СПИДом, инвалидам, всем, кому приходится тяжело в этой жизни» [9].

Высоко характеризуя личностные и моральные качества Ж. Ширака, Э. Макрон использует изобразительно-выразительные средства языка, сквозь призму которых прослеживается даже некоторая высокопарность: «le president Chirac *incarna une certaine idée de la France»* – «в личности президента Ширака воплощалась определенная идея французской государственности». Глагол «*incarner»,* используемый Э. Макроном в отношении своего рода характеристики личности французского президента, обладает мощным метафорическим и семантическим наполнением.

Говоря о франко-немецкой дружбе и отношениях двух стран, президент употребляет колоритный эпитет *«indefectible»: «Une Europe forte et protectrice, assise sur une amitié franco-allemande indefectible»,* «Сильная Европа, строго следующая политике протекционизма, базируется на непоколебимых дружеских франко-немецких отношениях». Говоря о пристальном внимании Ж. Ширака к вопросам защиты окружающей среды и проблемам, связанным с глобальным потеплением, Э. Макрон использует следующую метафору, раскрывающую тревогу о состоянии окружающей среды: *«Notre maison brûle»,* «Наш дом в огне» (в значении «в большой опасности»). В данных языковых единицах прослеживается также любовь к отечеству,

Францию Макрон трепетно называет «домом», употребляя лексему *«maison» («дом»).*

Рассуждая о хрупкости жизни и бытия в целом, подчеркивая назащищенность и зыбкость человеческого существования, Макрон употребляет метафору *«l'infinie fragilité de la vie»*, дословно означающую «бесконечная хрупкость бытия» и отсылающую к произведению Милана Кундеры[2]. Данный пример свидетельствует о красоте, разнообразии, интеллектуальном наполнении и богатстве политического дискурса Э. Макрона. Следует отметить также и глубокий патриотизм Э. Макрона, пронизывающий всю его речь (о чем свидетельствует, например, употребление таких лексем, как *«Nation»* («нация, народ»), *«Histoire»,* «история», написанных с большой буквы для придания большей значимости и величия данным единиц языка.

Исследователи французского президентского дискурса, например Е.А. Бушукина, отмечают, что «французские президенты глубоко чтят прошлое своей страны и не скрывают этого. Каждый президент Франции в своей инаугурационной речи говорит о заслугах его предшественников. Э. Макрон отметил достоинства всех президентов Пятой республики, начиная с Шарля де Голля, внесшего большой вклад в становление Франции, и заканчивая Франсуа Олландом, столкнувшегося с острой проблемой XXI в. – терроризмом» [2: с. 56].

Данная ремарка справедлива и в отношении рассматриваемой речи Э. Макрона. Подчеркивая огромную любовь Ж. Ширака к своей родной стране, к ее традициям и истории, Э. Макрон говорит о своем предшественнике с большим уважением, используя пассивную форму глагола *«pétrir»,* в переносном значении переводимую как «исполненный»: *«Pétri de notre histoire»*, дословно «исполненный любви к нашей истории». Акцентируя особое внимание на любви Ж. Ширака к французской культуре, говоря о его преклонении перед культурным наследием и духовными ценностями Франции, действующий французский президент называет Ж. Ширака *«amoureux taiseux de culture»,* дословно «безмолвным почитателем культуры».

В очередной раз иллюстрируя значимость и важнейшую роль Ж. Ширака в жизни французской нации и истории французского государства, Э. Макрон буквально называет бывшего французского президента «*destin francais»,* «судьбой французов». Несмотря на прослеживающуюся высокопарность и, возможно, чрезмерность, свойственную французскому политическому дискурсу в целом, следует подчеркнуть абсолютную уместность использования Э. Макроном подобной метафоры в данном случае: в изобразительно-выразительном средстве языка сквозит величие, и в завуалированной форме транслируется глубокое почтение и бесконечное уважение действующего французского президента по отношению к его предшественнику.

Говоря об искреннем стремлении и желании Ж. Ширака защитить свою страну и свой народ, избежать катаклизмов и войн, Э. Макрон использует семантически мощную лексему (существительное) *«être»* в значении «существо», «естество», «бытие», как правило, выступающую в качестве глагола во французском языке, и употребляет ее (данную лексему) именно как существительное с целью номинации понятия «естество», «сущность»: «*refusant de tout son être que soit menacée la pérennité de notre planète»,* «всем своим естеством противясь любого вида угрозе безопасности нашей планеты». Рассуждая о прекрасном отношении и любви французов к Ж. Шираку, Э. Макрон использует метафору *«attachement affectueux»,* «нежнейшая привязанность» и прилагательное *«filial», «*сыновий, дочерний»: «*un attachement affectueux, quasi filial»,* «нежнейшая привязанность, почти сынóвья». В очередной раз говоря о безмерной любви ушедшего французского президента к своей нации, Э. Макрон метафорично подчеркивает, что Ж. Ширак буквально «нес в себе любовь к Франции и французскому народу», «*portait en lui l'amour de la France et des Français».*

Внимания заслуживает также такая колоритная метафора в речи Э. Макрона, как *«République chevillée»,* дословно «укоренившаяся Республика». Президентом использован глагол *«cheviller»,* дословно «укорениться», «засесть»: *«Il eut notre République chevillée au corps tout au long de sa vie»,* «Любовь к нашей Республике буквально пронизала все его естество». Проникновенным представляется также употребление глагола «*réconcilier»,* дословно «примирить», «связывать», «вновь освящать», использованного действующим французским лидером для акцентирования внимания на величии и размахе, а также глубине личности Ж. Ширака, его уме и простоте, доступности в общении, несмотря на свой политический вес. Э. Макрон говорит о таланте Ширака и о его качествах великого дипломата: *«Nous nous souvenons avec émotion et affection de sa liberté et de sa personnalité, de ce talent qu'il eut de réconcilier simplicité et grandeur, proximité et dignité, amour de la patrie et ouverture à l'universel»,* «Мы будем вспоминать с огромной любовью и искренними чувствами свободолюбие и масштаб его личности, его талант и способность связать простоту с величием, доступность с достоинством, любовь к родине и широту взглядов».

Политическому дискурсу Э. Макрона, как и вербальному поведению действующего французского президента в целом, свойственно использо-

[2] Милан Кундера. Невыносимая легкость бытия, 1984.

вание различных изобразительно-выразительных средств языка и самых разнообразных стилистических фигур. Данные лингвистические единицы обогащают вербальное поведение политика, придают его дискурсу эмоциональность, особую экспрессию. Как отмечает французская журналистка Натали Шак, «…благодаря Э. Макрону французский язык обрёл свою былую красоту и полноту: «Un peu cuistre, Emmanuel Macron, qui court le risque de ne pas être compris du plus grand nombre? Point du tout, répondent les linguistes que nous avons interrogés heureux de voir la langue française élevée si haut» – «Будучи немного педантом, не рискует ли Э. Макрон не быть понятым большинством населения? Ничуть нет; лингвисты, которых мы опросили, лишь счастливы в связи с тем, что французский язык в лице Э. Макрона поднялся на такой высокий уровень», – отмечает Натали Шак [13].

Наиболее частотным в политическом дискурсе государственного деятеля представляется употребление метафоры как когнитивного феномена с целью формирования и модификации политической модели мира посредством вербальных структур и управления в той или иной форме сознанием социума. Посредством введения в речевое поведение метафорических структур происходит «смягчение» официоза речевого поведения президента, снятие напряженности и сближение президента с потенциальными избирателями.

В качестве перспектив и практического применения результатов исследования следует отметить, что анализ культурно- и стилистически маркированных языковых единиц, подобно рассмотренным выше на примере речи Э. Макрона по случаю кончины Ж. Ширака, может в значительной мере способствовать формированию у магистрантов и студентов лингвокультурологических компетенций. Введение в свою собственную речь метафоричных структур подобного характера свидетельствует о продвинутом уровне владения французским языком. Перспективным представляется составление глоссариев метафор, встречающихся во французском политическом и президентском дискурсах. Практическое применение результатов подобного вида исследований возможно на занятиях по политической лингвистике, риторике, лекциях по спичрайтингу, а также на занятиях по французскому языку в университетах (язык политики и прессы).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Балли, Ш.* Французская стилистика / Ш. Балли. – Москва : Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с.

2. *Бушукина, Е.А.* Лингвокультурные особенности французского президентского дискурса : бакалаврская работа / Е.А. Бушукина ; Национальный исследовательский мордовский гос. ун-т им. Н.П. Огарева. – Саранск, 2018. – 70 с.

3. *Горностаева, А.А.* Границы дозволенного в политическом дискурсе: ироничность, черный юмор, деструктивность, сквернословие / А.А. Горностаева // Политическая лингвистика. – 2018. – № 1 (67). – С. 57–66.

4. *Гринберг, Т.Э.* Политические технологии: ПР и реклама : учеб. пособие / Т.Э. Гринберг. – 2-е изд., испр. – Москва : Аспект Пресс, 2012. – 280 с.

5. *Гуленко, В.* Ответ на вопрос визитера / В. Гуленко // Школа гуманитарной соционики. Консультации. 30 мая 2018 г. – URL: https://socioniks.net/consultation/?id=76 (дата обращения: 22.11.2019).

6. Минута молчания, оцепление, обращение к нации: Франция потрясена смертью Ширака // Вести.ru. Новости. В Мире. 26.09.2019 г. – URL: https://www.vesti.ru/doc.html?id=3193286 (дата обращения: 22.11.2019).

7. *Телия, В.Н.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – Москва : Наука, 1988. – С. 173–204.

8. *Чеснокова, О.С.* Испанский язык Колумбии / О.С. Чеснокова. – Saarbrücken, Germany : LAP LAMBERT, 2012. – 107 с.

9. Allocution du Président Emmanuel Macron en hommage au Président Jacques Chirac // Élysée. Actualités. 26.09.2019 г. – URL: https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/09/26/hommage-au-president-jacques-chirac (date of access: 22.11.2019).

10. *Goulliaud, P.* Jacques Chirac, la mort d'un conquérant / P. Goulliaud // Le Figaro. Politique. 26.09.2019. – URL: https://www.lefigaro.fr/politique/jacques-chirac-la-mort-d-un-conquerant-20190926 (date of access: 22.11.2019).

11. *Hacker, K.L.* Political linguistic discourse analysis: The theory and practice of political communication research / K.L. Hacker. – New York : State University of New York Press, 1996. – P. 25–55.

12. *Lutaud, B.* Mort de Jacques Chirac: les hommages de la scène diplomatique mondiale / B. Lutaud // Le Figaro. Politique. 26.09.2019. – URL: https://www.lefigaro.fr/politique/mort-de-jacques-chirac-les-hommages-de-la-scene-diplomatique-mondiale-20190926 (date of access: 22.11.2019).

13. *Schuck, N.* Parlez-vous le Macron? / N. Schuck // Le Parisien. Politique. 02.02.2018. – URL: http://www.leparisien.fr/politique/do-you-speak-macron-02-02-2018-7538088.php (date of access: 22.11.2019).

DOI:

ЯЗЫК И РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ Д. ТРАМПА

Л.В. Минаева

В статье рассматриваются особенности языка президента США Д. Трампа, а также коммуникационные стратегии, которые характеризуют его как конфликтно-агрессивную языковую личность. Материалом для исследования послужили официальные и неофициальные речи Д. Трампа, а также тексты, опубликованные в его Твиттере.

Ключевые слова: политический дискурс, речевое поведение, языковая личность, коммуникационная стратегия.

LANGUAGE AND VERBAL BEHAVIOR OF DONALD TRUMP

L.V. Minaeva

The article considers the language and communication strategies of the US President Donald Trump, which prove him to be a conflict-aggressive personality. The research is based on official and unofficial speeches of Donald Trump and his twitters.

Key words: political discourse, verbal behavior, linguistic identity, communication strategy.

Проблема взаимосвязи политики, языка и культуры уже давно является предметом специального изучения по вполне понятной причине [1–6; 10; 12]. С одной стороны, каждое слово политика, особенно если это политический лидер страны, является политическим актом и может оказать влияние на судьбы мира. С другой, социально-исторический и национально-культурный контекст формирования и реализации политического дискурса помогает глубже проникнуть в особенности мышления и поведения политического лидера, что важно для выстраивания стратегии взаимодействия с ним в условиях межгосударственного общения.

Политический дискурс рассматривается рядом ученых как объект лингвокультурологического изучения [17] и как «вторичная языковая подсистема, обладающая определенными функциями, своеобразным тезаурусом и коммуникативным воздействием» [3: с. 126]. Поэтому речевое поведение политиков представляет собой важную социальную характеристику и отражает их общую культуру, образование и воспитание, а также, во многом, политическую культуру их страны.

В этой связи уместно напомнить, что в основе концепции политической культуры лежат две западные интеллектуальные традиции. Одна приписывает главную роль политике, в то время как культура носит подчиненный характер.

Другая традиция, восходящая к Монтескье и де Токвилю, рассматривает политику и управление как культурные конструкты. Политическая культура включает в себя оба подхода – политику культуры и культуру политики [19].

Одним из ярких и в то же время противоречивых политиков настоящего времени является президент США Дональд Трамп, речевое поведение которого постоянно привлекает внимание, а иногда также вызывает раздражение политиков, журналистов и широкой общественности.

Все началось еще на этапе президентской избирательной кампании 2016 г., когда благодаря сознательному и последовательному использованию цифровых технологий Д. Трамп смог одержать победу. Он, во-первых, добился преимущества в ключевых колеблющихся штатах, перетянув на свою сторону неустойчивых избирателей из числа традиционной поддержки демократов – молодежи, женщин, американцев латиноамериканского происхождения. А во-вторых, мобилизовал не голосовавшую ранее и не охваченную опросами часть населения. Цифровые инструменты обеспечили дешевизну, точность и более высокую эффективность кампании Трампа по сравнению с кампанией Клинтон. Цифровая кампания Трампа носила скрытый характер и не была замечена внешними наблюдателями, что сделало его победу абсолютно неожиданной [15].

Выходя на свою целевую аудиторию, Д. Трамп делает резкие и категоричные заявления, подчеркивая, что он будет действовать в интересах народа Америки, потому что он близок к народу и знает те проблемы, которые его волнуют. Избиратель

Минаева Людмила Владимировна – доктор филологических наук, профессор факультета мировой политики, заведующий кафедрой международной коммуникации Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Ludmila Vladimirovna Minayeva – Doctor (Philology), Habil., Chair of International Communication, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: liudmila.minaeva@gmail.com

© Минаева Л.В., 2020

Д. Трампа – среднестатистический белый американец, не имеющий высшего образования, консерватор по своим взглядам, тяготеющий к традиционным американским ценностям, с доходом 50 000 долларов в год, т.е. ниже среднегодового дохода жителя США [8]. Отсюда все популистские заявления Д. Трампа и особенности его языка и речевого поведения, которое, согласно исследованию, проведенному Университетом Карнеги–Мелон, соответствует школьнику 11 лет [23].

Следует отметить, что в целом уровень владения языком кандидатов в американские президенты последовательно падает. Специальное исследование лексико-синтаксических особенностей речи Барака Обамы и его оппонента Ромни, а также Дональда Трампа и Хиллари Клинтон в ходе дебатов показало, что синтаксис предыдущего президента сложнее, чем у его оппонента, не говоря уже о кандидатах выборов 2016. Средняя длина предложения у Трампа – 6 слов, у Клинтон – 9 слов. Самое длинное предложение в речи Трампа – 45 слов, у Клинтон – 39 слов, в то время как у Обамы самое длинное предложение было 112 слов, при этом наблюдалось только три повтора. У Ромни самое длинное предложение – 71 слово и много повторов [25].

Конечно, официальные речи, написанные спичрайтерами и экспертами, не имеют синтаксических ошибок и демонстрируют некоторое число длинных сложных предложений, как это показано в отрывке из обращения Д. Трампа к Конгрессу в 2018 г., который приводится ниже:

Over the next few weeks, the House and Senate will be voting on an immigration reform package. In recent months, my Administration has met extensively with both Democrats and Republicans to craft a bipartisan approach to immigration reform. Based on these discussions, we presented the Congress with a detailed proposal that should be supported by both parties as a fair compromise – one where nobody gets everything they want, but where our country gets the critical reforms it needs [28].

Но спонтанная речь Д. Трампа изобилует короткими простыми предложениями, которые могут повторяться несколько раз на протяжении небольшого отрезка речи, иногда с небольшими изменениями, например,

Lester Holt: *Can you tell us whether you, your family, your businesses, your surrogates, have accepted any investments, any loans from Russian individuals –*

Donald Trump: *Yeah in fact I just sent a letter –*

Lester Holt: (over talk) *– or institutions?*

Donald Trump: *– to Lindsey Graham one of the most prestigious law firms in the country, uh tremendous, highly rated law firm. Uh that* ***have nothing to do with Russia****.* ***I have no investments in Russia****. None whatsoever.* ***Uh I don't have property in Russia****. A lot of people thought I owned office buildings in Moscow.* ***I don't have property in Russia****, and I am uh in very I, I mean it in total compliance in every way. Now I have to tell you uh I file documents, hundreds of pages worth of documents with the Federal Election Bureau, everybody's seen them. I built a great company but I am not involved with Russia, uh I have had dealings over the years where I sold a house to a very wealthy Russian uh many years ago uh I had the Miss Universe pageant which I owned for quite a while, I had it in Moscow long time ago, but other than that* ***I have nothing to do with Russia*** [27].

Видимо, зная эту особенность речи Д. Трампа, спичрайтеры часто используют синтаксический параллелизм, что придает официальным выступлениям американского президента даже риторическую яркость, например, *Young patriots like Preston teach all of us about our civic duty as Americans. Preston's reverence for those who have served our Nation reminds us* ***why we salute our flag, why we put our hands on our hearts for the pledge of allegiance, and why we proudly stand for the national anthem*** [26].

Что касается лексики, то и в этом случае Д. Трамп стремится к простому, иногда даже примитивному, языку и не склонен употреблять многосложные «научные» слова, которые могут затруднить восприятие его речи. Специальное исследование ответа Трампа на вопрос журналиста, состоявшего из 220 слов, показало, что 172 слова, т.е. 78 %, являются односложными и только 4 слова состоят их 4 слогов [18].

Речь Д. Трампа служит предметом критического анализа со стороны журналистов, которые, во-первых, демонстрируют двойственность, а подчас и лживость его заявлений. Приведем несколько примеров проверки фактов, проведенной журналистами CBS News, которая опирается на Обращение Д. Трампа к Конгрессу в 2018 г. [20].

Drugs and the border

"For decades, open borders have allowed drugs and gangs to pour into our most vulnerable communities. They've allowed millions of low-wage workers to compete for jobs and wages against the poorest Americans. Most tragically, they have caused the loss of many innocent lives."

FACT CHECK: PARTLY TRUE, INCONCLUSIVE

The president has been making versions of this statement since his campaign. On the claim about illegal immigrants causing the loss of "many" innocent lives, PolitiFact has pointed out that the statement is so vague that sure, it's bound to be true, but it doesn't really say much. University of California, Irvine criminology professor Charis Kubrin points out that it's about as accurate as saying "thousands of Americans have been killed by men."

It is true that drugs are coming in through the southern border, though. Politifact says that even though Asia is the source of heroin for most of the rest of the world, "nearly all the heroin available in the United States comes from Mexico and South America."

An April 2017 Pew Research Center report says the U.S. civilian workforce includes 8 million unauthorized immigrants, accounting for 5 percent of those who were working or were unemployed and looking for work, according to separate Pew Research Center estimates**.** With so many millions, the New York Times points out there's a range in which that's the case – they are both taking the jobs nobody wants, as their defenders would have you believe, and they are taking American jobs and resources, as the White House and Republican hardliners believe. – *Katiana Krawchenko*

Family immigration

"Under the current broken system, a single immigrant can bring in virtually unlimited numbers of distant relatives."

FACT CHECK: FALSE

According to the U.S. Citizenship and Immigration Services, a U.S citizen can petition for a spouse; unmarried children under 21; sons and daughters, married and/or over 21; parents, if you are 21 and over; and siblings, if you are 21 and over. A green card holder can petition for spouses, unmarried children under 21, and an unmarried son or daughter of any age. – *Ellee Watson*

Health care

"We repealed the core of the disastrous Obamacare. The individual mandate is now gone. Thank heaven."

FACT CHECK: FALSE

The individual penalty of $695 is still in effect for the uninsured in 2018. The mandate dies in 2019. – *Maggie Dore*

Оценка журналистом содержания речи Трампа как «ложное» (*false*) или «частично правдивое, неубедительное» (*partly true, inconclusive*) негативно сказывается на восприятии Трампа читателями. При этом ничего не придумывается журналистом, поскольку он отталкивается от реальных слов Трампа и опирается в оценке фактов на надежные справочные ресурсы.

Во-вторых, сама речь Трампа также подвергается заслуженной критике:

Д. Трамп: *"Did you see the other day, 96 % of what they do, all I do is good stuff, the economy is the best it's ever been*."

Комментарий журналиста: «I read this "sentence" five times. I have absolutely no idea what he is saying. Like, none» [31].

Невнятная речь Д. Трампа вызывает обеспокоенность и политиков, в частности экспертов по конституционному праву. Профессор по конституционному праву Гарвардского университета Лоуренс Трайб заметил, что «язык Трампа граничит с недееспособностью» – "*Trump's language* borders on incapacity" [22]. Когда президента попросили объяснить его отказ квалифицировать Китай как валютного манипулятора, Трамп сказал о президенте Си Цзиньпине:

"Number One, he's not, since my time. You know, very specific formula. You would think it's like generalities, it's not. They have–they've actually–their currency's gone up. So it's a very, very specific formula" [32].

Эта фраза дала основание психолингвисту Джулии Седиви заметить, что «it's not Trump's rambling language that's worrisome, it's his regular usage. I think we have rarely had a president who uses such simple and simplifying language" [24].

Ученые отмечают, что цель и направленность политического дискурса заключаются в формировании и поддержании отношений доминирования и подчинения, легитимации объективной репрезентации действительности и конструировании особого типа реальности [14: с.13]. Начиная с президентской избирательной кампании 2016 г. речевое поведение Д. Трампа опирается на стратегию дискредитации и нападения, которая и обеспечивает его стремление доминировать в общении и подчинять аудиторию.

Надо сказать, что, конечно, полемика в целом характерна для политической речи. Более того, «полемичность политической речи – своеобразная театрализованная агрессия. Направлена полемичность на внушение отрицательного отношения к политическим противникам говорящего, на навязывание (в качестве наиболее естественных и бесспорных) иных ценностей и оценок» [5]. Но в случае Д. Трампа это уже стиль жизни.

Особенно широко в ходе президентской избирательной кампании 2016 г. Дональд Трамп использовал данную стратегию в Интернет-коммуникации в своем Твиттере.

Данная социальная сеть стоит несколько особняком в системе электоральной коммуникации, потому что твиты создает один человек, а не группа людей. Иногда это сам политик, иногда – его доверенное лицо, и далеко не всегда текст согласуется с консультантами. Твиттер хорошо подходит к реализации стратегии дискредитации и нападения, потому что, во-первых, доверительный характер общения в Твиттере создает иллюзию искренности, которая завоевывает внимание аудитории; во-вторых, высокая скорость обмена твитами позволяет вести острую полемику с оппонентом; в-третьих, разнообразие вербальных и невербальных средств коммуникации, используемых в твитах, дает автору возможность нюансировки плана выражения сообщения, что удерживает аудиторию, а к этому стре-

мится всякий политик, когда он входит в конфликт со своими политическими противниками.

Целью стратегии дискредитации и нападения является унижение и осмеяние оппонентов [7], а характерна она, по мнению исследователей, для политиков, представляющих конфликтно-агрессивный тип языковой личности [13: с. 61], к которым, несомненно, относится Дональд Трамп. Речевое поведение политика было явно провокационным, причем не только в отношении к его соперникам как внутри Республиканской партии, так и в партии Демократов, но и в отношении других людей. Газета "The New York Times" опубликовала список людей и мест, которых Дональд Трамп оскорбил в Твиттере. Всего перечень состоит из 282 позиций. Д. Трамп не стеснялся в выражениях, когда писал в Твиттере о своих политических противниках: Хилари Клинтон – «*Crooked Hillary*», Джебе Буше (кандидат в президенты от партии Республиканцев) – «*Low Energy Jeb*», Боб Корке (сенатор от штата Теннесси) – «*Liddle' Bob Corke*».

В начавшейся второй для него кампании Д. Трамп продолжает эту линию поведения [21]. Например, он постоянно характеризует одного из своих самых сильных соперников как *sleepy Byden Anorther, low IQ individual*. Д. Трамп называет кандидата от демократов Пита Буттиджича Альфредом Ньюманом, карикатурным юмористическим героем. В роли Покахонтас у американского президента выступает еще один кандидат от демократической партии – сенатор Элизабет Уоррен. Такое прозвище связанно с ее высказываниями о том, что в ее роду есть коренные американцы: *Could you imagine having Sleepy Joe Biden, or Alfred Neuman or a very nervous and skinny version of Pocahontas as your President, rather than what you have now, so great looking and smart, a true Stable Genius!* [35].

Твиты Трампа переполнены инвективами, т.е. презрительно-саркастическими словами, имеющими своей целью высмеивание и уничижение его противников, а также аффективами, т.е. эмоционально-оценочными словами, использование которых направлено на диффамацию политического противника [11: с. 351]:

"Little" Michael Bloomberg who never had the guts to run for president knows nothing about me. His last term as Mayor was a disaster! [34].

I hear that dopey political pundit Lawrence O'Donnel, one of the dummer people on television, is about to lose his show – no ratings? Too bad [33].

Одновременно со стратегией нападения Д. Трамп широко использует стратегию самопрезентации, которая выражается в тактиках самовосхваления и демонстрации профессионального успеха, что вообще характерно для выборных политиков [16]. Ни одно официальное выступление Трампа не обходится без хвалебной оценки действий его администрации. При этом он постоянно сравнивает успех своей администрации и провальное поведение предыдущей и в целом политики демократов. Это может быть ежегодное обращение к Конгрессу: *My Administration has cut more regulations in a short time than any other administration during its entire tenure. Companies are coming back to our country in large numbers thanks to historic reductions in taxes and regulations* [30]. Или менее официальная речь: *Thank you, Mike. And you know, Mike, it is true that, as I walked through the halls, we saw so many great companies, but the gentleman who was in charge of Omaha Beef – they do beef – he hugged me, he wanted to kiss me so badly.* (Laughter.) *Because he said, our business is a whole different business now because you got China approved; the other administrations couldn't even come close. And I told him, you know how long it took? One sentence. I said, President Xi, we'd love to sell beef back in China again. He said, you can do that. That was the end of that. Right?* (Applause.) *Sonny. The great Sonny Perdue.* (Applause.) *So we're very happy* [29].

В своем стремлении подчеркнуть свои достижения Д. Трамп доходит до абсурда, заявляя о своей непогрешимости и безупречности проводимого им курса: *As I have stated strongly before, and just to reiterate, if Turkey does anything that* ***I, in my great and unmatched wisdom****, consider to be off limits, I will totally destroy and obliterate the Economy of Turkey (I've done before!). They must, with Europe and others, watch over…* [36], что, естественно, вызывает насмешки со стороны его противников.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что любому политику по роду его деятельности приходится много общаться с людьми в разных ситуациях: на совещаниях и съездах, на митингах и в телевизионной или радиостудии. От того, как он строит свою речь, насколько она грамотна и выразительна, зависит не только личный имидж оратора, но и имидж его партии, государственного института или страны, которую он представляет. Иначе говоря, чрезвычайно важное место в процессе конструирования имиджа политика принадлежит речи как наиболее естественной форме человеческого общения.

В условиях политической борьбы политический лидер всегда стремится добиться влияния в обществе, убедить общество в правоте своих принципов управления государством. Но для его успеха существенна не только продвигаемая им политическая программа, но и умение вести политическую борьбу речевыми средствами. Конечно, огромную работу по созданию вербального имиджа политика проделывают спичрайтеры, имиджмейкер, а на международных встречах к этому процессу подключаются и переводчики, которые опираются на личные

качества и модели поведения политика и помогают им развиваться. Однако центральной фигурой остается сам политический лидер. В конечном итоге именно политик оказывается лицом к лицу с аудиторией, и именно ему приписываются все достоинства и недостатки выступления. С развитием цифровых технологий политик все чаще оказывается в ситуации непосредственного взаимодействия с публикой, и его речь становится своего рода его визитной карточкой.

«Речевая визитная карточка» Д. Трампа представляет его как политика-популиста, чей примитивный язык и агрессивное речевое поведение говорит о его псевдонародности: он выступает от имени американского народа и яростно защищает американский народ от его «врагов». Поэтому ему все позволено: все утверждения, даже самые резкие, правильны, и речевое поведение может быть и грубым, и оскорбительным. Однако это только визитная карточка. Дональд Трамп последовательно проводит политику республиканцев и ведет борьбу только с демократами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Базылев, В.Н.* Политический дискурс / В.Н. Базылев // Эффективная коммуникация: история, теория, практика : словарь-справочник / отв. ред. М.И. Панов. – Москва : КРПА Олимп, 2005. – 960 с.

2. *Воробьева, Л.Б.* Национальная специфика языковой образности / Л.Б. Воробьева. – Псков : Псков. гос. пед. ун-т им. С.М. Кирова, 2003. – 56 с.

3. *Воробьева, О.И.* Политический язык: семантика, таксономия, функции : дис. … д-ра филол. наук / О.И. Воробьева. – Москва, 2000. – 382 с.

4. *Грушевская, Т.М.* Политический дискурс в аспекте газетного текста / Т.М. Грушевская. – Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. – 116 с.

5. *Демьянков, В.З.* Политический дискурс как предмет политологической филологии / В.З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – Москва : ИНИОН РАН. – 2002. – № 3. – С. 32–43. – URL: http://philology.ru/linguistics1/demyankov-02.htm (дата обращения: 28.12.2019).

6. *Ильин, М.В.* Политический дискурс: слова и смыслы / М.В. Ильин. – Москва : РОССПЭН, 1997. – 432 с.

7. *Иссерс, О.С.* Стратегия речевой провокации в публичном диалоге / О.С. Иссерс // Русский язык в научном освещении. – 2009. – № 2 (18). – С. 92–104.

8. *Косяков, В.Е.* Особенности избирательной кампании Д. Трампа / В.Е. Косяков // Вестник Поволжского института управления. – 2017. – Т. 17, № 1. – С. 105–111.

9. *Лацинская, М.* Твит и мем куют / М. Лацинская // Газета.ru. – 2016. – 8 ноября. – URL: https://www.gazeta.ru/tech/2016/11/08/10313945/make_america_great_again.shtml#page4 (дата обращения: 10.10.2019).

10. *Маслова, В.А.* Политический дискурс: языковые игры или игры в слова / В.А. Маслова // Политическая лингвистика. – 2008. – Вып. 1 (24). – С. 43–48.

11. *Мухортов, Д.С.* О некоторых особенностях реализации агональной функции в дебатных выступлениях кандидатов на пост президента США (на материале высказываний Марко Рубио, Теда Крузо и Дональда Трампа / Д.С. Мухортов // Вестник РУДН.– 2017. – Т. 8, № 2. – С. 350–357. – (Серия: Теория языка, семиотика, семантика).

12. *Павлова, Е.К.* Языковые проблемы глобальной политической коммуникации и перспективы их решения посредством гармонизации национальных тезаурусов / Е.К. Павлова. – Москва : Прометей, 2007. – 218 с.

13. *Паршина, О.Н.* Российская политическая речь. Теория и практика / О.Н. Паршина. – 3-е изд. – Москва : URSS, 2012. – 227 с.

14. *Серкова, Н.И.* Академический дискурс в аспекте философии и теории языка / Н.И. Серкова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2019. – № 16, Вып. 1. – С. 11–17.

15. *Соловей, В.Д.* Цифровая мифология и избирательная кампания Дональда Трампа / В.Д. Соловей // Полис, политические исследования. – 2017. – № 5. – С. 122–132.

16. *Чернобровкина, Е.П.* Речевое поведение президента США Б. Обамы: роль стратегий и тактик в создании имиджа популярного и успешного политика / Е.П. Чернобровкина // Вестник Бурятского государственного университета.– 2013. – № 5, Вып. 1. – С. 57–61. – (Сер. Язык. Литература. Культура).

17. *Шейгал, Е.И.* Семиотика политического дискурса : монография / Е.И. Шейгал. – Волгоград : Перемена, 2000. – 325 с.

18. A linguistic analysis of Donald Trump shows why people like him so much // Digg. – N.d. – URL: https://digg.com/video/donald-trump-linguistics-answer-question (accessed: 17.10.2019).

19. *Aronoff, M.J.* Political culture / M.J. Aronoff // International encyclopedia of the social and behavioural sciences / Ed.-in-chief Niel J. Smelser and Paul B. Baltes. – Elsevier, 2001. – P. 11640–11644.

20. Fact-checking Trump's first State of the Union address // CBS News. – 31 Jan. 2018. – URL: https://www.cbsnews.com/news/fact-check-trump-state-of-the-union-2018-01-30-live-updates/ (accessed: 29.12.2019)

21. *Lai, K .K. R.* The insults Trump has hurled at 2020 Democrats / K .K. R. Lai, K. Yourish // The New York Times. – 2019. – 26 May. – URL: https://www.nytimes.com/interactive/2019/05/26/us/politics/trump-tweets-democrats.html (accessed: 2.10.2019).

22. *Osnos, E.* How Trump could get fired. 1 May 2017 / E. Osnos // The New Yorker. – 2017. – May. – URL: https://www.newyorker.com/magazine/2017/05/08/how-trump-could-get-fired (accessed: 29.12.2019).

23. *Spice, B.* Most presidential candidates speak at Grade 6–8 level / B. Spice // Carnegie Melon University News. – 2016. – 16 March. – URL: https://www.cmu.edu/news/stories/archives/2016/march/speechifying.html (accessed: 10.10.2019).

24. What Trump's simplified language means / Posted by Brian Gallagher // Nautilus. – 2019. – 18 Sep. – URL: http://nautil.us/blog/-what-trumps-simplified-language-means (accessed: 10.10.2019).

25. Word analysis of 2016 presidential debates – Clinton vs Trump // Martin Krzywinski. – 2016. – URL: http://mkweb.bcgsc.ca/debates2016/ (accessed: 2.10.2019).

26. *Lockhart, P.R.* Trump's swipe at NFL protesters got a huge applause at the State of the Union / P.R. Lockhart // Vox. – 2018. – 30 Jan. – URL: https://www.vox.com/2018/1/30/16953616/trump-state-of-the-union-2018-national-anthem-nfl-protests (accessed: 29.12.2019).

27. Partial transcript: NBC News Interview with Donald Trump. – 2011. – 11 May. – URL: https://edition.cnn.com/

2017/05/11/politics/transcript-donald-trump-nbc-news/index.html (accessed: 29.12.2019).

28. President Donald J. Trump's State of the Union Address. – 2018. – 30 Jan. – URL: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trumps-state-union-address/ (accessed: 29.12.2019).

29. Remarks by President Trump at the 3rd Annual Made in America Product Showcase. – 2017. – 17 July. – URL: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-3rd-annual-made-america-product-showcase/ (accessed: 29.12.2019).

30. Remarks by President Trump in State of the Union Address. – 2019. – 5 Febr. – URL: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-state-union-address-2/ (accessed: 29.12.2019).

31. The 64 most outrageous lines from Donald Trump's untethered Pennsylvania speech // CNN. – 2018. – 12 March. – URL: https://m.cnn.com/en/article/h_35b0452485b8492ba5c9f5d8189aba5c (accessed: 29.12.2019).

32. Transcript of AP interview with Trump // The Associated Press. – 2017. – 24 Apr. – URL: https://apnews.com/c810d7de280a47e88848b0ac74690c83/Transcript-of-AP-interview-with-Trump (accessed: 29.12.2019).

33. Twitter. Donald J. Trump. – 2015. – 25 June. – URL: https://twitter.com/realdonaldtrump/status/614045285724102656 (accessed: 29.12.2019).

34. Twitter. Donald J. Trump. – 2016. – 29 July. – URL: https://twitter.com/realdonaldtrump/status/759025610249216000 (accessed: 29.12.2019).

35. Twitter. Donald J. Trump. – 2019. – 11 July. – URL: https://twitter.com/realdonaldtrump/status/1149345681829744647 (accessed: 29.12.2019).

36. Twitter. Donald J. Trump. – 2019. – 7 Oct. – URL: https://twitter.com/realdonaldtrump/status/1181232249821388801 (accessed: 29.12.2019).

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

DOI:

ДАМА СО ШПАГОЙ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМИИ: ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ И КОММУНИКАТИВНОЕ ЛИДЕРСТВО

Л.Г. Викулова

О.И. Короленко

В статье рассматривается языковая личность академика и постоянного секретаря Французской академии Элен Каррер д`Анкосс. Академическая речевая практика на современном этапе показана на примере речей в социально маркированных статусных ситуациях. Выявляются такие жанры академической речевой практики, как вступительная торжественная речь, благодарственное слово, памятная торжественная речь.

Ключевые слова: академическая речевая практика, речевые жанры, вступительная торжественная речь, памятная торжественная речь, Французская академия, языковая личность, литератор, коммуникативное лидерство.

LADY WITH A SWORD IN THE FRENCH ACADEMY: LANGUAGE COMPETENCE AND COMMUNICATIVE LEADERSHIP

L.G. Vikulova

O.I. Korolenko

The article considers the linguistic identity of Hélène Carrère d`Encausse, an academician and the permanent French Academy Secretary. Modern patterns of academic speech are regarded as exemplified by speeches made during high-profile social status events of a certain status. The findings reveal such genres of academic verbal practices as the introductory solemn speech, acknowledgments, the commemorative solemn speech.

Key words: academic speech practice, speech genres, an introductory solemn speech, acknowledgments, commemorative solemn speech, the French Academy, linguistic identity, writer, communicative leadership.

Одним из актуальных направлений развития гуманитарного знания становится проблема поиска идентичности человека. В центре внимания оказывается проблема коммуникации не только человека общающегося, но и ученого как центральной фигуры научной коммуникации в академической среде [6; 13; 17]. В рамках данной статьи речь пойдет об академике Элен Каррер д`Анкосс как личности, чья языковая компетенция и коммуникативное лидерство позволяют ей участвовать в процессе статусной коммуникации в реальном взаимодействии академического сообщества [4].

Коммуникативная личность современной женщины-академика рассматривается в связи с научной коммуникацией в рамках полифункционального коммуникативного пространства Французской академии, где ученый выступает как *дискурсивная личность*, т.е. как языковая личность, порождающая определенный дискурс «в виде непрерывно возобновляемого или законченного, фрагментарного или цельного, устного или письменного сообщения» [10: с. 7]. Уже в процессе порождения сообщения дискурсивная личность имеет четкий образ своего адресата, при этом созданный личностью дискурс остается социально значимым.

Викулова Лариса Георгиевна – доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Института иностранных языков Московского городского педагогического университета.

Larissa Georgievna Vikulova – Doctor (Philology), Habil., Professor, Department of Romance Philology, Institute of Foreign Languages, Moscow City University.

E-mail: VikulovaLG@ifl.mgpu.ru

Короленко Ольга Игоревна – кандидат филологических наук, главный библиотекарь фундаментальной библиотеки Московского городского педагогического университета.

Olga Igorevna Korolenko – Dr. (Philology), Chief Librarian of the Fundamental Library Moscow City University.

E-mail: olgakfr@mail.ru

© Викулова Л.Г., Короленко О.И., 2020

Объективация феминнной идентичности в рамках академического сообщества долгое время не была константой для Французской академии в силу маргинальности женщины в интеллектуальной культуре Франции с институциональной точки зрения. Как отмечает А.В. Стогова [12], на протяжении XVII в. с самого основания Академии происходило постепенное формирование понимания этого института как чисто мужской организации. Французская академия занимала в гендерном вопросе непримиримую позицию, которая, в конце концов, и стала определяющей в избрании в академическое сообщество по гендерному признаку.

Такая дискриминационная практика была характерна для социума того времени не только во Франции. Так, А.С. Пушкин посмеялся в «Евгении Онегине» над учеными женщинами: *Не дай мне Бог сойтись на бале, / Иль у подъезда, на крыльце / С семинаристом в желтой шали / Или с академиком в чепце!* Во всей мировой науке лишь немногим женщинам-ученым удавалось (и удается сейчас) преодолеть невидимый барьер, препятствующий продвижению женщин по служебной лестнице, выдвижению на руководящие должности в науке. Этот барьер именуется в мировой социологии знания *стеклянным потолком* (the glass ceiling) – барьер настолько незаметный, что он прозрачен, но в то же время настолько основательный, что препятствует росту женщин в служебной и научной иерархии [11]. Таким образом, наука – несмотря на то что женщин в ней занято немало – остается сферой андроцентричной, в том числе и во Франции. Состояние академической практики долгие годы придавало некоторую неравноправность в формирующейся социальной практике, которая бы позволила проявиться феминнной идентичности в рамках Академии.

Гендерным поворотом в литературной и академической истории Франции стал прием в члены Французской академии в 1981 г. первой женщины – писательницы Маргерит Юрсенар (Marguerite Yourcenar, 1903–1987). Тем самым была нарушена двухвековая традиция, не допускавшая женщин в общество *Бессмертных*. Французские академики долго противились появлению в своей среде представительниц «прекрасного пола», но наконец уступили давлению тех из своих коллег, кто в полной мере понимал масштаб личности выдающейся женщины-писателя. Второй женщиной, избранной во Французскую академию, в 1988 г. стала Жаклин де Ромийи (Jacqueline Worms de Romilly, 1913–2010), филолог, историк-эллинист, крупнейший антиковед.

В 1990 г. в академики была избрана Элен Каррер д`Анкосс (Hélène Carrère d'Encausse, урожденная Зурабишвили), с 1999 г. постоянный (пожизненный) секретарь Французской академии. Она заняла кресло № 14 вместо политического деятеля и писателя, постоянного секретаря Французской академии Жана Мистлера (Jean Mistler, 1897–1988), которое до этого занимали такие французские писатели, как Франсуа Менар, Пьер Корнель, Виктор Гюго и др. Ее считают одной из 10 самых знаменитых женщин Франции и принимают в самых высоких кабинетах Европы и России [1].

Дочь русского белого офицера, потомок известного рода Орловых, французский историк, политолог, Э. Каррер д`Анкосс слывет знатоком России не только во Франции. Ее перу принадлежит серия книг о Ленине, Сталине, династии Романовых. Широкую известность автору принес труд «Расколотая империя» («L'empire éclaté», 1978), в котором был предсказан распад Советского Союза за 13 лет до того, как это случилось. В. Большаков отмечает, что автор слегка преувеличила роль, которую сыграл в этом распаде национальный вопрос [2].

Внешними признаками легитимации научной власти женщины-академика стали особые знаковые образования как символический код культуры и знак институциональности – *номерное кресло* (№ 14), *официальная форма одежды*. Одной из важных деталей официального костюма была *шпага* (l'épée) как знак служения власти. Семиотическая форма легитимации научного знания приобретает социально маркированный индекс в виде шпаги.

На шпаге академика, которую создал специально для Элен Каррер д`Анкосс француз грузинского происхождения, мастер Гуджи Амашукели, есть такие символы – Андреевский флаг, Георгий Победоносец, поражающий дракона, золотое Руно и галльский петух. Отметим, что эти символы отражают историческую обусловленность, культурные корни, имеющие этнокультурные истоки, объединившие академика, – Россию, Грузию и Францию. Линия матери Элен Каррер д`Анкосс восходит к графам Паниным: от Никиты Панина, ближайшего советника Екатерины II, до Софьи Паниной, единственной женщины в правительстве А.Ф. Керенского, министра по делам народного образования. Золотое Руно на ее шпаге – дань памяти отца, по происхождению грузина. Шпагу как символическую привилегию академика Элен Каррер д`Анкосс вручал Анри Труайя, признанный классик французской литературы, урожденный Лев Тарасов, который в своей речи отметил «Наших тут, кажется, уже многовато…» [2: с. 334–335].

Следуя устоявшему ритуалу, Э. Каррер д`Анкосс произнесла вступительную речь в рамках Французской академии 28 ноября 1991 г. по случаю ее принятия в Академию. Согласно традиции Э. Каррер д`Анкосс в день принятия в Академию произнесла *благодарственное слово за вручение меча академика* (remerciements lors de sa remise d'épée

d'académicien) [35]. В речи оратор подчеркивает значимость шпаги (*l'épée*) как символа в культурологическом пространстве и времени: "***Une épée**, qu'est-ce? <...>, je voudrais dire un mot de la signification de l'épée, **parure académique**, portée sous une coupole pacifique. Portée à l'Académie, elle n'est pas l'instrument de mort, mais* le symbole de paix et de justice. " – «***Шпага***, что это? <...> я хотела бы отметить еще одно значение шпаги – ***академическое украшение***, которую носят под миролюбивым куполом. В Академии она не орудие смерти, а ***символ мира и справедливости»*** [35].

Шпага, характерная для мужчины-воина, в руках женщины-ученого меняет свое предназначение и наделяется положительными коннотациями – le symbole de paix et de justice, поскольку она имеет форму креста (*en forme de croix*), символизирующего мир (*un symbole de paix*). Шпага становится составляющей персональной харизмы женщины-академика, выступая как идентифицирующий знак статуса *'бессмертных',* согласно девизу, предложенному кардиналом Ришелье для государственной печати Академии (*À l'immortalité! – К бессмертию!*).

Обратимся к вступительной речи (*discours de réception*), которая начинается традиционным обращением к академическому сообществу с употребления вокатива *Messieurs.* Оратор выражает благодарность за то, что ей предоставили честь стать членом Академии: "*Pour cette grâce, dont vous avez, je crois, compris la portée, permettez que du fond du cœur **je vous remercie***." – «За эту милость, которую вы мне оказали, позвольте мне от всего сердца ***поблагодарить вас***.» [21] Обращаясь к академикам, Э.К. д'Анкосс употребляет номинацию *compagnie*, которая стала традиционной на публичных сеансах. "*En m'accueillant, Messieurs, dans votre **Compagnie**, que votre illustre fondateur voulut lieu de mémoire et de défense de la culture française <...> – quel signe du destin!*" – «Вы принимаете меня, Господа, ***в ваше сообщество***, которое ваш прославленный основатель [Ришелье] хотел бы видеть как место памяти и защиты французской культуры, <...> какой знак судьбы!» [21].

Считаем необходимым отметить *ритуальность* дискурса ученого, принимаемого в академическое сообщество. По традиции эстетический канон вступительной речи должен состоять из определенных правил: обращение к академическому сообществу (*Compagnie*); подчеркивание особой чести (*signe du destin*), которую оказали академики новому члену Академии, оценка достоинств основателя Ришелье и, наконец, своего предшественника – усопшего академика [5]. Этот канон соблюдает и оратор.

Отметим, что лексема *compagnie* с XIII в. обозначала содружество людей со схожими целями и одинаковым статусом, поэтому использование лексемы в данном контексте неслучайно и подчеркивает равное статусное положение академиков [16: с. 820].

В своей речи оратор отмечает, что ей дано право в полной мере осознать бесценную привилегию бессмертия и почувствовать себя членом самого престижного научного сообщества, где следуют французским традициям:

"*Vous m'avez donné le droit de me sentir pleinement membre, en leur lieu le plus prestigieux, de la communauté spirituelle et de la tradition de la France. Vous donnez, Messieurs, à ceux que vous appelez à vous rejoindre, un précieux privilège, celui de l'immortalité.*" [21].

Согласно академическому канону вступительной речи оратор обращается к научному сообществу, используя такие вокативы, как *mes amis* (мои друзья), *mes confrères* (мои собратья). Подобное обращение нейтрализует все статусные признаки, где важно принципиальное равенство всех участников научного общения в том смысле, что никто не обладает монополией на истину [7: с. 276].

Э. Каррер д'Анкосс была избрана на вакантное кресло № 14, которое при жизни занимал Жан Мистлер (Jean Mistler, 1897–1988), политический деятель, писатель, постоянный секретарь Французской академии, вышедший в отставку в 1985 г.). Сохраняя академический канон, оратор в своей речи рассказывает о своем предшественнике Ж. Мистлере, подчеркивая его достоинства, останавливаясь на биографических сведениях политического деятеля и писателя:

"*Bonheur et éducation allaient de pair. À treize ans et dix mois, Jean Mistler était en état d'être bachelier. <...>Haut fonctionnaire en dépit de son jeune âge, Jean Mistler eût pu combiner durablement fonctions culturelles et activité littéraire*" [21].

Статус академика наделяет Э. Каррер д'Анкосс представительскими функциями, позволяющими ей выступать от имени Академии с различными официальными речами, в которых четко прослеживается проявление символических ценностей как французского, так и мирового сообщества. Участие в церемониальных актах соответствует социальному статусу пожизненного секретаря Академии, что находит выражение в статусном векторе речей академика, где важной составляющей является аналитичность оценки деятельности Академии, предыдущих поколений академиков, внесших вклад в становление французского языка.

Отметим тематику *публичных речей*, произнесенных Э. Каррер д`Анкосс на ежегодных торжественных открытых заседаниях Академии (Séances publiques annuelles). Как носитель институционально высокого статуса оратор от лица академического сообщества в своих речах воздает честь писателям, чье творчество определило развитие нацио-

нальной и мировой литературы (Гюго, Мериме, Корнель, Фонтенель).

• *Victor Hugo et l'Académie française* (Виктор Гюго и Французская Академия, 2001) [36].

• *Prosper Mérimée: un génie singulier* (Проспер Мериме: исключительный гений, 2003) [34: URL].

• *Enfin Corneille vint...* (Наконец пришел черед Корнеля, 2005) [23].

Исходя из тематики этих речей, видим, что задачей оратора было пробудить воспоминания сообщества о тех, кто вдохновлял в свое время французскую культуру и внес неоценимый вклад в мировую литературу.

Особую значимость имеет тематика речей академика, посвященных французскому языку, через который страна осуществляет культурную дипломатию; проблемам, с которыми сталкивается на современном этапе родной язык:

• *Au secours du français* (Помочь французскому языку, 2002) [19].

• *La langue française, langue de la modernité* (Французский – язык современности, 2006) [32].

• *Halte à la «complainte du français perdu»* (Стоп «оплакиванию утерянного французского», 2008) [24].

Значимой представляется тематика речей постоянного секретаря, в которых ключевой является судьба французского языка в период глобализации и доминирования английского языка. В частности, в своей пламенной речи на тему *La langue française à l'âge de la globalisation* (Французский язык в эпоху глобализации, 4 декабря 2014) оратор отмечает: *Les siècles sont passés, les salons ont disparu, mais la langue française s'est enracinée et étendue à tout le territoire. Langue du roi jadis, le français est devenu la langue de la République, la Constitution le confirme et l'école l'a, depuis le xixe siècle, porté. Son succès, inscrit désormais dans une francophonie qui ne cesse de gagner des fidèles, témoigne aussi de la pérennité de cette «tentation du français»*. – Прошли века, исчезли салоны, а французский язык укоренился на всей территории страны. Когда-то он был языком короля, а стал языком Республики, что подтверждено Конституцией и школой, куда язык пришел в XIX в. Успех языка, закрепленный уже во Франкофонии, притягивает его сторонников и свидетельствует о преемственности такого «соблазна французским» [31].

Фактически оратор подчеркивает значимость родного языка как важного инструмента внутренней и внешней политики Франции.

Особое место в публичных речах Э. Каррер д'Анкосс занимает тема оценки деятельности Французской академии и ее роли в современной Франции, например:

• *Le «mystère de l'Académie»: pouvoir intellectuel, pouvoir politique* («Тайна Академии»: интеллектуальная власть, политическая власть, 2010) [33].

• *1816–2016: bicentenaire de la restauration de l'Académie française* (200-летие возрождения Французской академии, 2016) [18].

Важной женщине-академику представляется тема места женщины среди научной элиты: *Des femmes à l'Académie française?* (2012) [20]. Вопросительный знак сигнализирует, что андроцентричность в академической среде по-прежнему отражает нетолерантность ученых мужей по отношению к женщинам-ученым.

Выполняя представительские функции, Э. Каррер д`Анкосс, согласно своему высокому академическому статусу, произносит *церемониальные речи* во время посещения Академии статусными лицами (президент страны), например:

Discours prononcé lors de la visite de M. Emmanuel Macron, à l'occasion de la Journée internationale de la Francophonie, le 20 mars 2018 – Речь по случаю визита Э. Макрона в Международный день Франкофонии, 20 марта, 2018 [22].

Такая социальная индикация речи в рамках жанра *discours* в стенах Французской академии при посещении президентом Франции закономерна, потому что вписывается в традиции Академии. Кроме того, в речи акцентируется французская идея «культурной исключительности», где важным компонентом выступает Франкофония как политика защиты французской культуры и французского языка во всем мире и твердая воля власти и Академии поддерживать эту идею [9: с. 169].

Согласно своему статусу постоянного секретаря Французской академии Э. Каррер д`Анкосс приходится участвовать в различных траурных и мемориальных мероприятиях. Выявлено, что академик произносила разные церемониальные речи, в том числе *памятные торжественные речи* (hommage), традиция которых была еще заложена крупным общественно-политическим и религиозным мыслителем, проповедником Ж.-Б. Боссюэ (Jacques Bénigne Bossuet, 1627–1704, кресло № 37). В разные годы Э. Каррер д'Анкосс в силу своего статуса пожизненного секретаря произносила мемориальные торжественные речи, которые посвящались памяти французских писателей, ученых:

• *Hommage prononcé lors des obsèques de M. Louis Leprince-Ringuet, en l'église Saint-Germain-des-Prés* (2000) [27].

• *Hommage prononcé lors du décès de M. Georges Vedel, en l'église Saint-Germain-des-Prés* (2002) [29].

• *Hommage prononcé lors des obsèques du R. P. Carré, en l'église Notre-Dame de Paris* (2004) [28].

• *Hommage prononcé lors du décès de M. Pierre Moinot, dans la cour d'honneur de l'hôtel des Invalides* (2007) [30].

• *Hommage prononcé en séance lors du décès de M. Hector Bianciotti* (2012) [26].

• *Hommage à M. Max Gallo, en l'église Saint-Germain-des-Prés* (2017) [25].

Академик обращается к мемориальным речам как к устойчивому жанру ораторской речи, для которого хронотопом является типичная обстановка – ситуативность ухода из жизни известного человека; место, где принято произносить прощальное слово; речь об умершем в присутствии его родных, друзей, коллег (l'église – церковь, le cimetière – кладбище, l'hôtel des Invalides – пантеон военных, l'Académie des Sciences – Академия наук). Как правило, мемориальные тексты способны преодолевать сиюминутный контекст, актуализируя высокие смыслы деяний на общее благо вне времени [3].

Таким образом, общественная и коммуникативная личность Э. Каррер д'Анкосс показывает ее максимальную вписанность в существующие социокультурные координаты академической среды, метко определяемой Д.Г. Труновым термином «***стандартная стратегия*** самоидентификации» (выделено авторами. – *Л.Г., О.К.*) [14: с. 116]. Войдя в научную элиту Франции, Элен Каррер д'Анкосс стала заниматься специфической интеллектуальной деятельностью, влияющей в определенной степени на общественные процессы, в частности позиционирование французского языка в мире. Принадлежность к *административно-научной иерархии* [15: с. 69] позволяет ей ставить проблемные вопросы об общественной оценке научного знания, которое в социальной практике представляет, в частности, Французская академия. Налицо «статусный вектор» коммуникативной личности [8: с. 148]. Коммуникативное лидерство и языковая компетенция авторитетного ученого, постоянного секретаря Академии Элен Каррер д'Анкосс находит свое выражение в ее речах, вписывающихся в статусно-маркированные ситуации, где социальный план говорящего проявляется в его речевой деятельности, не прерывающей академическую традицию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бибиков, А.* Необыкновенные приключения дамы со шпагой: Рецензия на политическую биографию Элен Каррер д`Анкос / А. Бибиков // Пушкин. – 2010. – № 2. – С. 22–25.

2. *Большаков, В.* Кофе и круассан. Русское утро в Париже / В. Большаков. – Москва : ТД Алгоритм, 2015. – 368 с.

3. *Быкова, Е.В.* Модульный мемориальный текст как вторичный текст массовой информации / Е.В. Быкова // Медиатекст как полиинтенциональная система / отв. ред. Л.Р. Дускаева, Н.С. Цветова. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2012. – С. 170–174.

4. *Викулова, Л.Г.* Французский литератор XVII в.: энциклопедическая доминация, лингвистическая компетенция, коммуникативное лидерство / Л.Г. Викулова // Древняя и новая Романия. – 2016. – Вып. 17. – С. 266–278.

5. *Викулова, Л.Г.* Становление институциональной речевой практики в XVII в.: Французская академия / Л.Г. Викулова, О.И. Короленко // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2019. – Т. XVI, Вып. 1. – С. 44–49.

6. Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия / отв. ред. О.А. Сулейманова. – Москва : ЛЕНАНД, 2018. – 320 с.

7. *Карасик, В.И.* Языковой круг: Личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2004. – 390 с.

8. *Карасик, В.И.* Язык социального статуса / В.И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2002. – 333 с.

9. *Косенко, С.* Мягкое могущество в твердой упаковке. Особенности культурной политики Франции : монография / С. Косенко. – Москва : МГИМО-Университет, 2011. – 416 с.

10. *Плотникова, С.Н.* Языковая, коммуникативная и дискурсивная личность: к проблеме разграничения понятия / С.Н. Плотникова // Лингвистика дискурса: Вестник ИГЛУ / под ред. С.Н. Плотниковой. – Иркутск : ИГЛУ, 2005. – С. 5–16. – (Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация).

11. *Пушкарева, Н.Л.* Женщины в российской науке: два столетия дискриминации / Н.Л. Пушкарева // Женщина Плюс... – 2004. – № 3 (31). – URL: http://www.moscowuniversityclub.ru/home.asp?artId=385, http://www.owl.ru/win/womplus/2004/01_11.htm (дата обращения: 29.09.2019).

12. *Стогова, А.В.* Женщины и салоны в интеллектуальной культуре Франции / А.В. Стогова. – Екатеринбург : УрО РОИИ, 2007. – URL: http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/articles/stogova-salony.htm (дата обращения: 29.09.2019).

13. Парадигмы научного знания : сб. науч. тр. / Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; редкол.: Е.С. Кубрякова, Л.Г. Лузина. – Москва : ИНИОН РАН, 2008. – 184 с.

14. *Трунов, Д.Г.* Введение в феноменологию самопознания : монография / Д.Г. Трунов. – Пермь : ПермГУ, 2008. – 256 с.

15. *Чернявская, В.Е.* Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ / В.Е. Чернявская. – Москва : Либроком, 2011. – 240 с.

16. Dictionnaire historique de la langue française: en trois volumes / sous la direction d'Alain Rey. – Paris : le Robert, 2006. – 4304 p.

17. Identity as an element of human and language universes: axiological aspect / M.R. Zheltukhina, L.G. Vikulova, E.F. Serebrennikova, S.A. Gerasimova, L.A. Borbotko // International Journal of Environmental and Science Education. – 2016. – Vol. 11, № 17. – P. 10413–10422.

18. 1816–2016: bicentenaire de la restauration de l'Académie française (le 1 décembre 2016). – URL: http://www.academie-francaise.fr/1816-2016-bicentenaire-de-la-restauration-de-lacademie-francaise (date of access: 04.01.2020).

19. Au secours du français. Séance publique annuelle (le 1 décembre 2005). – URL:http://www.academie-francaise.fr/au-secours-du-francais-seance-publique-annuelle (date of access: 04.01.2020).

20. Des femmes à l'Académie française? Séance publique annuelle (le 6 décembre 2012). – URL: http://www.academie-francaise.fr/des-femmes-lacademie-francaise-seance-publique-annuelle (date of access: 04.01.2020).

21. Discours de réception de Hélène Carrère d'Encausse (le 28 novembre 1991). – URL: http://www.academie-francaise.fr/

discours-de-reception-de-helene-carrere-dencausse (date of access: 26.08.2019).

22. Discours prononcé lors de la visite de M. Emmanuel Macron, à l'occasion de la Journée internationale de la Francophonie (le 20 mars 2018). – URL: http://www.academie-francaise.fr/discours-prononce-lors-de-la-visite-de-m-emmanuel-macron-loccasion-de-la-journee-internationale-de (date of access: 04.01.2020).

23. Enfin Corneille vint... Séance publique annuelle (le 1 décembre 2005). – URL:http://www.academie-francaise.fr/enfin-corneille-vint-seance-publique-annuelle (date of access: 04.01.2020).

24. Halte à la «complainte du français perdu». Séance publique annuelle (le 27 novembre 2008). – URL: http://www.academie-francaise.fr/halte-la-complainte-du-francais-perdu-seance-publique-annuelle (date of access: 04.01.2020).

25. Hommage à M. Max Gallo, en l'église Saint-Germain-des-Prés (le 7 novembre 2017). – URL: http://www.academie-francaise.fr/hommage-m-max-gallo-en-leglise-saint-germain-des-pres (date of access: 04.01.2020).

26. Hommage prononcé en séance lors du décès de M. Hector Bianciotti (le 21 juin 2012). – URL: http://www.academie-francaise.fr/hommage-prononce-en-seance-lors-du-deces-de-m-hector-bianciotti (date of access: 04.01.2020).

27. Hommage prononcé lors des obsèques de M. Louis Leprince-Ringuet, en l'église Saint-Germain-des-Prés (le 27 décembre 2000). – URL: http://www.academie-francaise.fr/hommage-prononce-lors-des-obseques-de-m-louis-leprince-ringuet-en-leglise-saint-germain-des-pres (date of access: 04.01.2020).

28. Hommage prononcé lors des obsèques du R. P. Carré, en l'église Notre-Dame de Paris (le 22 janvier 2004). – URL: http://www.academie-francaise.fr/hommage-prononce-lors-des-obseques-du-r-p-carre-en-leglise-notre-dame-de-paris (date of access: 04.01.2020).

29. Hommage prononcé lors du décès de M. Georges Vedel, en l'église Saint-Germain-des-Prés (le 12 avril 2002). – URL: http://www.academie-francaise.fr/hommage-prononce-lors-du-deces-de-m-georges-vedel-en-leglise-saint-germain-des-pres (date of access: 04.01.2020).

30. Hommage prononcé lors du décès de M. Pierre Moinot, dans la cour d'honneur de l'hôtel des Invalides (le 13 mars 2007). – URL: http://www.academie-francaise.fr/hommage-prononce-lors-du-deces-de-m-pierre-moinot-dans-la-cour-dhonneur-de-lhotel-des-invalides (date of access: 04.01.2020).

31. La langue française à l'âge de la globalisation (le 4 décembre 2014). – URL: http://www.academie-francaise.fr/la-langue-francaise-lage-de-la-globalisation (date of access: 04.01.2020).

32. La langue française, langue de la modernité. Séance publique annuelle (le 30 novembre 2006). – URL: http://www.academie-francaise.fr/la-langue-francaise-langue-de-la-modernite-seance-publique-annuelle (date of access: 04.01.2020).

33. Le « mystère de l'Académie » : pouvoir intellectuel, pouvoir politique. Séance publique annuelle (le 4 décembre 2014). – URL: http://www.academie-francaise.fr/le-mystere-de-lacademie-pouvoir-intellectuel-pouvoir-politique-seance-publique-annuelle (date of access: 04.01.2020).

34. Prosper Mérimée: un génie singulier. Séance publique annuelle (le 4 décembre 2003). – URL: http://www.academie-francaise.fr/prosper-merimee-un-genie-singulier-seance-publique-annuelle (date of access: 04.01.2020).

35. Remerciements lors de sa remise d'épée d'académicien (le 21 novembre 1991) . – URL: http://www.academie-francaise.fr/remerciements-lors-de-sa-remise-depee-dacademicien (date of access: 26.08.2019).

36. Victor Hugo et l'Académie française. Séance publique annuelle (le 6 décembre 2001). – URL: http://www.academie-francaise.fr/victor-hugo-et-lacademie-francaise-seance-publique-annuelle (date of access: 04.01.2020).

DOI:

ИНФОРМАЦИОННО-МЕДИЙНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В АКАДЕМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

О.А. Сулейманова

В.Е. Чернова

В статье предлагается описание особого типа языковой личности – информационно-медийной, определяются ее характеристики применительно к ученому, читающему публичные лекции. Рассматривается стратегия конструирования говорящим своей информационно-медийной личности через взаимодействие с адресатом в форме используемых личных местоимений, причем преимущественно не получивших эксплицитного выражения (нулевых). Анализируется ряд структур «малого синтаксиса», основанных на использовании нулевых местоимений – неопределенно-личных, обобщенно-личных с точки зрения их вклада в конструирование языковой личности лектора.

Ключевые слова: диалог, академический публичный дискурс, нулевое местоимение, имплицитный, информационно-медийная языковая личность, инклюзивный, эксклюзивный.

INFORMATION-MEDIA PERSONALITY IN THE ACADEMIC PUBLIC LECTURES

O.A. Suleimanova

V.E. Chernova

The paper focuses on the information-media personality, offers its definition, distinguishes and analyzes the subtype relating to the public (media) academic discourse represented by lecturers in the internet lectures. The strategies used by the lecturer to reconstruct his / her public academic personality are related to the personal pronouns used by the speaker to establish relationships with the audience. Special attention is given to "zero" (implicit) pronouns which Russian syntactical structures abound in: such as indefinite-personal, general-personal, etc. sentences. The semantics of such sentences is analyzed and their contribution into the academic speaker's personality.

Key words: dialogue, academic discourse, public lectures, implicit, "zero" pronouns, inclusive, exclusive, information-media personality.

> Осознание себя возможно только в противопоставлении. Я могу употребить *я* только при обращении к кому-то, кто в моем обращении предстанет как *ты*. … Язык возможен потому, что каждый говорящий представляет себя в качестве *субъекта*, указывающего на самого себя как на *я* в своей речи. … я конституирует другое лицо, которое, будучи абсолютно внешним по отношению к моему «я», становится моим эхо…
>
> *Э. Бенвенист. Общая лингвистика*

Введение

Современное информационное пространство и соответствующие технологии формируют особый тип языковой личности, называемой «информационно-медийной языковой личностью» [2: с. 5]. К ее характеристикам относят открытость, готовность к новой информации и потребность в ней, публичность в оценке новой информации, полидискурсивность, поликодовость, интертекстуальность, свободу выражения себя, своих оценок и ценностных установок и др. [2].

При этом личность является коммуникативной, дискурсивной, виртуальной / реальной. Выделяют следующие виды в рамках данного типа личности: журналиста, писателя, блогера, политика, личность синкретичного типа – типология в перспективе может быть дополнена [2: с. 6]. Мы полагаем, что к данному типу языковой личности можно отнести личность ученого, читающего публичные лекции (транслируемые в сеть) на академические темы в формате научного слэма, представляющего собой

Сулейманова Ольга Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой языкознания и переводоведения Московского городского педагогического университета.

Olga Arkadievna Suleimanova – Doctor (Philology), Habil., Professor, Chair of Linguistics and Translation Studies, Institute of Foreign Languages, Moscow City Pedagogical University.

E-mail: olgasoul@rambler.ru

Чернова Вероника Евгеньевна – студентка 1-го курса магистратуры Института иностранных языков Московского городского педагогического университета.

Veronika Evgenievna Chernova – Graduate student, Institute of Foreign Languages, Moscow City Pedagogical University.

E-mail: chernova_veronik@mail.ru

© Сулейманова О.А., Чернова В.Е., 2020

краткое представление результатов научного исследования в простой и увлекательной форме для необязательно подготовленной аудитории [14]. При этом по профессиональной принадлежности к медиасфере лектор может быть любителем или профессионалом (в нашем случае скорее любитель), по отношению к актуальному информационному поводу он субъективен и реагирует на то, что касается его интересов: по параметру диалогизации с аудиторией для него характерен скорее диалог со своим *я*, хотя он и пытается создать атмосферу дискуссии – с точки зрения адресата обращается к близким по духу и роду занятий реципиентам, которых привлекает либо сама персона, либо интерес к представляемой информации. Его также отличают лингвистические особенности, определяемые его уровнем культуры, образования, коммуникативными установками и др.

Исходя из параметризации, предложенной А.В. Болотновым [2], мы относим описываемый в нашей работе тип языковой личности к информационно-медийному типу.

Рассмотрим то, как конструирует себя информационно-медийная языковая личность в публичном академическом дискурсе – в формате публичных лекций – через взаимодействие с адресатом в форме используемых личных местоимений. При этом в фокус дискурсивного анализа попадает в первую очередь то, что не получает прямой экспликации, что не подлежит интерпретации без опоры на широкий фон (среди таких средств выделяют, например, прецедентные феномены и аллюзивность, имплицитные фигуры) и не вводится только через значение языкового знака.

Актуальность работы определяется необходимостью изучения динамично развивающегося жанра публичного взаимодействия, не получившего к настоящему моменту исчерпывающего описания, которое позволило бы выработать эффективные технологии коммуникации. Различные аспекты публичного выступления неоднократно служили предметом исследования: изучались речевые стратегии [5], используемые языковые средства, исследовал лексикон, причем с учетом коннотативных смыслов [9]; структура предложения с точки зрения активности / пассивности, номинализации, залога и модальности, темы (профилирования и фона); структура текста (мена ролей и то, как отмечены эпизоды дискурса); интертекстуальность и интердискурсивность. Однако характер репрезентации имплицитного взаимодействия с академическим сообществом, в частности проявляющегося через использование местоимений, не представляется до конца изученным.

Материалом исследования послужили видеофайлы открытых лекций с сайта ПостНаука (postnauka.ru) известных российских ученых в области лингвистики М.А. Кронгауза (продолжительностью 47 мин), А.А. Кибрика (13 мин), К.В. Бабаева (10 мин), В.М. Алпатова (26 мин), В.А. Плунгяна (13 мин), Г.Е. Крейдлина (11 мин), О.Н. Арестовой (15 мин).

Предмет исследования составили особенности конструирования языковой личности в ее взаимодействии с аудиторией, в частности, через систему местоимений и синтаксических конструкций с «нулевым» местоимением, участвующих в выстраивании диалога с адресатом и в целом с академическим сообществом.

Объект исследования – нулевые личные местоимения и конструкции с этими местоимениями – различные типы не-личных конструкций: обобщенно- и неопределенно-личные и др. В рамках данных конструкций выделяется их диалогичное и не-диалогичное использование.

Методика исследования опирается на представления о разграничении имплицитных и эксплицитных смыслов, учет семантики личных местоимений, в том числе нулевых, и выделение и семантическое описание синтаксических моделей с этими местоимениями, и в итоге на этой основе выстраивается взаимодействие с академическим социумом.

Одно из ключевых различий, релевантных для академического взаимодействия [7], проводится между имплицитными и эксплицитными формами коммуникации между автором / говорящим и его собеседником, неким *Другим*. *Другой* может быть ***эксплицирован*** – *Лингвисты / Исследователи полагают…* (отметим, что в дискурсивной перспективе данная фигура не представляет интереса, поскольку не имплицирует скрытые смыслы). Экспликация *Другого* имеет место также в пассивных структурах: *лингвистами установлено,* где эксплицирован субъект [9]. Ср. также *с точки зрения психолингвистов, согласно тексту М.М. Бахтина,* где *Другой* представлен именной группой, задающей объем множества лиц–участников события и авторов интеллектуального продукта. Совокупность лиц может задаваться фразами типа *по мнению / согласно точке зрения И.И. Иванова* и др., вносящими информацию о продуктах интеллектуальной деятельности лиц и – косвенно – о *Другом.*

Эксплицирован может быть не актуальный, но «потенциальный» субъект: ***непосвященный человек*** *может подумать, что более или менее в разных языках слова одинаковые;* ***человек*** *даже может какой-то сложный иероглиф не очень хорошо помнить; очень много у нас слов, которые «нынешняя» наша с вами* ***молодежь*** *уже не может склонять правильно;* – в таких случаях не выбран участник события, хотя задается множество, из которого его можно выбирать.

Наряду с актуальным эксплицированным субъектом высказывание может содержать представление о присутствии имплицитного *Другого,* относительно которого определяет свою позицию языковая личность. Он реконструируется в высказываниях с предикатами потенциальности типа *можно / нужно* и др. При сравнении фраз: *мы можем заключить* и *можно заключить* отчетливо видно, что во втором случае имеет место включение *Другого* в сферу пространства говорящего, «приглашение» к объединению, готовность к сотрудничеству, говорящий не закрывается от другого – напротив, он солидаризируется с ним. Ср. высказывания *То же* ***можно*** *сказать о благодарности, и извинении, и прочих этикетных словах, и формулах;* ***можно*** *говорить о специальном телефонном этикете;* ***надо понять,*** *что* ***нужно*** *знать о теле; и* ***можно*** *выстраивать некую иерархию этикетов,* где говорящий не берет на себя всю ответственность за интерпретацию событий, он предлагает аудитории участвовать в описываемом событии.

Лектор может апеллировать к некоторому имплицитному актанту, представленному субъектом неопределенно-личного предложения: *иногда* ***говорят*** *о том, что русские угрюмые, поэтому они не здороваются; часто, говоря о языке,* ***пользуются*** *так называемой компьютерный метафорой; давно* ***обратили внимание*** *на очень важный аспект, который ранее не очень хорошо изучался; одно время Японию* ***рассматривали*** *сначала как вероятного противника* – здесь субъект может задаваться обстоятельствами, имплицирующими тип множества участников (см. ниже). Он также имплицируется в обобщенно-личных предложениях: *идешь, бывало, поздно вечером по темной аллее, и от страха сердце сжимается,* где говорящий апеллирует к своему собственному восприятию, дистанцированному по времени от настоящего момента.

Второе разграничение, проводимое в рамках имплицитных форм, выделяет диалогичные и недиалогичные формы коммуникации, представленные в семантике личных местоимений – так, местоимение первого лица *мы* (эксплицитное и имплицитное) может быть диалогичным, но может не быть таковым, нулевое местоимение второго лица *ты*, как будто предполагающее обращение к собеседнику, может быть и автореферентным, а нулевое местоимение третьего лица множественного числа также бывает как диалогичным, так и недиалогичным (см. подробнее ниже).

Анализ взаимодействия коммуникантов в формате публичной лекции

Рассмотрим то, как выстраивает коммуникацию автор публичной лекции, опираясь на возможности нулевых местоимений.

1. Нулевое местоимение *мы*

Местоимение *мы* при нулевой экспликации создаёт комплексный образ, отражая сложное взаимодействие говорящего с академическим сообществом – в нашем случае с аудиторией. Оно (эксплицитное и имплицитное) всегда вызывало интерес у представителей языкового сообщества. Так, А.А. Бестужев-Марлинский писал: «*Скажите, пожалуйте, не случалось ли вам подстеречь в себе привычки выдавать собственное мнение за итог большинства мнений? Преважно говорить: "Мы думаем, мы полагаем, мы убеждены," – когда вы не спрашивали ни одной живой души, как она думает или в чем она убеждена. Впрочем, не знаю, как вы, а я, грешный человек, в старину частенько ставил мычащее местоимение "мы" в замену "я". И сперва мне казалось, что я делал это из учтивости, из общежития, для того чтобы мнение мое не показалось резким, чтоб меня не назвали выскочкою, для того, что*

В моих летах не должно сметь

Свое суждение иметь.

Но теперь… я нашел, что … проживала во мне с незапамятных времен стародавняя страстишка властвовать мнениями или действиями других собратий моих. А в самом деле, произнося "мы", не произвел ли я себя в знаменатели многих цифр, в представители многих лиц» [1: с. 299].

Писатель отмечал двойственность референции местоимения (эксплицитного) – инклюзивное прочтение и эксклюзивное, подчеркивая его преимущественно инклюзивный характер, как будто противоречащий «естественному» его прочтению как сужающему область референции до непосредственного окружения говорящего.

Инклюзивное *мы* включает потенциального *Другого* в свое дискурсивное пространство и – особенно в форме настоящего времени – «приглашает» академическое сообщество к диалогу: ***Рассмотрим*** *X.* ***Посмотрим*** *на нашего ближайшего родственника, на болгарский язык, там уже падежное склонение практически исчезло.* Эксклюзивное *мы,* напротив, не дискурсивно и не диалогично по своей природе, ср.: ***Скажем,*** *среди уголовников, безусловно, присутствуют свои правила общения, в том числе речевого; На многих других языках, ну,* ***скажем****, обувь и ходить – это одно и то же слово, которое в зависимости от контекста то существительное, то глагол*, где речь идет о действии говорящего только. Ср. также *Среди этих ситуаций: приветствие, прощание, благодарность, извинение, ну, и более мелкие,* ***скажем****, соболезнование, комплимент, что-то еще.*

При этом инклюзивная vs эксклюзивная интерпретация определяется семантикой предиката, ср. допускающие инклюзивную интерпретацию *рассмотрим, примем во внимание, обратим внимание,*

здесь увидим, не будем слишком строги к, и, напротив, эксклюзивные *подчеркнем, заметим, определим эту величину как, дадим определение Х-у*.

2. Нулевое местоимение второго лица

Модели с нулевым местоимением в форме второго лица также производят эффект диалога, создавая коммуникативное диалоговое пространство и формируя представление о личности говорящего.

Для целей настоящего исследования оказалось важным различать диалогичные и недиалогичные формы коммуникативного взаимодействия. Диалогичны приказы (инструкции), эллиптические структуры, тогда как обобщенно-личные и определенно-личные структуры если и диалогичны, то только в особом смысле. Недиалогичные замыкают дискурс на себе – *идешь, бывало; тут уже ничего* ***не поделаешь****; говоришь, и* ***сам себе не веришь****; как тут* ***устоять; не назовешь*** *себя –* ***выживешь*** *в неприятной ситуации; потому что* ***ошибешься*** *в выборе формулы этикета или даже просто* ***не поймешь****, когда нужно что-то сказать* – в работе Е.С. Яковлевой [12: с. 24] именно о таких случаях говорится как о вносящих информацию о наличии некоторого предыдущего опыта, на основании которого говорящий и делает вывод: *Каждый раз, когда идешь / проходишь мимо родного дома, сжимается сердце.* В случае если речь идет о своем собственном опыте, часто привносится представление о многократном событии. Здесь можно говорить о мысленном диалоге с самим собой, описывая свое восприятие события, дистанцированного во времени от настоящего.

Интересно, что неопределенно-личные предложения с наречием *бывало* не несут информации о своем опыте – что отражено в обязательности введения обозначения субъекта, ср. не вполне правильное или по крайней мере требующее пояснения высказывание *Идут, бывало, мимо церкви* и правильное *Идут, бывало, мужики мимо* церкви, где субъект обозначен.

Еще один вид определенно- или обобщенно-личного предложения – типа *говоришь ему, говоришь, а он все равно по-своему делает.* (В форме повелительного наклонения ситуация представлена иначе – *говори ему, не говори*). Ср. также *говорят тебе* (говорящий в данном случае ищет поддержки у сообщества, которое, по его мнению, обладает некоторым авторитетом для адресата, подкрепляя иллокутивную силу высказывания отсылкой к этому авторитету).

В высказываниях обобщения также возникает квазидиалог с адресатом, причем речь идет о потенциальном действии, не основанном на своем предыдущем опыте *никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь*. Это может быть инструкция *идешь направо, затем поворачиваешь налево и выходишь на тропинку.* Ср. также пословичный дискурс, изобилующий данными структурами…

Вариант типа *Когда почувствуешь боль в спине, звони доктору* может быть как обобщенно-личным, так и эллиптическим личным предложением от *Когда (ты) почувствуешь боль в спине…* (это возможно в конкретной ситуации актуального взаимодействия с адресатом, например, оставляя больного дома, говорящий инструктирует его о действиях в случае вероятного возникновения проблемы со здоровьем).

В рекламном дискурсе *Убери тарелку и поставь эту антенну* моделируется адресация к актуальному собеседнику, вовлекающая его в коммуникацию, что и увеличивает иллокутивную силу высказывания.

По всей видимости, разграничение множественной и единственной формы местоимения определяется в основном общими принципами их разграничения – степенью знакомства, социальным статусом коммуникантов и др.

Ты / вы-общение в академическом интернет-дискурсе оказывается слабо востребованным, возможно, потому, что не предполагает активного вовлечения самого говорящего в диалог.

3. Нулевое местоимение третьего лица

Имплицитный *Другой* может быть представлен «субъектом» неопределенно-личного предложения в форме нулевого местоимения третьего лица множественного числа: *в Токио этого уже нет, а вот в провинции, скажем, лет тридцать назад, когда* ***видели*** *иностранца, белого человека, дети начинали за ним бежать и кричать гайдзин, т.е. иностранец,* – который в таком случае может задаваться обстоятельствами, имплицирующими тип множества участников [8: с. 186–195]. Ср. определение значения данной синтаксической модели в [6] как такое, где имеет место «наличие отнесенного к неопределенному субъекту действия или процессуального состояния … Характер субъекта выясняется из контекста» [6: с. 356].

Данная модель неоднократно служила предметом исследований и уже получила ряд глубоких интерпретаций – исследована ее семантика [8; 11; 13], однако она не получила интерпретации в дискурсивной перспективе.

Исследователи в принципе согласны в том, что она вносит информацию о том, что в описываемом событии участвуют люди, причем, по мнению лингвистов, речь идет о неопределенной группе лиц, не участвующих в диалоге – это ни *я*, ни *ты* [3: с. 203; 4: с. 111], т.е. предлагается ее эксклюзивная интерпретация. Мы полагаем, однако (см.: [8: с. 195]), что речь идет скорее не об «исключении» говорящего, а его не-включении во множество участников события или немаркированности по данному признаку – так, можно сказать ***У нас / здесь не курят****; в этом случае* ***у нас огра-***

ничиваются *рассмотрением слов соответствующей семантики; а в молодости он когда-то, как и все* ***у нас в СССР, был сторонником*** *отмены иероглифов.* Напротив, в высказываниях ***у нас дома*** *такие вещи не* ***обсуждают; у нас*** *такое, конечно,* ***трудно представить; У нас*** *или в Америке* ***такого не бывает*** говорящий скорее включен во множество участников события при помощи фразы *у нас.*

Как показано в [8], данная модель вносит информацию о том, что в качестве семантического субъекта описываемого события выступает некоторое подмножество лиц из множества одушевленных индивидов; причем заданы только признаки, объединяющие членов данного подмножества.

Границы подмножества могут быть заданы эксплицитно – ***у нас в институте*** *говорят,* ***за столом*** *говорили о политике,* ***в нашей культуре*** *принято повторять обращение в процессе разговора, называть собеседника по имени несколько раз* или имплицироваться и полагаться очевидными – *в очень многих языках* ***делят*** *день по-разному; иногда* ***говорят*** *о том, что русские угрюмые, поэтому они не здороваются; он не так драматичен, как* ***думают****, но не так незаметен, как многим универсалистам, глобалистам бы казалось; Оказалось, что часто* ***обращают внимание*** *на фокальную фигуру.*

В пользу наличия в значении модели признака одушевленности свидетельствует невозможность использования модели в том случае, если нет человека или – шире – одушевленного существа, способного заполнить позицию семантического субъекта – см. показательный пример и его интерпретацию из работы [8]: нельзя сказать **Его одежду намочили дождем* (ср. возможное *Его одежду намочили*), или **Его убили грозой / громом* при правильности *Его сбили машиной*. Предложение *Его убили молнией* могло бы стать корректным в ситуации – например из известной повести Д. Гранина *Иду на грозу*, – где люди обретают способность управлять грозой – ср. *Его случайно убили грозой при тестировании установки*. Такие высказывания могут использоваться в специально смоделированных ситуациях типа киносъемок – ср., например, возможное указание режиссера *Намочите его одежду дождем* (=намочите его одежду тем веществом, которое у нас используется в качестве дождя), или в рассказах про инопланетян в научной фантастике и жизнеописаниях богов – т.е. тогда, когда человеку дана власть над природными явлениями, за которыми обязательно стоит человек.

При этом речь не идет о «любом вероятном количестве **однородных** субъектов» [11: с. 70] – при использовании неопределенно-личной модели не представляется возможным вообще высказываться о какой-либо качественной определенности субъектов и постулировать их однородность.

Особенности значения модели определяют ее употребление, когда:

– говорящий намеренно скрывает от собеседника свое знание о субъекте действия;

– обоим собеседникам хорошо известно, кто субъект действия, однако использование неопределенной референции подчеркивает некую «интимность» между ними – *А к тебе опять пришли;*

– говорящий представляет позицию официального учреждения;

– слушающему ясно из ситуации, кто субъект действия, и потому говорящий не конкретизирует его [11: с. 71].

Таким образом, дискурсивная интерпретация модели на основе полученного семантического описания позволяет реконструировать языковую личность в дискурсивном пространстве: это (со)общество *Других*, с которыми может / готов солидаризироваться говорящий, он разделяет их идеологию.

Неопределенно-личная модель коррелирует с безличными предложениями с предикатом в возвратной форме на *-ся:* ***различается****, скажем, негативная и позитивная вежливость*; ***оказывается****, можно выбирать между старшим и младшим; когда мы просто наблюдаем язык,* ***оказывается****, что он содержит патриархальные черты.* Рассмотрим их различия и характер репрезентации личности говорящего.

Как известно, существует множество значений форманта *-ся,* причем они могут реализоваться при присоединении к одной и той же основе и соответственно используются в различных синтаксических условиях и моделях, причем имеют различные значения. Ср., например, группы высказываний с совпадающим по форме предикатом – *говорилось, читалось, думалось, виделось* (иллюстративные примеры взяты из Национального корпуса русского языка, в лекциях данные конструкции не встретились):

1. Мне не ***читалось*** *сегодня; Скворцов взял газету, но ему не* ***читалось****; мне бы лучше* ***думалось*** *с одной из этих сигар; им легко* ***говорилось*** *и даже не по пустякам, даже всерьез; с ним легко* ***говорилось*** *на темы, любезные Русскому интеллигентскому сердцу.*

2. а мне-то ***думалось****, что у меня проблемы; и с каждым новым разом мне* ***виделось*** *все больше скрытого смысла в этом диалоге; события развивались, а конца им* ***не виделось****; на лице его* ***читалось*** *презрение к словам пастора; в их взглядах* ***читалось****, будто я что-то у них отнимаю; он почти не мог говорить, но это* ***читалось*** *по губам; раньше нам* ***думалось****, что мы добились реального прорыва.*

3. У нас в детдоме в то время ***читалось*** *много книг; он начал издавать самую разнообразную ли-*

тературу низового плана, то, что ***читалось*** *по деревням; Не зря у нас раньше* ***говорилось****: «пьян, как сапожник».*

Так, в первом случае реализована модель типа *Мне не спится*, вносящая информацию о наличии у Х-а возможности осуществить описываемое действие и о ее реализации / нереализации; во втором и третьем случае это описание действий (в широком смысле) одного или совокупности лиц (а не возможность реализации действий).

Особый интерес в свете конструирования личности говорящего представляет *-ся*-предикат, коррелирующий по значению с предикатом в неопределенно-личном предложении: *в древности говорили – в древности говорилось*, где речь идет о множественности субъекта. При использовании модели типа *В древности* ***считалось****, что Х*; *Раньше* ***считалось****, что система языка для всех едина* говорящий только констатирует принадлежность семантического субъекта к классу людей, не сужая область его референции до какого-либо множества (как в предыдущей неопределенно-личной модели) – при этом он «рисует фрагмент некоторой нормативной картины мира, которую разделяет определенный круг лиц и которая включает в себя свойственный ей набор стереотипных ситуаций и суждений» [8: с. 202]. Вносится информация о том, что описываемое событие имеет место не в результате проявления волеизъявления отдельного индивида или группы индивидов, а благодаря действию некоторого предписывающего закона, некой общепринятой нормы. В дискурсивной интерпретации семантики данной модели взаимодействие с социумом репрезентировано «продуктом» деятельности индивида – выработанными нормами и правилами социума. *Среди достоинств академической мобильности* ***отмечается*** *хорошее знание иностранного языка; говорили, что женщины там видны, но не слышны, потому что* ***считалось****, что женщина должна как можно меньше говорить.* При этом говорящий дистанцирован от результата, и фокус сообщения составляет информация о результате работы, а не личность исследователя, он может фокусироваться на диалоге с академическим миром не в прямой, эксплицитной форме, а через имплицитное включение его в сферу своих концепций, осуществляя естественную связь с научной традицией, защиту своей точки зрения на фоне обязательно иных воззрений.

Таким образом, информационно-медийная языковая личность в отечественном медийном академическом пространстве выбирает разнообразные форматы взаимодействия с целевой аудиторией, по возможности включая ее в сферу коммуникации в значительной степени через использование личных местоимений, преимущественно первого и третьего лица, в том числе нулевых. В рамках работы проанализирована частотность способов конструирования языковой личности в ее взаимодействии с реципиентной аудиторией, выстраиваемого посредством личных (имплицитных и эксплицитных) местоимений и соответствующих синтаксических моделей. На изученном материале (скрипты видеолекций объемом 13 736 слов, 96 008 зн.) выявлено, что наиболее частотным из выделенных языковых средств является использование инклюзивного и эксклюзивного *мы* (40,6 %), на втором месте по частотности употреблений находятся предложения с предикатом в возвратной форме на *-ся* (39,5 %), третью позицию заняли конструкции с предикатом потенциальности типа *можно,* включающими потенциального адресата в сферу действия предиката (9,8 %), далее по частотности следуют конструкции с нулевым субъектом неопределенно-личного предложения в «форме» третьего лица множественного числа (1,7 %), пассивные конструкции с эксплицированным субъектом – 1 %, заключительную позицию в списке частотности занимают обобщенно-личные предложения – 0,6 %. При этом тип используемого местоимения коррелирует с типом используемой синтаксической модели, в совокупности определяя характеристики информационно-медийной языковой личности.

Заключение

Реконструирование информационно-медийной языковой личности предпринято на основе учета характера ее взаимодействия с академическим сообществом в формате публичных лекций, размещаемых в интернет-пространстве. Ключевым параметром, лежащим в основе определения характера взаимодействия с реципиентом, выбрано личное местоимение, в частности нулевое, которое представляет собой средоточие нескольких базовых представлений, связанных с диалогом в академическом дискурсе.

Исследование (фрагментов) лекций ведущих лингвистов позволило выявить использование разнообразных форматов взаимодействия, а именно: способы коммуникации между автором и слушающим, которые сводятся к двум основным видам: эксплицитному и имлицитному. К эксплицитным формам коммуникации отнесены: непосредственное называние субъекта; использование пассивных конструкций, в которых эксплицирован субъект; введение именной группы, которая задает объём множества лиц-участников; выделение «потенциального» субъекта; инклюзивное и эксклюзивное *мы*. Имплицитные формы коммуникации представлены предикатом потенциальности *можно / нужно*; обобщенно-личными предложениями; субъектом неопределенно-личного предложения в форме нулевого местоимения третьего лица множественного числа; безличными предложениями с предикатом в возвратной форме на *-ся*.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бестужев-Марлинский, А.А.* О стиле собственных произведений / А.А. Бестужев-Марлинский // Русские писатели XVIII–XIX веков о языке : хрестоматия. В 2 т. Т. 1 / ред. Н.А. Николина. – Москва : Русское слово, 2000. – 432 с.

2. *Болотнов, А.В.* О типовых и индивидуальных особенностях когнитивного стиля блогера как информационно-медийной языковой личности / А.В. Болотнов // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов : Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов». – 2017. – № 1 (50). – С. 5–13.

3. *Булыгина, Т.В.* Дейксис в грамматической системе конкретных языков / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев // Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис / отв. ред. Т.В. Булыгина. – Москва : Наука, 1992. – С. 194–262.

4. *Булыгина, Т.В.* Синтаксические нули и их референциальные свойства / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев // Типология и грамматика / отв. ред. В.С. Храковский. – Москва : Наука, 1990. – С. 109–117.

5. *Иссерс, О.С.* Речевое воздействие : учеб. пособие / О.С. Иссерс. – Москва : Флинта : Наука, 2009. – 224 с.

6. Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис / глав. ред. Н.Ю. Шведова. – Москва : Наука, 1982. – 709 с.

7. *Сулейманова, О.А.* Академический дискурс как непрерывный диалог с Другим / О.А. Сулейманова // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия / ред. О.А. Сулейманова. – Москва : ЛЕНАНД, 2018. – С. 180–198.

8. *Сулейманова, О.А.* Проблемы русского синтаксиса: Семантика безличных предложений / О.А. Сулейманова. – Москва : Диалог-МГУ, 1999. – 222 с.

9. *Фомина, М.А.* Субъект в академическом дискурсе / М.А. Фомина // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия. – Москва : ЛЕНАНД, 2018. – С. 199–210.

10. *Чернявская, В.Е.* Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе / В.Е. Чернявская, Е.Н. Молодыченко. – Москва : ЛЕНАНД, 2017. – 176 с.

11. *Шелякин, М.А.* О семантике неопределенно-личных предложений / М.А. Шелякин // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость / отв. ред. А.В. Бондарко. – Санкт-Петербург : Наука, 1991. – С. 62–71.

12. *Яковлева, Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е.С. Яковлева. – Москва : Языки славянской культуры, 1992. – 344 с.

13. *Guiraud-Weber, M.* La structure de la personne indeterminee: Le sujet zero en Russe et le pronom ON en Francais / M. Guiraud-Weber // Revue des Etudes Slaves. – Paris. – 1990. – LXII, № 1–2. – P. 197–209.

14. *Suleimanova, O.* Science Slam in Project-Based Learning / O. Suleimanova, V. Yaremenko // EDULEARN 18 Proceedings: 10th International Conference on Education and New Learning Technologies, 2018. – P. 7842–7848. – URL: https://library.iated.org/view/SOULEIMANOVA2018SCI (дата обращения: 31.10.2019).

DOI:

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ УЧАСТНИКА АКАДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

М.А. Фомина

Рассматриваются особенности репрезентации языковой личности одного из участников академического дискурса – автора научного текста. Предложено описание средств имплицитного выражения субъекта-адресанта в научном диалоге, представленных синтаксическими моделями, содержащими субъективно-оценочные и акцентирующие формулы.

Ключевые слова: научный диалог, категория субъектности, контент-анализ, академический дискурс, субъективно-оценочные / акцентирующие формулы, безличное предложение.

AUTHOR'S PERSONALITY IN ACADEMIC DISCOURSE

M.A. Fomina

The paper focuses on the Author and his/her linguistic representations in a dialogue with the reader in Russian written academic discourse. The paper makes a structural and semantic analysis of Russian «boosters» and «hedges» as means of implicit linguistic representation of the category of subject.

Key words: academic dialogue, category of subject, content analysis, academic discourse, boosters, hedges, impersonal sentence model.

> Увидеть и понять автора произведения – значит увидеть и понять другое, чужое сознание и его мир, т.е. другой субъект («Du»). При объяснении – только одно сознание, один субъект; при понимании – два сознания, два субъекта. К объекту не может быть диалогического отношения, поэтому объяснение лишено диалогических моментов (кроме формально-риторического). Понимание всегда в какой-то мере диалогично.
>
> *М.М. Бахтин. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук*

Введение

Современные исследования в области теории дискурса и анализа различных дискурсивных формаций позволили прийти к пониманию академического дискурса как коммуникативного процесса, участники которого стремятся выразить согласие с научным сообществом, выделяя при этом свою точку зрения как в определенной степени уникальную [19: с. 85], что исключает безличный характер академического дискурса и доказывает высокую степень его диалогичности и полифоничности (см., например, убедительные результаты проведенного в [16] дискурсивного анализа академического дискурса, которые позволили автору прийти к важному выводу о том, что «академический дискурс принципиально диалогичен − причем в большей степени, чем, например, художественный дискурс, при этом диалогичность реализуется главным образом через взаимодействие с *Другим*» [16: с. 186]). Солидаризация с академическим сообществом реализуется через выражение разделяемых знаний, понятий, вежливости, скромности, уважения к существующим нормам; формирование же нового мнения и конструирование языковой личности исследователя осуществляется с помощью выражения индивидуальности автора, его авторитетного знания [19: с. 85] в форме диалога с научным сообществом (адресатом). Феномен языковой личности, являясь одним из центральных в современной лингвистике и приобретая в науке категориальный статус [11], по мнению многих исследователей, связан с обозначением конкретного носителя языка. Данное понимание языковой личности согласуется с определением данного термина Ю.Н. Карауловым, ориентированным на изучение конкретного говорящего: «… языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих

Фомина Марина Аркадьевна – кандидат филологических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой языкознания и переводоведения по научной работе Института иностранных языков Московского городского педагогического университета.

Marina Arkadievna Fomina – Doctor (Philology), Associate Professor, Institute of Foreign Languages, Moscow City Pedagogical University.

E-mail: marinafomina7@gmail.com

© Фомина М.А., 2020

чертах на базе языковых средств» [13: с. 38]. В остальных случаях, как отмечает Е.В. Иванцова, было бы точнее говорить о типах языковой личности [11: с. 29]. В настоящей работе рассмотрим особенности репрезентации языковой личности одного из участников академического дискурса – автора научного текста – в виде средств имплицитного выражения субъекта-адресанта в научном диалоге, представленных синтаксическими моделями, содержащими субъективно-оценочные и акцентирующие формулы.

Академический дискурс и отдельные его жанры неизменно вызывают интерес у лингвистов (см., например, работы [2; 5; 6; 8; 9; 12; 14; 19; 20]). Стратегии письменного и устного академического дискурса раскрываются в различных жанрах – ср. дискурс лекций, семинаров, консультаций, научных презентаций, выступлений на конференции, постерных докладов, защит диссертаций, эссе, научных статей, учебных пособий, монографий, диссертаций, авторефератов, рецензий и пр. Обсуждая такой жанр академического дискурса, как защита диссертации, В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин отмечают, что «стратегии дискурса являются ориентирами для формирования текстовых типов, но жанры речи кристаллизуются не только в рамках дедуктивно выделяемых коммуникативных институциональных стратегий, но и в соответствии со сложившейся традицией». Так, например, «чисто традиционным» является жанр диссертаций [12: с. 347]. Диссертационное исследование является крайне важным средством трансляции информации в академической среде, выразителем голоса ученого, вступающего в диалог с научным сообществом. Диссертация представляет собой научно-исследовательскую работу «строго определенного жанра, который, как любой научный или литературный жанр, имеет свои особенности, правила, требования», диссертация должна быть логичной, цельной, а «диссертант должен контролировать себя, чтобы не сбиться на иной жанр» [22]. Структура диссертационного исследования, как и структура научных текстов большинства жанров академического дискурса, «отражает структуру познавательной деятельности субъекта науки в последовательности когнитивных фаз: проблемная ситуация / проблема → гипотеза → доказательство гипотезы → вывод» [21: с. 40]. Таким образом, главной особенностью диссертации выступает ее оригинальность: автору работы следует «быть знакомым с тем, что сказали на эту тему другие ученые, но и вдобавок следует "открыть" что-то свое, чего другие ученые не говорили» [23: с. 11] (ср., например, дискурс лекций, семинаров, рефератов, для которого наличие «нового авторского знания» не является обязательным).

Помимо таких универсальных категорий, как целостность и логичность (развернутость и последовательность), связность, завершенность, социологичность и др., присущих любому виду дискурса (см. подробнее о категориях текста в работах [1; 3; 4; 7]), в качестве основной категории дискурса, в том числе и академического, исследователи выделяют диалогичность, которая предполагает наличие признаков диалога в дискурсе, фокус на особенностях адресата, чья «вовлеченность в дискурсивное пространство является смыслообразующим компонентом и залогом успешного достижения поставленных целей и задач» [19: с. 113]. Согласно общеизвестной концепции М.М. Бахтина «увидеть и понять автора произведения – значит увидеть и понять другое, чужое сознание и его мир, т.е. другой субъект» [4: с. 308]. И далее: «Понимание всегда в какой-то степени диалогично» [4: с. 308]. О.А. Сулейманова, подчеркивая необходимость исследовать явление полифонии в дискурсе, ее проявление на различных «уровнях» дискурсивного взаимодействия и средства ее репрезентации, обращается к анализу дискурсивного «поведения» партиципантов коммуникативной ситуации и особенно к интерпретации фигуры *Другого*. Ученый развивает представление об ингерентном характере «сложно выстроенной полифоничности» академического дискурса, указывая на чрезвычайно частотную отсылку к *Другому*, на непрерывный диалог с научным сообществом, с *Другими*, «в ходе которого только и возможна академическая коммуникация и в процессе которого выкристаллизовываются и шлифуются гипотезы и теории» [16: с. 196–197].

Исследователи категории диалогичности в качестве типичных средств ее реализации выделяют инклюзивные местоимения (reader pronouns), директивы (directives), ссылки на общие знания (appeals to shared information), пояснительные вставки (personal aids), вопросы (questions) [25: с. 119]; риторические вопросы, императивные конструкции «в роли обращений, регулятивов, советов, рекомендаций», визуальные средства привлечения внимания, которые, по мнению В.Е. Чернявской, позволяют удерживать внимание адресата [21: с. 45]; восклицательные конструкции [19: с. 114] и пр.

Категория диалогичности

Рассмотрим такие средства выражения коммуникативной категории диалогичности, как субъективно-оценочные и акцентирующие формулы (ср. *хеджи* и *бустеры* в терминологии К. Хайланда [25: с. 91], выступающие в качестве усилителей мнения, маркеров мнения и ссылки на себя, ассортимент которых включает, но не ограничивается, рассматриваемыми далее вводными структурами). Хеджи позволяют передать автору научного текста собственное мнение, а значит, могут рассматриваться в качестве маркеров адресанта, участвующих в конструирова-

нии языковой личности исследователя в академическом дискурсе и нацеленных на установление контакта с читателем [19: с. 201].

Субъективно-оценочные формулы (хеджи) позволяют автору маркировать некое субъективное впечатление, отношение к рассматриваемой проблеме, вывод или мнение автора, передавать, по мнению К. Хайланда, неуверенность автора, скромность и уважение к академическому сообществу [24] – ср., *на наш взгляд, думается, как (нам) представляется, очевидно, (что) …, представляется, что …, кажется, при этом очевидно, что …, есть основания полагать, что …, по нашему убеждению* и пр. Ср. также следующие способы выражения модальности, вносящие информацию об авторской позиции:

***Надо полагать**, что на первом этапе всё же необходимо выявить регулярные, в том числе диагностические семантические контексты, «высвечивающие» значение слова и позволяющие определить его* [10];

*И хотя многие учёные признают за платеосемией эти черты, **можно утверждать**, что одни и те же единицы грамматикализируются, сохраняя при этом своё значение, когда выполняют роль (полу)связки в определённых конструкциях, а в других случаях не подвержены этому процессу, когда употребляются в качестве полнозначных единиц* [10];

***Возможно** также, что в сознании платеосеманты закрепляются именно в инвариантном значении, а не в совокупности прототипов* [10].

Такие безличные модели, как *представляется, что …, (на первый взгляд) кажется, что …, как представляется,* на уровне глубинной структуры высказывания не являются бессубъектными – субъект состояния (автор текста) не назван, но его наличие подразумевается.

Акцентирующие формулы (ср. с бустерами, выступающими в качестве средств выражения уверенности автора в высказываемой точке зрения [25]) акцентируют внимание адресата на том, что будет сказано далее, ср.: *в этой связи следует отметить, что …, необходимо подчеркнуть, что …, показательно, что …, отметим, что …* и др., ср.:

***Следует** особо **подчеркнуть** тот факт, что объектом описания становился, в первую очередь, внутренний ретроспективный монолог, отражающий субъективное восприятие прошлого персонажем* [17];

***Следует** также **отметить**, что дневник может выступать и в роли средства, способствующего виртуализации внутриличностной коммуникации при условии повторного обращения к нему автора спустя некоторое время* [17].

Приведенные средства имплицитного выражения субъекта позволяют автору научного текста включить потенциального *Другого* в сферу своего дискурсивного пространства (ср. рассмотренную в [16] модель совмещения ролей актантов − имплицитный субъект + потенциальный *Другой*).

В качестве синтаксической реализации субъективно-оценочных и акцентирующих формул (маркеров адресанта) могут выступать:

1) вводное предложение − главная часть сложноподчиненного предложения (определенно-личное предложение – ср. *Думаю, … / Считаю, … / Полагаю, … / Напомню, … / Напомним, … / Уточним, … / Отметим, …*; безличное предложение со сказуемым, выраженным безличным возвратным глаголом – *Думается, что … / Кажется, что … / Представляется, что …;* безличное предложение с безлично-предикативными модальными словами со значением (не)возможности, необходимости, глаголами типа *следует*, модальными словами, утверждающими тот или иной факт действительности − ср. *Надо полагать / Надо сказать / Следует полагать / (Причем) следует отметить / (Причем) следует подчеркнуть / Необходимо подчеркнуть / Нельзя не сказать о том / Можно предположить / Возможно, что … / Естественно, что … / Очевидно, что …;* безличное предложение, образованное из сочетания безлично-предикативных слов на *-о* и осложненных / неосложненных инфинитивом, выражающее оценку действия, обозначенного инфинитивом, или положения вещей, о котором сообщается в придаточном предложении − *Достаточно сказать / Интересно (отметить / то) / Важно (отметить / то), что …*), ср.:

***Заметим**, что и при таком подходе прототипические значения соотносимы с базовым уровнем категоризации, где в качестве категорий выступают объединения, концентрирующие наиболее релевантные для обыденного сознания свойства* [10];

*В этой связи **нельзя не отметить**, что несмотря на стабильный интерес к глаголам памяти в лингвистических кругах как в России, так и за рубежом, среди исследователей до сих пор нет единого мнения относительно состава и структуры данной группы лексических единиц в английском языке* [17];

***Необходимо отметить**, что в подавляющем большинстве работ данные термины являются взаимозаменяемыми и обозначают единый феномен – взаимодействие между отдельными лицами и группами лиц в сети Интернет* [17];

2) вводное предложение – придаточная часть сложноподчиненного предложения (двусоставное придаточное − *Как я считаю;* придаточное с безличной структурой − *Как (нам) представляется / видно / можно заключить / хотелось бы отметить / (нам) кажется*), ср.:

***Как** ясно **видно**, каждая из пар моделей включает по крайней мере одну конструкцию, которая содержит в своей семантической структуре признак пространственности* [15];

***Как представляется**, это определение релевантно и для явления полисемии, так как конкретный лексико-семантический вариант (ЛСВ) реализуется именно в контексте* [10];

3)вводное слово (*по-видимому / очевидно / несомненно / возможно / кажется / думается)* / словосочетание (*по всей видимости / судя по всему / по некоторым признакам / на наш взгляд / по нашему убеждению / по нашему мнению)*, ср.:

*В этом, **на наш взгляд**, заключается основная задача исследователей, усилия которых направлены на изучение взаимодействия памяти и языка* [17];

***По-видимому**, этот же признак – локализация Р во внутреннем пространстве Х-а – препятствует появлению в этой модели ИГ в форме творительного падежа …* [15];

***Думается**, ключевым фактором в данном случае является необходимость поддержания тематической когерентности высказывания, субъективно воспринимаемого отправителем как имеющее немалый объем* [17].

Методология

Источником эмпирического материала для проведения контент-анализа и последующей интерпретации полученных результатов послужил русскоязычный текстовый корпус пяти диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук и пяти диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Понятно, что при проведении такого исследования, помимо жанровой однородности, необходимо учитывать целый ряд критериев, которым должны удовлетворять тексты анализируемых работ – например, время создания, сопоставимый объем текстов, отрасль науки (специальность), по которой состоялась защита и пр. [18]. Для иллюстрации методики проведения контент-анализа и результатов последующей интерпретации полученных данных рассмотрим текстовый корпус двух работ, включающий 559 страниц текста (исключая титульный лист, оглавление, библиографию и приложение) [10; 17].

Результаты

Анализ текстового корпуса диссертационных исследований показал, что для работ обоих лингвистов характерны безличные конструкции и употребление коллективного местоимения *мы* в соответствующей форме, которое служит средством выражения «солидарности с академическим сообществом», с предполагаемым получателем информации [19: с. 89], ср.:

***Необходимо подчеркнуть**, что, несмотря на предположительное наличие описанной деривации, ни одно из значений не является главным, т.е. отсутствует их иерархия* [10];

***Очевидно**, что в обоих случаях имеет место признак ориентации на внутреннюю структуру события* [10];

*Таким образом, язык, в первую очередь, отражает коммуникативную природу памяти, поэтому, **на наш взгляд**, при разработке лингвистической концепции мнемической деятельности целесообразно изучать механизмы вербального кодирования ментальных репрезентаций в процессе коммуникативного взаимодействия* [17];

***Нам же представляется**, что именно сохранение и актуализация прототипического значения реализация порции действия позволяет глаголам tun и do использоваться в подобных конструкциях и выполнять упомянутую функцию* [10].

Такие безличные модели, как *кажется, представляется, думается, что Р*, представляют собой средства имплицитного выражения субъекта – субъект состояния (автор текста) не назван, но его наличие подразумевается, при этом, однако, гендерные характеристики исследователя остаются скрытыми.

Приведем также примеры структур, в которых местоимения первого лица множественного числа выражены в форме глагола в составе определенно-личного предложения, ср.:

***Отметим**, что приоритетными сферами функционирования рассматриваемых лексических единиц являются мнемический монолог и мнемический нарратив* [17];

***Заметим**, что как прототипические значения, так и их инвариант характеризуются как гештальты* [10].

В текстовом корпусе, составленном из двух диссертаций, в авторском повествовании не встречается ни одного местоимения *я* или его формы (за исключением использования притяжательной формы местоимения в примечаниях автора типа (Перевод мой. – *И.Т.*) [17], (Здесь и далее перевод мой. – *М.Е.*) [10]. Данная особенность характерна для русского академического дискурса и обусловлена коммуникативными намерениями авторов русских научных текстов, стремящихся выразить скромность и уважение к академическому сообществу, отодвигая свое «я» на задний план.

Использование в научном тексте местоимений усиливает его интерактивность, приближает друг к другу автора и его читателей, позволяет объединить обе стороны коммуникативного процесса единым контекстом, обсуждаемыми проблемами [19: с. 93] и, следовательно, способствует ведению успешного и эффективного диалога между автором текста академического дискурса и читателем–получателем информации.

Результаты проведенного контент-анализа позволили выявить следующие группы средств-маркеров адресанта с максимальной частотностью: 1) вводные определенно-личные предложения, 2) вводные безличные предложения с безлично-предикативными модальными словами со значением (не)возможности, необходимости, глаголами типа *следует*, модальными словами, утверждающими тот или иной факт действительности, и 3) вводные слова / словосочетания, ср.:

***Заметим**, что этот семантический компонент оставался ранее без должного внимания* [10];

***Отметим**, что в лингвокультурологических исследованиях в фокусе внимания языковедов также оказывается не индивидуальная память как когнитивная система организации личного опыта, а надындивидуальное построение, этно- и социокультурная специфика которого получает языковое воплощение* [17];

***Можно предположить**, что семантическое развитие подобных единиц идёт по пути всё большего абстрагирования, сопровождаемого появлением определённых семантических признаков, таких как отсутствие ориентации на внутреннюю структуру события* [10];

***При этом следует особо отметить**, что процесс запоминания в наименьшей степени манифестируется глагольными коллокациями памяти* [17];

***Очевидно**, слова первого типа ближе к полисемантам, поэтому сложно говорить о наличии у них именно широкого значения* [10];

***На наш взгляд**, данный перечень нуждается в дополнении, так как в нем отсутствует один из важнейших элементов процесса коммуникативного обмена мнемическим опытом* [17].

Данные средства за счет модальности, выраженной, в частности, такими модальными словами, как *можно* и *следует*, позволяют автору тактично представить результаты исследования, не навязывая читателю своей точки зрения и допуская возможность иной интерпретации. При этом более категоричные структуры типа *Надо полагать, Необходимо подчеркнуть, Нельзя не сказать о том, что …* оказались невостребованными в [17] (нулевая реализация) и значительно менее частотными в [10] (пять вхождений).

Вместе с тем рассмотрение реализации интересующих нас дискурсивных маркеров субъекта позволяет установить и определенные различия в письменных дискурсах ученых. Несмотря на то что структура академического дискурса отражает принятые в научном сообществе правила и нормы, регламентирующие процесс создания научного текста и рекомендующие к употреблению авторами определенные структуры и модели, частотность использования той или иной формулы (модели) может сильно варьироваться в зависимости от предпочтений автора, его индивидуального стиля (ср. также результаты контент-анализа, полученные в [19]). Так, активно используемое в [17] вводное словосочетание *На наш взгляд,* относительная частотность употребления которого (от общего числа слов) составила 0,03 %, остается практически невостребованным в работе [10] − относительная частотность употребления анализируемой модели в десять раз меньше и составляет 0,003 %. Модель *Можно предположить* встречается в [10] 10 раз (0,01 %), в то время как число вхождений данной модели в [17] равно нулю.

В целом ассортимент средств, состоящих из субъективно-оценочных и акцентирующих формул и используемых автором работы [10], оказывается более разнообразным (из рассмотренных 54 формул автор прибегнул к 31, в то время как автор текста [17] использовал 17). При этом интересно отметить, что значения суммарной относительной частоты употребления всех рассматриваемых в рамках исследования субъективно-оценочных и акцентирующих формул средств авторами обоих текстов практически совпадают.

Заключение

Анализ эмпирического материала в виде текстового корпуса диссертационных исследований позволил выявить частотность различных способов репрезентации языковой личности одного из участников академического дискурса – автора научного текста – в виде средств имплицитного выражения субъекта-адресанта в научном диалоге и установить соответствующие превалирующие тенденции выражения субъектности в современном академическом дискурсе, а именно: 1) вводные определенно-личные предложения, 2) вводные безличные предложения с безлично-предикативными модальными словами со значением (не)возможности, необходимости, глаголами типа следует, модальными словами, утверждающими тот или иной факт действительности, и 3) вводные слова / словосочетания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адмони, В.Г.* Система форм речевого высказывания / В.Г. Адмони. – Санкт-Петербург : Наука, 1994. – 151 с.

2. *Аликаев, Р.С.* Язык науки в парадигме современной лингвистики / Р.С. Аликаев. – Нальчик : Эль-Фа, 1999. – 318 с.

3. *Бабенко, Л.Г.* Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика : учебник; практикум / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. – Москва : Флинта : Наука, 2005. – 496 с.

4. *Бахтин, М.М.* Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук / М.М. Бахтин. – Санкт-Петербург : Азбука, 2000. – 336 с.

5. *Белых, А.В.* Реализация прагматических установок монографического предисловия (на материале английского

языка) : автореф. дис. … канд. филол. наук / А.В. Белых. – Ленинград, 1991. – 16 с.

6. *Бобырева, Е.В.* Аналогичность научного текста: внутренняя природа и языковые механизмы реализации / Е.В. Бобырева // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. – Волгоград, 2000. – С. 126–131.

7. *Гальперин, И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – Москва : Наука, 1981. – 140 с.

8. *Гришечкина, Г.Ю.* Соотношение факторов жанровой специфики и предметной области текста научной рецензии : дис. ... канд. филол. наук / Г.Ю. Гришечкина. – Орел, 2002. – 148 с.

9. Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия: колл. монография / О.А. Сулейманова (отв. ред.). – Москва : ЛЕНАНД, 2018. – 320 с.

10. *Евтеева, М.Ю.* Моделирование семантической структуры глаголов широкой семантики с общим значением «делать» в естественном языке : дис. ... канд. филол. наук / М.Ю. Евтеева. – Москва, 2014. – 293 с.

11. *Иванцова, Е.В.* О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования / Е.В. Иванцова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2010. – № 4 (12). – С. 24–32.

12. *Карасик В.И.* Защита диссертации как жанр научного дискурса / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Язык. Текст. Дискурс. – 2010. – № 8. – С. 338–350.

13. *Караулов, Ю.Н.* Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – Москва : Наука, 1987. – 262 с.

14. *Михайлова, Е.В.* Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Михайлова. – Волгоград, 1999. – 205 с.

15. *Сулейманова, О.А.* Релевантные типы безличных синтаксических структур и их семантические корреляты : дис. … д-ра филол. наук / О.А. Сулейманова. – Москва, 2000. – 332 с.

16. *Сулейманова, О.А.* Академический дискурс как непрерывный диалог с Другим / О.А. Сулейманова // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия. – Москва : ЛЕНАНД, 2018. – С. 180–198.

17. *Тивьяева, И.В.* Когнитивно-коммуникативная концепция мнемической деятельности : дис. … д-ра филол. наук / И.В. Тивьяева. – Москва, 2018. − 389 с.

18. *Фомина, М.А.* Маркеры адресанта в научном диалоге / М.А. Фомина // Лингвокультурное образование в системе вузовской подготовки специалиста. – 2017. – Т. 1, № 2(10). – С. 96–103.

19. *Фомина, М.А.* Субъект в академическом дискурсе / М.А. Фомина // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия. – Москва : ЛЕНАНД, 2018. – С. 199–210.

20. *Хутыз, И.П.* Академический дискурс: культурно-специфическая система конструирования и трансляции знаний : монография / И.П. Хутыз. – Москва : Флинта-Наука, 2015. – 176 с.

21. *Хутыз, И.П.* Лингвокультурные традиции в пространстве академического дискурса: особенности конструирования / И.П. Хутыз // Вестник МГПУ. – 2016. – № 3(23). – С. 86–94. – (Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование).

22. *Чернявская, Е.В.* Интерпретация научного текста / Е.В. Чернявская. – Москва : Либроком, 2010. – 128 с.

23. Что такое диссертация? // Знание. Понимание. Умение: информационный гуманитарный портал. – URL: http://www.zpu-journal.ru/asp/matriculation/faq/thesis/ (дата обращения: 15.11.2019).

24. *Эко, У.* Как написать дипломную работу. Гуманитарные науки : учебно-методическое пособие / У. Эко. – Москва : Университет, 2003. – 240 с.

25. *Hyland, K.* Disciplinary Discourses. Social Interactions in Academic Writing / K. Hyland. – London : Longman, 2000. – 240 p.

26. *Hyland, K.* Academic Discourse / K. Hyland. – London : Continuum, 2009. – 215 p.

DOI:

МУЗЫКАЛЬНЫЙ КРИТИК КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

Е.В. Алешинская

В статье выявляется ряд характеристик, присущих музыкальному критику как профессиональной культурно-языковой личности. На материале англоязычных музыкальных рецензий рассматриваются роли музыкального критика как музыковеда и журналиста, анализируются способы музыкального экфрасиса, т.е. вербализации музыки как вида интерсемиотического перевода.

Ключевые слова: музыкальный критик, музыкальная рецензия, культурно-языковая личность, профессионализм, музыкальный экфрасис, метафоризация, прецедентный текст, музыкальная терминология.

MUSIC CRITIC AS A PROFESSIONAL CULTURAL AND LINGUISTIC PERSONALITY

E.V. Aleshinskaya

The paper reveals a number of characteristics inherent in a music critic as a professional cultural and linguistic personality. Drawing material from English-language musical reviews, it examines the roles of a music critic as a musicologist and journalist and analyzes methods of musical ekphrasis, i.e. verbalization of music as a type of intersemiotic translation.

Key words: music critic, music review, cultural and linguistic personality, professionalism, musical ekphrasis, metaphorization, precedent text, musical terminology.

В современных лингвистических исследованиях антропоцентрический подход реализуется в изучении взаимосвязи и взаимодействия культуры и языка, которые находят отражение в человеческой личности. Культурно-языковая личность рассматривается как «интегративное и целостное качество субъекта, обладающего определенным этно- и социокультурным статусом, языковым и культурным информационным запасом, представленном в виде тезаурусов, и способностью его адекватного применения» [14: с. 115]. Соотношение культуры и языка выходит на новый уровень в музыкальном искусстве, поскольку музыка является ценнейшим средством познания культуры, опосредующим звеном между человеком и окружающим миром, важнейшим элементом этнической памяти и кодификации [6]. Музыка представляет собой язык универсальный, понятный представителям всех народов мира, и в то же время уникальный, воспринимаемый на эмоционально-чувственном уровне и отличный от языка вербального [7]. Вербализация музыкальных смыслов и эмоций/ощущений от восприятия музыки требует от индивида определенного уровня владения как языком, так и культурой. В связи с этим особый интерес вызывает описание культурно-языковой личности, чья профессиональная деятельность связана с осуществлением перевода с музыкального на вербальный язык, – музыкального критика.

Музыкальная критика – это большое культурное явление, которое призвано, в первую очередь, анализировать музыкальную составляющую и выявлять художественную ценность произведений музыкального искусства [11]. Критика, содержащаяся в музыкальных рецензиях, учит понимать суть музыки, продвигает музыкальные ценности, воспитывает музыкальный вкус у публики [5]. Музыкальная критика содержит анализ и оценку музыкальной продукции, от которых часто зависит ее коммуникативный и коммерческий успех. В музыкальной рецензии, публикуемой в печатном или сетевом издании, музыкальный критик выступает одновременно в двух ролях – музыковеда (или музыканта) и музыкального журналиста. Данные роли характеризуются набором определенных черт, которые в совокупности составляют культурно-языковую личность музыкального критика.

Музыкант, как и музыковед, является профессиональной личностью, которая обладает специальным знанием в сфере музыкального искусства. Ко-

Алешинская Евгения Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Института общей профессиональной подготовки Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ» (г. Москва).

Evgeniya Vladimirovna Aleshinskaya – Dr. (Philology), Assistant Professor, Department of Foreign Languages, Institute of General Professional Training, National Research Nuclear University MEPhI.

E-mail: EVAleshinskaya@mephi.ru

© Алешинская Е.В., 2020

гнитивное пространство личности музыканта описывается некоторыми исследователями как «часть специфического континуума музыкальной картины мира, основанной на знании нотной грамоты, закономерностей гармонических построений, законов технического мастерства и целого ряда профессиональных "премудростей", отражаемых в языковых формах и способах их функционирования» [10: с. 12]. Так, в рецензии на восьмой альбом «Everyday Life» британской альтернативной рок-группы «Coldplay» музыкальный критик использует музыкальные термины, называющие музыкальные жанры (*electronic pop, trip hop, breakbeat, folk, rhythm and blues, doo wop, piano rock, psychedelic prog-rock, indie rock, country blues*), музыкальные инструменты (*strings, brass, violin, guitar, bass, drums, piano, keys, synths, percussion*), музыкальные/вокальные коллективы (*band, side project, choir, gospel choir*) или функции в музыкальном коллективе (*frontman*), приемы инструментального (*arpeggio, reverb, syncopated, crescendo*) и голосового исполнения (*falsetto*), вид музыкального альбома или элемент музыкального альбома (*double-album, record, track, single, A-side single*), элемент структуры музыкального произведения (*hook*) [17]. Профессиональная терминология позволяет избежать неточностей и неоднозначности в обозначении специфических понятий и описании музыкальных явлений. В целом в рецензиях, относящихся к современному музыкальному искусству, наиболее широко представлены терминологические единицы, обозначающие музыкальные жанры. Думается, это связано с тем, что в современных условиях анализ музыкальных произведений сводится к минимуму, а на передний план выходит новостное информирование аудитории в рамках музыкальной индустрии [11: с. 254], поэтому более релевантным и информативным фактором оказывается принадлежность к определенному музыкальному направлению.

Наряду с употреблением профессиональной терминологии одним из основных признаков профессиональной компетенции музыкального критика является «знакомство с прецедентными текстами соответствующей профессиональной культуры» [1: с. 6]. В качестве прецедентных текстов в музыкальных рецензиях выступают не только фрагменты известных песен, но и названия музыкальных альбомов или композиций. Например, в рецензии на восьмой альбом группы «Coldplay» для более точного описания звучания композиций упоминаются ее предыдущие альбомы: «*The statement was a departure from the Coldplay frontman's recently optimistic view of the world; the kind of 'posi-vibes' electronic pop that characterised much of his band's last album,* ***2015's 'A Head Full Of Dreams'***»; «*It's an unflinching contemplation on the state of the world, armed with some of the band's most experimental and uncharacteristic music since* ***2008's 'Viva La Vida'***» [17]. Или упоминаются названия известных композиций других исполнителей, фрагменты из которых были заимствованы музыкантами как основа для их трэков или на которые похожи по звучанию песни из нового альбома группы «Coldplay»: «*This loungey rhythm and blues number, which interpolates* ***Garnet Mimms and the Enchanters' 1963 hit 'Cry Baby'****, is one of the few religious-tinged tracks that has actually has something musically interesting about it*»; «*Thankfully, penultimate track 'Champion of the World' (which uses the emotive guitar hook from* ***'Los Angeles, Be Kind', the work of the late Scott Huchison's Owl John side project****) rescues an otherwise trailing part two of 'Everyday Life'*»; «*It's a slow-burning ballad dedicated to believing in yourself, replete with the widescreen indie rock flair reminiscent of* ***Doves' 'There Goes The Fear'***» [17]. Уверенное владение профессиональной терминологией и знание прецедентных имен (имена известных исполнителей, такие как Norah Shaqur и Stromae, а также названия музыкальных групп) и прецедентных текстов (названия песен и музыкальных альбомов, фрагменты текстов песен) свидетельствует о музыкальной эрудиции автора рецензии и в целом является отличительной чертой профессиональной культурно-языковой личности музыкального критика/эксперта.

В музыкальных рецензиях критик как журналист проявляет свои творческие навыки путем сочетания журналистского, академического и разговорного стилей, что является одним из способов привлечения читателей к музыкальным рецензиям. Так, на фоне общего объективного, фактического тона и сложной лексики (преимущественно профессионально-ограниченной), грамматики и структуры [19], автор рецензии на альбом британской группы «Coldplay» использует элементы разговорной речи, чтобы подчеркнуть, как изменилось мировоззрение лидера группы Криса Мартина за последние 19 лет: «*In 2019, Martin has acknowledged that the world isn't always, ahem, "yellow". It can, in fact, be quite shit*». Мир уже не кажется музыканту «желтым» (т.е. ярким и оптимистическим [18]), как в одноименном хите «Yellow» из первого альбома «Parachutes», вышедшего в 2000 г.; теперь он полон размышлений о таких серьезных проблемах, как расизм, война, контроль над оружием, изменение климата и полицейский произвол.

Творческий профессионализм музыкального критика как журналиста проявляется также в том, что он стремится представить свое суждение о музыке в виде вербального текста. Согласно определению французского философа Р. Барта рецензия на музыкальный альбом – это «вторичный язык или метаязык, который накладывается на первичный

язык-объект – исполнительскую интерпретацию музыкального произведения» [2: с. 271]. Другими словами, музыкальная рецензия представляет собой критический отзыв (вторичный текст) о другом, первичном тексте [8], например музыкальном альбоме или концерте музыкальной группы. Причем язык первичного текста невербальный (музыкальный), в то время как язык вторичного текста – вербальный (естественный). Задача музыкального критика, таким образом, заключается в вербальном воспроизведении или интерпретации невербального компонента первичного текста. Для обозначения процесса вербального воспроизведения музыкального текста различные исследователи используют два понятия: (1) *интерсемиотический (или межсемиотический) перевод* как «перевод между языками различной семиотической природы (вербальными и невербальными языками культуры)» [4: с. 30] и (2) *экфрасис музыки (или музыкальный экфрасис)* как «репрезентация репрезентаций» [3: 133], «перевод музыкального текста в лингвистический текст, т.е. перекодирование информации, заложенной в музыкальном произведении, в текст описания и анализа процесса перекодирования с целью наиболее точной передачи внутреннего состояния и особенностей произведения, заложенных в нем автором» [13: с. 201]. Данные понятия в целом не противоречат друг другу, обозначая перевод из одной семиотической системы в другую, однако при этом понятие «экфрасис музыки» является видовым по отношению к интерсемиотическому (межсемиотическому) переводу. Более того, в «Толковом переводческом словаре» Л.Л. Нелюбина зафиксировано лингвистическое значение термина «интерсемиотический перевод», которое обозначает обратное направление перевода: под интерсемиотическим переводом понимается «передача данного содержания не средствами того же или другого естественного (“словесного”) языка, а средствами какой-либо несловесной семиотической системы, такой, как хореография, музыка и т.п., с одной стороны, и информационно-логические языки – с другой» [9: с. 65–66]. Во избежание терминологической путаницы далее будем придерживаться термина «музыкальный экфрасис».

Некоторые исследователи фокусируют внимание на антропологической природе экфрасиса, поскольку описание артефакта имеет интерпретативный характер и в большей степени проявляет черты не самого артефакта, а субъекта восприятия [15: с. 28]. Вербализация музыкального смысла сопровождается выражением оценки, эмоций и чувств и т.п.: в музыкальной рецензии критик/эксперт переводит в вербальный код и делает доступными как «объективные пространственные и качественные характеристики артефакта», так и «собственные внутренние образы, неповторимые и уникальные переживания, чувства, ощущения и ассоциации», которые возникают при прослушивании продукта (артефакта) музыкальной деятельности [12: с. 5]. Интерпретация первичного (музыкального) текста часто зависит от контекста восприятия, текста памяти слушателя, его языковой (музыкальной) и общекультурологической компетенции [4: с. 34]. В связи с этим профессионализм музыкального критика как журналиста должен складываться из глубоких знаний в области не только музыковедения, но и культурологии, эстетики, истории искусств, философии, риторики [16: с. 76] и даже религии, которые помогают интерпретировать смысл музыкального произведения. Так, в рецензии на новый альбом группы «Coldplay» музыкальный эксперт интерпретирует сочетание восточных и западных звучаний, особенно в композиции «Church», как выражение мировоззрения омнизма, признающего и уважающего все религии («*“I worship in your church, baby, always,” may signal the particular spiritual sanctuary afforded to Martin by his lover, but the meeting of Eastern and Western sounds alludes to a globalised acceptance of different religions*» [17]).

Качественный анализ текстов музыкальных рецензий сетевых изданий «NME» и «Rolling Stone» выявил 3 основных способа музыкального экфрасиса, которые широко используются в музыкальной критике. Один из наиболее частых приемов – применение профессиональных музыкальных терминов, например: «*A recording of misconduct by US law enforcement precedes a visceral* ***crescendo*** *of ‘A Rush of Blood To The Head’-era* ***piano rock****, with Buckland’s* ***reverb guitar*** *signatures clashing with* ***keys*** *and* ***detuned synths***» [17]. В данном отрывке указана жанровая принадлежность музыкальной композиции (*piano rock*) и описаны способы создания звукового эффекта за счет использования приемов *crescendo* и *reverb* на гитаре, пианино и смещения регистра на синтезаторе. Музыкальные термины очень информативны и помогают конкретизировать описание музыкального феномена.

С другой стороны, использование терминов не позволяет выразить чувства и эмоции, которые вызывает определенное музыкальное произведение. С целью придания тексту образности и насыщения текста выразительными средствами языка, которые способны передать смыслы музыкального произведения, в текстах музыкальных рецензий активно используются метафоры, как, например, «*a slinky bassline*», «*blooming strings*», «*crystalline falsetto*», «*swells of strings, cascading guitar arpeggios and avian trip-hop breakbeats*», «*Nigerian brass arrangements blasting over a hulking, psychedelic prog-rock backbone*» [17].

Использование прецедентных текстов, о которых говорилось выше, или интертекстуальность (когда один текст содержит отсылки к другим, предшествующим текстам) [8: с. 38], также является одним из способов вербализации музыкального смысла. Данный способ позволяет сопоставить объект с прецедентным феноменом и на основе сопоставления извлечь определенную информацию о данном объекте. Так, во фрагменте музыкальной рецензии, посвященном описанию завершающей композиции «Everyday Life», содержится отсылка к песне «Fix You» из альбома «X&Y» 2005 г. («*The closing title track, with its blooming strings and repeated chants of "Hallelujah", sets you up for a 'Fix You'-style cry fest but slightly short-circuits the whole thing*»), точнее к использованному в ней фону из струнных инструментов и повторяющемуся напеву. Сопоставление с известной музыкальной композицией помогает создать точный образ, не прибегая к сложным языковым оборотам.

Таким образом, профессиональная культурно-языковая личность музыкального критика формируется из совокупности характеристик культурно-языковой личности музыканта/музыковеда и журналиста. Это позволяет выделить такие ее черты, как профессионализм, проявляющийся в использовании музыкальной терминологии, прецедентных имен и текстов, а также через вербальное описание сложных музыкальных явлений; креативность, проявляющуюся в сочетании различных стилей и использовании различных способов вербализации музыкальных явлений, т.е. музыкального экфрасиса; образность и метафоричность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азначеева, Е.Н.* К проблеме типологизации профессиональной языковой личности музыканта / Е.Н. Азначеева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 43 (181). – Вып. 39. – С. 5–9. – (Сер.: Филология. Искусствоведение).

2. *Барт, Р.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Р. Барт ; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – Москва : Прогресс, 1989. – 616 с.

3. *Блинова, М.П.* О некоторых категориях актуальных типов дискурсов // Особенности исследования и конструирования актуальных типов дискурса и их категорий : монография / М.П. Блинова ; под ред. И.П. Хутыз. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2016. – С. 129–153.

4. *Бразговская, Е.Е.* Вербализация музыки как межсемиотический перевод / Е.Е. Бразговская // Критика и семиотика. – 2014. – № 1. – С. 30–47.

5. Оценочный вектор рецензии в музыкальном дискурсе / Л.Г. Викулова, А.В. Щепилова, О.В. Вострикова [и др.] // Язык и культура. – 2018. – № 42. – С. 39–59.

6. *Джансеитова, С.С.* Музыка как феномен культуры / С.С. Джансеитова, Г.К. Шашаева, Н.С. Бекмолдинов // Наука и мир. – 2014. – Т. 3, № 2 (6). – С. 228–230.

7. *Железнякова, А.Н.* Метафорическое моделирование музыкального звучания в дискурсе музыкальной критики / А.Н. Железнякова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – № 5–4. – С. 713–716.

8. *Каблуков, Е.В.* Музыкальная рецензия в интернет-медиа: специфика репрезентации первичного текста / Е.В. Каблуков, А.В. Тарбеева, // Известия Уральского федерального университета. – 2015. – Т. 144, № 4. – С. 33–41. – (Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры).

9. *Нелюбин, Л.Л.* Толковый переводческий словарь / Л.Л. Нелюбин. – 3-е изд., перераб. – Москва : Флинта : Наука, 2003. – 320 с.

10. *Седых, А.П.* Языковая личность музыканта: Александр Скрябин, Клод Дебюсси : монография / А.П. Седых, М.С. Быканова. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2016. – 156 с.

11. *Смоленцев, К.Н.* Музыкальная критика в системе современных массмедиа / К.Н. Смоленцев // Лики культуры в эпоху социальных перемен : материалы Всерос. с междунар. участием науч. конф. – Екатеринбург : УГПУ, 2018. – С. 254–256.

12. *Таранникова, Е.Г.* Экфрасис в англоязычной поэзии : автореф. дис. … канд. филол. наук / Е.Г. Таранникова. – Санкт-Петербург, 2007. – 23 с.

13. *Третьяков, Е.Н.* Экфрасис как семиотический перевод / Е.Н. Третьяков // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2009. – № 1. – С. 201–205.

14. *Фурманова, В.Л.* Межкультурная коммуникация и культурно-языковая прагматика в теории и практике преподавания иностранных языков : дис. … д-ра пед. наук / В.Л. Фурманова. – Москва, 1994. – 475 с.

15. *Ходель, Р.* Экфрасис и «демодализация» высказывания / Р. Ходель // Экфрасис в русской литературе / под ред. Л. Геллера. – Москва : МИК, 2002. – С. 27–28.

16. *Шевченко, Н.Л.* Аксиологические характеристики медийного диалога в предметной области музыкальная критика : дис. … канд. филол. наук / Н.Л. Шевченко. – Москва, 2019. – 183 с.

17. NME. Coldplay – 'Everyday Life' review: a confounding experiment from a deceptively forward-thinking band. By Charlotte Krol. 22nd November 2019. – URL: https://www.nme.com/reviews/album/coldplay-everyday-life-review-2577508 (accessed: 30.11.2019).

18. *Roach, M.* Coldplay: Nobody said it was easy / M. Roach. – London : Omnibus Press, 2003. – 127 p.

19. *Woodworth, M.* How to write about music: excerpts from the 33 1/3 series, magazines, books and blogs with advice from industry-leading writers / M. Woodworth, A.-J. Grossan. – London : Bloomsbury Academic, 2015. – 432 p.

DOI:

РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ИНТЕРВЬЮЕРА НА ПРИМЕРЕ ТЕЛЕПЕРЕДАЧ ЖАНРА «LATE NIGHT SHOW» В США, ВЕЛИКОБРИТАНИИ И РОССИИ

Е.В. Бондарева

Ю.А. Польшина

В.В. Рихтер

Неугасающий интерес исследователей к изучению языковой личности и различных аспектов поведения обусловлен как антропоцентричностью современной науки, так и появлением новых форм самореализации человека в общественной жизни. Одним из относительно новых, но уже крайне популярных видов развлекательно-информационных передач являются авторские проекты в жанре «Late Night Show», где личность ведущего играет основную роль, так как именно она создает неповторимый настрой, влияет на формирование общественного мнения и даже задает определенные модные тенденции. В настоящей статье рассмотрены особенности речевого поведения ведущих передач жанра «Late Night Show» в США, Великобритании и России с позиции стратегий и тактик, используемых ими в ходе интервью с гостями студии.

Ключевые слова: языковая личность, речевое поведение, интервью, ток-шоу, жанр «Late Night Show», коммуникативные стратегии, коммуникативные тактики.

VERBAL BEHAVIOR OF LATE NIGHT SHOW HOSTS IN THE USA, GREAT BRITAIN AND RUSSIA

E.V. Bondareva

Yu.A. Polshina

V.V. Rikhter

Researchers are increasingly interested in the issues related to the linguistic traits of personality and different aspects of behavior, which is precipitated both by anthropocentrism of modern science, and new channels for self-expression that society enjoys these days. A relatively new, yet extremely popular genre of entertainment television is Late Night Show where the host is the key element the whole show, since he creates a certain atmosphere, influences the public opinion and even sets fashion trends. This paper compares verbal behavior of Late Night Show hosts from the USA, Great Britain and Russia in terms of strategies and tactics, used while interviewing guests of the show.

Key words: linguistic identity, verbal behavior, interview, talk show, Late Night Show, communicative strategies, communicative tactics.

Антропоцентричность современных гуманитарных наук определяет внимание, которое уделяется изучению различных аспектов личности и моделей поведения с учетом таких универсалий, как время, пространство, энергия и язык, особенно в контексте социальной деятельности и «с акцентом на роли значимого другого» [25: с. 11]. Существование человека и реализация его социальных ролей происходит с учетом как собственных качеств, стремлений и желаний, так и окружающих его индивидов. Стандарты того или иного поведения определяются обществом в целом, а также национальными, профессиональными, лингвистическими и прочими группами, входящими в его состав, и язык является

Бондарева Екатерина Викторовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Ekaterina Viktorovna Bondareva – Dr. (Philology), Senior Lecturer of the Department of Linguistics and Intercultural Communication at Far Eastern Federal University.

E-mail: bondareva.ev@dvfu.ru

Польшина Юлия Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Yulia Aleksandrovna Polshina – Dr. (Philology), Associate Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication at Far Eastern Federal University.

E-mail: ypolshina@yandex.ru

Рихтер Вероника Валерьевна – магистрант 1-го курса Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Veronika Valerievna Rikhter – Graduate Student, Far Eastern Federal University.

E-mail: the-veronika@yandex.ru

© Бондарева Е.В., Польшина Ю.А., Рихтер В.В., 2020

одним из ключевых инструментов реализации данного поведения. Таким образом, понятия «личность» и «язык» идут рука об руку, и их взаимодействие становится объектом многих современных исследований.

Несмотря на то что представления об индивидуальных особенностях отдельных групп носителей языка были озвучены еще в XVIII–XIX вв. в трудах В. фон Гумбольдта и И.Г. Гердера, сам термин «языковая личность» впервые появился уже в 1930-х гг. в работах В.В. Виноградова [7: с. 61] и Й.Л. Вайсбергера [5: с. 81]. Впоследствии данная тема получила и продолжает получать активное освещение в исследованиях отечественных лингвистов – Г.И. Богина [2], А.В. Болотнова [3], А.Б. Бушева [4], С.Г. Воркачева [8], М.В. Дедюковой [10], В.И. Карасика [14], Ю.Н. Караулова [15], М.Ф. Масгутовой [18]. Языковая личность представляется как индивид, обладающий способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся «степенью структурно-языковой сложности; глубиной и точностью отражения действительности; определенной целевой направленностью» [15: с. 3]. Данная концепция языковой личности предполагает изучение ее особенностей на вербально-семантическом, когнитивном и прагматическом уровнях [15: с. 8]. В зарубежных работах встречаются близкие по значению термины «lingual identity» [29; 33] и «linguistic identity» [26, 28], однако они не являются абсолютно тождественными, так как определяют этот феномен скорее с позиции национальной идентичности и противопоставления своей языковой культуры другим.

Языковая личность – многоаспектная проблема, которая включает в себя такие объекты исследования, как структура, типы, коммуникативная компетентность, речевой портрет, речевое и коммуникативное поведение, которые позволяют судить о речевых предпочтениях определенных социальных групп [17]. Одним из главных проявлений личности можно считать речевое поведение человека, которое зависит от речевой культуры, картины мира и прагматических интенций в коммуникации и определяется сферой и форматом общения, фактором адресата, условиями общения, его целями и задачами, среди которых важная роль отводится воздействию на адресата.

Начало активных исследований речевого поведения также определяется антропоцентрической парадигмой науки. Первые работы по анализу данного феномена были выполнены в рамках лингвострановедения, однако затем он стал объектом социальных, гендерных, диалектологических и других междисциплинарных исследований, так как анализ личностных, этно- и социокультурных аспектов коммуникативного процесса необходим для полноценной реализации коммуникации и интерпретации ее прагматического потенциала. Концепция речевого поведения впервые появляется вначале XX в. в работах Л. Блумфильда и Б.Ф. Скиннера, где особое внимание уделяется соотношению вербальных и биологических реакций организма на ситуацию и выявление факторов, определяющих то или иное поведение [30]. Речевое поведение тесно связано с теорией речевых актов и представляет собой форму социального бытия человека, отражающую всю совокупность речевых действий и деятельности индивидуума, зависящих от условий существования конкретного говорящего коллектива в конкретном общественном устройстве. Каждый акт коммуникации – это своего рода поведение, реализующееся в определенном социальном контексте и подчиняющееся не только языковым правилам, но и тем, которые обусловливают социальный контекст общения. Также существует термин «коммуникативное поведение», под которым понимается «совокупность реализуемых в коммуникации правил и традиций общения той или иной лингвокультурной общности» [24: с. 279] или «поведение (вербальное и сопровождающее его невербальное) личности или группы лиц в процессе общения, регулируемое нормами и традициями общения данного социума» [20: с. 42]. Несмотря на явную близость терминов, под речевым поведением понимаются более ситуационно-зависимые установки, характеризующиеся вариативностью, в то время как коммуникативное поведение детерминирует общие стандарты реализации той или иной социальной роли и является более широким понятием.

Одним из основных методов изучения моделей речевого поведения является метод речевого портретирования, предполагающий выявление специфических черт языковой личности, воплощенной в речи [16; 19]. Такой портрет создается с помощью анализа тех вербальных конструктов, которые индивид выбирает для построения социально корректного высказывания. Речевое поведение реализуется в конкретных видах или стратегиях, в зависимости от темы, обстановки, цели общения, ролевых отношений коммуникантов, их социального статуса и установки [11: с. 44]. Эти стратегии охватывают всю сферу построения процесса коммуникации, когда ставится целью достижение определенных долговременных результатов. В самом общем смысле речевая стратегия включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана [12: с. 54].

Помимо речевой стратегии выделяется стратегия коммуникативная, и, несмотря на кажущуюся близость данных понятий, их следует различать. Так, коммуникативная стратегия – это результат

обдуманного решения, исходя из конкретной ситуации она выбирается коммуникантом сознательно. Речевая стратегия, в свою очередь, больше связана с заложенными общественными установками поведения, и ее выбор осуществляется «автоматически», подсознательно [1]. Также в состав речевой стратегии не входят экстралингвистические компоненты коммуникативного взаимодействия, которые присущи коммуникативной стратегии [21: с. 23].

Речевая стратегия целенаправленна, системна, интерактивна и реализуется посредством набора речевых тактик, а также реализующих речевые тактики коммуникативных ходов. В каком-то смысле стратегия не реализуется, но создается в процессе достижения цели (конкретной интеракции). Речевая тактика – это «конкретный речевой ход (шаг, поворот, этап) в процессе осуществления речевой стратегии» [23: с. 6], представляющий собой «одно или несколько действий, способствующих реализации стратегии» [13: с. 16]. Тактика соотносится с определенным этапом в осуществлении стратегии и направлена на реализацию отдельной коммуникативной задачи данного этапа. Следует обратить внимание на динамический характер речевой тактики, обеспечивающий гибкость стратегии, оперативное реагирование на ситуацию [12: с. 110]. Эффективность коммуникации определяется наличием в диалоге всех структурных элементов речевых стратегий: тактик, ходов и языковых маркеров [9: с. 28].

В качестве инструмента реализации той или иной тактики выступают коммуникативные приемы более низкого порядка – коммуникативные ходы. По форме коммуникативный ход – это высказывание, представляющее собой определенную смысловую единицу диалога. Внутреннее его основание составляет частная интенция субъекта общения, подчинённая интенции более высокого порядка. Например, интенции аргументировать, оправдаться могут быть подчинены общей целевой направленности коммуниканта уклониться от обсуждения проблемы.

Структурно стратегии можно разделить на макростратегии, которые определяют тему и композицию текста, и микростратегии, отвечающие за смысловую целостность и семантико-синтаксическую связность [22]. В зависимости от «глобальности» намерений речевые стратегии могут характеризовать конкретный разговор с конкретными целями (обратиться с просьбой, утешить и т.п.) и могут быть общими, направленными на достижение более общих социальных целей (установление и поддержание статуса, проявление власти, подтверждение солидарности с группой и т.д.). В связи с этим уместно разграничивать общие и частные стратегии. Так, общая стратегия дискредитации (обычно – третьего лица, реже – слушающего) реализуется в частных стратегиях обвинения, оскорбления, насмешки.

С функциональной точки зрения можно выделить основные (семантические, когнитивные) и вспомогательные стратегии**.** Основной стратегией можно назвать стратегию, которая является наиболее значимой с точки зрения мотивов и целей на данном этапе коммуникативного взаимодействия. Часто к ним относятся те, что непосредственно связаны с воздействием на адресата, т.е. на его модель мира, систему ценностей, его поведение (физическое и интеллектуальное). Вспомогательные стратегии способствуют эффективной организации диалогового взаимодействия, оптимальному воздействию на адресата. Так, стратегически значимыми являются все компоненты коммуникативной ситуации: автор, адресат, канал связи, коммуникативный контекст. В связи с этим можно обнаружить стратегию самопрезентации, статусные и ролевые стратегии, эмоционально настраивающие стратегии. Рассмотренные типы можно объединить в один класс – прагматических (коммуникативно-ситуационных) стратегий. В соответствии с задачами контроля за организацией диалога применяются диалоговые стратегии, которые используются для мониторинга темы, инициативы, степени понимания в процессе общения. Особый тип стратегических планов представляют риторические стратегии, в рамках которых используются различные приемы ораторского искусства и риторические техники эффективного воздействия на адресата. Таким образом, к вспомогательным следует отнести прагматические, диалоговые и риторические типы стратегий.

В рамках данного исследования в фокусе находится речевое поведение интервьюера-ведущего передач в жанре «Late Night Show», которые представляют собой вариацию ток-шоу – исконно западного разговорного тележанра, адресованного «не всем, но каждому» [6: с. 41]. Жанр «Late night show» был создан и популяризирован в США. Ранее телевизионные программы такого рода назывались «variety shows», и в одном выпуске можно было увидеть комедийные скетчи, музыкальные и танцевальные номера, магические фокусы и трюки. Такие передачи обычно выходили в эфир с семи до десяти вечера, когда количество зрителей достигает максимума. Первой передачей жанра «Late Night Show» стала «Tonight Starring Steve Allen», вышедшая на телеэкраны Америки в 1954 г. В ней присутствовали все неотъемлемые черты данного жанра: вступительный монолог, формат стенд-ап, интервьюирование звезд и «house band» (музыкальная группа в студии). Когда в 1961 г. ведущим телепрограммы стал Джонни Карсон (Johnny Carson), который вел ее вплоть до 1992 г., она превратилась в неотъемлемый элемент вечернего эфира. После ухода Карсона ве-

дущим стал комик Джей Лено (Jay Leno), но в этот период своего существования телепередача не смогла сохранить столь же высокий рейтинг. Зато у вечернего ток-шоу появился конкурент на другом канале в лице программы с Дэвидом Леттерманом (David Letterman). Конкуренция телепередач заключалась непосредственно в соперничестве ведущих. Следовательно, «Late night show» – это персонализированное ток-шоу, где личность ведущего играет ключевую роль, а значит, его речевое поведение отличается специфическими чертами, которые обеспечивают неповторимость и популярность всего телепроекта. Тем, что роль ведущего является ключевой для такого жанра, можно объяснить и то, что названия большинства передач включают его имя: «Late Show with David Lettermann», «The Tonight Show with Leno» и др. Это, несомненно, говорит об авторском характере данных программ.

Помимо навыков обычного ведущего, ведущий «Late Night Show» обладает хорошим чувством юмора, навыками грамотного построения беседы, умением слушать собеседника и разговорить его [31: с. 2257]. Также в такого рода ток-шоу интервью, которое составляет основную часть передачи, приближено к неофициальному диалогу, так как иногда в процессе могут быть показаны небольшие ролики, которые были сняты ранее, вне студии, например дома у гостя передачи [27: с. 217]. Несмотря на то что беседа в такого рода программах носит неофициальный характер, все же ей присущи формальные черты, которые диктуются структурой передачи в целом: обязанности открытия и закрытия передачи возлагаются на ведущего, в том числе и ключевая роль в организации и структуризации диалога, определение основных тем разговора. Целью ведущего передачи является сбалансировать информативные и развлекательные аспекты ток-шоу. Перед ведущими вечерних шоу не стоит задача удостовериться в правдивости той или иной информации, обсуждаемой с гостем. Нередко юмор способствует сокрытию правды. Реакция публики является своего рода индикатором правдивости и достоверности [32: с. 182].

Материалом для анализа послужили 24 выпуска таких популярных у зрительской аудитории соответствующих стран шоу, как «The Tonight Show Starring Jimmy Fallon» (NBC Channel) и «Jimmy Kimmel Live!» (ABC Channel) (США), «The Graham Norton Show» (BBC One) и «The Jonathan Ross Show» (ITV) (Великобритания), «Вечерний Ургант» (Первый канал) и «Вечернее Шоу Кирилла Сиэтлова» (YouTube) (Россия), общим хронометражом 695 минут. Анализу подлежали только те части телевизионных выпусков, где ведущий берет интервью у своих гостей.

На первом этапе исследования анализировалась специфика речевого поведения через выявление речевых макро- и микростратегий и их реализации посредством определенных речевых тактик и коммуникативных ходов. В итоге были выделены две основные макростратегии.

1. Макростратегия управления коммуникативной деятельностью:

а) микростратегия передачи информации;

б) микростратегия запроса информации;

в) микростратегия выражения персонального отношения;

г) микростратегия управления темой;

д) микростратегия управления коммуникативной инициативой;

е) микростратегия рекламы.

2. Макростратегия управления социальной и межличностной дистанцией:

а) микростратегия установления и поддержания контакта;

б) микростратегия доминирования;

в) микростратегия дискредитации;

г) стратегия создания психологической и эмоциональной атмосферы.

Распределение стратегий речевого поведения ведущих в рассмотренных странах представленно в табл. 1.

Таблица 1

Стратегии речевого поведения ведущих США, Великобритании и России, %

Стратегия	США	Великобритания	Россия
Передача информации	9,5	13	10,5
Запрос информации	19	19,5	19
Выражение персонального отношения	7	7	6
Управление темой	7,5	7,5	6
Управление коммуникативной инициативой	12,5	11,5	10
Реклама	3,5	3	2,5
Доминирование	4	4,5	6
Дискредитация	1	1,5	3
Установление и поддержание контакта	20	15	17
Создание психологической и эмоциональной атмосферы	16	17,5	20

Из количественного анализа очевидно, что сложно говорить о наличии разительного контраста в речевом поведении ведущих США, Великобритании и России, что, вероятнее всего, обусловлено относительно унифицированным форматом самой передачи, который задает определенные модели поведения любому из ведущих. Тем не менее можно констатировать существование определенных национально-специфичных параметров поведения ведущих. Так, в российских шоу со стороны ведущего наблюдается более выраженная тенденция к доминированию и дискредитации, что может быть

индикатором попытки задать более конфронтационный тон интервью, чтобы привлечь внимание зрителя. Кроме того, эти стратегии направлены на позиционирование ведущего шоу как основной фигуры беседы, а гость при этом отодвигается на второй план, и это делает программу «авторской» в буквальном смысле. Ведущие США и Великобритании чаще склонны принимать на себя роль проводника беседы, о чем говорит больший процент использования ими стратегии управления коммуникативной инициативой (12,5 и 11,5 % в США и Великобритании соответственно и 10 % в России). Ведущие США стремятся не только не доминировать над гостем, но и наладить с ними более дружеский формат общения (установление и поддержание контакта – 20 %). Ведущим Великобритании принадлежит первенство в использовании стратегии передачи информации (13 %), что говорит о большей информативности их речи, а значит, и всего шоу.

Более детально речевое поведение ведущих проявляется в ходе реализации речевых стратегий через различные тактики (табл. 2).

Таблица 2

Тактики реализации стратегий речевого поведения ведущих США, Великобритании и России, %

Стратегия	США	Великобритания	Россия
Передача информации			
Сообщение прецизионной информации	38	32	26
Демонстрация	20	27,5	26,5
Нарративная передача информации	5,5	5	20
Резюмирование	10,5	12	13,5
Комментирование	26	23,5	14
Запрос информации			
Вопрос	69	57	69,5
Побуждение к комментарию	17,5	21,5	22,5
Представление проанализированной информации	13,5	21,5	8
Выражение персонального отношения			
Выражение согласия	19,5	6,5	16,5
Выражение несогласия	3	4	8
Позитивная оценка ситуации	40	42,5	29,5
Негативная оценка ситуации	3	9	14,5
Комментарий	34,5	38	31,5
Управление темой			
Ввод/смена темы	20,5	28,5	31,5
Сохранение/удержание темы	78	69,5	62
Уклон/отказ от темы	1,5	2	6,5
Управление коммуникативной инициативой			
Перераспределение инициативы	88,5	79	60,5
Сохранение инициативы	7	14	35
Завершение разговора	4,5	7	4,5

Окончание табл. 2

Стратегия	США	Великобритания	Россия
Реклама			
Демонстрация	28,5	42,5	29,5
Побуждение	16,5	17	22,5
Сообщение прецизионной информации	55	40,5	48
Доминирование			
Демонстрация осведомленности	50	39,5	21,5
Интеллектуальное превосходство	33,5	20	39
Организация действий	16,5	40,5	39,5
Дискредитация			
Обвинение	5,5	13,5	7
Навешивание ярлыков	13	9,5	18
Непрямые оскорбление	4,5	16,5	16
Умаляющие сравнения	21,5	21	23,5
Насмешка	55,5	39,5	35,5
Установление и поддержание контакта			
Обращение	15	42,5	39,5
Ответ	8,5	6	22,5
Развертывание односложных предложений	15	12,5	6,5
Заполнение пауз	61,5	39	31,5
Создание психологической и эмоциональной атмосферы			
Комплимент и похвала	11,5	15	7
Выражение благодарности	4,5	9	5,5
Поздравление	4,5	3,5	3
Шутка	33	29,5	51
Развертывание односложных предложений	11	11	6,5
Заполнение пауз	35,5	32	27

При рассмотрении вышеуказанных стратегий через реализующие их тактики можно выявить гораздо более явные особенности речевого поведения ведущих разных стран. Так, в рамках стратегии управления коммуникативной инициативой британские ведущие чаще своих коллег используют тактику завершения разговора (лидер данной тактики – Джонатан Росс). Результат обусловлен тем, что перед тем, как пригласить следующего гостя, ведущий Джонатан Росс каждый раз формально заканчивает интервью с предыдущим гостем, несмотря на то, что тот остается в студии:

Джонатан Росс: And well, **thank you so much to come on the show. So, Sir Cliff Richard, ladies and gentlemen! The next who come on the show are** Katherine Ryan, Jeff Goldblum, and Nadiya Hussein. See you after the break! («The Jonathan Ross Show» от 17.11.18).

Также британские ведущие чаще других используют тактику демонстрации, входящую как в стратегию рекламы, так и в стратегию передачи информации. При реализации этой тактики часто

используются не только вербальные элементы (например, видеоотрывки из проектов приглашенных гостей), а также перечисление названий их значимых ролей, наград, премий и пр. (тактика сообщения прецизионной информации):

Джонатан Росс: <…> He is a **double Oscar winner** who you know from his iconic roles in **"The Italian Job", "Zulu"** and **"Alfie"** and modern classics like **"The Dark Knight" trilogy**, **"Youth"** and **"Inception"**. **Let's just remind ourselves of him doing what he does best!** (демонстрация ролика) («The Jonathan Ross Show» от 08.12.18)

Грэм Нортон: That comes out **on 8th of January**. January is really a Nicole Kidman month! You've played a totally different mother emotionally, physically, everything in **"Boy Erased"** («The Graham Norton Show» от 30.11.18).

Британские ведущие чаще своих коллег хвалят и выражают благодарность своим гостям и зрителям, что отражено в процентном соотношении в использовании тактики комплимента и похвалы и тактики выражения благодарности (стратегия создания психологической и эмоциональной атмосферы). В рамках стратегии выражения персонального отношения Великобритании принадлежит первенство в использовании тактики комментария и тактики позитивной оценки ситуации:

Грэм Нортон: Mark Ronson and Miley Cyrus! Come on back. Come on back, you**! It's such a great track! It's really, really lovely! Thank you so much! (**«The Graham Norton Show» от 07.12.18)

Ведущие США лидируют в использовании стратегии установления и поддержания контакта, что свидетельствует об их активном участии в диалоге с гостем передачи. Но, рассматривая речевое поведение ведущих на уровне тактик, можно заметить, что их участие в диалоге носит скорее пассивный характер. Они чаще своих коллег используют тактики развертывания односложных предложений и заполнения пауз фразами, отражающими личное мнение говорящего:

Джимми Киммел: **I have to tell you something**. Because you and I have met before a couple of times. You know, I was always a big fan of yours. And people, though, today are like "What?". **I think** people get upset **because you're** conservative. **Because you're** a comedian. And it's weird for a comedian to be conservative. Unusual**, I should say,** what they say, what happened to you? What did happen to you, Dennis? («Jimmy Kimmel Live!» от 07.11.18).

Информируя гостей и зрителей, ведущие США чаще своих коллег используют тактики сообщения прецизионной информации и комментирования (стратегия передачи информации). Более того, в ходе интервью американцы чаще других демонстрируют свою осведомленность, что делает их лидерами в использовании одноименной тактики, входящей в стратегию доминирования:

Джимми Фэллон: Well, you're phenomenal! I want to show everyone a clip! Here's Minka Kelly in «Titans». **Take a look at this!**

(просмотр отрывка из фильма)

Джимми Фэллон: That is how you do it! That is how you do it right there! Minka Kelly, everybody**! «Titans» is available on the new streaming service, DC universe**! («The Tonight Show Starring Jimmy Fallon» от 02.11.18)

В связи с тем что на часть интервью в американских ток-шоу данного жанра отведено меньше времени, чем в других странах, ведущие, реализуя стратегию управления темой, лидируют в использовании тактики сохранения/удержания темы, что говорит о нечастой смене тем разговора, но, при этом, об их достаточно подробном обсуждении:

Джимми Киммел: **Wow!** A young Mouseketeer-age Britney Spears was trying to get into the club.

Тесса Томпсон: No, I think she was old enough to get in.

Джимми Киммел: **Oh**, you couldn't get in.

Тесса Томпсон: No I couldn't get in.

Джимми Киммел: **Now I see**.

Тесса Томпсон: No, I think she was in there. Which is why I wanted to get in.

Джимми Киммел: **I gotcha!** («Jimmy Kimmel Live!» от 13.11.18)

Активность ведущих США в обсуждении темы доказывает их первенство в использовании тактики перераспределения инициативы, входящей в стратегию управления коммуникативной инициативой. Говоря о стратегии дискредитации, можем отметить, что американцы также опережают своих коллег в использовании тактики насмешки:

Джимми Фэллон: That's great! **But at least you didn't have to, like, go to press and do all that stuff and try to sell "Frozen" or do like a junket or any of that stuff.**

Джек Уайтхолл: A junket for a movie that I'm not in. Oh, no!

Джимми Фэллон: **You did! That's you doing a junket! And you're not in this movie!** («The Tonight Show Starring Jimmy Fallon» от 07.11.18)

Как уже было отмечено выше, России принадлежит первенство в использовании стратегий доминирования и дискредитации, что может свидетельствовать о более агрессивной манере речевого поведения российского ведущего в ходе интервью. При анализе речевого поведения ведущих на уровне речевых тактик установлено, что Россия с большим отрывом лидирует в использовании тактики нарративной передачи информации (стратегия передачи информации):

Иван Ургант: О чем Вы говорили. И я вспомнил, что Вы были первым человеком, который же когда-то… телемост, Соединенные Штаты Америки и Советский Союз. **Для тех, кто не знает, не помнит, я напомню**. Страны были разобщены. Была…остатки холодной войны и …

Владимир Познер: Наоборот, она достигла пика.

Иван Ургант: Достигла пика холодная война. И на тот момент журналист Владимир Познер был в Советском Союзе, Фил Донахью был в Соединенных Штатах. И простые люди задавали вопросы, потому что до конца не понимали…Вот мне кажется, что это очень хороший путь, когда разговаривают не крупные политики, не телевизионные ведущие, а простые люди <…>.

«Вечерний Ургант» от 20.11.18

В ходе установления контакта ведущие России лидируют в тактике ответа, в рамках стратегии управления коммуникативной инициативой – в использовании тактики сохранения инициативы:

Кирилл Сиэтлов: В общем, когда вы приходите в суши ресторан, и вам предлагают шибари – нет!

Регина Тодоренко: Может, кому-то понравится! Может, кому-то, правда, понравится!

Кирилл Сиэтлов: Может, понравится, конечно, но нет!

(«Вечернее шоу Кирилла Сиэтлова» от 25.09.16)

Иван Ургант: Ты плачешь, когда Газманов поет «Эскадрон»?

Федор Бондарчук: Нет.

Иван Ургант: Потому что всё, ты забыл.

Федор Бондарчук: У нас были свои…

Иван Ургант: У меня вот здесь фотография твоего кавалерийского полка.

Федор Бондарчук: Ты опять мне ничего не даешь рассказать!

(«Вечерний Ургант» от 23.11.18)

Высокие показатели в использовании данных тактик свидетельствуют о том, что российские ведущие активно участвуют в беседе и занимают доминирующую позицию в ходе интервью. Что касается тактик комплимента и похвалы и выражения благодарности, то средний показатель России почти вдвое меньше, чем у США и Великобритании, что снова указывает на более высокий статус российского ведущего по сравнению с гостем.

В результате можно говорить о том, что, несмотря на большое сходство передач жанра «Late Night Show» и речевого поведения ведущих, определенные особенности в их речи все же присутствуют. Безусловно, эти особенности отражают и индивидуальный стиль каждого ведущего, однако нам представляется возможным утверждать, что в определенной степени эти особенности можно объяснить и принадлежностью ведущих к различным лингвокультурным сообществам. В качестве обобщения можно утверждать, что в целом национальные особенности речи ведущих проявляются следующим образом: ток-шоу Великобритании отличаются большей информативностью (первое место в использовании стратегии передачи информации среди других стран), и британские ведущие чаще своих коллег из других стран хвалят и благодарят гостей своего ток-шоу, благодарят зрителей студии и у телеэкранов (тактика комплимента и похвалы, тактика выражения благодарности). В свою очередь, американские ведущие принимают более активное участие в диалоге с гостем передачи, стремятся установить дружескую атмосферу и стать равноправными участниками диалога (стратегия установления и поддержания контакта). Более того, в ходе интервью американцы чаще других демонстрируют свою осведомленность (стратегия управления темой), индивидуальность (стратегия выражения персонального отношения, тактика комментария), юмор (тактика насмешки). России принадлежит первенство в использовании стратегий доминирования и дискредитации, что может свидетельствовать о более агрессивной манере российского ведущего в ходе интервью. Россия с большим отрывом лидирует в использовании тактики нарративной передачи информации (стратегия передачи информации), ведущие активно участвуют в беседе и занимают доминирующую позицию в ходе интервью с гостем. Выражая свое персональное мнение, ведущие России чаще других используют тактику негативной оценки ситуации, где абсолютным лидером является Кирилл Сиэтлов. Что касается тактик комплимента и похвалы и выражения благодарности, то средний показатель России почти вдвое меньше, чем у США и Великобритании, что говорит о более критичном настрое ведущих из России к своим собеседникам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Астахова, К.А.* Коммуникативные стратегии в современном общественно-политическом медиатексте / К.А. Астахова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2016. – № 9. – С. 117–182.

2. *Богин, Г.И.* Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов : дис. … д-ра филол. наук / Г.И. Богин. – Ленинград, 1984. – 310 с.

3. *Болотнов, А.В.* Идиостиль информационно-медийной языковой личности: коммуникативно-когнитивные аспекты исследования : дис. … д-ра филол. наук / А.В. Болотнов. – Томск, 2015. – 405 с.

4. *Бушев, А.Б.* Языковая личность профессионального переводчика / А.Б. Бушев. – Тверь : Лаборатория деловой графики, 2010. – 265 с.

5. *Вайсгербер, Й.Л.* Родной язык и формирование духа / Й.Л. Вайсгербер. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.

6. *Вакурова, Н.В.* Типология жанров современной экранной продукции : учеб. пособие / Н.В. Вакурова,

Л.И. Московкин. – Москва : Изд-во Московского ун-та, 1997. – 62 с.

7. *Виноградов, В.В.* Избранные труды: О языке художественной прозы / В.В. Виноградов. – Москва : Наука, 1980. – 360 с.

8. *Воркачев, С.Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: Становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–73.

9. *Горячев, А.А.* Стратегии создания рекламного образа / А.А. Горячев // Коммуникативные исследования 2009: Виды коммуникации. Обучение общению: Продолжающееся научное издание. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 28–41.

10. *Дедюкова, М.В.* Языковая личность в публицистическом дискурсе (на материале немецких журнальных текстов) : дис. ... канд. филол. наук / М.В. Дедюкова. – Москва, 2010. – 197 с.

11. *Жеребило, Т.В.* Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социолингвистика : словарь-справочник / Т.В. Жеребило. – Назрань : Пилигрим, 2011. – 280 с.

12. *Иссерс, О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – Москва : ЛКИ, 2008. – 288 с.

13. *Иссерс, О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи : автореф. дис. … д-ра филол. наук / О.С. Иссерс. – Омск, 1999. – 30 с.

14. *Карасик, В.И.* Языковой круг: Личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2004. – 477 с.

15. *Караулов, Ю.Н.* Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю.Н. Караулов // Язык и личность. – Москва : Наука, 1989. – С. 3–8.

16. *Леорда, С.В.* Речевой портрет современного студента : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.В. Леорда. – Саратов, 2006. – 19 с.

17. *Мамаева, С.В.* Речевой портрет коллективной языковой личности школьников 5–7 классов : дис. … канд. филол. наук / С.В. Мамаева. – Самара, 2007. – 202 с.

18. *Масгутова, М.Ф.* Аксиологический аспект изучения англоязычной личности (на примере концепта «дружба») / М.Ф. Масгутова // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : тезисы III Междунар. науч. конф. Т. 2. – Челябинск : Челяб. гос. ун-т. – 2010. – С. 56–60. – URL: http://linguist-csu.narod.ru/Sborniki/WUT2010_Vol2.pdf (дата обращения: 03.01.2020).

19. *Милованова, М.В.* Методы изучения языковой личности современного диалектоносителя / М.В. Милованова // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2012. – № 2(16) – С. 135–139.

20. *Прохоров, Е.Ю.* Действительность. Текст. Дискурс / Е.Ю. Прохоров. – Москва : Флинта : Наука, 2006. – 224 с.

21. *Салахова, А.Г.* Речевые стратегии и средства их реализации в современных христианских немецкоязычных проповедях : автореф. дис. … канд. филол. наук / А.Г. Салахова. – Уфа, 2006. – 23 с.

22. *Сидоренко, А.В.* Понятие стратегии в исследовании дискурса / А.В. Сидоренко // Профессиональная коммуникация: Актуальные вопросы лингвистики и методики. – Пятигорск : Пятигорский гос. лингв. ун-т, 2013. – № 6. – С. 92–100.

23. *Сковородников, А.П.* О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии / А.П. Сковородников // Риторика↔Лингвистика : сб. ст. – Смоленск : СГПУ, 2004. – Вып. 5. – С. 5–11.

24. *Стернин, И.А.* О понятии коммуникативного поведения / И.А. Стернин // Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung. – Halle, 1989. – S. 279–282.

25. *Стрелков, Ю.К.* Гуманитарный подход к изучению личности профессионала / Ю.К. Стрелков, Л.А. Головей // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2012. – № 2(34). – С. 11–17.

26. *Bhat, M.A.* The changing language roles and linguistic identities of the Kashmiri speech community / M.A. Bhat. – Newcastle-u/Tyne, UK : Cambridge Scholars Publishing, 2017. – 221 p.

27. *Ilie, C.* Semi-institutional discourse: The case of talk shows / C. Ilie // Journal of Pragmatics. – 2001. – № 33. – P. 209–254.

28. *Joseph, J.E.* Double-edged swords / J.E. Joseph // Language problems and Language Planning. – 2006. – Vol. 30, № 3. – P. 216–267.

29. *Palanithurai G.* Ethnic identity and national loyalty of an ethnic group: A case study of Tamil Nadu / G. Palanithurai. – New Delhi : Concept, 2005. – 124 p.

30. *Passos, R. da F. M. de L.* The Influence of Bloomfield's linguistics on Skinner / R. da F. M. de L. Passos, M.A. Matos // The Behavior Analyst. – 2007. – Vol. 30, № 2. – P. 133–151.

31. *Timberg, B.M.* Talk shows in the United States / B.M. Timberg // Encyclopedia of Television. – 2nd ed. – New York : Routledge, 2014. – Vol. 1. – P. 2255–2262.

32. *Tolson, A.* Televised chat and the synthetic personality / A. Tolson // Scannell P. Broadcast talk. – London : Sage, 1991. – P. 178–200.

33. *Torpsen, An.-Ch.* Global citizenship and lingual identity: the ability to perform in different lingual settings / An.-Ch Torpsen // Citizenship, social and economics education. – 2011. – Vol. 10, № 1. – P. 37–45.

DOI:

ПРОЯВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА ПРИ ПЕРЕДАЧЕ ОЦЕНОЧНЫХ ЗНАЧЕНИЙ

А.А. Водяницкая

В статье рассматривается языковая личность переводчика сквозь призму передачи оценочных значений (на материале стихотворений А.С. Пушкина и их переводов, выполненных Д. Г. Лоуэнфельдом). Исследование показало, что в основе переводческих действий, направленных на передачу оценочных значений в переводе, лежит метонимический принцип.

Ключевые слова: языковая личность переводчика, оценочные значения, метонимические переносы, перевод поэзии.

LINGUISTIC PERSONALITY MIRRORED THROUGH THE TRANSFER OF EVALUATIVE MEANINGS IN TRANSLATION

A.A. Vodyanitskaya

The paper focuses on translator's linguistic identity and the way it is revealed in translating evaluative language means. The study is based on the translations of Alexander Pushkin's poems by Julian Henry Lowenfeld. The research has revealed that the translations by J.H. Lowenfeld are metonymic by nature.

***Key words*:** translator's linguistic identity, evaluative meanings, metonymic translation, poetry translation.

Введение

Антропоцентрический поворот в языкознании поставил в фокус внимания исследователей языковое проявление личности (см., например, в этой связи одноименную работу В.И. Карасика [8]). Причину непреходящей актуальности лингвистических идей, независимо от времени их возникновения, ученые связывают именно с возможностью приложения результатов и выводов научных исследований к человеку, с вниманием лингвистов к языковой личности [9], подчеркивая, что за каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка» [9: с. 27].

«Наиболее эффективным инструментом анализа деятельности переводчика в процессе посредничества является обращение к феномену "языковое сознание". Это позволяет расширить информационное пространство при анализе воспринимаемых и продуцируемых переводчиком текстов» [11: с. 8]. Цель данного исследования – изучение проявления языковой личности переводчика при передаче оценочных значений.

Языковая личность сквозь призму оценочных значений

Как представляется, изучение языковой личности через ее оценочную деятельность является оправданным, поскольку оценка связана с креативными возможностями человека (см., например, [20]). Именно через оценку происходит позиционирование языковой личности в окружающей действительности. «Все основные типы потребностей, удовлетворяемых в общении, так или иначе связаны с эмотивно-оценочным языком: потребность в человеческих связях, в самоутверждении, в привязанностях, в самоосознании и в системе ориентации. Поэтому данный фрагмент словаря сосредоточивает в себе различные проблемы антропоцентрического плана, в том числе и проблему описания эмотивно-оценочного дискурса языковой личности [15: с. 70]. При этом важно разграничивать оценку, эмоцию и экспрессию [18].

Под оценочным значением в данной работе понимается «информация, содержащая сведения о ценностном отношении субъекта речи к определённому свойству обозначаемого» [14: с. 54]. Отметим, что с проблемой изучения оценочных значений тесным образом связана проблема изучения ценностей. Последние «определенным образом "складированы" в языке, связаны со значениями слов и языковых конструкций, что и обеспечивает трансляцию ценностей» [1: с. 51]. В данном исследовании не уделяется специального внимания ценностям языковой личности, оперирующей оценочными значениями, однако рассматриваются ценностные смыслы, заложенные в анализируемых стихотворениях и их переводах.

Водяницкая Альбина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и переводоведения Института иностранных языков Московского городского педагогического университета.

Albina Aleksandrovna Vodyanitskaya – Dr. (Philology), Associate Professor, Department of Linguistics and Translation Studies, Institute of Foreign Languages, Moscow City Pedagogical University.

E-mail: avodyanickaya@yandex.ru

© Водяницкая А.А., 2020

Языковая личность поэта-переводчика

Отправной точкой для данного исследования послужило знакомство автора с прозаическими и стихотворными переводами с русского на английский язык Д. Г. Лоуэнфельда – переводчика и поэта, труд которого отмечен многими наградами как дипломатического, так и литературного плана. В качестве материала исследования выступили стихотворения А.С. Пушкина разных лет и их переводы на английский язык, выполненные Д. Г. Лоуэнфельдом. Авторский стиль поэта и переводчика отличает стремление максимально полно передать стихотворный размер, оттенки смысла, ритм произведений великого русского поэта.

Особое внимание в литературном творчестве Д. Г. Лоуэнфельд уделяет передаче стихотворений А.С. Пушкина на английский язык. Тезис о том, что великий русский поэт известен англоговорящему миру в большей степени как прозаик, последовательно ставится под сомнение теми, кто знаком с переводами Д. Г. Лоуэнфельда. Трепетное отношение переводчика к произведениям поэта прослеживается в его стихотворении собственного сочинения “A Meditation on Pushkin”, которым Д. Г. Лоуэнфельд открывает сборник стихотворений А.С. Пушкина в своем переводе [22]. Приведем строки, завершающие стихотворение и во всей полноте отражающие отношение переводчика к переводимому им писателю, а также показывающие его отношение к призванию переводчика:

If ever once this book helps someone smile,
Moves the disconsolate to stop and listen
To the true heart’s silence,
That drinks in poetry like the waters of healing,
If ever once this book reveals your joy,
Then this “sacred sacrifice” of hours to you devoted,
Filched from vain pursuits, in search
Of an echo of your spark ineffable,
Will be but the first small token
Of what you’ve meant to me [22: с. 3].

В данном стихотворении автор адресует А.С. Пушкину ряд риторических вопросов о назначении поэзии, о ее возможности противостоять жестокости в мире и в завершающей части отвечает на свои вопросы. Невозможность передать все оттенки смысла, вдохновение и мысли переводимого поэта, с которыми неизбежно сталкивается переводчик, личностно переживается Д. Г.Лоуэнфельдом. В то же время переводчик выражает надежду, что подобно тому, как стихотворения А.С. Пушкина вселяют радость в сердца читателей, так и его переводы смогут отвлечь читателей от их печалей и горестей. Как представляется, в переводах Д. Г. Лоуэнфельда прослеживается взаимодействие языковой личности переводчика с языковой личностью писателя, что отражается в бережном сохранении смысла и ритма.

«Изучая лексикон языковой личности, мы с неизбежностью вторгаемся в ее картину мира, и в то же время устанавливаем прагматические векторы, характеризующие ее позицию в мире» [9: с. 137]. В этой связи приведем слова В.И. Карасика о том, что «поэтическое переживание по своей природе вторично, оно опосредовано культурой, личностной картиной мира и языком» [8: с. 247]. Как представляется, поэтическое переживание переводчика поэзии опосредовано стремлением достичь слияния двух языков и культур через поэзию.

Индивидуальный стиль переводчика Д. Г. Лоуэнфельда отличает не только стремление передать, по возможности, все оттенки смысла переводимого стихотворения, но и сохранить его стихотворный размер, его ритм. Как отмечают литературоведы, форма и содержание в поэзии тесным образом переплетены, о чем свидетельствуют исследования, посвященные сопоставлению десятков стихотворений, написанных одним стихотворным размером [5]. «Человек, обладающий некоторым опытом стихосложения, знает, что стихотворный размер является эквивалентом определенного душевного состояния, порой не одного, а нескольких. Поэт "подбирается" к духу произведения посредством размера» (В.В. Набоков, цит. по: [5]). В связи с тем что Д. Г. Лоуэнфельд является поэтом, его внимание к форме, в которую облечена мысль переводимого им поэта, можно объяснить его личным переживанием опыта создания поэтических произведений.

Отметим, что взаимодействие языковой личности Д. Г. Лоуэнфельда с языковой личностью А.С. Пушкина выражается и на уровне «паратекстовых образований» [3: с. 64]: так, например, выражение благодарности своей наставнице, Н.С. Брагинской, переводчик предваряет цитатой из письма А. С. Пушкина В.А. Жуковскому: «…я бы предпочел быть ветреным, чем неблагодарным». Поэт-переводчик подчеркивает, что «когда мы забываем быть благодарными за то, что нам даровано, мы это теряем» (Цит. по: [22]).

Гипотеза исследования

Исследование языковой личности писателя может происходить как по линии наиболее частотных слов его идиостиля, так и с точки зрения классов слов, наиболее часто встречающихся в его творчестве и обладающих определенной спецификой употребления (см., например, исследование об употреблении имен собственных в идиостиле А.С. Пушкина [7]). Как представляется, исследование языковой личности переводчика стихотворных произведений можно осуществить, рассмотрев и изучив природу оценочных значений, которые передает переводчик в процессе стихотворного перевода. Анализ пере-

веденных Д. Г. Лоуэнфельдом стихотворений А.С. Пушкина показал, что для творчества переводчика характерна экспликация авторской оценки путем систематического добавления оценочных значений. Изначально данное наблюдение подверглось автором статьи критике в связи с тем, что подобное явление необязательно рассматривать как проявление языковой личности переводчика, поскольку оно может быть продиктовано требованиями ритма, метрики переводимого стихотворения, и переводчик таким образом стремится заполнить строку, максимально приблизив ее к ритму пушкинской строфы. Бóльшая средняя длина русского слова по сравнению с английским отмечается исследователями как один из значимых факторов при переводе вообще [6] и при переводе поэзии в частности [17]. Более того, «…аналитизм английского языка и синтетизм русского вступают в известный "конфликт" при переводческом взаимодействии на уровне синтаксических структур любого уровня» [12: с. 50]. Детальный анализ природы добавляемых переводчиком оценочных значений позволил выявить, что в их основе лежит не формальный, а семантический принцип, и переводчик стремится таким образом передать те оттенки смысла оценочного слова, которые не передает одно английское оценочное слово.

«В процессе перевода перед переводчиком неизбежно возникает вопрос о правомерности и обоснованности принимаемого решения» [6: с. 105], тогда как перед исследователем перевода встает задача определения четких критериев оценки качества того или иного перевода. Так, например, теоретики перевода отмечают, что при «литературно-критической оценке перевода собственно переводческие критерии часто подменяются художественно-эстетическими и психологическими рассуждениями, к тому же с немалой долей субъективизма» [16: с. 58].

К вопросу критики перевода примыкает и вопрос о норме перевода. И если «в современном отечественном переводоведении доминирует комплексный подход к переводной норме, не выделяющий отдельные ее аспекты, а учитывающий их в цельности» [10: с. 15], то в зарубежном переводоведении вопросы нормы перевода напрямую зависят от переводческой школы, которую представляет переводчик.

Данная проблематика напрямую связана и с выделением оснований для анализа переводческих ошибок в художественном переводе [23].

Анализ исследуемого материала показал, что переводчик Д. Г. Лоуэнфельд последовательно учитывает наличие метонимических связей между единицами оригинала и единицами перевода. «Одним из самых важных и всеохватывающих принципов, лежащих в основе практически любого переводческого реструктурирования исходного текста – в первую очередь грамматического, – является метонимическое основание переводческой стратегии» [6: с. 105–106]. Подчеркнем, что послуживший методологической базой данного исследования метонимический подход к переводу, разработанный О.А. Сулеймановой и др. [6], позволяет избежать субъективизма при анализе качества перевода поэтического текста.

Изучение языковой личности переводчика представляется целесообразным проводить в тесной взаимосвязи с языковой личностью переводимого им писателя. Рассматривая языковые личности двух героев одного произведения, Ю.Н. Караулов указывает на возможность «сопоставительного изучения двух лексиконов только по линии их совпадений и расхождений, считая совпадением соблюдение четырех условий: а) наличие слова в обоих лексиконах (совпадение в плане выражения), б) одинаковость значения, в) принадлежность к одному и тому же семантическому полю, г) тождественность прагматических оценок и коннотаций» [9]. Отметим, что анализ оценочных значений текста-источника и текста перевода, послуживших эмпирической базой исследования, позволил установить соответствие переводов Д. Г. Лоуэнфельда всем четырем условиям, обозначенным Ю.Н. Карауловым. Подобное совпадение достигается за счет того, что переводчик выстроил стратегию передачи стихотворений А.С. Пушкина на прочном метонимическом фундаменте.

Опираясь на идею о том, что «перевод не само произведение, а путь к нему» (Х. Ортега-и-Гассет, цит. по: [17: с. 47]), рассмотрим, как Д. Г. Лоуэнфельд находит путь к стихотворениям А.С. Пушкина, передавая оттенки смысла оценочных высказываний поэта. Данная задача представляется особенно интересной в связи с тем, что «язык поэзии удивителен, даже в том случае, если он кажется простым, поскольку при создании любого стихотворения поэт выбирает именно эти слова из огромного количества возможностей для того, чтобы выразить нечто особенное» [19: с. xiv]. Добавим, что переводчик поэзии призван действовать в рамках заданного автором семантического поля и выбирать те смыслы, которые максимально отражают его замысел.

Результаты исследования

Переводы Д. Г. Лоуэнфельда отличает бережное сохранение (там, где это возможно) ритма оригинала. «Перед переводчиком поэзии и прежде всего поэзии рифмованной встает трудная задача преодоления различий между языками на всех уровнях – фонетическом, морфологическом, синтаксическом, метроритмическом. Особенности языков на каждом ярусе языковой структуры проявляются весьма

многообразно» [17: с. 3]. Рассмотрим перевод стихотворения А.С. Пушкина «Птичка», выполненный Д. Г. Лоуэнфельдом.

Птичка

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.

Я стал доступен утешенью;
За что на Бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

A Little Bird

Though exiled, I observe, still heeding,
A sacred rite from upbringing:
I give a little bird its freedom
To mark the joyous birth of spring.
I'm worthy now of consolations.
Why unto God should I complain?
Since even one of his creations
Through me goes free, life's not in vain!

В одном из писем Н.И. Гнедичу поэт упоминает данное стихотворение в связи с празднованием Светлой Пасхи. Отметим, что в литературе, посвященной критическому анализу данного стихотворения, *светлый праздник весны* нередко интерпретируется как праздник. Ценностными доминантами данного стихотворения являются верность традициям, соблюдение обычаев, осознание ценности собственной жизни, смирение, важность добрых дел.

Вышеуказанные ценностные смыслы, заложенные А.С. Пушкиным в данном стихотворении, словно «разлиты» по всему стихотворению в переводе Г. Д. Лоуэнфельда. Так, например, передача словосочетания *родной обычай старины* как *a sacred rite* обусловлена причинно-следственной метонимией: если некий обычай свято соблюдается, следовательно, он является святым. Причинно-следственная метонимия прослеживается и в передаче слова *старина – since upbringing* (обычай является старинным, следовательно, лирический герой с детства впитал в себя ценности и традиции родной культуры). Отметим, что слово *rite* является более возвышенным, чем существительное *обычай*. Вместе с тем, как представляется, в переводе не передано значение выражения *светлый праздник*, поскольку *joyous birth of spring* относится скорее к самому факту наступления весны, к эмоциональной радости, которая сопровождает приход этого времени года, тогда как под «светлым праздником весны» имеется в виду именно Пасха.

Оценочная составляющая высказывания *я стал доступен утешенью* передается также на основе метонимических отношений – *I'm worthy now of consolations*. Если в оригинале речь идет о некой внутренней готовности лирического героя к успокоению своей души, то в переводе он словно заслужил возможность быть утешенным благодаря своему поступку – отпущенной на волю птице. Экспликация ценности жизни человека происходит через оценочное высказывание *life's not in vain* (*жизнь прожита не зря / я прожил жизнь не зря*). В оригинале данная ценность выражена высказыванием *За что на Бога мне роптать*? Переводчик дополняет последнюю строку стихотворения высказыванием, которое можно рассмотреть в рамках причинно-следственной метонимии по модели «действие (*На волю птицу отпускаю*) – результат действия – (*Life's not in vain*)» (подробнее о метонимическом переносе на базе причинно-следственной метонимии см. [6: с. 130]).

Рассмотрим фрагменты стихотворения «Паж, или Пятнадцатый год» и его перевод, фокусируясь на тех высказываниях, которые при передаче на английский язык сопровождаются добавлением оценочных значений.

Рассмотрим первое пятистишие.

Паж, или Пятнадцатый год

Пятнадцать лет мне скоро минет;
Дождусь ли радостного дня?
Как он вперед меня подвинет!
Но и теперь никто не кинет
С презреньем взгляда на меня.

The Page, or my Fifteenth Year

My fifteenth year I'll soon be reaching;
Will I last till that joyous day?
Oh! How it sets my head a-reeling!
No one again will dare be needling
Me, or look with scorn my way.

В данном пятистишии нет добавления собственно оценочных смыслов, однако благодаря высказыванию *no one again will dare be needling* возникает дополнительный смысл из области эмоционального: никто не огорчит лирического героя вновь. Вместе с тем в выражении *но и теперь* подчеркивается, что и до описываемого момента никто не относился к нему с презрением, тогда как в переводе возникает впечатление, что герой подвергался критике.

На протяжении всего стихотворения переводчик добавляет оценочные значения, которые эксплицируют смысл оригинала:

… Я важен, как старик беззубый;
Вы слышите мой голос грубый,
Попробуй кто меня толкнуть.

Like toothless old men, haughty, heady,
I walk; my voice is rough and ready,
If you push me, it's you who trips!

В данном примере происходит добавление оценочных смыслов, сопровождающееся приемом аллитерации. Сравнение внутреннего устроения лирического героя с важностью старика переводчик интерпретирует как проявление высокомерия (*haughty*) и решительности, настойчивости (*heady*). В связи с тем, что для интерпретации данных добавлений автор исследования опирался преимущественно на англо-русские словари, выбирая из списка значений данных слов те, которые в большей степени связаны с контекстом, заданным А.С. Пушкиным, возник вопрос о том, в действительности ли наличие данных значений сыграло решающую роль при выборе переводчиком данных слов при переводе. Обращение к интерактивному ресурсу ThinkMap VisualThesaurus позволило расширить представление об избираемых переводчиком оценочных словах. Данный тезаурус функционирует, согласно его разработчикам, по принципу работы нашего мозга. Слова в нем располагаются кластерами, что позволяет наглядно представить слово и его синонимы. Более того, важным является то, что тезаурус включает максимальное количество синонимов для искомого слова. Так, если в англо-английском словаре Macmillan English Dictionary прилагательное *heady* объясняется как "affecting you in a strong and pleasant way", 2) "very exciting and making you feel you can achieve anything you want" [21: с. 660], что поставило под сомнение обоснованность появления данного слова при передаче выражения *важный старик*, то в тезаурусе Visualthesaurus *heady* истолковывается, в том числе, и как "marked by the exercise of good judgement or common sense in practical matters" [24] – то, что соответствует социальным ожиданиям от почтенного старца. В данный кластер входят слова *wise* и *judicious*. Как представляется, в переводе передается заложенное в оригинале стремление героя показаться значимым в глазах других людей, а также в своих собственных глазах.

Словосочетание *голос грубый* передается через предикат состояния *my voice is rough and ready*, таким образом, в переводе наблюдается усиление оценки – посредством слова *ready* герой подчеркивает, что его голос является голосом по-настоящему взрослого человека. Ценностной доминантой первых двух пятистиший являются взросление, самостоятельность, уважение и самоуважение. Поскольку лирический герой находится на стадии взросления, для него такая дескриптивная характеристика, как *грубый голос*, приобретает личностный смысл, особую ценность, следовательно, может рассматриваться как оценочное значение. Переводчик эксплицирует данные ценности. Автор перевода придерживается избранной стратегии на протяжении всего стихотворения:

Я нравлюсь дамам, ибо скромен,
И между ими есть одна...
И гордый взор ее так томен […]

I please the ladies me, shy and modest,
And one of them I too revere…
Her proud gaze is so tempting, luscious,

Скромность героя передается с помощью прилагательных *shy* и *modest.* И если посредством *modest* (*скромный*) характеризуется человек, обладающий данным признаком, то прилагательное *shy* (стеснительный) является обнаруживающим признаком (подробно о метонимии в сфере прилагательного см.: [6: с. 120]).

Томность взора возлюбленной лирического героя Д. Г. Лоуэнфельд передает с помощью слов *tempting* (*привлекательный, соблазнительный*) и *luscious* (*привлекательный, соблазнительный, богатый*), тем самым усиливая оценку. Как представляется, *tempting* относится к сфере личностных переживаний героя (для определения, что взгляд является таковым, требуется наблюдатель, которого данный взгляд тревожит), тогда как *luscious* в большей степени характеризует взгляд как таковой, т.е. внимание на внешнем признаке, а не тех чувствах, которые вызывает взгляд. Слово *томный* определяется как испытывающий неясную, беспричинную грусть, устало-нежный; выражающий душевное томление; исполненный сладкого томления [2]. Как отмечают исследователи, «…метонимия в области прилагательного в принципе не представляет структурных трудностей при переводе и не требует перестройки высказываний: возникающие переводческие проблемы относятся скорее к области лексики» [6: с. 121], что и наблюдается в данном случае.

Продолжим анализ оригинала и перевода.

Она строга, властолюбива,
Я сам дивлюсь ее уму –
И ужас как она ревнива;
Зато со всеми горделива
И мне доступна одному.

She's strict, loves power, is ambitious,
I'm quite astonished by her mind.
But it's too awful how she's jealous,
Yet fends the world off with pride zealous,
Yet just to me alone is kind.

«Переводческая метонимия сопровождается либо сменой категориальных характеристик единиц, либо сочетанием обоих» [6: с. 109], что и происходит при передаче оценочных значений в данном пятистишии. Так, краткое прилагательное *властолюбива* в функции сказуемого эксплицируется в переводе по метонимическому принципу: с помощью предиката

действия *loves power* и предиката состояния *is ambitious*. Как представляется, через добавление предиката состояния переводчик стремится показать властолюбие как черту характера, присущую возлюбленной лирического героя, "ambitious – determined to be successful, rich, famous" [21: с. 41]. Добавление подобного плана возможно благодаря «логическому развитию причинно-следственных отношений при переводе» [6: с. 130]. Именно логическое развитие позволяет переводчику использовать предикат состояния, в состав которого входит прилагательное *kind* (добрый), при передаче высказывания *И мне доступна одному*.

Анализ передачи других стихотворений А.С. Пушкина позволяет в полной мере раскрыть творческую языковую личность Д. Г. Лоуэнфельда. При передаче на английский язык стихотворения «Певец» переводчику удается достичь эквивалентности и на уровне ритма, и на уровне лексики, и (частично) синтаксиса.

Певец

Слыхали ль вы за рощей глас ночной
Певца любви, певца своей печали?
Когда поля в час утренний молчали,
Свирели звук унылый и простой
Слыхали ль вы?
Встречали ль вы в пустынной тьме лесной
Певца любви, певца своей печали?
Следы ли слёз, улыбку ль замечали,
Иль тихий взор, исполненный тоской
Встречали ль вы?
Вздохнули ль вы, внимая тихий глас
Певца любви, певца своей печали?
Когда в лесах вы юношу видали,
Встречая взор его потухших глаз,
Вздохнули ль вы?

The Bard

Have you not heard his voice through groves
at night –
The bard of love, the bard of his own sorrow?
When silent fields did wake upon the morrow,
That sound so sad and simple
of his pipe Have you not heard?
Have you not met in bare dark forest bleak
The bard of love, the bard of his own sorrow?
Did you his hints of tears, his smiles not follow,
His quiet glance, his eyes consumed with grief –
Have you not met?
Have you not sighed, hearing his quiet voice,
The bard of love, the bard of his own sorrow?
When you looked at that youth in wooded hollow,
And met the gaze of his despondent eyes
Have you not sighed?

Введение отрицания в вопрос позволяет переводчику достичь эквиритмичности. Метонимический принцип при переводе прослеживается в переведенном высказывании *When silent fields did wake upon the morrow* – поскольку *поля в час утренний молчали*, переводчик преобразует действие в признак (*silent fields*) и логически развивает ситуацию: «поля проснулись». Вопрос *Следы ли слёз, улыбку ль замечали, Иль тихий взор, исполненный тоской?* переводчик передает как *Did you his hints of tears, his smiles not follow, His quiet glance, his eyes consumed with grief* ?, вновь следуя принципам метонимии. Так, если в оригинале речь идет о следах слез (их физическом проявлении), то в переводе речь идет о *намеках* на слезы, т.е. можно предположить, что певец плакал, взглянув на него.

Выражение *тихий взор, исполненный тоской*, передается на основе метонимического переноса: происходит своеобразное раздвоение объекта оценки, поскольку тихим в переводе остается взгляд, а исполненными тоской становятся глаза певца.

Анализ передачи оценочных значений в переводах Д. Г. Лоуэнфельда позволяет сделать выводы об адекватности и эквивалентности данных переводов. Лингвисты уделяли внимание проблеме передачи оценочных значений в художественном прозаическом переводе в ее связи с установлением критериев адекватности художественного перевода [4], однако не в метонимическом ключе. Как представляется, привлечение метонимического подхода к анализу переводческих преобразований позволяет взглянуть на языковую личность переводчика и на традиционные критерии оценки качества перевода под иным углом зрения (как бы метонимически это ни звучало) и найти качественно новые закономерности и основания переводческих решений.

Выводы

Анализ приведенных в данной работе стихотворений и их переводов (а также тех произведений художественного творчества переводчика Д. Г. Лоуэнфельда, анализ которых осуществлялся вне рамок данной статьи) позволил выявить, что для творческой языковой личности Д. Г. Лоуэнфельда характерно следование избранной стратегии при передаче оценочных значений. Речь идет о последовательном соблюдении принципов метонимического переноса в сфере прилагательного, существительного, глагола.

Исследование показало, что добавления оценочных значений, осуществляемые переводчиком в процессе перевода, способствуют экспликации ценностных доминант переводимого текста. Кроме этого, переводчик стремится к исчерпывающей передаче семантики переводимых стихотворений, основываясь на универсальном принципе переводческой метонимии, которая обладает экспланатор-

ным потенциалом и позволяет давать объективную оценку качества перевода.

В процессе анализа передачи оценочных значений были выявлены метонимические переносы, не относящиеся непосредственно к оценке; им не уделялось внимание в рамках данной статьи, однако их изучение представляется необходимым как в рамках исследований закономерностей художественного перевода, так и в целях дидактики перевода.

Внимание к метонимическим переносам при передаче оценочных значений позволило выявить, что за каждым переводческим решением стоит «языковая личность, владеющая системой языка» [9], в данном случае билингвальная языковая личность Д. Г. Лоуэнфельда, владеющая знаниями об особенностях межкультурного и межъязыкового взаимодействия поэтических текстов.

Как отмечают ученые, «структурно-грамматический аспект перевода приходится признать ведущим в разработке переводческих эвристик, поскольку именно он определяет стратегию перевода через анализ структуры и функции языковой единицы» [13: с. 8], в то же время для переводчика принципиально важны соответствия на «структурно-функциональном уровне, что позволяет по-новому взглянуть на структурно-грамматические аспекты переводческой эвристики» [13: с. 8]. Вместе с тем «принципиально иная стратегия выстраивается на уровне анализа того, как именно представлена денотативная ситуация в двух языках – опора делается на установление метонимических соответствий между структурами ИЯ и ПЯ» [13: с. 8–9]. В рамках данного исследования в первом приближении удалось выявить некоторые закономерности передачи поэтического текста на структурно-функциональном уровне, а также изучить специфику метонимических переносов, дальнейшее изучение которых позволит получить ключ к теории и практике поэтического перевода.

Автор отдает себе отчет в том, что поставленная задача изучения языковой личности переводчика через передачу оценочных значений нуждается в дальнейшей разработке, и подобно тому как неисчерпаемы проявления языковой личности А.С. Пушкина, также неисчерпаемы проявления языковой личности Д.Г. Лоуэнфельда. Именно поэтому автор данного исследования чувствует, что как бы ни хотелось «во всем дойти до самой сути» (Б.Л. Пастернак), многое еще предстоит изучить и познать в этом вопросе. Однако «окончен мой труд» и «непонятная грусть», которая «тайно тревожит меня» (А.С. Пушкин), вызвана тем, что в рамках статьи трудно в полной мере отдать должное гениальному автору и его гениальному переводчику.

Благодарность

Сердечно благодарю доктора филологических наук, заведующего кафедрой языкознания и переводоведения ИИЯ МГПУ профессора Ольгу Аркадьевну Сулейманову за развитие моей языковой личности в метонимическом направлении в долгих совместных дискуссиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богданова, Л.И.* Ценностный аспект в описании семантики языковых единиц / Л.И. Богданова // Вестник Моск. городского пед. ун-та (МГПУ). – 2017. – № 1 (25). – С. 50–57. – (Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»).

2. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – Санкт-Петербург : Норинт, 1998. – 1534 с.

3. *Викулова, Л.Г.* Издательский дискурс в системе общения «автор–издатель–читатель» / Л.Г. Викулова // Вестник ИГЛУ (Иркутского государственного лингвистического университета). – 2012. – № 2 (18). – С. 63–69.

4. *Водяницкая, А.А.* Передача положительных оценочных значений как фактор достижения адекватности перевода : дис. … канд. филол. наук / А.А. Водяницкая. – Москва, 2014. – 175 с.

5. *Гаспаров, М.Л.* Метр и смысл: об одном из механизмов культурной памяти / М.Л. Гаспаров. – Москва : Фортуна ЭЛ, 2012. – 416 с.

6. Грамматические аспекты перевода / О.А. Сулейманова, Н.Н. Беклемешева, К.С. Карданова [и др.] – Москва : Академия, 2010. – 240 с.

7. *Исаева, Л.А.* Языковая личность А.С. Пушкина: особенности проявления в номинации персонажей / Л.А. Исаева, В.В. Катермина // Поэтика русской литературы (Пушкинская эпоха. Серебряный век) : сб. науч. ст. – Краснодар, 1999. – С. 45–53.

8. *Карасик, В.И.* Языковое проявление личности / В.И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2015. – 384 с.

9. *Караулов, Ю.Н.* Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – Изд. 8-е. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2014. – 264 с.

10. *Прошина, З.Г.* Подходы к пониманию переводческой нормы / З.Г. Прошина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2018. – Т. XV, Вып. 1. – С. 11–16.

11. *Пшенкина, Т.Г.* Вербальная посредническая деятельность переводчика в межкультурной коммуникации: психолингвистический аспект : дис. … д-ра филол. наук / Т.Г. Пшенкина. – Барнаул, 2005. – 330 с.

12. Переводчески релевантные особенности англоязычной и русскоязычной коммуникации / О.А. Сулейманова, К.С. Карданова-Бирюкова, Н.В. Лягушкина [и др.] // Лингвистические теории в интерпретации переводческих стратегий. Комплексный анализ переводческого процесса. – Москва : Ленанд, 2015. – С. 11–52.

13. Предисловие / О.А. Сулейманова, К.С. Карданова-Бирюкова, Н.В. Лягушкина [и др.] // Лингвистические теории в интерпретации переводческих стратегий. Комплексный анализ переводческого процесса. – Москва : Ленанд, 2015. – С. 7–10.

14. *Телия, В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – Москва : Наука, 1986. – 144 с.

15. *Трипольская, Т.А.* Языковая личность в свете эмоционально-оценочной деятельности: чужая оценка в дневни-

ковом дискурсе К.И. Чуковского / Т.А. Трипольская // Вестник Новосиб. гос. ун-та (НГУ). – 2013. – Т. 12, Вып. 2. – С. 70–78. – (Серия: История, Филология).

16. *Цвиллинг, М.Я.* О критериях оценки перевода / М.Я. Цвиллинг // О переводе и переводчиках. – Москва : Восточная книга, 2009. – С. 56–63.

17. *Чайковский, Р.Р.* Перевод поэзии: типология и множественность : учебное пособие для студентов-филологов / Р.Р. Чайковский, Е.Л. Лысенкова. – Москва : И–У МГОУ, 2013. – 194 с.

18. *Шмелев, Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) / Д.Н. Шмелев. – Москва : Наука, 1973. – 280 с.

19. *Hewitt, K.* An Anthology of Contemporary English Poetry / K. Hewitt. – Oxford : Perspective Publications, 2003. – 187 p.

20. *Krathwohl, D.R.* A Revision of Bloom's Taxonomy: An Overview / D.R. Krathwohl // Theory into Practice. – 2002. – Vol. 41, № 4. – Ohio : The Ohio State University. – P. 212–218.

21. Macmillan English Dictionary. – London : Macmillan Education, 2006. – 1708 p.

22. My Talisman. Selected Verse and a Biography of Alexander Pushkin. / Translated, with a biography of the poet by Julian Henry Lowenfeld. = Мой талисман. Избранная лирика и биография Александра Пушкина / пер. и биография поэта Джулиан Генри Лоуэнфельд. – Moscow : Moskvovedenie, 2018. – 768 с.

23. *Suleimanova, O.A.* English-to-Russian Translation: Traduttore. Traditore. (The Day of the Triffids) / O.A. Suleimanova, // Humanities & Social Sciences. Journal of Siberian Federal University. – 2014. – № 7 (2). – P. 312–319.

24. Visual Thesaurus. – URL: https://www.visualthesaurus.com/ (accessed: 20.12.2019).

DOI:

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ И ОБЩЕЕ В ЛИЧНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА-ЛЮБИТЕЛЯ

Е.А. Курицын

В статье рассматриваются особенности личности переводчиков-любителей и выделяются общие и индивидуальные характеристики такого рода переводчиков. На основе проведённых автором интервью с переводчиками-любителями и результатов предыдущих похожих исследований делается вывод, что самыми сильными мотивирующими факторами для респондентов являются желание помочь людям, не знающим языка, стремление поделиться с ними информацией, неудовлетворение их собственных потребностей как потребителей перевода. Однако разница в бэкграунде любителей и их неисчислимо большое число мешают выделить общие черты для всего класса.

Ключевые слова: перевод, любительский перевод, непрофессиональный перевод, личность переводчика, мотивация переводчика, онлайн-перевод.

THE INDIVIDUAL AND THE COMMON IN THE PERSONALITIES OF AMATEUR TRANSLATORS

E.A. Kuritsyn

The article discusses the special personal traits of amateur translators and points out the common and the individual characteristics thereof. Based on the data received from the author's interviews with amateurs and the results of previous similar research, a conclusion is drawn that the most powerful motivating factors for the respondents are desire to help people who do not speak a certain language, urge to share some information with them, and the unfulfilment of their own needs as translation consumers. Still, the differences in amateurs' backgrounds and the countless number of these translators hinder the highlighting of common features for the entire class.

Key words: translation, amateur translation non-professional translation, translator's personality, translator's motivation, online translation.

Сложившаяся в прошлом веке система профессиональной подготовки переводчиков, казалось бы, провела чёткую грань между теми, кого в обществе принято считать профессионалами, а кого – любителями. Сейчас переводчик – это самостоятельная профессия, однако перевод как деятельность не стал единоличным достоянием сообщества переводчиков. Ввиду бурного развития Интернета и предоставления большему числу людей качественного образования количество человек, занимающихся переводом в свободное от их профессиональной деятельности время, продолжает расти. Назревает вопрос: а что это за люди, почему они взялись за перевод, чего хотят добиться?

А.А. Ривлина связывает процесс глобализации с повышением переводческой активности билингвов, которые раньше являлись исключительно потребителями перевода, а теперь сами выступают в качестве «наивных», непрофессиональных переводчиков [2]. «Наивный перевод» служит антиподом «прототипическому переводу», связанному с переводческой профессией и подготовкой и носящему глубоко нормативный характер [1]. С малой нормативностью любительских переводов сложно поспорить: «…[н]епрофессионалы обычно не проходят профессиональную переводческую подготовку. Им не внушаются определённые профессиональные нормы <…>. Они больше готовы "новаторствовать", играть с имеющимся материалом, пересказывать его таким образом, который, скорее всего, будет более интересным и понятным для их аудитории – часто потому что они сами являются частью этой аудитории <…>. Это усиливает у них чувство инициативности, правомерности и автономии ("initiative, authority and agency") их действий при переформулировании материала» [10: p. 158]. В свою очередь, утверждение о «наивности» переводчиков-любителей может быть поставлено под серьёзное сомнение, по крайней мере, в случае с письменными и аудиовизуальными переводчиками, работающими на немалую Интернет-аудиторию.

Курицын Евгений Александрович – аспирант Факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Evgeniy Aleksandrovich Kuritsyn – PhD student, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, M. Lomonosov Moscow State University

E-mail: yevgeniy94@yandex.ru

© Курицын Е.А., 2020

Минако О'Хэйган вводит понятие создаваемых пользователями переводов (СПП)[1], которые в Интернете выполняют любые желающие лица ("unspecified self-selected individuals"), выступающие одновременно распространителями ("remediators") продуктов перевода и их создателями [7: с. 97]. Перевод в Интернете создаётся фанатами для фанатов (например, некоторого автора) [4]. Лори Каббисон [3] и Луис Перес-Гонсалес [9] соглашаются, что таких переводчиков-любителей отличает умелое использование технологий как для порождения СПП, так и для регулирования рабочего процесса в группах.

Для того, чтобы дать более развёрнутый и основанный на реальных данных ответ на поставленные выше вопросы, была проведена серия интервью с группой переводчиков-любителей. В основу каждого из интервью легли вопросы, относящиеся к семи, как представляется, важнейшим аспектам личности любителя.

1. Фоновая информация (возраст, образование, основная деятельность).
2. Мотивация (что побудило любителя начать и вдохновило продолжить переводить).
3. Процесс (что именно любитель переводит, один ли он это делает или в группе, есть ли редактор и т.п.).
4. Аудитория (сколько человек интересуются переводами любителя, какого рода обратную связь даёт аудитория).
5. Рефлексия (что любители считают самым сложным в переводе).
6. Монетизация работы (получали ли любители деньги за свою работу, публиковали ли их переводы профессиональные издательства и т.д.)
7. Отношение к любительским переводам (как любители оценивают качество переводов их коллег, хотели ли респонденты стать профессионалами).

Общее число респондентов – 8 человек, участвовавших в исследовании на добровольной основе.

Перед тем как представить результаты, необходимо отметить, что важно не смешивать близкие, но неоднородные понятия «переводчик-любитель» и «переводчик-волонтёр». Благодаря, например, существованию таких платформ, как Patreon, где люди могут жертвовать деньги музыканту, писателю, видеоблогеру и т.п. в обмен на эксклюзивный доступ к конечному продукту, любитель может зарабатывать деньги на своих переводах. Волонтёры, в свою очередь, безвозмездно работают на кого-то другого и будут откликаться на дошедший до них призыв о сотрудничестве, а результат их труда будет тщательно проверяться ответственным лицом. Следовательно, инициатива по созданию перевода будет исходить не от них, в то время как любители имеют в этом отношении несравнимо большую автономию.

В ходе исследования были получены следующие результаты.

Фоновая информация. Среди интервьюируемых преобладали женщины (6 из 8 участников). Средний возраст респондентов на момент взятия интервью – 33 года. Старшему из них 49 лет, самому молодому – 19 лет.

Только 2 из 8 участников исследования получили или получают образование, напрямую связанное с языками: Респондент 4 (19 лет, далее – Р4) учится на переводчика (т.е. формально пока считается любителем). Респондент 3 (25 лет, далее – Р3) имеет диплом лингвиста и работает по специальности; кроме того, она в определённый момент времени получала переводческое образование, но из-за сложившихся обстоятельств не смогла закончить обучение, не потеряв, однако, интереса к переводу. Любопытно то, что 4 из 8 участников имеют техническое образование и их профессиональная деятельность никак не связана с языками (разве что только со специальными). В то же время Респондент 2 отметила, что её статус кандидата географических наук чрезвычайно помог ей при переводе текста, в котором описывался серьёзный тектонический катаклизм.

Средний «стаж» работы переводчиком – 6 лет, максимум (Р5) – 10 лет, минимум (Р4) – 2 года. Из всех опрошенных только Респондент 7 по состоянию на сегодняшний день прекратила регулярную переводческую деятельность; тем не менее у неё за плечами богатый пятилетний опыт работы как переводчиком, так и редактором результатов труда любителей.

Мотивация. Больше половины респондентов (5) начали заниматься переводами ввиду того, что их потребности как потребителя конечного продукта не были удовлетворены: трое не могли прочитать желаемую книгу на русском языке, а двоим не понравился имеющийся любительский перевод (значит, официального перевода им так же, как и предыдущим трём респондентам, найти не удалось). В свою очередь, остальные пришли к переводу, исходя из собственного желания: как результат поиска нового хобби, стремления поделиться информацией из иностранного источника с другими, получить опыт перевода и взаимодействия с редактором.

Отвечая на вопросы, касавшиеся непосредственно мотивации, участники исследования приводили несколько факторов. Всем им нравится переводить или изучать языки в принципе, чего и следовало ожидать (причём двое описывали своё отношение к переводу как к деятельности с помощью таких слов, как «страсть» и «любовь»). Говоря о более частных факторах, 5 из 8 респондентов ука-

[1] User-generated translation (UGT).

зали помощь другим людям как значимую составляющую их деятельности (как из присущего им общего альтруизма, так и с целью поделиться конкретной печатной или аудиовизуальной информацией). 3 из 8 участников рассказали, что любительский перевод является для них способом творческого самовыражения. Двое респондентов отметили, что формат, в котором они работают (комиксы у P1 и субтитры у P5), стимулирует их проявлять максимум своих способностей, поскольку работать приходится в условиях ограничения объёма текста и влияния визуального ряда. Необходимо отметить, что никто из респондентов не указал в качестве ключевой мотивации потенциальное получение прибыли: как максимум оно является только «приятным бонусом».

Процесс. Что касается материала, который переводят любители, то половина из них, как правило, занимается или занималась переводом печатных источников (книги, статьи, комиксы); 3 из 8 – переводом субтитров фильмов. Респондент 5, по его словам, переводит «практически всё, кроме общественно-политических текстов», включая книги и субтитры. Среди жанров книг, над переводом которых работают участники исследования, с точки зрения популярности выделяются такие родственные друг другу жанры, как фантастика и фэнтези: в совокупности произведениями данных жанров занимаются 3 переводчика книг из 5. Из числа переводчиков субтитров конкретные рабочие предпочтения имеет только Респондент 8: раньше он переводил всё, что хотел, но теперь обращается исключительно к «нишевым» сериалам, поскольку, как он отмечает, конкуренцию с большими студиями в борьбе за самые популярные продукты на рынке выдержать невозможно.

Огромное влияние на процесс перевода оказывает то, работает ли любитель в одиночку или в группе. По итогам исследования наблюдается равномерное распределение. Из всего числа респондентов в команде постоянно работают трое (P2, P7, P8), при этом в таких командах выделяется редактор (P7 выполняла эту роль регулярно). Ещё трое любителей (P3, P4, P6) выполняют переводы единолично, а оставшиеся двое переводчиков (P1 и P5) в зависимости от проекта работают или соло, или в группе. Рассуждая о плюсах и минусах командного формата, респонденты отмечали ускорение процесса перевода и эффективность взаимной проверки как положительные стороны такой работы, а несовпадение подхода к переводу и возможность не сойтись характером с коллегой – как отрицательные.

Нельзя обойти вниманием то обстоятельство, что P3, P4 и P5 являются переводчиками-волонтёрами, которые занимаются адаптацией выступлений под эгидой TED для русскоязычного зрителя. Система подготовки перевода подразумевает тщательную проверку на нескольких этапах: сначала его просматривает редактор, делает исправления, при необходимости отправляет обратно переводчику на доработку, а уже потом субтитры ещё раз перепроверяет координатор секции TED по данному языку. Персоны редактора и координатора могут совпадать.

Наконец, почти все интервьюируемые говорят о своём стремлении сделать именно качественный перевод. Например, P5 ориентируется на потребности своей аудитории и старается делать такой перевод, чтобы он «выглядел естественно для русскоязычного читателя». Респондент 3 также признаётся, что на последних стадиях вычитки текста она старается дать прочесть работу кому-нибудь еще. Тщательный подход респондентов к переводу говорит о том, что вопрос качества любительского перевода во многом связан с добросовестностью его исполнителей.

Аудитория. Размер аудитории переводчиков-любителей варьируется от нескольких сотен человек до нескольких тысяч читателей, обычно в лице подписчиков на страницы их проектов на различных ресурсах: в социальных сетях, на платформах коллективного перевода, на специально созданных сайтах и т.п. Вместе с тем практически невозможно узнать точно, сколько человек прочитали ваш перевод, потому что в Интернете информация может распространяться бесконечно широко и достигать самых неожиданных уголков. Подсчёт читателей дополнительно усложняет тот факт, что неизвестно, кто из подписчиков в данный момент по-настоящему заинтересован в продукте, а кто утратил интерес, но просто не отписался.

Понять, насколько активной является аудитория, помогает секция комментариев, а именно их количество и содержание. Оценивая вовлеченность читателей в проект, практически все участники исследования считают её малой. По словам респондентов, обратная связь, когда она есть, как правило, представляет собой благодарность за проделанную работу. Изредка читатели оставляют в комментариях просьбы перевести что-нибудь ещё. На ошибки в переводе аудитория указывает редко, но если претензии обоснованы, переводчики вносят необходимые изменения. Кроме того, если мы заглянем в комментарии к видео TED, которые переводят P3, P4 и P5, то крайне маловероятно, что, за исключением наличия в переводе вопиющих нарушений смысла, пользователи будут делиться своим мнением о его качестве. Осложняет ситуацию и количество комментариев под этими видео, которых насчитывается тысячи, и почти все они касаются непосредственного содержания выступления: редкая похвала или критика перевода потеряется. И всё же благодарность за перевод можно выразить через страницы TED в русскоязычных социальных сетях.

Рефлексия. Большинство респондентов (5) признались, что самым сложным в переводе для них являются случаи, когда переводчику приходится выходить за рамки прямых словарных соответствий: при передаче шуток, игры слов, идиом, говорящих имён и названий, эквивалентов для вымышленных терминов. Другой затруднительный для них момент – это правильно понять и верно передать мысль автора во всех её нюансах, т.е. иногда возникают сложности при интерпретации исходной фразы (например, когда в тексте присутствуют сложноподчинённые предложения, которые бывает не так просто «перекодировать» на русский язык).

Вместе с тем часть респондентов (3) указали на потенциальные сложности другого характера – психологические: и любителю бывает трудно сесть за перевод, не прокрастинировать и не отвлекаться. Также, согласно полученным ответам, существует возможность «перегореть», потерять интерес, работая над сложным текстом, или даже полностью «выгореть» и забросить перевод на долгое время.

Монетизация. На вопрос, получали ли они когда-нибудь денежное вознаграждение за свои переводы, утвердительно ответили 5 из 8 респондентов. Однако данная группа оказалась неоднородной. 2 из 5 любителей зарабатывали, по их словам, совсем немного («копейки», «смешные деньги, нельзя назвать заработком»), выполняя переводы на условиях фриланса. Кроме того, Респондент 1 открыла две страницы на Patreon, посвящённых её переводческим проектам, и получает от жертвователей чуть более $40 в месяц. Несмотря на то что это небольшая сумма, она поступает регулярно, а сама переводчица, по её признанию, занимается переводами «для души и ради всеобщего блага».

В отличие от упомянутых выше любителей двоим оставшимся респондентам из данной группы удавалось официально публиковать свои переводы через издательские дома. Респондент 2 в данный момент уже два года регулярно в паре с коллегой выполняет заказы для крупных российских издательств: переводы, которые она выполняла со своей командой, привлекли внимание сначала поклонников переводимого ими писателя, а затем и издательства, которое вышло на них с предложением о сотрудничестве. Тем не менее Р2 иногда находит время для любительских переводов. Учитывая тот факт, что переводить она начала всего пять с половиной лет назад, её достижение кажется ещё более впечатляющим.

Респондента 6, согласно из полученным ответам, работа над официальными (заказанными) переводами скорее тяготит. Переводчица рассказала, что получила свой первый заказ, откликнувшись на объявление и успешно пройдя тест. Это объявление вывесил посредник, который, имея связи с издательством, даёт работу начинающими переводчикам, но берёт за своё посредничество половину гонорара. Выполнив перевод, Р6 ушла от посредника: она рассказала, что «конвейерное производство халтуры и личный рост несовместимы» и что тогда она намеревалась больше никогда не браться за официальные переводы. Несмотря на то что с тех пор она всё-таки издала переводы ещё двух книг и сейчас заканчивает работу на ещё одним переводом, Р6 после его публикации планирует остановить свою официальную деятельность: работать в сжатые сроки ей тяжело.

Полученная информация является подтверждением того, что любитель при достаточном таланте, серьёзном отношении к делу и спросе на переводимый продукт может не только заработать на своих переводах, но и приобрести фактически профессиональный статус. Однако 6 из 8 опрошенных любителей (с учётом Р7, прекратившей переводческую деятельность, и Р6, которая вскоре перестанет выполнять официальные переводы) ответили, что не намереваются становиться профессиональными переводчиками. Вместе с тем 4 из них признались, что задумывались об этом с разной степенью серьёзности (так, Р3 рассматривает возможность переводить на постоянной основе, но этот вариант у неё не является приоритетным, а у Р7 желание перейти в профессионалы оказалось краткосрочным). Что касается остальных, то Р4, которая учится на переводчика, планирует заниматься аудиовизуальным переводом, а Р2 уже сотрудничает с издательствами на постоянной основе.

Отношение к любительским переводам. Особенно любопытной является точка зрения переводчиков-любителей на работу своих «коллег». Полученные ответы свидетельствуют о том, что массив любительских переводов чрезвычайно неоднороден. Из 8 респондентов 3 ответили, что они чаще встречали посредственные или откровенно плохие работы (есть и неплохие, но, как отмечает Р6, в таких случаях уровень лучших любителей соответствует уровню начинающих издательских переводчиков). Ещё 3 из 8 участников в целом оставались довольными прочитанными ими переводами такого рода и хорошо относятся к любительскому переводу вообще. Наконец, 2 из 8 переводчиков затрудняются точно сказать, каких любительских переводов больше: качественных или некачественных. Примечательно, что оба этих респондента заявляют о наличии экстремального разброса в качестве любительских переводов («от прекрасного перевода и редактуры до непонятных и исковерканных плохим переводом», «иногда натыкаешься на настоящих гениев, а иногда на людей, которым, наверное, не стоит заниматься переводами»).

Рассуждая о будущем любительских переводов, респонденты, с которыми мы затрагивали этот во-

прос, согласились, что их число будет только увеличиваться – прямо пропорционально расширению доступности языкового образования и количеству информации на других языках, которой было бы полезно и интересно поделиться со своим языковым коллективом. Занимательное предположение высказывает P1: она считает, что, если взять деятельность одного переводчика-любителя, то переводы скорее будут единичными, а не серийными, поскольку не каждый готов «иметь такое ресурсозатратное хобби, которое отнимает у тебя несколько часов жизни еженедельно». P7 отводит главную роль в актуализации любительских переводов читательскому интересу: например, поклонники возьмут в свои руки перевод серии книг, от которой отказалось издательство (или книги, которой оно не заинтересовалось), чтобы удовлетворить собственные читательские потребности.

Для того, чтобы полученные данные стали частью некоторой системы знаний о личности переводчика-любителя, будет целесообразным упомянуть результаты похожих исследований, проведённых зарубежными переводоведами и нацеленных на изучение мотивации переводчиков-волонтёров.

Самое раннее из них – это опрос, проведённый Шэрон О'Брайен и Райнхардом Шелером среди волонтёров, входивших в то время (2010 г.) в штат фонда «The Rosetta Foundation» [6]. Для данной статьи релевантными являются следующие данные: любителями себя назвали 35 респондентов из 257; 54 % из них – женщины; 23 % признались, что не имеют опыта перевода, 46 % – что опыт, которым они обладают, невелик.

Что касается мотивирующих факторов, то, к сожалению, исследователи не рассматривали ответы любителей отдельно от остальных. Тем не менее полученные результаты оказались весьма интересными. В рамках вопроса 1, касающегося мотивации, волонтёров попросили оценить по важности для них 6 факторов по шкале от 1 до 5. Наибольшее количество оценок «4» и «5» получило стремление поддержать дело, которым занимается «The Rosetta Foundation» – предоставлять информацию как можно большему числу людей на их языке. За ним следуют такие факторы, как получение профессионального переводческого опыта и интеллектуальное стимулирование («intellectual stimulation»). На данных основаниях Ш. О'Брайен и Р. Шелер делают вывод, что волонтеров мотивируют как личные, так и социальные факторы.

Целью вопроса 2 было узнать, что придало бы респондентам дополнительную мотивацию. С большим отрывом самыми популярными оказались варианты ответа, ориентированные на обратную связь: от профессиональных переводчиков (1) и от клиентов фонда «Rosetta» (2). В свою очередь, мотив потенциального получения вознаграждения за работу расположился лишь в середине списка факторов и уступил по числу респондентов фактору 1 в два раза (47 к 98).

Джули Макдоно Долмайя в 2012 г. провела анкетирование переводчиков-волонтёров, работавших над переводом для веб-энциклопедии «Википедия» [5]. В отличие от предыдущих исследователей она производила подсчёт и анализ данных, выделив среди волонтёров три группы: профессионалов, бывших переводчиков и, что представляет наибольший интерес, любителей. В рамках её исследования профессионалами считались те переводчики, которые получают деньги за свою работу.

Из общего числа респондентов 84 % были мужчинами; возраст 76 % участников составлял 35 лет и менее. Наиболее примечателен тот факт, что 68 % опрошенных не проходили формальную переводческую подготовку, ещё около 17 % – посещали только переводческие курсы. С точки зрения опыта перевода 68 % респондентов ответили, что никогда не работали профессиональными переводчиками ни на постоянной, ни на частичной основе.

Если рассмотреть роли, в которых выступали волонтёры, то 10 из 11 профессионалов, а также около 70 % бывших переводчиков и любителей помимо непосредственных переводов занимались и редактурой текстов. Главное же отличие группы профессионалов от других заключается в том, что они чаще остальных брали на себя обязанности проект-менеджеров (4 из 6 людей, выступавших в такой роли). Дж. Макдоно Долмайя предполагает, что это связано со «склонностью профессиональных переводчиков делиться своим опытом» [5: с. 178]. В качестве одной из обязанностей проект-менеджера упоминается задача познакомить других волонтёров с полезными онлайн-ресурсами.

Что касается мотивации, то Дж. Макдоно Долмайя выделяет два её вида: *внутреннюю* (intrinsic) и *внешнюю* (extrinsic). Внутренняя мотивация подразумевает работу не ради вознаграждения, а для удовольствия или из чувства долга перед сообществом, внешняя – ради непосредственного или косвенного вознаграждения.

Опрошенные переводчики-волонтёры чаще всего приводили факторы внутренней мотивации. 89 % всех респондентов (в том числе 88 % любителей) упомянули стремление сделать информацию доступной для людей, говорящих на других языках. Если рассмотреть исключительно любителей, то список других внутренних факторов, которые они перечислили, выглядит так:

- проект стимулирует интеллектуальную деятельность волонтёра – 67 %;
- помощь организации – 57 %;
- практика владения языком оригинала – 39 %;

• практика владения языком перевода – 25,5 %;

• узнать, каково это – переводить – 12 %.

Кроме того, приблизительно половина всех участников указали распространение информации в качестве главной причины своего участия в проекте, 20 % посчитали проект интеллектуально стимулирующим, 15 % хотели поддержать организацию.

В плане внешней мотивации самым популярным фактором среди всех трёх групп оказалось получение переводческого опыта (около 43 % от общего числа респондентов). И действительно, 30 % респондентов отметили, что получили обратную связь, которая помогла им улучшить их переводческую компетенцию. С другой стороны, исследовательница наблюдает, что только трое из всех респондентов указали эту причину участия в проекте в качестве главной. Стоит упомянуть, что, как и в случае с исследованием, проведённым в настоящей статье, респондентов мотивировало множество факторов: только 5 человек указали одну мотивацию.

Изучению личности переводчика-любителя поспособствовал и сам фонд TED: с декабря 2009 по май 2010 г. в блоге на сайте TED была опубликована серия из 11 коротких интервью с переводчиками-волонтёрами, участвовавшими в запуске инициативы «Open Translation Project»[2]. Ответы участников (чей возраст в то время составлял от 26 до 58 лет, т.е. в данном плане снова наблюдается большой разброс) на вопрос: «Почему вы переводите?» проанализировала Маэв Олохан [8].

Оказалось, что респонденты представляют собой крайне неоднородную группу, в которую в соответствии с текущей должностью входят преподаватель информатики, исследователь-иммунолог, системный инженер, кардиолог, бизнес-тренер и инструктор по Методу/Технике Александера, в то же время с позиции самоопределения группу составляют журналист, лингвисты, разработчики, дизайнер, историк, музыкант, художники и предприниматель. Большинство респондентов имеют высшее образование; у двоих из них есть диплом, связанный с изучением английского языка. Таким образом, можно заключить, что все они являются переводчиками-любителями, что повышает релевантность их ответов для данной статьи.

Проанализировав мотивацию волонтёров, М. Олохан разбила соответствующие факторы на 6 групп: 1) поделиться преимуществами TED; 2) вызвать изменения в обществе; 3) почувствовать удовлетворение от помощи другим; 4) стать частью сообщества; 5) приобрести новые знания; 6) получить удовольствие. Рассмотрим эти факторы подробнее.

1. Этот фактор встречается чаще остальных. Среди преимуществ интервьюируемые упоминают «знания», «ценную информацию» и «идеи» (наблюдается прямая связь со слоганом TED – «Ideas worth spreading»). М. Олохан заключает, что данная мотивация может рассматриваться как желание увеличить объём глобального знания. В качестве редко указываемых получателей этих преимуществ называются как конкретные языковые культуры («китайский народ», «японское общество» и пр.), так и неопределённые «десятки миллионов человек» и «будущие поколения». Кроме того, некоторые переводчики в первую очередь хотели поделиться информацией с семьёй и друзьями.

2. Данный фактор является ключевым для одного респондента и меньше прослеживается в ответах остальных участников. Этот волонтёр отмечает, что его переводы «призывают к взаимному уважению между разными культурами, народами и религиями», а также надеется, что ему удастся содействовать укреплению мира и благополучия в его родном Судане и изменить отношение других к его родной стране.

3. Переводчики отмечают, что удовлетворение от помощи другим и способствование распространению идей являются для них «наградой». Они чувствуют себя «счастливыми», когда получают хвалебные отзывы о своей работе, и ощущают «гордость» от того, что являются частью данного проекта.

4. Несмотря на то что этот фактор оказался не самым популярным, некоторые волонтёры делают акцент на вхождение именно в сообщество TED: кто-то стал сотрудничать с TED в рамках других проектов, других привлекает интерактивность системы TED. А для третьих – это возможность стать частью глобального общества, «масштабного объединения науки, технологий и сопереживания (“compassion”)».

5. Переводчики считают, что просмотр и перевод выступлений TED преумножают их знания, что перевод даёт более чёткое понимание содержания. Они открывают для себя «целый новый мир знаний», однако в процессе познания волонтёры не стремятся узнать больше о переводе как дисциплине: никто из участников опроса не собирается становиться профессиональным переводчиком.

6. Данный фактор во многом связан с тем, что у любителей нет профессиональных амбиций: для них перевод для TED – «любимое хобби», «захватывающий опыт», «развлечение».

Результаты настоящего исследования и закономерности, обнаруженные коллегами, помогли немного приоткрыть завесу над личностью переводчика-любителя, а также найти как сходства, так и различия между их «профессиональными портретами». Исходя из полученных из всех четырёх ис-

[2] Они всё ещё доступны на сайте TED в следующих разделах: https://blog.ted.com/2009; https://blog.ted.com/2010 (дата обращения: 22 ноября 2019).

следований данных очевидно, что большинство любителей мотивированы желанием поделиться информацией с другими людьми, а также стремлением стимулировать свои интеллектуальные способности (в том числе творческие). Те любители, которые являются волонтерами, искренне хотят помочь делу своей организации. Немаловажно и то, что большинство любителей не собираются становиться профессионалами.

Вместе с тем необходимо признать, что на основе полученных данных нельзя делать однозначных глобальных выводов. Число переводчиков-любителей в мире значительно превышает общее количество респондентов всех четырёх исследований. Кроме того, «класс» любителей представляется крайне неоднородным с точки зрения их мотивации и бэкграунда. Для того, чтобы вывести наиболее глубинные тенденции любительского перевода, необходимо изучение мотивации ещё десятков подобных групп и участвующих в данной деятельности лиц, что свидетельствует о наличии возможности для переводоведов внести свой вклад в исследование этого перспективного направления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кирилина, А.В.* Перевод и языковое сознание в динамической синхронии: психические границы языка (на материале русского языка Москвы) / А.В. Кирилина // Вопросы психолингвистики. – 2011. – № 13. – С. 30–39.

2. *Ривлина, А.А.* Перевод в эпоху глобализации английского языка и усиления транслингвизма / А.А. Ривлина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2018. – Т. 15, № 1. – С. 43–49.

3. *Cubbison, L.* Anime fans, DVDs, and the authentic text / L. Cubbison // The Velvet Light Trap. – 2005. – Vol. 56. – P. 45–57.

4. *Díaz-Cintas, J.* Fansubs: Audiovisual translation in an amateur environment / J. Díaz-Cintas, P. Muñoz-Sánchez // The Journal of Specialised Translation. – 2006. – Vol. 6. – P. 37–52.

5. *McDonough Dolmaya, J.* Analyzing the crowdsourcing model and its impact on public perceptions of translation / J. McDonough Dolmaya // The Translator. – 2012. – Vol. 18, № 2. – P. 167–191.

6. *O'Brien S.* Next generation translation and localization: Users are taking charge / S. O'Brien, R. Schäler // Proceedings from Translating and the Computer Conference (17–18 November 2010, London). – URL: http://doras.dcu.ie/16695/1/Paper_6.pdf (accessed: 20.11.2019).

7. *O'Hagan, M.* Evolution of user-generated translation: Fansubs, translation hacking and crowdsourcing / M. O'Hagan // The Journal of Internationalization and Localization. – 2009. – Vol. 1, № 1. – P. 94–121.

8. *Olohan, M.* Why do you translate? Motivation to volunteer and TED translation / M. Olohan // Translation Studies. – 2014. – Vol. 7, № 1. – P. 17–33.

9. *Pérez González, L.* Fansubbing Anime: Insights into the 'Butterfly Effect' of Globalisation on Audiovisual Translation / L. Pérez González // Perspectives. – 2007. – Vol. 14, № 4. – P. 260–277.

10. *Pérez-González, L.* Non-professionals translating and interpreting. Participatory and engaged perspectives / L. Pérez-González, Ş. Susam-Saraeva // The Translator. – 2012. – Vol. 18, № 2. – P. 149–165.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

DOI:

ОБРАЗ РОДИНЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ПОЭТА-ЭМИГРАНТА АЛЕКСЕЯ АЧАИРА

Фэн Ишань

В статье исследуется образ Родины в художественном мире Алексея Ачаира (1896–1960) – представителя старшего поколения дальневосточных эмигрантов, русского секретаря ХСМЛ, руководителя литературно-художественного объединения «Чураевка». Его художественный мир вместил в себя присущие русской эмиграции коннотации, связанные с представлениями о Родине как мифологизированном пространстве территориально единой «Русской земли» и богом хранимой «Вселенской Руси», как великой в прошлом Империи (Великой Руси). Особенности этнической картины мира Ачаира определили приоритетное место в его поэтической картине мира ключевого образа «Родная Сибирь» и связанных с ним художественных коннотаций, вместивших все перечисленные выше образы.

Ключевые слова: этничность, этническая картина мира, языковая картина мира, художественный мир, эмиграция, Алексей Ачаир, Китай, Россия, образ Родины.

THE IMAGE OF THE HOMELAND IN THE ARTISTIC PICTURE OF THE WORLD OF THE FAR EASTERN POETRY-EMIGRANT ALEXEI ACHAIR

Feng Yishan

The article explores the image of the Homeland in the art world of Alexei Achair (1896–1960), a representative of the older generation of Far Eastern emigrants, the Russian secretary of the KHML, the head of the literary and artistic association Churaevka. His artistic world contains the connotations inherent in Russian emigration related to ideas about the Homeland as a great Empire in the past (Great Russia), the Homeland as a mythologized space of the territorially unified “Russian land” and the God of “Universal Russia”. The features of the ethnic picture in Achair’s world have identified a priority place in his poetic picture as the key image “Native Siberia” with the connotations associated with it.

Key words: ethnicity, ethnic picture of the world, linguistic picture of the world, art world, emigration, Alexei Achair, China, Russia, image of the Homeland.

Художественная картина мира (художественный мир) того или иного автора в явной и неявной форме вбирает особенности языковой и этнической картин мира. Как пишет А.А. Забияко, детально исследовавшая механизм порождения художественного мира поэтов на основе художественной образности, «…вначале первичные данные, воспринимаемые органами чувств, перекодируются в сознании посредством языкового наименования, затем в процессе художественного творчества осуществляется их *образное претворение* в соответствии с тем, в каких категориях поэт видит мир, что является доминантой его мировосприятия» [7: с. 21]. Представления, формирующие языковую картину мира, входят в язык в неявном виде. Человек, используя слова с неявными смыслами, воспринимает и образ мира, заложенный в них, сам того не осознавая [16]. Языковое сознание (языковая картина мира) каждого человека определяется, как известно, этнической картиной мира [16]. В семантике языковых единиц заключаются представления о мире, свойственные носителям языка и культуры. Такие единицы А.Д. Шмелев называет ключевыми [24].

Родина – ключевое понятие в русской языковой картине мира, являющееся также базовым в этнической картине мира, «средоточием национального самосознания» [11: с. 237]. Особенно остро чувство Родины просыпается в русском человеке в момент великих потрясений, когда он вынужденно осознает свою принадлежность к этнической общности русских людей [20]. Как отмечает Т.Г. Стефаненко, «…всегда остаются слои культуры, позволяющие осознавать свою принадлежность к этнической общности: язык, религия, миф об общих предках,

Фэн Ишань – аспирант кафедры литературы и мировой художественной культуры Амурского государственного университета (г. Благовещенск).

E-mail: 1024495050@qq.com

© Фэн Ишань, 2020

историческая память, богатая подвигами героев или общими страданиями» [20: с. 18]. В такой ситуации человек особенно остро ощущает свою национальную идентичность, разделение окружающего мира на «свое» и «чужое». Потому не удивительно, что представления о Родине становятся базовыми при формировании художественного мира авторов-эмигрантов, утративших родную землю и остро переживающих эту потерю.

В XX в. революционные события 1917 г. привели к формированию одного из русских анклавов на бескрайних просторах рассеяния русских беженцев – восточной эмиграции. Бывшие граждане Российской империи самых разных национальностей бежали от Гражданской войны, часть из них оказались в Харбине, городе на линии КВЖД, русском городе в самом центре тогдашней Северной Маньчжурии. Русские селились на линии КВЖД – линии отчуждения, и считали ее своей территорией, постепенно обустраивая ее согласно русским традициям, по русскому образцу. После революции и поражения Белого движения на Дальнем Востоке, как отмечает А.П. Забияко, «…выходцы из России оказались все вместе на чужбине и в близком взаимодействии с народом, культурой и политической системой, о которых они имели чаще всего самое отдалённое представление и с которыми никогда не имели опыта отношений» [10: с. 7]. Как центр восточного зарубежья Харбин сформировался «на границе миров – России и Китая, прошлого и настоящего, эмиграции и метрополии» [6: с. 3]. В условиях тесного сосуществования в пределах российского анклава на китайской территории русские, украинцы, евреи, армяне, поляки, грузины, осетины вырабатывали свои стратегии этнического поведения [10: с. 6]. При этом оппозиция «своего» и «чужого» пространства разрешается в этническом сознании практически всех беженцев путём принятия русскости и русского языка как залога единства и решительного овладения «чужим» пространством [10: с. 8].

Русские эмигранты создали жизнеспособную диаспору в Китае, сохраняя свою этническую идентичность, но, как отмечает А.П. Забияко, «…существование диаспоры чревато двойственностью причастности к двум культурам. В этом измерении своего бытия диаспоры представляют собой один из вариантов фронтирного существования, т.е. существования в условиях порубежья, на стыке своего и чужого» [12: с. 5].

А.А. Забияко пишет об особой ситуации безвременья, характеризующей сознание русских эмигрантов в Харбине: не стало той России, в которой жили русские люди, изменились порядки, реалии жизни. Но Харбин – город, куда бежали эмигранты, не изменился, что создало иллюзию, кажущуюся реальность, в которой Россия осталась прежней [5: с. 150].

Общая историческая память людей, образующих диаспору, содержит память о «духовной родине» и «исходе» из неё. Такая историческая память формирует патриотизм как любовь к стране исхода, особое чувство родины [10: с. 14].

Утраченная родина – ключевая тема для всех русских эмигрантов, причем как для тех, кто родился в России, так и для тех, кто уже родился в Китае. Для старшего поколения, родившегося в России и покинувшего ее, чувство родины связывалось не только с местом рождения, географической принадлежностью, но и представлениями о покинутом доме, о прошлом величии Российской империи, с гордостью за историческое прошлое Родины. Сожаление, горе, обида, печаль, тоска, а главное – любовь к России – все это нашло яркое отражение в творчестве русских дальневосточных беженцев [5].

Один из самых ярких представителей поэтов-эмигрантов старшего поколения Алексей Алексеевич Ачаир – самобытный оригинальный поэт, внесший значительный вклад в литературу дальневосточной эмиграции.

Алексей Алексеевич Ачаир (Грызов) родился в семье потомственного казака, полковника Сибирского казачьего войска. Местом рождения стала станица Ачаир под Омском. Название малой родины впоследствии стало псевдонимом поэта и во многом определило его творческую направленность [3].

Алексей Ачаир не принял революцию, пройдя через массу испытаний – контузию, болезни, Гражданскую войну, Ледяной поход, – в 1922 г., после того, как Владивосток заняли красные, он пешком дошел до Кореи, затем оказался в Китае, в Харбине – городе, приютившем многих беженцев из Российской империи. Здесь Ачаир стал активно развивать литературные таланты и культурную жизнь русской молодежи [4].

Детство и юность, проведенные на Алтае – в регионе, где исторически переплелись судьбы разных народов, языков, культур, – определили особенности этнической картины мира поэта и его политические ориентации [9]. Ачаир мечтал о том, что когда-нибудь Сибирь сможет стать отдельным регионом, где богатство природных недр, пространственная протяженность органично переплетутся с творческим потенциалом лучших представителей населяющих Сибирь этносов [9].

Значимой вехой в постижении искусства и духовных основ стало для Ачаира учение Николая Рериха – художника, эмигранта и философа. Ачаиру были близки идеи Живой Этики – духовного пути совершенствования через искусство, расширение границ познания, что и отразилось в его произведениях [3]. Рерихианство также повлияло на концепцию образа родины в мире поэта.

В 1923 г. Ачаир стал руководителем «Христианского союза молодых людей в Харбине», а также основателем и вдохновителем литературно-художественного кружка «Молодая Чураевка», с 1926 г. – редактором газеты «Чураевка». Это объединение стало оплотом развития русской культуры и литературы в Харбине [19]. В своей «Чураевке», названной так вослед идеям Г. Гребенщикова – автора «Братьев Чураевых», создателя одноименной русской деревни в Америке, ученика Рериха, – Ачаир мечтал воплотить все свои религиозно-философские и патриотические устремления.

Ачаир писал стихи, пробовал себя в разных жанрах и формах. На поэтическое мировидение Ачаира оказало влияние творчество поэтов Серебряного века, а именно Н.С. Гумилева, С.А. Есенина, А. Блока, А. Ахматовой и других поэтов [9]. Не имея возможности посещать литературные салоны Москвы и Санкт-Петербурга, Ачаир вобрал эстетику поэтов-модернистов, но наполнил свои тексты собственной органикой – ощущениями казака-белопоходника, выросшего в Сибири и имеющего свое представление о судьбе России.

Творчество А.А. Ачаира дает богатый материал для понимания различных коннотаций образа Родины в художественном сознании дальневосточных эмигрантов старшего поколения. Он создавал в произведениях свое мифологическое пространство – Россию, оставшуюся в душе и воплощенную в харбинской лирике. Поэтом было написано 5 книг: «Первая» (Харбин, 1925); «Лаконизмы» (Харбин, 1937); «Полынь и солнце» (Харбин, 1938); «Тропы» (Харбин, 1939); «Под золотым небом» (Харбин, 1943), также Ачаир много печатался в журналах, общих сборниках [9].

В сознании многих эмигрантов и более поздних читателей Алексей Ачаир ассоциируется с сакраментальной фразой, ставшей девизом русского беженства в его отношении к Родине:

Не согнула судьба нас, не выгнула,
Хоть пригнула до самой земли.
А за то, что нас Родина выгнала –
Мы по свету ее разнесли
«По странам рассеяния» [Первая, 1925] [2]

Образ Родины представляется ключевым в художественном мире Ачаира – 419 стихотворений, составляющих его книги, содержат 75 разнообразных коннотаций: Родина, Россия (милая, родная), Сибирь (моя, милая), Русь (Вселенская, Великая, Древняя), земля (моя, родная, холодная, милая, дорогая), родной край, родной дом; моя страна; отчизна // чужбина и др. [22].

Выделенные образы-концепты создают несколько семантических групп, особым образом характеризующих модели исторической памяти русских эмигрантов в целом, и индивидуальную картину мира Алексея Ачаира в частности.

1. Утраченная Родина не только как конкретное историческое, хронологическое и территориально закрепленное понятие, но как обобщенный и мифологизированный образ «Русской земли». Именно такое понимание образа Родины характеризует ранние этапы формирования этнического сознания русских, очевидно, актуализированные в эмиграции в сознании поэтов старшего поколения.

Россия для Ачаира – утраченная Родина, жизнь в эмиграции наложила на его чувства к России особые оттенки: ностальгии, грусти, тоски, при этом возвеличивание Родины – создание некоего мифического образа. В эту группу входят образы-понятия «Россия», «Родина», «моя страна», «отчизна// чужбина», «родная земля», «наша земля».

Он напрямую обращается к Родине:

Прекраснейшую изо всех даров,
из всех красот и мифов небывалых...
О, *Родина*, виденьем у дорог
встающая на снежных перевалах!
«Дары вершин» [Полынь и солнце, 1935] [2]

Не случайно отношение к Родине перекликается с отношением к возлюбленной: с любовью, трепетом, восхищением.

Как этот, еле уловимый
осенний запах *русских трав*...
Как будто встретиться с любимой,
перед которой был неправ.
«Родные травы» [Полынь и солнце, 1934] [2]

Любовь у Ачаира горчит, она наполнена сожалением, горечью расставания, невозможностью забыть. Его любовь оставляет ощущение печали и грусти. Лирика Ачаира о Родине рассказывает о несбыточных надеждах, тоске и грустной любви:

Оттого и молчит, что понять,
как питаются телом и кровью, –
это значит – *Россию* обнять
с небывалой и грустной любовью!
«Чаша неба» [Рубеж, 1929, № 52] [2]

Чувство утраты такой важной части человеческой жизни, как Родина, приводит лирического героя Ачаира к рассуждениям о чужой России – советской. Эта чужая Россия не приняла его, он подчеркивает разницу между двумя «родинами».

Именно в такой ситуации Китай стал для Ачаира новой Родиной, которую он приветствует как новый этап жизни.

Привет наш Востоку! Привет наш восходам янтарным!
Теперь мы в *России*, и каждый – хотел и достиг
желанной победы... И сорван листок календарный.
Харбинское время – сверкающей юности миг.
«Когда-нибудь...» [Сборник А.Т. Тарам, А.Ф. Недельского, В.В. Белоусовой,1922–1942] [2]

В то же время чужбина – это эмиграция, которая тяготит и даже кажется сном, навеянным миражом. Стихотворения «Халло, Иркутск» (1928), «Эмигрантка» (1933), «Как и прежде» (1933), «Ноктюрн» (1940) показывают эмигрантский быт как суровую реальность Китая, а удел эмигрантов – лишь мечтать о возвращении назад, в былую Россию:

Суровые лица
со мной и бездушные боги.
Ты – в шумной столице
встаешь на вечерней заре.
Мы Бога просили –
(Как горестно быть одиноким!)
о *милой России*,
о встрече на *нашей земле*
«Как и прежде» [Тропы, 1933] [2]

Автор подчеркивает, что верность «Русской земле» дает силы выстоять среди невзгод, надежда помогает не опускать руки, верить в будущее своей страны.

Но, верностью нашей хранимо,
когда мы брести не могли,
пред нами сияло незримо
величие *Русской земли*.
«За рубежом» [Рубеж, 1941, № 16] [2]

В образе «Русской земли» А. Ачаир выражает свою органическую связь с древними представлениями наших предков, мифологизирующих свои представления о родине [11: с. 243].

Как подчеркивает А.П. Забияко, «…главным в мифологическом образе Русской земли была не ее территориальная и историческая определенность, но качественные характеристики – правильная по понятиям мифологического мышления устроенность, религиозная праведность, божественное присутствие и попечительство, чистота, "светлость"» [11: с. 245]. Эти представления обусловливают появление религиозных коннотаций в образе-концепте «Русская земля» и рождение группы образов со значением святости, приписываемых Русской земле – «Святая Русь».

2. Родина – «Святая Русь»; в эту группу входят понятия «Русь», «Вселенская Русь», объединенные общим значением религиозно-философского характера. «Святая Русь» – важный образ в этнической картине мира русского человека [11: с. 245–251]. В годы средневековой раздробленности «образ Руси отстрадавшей и готовой еще пострадать во славу Божию выступал необходимой предпосылкой развития идеи святости Руси» [11: с. 248].

Религиозный контекст так или иначе проявляется в стихотворениях Ачаира о Родине. Он обращается к истории Древней Руси, пытается осмыслить настоящее своей Родины сквозь призму становления российской государственности:

Люблю Руси *старинный вид*,
боярских шапок мех и бархат.
Все в них о славе говорит
величественного монарха.
«В ночном трамвае» [Под золотым небом, 1942] [2]

На примере реализации мифологемы «Святая Русь» в лирике Ачаира мы можем проследить включение механизмов мифологизирования истории в сознании эмигрантов. Ачаиру импонирует религиозно-мифологический образ Святой Руси, «выражавший глубоко религиозное отношение русского человека к Русской земле», в критические для русского народа моменты истории принимавшей облик «мученицы в святом венце страданий или твердыни святой веры в сиянии славы» [11: с. 251]. В процессе мифологизирования Руси и идеи ее святости Ачаир апеллирует к личностям, несущим это качество. Как и в стародавние времена, носителями святости выступают религиозные подвижники:

Невиданное зрелище творилось:
пред юношей-священником, рыдая,
весь мир лежал, вся *наша Русь святая*,
религии ее и племена.
«Священник» [Полынь и солнце, 1934] [2]

Но лирический герой Ачаира и сам не лишен этого подвижнического и пастырского порыва. Как руководитель молодого поколения поэт считает своим долгом донести до молодежи священное чувство гордости и любви к истории Родины, готовности защищать родную землю. Чаще всего он обращается к будущему – молодому поколению русских ребят. Оттого религиозный посыл лирики Ачаира, посвященной Древней Руси, обусловливает ее назидательный характер.

Учи, родной! От князя Святослава
пройди всю Русь, сравни, что нынче есть.
Я знаю, путь твой – мужество и слава,
и выше: *Бог, величие и честь*.
«Урок истории» [Полынь и солнце, 1933] [2]

За годы эмиграции у Ачаира родился свой сын, подросли воспитанники «Чураевки» – те, кому он считает своим долгом передать свое отношение к Родине:

И стоим мы здесь – русские оба –
в этот дивный, решающий миг.
Будь же *верен России*. До гроба.
Ты ведь молод, а я уж старик.
«Встреча в грозу» [Под золотым небом, 1941] [2]

В стихотворениях, посвященных русским праздникам, лирический герой обращается к детским годам, когда вся семья и близкие собирались за одним столом – это самые теплые и дорогие воспоминания о Руси:

О, дальнее детство!
О, близость любимых!
О, Русь дорогая!
«Пасха» [Полынь и солнце, 1936] [2]

Религиозно-философский характер раздумий лирического героя может передаваться через образы-детали, например, «колокольный звон». В стихотворении «Колокола в душе» колокольный звон – символ духовной связи с родными традициями:

За дверью смутного «вчера»
Оставлен посох пилигрима.
О том поют колокола
Так полнозвучно и любимо...
О чем?.. О чем?.. Удар и звон...
Поют... Гудят... Гудите, пойте,
Всю землю, весь небесный склон —
Цветами радости укройте!
«Колокола в душе» [Первая, 1925] [2]

Новый год – праздник перемен, символ надежды и изменений к лучшему, лирический герой обращается к Богу с пожеланием Руси новой жизни, с верой в лучшее, в перемены.

Дал бы Бог, чтоб стала жизнь иная!
Прочь, тоска, не время тешить грусть!
С новым годом, ты, моя *родная*,
нынче *обездоленная Русь*!..
«Новогодняя ночь» [Рубеж, 1939, № 1] [2]

В молитве о «Божьей стране» лирический герой искренен, его слова должны дойти до Бога, он говорит о самом сокровенном и дорогом – Родине- Руси.

Всею душой молюсь:
Господи! – *наша Русь*,
Божья страна.
Утром – в снопах лучей,
ночью огнем свечей
озарена...
«Радость» [Рубеж, 1941, № 17] [2]

Герой просит Бога сохранить Русь в своем призыве, молитве, просьбе. Это крик души, обращенный не только к Богу, но и к самой Родине, к будущему поколению.

Вся Русь одно. Отцы и дети...
В колосьях Русь... А степь звенит...
О, Боже, пусть же звоны эти
нам память в сердце сохранит.
«Степные звоны» [Под золотым небом, 1942] [2]

Стихотворения о Святой Руси присутствуют в творчестве Ачаира и в 30-е, и в 40-е гг., это – один из ключевых образов его творчества, тесно связанный с образами малой родины – Сибири. Сибирские казаки несли свою православную веру от поколения к поколению. Эта вера помогала русским беженцам в эмиграции сохранить свою суть, свое духовное единство с Родиной. Не случайно в поэтической картине мира Ачаира мы наблюдаем четкое разделение концепта «Родина» на материальный мир, где символом Родины выступает горсть, комочки земли, и духовный, где Родину олицетворяет Бог, молитва.

3. «Родина» – Сибирь («дорогая земля», «милая земля», «моя земля», «родной край», «родной дом», «родная земля»).

Россия для Ачаира – это прежде всего его малая родина, Сибирь, ей посвящены строки стихотворений «Сибирь», «Ангара», «Тайга», «На моей земле», «Чаша неба» и т.д. Вдали от родной Сибири А. Ачаир продолжал жить и дышать ею. В письме Г.Д. Гребенщикову 28 марта 1927 г. он признается: «Мне не о чем думать, кроме Сибири» [18].

Именно Сибирь стала для Ачаира тем самым кусочком Родины, заполнившим его творчество мотивами бескрайней земли, красоты и величия, а также отсылками к детству, к родным и близким, к истории России, ее прошлому, настоящему и будущему.

Сибирь для него – не просто образ родного села, дома, но и прообраз родной земли, всего того, из чего состоит любовь к Родине. Для Ачаира Сибирь – это отцовское наследство, которое нужно сохранить и приумножить, не растерять [3].

Святая Русь, Суровая Сибирь!
Так вот и все, что сохранилось с детства...
И от тебя, годов изгнанья пыль,
уберегу отцовское наследство.
«Сибирь» [Полынь и солнце, 1932] [2]

Как видно, «Святая Русь» связывается не только с расширительным образом утраченной большой Родины, с ее легендарными победами и свершениями, религиозной святостью. Либо, объединенные в перечислительной конструкции, эти образы-концепты выражают аксиологические ориентиры поэта – и на религиозную святость Руси, и на конкретный уголок родной земли, где прошло его детство.

Сибирь – это детство поэта, босоногое, счастливое, беззаботное, наполненное смехом и счастьем. В нем нет тревог, в детских воспоминаниях лирический герой ощущает свое родство с родиной. Детство для лирического героя – мечта, в которой хочется побывать снова, прикоснуться, почувствовать свою страну через ощущения ребенка, еще не осложненные опытом жизни, раздумьями.

Снова я, как тогда, – ребенок,
и чудесна *моя земля*.
Точно свернутые знамена –
серебристые тополя.
И арыки щебечут звонко –
никому, а, быть может, мне:
– Хорошо побывать ребенком,
хоть в мечтах, да в *своей стране*!
«На моей земле» [Полынь и солнце, 1933] [2]

«Таежная, суровая Сибирь» вспоминается лирическому герою стихов через запахи цветов, снега, ощущения свежести, прохлады, вой ветра, звуки просыпающегося утра, через виды озер, рек, гор, степей:

Цветов моей родины благоуханье,
прохлада и свежесть снегов.
Ты – горного озера утром дыханье,
ты – белая птица с него.
«Ангара» [Тропы,1934] [2]

Сибирь в стихах Ачаира предстает через образы сибирской природы: для лирического героя важна сама земля его родины, комочки почвы, хранящие метафизическую составляющую любви к России.

И вижу я... что же? –
что родину... Боже! –
имеет на свете любой.
И ценит, и нежит,
и реже, и реже
по-русски мне жизнь говорит.
И бьются в котомке немые обломки,
комочки родимой земли...
«Обретенная Русь» [Полынь и солнце,1931] [2]

Ачаир подчеркивает волшебную силу русской земли, как в русских былинах про богатырей, где горсть земли питала героя, давала ему силы на чужбине, помогала выстоять против полчищ врагов. Образ «родная земля» («дорогая земля») выражает его отношение к Сибири как к тому первоисточнику, который поможет выстоять в эмиграции, не потерять себя, сохранить свою русскость под крышами фанз. Родная земля дает герою произведений Ачаира силу, стойкость, память и любовь.

А богатства, чем владеет свет,
что он жадно бережет и множит...
Знаешь, – нам *родной земли* привет –
горсть земли – милее и дороже!
«На Родине» [Рубеж, 1932, № 25] [2]

Сибирь – это нечто постоянное и неизменное, некая «константа, устойчивое внутреннее самочувствие, противостоящее жизненным тайфунам» [3]. Герой Ачаира признается ей в любви, считает своим настоящим домом, куда стремится его душа на чужбине. Оттого путешествие в тайгу, пусть маньчжурскую, а не сибирскую, дает лирическому герою Ачаира возможность почувствовать себя «словно на Родине»:

В *родной тайге* ты – дома;
у впадины речной
под кровлей бурелома
ты – словно зверь ручной.
«Ночью в Тайге» [Рубеж, 1939, № 39] [2]

Символично, что лирический герой сравнивает себя со зверем: это парадоксальная отсылка к мечтаниям поэта-эмигранта о возвращении домой, в Сибирь. Таежного зверя практически невозможно приручить в неволе. Но «родная тайга» творит чудеса даже с диким зверем:

И тогда, распластавшись по снегу,
я услышу, почувствую я.
Мне животному, мне человеку, –
быть с тобой, *дорогая земля*.
«Философия вечности» [Сборник А.Т. Тарам, А.Ф. Недельского, В.В. Белоусовой, 1944] [2]

Стихотворения о Сибири пронизаны чувством патриотизма и гордости. Не случайно Ачаира называют «казачьим поэтом» [9], эта тема проходит через все стихотворения писателя – в них вложена душа поэта-казака.

Поэт вспоминает славное казачье прошлое – ведь сибирские казаки всегда были опорой Российской империи и великой силой. Они не сдавались, не предавали, служили своей Родине до конца с честью и верой, казак в русской традиции – неустрашим и непобедим.

Во имя правды, красоты и славы
мы слиты в сталь – в прапрадедовский меч.
В дни детских игр и в юности забавы –
куется он, чтоб Родину беречь.
Казачья правда, мужество и вольность –
девиз России в рыцарском гербе.
Вся наша жизнь – одной тебе достойной,
и наша честь, *Империя*, – тебе»
«Казаки империи» [Под золотым небом, 1940] [2]

Таким образом, Сибирь – это целый мир, включающий прошлое: историю великой Империи, казачью славу и доблесть дедов и отцов, и детские мечты; и настоящее: красоты таежной земли, которая излечит душу и даст силу, и родной дом. Этот мир для Ачаира живой, дышащий, это мир его души и жизни, лирический герой слит с этим миром нераздельно, их связь не могут разорвать ни война, ни эмиграция.

Очевидно, мечты о возможности реализовать идеи «сибирского регионализма» Ачаир долгое время воспринимал как возможность «нести Россию» по странам и континентам.

Мы кинуты жизнью по целому миру
России нести лучезарное имя, –
мы, дети Сибири, мы, стражи Памира, –
кто Родину в сердце и в мире отнимет?
«Вселенская Русь» [Полынь и солнце, 1933] [2]

Можно обобщить, что коннотации образных воплощений представлений о Родине в художественном мире Алексея Ачаира отразили его стремление выполнять в харбинской диаспоре роль культурного героя-просветителя и представителя «сибирского областничества». В своем обращении к древним формам русского этнического сознания, воплощающим мифологизированные представления о Родине как залоге единства и самобытности русских людей, Ачаир выразил чаяния и надежды старшего поколения дальневосточных эмигрантов. В подобном понимании содержательного наполнения образа Родины ему оказались близки А. Паркау и В. Слободчиков [5].

Но назидательный тон, умозрительный характер, многословный дискурс многих стихотворений А. Ачаира, посвященных Родине, стали во многом камнем преткновения в его отношениях с молодым поколением поэтов. Образы «Русской земли», «Вселенской Руси», «Святой Руси» не давали молодежи живых и непосредственных эмоций, необходимых для поощрения и развития патриотических чувств в условиях китайского окружения, новых форм для самовыражения и воплощения своих представлений о Родине. К сожалению, и образ Сибири, наиболее органичный, живой и емкий у Ачаира, не стал для молодого поколения ориентиром – молодежь желала славы, мечтала иметь успех на Западе, среди парижских поэтов, не сумев понять патриотической утопии своего наставника.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арутюнова, Н.Д.* Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

2. *Ачаир, А.* Мне кто-то бесконечно дорог / А. Ачаир. – Москва : Янус-К, 2009. – 428 с.

3. *Горшенин, А*. Дорога к дому / А. Горшенин // Сибирские огни. – 2011. – № 8.

4. *Жутикова, Н.* К столетию со дня рождения А. Ачаира / Н. Жутикова, Е. Таскина // На сопках Маньчжурии. – Новосибирск, 1996. – № 35.

5. *Забияко, А.А.* Дальневосточный фронтир в художественном сознании русских эмигрантов / А.А. Забияко // Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронтира / под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2015. – С. 142–158.

6. *Забияко, А.А*. Ментальность дальневосточного фронтира: культура и литература русского Харбина : моногр. / А.А. Забияко ; М-во образ. и науки РФ, Амурский гос. ун-т. – Новосибирск : Изд-во Сибирского отд-ния Рос. акад. наук, 2016. – С. 3.

7. *Забияко, А.А.* Синэстезия: метаморфозы художественной образности / А.А. Забияко ; Амур. гос. ун-т. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2004. – С. 21.

8. *Забияко, А.А.* Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронтира / А.А. Забияко, А.П. Забияко, С.С. Левошко ; под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2015. – 462 с.

9. *Забияко, А.А.* Тропа судьбы А. Ачаира / А.А. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2007. – 250 с.

10. *Забияко, А.П.* На сопках Маньчжурии: русский опыт исхода и диаспоризации / А.П. Забияко // Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронтира / под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2015. – С. 3–14.

11. *Забияко, А.П.* Начала древнерусской культуры / А.П. Забияко. – Москва : Московские учебники, 2002. – 237 с.

12. *Забияко, А.П.* Порубежье / А.П. Забияко // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2010. – Вып. 9. – С. 5–10.

13. *Зализняк, А.* Преодоление пространства в русской языковой картине мира / А. Зализняк // Ключевые идеи русской языковой картины мира : сб. ст. – Москва : Языки славянской культуры, 2005. – С. 96–109.

14. *Зализняк, А.* Отражение «национального характера» в лексике русского языка / А. Зализняк, И.Б. Левонтина // Ключевые идеи русской языковой картины мира : сб. ст. – Москва : Языки славянской культуры, 2005. – С. 307–335.

15. *Зализняк, А.* Ключевые идеи русской языковой картины мира : сб. ст. / А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. – Москва : Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.

16. *Зализняк, А.* Ключевые идеи русской языковой картины мира / А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев // Отечественные записки. – 2002. – № 3.

17. За плотно закрытой дверью. Дело Алексея Грызова // Человек и закон. – 1992. – № 6–7.

18. Новый журнал (Нью-Йорк). – 2009. – № 256.

19. *Росов, В.* «Молодая Чураевка» в письмах Георгия Гребенщикова и Алексея Ачаира // Новый журнал (Нью-Йорк). – 2009. – № 256. – С. 239–263.

20. *Стефаненко, Т.Г.* Этнопсихология / Т.Г. Стефаненко. – Москва : Институт психологии РАН, Академ. проект, 1999. – 320 с.

21. *Таскина, Е.П.* Литературное наследие русского Харбина / Е.П. Таскина // Харбин. Ветка русского дерева. – Новосибирск, 1991.

22. *Фэн, Ишань.* Любимый Харбин – город дружбы России и Китая / Фэн Ишань // Материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 120-летию русской истории г. Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае (Харбин, 16–18 июня 2018 г.) / отв. ред. Ли Яньлин ; пер. на кит. яз., лит. ред. Чжоу Синьюй [и др.]. – Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2019. – С. 242–250.

23. *Хисамутдинов, А.А.* Российская эмиграция в Китае: опыт энциклопедии / А.А. Хисамутдинов. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 360 с.

24. *Шмелев, А.Д.* Можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка? / А.Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира : сб. ст. – Москва : Языки славянской культуры, 2005. – С. 17–24.

25. *Шмелев, А.Д.* Лексический состав русского языка как отражение «русской души» / А.Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира : сб. ст. – Москва : Языки славянской культуры, 2005. – С. 25–36.

DOI:

ОЦЕНКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ УСПЕШНОСТИ ОБУЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

С.В. Коломийцева

Е.П. Суляндзига

В работе сформулированы показатели успешности обучения, среди которых наличие навыков самостоятельной работы, сформированное понятийное мышление, самоосознание достижений. Статистический анализ результатов анкетирования студентов подтвердил значимость участия старших членов семьи в образовании молодого поколения как фактора успешности профессионального образования личности. Показано, что внимание к ребенку в семье в период обучения в начальной и средней школе оказывается необходимым элементом успешности в условиях преемственности образования.

Ключевые слова: преемственность образования, высшая школа, Дальний Восток, статистический анализ.

ASSESSING INDICATORS OF LEARNING SUCCESS IN TERMS OF EDUCATIONAL CONTINUITY IN THE FAR EAST

S.V. Kolomiytseva

E.P. Sulyandziga

The article formulates indicators of learning success, including the availability of skills for independent work, formed conceptual thinking, self-recognition of achievements. Statistical analysis of the student survey results has confirmed the importance of senior family member participation in the education of the younger generation as a factor of success in the professional education of the individual. It was shown that the attention to a child in the family during the education in primary and secondary schools is a necessary element of success in the conditions of educational continuity.

Key words: education continuity, higher education institutions, Far East, statistical analysis.

Рыночные отношения, реконструкция общественного производства и создание территорий опережающего социально-экономического развития на Дальнем Востоке [12] формируют новый социальный заказ на подготовку специалистов, а также предъявляют новые требования к личности. Молодому человеку необходимо определиться в социально-экономической ситуации, выбрать профессиональную деятельность, которая востребована современной экономикой, соответствует общеобразовательной подготовке, желаниям, возможностям и интересам личности, что позволит максимально приблизиться к идеальному соотношению составляющих успеха в профессии.

Приобретаемые человеком знания, умения и навыки должны способствовать его всестороннему и гармоническому развитию, позволить адаптироваться к современному обществу, активно участвовать в экономической, социальной и политической жизни, чтобы любая его деятельность приобретала наибольшую социальную ценность, служила социальному и научно-техническому прогрессу.

Развитие информационного общества суть стремительное накопление знаний, инновации технологий, востребованность информационных технологий в создании и использовании объектов техногенной реальности, масштабы распространения и применения которых проявляются как вширь (общемировая тенденция проникновения во все сферы реализации социума), так и вглубь (повышение интеллектуализации деятельности и ее результатов) [6].

В современном информационном обществе внешняя среда человека характеризуется совокупностью сложных техногенных факторов, ростом

Коломийцева Светлана Валерьевна – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры высшей математики Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Kolomiytseva Svetlana Valerievna – Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor of the Higher Mathematics Department at Far Eastern State Transport University (Khabarovsk).

E-mail: skolomy@gmail.com

Суляндзига Елена Петровна – доцент кафедры высшей математики Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Sulyandziga Elena Petrovna – Associate Professor of the Higher Mathematics Department at Far Eastern State Transport University (Khabarovsk).

© Коломийцева С.В., Суляндзига Е.П., 2020

интеллектуализации деятельности, пластичностью, динамичностью, глобальностью, интенсификацией процессов автоматизации работы с информацией. Это может привести к новым формам социального неравенства, повышению нагрузки на человека, реформированию требований к «человеческому капиталу», трансформации форм социальности. Поэтому возникает концепция диверсификации, меняются статус и парадигма профессионального образования, повышаются уровень требований к его качеству и структуре. Все более сложными становятся осознание и реализация личностью предъявляемых к ней требований для выполнения конкретных трудовых и социальных функций.

В современном образовании выделяется несколько уровней, которые фактически реализуются обособленно друг от друга. На любом образовательном уровне у участников процесса предполагается наличие заранее определенных, специфических отношений, стратегий поведения, организации обучения, характера образовательной деятельности. У неподготовленного на предыдущей ступени обучения учащегося затягивается период адаптации к новым условиям, это негативно сказывается на качестве образования и мешает успешному всестороннему развитию личности. В последние годы разрыв между уровнем образования абитуриентов и исторически сложившимися требованиями отечественной высшей школы стал все более отчетливо увеличиваться. Поэтому вопросы непрерывности и преемственности образования не теряют актуальности.

Идея преемственности различных этапов образования широко обсуждается в трудах российских и зарубежных педагогов всех уровней образования [1]. Поднимаются вопросы, касающиеся организации работы образовательного учреждения, создания образовательной среды с единой методологией, структурирования поля знаний, использования элективных курсов, расширения профильного образования в рамках школы, развитие самостоятельной работы обучающихся и многие другие.

В зависимости от развиваемых подходов к анализу преемственность определяется как методологический (Б.С. Баллер, А.А. Кыверялг, Д.С. Ягофарова и др.), педагогический (А.П. Беляева, Г.С. Годник, Ю.А. Кустов и др.) или дидактический (Б.С. Гершунский, В.В. Краевский, В.С. Леднев, И.Я. Лернер, М.И. Махмутов) принципы. Нередко преемственность понимается как форма связи между элементами системы обучения (А.А. Люблинская и др.) или педагогическое условие учебного процесса (М.Ш. Семикова, О.К. Филатов, Д.В. Чернилевский, Э.С. Черкасова и др.). Преемственность рассматривается и как один из аспектов таких дидактических принципов, как систематичность и последовательность обучения (А.Д. Бондарь, С.Я. Батышев, И.Т. Огородников, Н.А. Сокорин и др.) [13].

Согласно педагогическому словарю [2] можно выделить следующие определения преемственности:

1. *Преемственность* – связь между явлениями в процессе развития в природе, обществе и познании, когда новое, сменяя старое, сохраняет в себе некоторые его элементы. В обществе означает передачу и усвоение социальных и культурных ценностей от поколения к поколению, от формации к формации. В педагогике преемственность означает связь между различными ступенями (этапами) воспитательной системы.

2. *Преемственность в образовании* – непрерывающаяся связь между различными этапами и стадиями в историческом развитии образовательной теории и практики, базирующаяся на сохранении и последовательном обогащении общих традиций и более частного позитивного опыта, на их постоянном качественном обновлении с учетом изменений, происходящих в жизни общества, и нового содержания образовательных потребностей.

3. *Преемственность обучения* – один из принципов дидактики, предусматривающий определенный порядок и последовательность в освоении знаний, достижении понимания и формировании умений. Каждый элемент учебного материала должен быть логически связан с ранее усвоенными, а каждая новая ступень обучения должна опираться на предыдущую и готовить к освоению нового, к переходу на более высокую ступень в развитии интеллектуальных способностей. Посредством преемственности достигается целостность пожизненного образовательного процесса и его восходящий характер.

4. *Преемственность в воспитании* – многоступенчатое воспитательно-образовательное пространство, в котором конкретная ступень охватывает определенный жизненный рубеж человека, формируя у него необходимые личностные и профессиональные качества. При этом каждая ступень вытекает из предыдущей, логически вписывается в последующую, составляя таким образом непрерывность воспитательной деятельности. Многоступенчатость и преемственность непрерывного процесса воспитания обращены к человеку, тесно связаны с содержанием образовательно-воспитательных программ, уровнем профессионального образования, типом образовательного учреждения и характером трудовой деятельности индивида.

Принципы преемственности образования:

1. *Дидактический принцип* – включает в себя содержательную, организационную преемственность, преемственность умений, навыков, компетенций.

2. *Методологический принцип* – во-первых, последовательность и согласованность образовательных программ, т.е. обязательность для каждой обра-

зовательной программы опираться на предыдущую и ориентироваться на последующую. Во-вторых, это взаимосвязь, взаимная поддержка и непротиворечивая деятельность различных образовательных учреждений и органов управления образованием.

3. *Социологический принцип* – социологическое определение преемственности в образовании как процесса социального взаимодействия участников образования, при котором на основании прошлого образовательного опыта формируется новый, обеспечивающий непрерывное воспроизводство, изменение и развитие системы и института образования, а также становление и развитие личности посредством образования.

Социлогический принцип выделяет такие виды преемственности, как мотивационная, социально-ролевая, ценностная, культурно-досуговая, социально-бытовая, преемственность профессионального самоопределения. Это функциональное взаимодействие с другими социальными институтами (семья, культура, производство, наука, армия и т.д.), базирующееся на использовании результатов деятельности друг друга, взаимосвязях социальных общностей в сфере образования.

Очевидно, что преемственность образования есть многогранный процесс накопления, передачи, преобразования и усвоения социального опыта и профессиональных компетенций, и в разных своих аспектах может проявляться по-разному. В данной статье преемственность рассматривается как взаимопроникновение социологического и дидактического принципов.

Обеспечение единства непрерывности и взаимопроникновения социологического и дидактического принципов образовательного процесса на всех ступенях обучения, начиная с самого раннего – дошкольного, позволяет наиболее эффективно решать вопросы воспитания и обучения каждого ребёнка, что определяет как формирование целостной, гармонично развитой личности, так и качество и успешность обучения в целом.

Сформулируем основные показатели успешности обучения в условиях преемственности образования.

1. *Наличие навыков самостоятельной работы.*

Согласно мнению многих исследователей (А.В. Барыбин, А.С. Елизаров, А.Р. Ганеева, Э.А. Сарибекова и др.) самостоятельная работа содержит в себе большой потенциал для активизации внутренних познавательных мотивов студента к приобретению новых знаний и его стремлению к саморазвитию и самосовершенствованию [5]. Помимо того, что самостоятельная работа активизирует работу студентов, она обладает еще одним важным достоинством – носит индивидуализированный характер. Использование источников информации каждым студентом зависит от своих собственных потребностей и возможностей. Это свойство самостоятельной работы придает ей гибкий адаптивный характер, что значительно повышает ответственность каждого отдельного студента и, как следствие, его успеваемость.

На момент поступления в вуз только 40 % абитуриентов способны самостоятельно работать с различными источниками информации, около 80 % студентов, самостоятельно выполняющих действия по решению учебных проблем и выполнению домашних заданий, нуждаются в дополнительных консультациях с преподавателем. Фактически около 95 % студентов испытывают потребность в помощи при выполнении различных учебных задач, в связи с чем роль педагогической поддержки студентов существенно возрастает. Большинство студентов испытывают трудности в нормировании, планировании и организации своей самостоятельной работы. Самостоятельная работа многих студентов отличается своей неэффективностью: несмотря на большие затраты времени, им не удается достичь высоких результатов, что говорит об их неумении работать самостоятельно.

Причем на первом курсе отсутствие данного умения чаще всего компенсируется определенным запасом школьных знаний, однако по мере усложнения усваиваемого материала и приобщения студентов к различным видам самостоятельной работы, требующим творческого поиска, это умение становится определяющим для **успешности** учебной деятельности старшекурсников. Также актуальность проблемы овладения студентами методами самостоятельной познавательной деятельности обусловлена тем, что в период обучения в вузе закладываются основы профессионализма, формируются умения самостоятельной профессиональной деятельности. Поэтому важно, чтобы студенты осознавали, что самостоятельная работа способствует активизации познавательной деятельности и становится подлинным достоянием личности.

Среди факторов, отрицательно влияющих на производительность самостоятельной работы, выделим несформированность у значительной части студентов общих и специальных учебных умений. Отсутствие сформированных общих учебных умений проявляется прежде всего в неумении студентов оптимально организовать свою самостоятельную работу, в привычке откладывать выполнение заданного объема на последний момент. Это неизбежно приводит к неравномерности нагрузок и отсутствию систематичности занятий [8].

2. *Операционный стиль мышления.*

Способ мыслительной деятельности, когда для решения каждой поставленной задачи человек применяет алгоритмический подход. Операционный стиль мышления, с одной стороны, является важнейшим фактором формирования профессиональных компетенций будущего выпускника и профессио-

нальным стилем мышления специалиста-инженера, с другой – является когнитивным инструментом, обеспечивающим как познавательную, так и инновационную деятельность любого специалиста, что способствует повышению его конкурентоспособности на рынке труда, дает вклад в разработку прорывных технологий и прогнозирует существенный прирост экономики в современных условиях [6].

Операционный стиль мышления означает: умение планировать структуру действий, необходимых для достижения цели; умение аргументированно выбрать оптимальный метод решения из имеющегося широкого, но ограниченного арсенала доступных методов; умение реагировать на взаимодействие среды и оценивать эффективность своего алгоритма. Всё это оказывает существенное влияние на успешность обучения. Тогда при решении профессиональных и практических задач человек пользуется всеми этими навыками для реализации пооперационного технологического процесса и алгоритмической составляющей информационного процесса.

Еще одной характеристикой операционного стиля мышления является *дисциплина и структурирование языковых средств коммуникации*. Известно, что в процессе мыслительной деятельности человек оперирует образами. Чтобы передать свою мысль собеседнику, ее необходимо облечь в некоторую сигнальную, чаще всего вербальную форму. Элементы этой формы – слова – обладают своим смыслом, который подчас зависит как от общего контекста изложения, так и от ряда невербальных сигналов, сопровождающих речь человека. Для того чтобы собеседник правильно понял высказанную мысль, ее необходимо формулировать в четкой и, по возможности, однозначной понятийной форме. Недостаточность этой способности компенсируется мимикой, эмоциями, жестами – образами. Владение языковыми средствами коммуникации в различных системах позволяет выстраивать успешное общение на разных уровнях абстракции.

3. *Сформированное понятийное мышление.*

Когнитивное развитие с точки зрения обработки информации [15]. До сих пор психологией не освоено его философское определение и не осмыслена специфика его формирования, о которой говорил Л.С. Выготский. Психологи до сих пор представляют развитие понятийного мышления как саморазвитие. Понятийное мышление как социальный феномен не подчиняется законам возрастного созревания. Его операторные единицы – понятия – по своему происхождению являются результатом длительного процесса развития познания, концептуальным выражением исторически достигнутого человечеством знания, но не итогом деятельности отдельного человека. Формирование понятийного мышления происходит в процессе познания людьми объективных законов природы и общества, научно-исследовательской деятельности человечества. Л.С. Выготский считал формирование понятийного мышления основной задачей интеллектуального развития индивида. Он выделял особый процесс – развитие значения слова, который предшествует формированию понятийного мышления: «Ребенок не выбирает значение слова. Оно ему дается в процессе речевого общения со взрослыми. Ребенок не спонтанно относит данное слово к данной конкретной группе. Он только следует за речью взрослых, усваивая уже установленные и данные ему в готовом виде конкретные значения слов» [3].

Понятийное мышление ребенка развивается в процессе его общения со взрослыми и освоения научных знаний. Любая наука представляет собой систему, где все законы, формулы, правила находятся в определенных взаимосвязях между собой. Они организуются по принципу «понятийной пирамиды», верхушку которой образуют аксиоматические положения, трансформирующиеся далее от более общих к более частным понятиям. Получаемые ребенком научные знания организуются в понятийные структуры, и тем самым постепенно им усваивается общий понятийный принцип структурирования информации, т.е. формируется понятийное мышление. Таким образом, понятийное мышление является субъективной формой отражения сущностной стороны явлений и объективных законов окружающего нас мира. В понятийном мышлении анализ и систематизация информации осуществляются с опорой на существенные характеристики предметов и явлений в отличие от классификации объектов по любым, общим для них признакам. Обобщив, можно определить три основных момента в формировании понятийного мышления: умение выделять суть явления, объекта; умение видеть причину и прогнозировать последствия; умение систематизировать информацию и строить целостную картину действительности.

Однако интеллектуальное развитие до сих пор остается стихийно протекающим процессом, в результате которого у абсолютного большинства взрослых людей понятийное мышление оказывается несформированным.

Те, кто обладают понятийным мышлением, адекватно понимают реальную ситуацию и делают правильные выводы, а те, кто не обладают… Они тоже уверены в правильности своего видения ситуации, но это их иллюзия, которая разбивается о реальную жизнь. Их планы не реализуются, прогнозы не сбываются, но они считают, что виноваты окружающие люди и обстоятельства, а не их неправильное понимание ситуации.

По данным разных исследователей, **меньше 20 % людей обладают полноценным понятий-**

ным мышлением. Это те, кто изучал естественные и технические науки, научился операциям выделения существенных признаков, категоризации и установления причинно-следственных связей.

4. *Самоосознание достижений*.

Развитие самосознания – этап в процессе онтогенеза, в ходе которого у ребёнка появляется понимание того, что он собой представляет, какими качествами обладает, как относятся к нему окружающие и чем вызвано это отношение. Наиболее явно самосознание проявляется в самооценке, самоосознании, т.е. в том, как ребёнок оценивает свои достижения и неудачи, свои качества и возможности [7].

Верная самооценка предполагает критическое отношение к себе, постоянное примеривание своих возможностей к предъявляемым жизнью требованиям, умение самостоятельно ставить перед собой осуществимые цели, строго оценивать результаты своей мыслительной деятельности, подвергать тщательной проверке выдвигаемые догадки, вдумчиво взвешивать все доводы «за» и «против», отказываться от неоправдавшихся гипотез и версий. Верная самооценка поддерживает достоинство человека и дает ему нравственное удовлетворение и не только. Главные функции самооценки – регуляторная, на основе которой происходит решение задач личностного выбора, и защитная, обеспечивающая относительную стабильность и независимость личности.

Генетическая потребность в оценке – более раннее образование, чем потребность в самооценке. Психологи отмечают большое значение потребности в положительной оценке для развития личности: индивид нуждается в одобрении и уважении других людей. На основе этого уважения возникает самоуважение, которое становится важнейшей потребностью индивида. Оценки окружающих личности и достижений индивида играют значительную роль в формировании правильной самооценки [11]. С возрастом самооценка как мотив поведения и деятельности становится достаточно устойчивым и самостоятельным фактором формирования личности, не зависящим от оценок окружающих и более значимым, чем эти оценки. Человек на основе оценки своих возможностей предъявляет к себе определенные требования и поступает в соответствии с ними.

Авторы полагают, что формирование у молодого человека понятийного мышления, навыков самостоятельной работы, операционного стиля мышления, самоосознания достижений есть формирование ключевого стратегического качества непрерывного образования «умения учиться». Тогда при поступлении в вуз абитуриент должен и будет обладать следующими общеобразовательными умениями и навыками:

– может выполнять действия по указанному алгоритму;

– может улучшать навыки учебной деятельности;

– умеет работать самостоятельно;

– умеет работать с книгой;

– воспринимает вербальную информацию (слушает и слышит лекцию, доклад);

– умеет систематизировать информацию;

– владеет методами анализа и синтеза информации.

Наблюдая в своей работе ухудшение и даже отсутствие указанных умений, авторы согласны с выводами Л.А. Ясюковой о наличии ряда проблем у выпускников школ и необходимости изменения школьной программы в части изучения дисциплин естественно-научного цикла [14].

Однако в рамках взаимовлияния дидактического и социологического принципов непрерывного образовательного процесса не стоит недооценивать роль *семьи* на всех этапах обучения и развития личности.

Для оценки показателей успешности обучения и влияния психологического и личностного аспектов преемственности образования «школа–вуз» было проведено анонимное анкетирование 487 студентов ДВГУПС различных направлений подготовки и годов обучения. К анкетированию были предложены вопросы, составленные авторами, респонденты могли отвечать не на все вопросы, а некоторые вопросы подразумевали возможность нескольких вариантов ответа одновременно. Результаты анкетирования внесены в табл. 1, 2.

Таблица 1

Вопросы с двумя вариантами ответов

Вопрос	Результаты в процентах	
1. Кто научил вас читать и считать	Дома 82 %	На курсах подготовки 18 %
2. Любили ли вы в детстве читать или смотреть детские энциклопедии, справочники, занимательные книжки	Да 85 %	Нет 14 %
3. Помогали ли вам делать уроки в 1-м классе	Да 78 %	Нет 21 %
4. Помогали ли вам выучить таблицу умножения	Да 60 %	Нет 40 %
5. Помогали ли вам делать уроки в средних классах	Да 36 %	Нет 64 %
6. Если возникал вопрос по выполнению домашнего задания, вы обращались к родителям	Да 74 %	Нет 25 %
7. Пользуетесь ли вы справочниками, словарями и другой справочной литературой	Да 84 %	Нет 16 %
8. Помогали ли вам делать уроки в старших классах	Да 5 %	Нет 94,5 %

Окончание табл. 1

Вопрос	Результаты в процентах	
10. Дома вам предлагали помощь при выполнении домашнего задания или подготовке к сочинению, экзамену и проч. (инициатива родных)	Да 55 %	Нет 45 %
11. Дома вы обсуждаете интересные научно-популярные или научные фильмы, факты и т.д.	Да 65 %	Нет 33,5 %
14. Считаете ли вы, что нужно изменить школьное образование – если ребенок гуманитарий, то не заставлять его изучать точные науки, и наоборот	Да 42 %	Нет 58 %
15. За все время обучения было такое – вы пришли домой и сказали: «Сегодня был очень интересный урок (тема, занятие)»	Да 78,7 %	Нет 21,3 %
16. В университете вы узнали хотя бы один научный факт, который вас удивил, заинтересовал и, как вам кажется, запомнится навсегда	Да 77 %	Нет 22 %
21. Родители, бабушки, дедушки рассказывали вам истории из своего детства	Да 92 %	Нет 7 %
22. С друзьями вы обсуждаете научные или научно-популярные факты	Да 79 %	Нет 21 %

Таблица 2

Вопросы с несколькими вариантами ответов

Вопрос	Результаты в процентах				
9. Сколько детских толстых книг вам прочли дома (больше 300 страниц)	Меньше 5 39 %	От 5 до 10 12 %	Больше 10 22 %	–	–
12. Что в большей степени повлияло на формирование вашего кругозора	Школа 46 %	Дом 12 %	Книги 19 %	Сам 50 %	–
13. Самый трудный предмет в школе	Математика 19 %	Физика 20,5 %	Химия 33 %	Языки (русский или иностранный) 11 %	–
17. Что вам кажется самым важным в начальном образовании	Дисциплина 44 %	Роль учителя 60 %	Строгость родителей 17 %	Дружба в классе 45 %	–
18. Что вам кажется самым важным в школьном образовании	Знания 30 %	Роль учителя 37 %	Дисциплина 18 %	Кругозор (получение общих знаний) 23 %	Общение со сверстниками 12 %
19. Что бы вы выбрали для образования своего ребенка: основное обучение: обычная школа, физмат-школа или гимназия (например, языковая); дополнительное образование: спортивная секция, музыкальная школа, языковая школа	Обычная школа 33 %	Профильная школа 60 %	Спортивная секция 59 %	Языковые курсы 39 %	Музыкальная школа 20 %
20. Если у вас есть проблемы в образовании, их причина	Начальные классы 8 %	Средние классы 23 %	Старшие классы 27 %	–	–
23. Как вы думаете – уровень образования в ДФО отличается от образования в других (не столичных) регионах России	Выше 21 %	Ниже 23 %	Такой же 52,5 %	–	–
24. Знаете ли вы, что будет результатом вашего обучения в вузе (выберите)	Знания 68 %	Умения 62 %	Навыки 60 %	Компетенции 28 %	–

Результаты анкетирования показывают, что вопреки впечатлениям педагогов всем учащимся присуща заложенная самой природой любознательность, которая не исчезает с возрастом. А именно в дошкольном и младшем школьном возрасте 85 % опрошенных любили смотреть и читать энциклопедии, занимательные книжки (принцип «хочу все знать» работал абсолютно), в школе обращались к родителям за помощью в учебе 74 %, пользуются справочной литературой 84 %, обсуждают дома научно-популярные факты 65 %. Положительно ответили на вопрос: «за все время обучения было такое – вы пришли домой и сказали: "Сегодня был очень интересный урок (тема, занятие)"?» 78,7 % опрошенных, на вопрос: «в университете вы узнали хотя бы один научный факт, который вас удивил, заинтересовал и, как вам кажется, запомнится навсегда?» 77 %, на вопрос: «с друзьями вы обсуждаете научные или научно-популярные факты?» 79 %. Это показывает, что никакие факторы образовательного процесса, уровень подготовки студента, его личностные качества не изменяют стремления узнавать новое (рисунок).

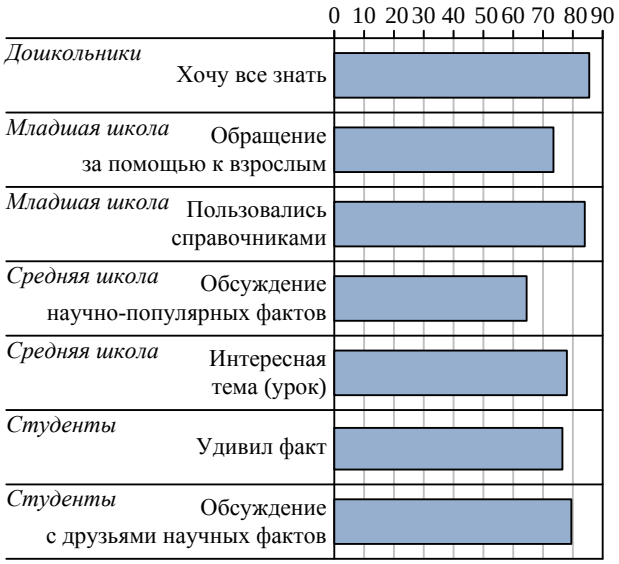

Рисунок. Динамика изменения любознательности с возрастом

Человек в начале своей жизни должен получить разнообразные необходимые знания, и на ранних этапах развития человечества, как и в современных сообществах уровня развития «охотник-собиратель», такие знания для выживания ребенок получает в семье, которая полностью ответственна за навыки и умения потомства. Постепенно с развитием цивилизации многие задачи образования и обучения молодого человека были переданы из семьи в специально созданные учебные заведения. Поэтому теперь роль семьи в образовательном процессе многими (родителями) понимается в неверно упрощенном виде. От семейного образования остались лишь рассказы взрослых о своем детстве. Многие анкетируемые затруднялись ответить на вопрос 9: «сколько детских толстых книг вам прочли дома?», отвечали приблизительно, т.е. чтение книг не было значимым событием их детства, и только 22 % опрошенных ответили, что им прочли более десяти книг. Это показывает, что взрослые перестают читать детям, умеющим читать, тем самым умаляя время живого, продуктивного в плане обучения общения с детьми. Также такое чтение – не только источник информации, но и показатель важности общения родителей с детьми, а для ребенка – важности интересов ребенка для его родителей.

Разделим понятие «роль семьи в образовании» на общекультурную и дидактическую составляющие. Осознание родителями важности «детских» проблем и самовосприятия ребенка, помощи семьи в инициации и формировании структуры образовательного процесса включим в общекультурную составляющую. К дидактической составляющей отнесем роль родителей в непосредственном получении знаний по изучаемым дисциплинам, формировании кругозора ребенка. Обратимся к результатам анкетирования.

Общекультурную составляющую характеризуют вопросы 1–5. Практически всех детей (82 %) научили читать и считать дома. Помогали делать уроки в 1-м классе 78 %. Помогали выучить таблицу умножения 60 %, делать уроки в средних классах 36 %, в старших классах 5 %. Наглядно видно, что инициация учебы в школе воспринимается родителями как важная задача, в решении которой необходимо принять участие, но чем старше становится ребенок, тем меньше помощи он получает от родителей как обучающийся. Только половина родителей интересуются учебой ребенка и помогают делать уроки детям младшего школьного возраста, часто ограничиваясь вопросами: «ты уроки сделал?», «что получил?». К моменту поступления ребенка в среднюю школу большая часть родителей считают, что он уже достаточно взрослый для самостоятельного выполнения всех функций обучающегося, и важный этап перехода из начальной школы в среднюю остается практически без внимания родителей. Таким образом, ученик оказывается один на один со всеми возникающими учебными проблемами, и 50 % опрошенных ответили, что свой кругозор сформировали они сами (хотя заметим, что на этот вопрос можно было указать несколько вариантов ответа).

Дидактическая составляющая роли семьи в образовании крайне мала (вопросы 6, 9, 10, 12). Рассмотрим результаты анкетирования во временном интервале: 73 % родителей читали книги детям дошкольного возраста, хотя и в разном объёме, 74 % детей обращались к родителям за помощью в учебе, и 55 % родителей сами предлагали такую помощь, но только 12 % респондентов отметили роль родителей в формировании своего кругозора.

Посмотрим на этап начальной-средней школы глазами ученика. 46 % респондентов заявили, что их кругозор в большей мере сформирован школьным образованием. 58 % опрошенных отрицательно ответили на вопрос: «считаете ли вы, что нужно изменить школьное образование – если ребенок гуманитарий, то не заставлять его изучать точные науки, и наоборот?», хотя самыми трудными предметами в школе большинство отметили естественно-научные дисциплины, химию назвали 33 % опрошенных, математику 19 %, физику 20,5 %. Интересно, для кого чиновники от образования упорно реформируют среднюю школу?

В вопросе: «что вам кажется самым важным в начальном образовании?» 44 % респондентов отметили формирование учебной дисциплины, 60 % – важность роли учителя, 45 % – общение в классе, все эти результаты опосредованно указывают на серьёзные учебные и личностные проблемы, с которыми столкнулись дети в начальной школе. На вопрос: «что вам кажется самым важным в школь-

ном образовании?» 30 % респондентов ответили «знания», 23 % указали формирование кругозора, 37 % отметили роль учителя, используя выражения «умение заинтересовать», «увлеченность предметом», «отношение к ребенку, как к личности», «привить любовь к образованию», «индивидуальный подход к ученику». С одной стороны, здесь проявляется желание найти виновных в своей неуспеваемости, с другой, это тревожный признак, что в школе дети сталкиваются с неуважением, равнодушием и даже унижением со стороны учителя, жесткой авторитарностью. Нередко ученик не имеет права на ошибку, ослушавшись учителя раз, потом трудно выйти из группы необучаемых, изменить отношение к себе.

Очевидно, что вовремя определить и решить возникающие проблемы должны родители (или активно помочь детям в решении проблем). Но сами дети не считают, что роль родителей в их школьном образовании так важна. И это мнение суть долговременный контрпродуктивный фактор – став родителями, молодые люди будут так же общаться со своими детьми, не изменяя роли родителей в образовании, хотя считают важным разностороннее среднее образование: 60 % хотели бы обучать своих детей в профильных школах (или классах) одновременно с занятиями в спортивной секции, 39 % считают важным изучение иностранного языка в рамках дополнительного образования. Этот результат подтверждает и всероссийский опрос ВЦИОМ-Спутник 7 мая 2019 г., проведенный методом телефонного интервью, где большинство молодых людей в ответе на вопрос: «что больше всего повлияло на выбор вашей профессии?» указали: «собственные интересы, увлечения» – 33 %, «престиж профессии, возможность карьерного роста» – 27 %. Это вновь подтверждает важность социологического принципа преемственности школьного этапа образования, на котором как раз и формируются «интересы, увлечения, понятие престижа профессии» молодого человека [4].

Учеба в школе – это трудная, многогранная работа. Перед учениками поставлены разнообразные учебные задачи, обозначены приоритеты ОГЭ и ЕГЭ, но большинству приходится решать эти задачи в режиме одиночества. Надо признать, в средней школе родители самоустраняются от роли семьи в образовании – нет моральной поддержки ребенка при появлении трудностей восприятия, понимания, усвоения нового учебного материала, но сохраняются жесткие меры воздействия. Родители, самые близкие люди для небольшого еще человека, первыми должны прийти на помощь в любых его делах, поддержать в преодолении трудностей, помочь решить непонятную задачу, ответить на вопросы к параграфу, подготовить доклад на тему. Даже если взрослый не обладает достаточными знаниями по предмету, простые желание и готовность помочь важны сами по себе. Помогая ребенку младшего возраста, мы показываем, как важны для нас его успехи, трудности и победы. Примечательна заметка на сайте русской службы BBC: «…репетиторы в Лондоне всё чаще отмечают интересную тенденцию среди родителей школьников: те берут курсы по предмету, которым их дети дополнительно занимаются с преподавателями, чтобы не отставать от своих чад» [9], родители обеспокоены, что не могут помочь детям при выполнении домашнего задания, и хотят исправить ситуацию.

Поддержка родителей является той базой, на которой крепнет самостоятельность ребенка, небоязнь трудностей учебы, желание учиться, самоосознание достижений. Что на практике? Общение сводится к формуле «вымыт-сыт-одет». Не понял тему, побоялся спросить у учителя, у родителей, получил двойку, запись в дневнике, нагоняй от родителей, нерешенная проблема постоянно портит настроение, пропадает чувство радости, изменить ситуацию ребенок не может и находит один простой выход – когда проблем становится много, лучше о них вообще не думать. Это подтверждают результаты анкетирования, когда опрошенные, вольно или невольно вскрывая различные проблемы их школьного образования, одновременно утверждают, что не имели таких проблем. Вырастает поколение старших школьников, которых всегда и все ругали, и никто не интересовался, чем и как им помочь. И это поколение уже личностей, у которых нет навыков самостоятельной работы, не сформировано «умение учиться». При недоразвитии показателей успешности обучения нарушается социологический принцип преемственности образования. А в условиях реформирования всех ступеней образования, когда, хотя и в разной мере, нарушаются и другие его принципы, суммарно нарушения не компенсируются и становятся очевидными.

В вопросе об уровне образования в вузах Дальневосточного региона респонденты не выделили отличий обучения в вузе Дальнего Востока от обучения в любом другом вузе страны. Это означает, что оценки «рейтинга, престижности вуза» не влияют на выбор вуза обучения, и абитуриенты готовы обучаться в вузах Дальневосточного региона, выбирая направление подготовки по своим интересам и престижности будущей профессии. Такой результат подтверждает и опрос ВЦИОМ-Спутник, где только 1 % молодых людей при ответе на вопрос: «что больше всего повлияло на выбор вашей профессии?» отметили «высокий уровень обучения по данной профессии в выбранном вузе». По итогам мониторинга Центра экономики непрерывного образования Института прикладных экономических исследований РАНХиГС «Выбор семьями образовательных

траекторий для детей» 71,7 % родителей считают высшее образование обязательным, причем половина опрошенных выбирают для обучения детей вузы своего региона. Самыми востребованными специальностями 39,8 % родителей называют информационные и компьютерные технологии, 35 % медицину, 29,5 % инженерные специальности. А это еще раз подтверждает приоритет изучения естественно-научных дисциплин, формирования понятийного мышления, важность общекультурной и дидактической составляющих роли семьи в образовании, необходимость развития социологического принципа преемственности. Оценивая результаты опросов в целом, можно утверждать постоянную востребованность обучения в вузах Дальнего Востока, прогнозировать рост интереса к обучению информационным технологиям и инженерным специальностям и ставить задачу роста показателей успешности обучения в прямой взаимосвязи с развитием социологических и личностных аспектов преемственности образования через усиление роли семьи [10]. Следует отметить проблему удаленности Дальневосточного региона, что, по нашему мнению, отрицательно сказывается на раскрытии потенциала детей и педагогов. Ребятам трудно побывать в лагерях и летних предметных школах федерального уровня, где работают педагоги, формирующие научную и инженерную элиту, а такое общение невозможно переоценить. Педагогам, особенно естественно-научных дисциплин, необходимы стажировки в ведущих вузах страны. Безусловно, такая работа ведется, но она «точечная», тенденция доморощенности кадров не идет на пользу развитию образования региона.

Оценивая результаты анкетирования, авторы на примере студентов одного из вузов Дальнего Востока рассмотрели социальный и личностный аспекты преемственности образования, уделив основное внимание роли семьи в образовании. Утверждая идею единства социологического и дидактического принципов преемственности образования, проанализировали общекультурную и дидактическую составляющие понятия «роль семьи». Авторы считают, что решению проблем преемственности образования в Дальневосточном регионе будут способствовать выездные семинары преподавателей вузов, создание факультативов «будущих родителей», активизация самообразования родителей под руководством школьных родительских комитетов, привлечение педагогов-предметников к работе в начальной школе, увеличение числа лицейских классов, расширение профильных естественно-научных смен в детских летних оздоровительных лагерях, сотрудничество образовательных учреждений с предприятиями региональной экономики и, наконец, изменение критериев целевого набора в вузы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архипова, С.В.* Преемственность в образовании: социологический анализ : автореф. дис. … канд. соц. наук / С.В. Архипова. – Екатеринбург, 2009. – 19 с.

2. *Вишнякова, С.М.* Профессиональное образование. Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика / С.М. Вишнякова. – Москва : НМЦ СПО. 1999. – 538 с.

3. *Выготский, Л.С.* Собрание сочинений. В 6 т. Т. 2. Проблемы общей психологии / Л.С. Выготский ; под ред. В.В. Давыдова. – Москва : Педагогика, 1982. – 504 с.

4. Две трети россиян заявили о готовности работать без нужды в заработке. – URL: https://www.rbc.ru/society/ 13/05/2019/ 5cd848ca9a794742e9b8aba6?from=from_main (дата обращения: 21.05.2019).

5. *Захарова, Е.В.* Пути оптимизации самостоятельной работы студентов в вузе / Е.В. Захарова // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради. – 2007. – № 3. – С. 281–284.

6. *Коломийцева, С.В.* О развитии операционного стиля мышления программистов в условиях экономического развития Хабаровского края / С.В. Коломийцева // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2013. – № 3 (39). – С. 139–145.

7. *Мухина, В.С.* Детская психология : учеб. для студентов пед. ин-тов / В.С. Мухина ; под ред. В.А. Венгера. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Просвещение, 1985. – 272 с.

8. *Покушалова, Л.В.* Формирование умений и развитие навыков самостоятельной работы студентов технического вуза / Л.В. Покушалова // Молодой учёный. – 2011. – Т. II, № 4 (27). – С. 115–117.

9. Родители в Лондоне все чаще нанимают репетиторов. Не для детей, для себя // BBC, русская служба. – URL: https://www.bbc.com/russian/features-47736139 (дата обращения: 10.05.2019).

10. Родители российских школьников не захотели для своих детей работы в науке // РБК. – URL: https://www.rbc.ru/ society/16/05/ 2019/5cdbe5fd9a7947fcd8559908#ws (дата обращения: 21.05.2019).

11. *Тисленко, О.* Самооценка / О. Тисленко // Вестник психологии. – URL: https://psychologyjournal.ru/public /samootsenka/ (дата обращения: 26.05.2019).

12. О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации : федер. закон № 473-ФЗ : [принят Гос. Думой 29.12.2014 г. (ред. от 31.12.2017)] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_172962/ (дата обращения: 26.05.2016).

13. *Филатова, Л.О.* Развитие преемственности школьного и вузовского образования в условиях профильного обучения в старшем звене школы / Л.О. Филатова // Вестник Омского государственного педагогического университета. – 2006. – URL: http://www.omsk. edu/article/vestnik-omgpu-96.pdf (дата обращения: 28.05.2019).

14. *Ясюкова, Л.А.* Закономерности развития понятийного мышления и его роль в обучении / Л.А. Ясюкова. – Санкт-Петербург : ИМАТОН, 2005. – 256 с.

15. *Ясюкова, Л.А.* Проблемы психологии понятийного мышления / Л.А. Ясюкова // Вестник СПбГУ. – 2010. – Вып. 3. – С. 385–394. – (Сер. 12).

DOI:

РАЗВИТИЕ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ В ЭПОХУ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ (1920–1922)*

А.В. Ахметова

С.В. Бобышев

В статье на основе использования опубликованных и неопубликованных исторических источников рассмотрены тенденции национальной политики Дальневосточной республики (1920–1922), а также ее влияние на развитие хозяйства и культуры малочисленных этносов в национальных районах региона. Проведен глубокий анализ основных направлений деятельности Министерства национальных дел в отношении коренных малочисленных народов республики. На основе исследования законодательной базы республиканских органов власти в работе раскрывается противоречивый и неоднозначный характер национальной политики буферной республики.

Ключевые слова: Октябрьская революция, национальная политика, Дальневосточная республика, коренные малочисленные народы, Дальний Восток России.

DEVELOPMENT OF INDIGENOUS MINORITIES DURING THE FAR EASTERN REPUBLIC EPOCH (1920–1922)

A.V. Akhmetova

S.V. Bobyshev

The article, based on the use of published and unpublished historical sources, will consider the main trends in the national policy of the Far Eastern Republic (1920-1922), as well as its impact on the development of economy and culture of small ethnic groups in the national areas of the region. The authors have carried out an in-depth analysis of the main areas of activities of the Ministry of National Affairs in relation to the Indigenous Minorities. Based on a study of the legislative framework of the Republican authorities, the work reveals the contradictory and ambiguous nature of the national policy of the buffer Republic.

Key words: the October Socialist Revolution, national policy, Far Eastern Republic, Indigenous Minorities, Russian Far East.

Октябрьская революция 1917 г., историческую роль которой трудно отрицать, открыла новый этап национальной политики в отношении малочисленных этносов России. Особенностью этого исторического периода являлся процесс создания государственного аппарата власти и управления, который сопровождался образованием особых органов общероссийского и местного значения, реализующих защиту традиционных этносов на государственном уровне [2]. Важнейшее значение имеет тот факт, что в 1917 г. коренное население утратило свой особый статус «инородцев», полученный ими в 1822 г., благодаря принятому Уставу об управлении инородцев М.М. Сперанского [6], в редакции Положения об инородцах 1892 г. [13], и было уравнено в правах с другими народами России.

Дальневосточная республика (ДВР) являлась специфичным для послереволюционной России государственным образованием, в котором провозглашались широкие демократические права и свободы. Национальный вопрос и пути его решения в ДВР вызывали живой интерес со стороны правительства, политических партий и общества.

* Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства образования и науки Хабаровского края на 2019 г. (соглашение № 19с/2019).

Ахметова Анна Валинуровна – кандидат исторических наук, доцент, начальник Управления научно-исследовательской деятельности Комсомольского-на-Амуре государственного университета.

Akhmetova Anna Valinurovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Research Department at Komsomolsk-na-Amure State University.

E-mail: unid@knastu.ru

Бобышев Сергей Васильевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Bobyshev Sergei Vasilievich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law at Far Eastern State Transport University (Khabarovsk).

E-mail: history@festu.khv.ru

© Ахметова А.В., Бобышев С.В., 2020

В Дальневосточной республике проживали алеуты, бирары, гиляки, гольды, даурцы, ительмены, карагийцы, кереки, коряки, манегры, менджу, негидальды, олюторы, ольчи, орочоны, орочи, самогиры, солоны, тазы, чуванцы, чукчи, эскимосы, юраки [12]. С первых месяцев советской власти на Дальнем Востоке предпринимались попытки оказать экономическую помощь аборигенам, обеспечить их политическое и социальное равенство. Кроме того, было организовано снабжение части населения предметами первой необходимости, сформирован специальный «инородческий отдел» при Наркомнаце, на который, как и на потребкооперацию, возлагалась задача экономического обустройства северян.

Исследователь и этнограф В.К. Арсеньев совместно с А.Н. Липским и Н.А. Липской-Вальронд совершил зимой 1918 г. Олгон-Горинскую экспедицию в горную область Ян-де-Янге (к западу от истоков р. Амгунь) для обследования амгуньских эвенков и урмийских нанайцев [17]. В мае того же года в Хабаровске состоялся съезд рыболовецкого населения Приамурья, на котором впервые выступали представители коренного населения. Все это подтверждает заинтересованность новой власти в развитии взаимодействия с местными национальными обществами [1].

После провозглашения в Декларации прав народов России принципа «свободного развития национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России» [8], советские власти обязали Народный комиссариат по делам национальных меньшинств представлять политику СНК в области интересов коренного населения на местах. Советская власть осознавала важность поддержки разнообразных народов и проводила политику, обеспечивающую необходимые условия проживания для всех без исключения народов страны [10]. В целом Декларация прав народов России содержала основополагающие принципы, на которых строилась национальная политика советского режима в отношении народов Севера. Главной целью политики государства в отношении коренных этносов стала интеграция их в новое советское общество. Малочисленные народы находились на различных ступенях исторического развития, но все были на докапиталистической стадии. Марксистское понятие о способе производства позволяло теоретически обосновать возможность для аборигенных народов «перескочить капиталистическую стадию» и прямо перейти к социализму. Советский режим одной из задач национальной политики провозглашал возрождение северных национальных меньшинств. Хотя такое направление полностью не исчерпывало интересы новой власти. Программа правительства в отношении коренных народов предусматривала улучшение их социальной и экономической жизни.

Конституция РСФСР 1918 г. признавала наличие областей, отличающихся национальным составом, даровала равные права гражданам вне зависимости от их расовой принадлежности. Признание правительством равенства всех народов России и их независимости кардинально отличалось от прежнего режима власти [9]. В соответствии с Конституцией 1918 г. был образован Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР (Наркомнац), который стал центральным органом государства по вопросам национальной политики. Как следует из обращения ВЦИК и СНК РСФСР от 16 августа 1919 г. «К рабочим, крестьянам, инородческому населению и трудовому казачеству Сибири», коренным народам гарантировались права, провозглашенные Декларацией прав народов России, в том числе право самим определять свои судьбы. В итоге принятия данного документа земли фактического пользования «инородцев» не подлежали никаким ограничениям и урезкам, а поступили в их полное общественное распоряжение [18].

Конституция ДВР предоставила национальным меньшинствам право на самоопределение. Органы национального самоуправления в своей деятельности должны были руководствоваться законами республики, для контроля и руководства деятельностью органов национального самоуправления учреждалось Министерство по национальным делам. Учредительное собрание ДВР указало на необходимость создания Министерства национальных дел, что и было оформлено законодательно 29 апреля 1921 г. Министром по национальным делам 4 мая по приказу правительства № 77 был назначен меньшевик-интернационалист латыш Карл Янович Лукс [15].

20 июня было опубликовано обращение К.Я. Лукса «Всем гражданам нерусской национальности Дальне-Восточной республики», в котором сообщалось о том, что Учредительное собрание «предоставило всем народностям Дальне-Восточной республики право на самостоятельную культурно-национальную жизнь, ...право самостоятельно решать все вопросы своей культурно-национальной жизни безо всякого давления со стороны государственной власти». Всем национальным организациям предлагалось «в срочном порядке» сообщить Министерству по национальным делам сведения о себе и «свои соображения о сущности и особенностях культурно-национальной автономии своей народности», включая проекты закона [16].

После провозглашения в 1920 г. Дальневосточной республики создается Министерство по национальным делам, структура которого, утвержденная в июне 1921 г., состояла из трех отделов: «туземного», нацменьшинств и общего. «Туземный» отдел,

в свою очередь, также подразделялся на три отдела: административно-правовой, культурно-экономический, научно-этнографический [19].

Задачи этих отделов главным образом можно свести к следующим направлениям:

а) административному переустройству аборигенов Севера согласно нормам обычного права и бытовому укладу жизни;

б) решению вопросов, связанных с налогообложением;

в) урегулированию взаимоотношений коренных жителей с органами власти и пришлым населением;

г) организации судопроизводства у аборигенных народов;

д) культурно-просветительной работе [14: л. 5].

В период существования Дальневосточной республики (1920–1922) Министерством по национальным делам разрабатывается Положение об управлении и устройстве быта туземных племен, населяющих территорию Дальнего Востока, предусматривающее организацию особых «туземных» органов управления [7]. После ликвидации ДВР созданный при Дальревкоме «туземный» подотдел приступил к разработке нового Положения об управлении коренных народов.

Одним из первых актов советской власти стало Временное положение об управлении туземных племен, проживающих на территории Дальневосточной республики [5], изданное 31 октября 1922 г. Согласно данному акту аборигенное население признавалось особой группой населения республики, равной в правах с остальными гражданами ДВР, но имеющей отличия в порядке управления (ст. 1). Им было предоставлено право на самоуправление на основе традиционных обычаев (ст. 5), которые должны были учитываться всеми учреждениями республики при рассмотрении дел аборигенов (ст. 6). Представители коренного населения освобождались от воинской повинности, уплаты налогов (ст. 8). В структуре и компетенции органов туземного управления прослеживалось влияние отмененного Положения об инородцах 1892 г. [13].

В 20-е гг. XX в. важным направлением деятельности власти стала задача ограждения районов проживания малочисленных народов от проникновения переселенцев. Активное давление некоренного населения ставило аборигенов в крайне тяжелое положение, угрожавшее исчезновением целых народностей. Как отмечал еще в 1922 г. начальник «туземного» отдела при Министерстве национальных дел ДВР М. Плотников, анализируя причины упадочного состояния экономики коренных жителей, одним из основных факторов этого является то, что прежние законы об охране «туземных» земель после революции были отменены новой властью, которая ничего взамен не предложила. По его мнению, принятие такого закона в срочном порядке являлось жизненно необходимым для малочисленных народов и отвечало интересам самого государства [14: л. 51].

«Проникновение спирта… в туземные районы (Дальнего Востока. – *А.А., С.Б.*), – говорилось в докладе М. Плотникова в 1922 г., – приобрело огромные размеры, благодаря чему пушнина ушла преимущественно в китайские руки, создав еще кабальную зависимость как в отношении русских, так и китайских спекулянтов. Спаивание туземцев повело к небывалому обнищанию и упадку их хозяйств, ввиду чего фактически совершился переход многих оленьих стад в руки китайских спекулянтов» [14: л. 12].

Важное значение для укрепления хозяйства народов Севера имело развитие охотничьего промысла. В большинстве случаев охота являлась для них одним из главных способов существования. Еще в 1922 г. Министерство по национальным делам Дальневосточной республики, обращая внимание на катастрофическое положение эвенкийского населения Забайкалья, отмечало, что коренное население совершенно не имеет подходящих ружей для охоты. Так, выданные еще в 1892 г. ружья совершенно износились, а охота является единственным средством к существованию [11].

В период существования Дальневосточной республики предпринимались меры по объединению всего медико-санитарного дела под управлением Министерства здравоохранения, однако в связи с тяжелым экономическим и политическим положением реализовать их не удалось [3].

После окончания Гражданской войны социально-экономическая обстановка в районах проживания дальневосточного Севера оставалась трудной. Здесь преобладал патриархально-натуральный уклад жизни, господствовали пережитки общинно-родового строя, царили антисанитарные условия, являвшиеся причиной многих заболеваний и эпидемий. По этому поводу начальник «туземного» отдела Министерства национальных дел ДВР Плотников писал, что обычным делом являлись «разного рода недоразумения, как захват угодий охоты на пушного зверя, промыслов рыбы, сенокосных участков и вообще туземных участков. Психологический мотив этих недоразумений лежит в обычной безнаказанности подобных действий и попустительстве на жалобы туземцев со стороны местных властей и русского самоуправления» [14: л. 17].

В апреле 1922 г. в отделе национальных меньшинств Наркомнаца был создан Полярный подотдел управления туземными народами Севера, «в задачи которого входила охрана и управление первобытными племенами Севера России» [4]. С этого момента началось систематическое научное изучение малочисленных этносов, считавшееся одной из

первоочередных задач. Его сотрудникам поручались задачи изучения жизнедеятельности и быта коренных народов, а также организация управления национальными территориями и снабжение необходимыми товарами и продуктами. А через шесть месяцев этнограф Д.Т. Янович создал Этнографическое бюро, главной задачей которого он провозгласил научную работу и организацию политических дискуссий.

При ликвидации ДВР в ноябре 1922 г. Министерство по нацделам было упразднено и все дела переданы в «туземный» подотдел при Дальневосточном революционном комитете. Национальная политика в регионе была приведена в полное «соответствие» с большевистской теорией и практикой, с которыми культурно-национальная автономия была несовместима [10: с. 396]. Последствия деятельности органов ДВР для развития коренных малочисленных этносов сложно оценить однозначно. С одной стороны, была разработана законодательная база по обустройству жизни малочисленных народов, но с другой стороны, срок реализации мероприятий был слишком мал, так что сами аборигены вряд ли заметили смену власти, произошедшую в 1922 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахметова, А.В.* Советское государство и коренные малочисленные народы Дальнего Востока / А.В. Ахметова. – Комсомольск-на-Амуре, 2012. – 171 с.

2. *Бабай, А.Н.* Конституционно-правовое положение коренных малочисленных народов Приамурья / А.Н. Бабай, Е.А. Киселев. – Хабаровск, 2005. – 28 с.

3. *Бобышев, С.В.* Социалистическая модернизация традиционных этносов Дальнего Востока (20-е – середина 80-х гг. XX века): этапы и итоги : монография / С.В. Бобышев, А.В. Ахметова. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2014. – 234 с.

4. *Вдовин, И.С.* Малые народности Севера на социалистическом пути развития за 50 лет советской власти / И.С. Вдовин // Советская этнография. – 1967. – № 5. – С. 80.

5. Временное положение об управлении туземных племен, проживающих на территории Дальневосточной республики // Вестник Дальневосточной республики. – 1922. – № 5-6. – С. 70–73.

6. Высочайше утвержденный устав июля 22 (1822 г.) Об управлении инородцев // Полное собрание законов Российской империи. Т. 38. – Санкт-Петербург, 1830. – С. 394–417 (документ № 29126).

7. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). – Ф. 58. – Оп. 1. – Д. 29. – Л. 13.

8. Декларация прав народов России от 2 ноября 1917 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1917. – № 2. – Ст. 18.

9. Коренные народы России: самоуправление, земля и природные ресурсы. Обзор законов и иных нормативных актов XIX–XX вв. – Москва : РИО Аппарата Государственной Думы, 1995. – С. 6.

10. *Нам, И.В.* Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.) / И.В. Нам. – Томск : ТГУ, 2009. – 496 с.

11. Национальный архив Республики Бурятии. – Ф. 247. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 8.

12. Об утверждении Временного Положения об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР : декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 25 октября 1926 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1926. – № 73. – Ст. 575.

13. Положение об инородцах 1892 г. // Свод законов Российской империи. – Санкт-Петербург, 1903. – Т. 2. – Ч. 1. – С. 1–44.

14. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). – Ф. 2422. – Оп. 1. – Д. 1173. – Л. 5, 12, 17, 51.

15. РГИА ДВ. – Ф. 4699. – Оп. 1. – Д. 137. – Л. 2–3, 61.

16. РГИА ДВ. – Ф. Р-623. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 21–21 об.; Р-1468. – Оп. 1. – Д. 6–6 об.

17. *Рудникова, Е.В.* К вопросу об истории и участниках Олгон-Горинской экспедиции В.К. Арсеньева 1917–1918 гг. (полевые дневники А.Н. Липского) / Е.В. Рудникова // Проблемы изучения традиционных сообществ Тихоокеанской России (К 90-летию со дня рождения Ю.А. Сема и Л.И. Сем). – Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2016. – С. 203.

18. Сибирский революционный комитет, август 1919 – декабрь 1925 г. : сб. док. и материалов. – Новосибирск : Новосибирское книж. изд-во, 1959. – С. 26–28.

19. Школа К.Я. Лукса. – Хабаровск, 1989. – 130 с.

DOI:

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В ТЕОРЕТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ РАЗЛИЧНЫХ КОНЦЕПЦИЙ И ШКОЛ

Е.В. Зверева

Л.К. Шайкина

В статье анализируются различные концепции по регулированию занятости населения, имеющие важное значение при выборе оптимальных положений данных экономических концепций и школ для практического применения их на региональном уровне (в Хабаровском крае) в области формирования модели регулирования занятости населения и оказывающие влияние на положительную динамику экономического роста производства, занятости и трудовой активности.

***Ключевые слова*:** занятость населения, рынок труда, заработная плата, доход, капитал, безработица, резервная армия труда, прибавочная стоимость, предельная производительность факторов производства, предельный продукт труда, закон убывающей производительности, предельная тягость труда, эффективный совокупный спрос, мультипликатор, акселератор.

REVISITING THE ESTABLISHMENT OF A REGIONAL MODEL FOR REGULATING EMPLOYMENT IN THE THEORETICAL AND ECONOMIC HERITAGE OF DIFFERENT CONCEPTS AND SCHOOLS

E.V. Zvereva

L.K. Shaikina

The paper analyzes different concepts for regulating employment. It is important in choosing the optimal provisions of these economic concepts and schools for their practical application at the regional level (the Khabarovsk territory) in the establishment of a model for regulating employment and it has an impact on the positive dynamics of economic growth of production, employment and labor activity.

***Key words*:** employment, labor market, wages, income, capital, unemployment, reserve army of labor, surplus value, marginal productivity of factors of production, marginal product of labor, the law of diminishing returns, marginal burden of labor, effective aggregate demand, multiplier, accelerator.

Занятость населения и проблемы ее регулирования на протяжении длительного, вплоть до настоящего, времени остаются актуальными. Для регулирования занятости населения в регионе необходимо создать такую модель, которая охватывает в своем взаимодействии различные виды занятости во всех сферах практической деятельности человека и общества из существующего в настоящее время множества различных моделей регулирования занятости.

Методологическую основу различных моделей занятости населения представляют исследования ученых классического, либерального, неоклассического, кейнсианского, институционального и других направлений. Анализ регулирования занятости населения рассмотрен в трудах У. Пети, Ф. Кене, А. Смита, Д. Рикардо, Ж.Б. Сэя, Т.Р. Мальтуса, К. Маркса и др. Они считали, что рынок труда сбалансирован, спрос и предложение труда находятся в равновесии, и полная занятость обеспечена, как на любом другом рынке. Свобода рынка, выбора вида деятельности и профессии обеспечена невмешательством государства в экономическую жизнь общества. Главным тезисом выступает принцип «пусть все идет, как идет», или «не мешайте делам идти своим чередом» [2: с. 56]. Этот лозунг экономического либерализма был провозглашен пред-

Зверева Елена Валерьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента в строительстве Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I.

Zvereva Elena Valerievna – Candidate of Science (Economics), Associate Professor of the Economics and Management in Construction Department, at Emperor Alexander I ST Petersburg State Transport University

E-mail: zverelv@mail.ru

Шайкина Лариса Константиновна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и коммерции Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Shaikina Larisa Konstantinovna – Candidate of Science (Economics), Associate Professor of the Economics and Commerce at Far Eastern State Transport University (Khabarovsk).

E-mail: shaikinalarisa@yandex.ru

© Зверева Е.В., Шайкина Л.К., 2020

ставителем физиократии Ф. Кене и подхвачен всеми приверженцами классического направления, которые считали, что рынок сам установит полную и эффективную занятость.

В либеральной школе Ж.Б. Сэя при анализе рынка факторов производства рассматривается труд как особый ресурс, участвующий в создании стоимости и приносящий своему владельцу доход в виде заработной платы. Ж.Б. Сэй отмечал, что в процессе производства участвуют труд, капитал, земля, и каждый фактор обеспечивает владельцу соответствующий доход, и поэтому эксплуатация рабочей силы в производстве товаров отсутствует. Фигуру предпринимателя он рассматривает двояко: как предпринимателя – собственника капитала, получающего прибыль, и как представителя наемного труда, доход которого выше заработной платы наемного рабочего за умения, таланты, управление, организацию производства в соединении всех факторов производства наиболее эффективным способом [1; 2]. Таким образом, занятость увязана на рынке труда с уровнем зарплаты наемного рабочего и с доходом предпринимателя.

Такой подход не связан с теорией прибавочной стоимости и эксплуатации К. Маркса и Ф. Энгельса, в которой понятия «предприниматель» и «капиталист-собственник» тождественны. В основе теории народонаселения марксизма лежит теория прибавочной стоимости, или теория эксплуатации, теория капитала. Проблемам рынка рабочей силы К. Маркс посвятил главу 23 первого тома «Капитала». В ней анализируется влияние возрастания капитала на ухудшение положения рабочего класса с развитием капитализма. К. Маркс использует новый термин «резервная армия труда», который становится условием существования капиталистического способа производства. Резервная армия труда – это добавочная рабочая сила, которая является источником дополнительного труда, основой капиталистического накопления и вовлекается в производство в процессе его расширения. Данная концепция в модели регулирования занятости населения направлена на доказательство идеи эксплуатации рабочего класса.

В неоклассическом направлении проблемы рынка труда исследованы в работах А. Маршалла, А. Пигу, Дж.Б. Кларка и других представителей маржинализма, которые показали, что предельные величины – это дополнительные единицы факторов производства, увеличивающих дополнительные единицы выпуска продукции, определяющие границу применения труда. Дж.Б. Кларк вывел закон убывающей предельной производительности одного из факторов производства. В его производственной модели капитал представлен величиной постоянной, а труд – величиной переменной, изменчивой, количественной. Рост численности занятых рабочих при неизменной величине капитала ведет к убывающей производительности труда и капитала. А. Маршалл и А. Пигу полагали, что с расширением производства и увеличением занятости необходим рост реального дохода, реальной заработной платы, повышающих доходы работающих, мотивацию к трудовой деятельности и соответственно занятость. Таким образом, в данной модели регулирования занятости основным показателем, ее формирующим, является заработная плата [7: с. 456].

Классическое и неоклассическое направления исходят из положения о саморегулирующей роли рынка. Теория неоклассиков в современной науке дает возможность определить оптимальную занятость на предприятии, учитывая предельные издержки производства и затраты труда. Эти исследования вполне вписываются в модель регулирования занятости населения в микроэкономическом аспекте в регионах России.

Кейнсианская теория занятости основывается на отрицании саморегулирования рынка труда и заработной платы, переориентации анализа с микроэкономического на макроэкономический аспект в модели регулирования занятости населения. Чтобы обеспечить полную занятость работников, нужен рост реальных доходов населения, который приведет к увеличению эффективного спроса, вызывающего подъем производства и благосостояние нации. Дж.М. Кейнс теорию занятости строит на использовании основного психологического закона, из которого следует, что необходимо больше потреблять, а значит, увеличить совокупный спрос на созданный продукт, чем сберегать, для обеспечения роста производства и занятости [7: с. 471, 489–490].

Дж.М. Кейнс выводит принцип мультипликации. Величина мультипликатора показывает прямую зависимость занятости и реального дохода населения. Кейнс отметил, что уровень занятости определяется в рамках национальной экономики, высказав несогласие с неоклассической теорией, в которой объем занятости зависит от развития рынка труда, что уровень занятости определяется точкой равновесия, где предельная производительность труда и тяжесть труда совпадают, что в этих условиях может возникнуть добровольная безработица. В целом работа Дж.М. Кейнса отмечает, что с увеличением занятости повышается национальный доход, растет потребление, растет совокупный спрос не только на потребительские товары, но и на труд. В этих условиях может быть безработица, но она носит вынужденный характер [6: с. 495, 500]. Дж.М. Кейнс отмечает необходимость вмешательства государства в экономическую жизнь через использование взаимодействия госбюджетной и кредитно-денежной политики в периоды экономической нестабильности национального хозяйства, указывая, что занятость населения – это приоритетное направление развития национальной экономики.

Современные американские концепции, такие как неокейнсианская, посткейнсианская (ордокейнсианская), представлены теориями Э. Хансена, Р. Харрода, Дж.Р. Хикса и других исследователей. Э. Хансен в работе «Экономические циклы и национальный доход» отмечает необходимость государственного регулирования занятости, приводя в пример кризис 1929–1933 гг., ставший причиной хронической стагнации в Америке и европейских странах. Подобная ситуация возникла в России в 90-е гг. XX в.

Ортодоксальные кейнсианцы создали модель управления занятостью, которая показывает, какое влияние оказывает реальная ставка заработной платы на равновесие спроса и предложения труда. Модель, названная в честь Дж. Хикса и Э. Хансена, позволила П.Э. Самуэльсону вывести теорию неоклассического синтеза. Она отражает следующие моменты в экономике, препятствующие достижению полной занятости: во-первых, гибкость заработной платы; во-вторых, спекулятивный спрос на деньги; в-третьих, значительный объем инвестиционных расходов, поглощающих весь объем сбережений. Суть «неоклассического синтеза» – соединение кейнсианской и неоклассической теории. Это признание П.Э. Самуэльсона объясняет быстрый успех его «Экономики», которая переиздавалась более двадцати раз, став учебником для студентов на протяжении многих лет в мировом пространстве.

Монетаристская или неоконсервативная концепция занятости М. Фридмана связана с инфляцией, отклоняющей уровень безработицы от естественного, которая отражает ошибочную деятельность правительства. Задачу по снижению безработицы М. Фридман видел в оказании помощи ищущим работу информацией о существующих вакансиях, проведении переобучения на востребованные профессии и сокращении социальных программ помощи безработным. Данная концепция направлена на создание условий для роста предложения труда на рынке труда посредством усиления мотивации к труду со стороны наемных работников и предпринимателей.

М. Фридман, М. Фельдстайн, А. Лаффер, С. Руссо, И. Фишер при разработке динамических рядов, показывающих взаимосвязь социальных расходов, налогов, сбережений, инвестиций и занятости, выявили, что уменьшение занятости зависит от роста государственных социальных расходов. Система благотворительных акций и помощи безработным способствует росту уровня безработицы, что снижает цену неучастия в трудовой деятельности. М. Фельдстайн считал, что пособия по безработице должны быть налогооблагаемыми, подобно доходам от работы, а ставку налога следует сделать возрастающей и зависимой от времени незанятости. Это позволит избежать иждивенческих настроений на рынке труда. Пособия по безработице ослабляют желание незанятых заниматься поиском работы, что усиливает деформацию рынка труда.

Концепция институционального направления представлена исследованиями Т. Веблена, У.К. Митчелла, Дж. Коммонса, Дж. Гэлбрейта, У. Ростоу, Р. Хеллбронейра, в которых рассматривались социально-экономические явления, отражающие поведение человека на рынке труда. Они отмечали, что на человека оказывают влияние психологические факторы, воздействующие на адаптационные процессы в зависимости от изменений в социально-экономических условиях. Определенные институты (институты собственности, права, религии и др.) общества влияют на трудовую активность населения, вырабатывают у человека потребность в труде, соответствующую тем или иным навыкам и склонностям.

Институциональный подход У.К. Митчелла связан с характером рынка труда, структурой рабочей силы, уровнем заработной платы, профессиональными и отраслевыми особенностями. Он первый предложил государственным органам создать для роста занятости систему страхования безработных. Дж.Р. Коммонс предлагал решить проблему регулирования занятости заключением договоров и контрактов между собственниками, профсоюзом и наемными работниками с тем, чтобы вызвать совместное солидарное и партнерское взаимодействие, усиливающее мотивационную составляющую в трудовой деятельности, исключив какие-либо антагонизмы. Таким образом, У.К. Митчелл и Дж.Р. Коммонс разработали политику регулирования занятости, направленную на социальную поддержку населения в период экономической нестабильности на рынке труда.

Американские экономисты Р. Лукас, Л. Реппинг, Г. Беккер и др. развили гипотезу рациональных ожиданий в макроэкономической модели. Полной занятости в их модели можно достичь при использовании правительственных мер в размещении и применении новых технологий труда и инвестиций, вложении в человеческий капитал.

Если классики, неоклассики полагали, что заработная плата – основной рычаг в регулировании занятости, кейнсианцы, – что недостаточно эффективный спрос, то институционалисты и неоинституционалисты считали, что на занятость населения влияют определенные институты, поддерживаемые и регулируемые государством, ибо государство, прежде всего, рассматривает меры по росту производства, занятости и благосостояния населения.

Американские ученые П.А. Даймонд, Д. Мортенсон и К.А. Писсаридес рассмотрели проблему безработицы населения при существующих в экономике и при возникновении новых рабочих мест на рынке труда. Они показали, что число вакансий на рынке труда значительно больше числа безработных. На рынке труда покупатели и продавцы не вступают немедленно во взаимодействие, работо-

датели весьма тщательно подбирают себе работников и сотрудников. С другой стороны, продавцы труда аналогичным образом не всегда согласны с условием работодателей, не готовы немедленно реализовать свое предложение. Этот процесс протекает в условиях шероховатости. В силу этого на рынке труда существуют вакансии и безработные. Более того, поиск установления равновесия на рынке предполагает потери времени и расходы денежных средств.

П.А. Даймонд, Д. Мортенсон и К.А. Писсаридес сформулировали модель поиска ожиданий на рынке труда, которая названа их именем: «Модель Даймонда–Мортенсона–Писсаридеса» (ДМП). Эта модель ориентирована на выработку правительственных мер, обеспечивающих небольшое увеличение средств на социальное страхование, использование актуарных таблиц для корректировки изменений в продолжительности жизни и увеличении доходов населения, подлежащих налогообложению. Модель ДМП действует при государственном участии на рынке труда и учитывает структурную политику государства, экономическую политику в области образования и подготовки кадров и социальную поддержку населения, занятого поиском работы. Данная модель используется в экономике США с 2011 г. и может быть применима к формированию модели регулирования занятости населения России.

В Хабаровском крае профессионально-квалифицированная структура экономически активной части населения неоднородна. Спрос на работников определенной профессиональной группы и ее наличие деформированы. Высвободившиеся вакансии в связи с выходом на пенсию или переездом в другие регионы Дальнего Востока не привлекают незанятых по ряду условий. Вакантные рабочие места не соответствуют запросам ищущих работу по уровню заработной платы, предоставлению со стороны работодателей полного или частичного социального пакета. Соискатели рабочих мест, в свою очередь, не соответствуют требованиям работодателей по ряду признаков, таких как уровень образования, квалификации, трудовой дисциплины, отсутствие стажа работы в данной профессии и, к сожалению, по гендерной характеристике.

Согласно статистической отчетности, представленной ЦЗН (табл. 1), коэффициент напряженности на рынке труда Хабаровского края 2019 г. составляет 0,14 [9]. Несовпадение интересов соискателей и работодателей происходит в основном по размеру заработной платы. Соискатели хорошо информированы о средней заработной плате в регионе, нередко их требования завышены. За первое полугодие 2019 г. размер номинальной средней заработной платы составил 48 637,8 руб., что в процентах к соответствующему периоду предыдущего года –107,2 %. Реальная заработная плата возросла и составила 102,0 %.

В результате того, что вакантных мест больше, чем соискателей на высвободившиеся рабочие места, работодатели на условиях совместительства и по договорам гражданско-правового характера привлекают работников списочного состава. На 01.07.2019 г. [9] в организациях и предприятиях Хабаровского края было задействовано на данных условиях 14,8 тыс. чел.

Таблица 1

Динамика числа замещенных рабочих мест в организациях (без субъектов малого предпринимательства)

Показатель	Июль 2019 г., тыс. чел.	В % к	
		июлю 2018 г.	июлю 2019 г.
Всего замещенных рабочих мест	343,9	99,4	99,8
В том числе:			
работниками списочного состава (без внешних совместителей)	329,1	99,2	100,0
внешними совместителями	4,3	97,7	92,0
работниками, выполнявшими работы по договорам гражданско-правового характера	10,5	106,4	99,9

Численность не занятых трудовой деятельностью граждан, состоящих на учете в государственных учреждениях службы занятости населения, к началу первого полугодия 2019 г. составила 7,4 тыс. чел., из них 6,3 тыс. чел. имели статус безработного, в том числе 4,3 тыс. чел. получали пособие по безработице. Как следует из табл. 1, количество вакансий превышает численность безработных более чем в два раза.

П. Самуэльсон, Д. Гордон, И. Байли, А.С. Бризгалов [3], Л.И. Старовойтова [8] и др. считают, что проблемы занятости населения в регионе находятся в прямой зависимости от уровня заработной платы, являющейся негибкой, ибо в настоящее время она основывается на контрактной договорной форме организации труда. Такая форма оплаты труда сочетается с интересами предпринимателей, профсоюзных и общественных организаций и не может быть изменена в сторону снижения. Эта концепция получила название контрактной теории занятости, применяемой в Японии, где модифицируется в концепции «пожизненного найма» и может быть использована в современной России и ее регионах.

Концепция гибкого рынка труда появилась в 70–90-е гг. XX в. Она особо актуальна для территорий Дальнего Востока в настоящее время. Гибкий, мобильный, миграционный или подвижный рынок труда дает право выбора покупателю и продавцу рабочей силы, возможность поиска работы и ее условий, которая отвечает соответствующим эконо-

мическим интересам субъектов хозяйствования. Эта модель рынка труда строится на основании того, что работодатель не требует регистрации нанимателя по его местоположению и месту нахождения предприятия. Этому способствует рынок недвижимости, который дает возможность перемещения рабочей силы в поиске соответствующей работы. Гибкий рынок труда имеет некоторые положительные моменты: быстроту адаптации цены рабочей силы, приспособление качественных и количественных характеристик к структуре спроса рабочей силы. Вместе с тем эта модель не идеальна и имеет некоторые недостатки: несвоевременность выплаты заработной платы и снижение социальной защищенности лиц, потерявших работу. Данная модель используется в России и получила название «вахтовая занятость».

Вахтовая занятость в Хабаровском крае и Дальневосточном регионе в целом имеет в перспективе возможность осуществить переориентацию рынка труда. Для этого необходимо разработать программы, связанные со строительством жилья, в том числе служебного, для людей со средними и низкими доходами.

При формировании моделей занятости в регионе используются не только экономические, статистические, но и социологические материалы, отражающие особенности региональных рынков труда. Использование вахтового и сезонного методов работы в Хабаровском крае и других регионах Дальнего Востока выработало отрицательное отношение к временному проживанию на данных территориях, ухудшило демографическое положение. В Хабаровском крае в 2019 г. [9] число родившихся детей на 249 чел. меньше, чем в 2018 г. (табл. 2).

Таблица 2

Показатели естественного движения населения

Наименование показателя	Январь–июль				
	человек			на 1000 человек населения	
	2019 г.	2018 г.	Прирост, снижение (-)	2019 г.	2018 г.
Родившиеся	8444	8693	-249	11,0	11,3
Умершие	10 443	10 093	350	13,6	13,1
Из них				на 1000 родившихся живых	
в возрасте до 1 года	38	42	-4	4,4	4,6
Естественный прирост (+), убыль(-)	-1999	-1400	-599	-2,6	-1,8
Браки	4701	5062	-361	6,1	6,6
Разводы	2916	3951	-1035	3,8	5,1

Согласно данным табл. 2 [9] рост показателя смертности среди родившихся детей показывает, что для сохранения населения снижение миграционных потоков из Хабаровского края и Дальнего Востока требует развития программ здравоохранения и создания социальной и транспортной инфраструктуры.

Проводимые исследования в области занятости и оценки качества жизни в Хабаровском крае, включая опросы населения, показывают, что основными мотивами оттока населения являются: отсутствие возможности улучшения жилищных условий, оторванность от центра и высокая стоимость транспортных услуг, высокая стоимость жизни, отсутствие труда, развивающего личность, и недостаточное развитие социальной инфраструктуры.

В настоящее время при формировании модели занятости в регионах России используют материалы социологических исследований, отражающие особенности национального и региональных рынков труда.

Численность занятого населения в Хабаровском крае в 2019 г. уменьшилась по сравнению с соответствующим периодом 2018 г. на 12,4 тыс. чел. (1,8 %), а безработных – на 3,7 тыс. чел. (12,1 %). Преобладающая часть занятого населения трудится по найму (95,7 %). Половозрастная структура занятых среди мужчин составила 40,0 лет, а у женщин 41,3 года.

Доля квалифицированных специалистов, имеющих высшее и среднее профессиональное образование, у мужчин (**70,5** %) ниже, чем у женщин (**51,5** %).

Образовательный уровень зарегистрированных в ЦЗН недостаточно высок. Высшее профессиональное образование имеют 16,3 % чел., среднее профессиональное – 34,5 %, не имеют образования – 49,2 %. Среди обратившихся в ЦЗН около 5 % ищут работу впервые.

Для роста занятости в ЦЗН осуществляются мероприятия по подготовке и переподготовке граждан, попавших в трудную жизненную ситуацию. Необходимо осуществлять подготовку кадров непосредственно на предприятиях, имеющих вакансии. Для этого следует использовать советский опыт, возродить институт наставничества.

Повышение квалификации, осуществляемое на предприятии, в организации, следует мотивировать различными стимулирующими надбавками и доплатами к заработной плате. Институт наставничества широко применяется в современной Японии. Если в Японии за наставничество осуществляется моральное поощрение, то в условиях Хабаровского края следует ввести материальное и моральное поощрение, служащее мотивацией к активной трудовой деятельности. Такая подготовка кадров необходима лицам, которые впервые обратились в ЦЗН. Они относятся к молодежной безработице и, как правило, не имеют квалификации, профессии, опыта работы.

Российские ученые в формировании модели регулирования занятости населения исходили из того, что основным показателем мотивации к труду является получение соответствующего дохода. Эту точку зрения поддерживали А.Э. Котляр, Б.Д. Бреев, Э.Р. Саруханов, Г.Э. Слезингер [4].

В законе «О занятости населения в Российской Федерации» поддерживается точка зрения, что дея-

тельность людей связана с удовлетворением личных и общественных потребностей, не противоречит законодательству РФ и приносит, как правило, им заработок (трудовой доход) [1].

Н.Л. Казначеева, Л.С. Чижова рассматривают модель занятости с позиций результативности реформ и функционирования экономики.

В исследовании Е.В. Зверевой занятость населения рассматривается в микроэкономическом и макроэкономическом аспектах. Под занятостью населения она понимает «комплексную макроэкономическую категорию, отражающую совокупность экономических, социально-трудовых, законодательных, нормативно-правовых, организационных и других отношений по поводу участия населения в общественно полезной деятельности с получением соответствующего дохода» [4].

Рынок труда России – это совокупность региональных рынков, имеющих отличительные особенности, связанные с экономическими, неэкономическими и социальными факторами. Исходя из этого должна формироваться модель регулирования занятости в РФ и ее отдельных регионах, но с учетом формирования модели занятости в РФ. При формировании модели регулирования занятости населения в Хабаровском крае следует учесть микроэкономические и макроэкономические факторы:

– правовые, предусматривающие пересмотр «старых» законов, регулирующих предпринимательство и бизнес, миграцию населения с целью привлечения специалистов для развития производства, инфраструктуры, культуры, образования, здравоохранения, условия найма и увольнения работников, режим труда и отдыха и др.;

– экономические, направленные на рост ВРП; структурные сдвиги; улучшение экономической конъюнктуры; формирование на территории края комфортной и безопасной среды проживания населения, инвестиционную активность и принятие мер по повышению инвестиционной привлекательности отраслей экономики;

– социальные, способствующие повышению уровня жизни населения и выравниванию его относительно показателей центральной части России, росту реальной заработной платы, структуры доходов и расходов населения, формированию среднего класса, улучшению жилищных условий и др.;

– демографические, связанные с материальным стимулированием рождаемости детей, снижением их смертности, обеспечением детскими дошкольными учреждениями, ростом квалифицированного уровня работников здравоохранения, улучшением медицинского обслуживания территориальных единиц края и др.;

– миграционные, характеризующее движение как постоянного, так и по окончании временной работы населения, вызванные неравенством социальных условий и высокой стоимостью жизни в регионе. Формирование модели занятости населения в Хабаровском крае зависит от принятия национальных проектов, региональных особенностей и возможностей региональной политики, учитывающей инвестиционные проекты, рост промышленного производства, особенности экономико-географического и геополитического положения, наличие природно-ресурсного потенциала, степень освоенности и заселенности, структурные преобразования экономики как региона, так и районов, в него входящих, узкопрофильную специализацию хозяйства. Эти особенности окажут влияние на формирование региональной модели занятости населения и рынок труда в Хабаровском крае.

Ретроспективный анализ концепций регулирования занятости позволяет использовать мировой зарубежный опыт для того, чтобы избежать многих ошибок и негативных моментов в процессе регулирования занятости населения в условиях развития рынка. Выбор той или иной концепции должен исходить из рациональных положений кейнсианской, неоинституциональной и консервативной теорий. Эти концепции, во-первых, предполагают необходимость государственного регулирования занятости населения; во-вторых, предусматривают выбор формирования модели экономического роста страны и ее регионов; выравнивание социально-экономического положения дальневосточного региона с центром России; в-третьих, позволяют использовать положительный накопленный советский и российский опыт в достижении сбалансированной и эффективной занятости населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации». – Москва : Ось-89, 2002. – 32 с.

2. *Блауг, М.* Экономическая мысль в ретроспективе : пер. с англ. / М. Блауг. – 4-е изд. – Москва : Дело ЛТД, 1994. – 720 с.

3. *Бризглавова, А.С.* Статистическое исследование занятости населения РФ / А.С. Бризглавова // Вопросы экономики и управления. – 2016. – № 3. – С. 9–101.

4. *Зверева, Е.В.* Занятость населения в условиях социально-экономических реформ / Е.В. Зверева, Л.К. Шайкина // Межрегиональная и региональная политика в условиях рынка : межвуз. сб. ст. – Хабаровск : Изд-во ДВАГС, 2001. – С. 92–104.

5. *Зверева, Е.В.* Ретроспективный анализ концепций регулирования занятости населения / Е.В. Зверева, Л.К. Шайкина // Управление экономическими системами : электрон. науч. журн. – 2011. – № 6/2011. – URL: http://usecs.mcnip.ru. свободный.

6. История экономических учений : учеб. пособие / под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. – Москва : ИНФРА-М, 2000. – 784 с.

7. *Майбурд, Е.М.* Введение в историю экономической мысли. От пророков до профессоров / Е.М. Майбурд. – Москва : Дело, Вита-Пресс, 1996. – 544 с.

8. *Старовойтова, Л.И.* Занятость населения и ее регулирование / Л.И. Старовойтова, Т.Ф. Золотарева. – Москва : Академия, 2001. – 192 с.

9. Росстат. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138622350615610

DOI:

ЧЕЛОВЕК И ИСТОРИЧЕСКИ НАКОПЛЕННАЯ КУЛЬТУРА – ОСНОВА МЕЖЛИЧНОСТНЫХ КОНТАКТОВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ВУЗА

Л.П. Лазарева

Ган Имэй

Пространство сотрудничества между странами Азиатского региона на Дальнем Востоке значительно расширились в XXI в. Все крупные вузы российского Дальнего Востока ежегодно принимают иностранных студентов, большинство из которых приезжают из Китая для обучения различным специальностям – техническим, гуманитарным. Обучение искусству художественной эмали – особый вид международного сотрудничества, потому что совмещает в себе множество материй этнического, психологического, педагогического характера, требующих знания историко-культурных традиций образования и его состояния и в Китае, и в России. Ниже идет речь о том, какими историко-культурными, мировоззренческими, этнопсихологическими концептами наполнено пространство международных контактов в образовательном процессе изучения древнего искусства художественной эмали.

Ключевые слова: международный образовательный процесс, исторический процесс развития эмальерного искусства.

MAN AND HISTORICALLY ACCUMULATED CULTURE – THE BASIS OF INTERPERSONAL CONTACTS IN THE INTERNATIONAL EDUCATIONAL PROCESS OF THE FAR EASTERN UNIVERSITY

L.P. Lazareva

Gan Imaj

The expansion of the space of cooperation between the countries of the Asian region in the Far East has increased significantly in the XXI century. All major universities of the Russian Far East annually accept foreign students, most of whom come from China to study various specialties – technical, humanitarian. Training in the art of artistic enamel is a special kind of international cooperation, because it combines many ethnic, psychological, and pedagogical materials, requiring knowledge of the historical and cultural nature of educational traditions and its state in China and Russia. The article talks about the historical, cultural, ideological, ethno-psychological concepts that filled the space of international contacts in the educational process of studying the ancient art of artistic enamel.

Key words: international educational process, historical process of enamel art development.

Введение

За последние два десятилетия организация международных образовательных процессов в российских вузах Дальнего Востока стала уже привычной деятельностью, ученые выработали к ней научные подходы, оправдывающие себя методические приемы и другие тактические решения. В данном случае, когда идет речь об организации процесса совместного обучения русских и китайских студентов в российском вузе эмальерному искусству с учетом классических традиций живописи Китая, педагогам, прежде всего, предстоит обосновывать стратегическую цель поликультурного образовательного процесса в соответствии с этноисторическими условиями, определившими своеобразие этого вида искусства. Именно это и является первым обязательным действием педагогов – организаторов международного образовательного процесса, направленного на подготовку профессионалов в области эмальерного искусства, являющегося одновременно и всемирным художественным достоянием, и оригинальным национальным сокровищем Китая.

Целью представленной статьи является обоснование необходимости целеполагания поликультур-

Лазарева Лариса Петровна – доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и методики педагогического и дефектологического образования Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Larisa Petrovna Lazareva – Doctor of Pedagogical sciences, Professor of the Department of Theory and Methodology of Pedagogical and Defectological Education at Pacific National University (Khabarovsk).

E-mail: Larisa-mich@list.ru

Ган Имэй – аспирант Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Gan Imaj – Graduate student at Pacific National University (Khabarovsk).

© Лазарева Л.П., Ган Имэй, 2020

ного образовательного процесса в высшей школе в контексте полного знания об этнических особенностях обучающихся и исторического материала, дающего представление о путях становления изучаемой профессиональной деятельности (в данном случае о художественном исполнении произведений эмальерного искусства).

Актуальность темы исследования обоснована возрастанием количества профессиональных направлений учебных программ российских вузов, принимающих иностранных студентов из стран Дальневосточного Азиатско-Тихоокеанского региона, и нередким стандартизированным подходом к исполнению этих программ, не учитывающим историко-антропологических аспектов овладения профессиональными знаниями в национальном контексте.

Проблемная ситуация наблюдаемого явления возникла вследствие ряда факторов, создающих атмосферу реформаторства в отечественном образовании, отвлекающую от вдумчивого творческого подхода к планированию и реализации инновационных программ международного образования.

Методология и методика исследования

Объектом исследования, описанного в статье, является международный образовательный процесс в российском дальневосточном вузе.

Предмет исследования – человек и исторически накопленная культура прикладного искусства как реальные субстанции международного образовательного процесса в высшей школе.

Смысловой предпосылкой к материалу нашего исследования могут стать слова Вячеслава Иванова (1866–1949), признанного как в России, так и на Западе одной из главных фигур, определивших своеобразие гуманитарного мышления XX в.: «Не прав ли был Творец-Художник, предостерегая Адама от попыток познания и увещевая его ограничить свои вожделения "золотым" деревом жизни, а занятия – возделыванием рая? Не больше ли "хорошего вкуса" и искусства в этом завете Мастера-Демиурга, чем в искушении мудрого Змия? И не в древний ли, сокровенный рай всякий раз проникает художник, чтобы творить успешно? Не тогда ли только он творит успешно, когда творит бессознательно, – когда направляющий его руку центр сознания не в нем, как в личности, а где-то вне его? …И не вдохновенные ли искусства доныне хранят и возделывают сад Божий?» [1: с. 75].

Искусство художественной эмали везде, во всех странах мира, где оно существует, и есть то вдохновенное искусство, которое «возделывает сад Божий», отражая красоту мира, непостижимую и необъяснимую разумом. Эмальерное искусство вечно, предметы его хранятся столетиями, не деформируясь, не осыпаясь, не выцветая. В этом, как и в других свойствах эмали, множество секретов, накопленных историей искусства. Будущие мастера, студенты, обучающиеся эмальерному искусству, должны не только знать о них, но и понимать логику его совершенствования, которая главным образом открывается из «дорожной карты» как национального, так и общемирового характера.

По сути, позиции субъектов образовательного процесса, имеющего целью овладение старинным искусством в современных технологических условиях, можно обозначить так: человек и исторически накопленная культура. Тогда задачами образования должны стать следующие:

– развитие представлений обучающихся о мире предметов и явлений, созданных предшествующими поколениями;

– усвоение богатств этого мира с целью развития специфических человеческих способностей, которые воплощены в осваиваемом виде искусства;

– развитие способностей к творческой деятельности, мышлению, обретению новых знаний, способствующих совершенствованию своей профессионализации.

Осуществление данных задач педагогами возможно при знании психологических особенностей чужого этноса как образа инкультурации личности студента, вошедшего в новую для него образовательную среду. Стоит заметить, что проблема понимания, функционирования и развития этнического самосознания и идентичности личности является сегодня одной из актуальнейших во всем мире. Этническое самосознание как природное наследство человека, укрепленное, дополненное и развитое его родной средой, остается с ним в новом, чуждом для него социальном пространстве, требуя со стороны педагогов (если это образовательная среда) понимающего деликатного отношения.

В представленной статье мы не ставим перед собой цели исследования феномена этнического самосознания (в данном случае китайских студентов, приехавших на обучение в Россию), считаем возможным назвать фамилии российских психологов, показывающих его культурное многообразие в своих работах: Вяткин Б.А., Хотинец В.Ю., Трусов В.П., Стефаненко Т.Г., Синкевич З.В., Мухина В.С., Лебедева Н.М., Дробижева Л.М. Этими и другими учеными (Лебедева Н.М., Солдатова Г.Ю., Белинская Е.П., Крысько В.Г., Сухарев А.В.) рассматриваются особенности становления этнической идентичности в условиях поликультурной среды в различных регионах страны. Принимая во внимание ценность их наработок для формирования методологической платформы нашего исследования, мы ставим перед собой задачу нового характера: рассмотреть возможности создания полноценного международного образовательного процесса в целях обучения искусству живописной эмали с учетом ряда этнических особен-

ностей (как исторического процесса развития этого искусства, так и личности его сподвижников).

Е.Н. Резниковым подробно описаны психологические особенности китайского этноса [7], где отмечены такие сложившиеся характеристики китайцев, как трудолюбие, настойчивость в работе, долготерпение и пр. Подчеркнуто и то, что древняя культура Китая оказала влияние на многие страны Юго-Восточной Азии, что обусловило наличие определенной общности психического склада китайцев, корейцев, японцев, вьетнамцев. «Общность национальных культур прослеживается и при сопоставлении мировоззренческих характеристик и моральных критериев. Это обуславливается также тем, что на мировоззрение этих народов значительное влияние оказали конфуцианство и буддизм, а также общность языка и культур» [7: с. 17].

Говоря о психологических особенностях китайцев, их ценностных ориентациях, автор подчеркивает, что основополагающей идеей всех ценностей китайцев является почитание национальных традиций, которые формировались тысячелетиями. Отличительная черта образа жизни китайцев заключается также в регламентации выполнения различных форм трудовой активности и поведения.

Нами были названы лишь некоторые, определяющие, на наш взгляд, самобытность национального китайского характера, психологические особенности этноса, но уже и они высвечивают природу человека, занятого в такой трудоемкой, художественно требовательной и эстетически тонкой профессии, как мастер эмальерного дела [6].

Теперь о некоторых особенностях искусства художественной эмали, которое имеет в Китае многовековую историю своего происхождения и развития. Изделия, напоминающие инкрустации стеклом или драгоценными камнями, чаще всего встречаются среди архаичных собраний, представленных в музеях Китая. Это, как правило, бронзовые ритуальные сосуды, декорированные древние элементы оружия, соотносимые со II–I тысячелетиями до н. э., которые украшены стеклом и драгоценными камнями методом инкрустации.

Исследователи считают, что такие изделия могли быть созданы в эпоху Тан (618–917). Существуют предметы, в которых сочетаются выемчатые и перегородчатые эмали, датируемые первой половиной XV в. Самые большие коллекции, хранящиеся в музеях и других собраниях Китая, соотносятся с династией Цин (1644–1911), что позволяет говорить о манчьжурском духовном наследии в трактовке символических и других аспектов художественных эмалей.

Многие специалисты, исследующие феномен китайского эмальерного производства, полагают, что именно манчьжурская специфика прикладных практик сформировала производство выемчатых эмалей как художественное явление, начало которого соотносимо с правлением второго цинского императора под девизом Кан-си (1662–1722).

Перегородчатые эмали широко популярны в Китае, и в мировой практике они именуются клуазонне, что соотносимо с французским термином cloisonné/cloison, «перегородка». Этот термин иллюстрирует особенности производственного процесса, требующего заплавления порошковых эмалей в ячейках, на которые поделен весь рисунок при помощи тонкой металлической проволоки. Технология такого процесса крайне трудна и требует от исполнителей сосредоточенности, терпения, усердия и присутствия интуитивного чувства меры, которое в изделии будет воспроизведено сочетанием ярких и нежных красок, делающих изделие уникальным своей эстетикой [3].

К такому процессу может быть допущен мастер, обладающий высоким чувством ответственности за исполнение предмета искусства и тонким умением воплощения замысла в сложный и небезопасный технологический процесс. Именно эти качества мастеров эмали были и остаются востребованными в китайском эмальерном искусстве, они отражают и нравственно-эстетические ценности китайской нации, её духовное достояние.

Владея искусством бронзы и стеклянного плавления, китайские ювелиры подняли технику перегородчатых эмалей на уровень искусства, что и объясняет интерес исследователей по всему миру, пытающихся проникнуть в тайны технологии и композиционного мастерства.

Металлические изделия с фрагментами эмалирования пришли в Китай из стран Ближнего Востока и Византии в результате торговли. Считается, что в эпоху Мин такие предметы могли восприниматься как прототипы эмальерного дела в Китае и обозначались термином «арабская посуда». Собственно китайский термин, обозначающий технику перегородчатой эмали цзин-тай/Голубые цзин-тай, свидетельствует о распространении этого вида искусства в период правления императора Дай-цзуна (1450–1456).

И здесь опять же можно отметить черты, свойственные представителям тонкого художественного искусства (и не только им): стремление к получению наилучших результатов, характерное желание представлять свое произведение в наилучшем виде, вне соперничества. Причем это стремление присутствует не только в частном соперничестве мастеров, оно объединяет их в единое целое как представителей китайской нации. То, что сделано в Китае, должно быть на уровне, недостижимом мастерами из другого этноса. В этом одна из главных особенностей национальной психологии китайцев, объединяющая их в гражданской патриотической

солидарности, в определенном аспекте детерминирующая сущность китайской национальной культуры, её назначение и компоненты [4; 6].

«Национальная культура, – как пишет Н. Спешнев [8], – это совокупность материальных и духовных ценностей нации, а также практикуемых данной социальной общностью основных способов взаимодействия с природой и социальным окружением. Национальная культура проявляется в деятельности общества, государства, его социальных институтов, а также в национальных традициях, духовных ценностях, стиле мышления и установках, моральных нормах, стереотипах и образцах межличностного и межгруппового поведения и самовыражения, особенностях языка и образа жизни. Самая главная особенность национальной культуры – это ее разнообразие, самобытность и неповторимость».

И разнообразие, и самобытность, и неповторимость – качества, присущие изделиям эмальерного искусства, и утверждению этих особенностей способствовал сам ход истории развития китайского общества. Маньжурская аристократия предпочитала эмали, и поэтому в периоде Цин эмальерные янтарные наборы украшали храмы, кабинеты и резиденции. При императоре, правившем под девизом Кан-си (1662–1772), стали формироваться коллекции перегородчатых эмалей, и китайские мастера-ювелиры постепенно приняли новые технологические особенности производства ювелирных эмалей, в том числе и расписных.

Обратим внимание на такую деталь: развитие и совершенствование национальной культуры не может быть делом только касты избранных (под ними мы сейчас подразумеваем обладателей тайн эмальерного искусства), потому что «создателями национальной культуры выступают в целом этносы, а также образованная часть общества – национальная элита: писатели, ученые, философы, художники – гуманитарии, берущие на себя ответственность за духовное и политическое развитие своего государства» (Там же). Иллюстративный пример: внук Канси, правивший под девизом Цянь-дун (1736–1795), уделял производству перегородчатых эмалей особое внимание, считая его делом чести китайской нации. Возможно, такое заинтересованное внимание монарха к искусству эмали способствовало проявлению индивидуальности, самобытности этой части национальной культуры, помогало ей обогащаться одновременно с общим расцветом нации, обретать уверенность в своем будущем.

Искусство эмали развивалось вместе с китайским государством, его промышленностью. Китайские эмальеры использовали для основы производства медные сплавы, допускавшие присутствие цинка, олова и свинца.

Со второй половины XVII в. для производства металлических распределительных перегородок эмалей наряду с медными традиционными техниками начинают применять железо. Иногда для создания основы под эмаль использовали чистое золото (например, в периоды императорского правления под девизами Юн-чжэн (1723–1735) и Цяньлуи), подвергая золочению фрагменты, свободные от заполнения эмалями. Такое декоративное решение, известное в Китае с давних времен, в наши дни почти исчезло, но может изучаться по коллекциям, датируемым периодами Мин и Цин. Во второй половине XIX в. постепенно становится нормой гальванозолочение.

Кроме золочения, применялось и серебрение, и создание вещей на серебряной основе на протяжении периода Цин и первой трети XX в. В это время применялось и патинирование металлических изделий, и создание одноцветных, покрытых непрозрачной эмалью, металлических изделий. Такие эмали получались при использовании оксидов меди (бирюзовые, красные, зеленые оттенки), сурьмы (желтые), охры (желтые), железа (красные), кобальт (синяя гамма). Кроме того, для придания определенного оттенка красителям в них добавляли дробленые драгоценные камни.

Эмали выплавлялись при очень высокой температуре (до 1400 градусов по Цельсию) и после этого оплавленные кусочки стирались в пудру и замешивались на воде до состояния шликера. После этого закладывались в подготовленные для плавки ячейки, которые могли обрабатываться или кислотой, или абразивно. В этом случае обжиг производился при температуре около 680 градусов Цельсия в течение нескольких секунд, так чтобы порошки прилипали к несущей поверхности [50].

Первичный подъем искусства перегородчатых эмалей в Китае наблюдается при правлении императора династии Мин под девизом Сюань-дэ (1425–1436). Тем не менее, по мнению исследователей носителей традиционной культуры, лучшие минские эмали рождены в годы Цзин-тай (1450–1456), опередив нарицательное обозначение для всех китайских клаузонне.

Особенно заметных успехов минские эмальеры достигли в первой половине XVI в. и в начале правления императора Шэнь-цзуна под девизом Вань-ли (1573–1620), прославившегося в качестве мецената и ревностного покровителя буддизма (фоцзяо) [4]. Таким образом, на примере краткого экскурса в историю развития искусства эмали в Китае мы убеждаемся в том, что каждая национальная культура обладает своими специфическими чертами и особенностями, являющимися в данном случае следствием социально-исторических условий существования страны и её народа. Но при этом

нужно помнить о том, что ни одна национальная культура не может существовать в чистом виде, потому что она «охватывает всю совокупность производимых и потребляемых этносом культурных явлений, как специфических для данного этноса, так и элементы общечеловеческой культуры и иноэтнические заимствования» [8].

Культура эмальерной живописи (как и любая другая культура) не может существовать и развиваться без взаимодействия с культурами других народов. И критерий здесь, прежде всего, – соответствие «духу народа», его этнокультурным стереотипам/ценностям. Как указывает В.В. Собольников в книге «Этнопсихологические особенности китайцев», функционально значимыми в условиях межличностного общения являются этностереотипы внутригрупповых связей, межгруппового общения. Существует две группы стереотипов: безусловные и относительные. Первая включает функционально значимые во всех ситуациях межличностного общения стереотипы внутригруппового и межэтнического общения; вторая – отношение к жизни и смерти, к борьбе, долгу и обязанностям, к власти и престижу, к старшим и младшим, к материальным условиям быта и труду.

Этнический автостереотип китайца во многом определяется, во-первых, укоренившимися в его сознании представлениями о своей национальной исключительности, особой мессианской роли Китая и китайцев, во-вторых, высокой оценкой ханьского этноса как обладающего самой древней историей и культурой [7].

Результаты исследования значимости влияния исторических условий развития общества, его этнопсихологических особенностей на характер искусства живописной эмали позволяют убедиться в справедливости положений В.В. Собольникова, по мнению которого важнейшими компонентами национальной культуры, определяющими характер того или иного вида искусства, являются:

– историческое прошлое;

– уровень развития общества, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, в их взаимоотношениях, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях;

– специфические сферы деятельности или жизни, такие как культура труда, политическая культура, художественная культура, музыкальная культура и др.;

– предметные результаты деятельности людей: машины, сооружения, результаты познания, произведения искусства, нормы морали и права и т.д.;

– человеческие силы и способности, реализуемые в деятельности (знания, умения, навыки, уровень интеллекта, нравственного и эстетического развития, мировоззрение, способы и формы общения людей);

– социальные нормы, правила мышления и поведения (традиции, обычаи, мораль, религия);

– язык нации.

В качестве ***рекомендации*** организаторам международного образовательного процесса, в котором заняты и специалисты, и познающие профессию, необходимо обозначить следующее, уже произнесенное А.Н. Леонтьевым: человек, осваивающий деятельность искусства, должен познать в нужной мере общественно-исторический опыт человечества, накопленный в форме явлений внешнего объективного мира, окружающего человека. «Этот мир – мир промышленности, науки, искусства – выражает в себе подлинную историю человеческой природы, итог её исторического преобразования…

Прежде всего, нужно подчеркнуть, что это всегда активный со стороны человека процесс. Чтобы овладеть теми предметами или явлениями, которые являются продуктами исторического развития, необходимо осуществить по отношению к ним такую деятельность, которая как бы воспроизводит в себе существенные черты деятельности, воплощенной, аккумулированной в данном предмете» [2].

Заключение

Эмальерное искусство как вид многовековой человеческой деятельности, естественно, невозможно рассматривать как нечто отдельное, независимое, потому что это сложный комплекс традиционных и новых элементов культуры. Восприятие индивидом национальной культуры своей нации является главным результатом функционирования его самосознания, национального самосознания в частности. Усвоение и узнавание ценностей своей культуры, следование им на практике – это сохранение своей сущности и одновременно развитие и движение вперед, сохранение ценностей и традиций, фактически сохранение себя в будущем, которое возможно при узнавании своего призвания.

Будущее невозможно без развития коммуникативных ресурсов во всех сферах деятельности человека, в первую очередь – в профессиональной. В психологии доказано, что ресурсы этнических самосознания и идентичности личности находятся во взаимосвязи с воспринимаемыми параметрами этноса (родного и чужого). Одним из фрагментов воспринимаемых параметров этноса являются в совокупности язык, коммуникации, информационные технологии, неформальные каналы общения, а также искусство, с которыми соотносятся параметры и коммуникативные ресурсы личности. Без последних невозможны личностно-общественные контакты в пространстве искусства, которым овладевают молодые люди в международном образовательном процессе. В свою очередь, плодотворность

общения тем значимее, чем богаче представления обучающихся об историческом богатстве пути развития познаваемого искусства.

Вышеизложенное имеет непосредственное значение для изучения способов решения ряда задач организации эффективного международного образовательного процесса, в основе которого лежит цель овладения искусством, признанным во всем мире, – искусством художественной эмали. Для педагогической деятельности это выражается в конкретной направленности на поиск эффективных форм взаимодействия между товариществом студентов разных национальностей в процессе постижения тайн искусства художественных эмалей и овладения ими на практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванов, В.И.* Родное и вселенское / В.И. Иванов. – Москва : Республика, 1994. – 428 с.

2. *Леонтьев, А.Н.* Проблемы развития психики / А.Н. Леонтьев // Мудрость воспитания. Книга для родителей. – Москва : Педагогика, 1989. – С. 31–33.

3. *Меньшикова, М.Л.* Перегородчатая эмаль в Китае – «изделия страны дьявола» / М.Л. Меньшикова // Чужая вещь в культуре : сб. – Санкт-Петербург, 1995. – С. 73–76.

4. *Неглинская, М.Н.* Китайские расписные эмали в коллекции Государственного музея искусства народов Востока / М.Н. Неглинская. – Москва, 1995.

5. *Неглинская, М.Н.* Китайские перегородчатые эмали XV – первой трети XX века. Собрание Государственного музея Востока / М.Н. Неглинская. – Москва, 2006.

6. *Раппе, Т.В.* Лиможские расписные эмали в собрании Эрмитажа / Т.В. Раппе, Л.С. Булкина. – Санкт-Петербург, 2005.

7. *Резников, Е.Н.* Психологические особенности китайского этноса / Е.Н. Резников // Вестник РУДН. – 2008. – № 4. – С. 14–21. – (Серия «Психология и педагогика»).

8. *Спешнев, Н.* Особенности национальной психологии / Н. Спешнев. – URL: My book.ru>aut hor/niko lay-speshneev, kitajcy…read (дата обращения: 11.02.2020).

9. *Федотова, О.В.* Институт традиционного прикладного искусства: образовательная среда и система непрерывного художественного образования / О.В. Федотова // Традиционное прикладное искусство и образование : материалы XIV междунар. науч.-практ. конф. – Москва : ИПТИ, 2008.

10. *Холина, О.Н.* Комплексное развитие образного восприятия в мотивации к творческой деятельности при подготовке художников к декоративно-прикладному искусству / О.Н. Холина // Традиционное прикладное искусство и образование : материалы XIV междунар. науч.-практ. конф. – Москва : ИПТИ, 2008.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ПОРЯДОК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ В НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ» И ТРЕБОВАНИЯ К НИМ

1. В журнале печатаются рукописи, как правило, не публиковавшиеся ранее.

2. Все поступившие в редакцию статьи проходят рецензирование.

3. Рассмотрение работ аспирантов и соискателей кандидатской степени осуществляется только при наличии отзыва научного руководителя и рекомендации кафедры по месту их обучения.

4. Для аспирантов и соискателей публикация статей бесплатно

5. Статьи должны быть в объёме от 0,5 до 1 п. л. (20 000 – 40 000 знаков). В них может быть, как правило, размещено не более трех иллюстраций, графиков или схем.

6. Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегию.

6.1. Направляемые в редакционную коллегию материалы должны быть представлены в электронном и распечатанном видах. На распечатке должны быть указаны имена файлов. Текстовый редактор – Word. Материалы должны быть подписаны автором на титульном листе около фамилии.

6.2. Титульный лист статьи содержит комплекс элементов, расположенных на странице в следующем порядке. В верхней части страницы располагается заглавие статьи, которое печатается прописными буквами жирным шрифтом. Фамилии авторов следуют после заголовка и печатаются строчными буквами, иные сведения при этом не указываются.

6.3. Ссылки на источники даются в виде алфавитного списка литературы с нумерацией после текста. Сначала идут источники на русском языке, затем на иностранных. В самом тексте (после цитирования) информация об источнике печатается в квадратных скобках с указанием номера по списку. Библиографическое описание источника в списке литературы (фамилии и инициалы авторов печатаются курсивом) составляется в соответствии с действующими нормами ГОСТ 7.1–2003. Шрифт и межстрочный интервал те же, что и в статье.

6.4. Поля страницы: верхнее – 2 см; нижнее – 2 см; левое – 3 см; правое – 1 см; размер бумаги – А4 (210×297 мм); шрифт – «Times New Roman» № 14; межстрочный интервал – 1,5.

6.5. Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

7. Материалы, не имеющие научного аппарата или неправильно оформленные, не соответствующие указанным выше правилам, не рассматриваются. Рукописи не возвращаются.

8. К рукописи должны прилагаться следующие сведения об авторе: Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы, должность, рабочий адрес, домашний адрес, рабочий телефон, домашний телефон, факс, e-mail.

9. К статье прилагается краткая аннотация, ключевые слова (не более 15), а также профессиональный перевод на английский язык аннотации, ключевых слов и названия статьи.

10. Материалы следует направлять по юридическому адресу журнала: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС), к. 262. Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». Электронная почта: journal@festu.khv.ru. Материалы, присланные ценными письмами и бандеролями, не принимаются.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

Наш журнал распространяется по подписке и поступает в розничную продажу.

Стоимость одного номера – 450 руб. (с учетом НДС). Подписка оформляется банковским или почтовым переводом (образец купона прилагается). Журнал будет выслан по адресу подписчика почтой. Почтовые расходы включены в стоимость подписки. Подписку на журнал также можно оформить по каталогу «Газеты. Журналы» ОАО Агентства «Роспечать». Подписной индекс – 84277.

Просим высылать копии платежного документа и адрес для рассылки по адресу: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС). Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке».

Извещение **Кассир**	Дальневосточный государственный университет путей сообщения УФК по Хабаровскому краю (наименование получателя платежа) 2724018158 № 40503810500001000191 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) **БИК** 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) № 272401001 (номер КПП) Подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2020 год (наименование платежа) Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.
Квитанция **Кассир**	Дальневосточный государственный университет путей сообщения УФК по Хабаровскому краю (наименование получателя платежа) 2724018158 № 40503810500001000191 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) **БИК** 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) № 272401001 (номер КПП) Подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2020 год (наименование платежа) Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.

AUTHORS GUIDELINES

1.The journal publishes materials which have not been published before.

2. The articles submitted to the editorial board undergo a reviewing procedure.

3. Manuscripts of articles and other materials are to be recommended by the faculties of higher schools, laboratories and other structural divisions of scientific research institutions, research-methodological or academic conferences and seminars. Works by post-graduate students are accepted for publishing with references from their academic adviser.

4. The volume of the article should not exceed 1 publication base (40 000 printable characters). No more than three illustrations, diagrams or schemes can be placed within the article.

5. The following are the requirements for manuscripts submitted to the editorial board.

5.1. The materials submitted to the editorial board must be presented in electronic and in print format (diskettes 3.5» and two copies of the original text (files)). If there are two or more diskettes, their numbers and files should be labeled on the diskettes. The names of files must be specified in the printed copy. The text-based editor is Word. The materials should be signed by the author on the title page near the name of the author.

5.2. The title page of the article must contain the complex of the elements located on the page in the following order. At the top of the page the title of the article is printed in capital letters bold font. Surnames of the authors follow the heading and are printed by lower case letters. No other data is to be specified.

5.3. References should follow the body of the text in alphabetical order, first the sources in Russian language, then the sources in foreign languages. References to the cited sources, and notes should be incorporated in the text of the article, after the quotation in square brackets, with the number from the list of references. Bibliographical description of the source in the list of references is implemented in accordance with the rules of GOST 7.1-2003. Font and line spacing, is the same as in the article.

5.4. Margins: top – 2 cm; bottom – 2 cm; left – 3 cm; right – 1 cm; the size of a paper – A4 (210×297 mm); font «Times New Roman» № 14; line spacing – 1.5.

5.5. Notes and quotations incorporated in the body of the text should be numbered consecutively.

6. Materials without substantiated research support or not corresponding to the rules mentioned higher will not be considered. Manuscripts will not be returned.

7. The following data about the author should be attached to the manuscript: first name, middle name initial, last name, academic degree, academic title, place of employment, postal address, work address, home address, office phone number, home telephone number, fax, e-mail.

8. A short abstract of the article in Russian and English, the title of the article in English and the list of key words (no more than 15) are to be attached.

9. Please address the materials to the following address: 47, Seryshev Str., Khabarovsk, 680021, Far Eastern State Transportation University (FESTU) Editorial board of the journal «The Humanities and Social Studies in the Far East».

E-mail: journal@festu.khv.ru
<mailto:journal@festu.khv.ru>

Научное издание

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Научно-теоретический журнал
Том XVII
Выпуск 1, 2020

Под общей научной редакцией Ю.М. Сердюкова

Редактор *Т.М. Яковенко*
Технический редактор *И.А. Нильмаер*

План 2020 г. Поз. 12.5. Подписано в печать 18.03.2020 г. Дата выхода 26.03.2020 г.
Гарнитура «Times New Roman». Уч.-изд. л. 30,0. Усл. печ. л. 27,9. Зак. 27.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–50 экз.). Цена 450 р.

Отпечатано в издательстве ДВГУПС.
Адрес издательства и типографии: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47.